

Научно-теоретический журнал

**Вестник
Санкт-Петербургского
университета МВД России**

№ 1 (93) январь – март 2022 г.

Scientific-theoretical journal

**Vestnik
Sankt-Peterburgskogo universiteta
MVD Rossii**

№ 1 (93) January – March, 2022

Федеральное государственное казённое образовательное учреждение
высшего образования
«Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации»

Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России

№ 1 (93) январь – март 2022 г.

«Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» – рецензируемый научно-теоретический журнал, в котором публикуются оригинальные статьи по юридическим, педагогическим, психологическим проблемам.

Издаётся с марта 1999 года. Учредитель и издатель – Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. Выходит один раз в квартал. Языки журнала – русский и английский. Территория распространения: зарубежные страны, Российская Федерация.

Издание перерегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: ПИ № ФС77-80421 от 17 февраля 2021 г.

ISSN 2071-8284.

Решением ВАК Минобрнауки России от 8 июля 2019 года журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» включен в Перечень ВАК по следующим специальностям:

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право.

12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

12.00.09 – Уголовный процесс.

12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность.

12.00.14 – Административное право; административный процесс.

5.8.1 – Общая педагогика, история педагогики и образования.

5.8.7 – Методология и технология профессионального образования.

5.5.3 – Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика.

Журнал находится в открытом доступе и индексируется в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), включен в базу данных *Ulrich's Periodicals Directory*.

Распространяется на территории Российской Федерации по подписке. Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» – 36631.

Ответственность за содержание статей, изложенных в них фактов несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью либо частично материалов журнала «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» ссылка на журнал обязательна.

Редакторы – Г. Н. Голядкин, И. А. Шадрина, Л. М. Букина, Е.В. Пономарева.

Адрес редакции, издателя и типографии: Россия, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1. Тел. 8 (812) 730-26-96. E-mail: vestnik@univermvd.ru.

Подписано в печать 18.03.2022 г. Дата выхода в свет 22.03.2022 г. Формат 60 x 84/8 Печать офсетная. Объём 30,0 п.л. Тираж 200 экз. 1-й завод 100 экз. Заказ № 49 от 22.03.2022. Отпечатано в типографии Санкт-Петербургского университета МВД России. Тел. 8 (812) 744-00-97 Цена свободная.

Federal State Budget Institution for higher education
«Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation»

Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii

№ 1 (93) January – March, 2022

«Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii» is a peer-reviewed scientific-theoretical journal that publishes original articles on legal, pedagogical, and psychological problems.

Journal is published since March, 1999. Founder and publisher – Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Journal is published on quarterly basis in Russian and English. Distribution territory: foreign countries, Russian Federation.

The scientific-theoretical journal «Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii». The edition is reregistered in the Federal Service for Supervision of Communications, Informational Technologies and Media Control (PI No. FS77-80421 of 17 February 2021).

ISSN 2071-8284.

In accordance with the order of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of July 19, 2019, the scientific-theoretical journal «Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii» is included in the current list of leading peer-reviewed scientific journals and publications published in the Russian Federation, in which the main scientific results of dissertations for the academic degree of a doctor and candidate of science must be published, in the following groups Scientific specialties:

- 12.00.01 – Theory and history of law and state; history of studies on law and the state.
- 12.00.02 – Constitutional law; constitutional litigation; municipal law.
- 12.00.03 – Civil law; entrepreneurial law; family law; private international law.
- 12.00.08 – Criminal law and criminology; criminal executive law.
- 12.00.09 – Criminal procedure.
- 12.00.12 – Criminalistics; forensic and expert activity; law enforcement intelligence operations.
- 12.00.14 – Administrative law; administrative procedure.
- 5.8.1 – General pedagogy, history of pedagogy and education.
- 5.8.7 – Methodology and technology of professional education.
- 5.5.3 – Labor psychology, engineering psychology, cognitive ergonomics.

Journal is included in the system of the Russian Scientific Citation Index (RSCI) and in *Ulrich's Periodicals Directory*.

It is distributed on the territory of the Russian Federation (subscription index on the catalog of Agency «Pressa Rossii» – 36631).

The journal is peer-reviewed.

The authors of scientific articles bear responsibility for the content of the articles, the facts presented in them. The opinion of the editorial board may not coincide with the point of view of the authors of the publications. Reference to the scientific-theoretical journal «Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii» is obligatory when reprinting or reproducing in whole or in part its materials.

Editors: G. N. Golyadkin, I. A. Shadrina, L. M. Bukina, E. V. Ponomareva.

Address of editorial, publisher and printinghouse: 1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation. Tel. (812) 730-26-96. E-mail: vestnik@univermvd.ru.

Signed to print 18 March 2021. Date of publishing 22.03.2022. Format 60 x 84/8. Offset printing. Volume 30,0 p.p. Circulation 200 copies 1st issue 100 copies. Order № 49 (22.03.2022). Printed in the printing-office of Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Tel. 8 (812) 744-00-97. The price is free.

Главный редактор – Каверина Л. В., кандидат филологических наук
(Россия, Санкт-Петербург).

Редакционная коллегия

Травников А. В. – председатель редакционной коллегии (Россия, Санкт-Петербург)
Бавсун М. В. – заместитель председателя редакционной коллегии, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Астафичев П. А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Балахонский В. В., доктор философских наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Бекетов О. И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Омск)
Болдырев В. А., доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Бучакова М. А., доктор юридических наук, доцент (Россия, Омск)
Васильева И. В., доктор психологических наук, доцент (Россия, Тюмень)
Вахнина В. В., доктор психологических наук, доцент (Россия, Москва)
Гейжан Н. Ф., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Гельдибаев М. Х., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Гривенная Е. Н., доктор педагогических наук, доцент (Россия, Краснодар)
Дозорцева Е. Г., доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва)
Ерофеева М. А., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Москва)
Ескина Л. Б., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Илакавичус М. Р., доктор педагогических наук (Россия, Санкт-Петербург)
Каплунов А. И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Коваленко В. И., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Белгород)
Коларич Драгана, доктор юридических наук, профессор (Республика Сербия, Белград)
Кубышко В. Л., кандидат педагогических наук (Россия, Москва)
Латышов И. В., доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Мещерякова Е. И., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Воронеж)
Миялькович Саша, доктор безопасности, профессор (Республика Сербия, Белград)
Муттилайнен Веса Петтери, доктор общественных наук (Финляндская Республика, Тампере)
Нижник Н. С., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Никифоров Г. С., доктор психологических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Николаева Т. Г., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Никуленко А. В., доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Пастушеня А. Н., доктор психологических наук, профессор (Республика Беларусь, Минск)
Рузакова О. А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Сафонов А. А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Сердюк Н. В., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Москва)
Слепцов И. В., кандидат юридических наук (Казахстан, Костанай)
Стрельникова Ю. Ю., доктор психологических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Тюнин В. И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Ульянина О. А., доктор психологических наук, доцент (Россия, Москва)
Ухов В. Ю., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Химичева О. В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Цветков В. Л., доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва)
Цветков И. В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Честнов И. Л., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Чечётин А. Е., доктор юридических наук, профессор (Россия, Барнаул)
Шаранов Ю. А., доктор психологических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Шахматов А. В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Editor in Chief – Kaverina L. V., Candidate of Philological Sciences
(Russia, Saint Petersburg)

Editorial Board

Travnikov A. V., Chairman of an Editorial Board (Russia, Saint Petersburg)
Bavsun M. V., Vice-chairman of an Editorial Board, Doctor of Juridical Sciences, Professor
(Russia, Saint Petersburg)
Astafichev P. A., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Balakhonsky V. V., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Beketov O. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Omsk)
Boldyrev V. A., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)
Buchakova M. A., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Omsk)
Vasilieva I. V., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Tyumen)
Vakhnina V. V., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Moscow)
Geyzhan N. F., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Geldibaev M. Kh., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Grivennaya E.N., Doctor of Pedagogical Sciences, Docent (Russia, Krasnodar)
Dozorcheva E. G., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Moscow)
Erofeeva M. A., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
Eskina L. B., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Ilakavichus M. R., Doctor of Pedagogical Sciences (Russia, Saint Petersburg)
Kaplunov A. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Kovalenko V. I., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Belgorod)
Kolarich Dragana, LLD (Republic of Serbia, Belgrade)
Kubyshko V. L., Candidate of Pedagogical Sciences (Russia, Moscow)
Latyshov I. V., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)
Mescheryakova E. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Voronezh)
Mijalkovich Sasha, PhD, Professor (Republic of Serbia, Belgrade)
Mutttilainen Vesa Petteri, Doctor of Social Sciences (Finland, Tampere)
Nizhnik N. S., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Nikiforov G. S., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Nikolaeva T. G., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Nikulenko A. V., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)
Pastushenya A. N., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Republic of Belarus, Minsk)
Ruzakova O. A., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
Safonov A. A., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
Serdyuk N. V., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
Sleptsov I.V., Candidate of Juridical Sciences (Kazakhstan, Kostanay)
Strelnikova J. Y., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)
Tyunin V. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Ul'yanina O. A., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Moscow)
Ukhov V. Y., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Khimicheva O. V., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
Cvetkov V. L., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Moscow)
Tsvetkov I. V., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
Chestnov I. L., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Chechetin A. E., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Barnaul)
Sharanov Y. A., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Shakhmatov A. V., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Бавсун М. В., Салыкова А. К.</i> «Событие» как эффективное средство деконструкции правового регулирования общественных отношений	10
<i>Егоров Н. Ю.</i> Вопросы разграничения судебной и дисциплинарной ответственности государственных служащих в теоретическом наследии И. Т. Тарасова	17
<i>Козинникова Е. Н.</i> Свобода слова: пределы ограничения в условиях чрезвычайных правовых режимов	27
<i>Степанова Е. Е.</i> Законодательное регулирование статуса северо-западной территории Северной Америки в составе Российской империи	36
<i>Степанян А. И.</i> Транснациональная полицейская деятельность современных государств в условиях глобализации	41
<i>Тяпкин М. О.</i> «Наказ лесному объездчику и леснику при казённых лесах» 1869 г.: историко-правовой анализ	49

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

<i>Аврутин Р. Ю., Паук Н. Н.</i> Актуальные проблемы законодательного регулирования миграционных процессов на территории государств-участников СНГ. Об итогах проведённой 15 октября 2021 года Международной научно-практической конференции	56
<i>Мушаков В. Е.</i> Конституционные права человека в контексте проблемы преодоления цифрового разрыва	69
<i>Толстоба С. Н.</i> Административные наказания в юрисдикционной деятельности сотрудников дорожного надзора ГИБДД МВД России	74

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

<i>Яхонтов Р. Н.</i> Соотношение объекта права и объекта правоотношения в гражданском праве	82
---	----

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Ахмедов А. Г., Бозиев Т. О.</i> Организованная этническая преступность: оперативно-розыскная характеристика, тенденция, вопросы, требующие разрешения	89
<i>Дубов Е. И.</i> Сравнительное исследование противодействия преступлениям в сфере возврата просроченной задолженности на примере Российской Федерации и некоторых представителей романо-германской правовой семьи	98
<i>Иванцов С. В., Дроздов Д. Е.</i> Профессиональная виктимность должностных лиц правоохранительных органов в сфере исполнения обязанностей по противодействию преступности	106
<i>Колбасин В. В.</i> Использование криминологической типологии личности преступника-педофила в деятельности по предупреждению сексуального насилия в отношении малолетних и несовершеннолетних	111
<i>Паршин Н. М.</i> Половое и сексуальное образование как мера индивидуальной профилактики сексуальных преступлений среди несовершеннолетних	121
<i>Переверзева Е. С., Комов А. В.</i> Механизм слепообразования виртуальных следов	128
<i>Пудовочкин Ю. Е.</i> Статистические аспекты применения института освобождения от уголовного наказания	134

<i>Сагайдак А. Ю., Городинец Ф. М.</i> Состояние пенитенциарной системы России и её перспективы с учётом международно-правовых стандартов	145
<i>Смоляков А. Н.</i> Ответственность за хищение безналичных денежных средств и цифровой валюты в странах англосаксонской и континентальной системы права	151
<i>Стельмах В. Ю.</i> Признаки иммунитета от уголовного преследования и его виды	157
<i>Усманов И. М., Силаева Н. А.</i> Противодействие экстремизму в условиях информатизации общества	168
<i>Шестакова С. Д., Иманалиева У. Э.</i> Депонирование показаний потерпевшего и свидетеля в уголовном процессе Кыргызской Республики	176

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Васильева З. В.</i> Условия и оценка эффективности духовно-нравственного развития обучающихся образовательных организаций МВД России	183
---	-----

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Амельчаков И. Ф., Елизаренко Е. И., Клыкова Е. В.</i> Использование иммерсивных технологий в подготовке обучающихся (на примере БелЮИ МВД России имени И. Д. Путилина)	192
<i>Баландин А. А.</i> Совершенствование навыков применения боевых приёмов борьбы сотрудниками дежурных частей	198
<i>Ляпин А. И., Лысенко А. В.</i> Семантический анализ понятия «качество физической подготовки курсантов»	204
<i>Ходякова Н. В.</i> Проблемы эффективной подготовки научных и научно-педагогических кадров в образовательной организации высшего образования МВД России	210

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГОНОМИКА

<i>Гончарова Н. А., Иванова А. М.</i> Дифференциально-психологический анализ особенностей психологической устойчивости сотрудников органов внутренних дел	217
---	-----

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

<i>Злоказов К. В.</i> Влияние характеристик социального окружения на делинквентное поведение лиц, находящихся под административным надзором	225
<i>Мальцева Т. В.</i> Апробация семантического дифференциала «Оценка собственной жизненной энергии» для руководителей органов внутренних дел	234

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>Bavsun M. V., Salykova A. K.</i> «Event» as an effective means of deconstruction of the social relations legal regulation	10
<i>Egorov N. Yu.</i> Issues of differentiation of judicial and disciplinary responsibility of civil servants in the theoretical legacy of I. T. Tarasov	17
<i>Kozinnikova E. N.</i> Freedom of speech: limits of restriction under emergency legal regimes	27
<i>Stepanova E. E.</i> Legislative regulation of the status of the northwest territory of the North America within the Russian Empire	36
<i>Stepanyan A. I.</i> Transnational police activity of modern states in the context of globalization.....	41
<i>Tyapkin M. O.</i> «Order to the forest ranger and forester at the state forests», 1869: historical and legal analysis	49

PUBLIC LEGAL (STATE LEGAL) SCIENCES

<i>Avrutin R. Y., Pauk N. N.</i> Current issues of the legislative regulation of migration processes on the territory of the CIS member states. On the results of the Annual International Conference and Workshop held on 15 of October	56
<i>Mushakov V. E.</i> Constitutional human rights in the context of bridging the digital divide	69
<i>Tolstoba S. N.</i> Administrative penalties in the jurisdictional activities of traffic police officers of the General Administration for Traffic Safety of the Ministry of Internal Affairs of Russia	74

PRIVATE LEGAL (CIVILISTIC) SCIENCES

<i>Yakhontov R. N.</i> Relationship of the object of law and object of legal relationship in civil law	82
--	----

CRIMINAL SCIENCE

<i>Akhmedov A. G., Boziev T. O.</i> Organized ethnic crime: criminal intelligence analysis, trends, and challenges	89
<i>Dubov E. I.</i> A comparative study of countering crimes in the sphere of debt collection in the Russian Federation and Romano-Germanic legal family countries	98
<i>Ivantsov S. V., Drozdov D. E.</i> Professional victimization of law enforcement officials in the field of performance of duties to combat crime	106
<i>Kolbasin V. V.</i> The use of criminological classification of the pedophiles to prevent sex crimes against minors	111
<i>Parshin N. M.</i> Sexual education as a measure of individual prevention of sexual offenses among minors	121
<i>Pereverzeva E. S., Komov A. V.</i> The mechanism for digital footprints formation	128
<i>Pudovochkin Y. E.</i> Statistical considerations for the exemption from criminal punishment as an institution	134
<i>Sagaidak A. Yu., Gorodinec F. M.</i> State of the penitentiary system in Russia and its prospects in the light of global practices	145

<i>Smolyakov A. N.</i> Responsibility for theft of non-cash funds and digital currency in the countries of the Anglo-Saxon and continental systems of law	151
<i>Stelmakh V. Y.</i> Signs of immunity from prosecution and its types	157
<i>Usmanov I. M., Silaeva N. A.</i> Countering extremism in the context of social digitalization	168
<i>Shestakova S. D., Imanalieva U. E.</i> Deposition of victim and witness testimony as a new institution in the criminal procedure of the Kyrgyz Republic	176

GENERAL PEDAGOGY, HISTORY OF PEDAGOGY AND EDUCATION

<i>Vasileva Z. V.</i> Conditions and evaluation of the effectiveness of spiritual and moral development of students of educational organizations of the MIA of Russia	183
---	-----

METHODOLOGY AND TECHNOLOGY OF PROFESSIONAL EDUCATION

<i>Amelchakov I. F., Elizarenko E.I., Klykova E. V.</i> Immersive technologies in professional training: practices of the I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia	192
<i>Balandin A. A.</i> Effect of situational training method on the improvement of police station duty officers use of combat skills	198
<i>Lyapin A. I., Lysenko A. V.</i> Semantic analysis of the concept of «quality of physical training of cadets»	204
<i>Khodyakova N. V.</i> Efficient personnel training among researchers and teaching staff at the higher educational institutions of the Russian Ministry of Internal Affairs	210

LABOR PSYCHOLOGY, ENGINEERING PSYCHOLOGY, COGNITIVE ERGONOMICS

<i>Goncharova N. A., Ivanova A. M.</i> Differential psychological analysis of the features of psychological stability of the law enforcement officials	217
--	-----

LEGAL PSYCHOLOGY AND SECURITY PSYCHOLOGY

<i>Zlokazov K. V.</i> Influence of social network characteristics on delinquent behavior of probationers	225
<i>Maltseva T. V.</i> Approbation of the semantic differential «Assessment of one's own vital energy» for the heads of internal affairs agencies	224

Теоретико-исторические правовые науки

Научная статья

УДК 34.03

doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-10-16

Максим Викторович Бавсун

доктор юридических наук, профессор

<https://orcid.org/0000-0002-1407-2609>, kafedramvd@mail.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России,

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1

Алия Кайратовна Салыкова

кандидат юридических наук

<https://orcid.org/0000-0002-1026-3782>

Центрально-Казахстанская академия

Республика Казахстан, 100008, Караганда, ул. Пичугина, д. 259

«Событие» как эффективное средство деконструкции правового регулирования общественных отношений

Аннотация: Правовое регулирование общественных отношений последних двух-трёх десятилетий отличается крайней нестабильностью. Во многом такое положение дел провоцируется ускорением времени и пространства, концентрированность событиями в которых становится всё более и более насыщенной. Интенсивность, количество, последовательность, содержание, целевая направленность и многие другие параметры этих событий зачастую носят вполне закономерный и осознанный характер, позволяя менять существующую реальность в строго заданном направлении. Интерес вызывает тот факт, что исторически процесс взламывания уже сформировавшихся и успешно функционирующих сфер правового регулирования подтверждается многочисленными примерами. В свою очередь, в прошлом столетии данное явление в рамках философского знания получило соответствующее обоснование. Идея деконструкции как переворачивания и реконструкции в сфере грамматики и письменности нашла своё распространение в началах постмодернизма и мультикультурализма, направленных на трансформацию современной действительности через отход от прежних ценностей. Однако факт деконструкции, а точнее, только её первого этапа – перево-

рачивания, еще не указывает на завершённость задуманного. Второй этап – реконструкция – равнозначен, вопрос лишь в определении момента его начала, интенсивности реализации и перспектив завершения. Анализ событий (в том числе и искусственного происхождения) последних нескольких лет с позиции начала деконструкции позволяет формулировать и некоторые идеи относительно будущей модели общественного устройства.

Ключевые слова: деконструкция, правовое регулирование, событие, переворачивание, реконструкция

Для цитирования: Бавсун М. В., Салыкова А. К. «Событие» как эффективное средство деконструкции правового регулирования общественных отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 1 (93). – С. 10–16; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-10-16.

Maksim V. Bavsun

Dr. Sci. (Jurid.), Professor

<https://orcid.org/0000-0002-1407-2609>, kafedramvd@mail.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Aliya K. Salykova

Cand. Sci. (Jurid.)

<https://orcid.org/0000-0002-1026-3782>

Central Kazakhstan Academy

259, str. Pichugina, Karaganda, 100008, Republic of Kazakhstan

«Event» as an effective means of deconstruction of the social relations legal regulation

Abstract: The legal regulation of social relations in the several past decades can be characterized by extreme instability. In many ways, this state of affairs is provoked by the acceleration of time and space, the increasingly intense concentration of events. The intensity, quantity, progression, content, goals, and many other parameters of these events often show quite consistent and deliberate nature, therefore they become instrumental in changing the existing reality in a strictly specified manner. What sparks interest is the fact that historically the process of deconstruction of the previously formed and successfully functioning fields of legal regulation is confirmed by numerous examples. In the past century, this phenomenon has received an appropriate explanation within the framework of philosophical knowledge. The idea of deconstruction as a reversal and reconstruction in the field of grammar and writing systems became popular at the outset of postmodernism and multiculturalism aimed at the transformation of modern reality through the rejection of former values. However, the fact of deconstruction, or rather, only its first stage - reversal - does not yet indicates the completion of the intended. The second stage - reconstruction - is equivalently important. The only question is to determine the moment of its beginning, the intensity of implementation, and the prospects for completion. An analysis of the events (including those of artificial origin) of the last few years from the standpoint of the beginning of deconstruction allows us to formulate some ideas regarding the future model of social organization.

Keywords: deconstruction, legal regulation, event, reversal, reconstruction

For citation: Bavsun M. V., Salykova A. K. «Event» as an effective means of deconstruction of the social relations legal regulation // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 1 (93). – P. 10–16; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-10-16.

Изменение той или иной сферы общественных отношений при отсутствии каких-либо фактических событий, трансформирующих её реальное содержание, всегда требует соответствующего объяснения. Причина важна в первую очередь с позиции общественного сознания, способного как принять, так и отвергнуть новое правило. При этом положительная оценка действий регулятора должна носить максимально естественный характер, в идеале, во-первых, воспринимаясь как должное, а во-вторых, вызывая желание даже через призму объективно обусловленной необходимости следовать новым правилам поведения. В таком случае нововведение не будет вызывать неприятия даже у самых ярких поборников конституционных начал в части установления основных прав и свобод человека. Так, военный режим не ставит каких-либо вопросов, а на поверку и откровенно желателен в период и на территории протекания как локального, так и тем более регионального (не говоря о мировом) конфликта между различными странами или народностями (по национально-этническому признаку). Точно так же и любая пандемия или эпидемия, в зависимости от степени угрозы, которую она несёт в себе для жизни человечества, способна снять возможные проблемы, связанные с самим фактом трансформации регулирующих процессов определённых групп общественных отношений. Впрочем, таковым может выступать и любое другое событие, отвечающее требованиям экстремальности, неизученности, потенциальной опасности, неустранимости доступными способами, а соответственно, и незащищённости общества от его последствий¹.

¹ Так, поводом для введения против Российской Федерации санкций стал сбитый малайзийский «Боинг-МН17» в 2014 г. При этом информационно событие в глазах мировой общественности, помимо того, что оно само по себе выходит далеко за пределы нормы, было представлено именно как потенциально опасное, соответственно, требующее немедленного вмешательства якобы для лишения России подобной возможности в дальнейшем. Таким образом, искусственно созданное событие в совокупности с требуемым информационным фоном выступило в качестве обязательного и требуемого в таких случаях условия для изменения целого геополитического направления, сопровождающегося и трансформацией сфер международного правового регулирования. На момент подготовки статьи (как, впрочем, это происходит начиная с 2014 г.) наблюдается острая фаза формирования другого события – нападения России на Украину, чему предшествуют многочисленные провокации наряду с серьёзным дезинформационным фоном в масс-медиа. В свою очередь, событие подобного масштаба совершенно сознательно направлено на создание новой реальности в правовом регулировании на международном уровне, когда деконструкция прежнего мира не может обойтись без возникновения (искусственного) обстоятельств революционного характера.

Вне зависимости от содержания произошедшего, но при соблюдении перечисленных требований уже сформировавшийся порядок переживает деконструкцию, целью которой является не упорядочивание процесса регулирования общественных отношений в определённый временной промежуток, а их принципиальное изменение в дальнейшем. Такова суть самой деконструкции, которая представляет собой не что иное, как обязательное условие исторического прогресса, которое лежит в области политического. Согласно сформулированной Ж. Деррида позиции, деконструкция открывает то, что невозможно сегодня, но абсолютно необходимо завтра. Через деконструкцию происходит разрушение ранее установившихся структур. «Два шага деконструкции – переворачивание и реконструкция – производятся одновременно, сохраняя в то же время различия между собой» [1]. Деконструкция всегда на грани с революцией, и именно она явилась центральным понятием, признаком и смыслом для постструктурализма, но также и основанием для постмодернизма. В свою очередь, последний известен своей категоричностью, совершенно необходимой для его сути – отрицания ранее достигнутых идеалов, категорий и понятий. В этом отношении деконструкция – идеальное средство, позволяющее осуществлять взлом уже существующего порядка (переворачивание) и создание нового (реконструкция), делая это одновременно. «Если вы что-то хотите восстановить, нередко приходится разрушить вновь возникшие структуры»². Сама «...деконструкция – это событие, которое вызывается определённым положением дел, хотя этим положением дел и не объясняется. Ж. Деррида обозначает этот эффект потерей первоначала, будь то некий исходный миф, предание или божественное провидение» [2]. Вопрос в том, каким содержанием деконструкция наполняется, какие при этом ставятся цели и выбираются средства, насколько эти средства соответствуют нормам морали, этики, добра, справедливости и равенства.

Дело в том, что мировая история знает массу случаев, когда так называемая стрессовая (и, казалось бы, безвыходная) ситуация создавалась абсолютно осознанно. Более того, без неё в каждом конкретном случае было совершенно невозможно сменить прежний вектор развития,

² Афоризмы и цитаты Жака Деррида [Электронный ресурс] // Сайт «Цитаты и афоризмы». – URL: <https://citaty.su/aforizmy-i-citaty-zhaka-derrida> (дата обращения: 20.11.2021).

изменив при этом доминировавший порядок, и начать новый (как правило, принципиально) отрезок, с идейно иными взглядами и представлениями. Эволюционным путём в рамках одного жизненного цикла этого просто не добиться. В итоге один акт надругательства над ранее самим же государством установленными и тщательно оберегаемыми правилами мог сделать многократно больше, чем любые реформы. Такой акт менял психологию общества, позволяя в дальнейшем те или иные начинания сделать основным направлением развития всего государства, определяя происходящие в нём процессы на десятилетия, если не на столетия. Для этого достаточно вспомнить казнь Людовика XVI – личности, олицетворявшей эпоху, убийство царской семьи Романовых, казнь Н. Чаушеску (вместе с супругой) в день вынесения обвинительного приговора, ликвидацию СССР и многое другое [3, с. 66–74]. Это и масса других событий, как получивших широкое освещение и оценку в истории, имеющих при этом действительно масштабный характер для сферы правового регулирования на геополитическом уровне, так и уже давно и беззаветно канувших в Лету действий, имевших местный характер, но оттого ничуть не менее значимых для данного региона³.

Всегда наступает такой момент, когда постепенная трансформация права уже перестает устраивать. Требуется ускорение процесса, нужен мгновенный акт, который позволил бы на десятилетия определить новые правила. То есть нужна именно деконструкция, предполагающая одновременное переворачивание и реконструкцию. К сожалению, приходится констатировать, что право в таких случаях традиционно оказывалось на обочине происходящих процес-

³ Так, нападение на Перл-Харбор изменило всю дальнейшую деятельность США во Второй мировой войне; убийство Д. Ф. Кеннеди в 1963 г. оказало влияние не столько на США как на государство, сколько на его внешнюю политику. Или, например, Младотурецкая революция 1908 г.; Мексиканская революция 1910 г., оказавшие, помимо прочего, также важное влияние на трансформацию всей системы правового регулирования отмеченных местностей, известны сейчас только узким специалистам в данной сфере и, безусловно, жителям данных регионов (и то не всегда). Судя по всему, такого же порядка событие в начале 2022 г. произошло и в Республике Казахстан, особенно в её южной части. Его целевое предназначение пока четко определить невозможно, а может быть и такое, что достоверной информации о нем так и не будет получено. Впрочем, и оставить сколь-нибудь значимый отпечаток в мировой истории оно не способно. Однако все эти действия наделены статусом «события» и повлекли за собой резкую смену (начиная с идеологической составляющей) правового регулирования общественных отношений.

сов, в последующем лишь нормативно закрепляя уже свершившийся факт, который произошёл только потому, что так было надо политически, факт, часто не имеющий под собой не только правовой основы, но даже попыток её сформировать в качестве обоснования будущих решений. Собственно, правовое регулирование для того и создано, чтобы ситуаций подобного рода не происходило. Это сдерживающий (ограничивающий) регулятор, устанавливающий средние значения и не допускающий крайностей⁴. Соответственно, оно же и выступает в качестве камня преткновения, когда потребность в смене вектора возникает здесь и сейчас. Тогда и требуется что-то, выходящее за пределы регулирования, позволяющее принять экстренные меры, которые при этом будут выглядеть в глазах общества не просто адекватными, а более того, абсолютно необходимыми, а промедление в итоговом решении – недопустимым и даже преступным. Чем выше будет именно такая оценка, чем более подобранное и внедренное событие соответствует сформировавшимся внешним условиям, тем проще будет происходить процесс деконструкции.

При этом признаки самого события также имеют значение. Его неожиданность как по времени возникновения (когда ничто не предвещает появления чего-то нового в общественных отношениях), так и по сути – экстремальность и нетрадиционность, не оставляющие шансов на уровне среднего человека даже в полной мере оценить то, что происходит, позволяют установить пределы, в рамках которых будет происходить трансформация правового регулирования. «Событие» как причина дает возможность осуществить переворачивание, а вновь созданные правила (или серьезная корректировка прежних) направлены на реконструкцию возникшего вакуума, также недопустимого в новых условиях. Наоборот, новая реальность должна наполняться новыми правилами как можно быстрее. В итоге – деконструкция, имеющая своей целью не просто сломать что-либо, а всегда направленная на создание нового порядка, не менее иерархичного, но – нового и другого, способна возыметь максимальный эффект. Оба элемента принципиально важны, оба не существуют друг без друга так же, как они не способны деконстру-

⁴ Хотя и они в случае возникновения чрезвычайного положения и чрезвычайной ситуации находят свое отражение в сфере правового регулирования. Речь идёт о случаях, стоящих над ними, над крайностями, появление которых в истории человечества также происходит с завидной регулярностью.

ировать прежний уклад при их несоответствии критериям неожиданности и экстремальности, когда общественная психология оказывается просто не готовой отказаться от того, что было, и двигаться дальше (плохо или хорошо то, что будет дальше, сейчас не обсуждается, речь идет о формировании концепции движения, а не её оценке со стороны кого бы то ни было). Важен сам факт определения того, что механизм деконструкции именно таков, одновременно и прост, и сложен. При этом простота – в незатейливости самой схемы, а сложность не столько в реализации, которая не всегда может носить идеальный характер, сталкиваясь с многочисленными препятствиями на своем пути, сколько в том, что остается после нее в сфере правового регулирования. Во многом это обусловлено невозможностью одномоментной трансформации общественного сознания априори. Это невозможно даже на уровне замены нормативной базы, которая не может произойти вся посредством совершения одного действия. В результате как проблема глобального уровня – амбивалентность права и амбивалентность сознания человека (всего общества), возникающие в периоды перехода. Всегда, особенно на уровне правосознания, традиций, обычаев и просто привычек, при любой, даже резкой смене направления, будет сохраняться двойственность восприятия. Отсюда роль самого события, а также способов его трансляции в массы, с одновременным предложением новых правил, что нельзя недооценивать. Между тем чем больше амбивалентность, тем сложнее будет сам переход, всегда сохраняя за собой возможность расслоения общества по идейному признаку. «Событие», скорее, носит революционный характер, оказываясь максимально эффективным в ходе реализации процессов эволюционного характера⁵. Оно позволяет совершить скачок, в целом оставаясь лишь одним (хотя и крайне важным) из некоторых

элементов последовательной деятельности человека более глобального характера.

В то же время «событие», помимо сомнительности с позиции идей конституционализма, содержания и выбираемых при этом средств, способно повлечь за собой последствия более сложного свойства, чем амбивалентность. Возникает проблема неопределённости, характеризующаяся значительным разнообразием в правовом регулировании, когда классификация подходов к таковому становится практически невозможной. Классический пример неопределённости именно в регулировании общественных отношений, которая типична для всего современного мирового сообщества, – это так называемый пандемийный синдром 2020–2021 гг. Написано и сказано о нём уже достаточно много, включая и юридическую литературу [4, р. 02002; 5, с. 203–214; 10, с. 139–142; и др.]. При этом в качестве ключевой проблемы выделяется дробление всей системы регулирования общественных отношений на многочисленные (бесконечные) уровни в зависимости от статуса должностных лиц и издаваемых ими документов (именно документов, а не нормативных правовых актов). Происходит серьёзная передача полномочий и ответственности за происходящие процессы в регионы и ещё ниже – руководителям организаций и предприятий. Отсюда появление в числе регуляторов совершенно неожиданных субъектов правоотношений и не менее неожиданных документов (писем, распоряжений, приказов и даже рекомендаций) там, где их не должно быть априори. Об амбивалентности в такой ситуации можно вести речь лишь в глобальном масштабе и применительно к общественному сознанию, поделив всех – кто за и кто против. Если говорить о нормативном регулировании, то неопределённость оказалась во главе всего, выступая в качестве одного из главных последствий события, в данном случае пандемии. Вопрос лишь в том, насколько выход из такого состояния возможен и в какие сроки он может быть осуществлён? Централизация власти в части правового регулирования общественных отношений должна носить неизбежный характер, и только она способна нивелировать последствия как амбивалентности, так и неопределённости, безусловно, сохранив при этом результаты как деконструкции, так и, особенно, – реконструкции.

По-другому не может быть. Длительность местного надрегулирувания, как бы мы его ни называли – чрезвычайным, экстремальным, особым, исключительным или каким-либо

⁵ Как пример, переход в общество постмодерна, который в виде идеи существует значительно дольше, чем мы способны увидеть первые изменения в общественном устройстве (см. об этом более подробно [9, с. 23–24]). Однако, несмотря на эволюционный характер данного процесса, он также требует неких скачков, потребность в которых с каждой новой стадией лишь возрастает. Отсюда и интенсивность тех событий в последнее время, которые постоянно обязывают нас не к их устранению, а к подстраиванию нас под их последствия. В свою очередь, одним из основных инструментов в данном случае выступает именно трансформация уже существующих правил общежития, а в конечном итоге уже сейчас происходит изменение самой сущности регулятивной функции.

иным термином – очень быстро способна привести к региональному (или ещё более дробному) управлению обществом. При этом о государстве в некоторый момент можно будет забыть в силу потери централизованных рычагов воздействия. И здесь невозможно не обратиться к апологетам постмодернизма, определяющим лишь номинальность государства (в его традиционном представлении, которое еще пока существует и в целом доминирует), подавление его функций финансовыми корпорациями, с практически полной и сознательной деградацией всей правоохранительной системы, а также иных институтов власти [6].

Однако и эти процессы также требуют регулирования, как и все остальные. Факт деконструкции, а точнее, только её первого этапа – переворачивания, еще не указывает на завершенность задуманного. Второй этап – реконструкция – равнозначен, вопрос лишь в определении момента его начала, интенсивности реализации и перспектив завершения. Отсюда и неурегулированность может быть лишь кажущейся несведущему обывателю, который ко всему прочему не может быть избавлен от сравнения с тем, что было до события, к чему уже привыкли (а в силу привычки это всегда априори – лучше) и где был видимый порядок. На самом деле хаос или неупорядоченность могут лишь казаться таковыми, выступая при этом предпосылками (переходом) к чему-то другому, на данном этапе вполне соответствуя требованиям нового порядка. Накладывающиеся на это особенности субъективного восприятия отдельных субъектов правоотношений, как и в целом коллективного сознания (а по сути, бессознательного), значения не имеют. Творящиеся там амбивалентность и даже полная неопределённость оценок есть побочные аспекты общего процесса, а быть может, и необходимое условие такового, когда пройти точку Канетти можно только при таком состоянии коллективного разума. Затем, каждый раз после события,

всех приводят к одному знаменателю, представляющему о том, как должно быть. Характерно, что некая часть общества никогда этого нового не примет, будучи способной оценить и само событие, и его причину, и цель реализации⁶. Но для общего результата это не имеет значения. Важен усреднённый показатель, все остальное – крайности, которые либо во внимание не берутся, либо трансформируются со временем, а также под принудительным воздействием со стороны всегда существующей системы подавления. История не молчит по данному поводу, предоставляя нам массу примеров подобного рода. События разные, механизм их всегда почти одинаков, отличается лишь деталями, а с развитием технологий начинает становиться все больше идентичным и в алгоритмах реализации. Итогом деконструкции всегда является некий скачок, резкое продвижение в развитии, которое может по-разному оцениваться, но при этом не переставая таковым оставаться. Другими словами, «деконструкция делает своё дело, хотите вы этого или нет...» [8, с. 68], все зависит от её идеологов, наполняющих данный процесс соответствующим содержанием, опять же зависимым от поставленных перед государством целей и решаемых задач.

⁶ Олдос Хаксли к такой части общества причисляет интеллектуалов. Он отмечает: «...интеллектуалы – это сорт людей, постоянно требующих доказательств и приходящих в ужас от логических нестыковок и ложных аргументов. Интеллектуалы считают чрезмерное упрощение первородным грехом, не ведутся на дешёвые лозунги, голословные утверждения и тотальные обобщения, то есть на все уловки, составляющие главный реквизит пропагандиста». И далее: «Интеллектуалы – это люди, с которыми невозможно творить историю; их невозможно использовать как элементы строительства общности» [7, с. 70-71]. Таким образом, сохранение некой прослойки общества, не принимающей новые правила игры, будет всегда. Сегодня, по О. Хаксли, это интеллигенция, завтра – кто-то другой. И здесь, во-первых, многое зависит от тотальности события (например, Октябрьская революция 1917 г.), во-вторых, от времени после него и, в-третьих, от терпимости обновлённой (принципиально иной) нормативной базы к иной позиции.

Список литературы

1. Санничева Е. В. Ж. Деррида: концепция деконструкции и интердисциплинарная природа постструктуралистской мысли // Художественная культура. – 2017. – № 1 [Электронный ресурс] // Сайт «Art & Culture Studies». – Режим доступа: <http://artculturestudies.sias.ru/2017-1-19/teoriya-hudozhestvennoy-kultury/5211.html> (дата обращения: 15.11.2021)
2. Шпарага О. О даре Жака Деррида [Электронный ресурс] // Сайт «Наше мнение». – 2004. – 6 окт. – URL: <https://nmbny.eu/news/analytics/2117.html> (дата обращения: 11.12.2021).
3. Бавсун М. В., Попов Д. В. Метамоdern в праве: осцилляция в точке Канетти. Статья III. Амбивалентность права в контексте биополитической стратегии государства // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2021. – № 1. – С. 66–74.

4. *Bavsun M. V., Vishnevetskii K. V., Ignatov A. N., Kashkarov A. A., Amarsanaa Vandan-Ish.* Problems of qualification of crimes prescribed in articles 2071, 2072 of the criminal code of the Russian Federation // SHS WEB of Conferences IX Bal-tic Legal Forum "Law and Order in the Third Millennium". – Kaliningrad, 2021. – P. 02002.
5. *Попов Д. В.* Биополитический поворот в праве: от юридико-конституциональной модели к биоправу // Российский девиантологический журнал. – 2021. – № 2. – С. 203–214.
6. *Бауман З.* Глобализация: последствия для человека и общества. – Москва: Весь мир, 2004. – 188 с.
7. *Хаксли О.* Возвращение в дивный новый мир. – Москва: АСТ, 2021. – 192 с.
8. *Штегмайер В.* Жак Деррида: деконструкция европейского мышления. Баланс / Герменевтика и деконструкция / пер. Т. Б. Маркова; под ред. В. Штегмайера, Х. Франка, Б. В. Маркова. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 1999. – 256 с.
9. *Сол Дж. Р.* Ублюдки Вольтера, или Диктатура разума на Западе. – Москва: АСТ; Астрель, 2006. – 895 с.
10. *Сыропятова С. Б., Алланина Л. М.* Правовое регулирование нацио-нальной жизнедеятельности и безопасности в условиях пандемии // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. – 2020. – № 2. – С. 139–142.

References

1. *Sanicheva Ye. V. Zh.* Derrida: kontseptsiya dekonstruktsii i interdistsiplinarnaya priroda poststrukturalistskoy mysli // Khudozhestvennaya kul'tura. – 2017. – № 1 [Elektronnyy resurs] // Sayt «Art & Culture Studies». – Rezhim dostupa: <http://artculturestudies.sias.ru/2017-1-19/teoriya-hudozhestvennoy-kultury/5211.html> (data obrashcheniya: 15.11.2021).
2. *Shparaga O.* O dare Zhaka Derrida [Elektronnyy resurs] // Sayt «Nashe mneniye». – 2004. – 6 okt. – URL: <https://nmnby.eu/news/analytics/2117.html> (data obrashcheniya: 11.12.2021).
3. *Bavsun M. V., Popov D. V.* Metamodern v prave: ostsillyatsiya v tochke Kanetti. Stat'ya III. Ambivalentnost' prava v kontekste biopoliticheskoy strategii gosudarstva // Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii. – 2021. – № 1. – S. 66–74.
4. *Bavsun M. V., Vishnevetskii K. V., Ignatov A. N., Kashkarov A. A., Amarsanaa Vandan-Ish.* Problems of qualification of crimes prescribed in articles 2071, 2072 of the criminal code of the Russian Federation // SHS WEB of Conferences IX Baltic Legal Forum "Law and Order in the Third Millennium". – Kaliningrad, 2021. – P. 02002.
5. *Popov D. V.* Biopoliticheskiy povorot v prave: ot yuridiko-konstitutsional'noy modeli k biopravu // Rossiyskiy deviantologicheskiy zhurnal. – 2021. – № 2. – S. 203–214.
6. *Bauman Z.* Globalizatsiya: posledstviya dlya cheloveka i obshchestva. Moskva: Ves' mir, 2004. – 188 s.
7. *Khakslis O.* Vozvrashcheniye v divnyy novyy mir. – Moskva: AST, 2021. – 192 s.
8. *Shtegmayyer V.* Zhak Derrida: dekonstruktsiya yevropeyskogo myshleniya. Balans / Germenevtika i dekonstruktsiya / per. T. B. Markova; pod red. V. Shtegmayyera, KH. Franka, B. V. Markova. – Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 1999. – 256 s.
9. *Sol Dzh. R.* Ublyudki Vol'tera, ili Diktatura razuma na Zapade. – Moskva: AST; Astrel', 2006. – 895 s.
10. *Syropyatova S. B., Allanina L. M.* Pravovoye regulirovaniye natsional'noy zhiznedeyatel'nosti i bezopasnosti v usloviyakh pandemii // Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V. N. Tatishcheva. – 2020. – № 2. – S. 139–142.

Статья поступила в редакцию 30.12.2021; одобрена после рецензирования 01.02.2022; принята к публикации 02.02.2022.

The article was submitted December 30, 2021; approved after reviewing February 01, 2022; accepted for publication February 02, 2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Научная статья
УДК 340.12
doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-17-26

Никита Юрьевич Егоров

<https://orcid.org/0000-0002-7280-0918>, EgorSnap@gmail.com

*Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилутова, д. 1*

Вопросы разграничения судебной и дисциплинарной ответственности государственных служащих в теоретическом наследии И. Т. Тарасова

Аннотация: Актуальность реконструкции и интерпретации взглядов российского юриста Ивана Трофимовича Тарасова (1849–1929 гг.) обусловлена теоретической и практической значимостью вопросов, касающихся построения в современной России правового государства, в котором обеспечение законности деятельности органов государственной власти является краеугольным камнем. Механизмы обеспечения законности деятельности государственных служащих, которые были сформированы в процессе становления правового государства, не могут ответить на все поставленные вопросы, в связи с чем поиск путей их совершенствования представляет собой актуальную проблему теоретической и практической юриспруденции. Значительный вклад в решение проблем современности могут внести идеи, сформулированные российскими юристами в конце XIX – начале XX вв., но до настоящего времени не получившие должного осмысления. Одним из авторов таких идей о правовом регулировании общественных отношений являлся И. Т. Тарасов.

Статья посвящена проблеме разграничения судебной и дисциплинарной ответственности государственных служащих, которая в трудах И. Т. Тарасова занимала важное место прежде всего потому, что институт юридической ответственности государственных служащих является одним из основных гарантий обеспечения законности деятельности органов государственной власти.

Методами научного исследования явились общенаучные, а именно: исторический и системный, а также специальные: историко-правовой и сравнительно-правовой. Применялся метод реконструкции и интерпретации правовых идей. В результате проведённого исследования сделан вывод, что в условиях отсутствия единого подхода к пониманию природы и модели реализации института юридической ответственности государственных служащих в современной юридической науке большую актуальность приобретают работы И. Т. Тарасова, в которых осуществлен критический компаративистский анализ эффективности реализации мер юридической ответственности государственных служащих в конце XIX – начале XX вв., определены критерии разграничения судебной и дисциплинарной ответственности, выделены основные признаки дисциплинарного и судебного производства привлечения государственных служащих к ответственности.

В статье предпринимается попытка систематизировать взгляды И. Т. Тарасова на институты судебной и дисциплинарной ответственности государственных служащих.

Ключевые слова: И. Т. Тарасов, органы государственной власти, государственная служба, административное право, полицейское право, государственные служащие, обжалование действий, должностные лица, компетенция, дисциплинарная ответственность, судебная ответственность

Для цитирования: Егоров Н. Ю. Вопросы разграничения судебной и дисциплинарной ответственности государственных служащих в теоретическом наследии И. Т. Тарасова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 1 (93). – С. 17–26; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-17-26.

Nikita Yu. Egorov

<https://orcid.org/0000-0002-7280-0918>, EgorSnap@gmail.com

*Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation*

Issues of differentiation of judicial and disciplinary responsibility of civil servants in the theoretical legacy of I. T. Tarasov

Abstract: The relevance of the reconstruction and interpretation of the views of the Russian lawyer Ivan Trofimovich Tarasov (1849-1929) is due to the theoretical and practical significance of the questions concerning the search for answers to acute questions of building a rule of law in modern Russia, in which ensuring the legality of the activities of state authorities is the cornerstone. Mechanisms for ensuring the legality of the activities of civil servants, which were formed in the process of the formation of the rule of law, cannot answer all the questions raised, and therefore, the search for ways to improve them is an urgent problem of theoretical and practical jurisprudence. Ideas that were formulated by Russian lawyers at the end of the XIX – beginning of the XX century, but have not yet received proper understanding, can make a significant contribution to solving the problems of our time. One of the authors of such ideas about the legal regulation of public relations was I. T. Tarasov. The article is devoted to the problem of differentiation of judicial and disciplinary responsibility of civil servants, which occupied an important place in the works of I. T. Tarasov, primarily because the institution of legal responsibility of civil servants is one of the main guarantees of ensuring the legality of the activities of public authorities. The main methods of scientific research were general scientific, namely: historical and systemic, as well as special: historical-legal and comparative-legal. The method of reconstruction and interpretation of legal ideas was used. As a result of the conducted research, it is concluded that in the absence of a unified approach to understanding the nature and model of the implementation of the institute of legal responsibility of civil servants in modern legal science, the works of the works of I. T. Tarasov are becoming increasingly relevant, namely the works in which a critical comparative analysis of the effectiveness of the implementation of measures of legal responsibility of civil servants in the late XIX – early XX century was carried out, the criteria for distinguishing judicial and disciplinary responsibility were defined, the main signs of disciplinary and judicial proceedings for bringing civil servants to responsibility were highlighted. The article attempts to systematize the views of I. T. Tarasov (1849–1929) on the institutions of judicial and disciplinary responsibility of civil servants.

Keywords: I. T. Tarasov, public authorities, civil service, administrative law, police law, civil servants, appeal against actions of officials, competence of officials, disciplinary responsibility, judicial responsibility

For citation: Egorov N. Yu. Issues of differentiation of judicial and disciplinary responsibility of civil servants in the theoretical legacy of I. T. Tarasov // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 1 (93). – P. 17–26; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-17-26.

Повышение авторитета государственных органов является приоритетным направлением совершенствования системы государственного управления в Российской Федерации. Важное средство такого совершенствования – укрепление режима законности [1] и развитие института юридической ответственности, в частности, дисциплинарной и судебной, реализуемых в системе государственно-служебных правоотношений.

Дисциплинарная ответственность как основной вид юридической ответственности государственных служащих – быстро развивающийся правовой институт, многочисленные нормы которого требуют обязательной систематизации. В отечественной юриспруденции отсутствует единое представление о дисциплинарной ответственности: вопросы о юридической природе дисциплинарной ответственности, о месте института дисциплинарной ответственности в системе российского права, о перспективах его развития в условиях глобализационных процессов в правовой сфере [2, р. 1–15; 3, с. 133–138] в современной юридической науке продолжают оставаться дискуссионными. Не выработан единый взгляд на эти вопросы у законодателя и правоприменителей, что в современных реалиях приводит к разнообразной правоприменительной практике в отношении государственных служащих и в итоге подрывает авторитет государственных органов [4, с. 1].

Понимание сущности дисциплинарной и судебной ответственности государственных служащих требует учёта накопленного на разных этапах исторического развития России опыта правоприменительной практики, опыта зарубежных стран и изучения идей и теоретических конструкций видных юристов

Российской империи, для которых вопросы обеспечения законности деятельности государственных органов находились в центре их исследовательских интересов¹ [5, с. 813–827; 6, с. 801–812; 7, с. 113–117; 8, с. 821–824; 9, с. 356–362; 10, с. 68–71; 11, с. 132–135; 12, с. 230–232; 13, с. 96–107; 14, с. 84–95; 15, с. 126–128; 16, с. 435–441; 17, с. 149–161; 18, с. 139–145; 19, с. 155–157; 20, с. 72–75; 21, с. 146–154; 22, с. 75–79; 23, с. 87–95; 24, с. 67–86; 25; 26, с. 48–58; 27, с. 96–111; 28, с. 24–27; 29, с. 39–47; 30, с. 314–318; 31, с. 137–141; 32, с. 334–337; 33, с. 239–250; 34, с. 123–130; 35, с. 48–58; 36, с. 323–330; 37, с. 300–305; 38, с. 336–340; 39, с. 294–299; 40, с. 155–163; 41, с. 220–240; 42; 43; 44, с. 36–42; 45, с. 750–760; 46, р. 1826–1835].

Вопросы привлечения государственных служащих к любым видам юридической ответственности продолжают представлять интерес и для учёных, и для руководителей государственных органов, и для государственных служащих. XXI век ознаменовался декларированием современными демократическими государствами принципов ответственности государства перед гражданским обществом, неотвратимости наказаний государственных служащих за упущения по службе, а также вне её [47]. В действующем законодательстве закреплён механизм возмещения вреда, причинённого незаконными действиями государ-

¹ Дергилова С. Ю. Государственно-правовые воззрения А. И. Елистратова: автореферат дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Дергилова Светлана Юрьевна. – Санкт-Петербург, 2014. – 26 с.; Никифорова С. А. Государственно-правовые воззрения Э. Н. Берендтса : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Никифорова Славяна Алексеевна. – Санкт-Петербург, 2019. – 333 с.

ственных органов и их должностных лиц. При таких условиях в приоритете вопрос, касающийся способов привлечения к ответственности государственных служащих.

Юридическая ответственность государственных служащих выступала предметом исследования учёных Российской империи², которые искали пути построения в России правового государства и укрепления в стране режима законности [44]. Рассмотрению вопросов дисциплинарной ответственности государственных служащих в конце XIX – начале XX вв. уделяли внимание юристы А. И. Елистратов³, А. фон-Резон⁴, А. Д. Градовский⁵, Л. С. Таль⁶, М. Д. Загряцков⁷, В. Л. Кобалевский⁸, Н. М. Коркунов⁹, С. А. Корф¹⁰, Н. И. Лазаревский¹¹. Серьёзный интерес к проблемам определения и пределов ответственности государственных служащих проявил видный российский ученый Иван Трофимович Тарасов [6, с. 801–812].

Обоюдная ответственность государственных служащих и гражданского общества – главная проблема, которой были посвящены научные труды И. Т. Тарасова и которую он исследовал в разных контекстах. В своих трудах «Личное задержание как полицейская мера безопасности»¹², «Полиция в эпоху перемен»¹³, «Лекции по полицейскому (административному) праву»¹⁴, «Очерк науки полицейского права»¹⁵, «Полицейский арест»¹⁶, «Краткий очерк науки административного права»¹⁷, «Учебник науки полицейского права»¹⁸ И. Т. Тарасов

обращался к вопросам юридической ответственности государственных служащих. Его интерес к данной проблеме способствовал тому, что в поздней имперской России впервые была предпринята попытка разграничения судебной и дисциплинарной ответственности государственных служащих.

Судебную и дисциплинарную ответственность государственных служащих И. Т. Тарасов относил к репрессивным мерам, направленным на обеспечение принципа законности. Поэтому важным для правоприменителей и государственных служащих И. Т. Тарасов считал чёткое определение **порядка привлечения должностных лиц к юридической ответственности**.

При определении оптимальной модели, пригодной для российской действительности, И. Т. Тарасов изучал не только историю вопроса в контексте эволюции отечественной государственно-правовой системы, но и зарубежный опыт, прежде всего, Франции и Англии, в которых, по его мнению, были достигнуты определённые успехи в регулировании внутренними делами государства, организации государственного управления и регламентации деятельности государственных служащих.

Французскую континентальную модель юридической ответственности должностных лиц И. Т. Тарасов считал одной из лучших и возможной для использования в других государствах¹⁹. Теоретической основой этой модели в XIX в. являлась доктрина разграничения судебной деятельности от административной, утвердившаяся в полицейском праве во Франции. Согласно этой доктрине, суды не должны вмешиваться в дела полицейских органов, осуществляющих управленческие функции. Аргументом для такого подхода явилась оценка профессиональных знаний судей того времени. Учёные-полицисты считали, что судьи имеют недостаточный уровень знаний в областях, являющихся предметами ведения государственных служащих: судьи при решении вопроса об ответственности государственных служащих не могли дать обоснованную и справедливую оценку действиям либо бездействиям должностных лиц. Более того, рассмотрение судьями вопросов привлечения к ответственности должностных лиц усугублялось низким уровнем взаимодействия судебной системы и органов государственного управления, а также отсутствием чёткого разграничения их функций. И. Т. Тарасов считал, что в таких условиях обжалование решений по делам, связанным с упущениями государственных служащих по службе, в суде будет неэффективным и даже вредным²⁰.

Мысль об исключении судебных органов из рассмотрения дел администрации и полиции была высказана еще в XVIII в. во Франции. На её развитие оказали влияние теория разделения властей и труды Ж.-Б. Номпера де Шампаньи (1756–1834 гг.), И. Б. Клюбера (1762–1837 гг.), К. Мауренбрехера (1838–1892 гг.), Г. Ф. Пухты (1798–1846 гг.). Принцип невмешательства судебных органов в дела полиции и администрации основывался на представлениях учёных, что органы государственной власти при рассмотрении их дел судебными органами становятся в зависимость от последних, что, в свою очередь, является грубым нарушением принципа разделения властей²¹. Вместо су-

² Правовая наука и юридическая идеология России: Энциклопедический словарь биографий: В 2 т. / отв. ред. В. М. Сырых. – Т. 1. – Москва: РАП, 2009. – 918 с.

³ Елистратов А. И. Основные начала административного права. – Москва: Издание Г. А. Лемана и С. И. Сахарова, 1917. – 294 с.

⁴ Фон-Резон А. К. О дисциплинарном праве // Журнал гражданского и уголовного права. – 1889. – Кн. 8. – С. 1–63.

⁵ Градовский А. Д. Собрание сочинений: в 9 т. – Т. 8: Начала русского государственного права. – Ч. 2: Органы управления. – Санкт-Петербург: б/и, 1907. – 580 с.

⁶ Таль Л. С. Очерки промышленного права. – Москва: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1916. – 127 с.

⁷ Загряцков М. Д. Административная юстиция и право жалобы в теории и законодательстве. – Москва: Право и жизнь, 1925. – 244 с.

⁸ Кобалевский В. Л. Очерки советского административного права. – Харьков: Государственное издательство Украины, 1924. – 258 с.

⁹ Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. – Санкт-Петербург: Магазин Н. К. Мартынова, 1909. – 354 с.

¹⁰ Корф С. А. Русское государственное право. – Ч. I. – Москва: Скоропеч. А. А. Левенсон, 1915. – 315 с.

¹¹ Лазаревский Н. И. Ответственность за убытки, причинённые должностными лицами. – Санкт-Петербург: Акционерное общество печатного и писчебумажного дела в России «Слово», 1905. – 725 с.

¹² Тарасов И. Т. Личное задержание как полицейская мера безопасности. – Ч. 1–2. – Киев, 1875–1886.

¹³ Тарасов И. Т. Полиция в эпоху реформ. – Москва: Типография А. И. Мамонтова и К°, 1885. – 168 с.

¹⁴ Тарасов И. Т. Лекции по полицейскому (административному) праву. – Т. 2: Общая часть. – Москва, 1910. – 267 с.

¹⁵ Тарасов И. Т. Очерк науки полицейского права. – Москва: Типография А. И. Мамонтова и К°, 1897. – 703 с.

¹⁶ Тарасов И. Т. Полицейский арест // Сборник государственных знаний. – Т. VII / под ред. В. П. Безобразова. – Санкт-Петербург: Тип. В. Безобразова и К°, 1879. – С. 97–117.

¹⁷ Тарасов И. Т. Краткий очерк науки административного права. – Ярославль: Типолитография Г. Фальк, 1888. – Т. 1. – 386 с.

¹⁸ Тарасов И. Т. Учебник науки полицейского права. – Вып. 1–4. – Москва: Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1891–1896.

¹⁹ Тарасов И. Т. Очерк науки полицейского права. – Москва: Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1897. – С. 127.

²⁰ Тарасов И. Т. Лекции по полицейскому (административному) праву. – Т. II: Общая часть. – Москва, 1910. – С. 255.

²¹ Тарасов И. Т. 1) Лекции по полицейскому (административному) праву. – Т. II: Общая часть. М., 1910. – С. 255;

дебной ответственности предлагалось использовать административную ответственность, которая определялась в процессе либо рассмотрения жалоб граждан на действия / бездействия органов полицейской деятельности специализированными судами, либо рассмотрения таких жалоб самой администрацией.

Критический анализ французской континентальной модели юридической ответственности должностных лиц позволил И. Т. Тарасову сделать несколько важных выводов:

– в случае наделения администрации и полиции правомочиями по рассмотрению жалоб на их действия и бездействия это приведёт к наделению администрации и полиции неограниченной властью, граничащей с произволом. Полиция и администрация необоснованно вторгнутся в сферу не своей компетенции – в сферу юстиции²²;

– условия обеспечения гарантий прав и свобод человека и гражданина при наделении органов государственной власти полномочиями по рассмотрению жалоб не будут соблюдены;

– наделение органов государственной власти чрезвычайными полномочиями, в том числе по рассмотрению жалоб, может привести к подрыву их авторитета, поскольку гражданское общество при выполнении законных распоряжений и предписаний органов государственной власти должно понимать о наличии у него возможности обжалования таких распоряжений и предписаний, а также о наличии судебной ответственности должностных лиц государства, принимающих распоряжения и предписания²³;

– применение французской континентальной модели юридической ответственности должностных лиц в России приведёт к росту числа жалоб к высшему начальству на действия сотрудников полиции и администрации по первоначальному рассмотрению жалоб; это, в свою очередь, приведёт к увеличению штатной численности сотрудников полиции и администрации, а далее – к увеличению расходов на содержание государственных органов²⁴.

Критической подход к французской континентальной системе юридической ответственности сотрудников полиции и администрации позволил И. Т. Тарасову сделать вывод о невозможности её адаптации к реалиям российской государственности.

Англо-американская модель юридической ответственности должностных лиц выражалась в придании судам исключительных полномочий по рассмотрению споров между гражданином и государством, возникающих только по инициативе гражданина.

Сторонником англо-американской модели юридической ответственности должностных лиц являлся Л. фон Штейн (1815–1890 гг.) [25, с. 73].

Критический анализ английской модели юридической ответственности должностных лиц позволил И. Т. Тарасову сделать несколько важных выводов:

– отличием английской модели от континентальной являлась простота организации и применения, которая могла рассматриваться как преимущество по сравнению с французским опытом;

– самым серьёзным недостатком англо-американской модели являлось возложение на гражданина обязанности самостоятельной защиты своих законных прав и интересов при условии, что граждане, как правило, не обладали достаточными навыками такой защиты, а суды не имели возможности объективно и всесторонне рассмотреть жалобу²⁵.

Помимо анализа зарубежного опыта привлечения к юридической ответственности государственных служащих, И. Т. Тарасов исследовал российскую модель юридической ответственности должностных лиц. В XIX в. в России преобладала жалобная система юридической ответственности сотрудников полиции и администрации, которая заключалась в возможности подачи жалобы на действия / бездействия государственной власти в суд только с разрешения самих органов полиции и администрации. При таких условиях, по мнению И. Т. Тарасова, гарантировать реализацию прав и свобод гражданина было невозможно²⁶, так как любой гражданин государства должен обладать правом подачи жалобы в суд напрямую без каких-либо разрешений и санкций²⁷.

Осуществив сравнительный анализ, И. Т. Тарасов констатировал: жалобная система в России имела схожие черты с французской континентальной системой. Однако, по мнению И. Т. Тарасова, с определёнными оговорками и исключениями для России больше подходила англо-американская система юридической ответственности.

При этом И. Т. Тарасов подчёркивал, что рецепция зарубежного опыта должна проходить с большой осторожностью, поскольку отечественные государственно-правовые реалии имеют существенные отличия от состояния государственно-правовых систем зарубежных стран, и простое копирование зарубежных систем может негативно сказаться на системе государственного управления и эффективности правового регулирования общественных отношений.

Одним из основных видов юридической ответственности государственных служащих И. Т. Тарасов называл дисциплинарную ответственность, заключающуюся в праве органов государственной власти в порядке подчинённости применять меры дисциплинарного воздействия к государственным служащим за упущения по службе.

Правовой институт дисциплинарной ответственности был законодательно закреплён, хотя специальный нормативный правовой акт, регламентирующий вопросы привлечения государственных служащих к дисциплинарной ответственности в Российской империи, отсутствовал. Статья 1200 «Устава о службе гражданской» указывала, что взыскания и наказания за нарушение обязанностей по службе определены постановлениями о наказаниях уголовных и исправительных²⁸. «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» (1845 г.) содержало третье отделение под названием «Особенные наказания за преступления и проступки по службе»²⁹. Развитие правового института дисциплинарной ответственности зависело от совершенствования законодательства в этой сфере, однако отсутствие

2) Личное задержание как полицейская мера безопасности. – Ч. I. – Киев, 1875. – С. 216.

²² Тарасов И. Т. Лекции по полицейскому (административному) праву. – Т. II: Общая часть. – Москва, 1910. – С. 255.

²³ Тарасов И. Т. Личное задержание как полицейская мера безопасности. – Ч. I. – Киев: Университетская типография, 1875. – С. 223–225.

²⁴ Тарасов И. Т. Полиция в эпоху реформ. – Москва: Типография А. И. Мамонтова и К^о, 1885. – С. 128.

²⁵ Тарасов И. Т. Личное задержание как полицейская мера безопасности. – Ч. I. – Киев: Университетская типография, 1875. – С. 221.

²⁶ Тарасов И. Т. Краткий очерк науки полицейского права. – Т. I: Конспект лекции. – Ярославль, 1888. – С. 320–321.

²⁷ Там же.

²⁸ Устав о службе гражданской // Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. – Издание 1857 года. – Кн. I. – С. 252.

единого подхода законодателя к пониманию природы и назначения дисциплинарной ответственности фактически привело к уменьшению значимости института дисциплинарной ответственности государственных служащих как средства поддержания служебной дисциплины в аппарате государственных органов России.

Отделение «Особенные наказания за преступления и проступки по службе» «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных»³⁰ предусматривало возможность использования различных видов дисциплинарных взысканий, в числе которых:

- 1) исключение из числа государственных служащих;
- 2) отрешение от должности;
- 3) вычет из времени службы;
- 4) удаление от должности;
- 5) перемещение с высшей должности на низшую;
- 6) выговор различной степени строгости с внесением его в послужной список;
- 7) вычет из жалования;
- 8) выговор различной степени строгости без внесения в послужной список;
- 9) замечание различной степени строгости³¹.

И. Т. Тарасов выделил основные компоненты института дисциплинарной ответственности государственных служащих, к которым относил:

– полномочия руководителей по отношению к подчинённым по применению мер дисциплинарного воздействия;

– установленные законодательством виды дисциплинарных взысканий;

– обязательное наличие установленного законодательством порядка применения дисциплинарных взысканий и возможность их обжалования;

– наличие гарантий государственных служащих по обеспечению прав и законных интересов в рамках дисциплинарного производства, в том числе наличие ответственности руководителей за принятые меры дисциплинарного воздействия³².

Одной из обязательных гарантий обеспечения законности привлечения государственных служащих к дисциплинарной ответственности являлось обязательное истребование объяснения [48], однако в условиях российских жизненных реалий такое условие не всегда соблюдалось³³.

Разграничивая дисциплинарную и уголовную ответственность, И. Т. Тарасов обращал внимание на главную отличительную особенность – степень значимости совершённого проступка³⁴.

Главным недостатком отечественной модели дисциплинарной ответственности И. Т. Тарасов считал отсутствие у государственных служащих возможности обжаловать дисциплинарные взыскания (за исключением крайней меры – увольнения со службы). Учёный выступал за закрепление на законодательном уровне возможности государственных служащих обжаловать

действия начальства в судебном порядке, не дожидаясь разрешения руководства³⁵. Отсутствие минимальных гарантий для государственных служащих могло перерасти в прислуживание руководству³⁶. Но для объективного рассмотрения таких дел необходимо было создавать отдельные суды, судьи в которых обладали бы специальными познаниями в области государственного управления, – дисциплинарные суды³⁷.

Важной проблемой развития института дисциплинарной ответственности И. Т. Тарасов считал его нахождение на стыке двух наук – административного и трудового права. От отнесения вопросов, касающихся дисциплинарной ответственности, к той или иной науке зависело дальнейшее развитие не только института дисциплинарной ответственности, но и всего служебного права в целом. И. Т. Тарасов полагал, что применение дисциплинарной ответственности к сотрудникам органов полиции и администрации никаким образом не нарушает компетенцию судебного ведомства, а в случае возникновения такого нарушения вопрос об установлении органа для рассмотрения жалобы решал бы суд. И. Т. Тарасов, обосновывая свою точку зрения, ссылаясь на английский опыт применения дисциплинарной ответственности к государственным служащим.

Следует учитывать, что полиция как особый орган в имперской России фактически была наделена не свойственными полиции функциями – судебно-полицейскими, что, в свою очередь, порождало сложность разграничения компетенции полиции и юстиции. За неисполнение судебно-полицейских функций полиция могла быть подвергнута дисциплинарным взысканиям со стороны как начальства, так и судебного ведомства.

Таким образом, учёный, государствовед, полицейист, административист, заслуженный профессор, доктор полицейского права, действительный статский советник И. Т. Тарасов, опираясь на результаты исследования отечественного и зарубежного опыта правового регулирования общественных отношений, внёс важный вклад в анализ вопросов обеспечения законности в деятельности органов государственного управления. Учёному удалось выделить основные меры, направленные на укрепление законности в государственных органах, дать им развернутую характеристику. И. Т. Тарасов выявил сущностный критерий различия превентивных и репрессивных мер – момент их применения. Необходимость использования сбалансированной системы мер, состоящей из превентивных и репрессивных мер, – центральная идея, получившая обоснование в научных исследованиях И. Т. Тарасова.

Система судебной и дисциплинарной ответственности государственных служащих в настоящее время носит межотраслевой характер. Для создания единообразной, адекватной действующим реалиям концепции юридической ответственности должностных лиц государства необходимо учитывать опыт, накопленный учёными-полицейстами, учёными-административистами, чей исследовательский интерес был сосредоточен на вопросах управленческой деятельности. И. Т. Тарасов, обладая широким

²⁹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – Т. 15. – Ч. 1. – 1885 г. // Свод законов Российской империи. – Санкт-Петербург, 1916. – 521 с.

³⁰ Там же.

³¹ Там же; Тарасов И. Т. Учебник науки полицейского права. – Вып. I. – Москва, 1891. – С. 121–122.

³² Там же. – С. 121; 2) Тарасов И. Т. Очерк науки полицейского права. – Москва, 1897. – С. 123; 3) Тарасов И. Т. Лекции по полицейскому (административному) праву. – Т. II: Общая часть. – С. 244.

³³ Тарасов И. Т. Учебник науки полицейского права. – Вып. I. – Москва, 1891. – С. 122–123.

³⁴ Там же. – С. 121.

³⁵ Тарасов И. Т. Лекции по полицейскому (административному) праву. – Т. II: Общая часть. – С. 245.

³⁶ Там же. – С. 253.

³⁷ Там же. – С. 245.

кругозором и обширными знаниями в сфере государственно-правового развития различных стран, особое внимание уделял проблемам эффективности использования правовых средств в управлении государством. Выводы исследований И. Т. Тарасова опирались на анализ правовой действительности, были адекватными административно-правовому развитию российского государства на разных этапах его исто-

рического развития и внесли огромный вклад в трансформацию науки полицейского права в науку административного права, полицейского государства в правовое государство, теории властеотношений в теорию правоотношений. Теоретическое наследие И. Т. Тарасова позволяет находить пути совершенствования административно-правовой науки на современном этапе развития.

Список литературы

1. Нижник Н. С., Бавсун М. В., Астафичев П. А., Алиев Я. Л., Квитчук А. С. Законность как основополагающее начало российского права. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. – 328 с.
2. Nizhnik N. S., Bavsun M. V., Aliev Ya. L., Astafichev P. A., Kvitchuk A. S. State and law: transformation vectors in modern conditions / SHS Web of Conferences: IX Baltic Legal Forum «Law and Order in the Third Millennium». – Kaliningrad, 2021. – P. 1–15.
3. Нижник Н. С., Алиев Я. Л. Доктрина юридического прогнозирования: определение сценариев развития государственно-правовых явлений / Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения): Международная научно-практическая конференция / под общ. ред. А. И. Каплунова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. – С. 133–138.
4. Добробаба М. Б. Дисциплинарная ответственность в системе государственно-служебных правоотношений / под ред. А. Ю. Соколова. – Саратов: Научная книга, 2018. – 89 с.
5. Геворкян Д. С. Российская полицистика в лицах: Владимир Федорович Дерюжинский // Genesis: исторические исследования. – 2015. – № 6. – С. 813–827.
6. Егоров Н. Ю. Российская полицистика в лицах: Иван Трофимович Тарасов // Genesis: исторические исследования. – 2015. – № 6. – С. 801–812.
7. Козинникова Е. Н. Государственно-правовая концепция национальной безопасности В. М. Гессена – теоретическое наследие российской полицистики / Актуальные проблемы юридической науки, практики и высшего образования: II Ежегодные научные чтения, посвященные памяти Почетного президента Санкт-Петербургской юридической академии профессора Зыбина Станислава Фёдоровича. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская юридическая академия, 2015. – С. 113–117.
8. Козинникова Е. Н., Нижник Н. С. Обеспечение безопасности как условие и результат правоприменительной деятельности (по работам В. М. Гессена) / Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе. – Краснодар: Издательство общества с ограниченной ответственностью «Издательский дом – Юг», 2015. – С. 821–824.
9. Никифорова С. А. Модель взаимоотношений имперского государства и его части в теоретическом наследии Э. Н. Берендтса / Государственное развитие Республики Казахстан: отечественный и международный опыт: материалы Международной научно-практической конференции. – Алматы: ООНИиРИП Алматинской академии МВД Республики Казахстан, 2015. – С. 356–362.
10. Чукаев Т. О. Василий Николаевич Лешков: вклад в развитие теории управления государством / Личность в русской истории, науке, культуре и литературе: сборник статей. – Москва: Московский финансово-юридический университет МФЮА, 2015. – С. 68–71.
11. Чукаев Т. О. Российская полицистика XIX века: В. Н. Лешков об особенностях российской национальной правовой системы // Вопросы права. – 2015. – № 6. – С. 101–108.
12. Чукаев Т. О. Самоорганизация общества как фактор обеспечения внутренней безопасности (по работам В. Н. Лешкова) / Актуальные проблемы юридической науки, практики и высшего образования: II Ежегодные научные чтения, посвященные памяти Почетного президента Санкт-Петербургской юридической академии профессора Зыбина Станислава Фёдоровича. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская юридическая академия, 2015. – С. 230–232.
13. Козинникова Е. Н. Российская полицистика в лицах: Владимир Матвеевич Гессен // Genesis: исторические исследования. – 2016. – № 6. – С. 96–107.
14. Чукаев Т. О. Российская полицистика в лицах: Василий Николаевич Лешков // Genesis: исторические исследования. – 2016. – № 6. – С. 84–95.
15. Никифорова С. А. Концепция реформирования законодательных органов Российской империи в теоретическом наследии Э. Н. Берендтса / Право и политика: история и современность: материалы международной научно-практической конференции (20 ноября 2015 г.). – Омск: Омская академия МВД России, 2016. – С. 126–128.
16. Никифорова С. А. Проблемы функционирования механизма государства в теоретическом наследии Э. Н. Берендтса / Современные проблемы общей теории права: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию независимости Республики Казахстан и 60-летию Алматинской академии МВД Республики Казахстан, 7 июля 2016 г. – Алматы: Казакстан Республикасы ИМ Алматы академиясы F3жРБЖУБ, 2016. – С. 435–441.
17. Никифорова С. А. Э. Н. Берендтс о статусе полиции в полицейском и правовом государстве // Genesis: исторические исследования. – 2016. – № 6. – С. 149–161.
18. Никифорова С. А. Э. Н. Берендтс об административной юстиции как атрибутивном элементе правового государства / Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований: материалы Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 9 декабря 2016 г. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2016. – С. 139–145.
19. Чукаев Т. О. Проблемы взаимосвязи государства и общества в теоретическом наследии В. Н. Лешкова // Вестник Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя. – 2016. – № 3. – С. 155–157.

20. *Егоров Н. Ю. И. Т. Тарасов о значении полицейской деятельности в организации жизни общества / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции) : материалы XIV Международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2017 г. / под ред. Н. С. Нижник: в 2 т. – Т. I. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2017. – С. 72–75.*
21. *Егоров Н. Ю. И. Т. Тарасов о методах решения государственных задач в правовом и полицейском государстве / Актуальные проблемы теории и истории государства и права : труды кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России / под ред. Н. С. Нижник. – Вып. 1. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2017. – С. 146–154.*
22. *Козинникова Е. Н. В. М. Гессен об исключительном положении как чрезвычайном правовом режиме в российской империи в конце XIX – начале XX века / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции) : материалы XIV Международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2017 г. / под ред. Н. С. Нижник: в 2 т. – Т. I. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2017. – С. 75–79.*
23. *Козинникова Е. Н. Исключительное положение как чрезвычайный правовой режим (опыт анализа нормативных актов и работ полицейстов Российской империи конца XIX – начала XX века) // Genesis: исторические исследования. – 2017. – № 11. – С. 87–95.*
24. *Нижник Н. С. Омnipотенция полицейского государства в оценке российской полицистики // Genesis: исторические исследования. – 2017. – № 11. – С. 67–86.*
25. *Нижник Н. С., Дергилева С. Ю. Государство и право в теоретико-правовых воззрениях А. И. Елистратова. – Москва: Юрлитинформ, 2017. – 376 с.*
26. *Нижник Н. С., Дергилева С. Ю. Теоретическое наследие А. И. Елистратова как источник изучения истории становления государственного управления в советской России / Источниковедение советского государства и права: классификация, виды и конкретные источники изучения : материалы круглого стола / отв. ред. С. В. Кодан. – Екатеринбург: УрЮрИнститут МВД России, 2017. – С. 48–58.*
27. *Никифорова С. А. Природа, социальная сущность и признаки государства – предмет теоретико-правовых исследований Э. Н. Берендтса // Genesis: исторические исследования. – 2017. – № 11. – С. 96–111.*
28. *Никифорова С. А. Э. Н. Берендтс о роли органов местного самоуправления в механизме управления Российского государства в конце XIX – начале XX века // Муниципальная служба: правовые вопросы. – 2017. – № 1. – С. 24–27.*
29. *Чукаев Т. О. Концепция «общественного права» – элемент полицейско-правовой теории России XIX века // Полицейская деятельность. – 2017. – № 5. – С. 39–47.*
30. *Егоров Н. Ю. О модели эффективно функционирующих органов исполнительной власти в полицейском государстве (по работам И. Т. Тарасова) / Российская полиция: три века служения Отечеству [Электронный ресурс] : материалы юбилейной Международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г. / под ред. Н. С. Нижник. – Электронные дан. (19,6 Мб). – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. – С. 314–318.*
31. *Козинникова Е. Н. Чрезвычайный правовой режим как особая среда полицейской деятельности / Российская полиция: три века служения Отечеству [Электронный ресурс] : материалы юбилейной Международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г. / под ред. Н. С. Нижник. – Электронные дан. (19,6 Мб). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. – С. 137–141.*
32. *Нижник Н. С. Взаимодействие полиции и общественных объединений: нормативные основания и практика взаимоотношений // Неделя науки СПбПУ (Санкт-Петербург, 13–19 ноября 2017 г.) : материалы научной конференции с международным участием / отв. ред. М. С. Коган, В. Е. Чернявская. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский политех. университет Петра Великого, 2018. – С. 334–337.*
33. *Нижник Н. С. Взаимоотношения власти, общества и личности как предмет полицейско-правовой теории / Российская полиция: три века служения Отечеству [Электронный ресурс] : материалы юбилейной Международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г. / под ред. Н. С. Нижник. – Электронные дан. (19,6 Мб). – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. – С. 239–250.*
34. *Нижник Н. С. Полицейское государство – социюридический феномен: характеристика сущностных черт в отечественной полицейско-правовой теории // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2018. – № 6. – С. 123–130.*
35. *Нижник Н. С., Дергилева С. Ю. Теоретическое наследие А. И. Елистратова как источник изучения истории становления государственного управления в советской России / Источниковедение советского государства и права: классификация, виды и конкретные источники изучения : материалы круглого стола / отв. ред. С. В. Кодан. – Екатеринбург: УрЮрИнститут МВД России, 2017. – С. 48–58.*
36. *Никифорова С. А. Э. Н. Берендтс о государстве и праве в начале XX века / Российская полиция: три века служения Отечеству [Электронный ресурс] : материалы юбилейной Международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г. / под ред. Н. С. Нижник. – Электронные дан. (19,6 Мб). – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. – С. 323–330.*
37. *Понкратова И. Е. Проблемы определения сущности и детерминант правопорядка в теоретико-правовом наследии В. Н. Лешкова / Российская полиция: три века служения Отечеству [Электронный ресурс] : материалы юбилейной Международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г. / под ред. Н. С. Нижник. – Электронные дан. (19,6 Мб). – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. – С. 300–305.*
38. *Тарасов Н. К. Закрепление в законодательстве Российской империи конца XIX – начала XX века представлений о сущности феномена «принуждение» / Российская полиция: три века служения Отечеству [Электронный ресурс] : материалы юбилейной Международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г. / под ред. Н. С. Нижник. – Электронные дан. (19,6 Мб). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. – С. 336–340.*

39. Чукаев Т. О. «Общественное право», «государственное право», «полицейское право»: соотношение понятий в теоретико-правовом учении В. Н. Лешкова / Российская полиция: три века служения Отечеству [Электронный ресурс]: материалы юбилейной Международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г. / под ред. Н. С. Нижник. – Электронные дан. (19,6 Мб). – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. – С. 294–299.
40. Нижник Н. С. Аксиологическое обоснование правового дискурса полицейского государства / Человек и право: проблема ценностных оснований правового регулирования: сборник научных трудов: материалы V Международной научной конференции, состоявшейся в Академии МВД, г. Минск, 3–4 мая 2019 г. – Минск: Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, 2019. – С. 155–163.
41. Нижник Н. С. Полицистика: основные этапы развития полицейско-правовой теории в России // Российская полиция: три века служения Отечеству: сборник статей Юбилейной международной научной конференции / под ред. В. Л. Кубышко: В 2 ч. – Ч. 1. – Москва: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. – С. 220–240.
42. Нижник Н. С., Никифорова С. А. Государство и право в теоретико-правовых воззрениях Э. Н. Берендтса. – Москва: Юрлитинформ, 2019. – 232 с.
43. Козинникова Е. Н. Полицейский надзор как мера обеспечения чрезвычайного правового режима исключительного положения в оценке российских полицейств конца XIX – начала XX века // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2020. – № 2 (26). – С. 106–112.
44. Нижник Н. С. Полицейско-правовая теория: становление и развитие в контексте эволюции Российского государства / Актуальные проблемы полицейского права: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня образования Омской академии МВД России (1 июня 2020 г.). – Омск: Омская академия МВД России, 2020. – С. 36–42.
45. Нижник Н. С., Дергилева С. Ю. Полицейско-правовая теория конца XIX – начала XX века о личности – субъекте публично-правовых отношений в полицейском государстве // Nomothetika: Философия. Социология. Право. – 2020. – Т. 45. – № 4. – С. 750–760.
46. Nizhnik N. S. Police-law theory on the regulation of public relations in the police state / European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. International Scientific and Practical Conference. – Veliky Novgorod, 2021. – P. 1826–1835.
47. Права человека: между прошлым и будущим / под ред. Н. В. Варламовой, Т. А. Васильевой, Н. В. Колотовой. – Москва: Норма, 2021. – 448 с.
48. Кодан С. В., Поляков И. Ю. Полицейское законодательство Российской империи: Развитие, становление, систематизация: Вторая половина XVII – первая треть XIX вв.: очерки. – Екатеринбург: Уральская академия государственной службы: Зерцало-Урал, 2000. – 220 с.

References

1. Nizhnik N. S., Bavsun M. V., Astafichev P. A., Aliyev YA. L., Kvitchuk A. S. Zakonnost' kak osnovopolagayushcheye nachalo rossiyskogo prava. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2021. – 328 s.
2. Nizhnik N. S., Bavsun M. V., Aliev Ya. L., Astafichev P. A., Kvitchuk A. S. State and law: transformation vectors in modern conditions / SHS Web of Conferences: IX Baltic Legal Forum «Law and Order in the Third Millennium». – Kaliningrad, 2021. – P. 1–15.
3. Nizhnik N. S., Aliyev Ya. L. Doktrina yuridicheskogo prognozirovaniya: opredeleniye stsenariyev razvitiya gosudarstvenno-pravovykh yavleniy / Aktual'nyye problemy administrativnogo i administrativno-protsessual'nogo prava (Sorokinskiye chteniya): Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya / pod obshch. red. A. I. Kaplunova. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2021. – S. 133–138.
4. Dobrobaba M. B. Distsiplinarnaya otvetstvennost' v sisteme gosudarstvenno-služebnykh pravootnosheniy / pod red. A. Yu. Sokolova. – Saratov: Nauchnaya kniga, 2018. – 89 s.
5. Gevorkyan D. S. Rossiyskaya politseistika v litsakh: Vladimir Fedorovich Deryuzhinskiy // Genesis: istoricheskiye issledovaniya. – 2015. – № 6. – S. 813–827.
6. Yegorov N. Yu. Rossiyskaya politseistika v litsakh: Ivan Trofimovich Tarasov // Genesis: istoricheskiye issledovaniya. – 2015. – № 6. – S. 801–812.
7. Kozinnikova Ye. N. Gosudarstvenno-pravovaya kontseptsiya natsional'noy bezopasnosti V. M. Gessena – teoreticheskoye naslediyе rossiyskoy politseistiki / Aktual'nyye problemy yuridicheskoy nauki, praktiki i vysshego obrazovaniya. II Yezhegodnyye nauchnyye chteniya, posvyashchonnyye pamyati Pochetnogo prezidenta Sankt-Peterburgskoy yuridicheskoy akademii professora Zybina Stanislava Fodorovicha. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskaya yuridicheskaya akademiya, 2015. – S. 113–117.
8. Kozinnikova Ye. N., Nizhnik N. S. Obespecheniye bezopasnosti kak usloviye i rezul'tat pravoprimeritel'noy deyatel'nosti (po rabotam V. M. Gessena) / Aktual'nyye problemy prava i pravoprimeritel'noy deyatel'nosti na sovremennom etape. – Krasnodar: Izdatel'stvo obshchestva s ogranichennoy otvetstvennost'yu «Izdatel'skiy dom – Yug», 2015. – S. 821–824.
9. Nikiforova S. A. Model' vzaimootnosheniy imperskogo gosudarstva i yego chasti v teoreticheskom nasledii E. N. Berendtsa / Gosudarstvennoye razvitiye Respubliki Kazakhstan: otechestvennyy i mezhdunarodnyy opyt: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Almaty: OONliRIR Almatinskoy akademii MVD Respubliki Kazakhstan, 2015. – S. 356–362.
10. Chukayev T. O. Vasiliy Nikolayevich Leshkov: vklad v razvitiye teorii upravleniya gosudarstvom / Lichnost' v russkoy istorii, nauke, kul'ture i literature: sbornik statey. – Moskva: Moskovskiy finansovo-yuridicheskiy universitet MFYuA, 2015. – S. 68–71.
11. Chukayev T. O. Rossiyskaya politseistika XIX veka: V. N. Leshkov ob osobennostyakh rossiyskoy natsional'noy pravovoy sistemy // Voprosy prava. – 2015. – № 6. – S. 101–108.
12. Chukayev T. O. Samoorganizatsiya obshchestva kak faktor obespecheniya vnutrenney bezopasnosti (po rabotam V. N. Leshkova) / Aktual'nyye problemy yuridicheskoy nauki, praktiki i vysshego obrazovaniya: II Yezhegodnyye nauchnyye chteniya, posvyashchonnyye pamyati Pochetnogo prezidenta Sankt-Peterburgskoy yuridicheskoy akademii professora Zybina Stanislava Fodorovicha. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskaya yuridicheskaya akademiya, 2015. – S. 230–232.

13. *Kozinnikova Ye. N.* Rossiyskaya politseistika v litsakh: Vladimir Matveyevich Gessen // Genesis: istoricheskiye issledovaniya. – 2016. – № 6. – S. 96–107.
14. *Chukayev T. O.* Rossiyskaya politseistika v litsakh: Vasiliy Nikolayevich Leshkov // Genesis: istoricheskiye issledovaniya. – 2016. – № 6. – S. 84–95.
15. *Nikiforova S. A.* Kontsepsiya reformirovaniya zakonodatel'nykh organov Rossiyskoy imperii v teoreticheskom nasledii E.N. Berendtsa / Pravo i politika: istoriya i sovremennost': materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (20 noyabrya 2015 g.). – Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2016. – S. 126–128.
16. *Nikiforova S. A.* Problemy funktsionirovaniya mekhanizma gosudarstva v teoreticheskom nasledii E. N. Berendtsa / Sovremennyye problemy obshchey teorii prava: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 25-letiyu nezavisimosti Respubliki Kazakhstan i 60-letiyu Almatinskoy akademii MVD Respubliki Kazakhstan, 7 iyulya 2016 g. – Almaty: Kazakstan Respublikasy ÍÍM Almaty akademiya GZzhRBZHYB, 2016. – S. 435–441.
17. *Nikiforova S. A.* E. N. Berendts o statuse politsii v politseyskom i pravovom gosudarstve // Genesis: istoricheskiye issledovaniya. – 2016. – № 6. – S. 149–161.
18. *Nikiforova S. A.* E. N. Berendts ob administrativnoy yustitsii kak atributivnom elemente pravovogo gosudarstva / Pravookhranitel'naya deyatelnost' organov vnutrennikh del v kontekste sovremennykh nauchnykh issledovaniy: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Sankt-Peterburg, 9 dekabrya 2016 g. – Sankt-Peterburg: Izd. SPb un-ta MVD Rossii, 2016. – S. 139–145.
19. *Chukayev T. O.* Problemy vzaimosvyazi gosudarstva i obshchestva v teoreticheskom nasledii V. N. Leshkova // Vestnik Moskovskogo oblastnogo filiala Moskovskogo universiteta MVD Rossii imeni V. Ya. Kikoty. – 2016. – № 3. – S. 155–157.
20. *Yegorov N. Yu.* I. T. Tarasov o znachenii politseyskoy deyatelnosti v organizatsii zhizni obshchestva / Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (navstrechu 300-letiyu rossiyskoy politsii): materialy XIV mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii. Sankt-Peterburg, 27–28 aprelya 2017 g. / pod red. N. S. Nizhnik: v 2 t. – T. I. – Sankt-Peterburg: Izd. SPb un-ta MVD Rossii, 2017. – S. 72–75.
21. *Yegorov N. Yu.* I. T. Tarasov o metodakh resheniya gosudarstvennykh zadach v pravovom i politseyskom gosudarstve / Aktual'nyye problemy teorii i istorii gosudarstva i prava: trudy kafedry teorii gosudarstva i prava Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii / pod red. N. S. Nizhnik. – Vyp. 1. – Sankt-Peterburg: Izd. SPb un-ta MVD Rossii, 2017. – S. 146–154.
22. *Kozinnikova Ye. N.* V. M. Gessen ob isklyuchitel'nom polozhenii kak chrezvychaynom pravovom rezhime v rossiyskoy imperii v kontse KHIX – nachale KHKH veka / Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (navstrechu 300-letiyu rossiyskoy politsii): materialy XIV mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii. Sankt-Peterburg, 27–28 aprelya 2017 g. / pod red. N. S. Nizhnik: V 2 t. – T. I. – Sankt-Peterburg: Izd. SPb un-ta MVD Rossii, 2017. – S. 75–79.
23. *Kozinnikova Ye. N.* Isklyuchitel'noye polozheniye kak chrezvychaynyy pravovoy rezhim (opyt analiza normativnykh aktov i rabot politseystov Rossiyskoy imperii kontsa XIX – nachala XX veka) // Genesis: istoricheskiye issledovaniya. – 2017. – № 11. – S. 87–95.
24. *Nizhnik N. S.* Omnipotentsiya politseyskogo gosudarstva v otsenke rossiyskoy politseistiki // Genesis: istoricheskiye issledovaniya. – 2017. – № 11. – S. 67–86.
25. *Nizhnik N. S., Dergileva S. Yu.* Gosudarstvo i pravo v teoretiko-pravovykh vozzreniyakh A. I. Yelistratova. – Moskva: Yurlitinform, 2017. – 376 s.
26. *Nizhnik N. S., Dergileva S. Yu.* Teoreticheskoye nasledie A. I. Yelistratova kak istochnik izucheniya istorii stanovleniya gosudarstvennogo upravleniya v sovetskoy Rossii / Istochnikovedeniye sovetskogo gosudarstva i prava: klassifikatsiya, vidy i konkretnyye istochniki izucheniya: materialy kruglogo stola / otv. red. S. V. Kodan. – Yekaterinburg: Uryurinstitut MVD Rossii, 2017. – S. 48–58.
27. *Nikiforova S. A.* Priroda, sotsial'naya sushchnost' i priznaki gosudarstva – predmet teoretiko-pravovykh issledovaniy E. N. Berendtsa // Genesis: istoricheskiye issledovaniya. – 2017. – № 11. – S. 96–111.
28. *Nikiforova S. A.* E. N. Berendts o roli organov mestnogo samoupravleniya v mekhanizme upravleniya Rossiyskogo gosudarstva v kontse XIX – nachale XX veka // Munitsipal'naya sluzhba: pravovyye voprosy. – 2017. – № 1. – S. 24–27.
29. *Chukayev T. O.* Kontsepsiya «obshchestvennogo prava» – element politseysko-pravovoy teorii Rossii XIX veka // Politseyskaya deyatelnost'. – 2017. – № 5. – S. 39–47.
30. *Yegorov N. Yu.* O modeli effektivno funktsioniruyushchikh organov ispolnitel'noy vlasti v politseyskom gosudarstve (po rabotam I. T. Tarasova) / Rossiyskaya politsiya: tri veka sluzheniya Otechestvu [Elektronnyy resurs]: materialy yubileynoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 300-letiyu rossiyskoy politsii. Sankt-Peterburg, 23–25 aprelya 2018 g. / pod red. N. S. Nizhnik. – Elektronnyye dan. (19,6 Mb). – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2018. – S. 314–318.
31. *Kozinnikova Ye. N.* Chrezvychaynyy pravovoy rezhim kak osobaya sreda politseyskoy deyatelnosti / Rossiyskaya politsiya: tri veka sluzheniya Otechestvu [Elektronnyy resurs]: materialy yubileynoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 300-letiyu rossiyskoy politsii. Sankt-Peterburg, 23–25 aprelya 2018 g. / pod red. N. S. Nizhnik. – Elektronnyye dan. (19,6 Mb). Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2018. – S. 137–141.
32. *Nizhnik N. S.* Vzaimodeystviye politsii i obshchestvennykh ob'yedineniy: normativnyye osnovaniya i praktika vzaimootnosheniy // Nedelya nauki SPBPU (Sankt-Peterburg, 13–19 noyabrya 2017 g.): materialy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem / otv. red. M. S. Kogan, V. Ye. Chernyavskaya. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy politekh. universitet Petra Velikogo, 2018. – S. 334–337.
33. *Nizhnik N. S.* Vzaimootnosheniya vlasti, obshchestva i lichnosti kak predmet politseysko-pravovoy teorii / Rossiyskaya politsiya: tri veka sluzheniya Otechestvu [Elektronnyy resurs]: materialy yubileynoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 300-letiyu rossiyskoy politsii. Sankt-Peterburg, 23–25 aprelya 2018 g. / pod red. N. S. Nizhnik. – Elektronnyye dan. (19,6 Mb). – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2018. – S. 239–250.
34. *Nizhnik N. S.* Politseyskoye gosudarstvo – sotsiouridicheskiy fenomen: kharakteristika sushchnostnykh chert v otechestvennoy politseysko-pravovoy teorii // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. – 2018. – № 6. – S. 123–130.

35. *Nizhnik N. S., Dergileva S. Yu.* Teoreticheskoye naslediyе A. I. Yelistratova kak istochnik izucheniya istorii stanovleniya gosudarstvennogo upravleniya v sovetskoй Rossii / Istochnikovedeniye sovetskogo gosudarstva i prava: klassifikatsiya, vidy i konkretnyye istochniki izucheniya: materialy kruglogo stola / otv. red. S. V. Kodan. – Yekaterinburg: Uryurinstitut MVD Rossii, 2017. – S. 48–58.

36. *Nikiforova S. A. E. N.* Berendts o gosudarstve i prave v nachale XX veka / Rossiyskaya politsiya: tri veka sluzheniya Otechestvu [Elektronnyy resurs]: materialy yubileynoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 300-letiyu rossiyskoй politsii. Sankt-Peterburg, 23–25 aprelya 2018 g. / pod red. N. S. Nizhnik. – Elektronnyye dan. (19,6 Mb). – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2018. – S. 323–330.

37. *Ponkratova I. Ye.* Problemy opredeleniya sushchnosti i determinant pravoporyadka v teoretiko-pravovom nasledii V. N. Leshkova / Rossiyskaya politsiya: tri veka sluzheniya Otechestvu [Elektronnyy resurs]: materialy yubileynoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 300-letiyu rossiyskoй politsii. Sankt-Peterburg, 23–25 aprelya 2018 g. / pod red. N. S. Nizhnik. – Elektronnyye dan. (19,6 Mb). – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2018. – S. 300–305.

38. *Tarasov N. K.* Zakrepleniye v zakonodatel'stve Rossiyskoй imperii kontsa XIX – nachala XX veka predstavleniy o sushchnosti fenomena «prinuzhdeniye» / Rossiyskaya politsiya: tri veka sluzheniya Otechestvu [Elektronnyy resurs]: materialy yubileynoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 300-letiyu rossiyskoй politsii. Sankt-Peterburg, 23–25 aprelya 2018 g. / pod red. N. S. Nizhnik. – Elektronnyye dan. (19,6 Mb). Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2018. – S. 336–340.

39. *Chukayev T. O.* «Obshchestvennoye pravo», «gosudarstvennoye pravo», «politseyskoye pravo»: sootnosheniye ponyatiy v teoretiko-pravovom uchenii V. N. Leshkova / Rossiyskaya politsiya: tri veka sluzheniya Otechestvu [Elektronnyy resurs]: materialy yubileynoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 300-letiyu rossiyskoй politsii. Sankt-Peterburg, 23–25 aprelya 2018 g. / pod red. N. S. Nizhnik. – Elektronnyye dan. (19,6 Mb). – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2018. – S. 294–299.

39. *Chukaev T. O.* “Public law”, “state law”, “police law”: correlation of concepts in the theoretical and legal doctrine of V. N. Leshkova / Russian police: three centuries of service to the Fatherland [Electronic resource]: materials of the anniversary international scientific conference dedicated to the 300th anniversary of the Russian police. St. Petersburg, April 23–25, 2018 / ed. N. S. Nizhnik. – Electronic data. (19.6 MB). – St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. – S. 294–299.

40. *Nizhnik N. S.* Aksiologicheskoye obosnovaniye pravovogo diskursa politseyskogo gosudarstva / Chelovek i pravo: problema tsennostnykh osnovaniy pravovogo regulirovaniya: sbornik nauchnykh trudov: materialy V mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, sostoyavsheysya v Akademii MVD, g. Minsk, 3–4 maya 2019 g. – Minsk: Akademiya Ministerstva vnutrennikh del Respubliki Belarus', 2019. – S. 155–163.

41. *Nizhnik N. S.* Politseistika: osnovnyye etapy razvitiya politseysko-pravovoy teorii v Rossii // Rossiyskaya politsiya: tri veka sluzheniya Otechestvu: sbornik statey Yubileynoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii / pod red. V. L. Kubyshko: V 2 ch. – CH. 1. – Moskva: Akademiya upravleniya Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoй Federatsii, 2019. – S. 220–240.

42. *Nizhnik N. S., Nikiforova S. A.* Gosudarstvo i pravo v teoretiko-pravovykh vozzreniyakh E. N. Berendtsa. – Moskva: Yurlitinform, 2019. – 232 s.

43. *Kozinnikova Ye. N.* Politseyskiy nadzor kak mera obespecheniya chrezvychaynogo pravovogo rezhima isklyuchitel'nogo polozheniya v otsenke rossiyskikh politseistov kontsa XIX – nachala XX veka // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2020. – № 2 (26). – S. 106–112.

44. *Nizhnik N. S.* Politseysko-pravovaya teoriya: stanovleniye i razvitiye v kontekste evolyutsii Rossiyskogo gosudarstva / Aktual'nyye problemy politseyskogo prava: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya obrazovaniya Omskoй akademii MVD Rossii (1 iyunya 2020 g.). – Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2020. – S. 36–42.

45. *Nizhnik N. S., Dergileva S. Yu.* Politseysko-pravovaya teoriya kontsa XIX – nachala XX veka o lichnosti – sub'yekte publichno-pravovykh otnosheniy v politseyskom gosudarstve // Nomothetika: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo. – 2020. – T. 45. – № 4. – S. 750–760.

46. *Nizhnik N. S.* Police-law theory on the regulation of public relations in the police state // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. International Scientific and Practical Conference. – Veliky Novgorod, 2021. – P. 1826–1835.

47. Prava cheloveka: mezhdu proshlym i budushchim / pod red N. V. Varlamovoy, T. A. Vasil'yevoy, N. V. Kolotovoy. – Moskva: Norma, 2021. – 448 s.

48. *Kodan S. V., Polyakov I. Yu.* Politseyskoye zakonodatel'stvo Rossiyskoй imperii: Razvitiye, stanovleniye, sistematizatsiya: Vtoraya polovina XVII – pervaya tret' XIX vv.: ocherki. – Yekaterinburg: Ural. akad. gos. sluzhby : Zertsalo-Ural, 2000. – 220 s.

Статья поступила в редакцию 29.12.2021; одобрена после рецензирования 10.01.2022; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted December 29, 2021; approved after reviewing January 10, 2022; accepted for publication February 25, 2022.

Научная статья
УДК 340.12
doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-27-35

Екатерина Николаевна Козинникова
<https://orcid.org/0000-0001-5279-5384>, katerina_kozinnikova@mail.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1

Свобода слова: пределы ограничения в условиях чрезвычайных правовых режимов

Аннотация: Реалии XIX в. актуализировали вопросы, связанные с регулированием чрезвычайных ситуаций. Успех решения государством возложенных на него задач часто определяется эффективностью используемого правового режима. Особенно отчётливо это демонстрируется при возникновении чрезвычайных ситуаций и обстоятельств, которые, как показала современная практика, могут быть вызваны не только социально-политическими факторами и природными катаклизмами, но и распространением вирусного или инфекционного заболевания, приобретающего характер пандемии и ставящего под угрозу жизнь не только граждан отдельного государства, но и человечества в целом.

Реализация чрезвычайного правового режима всегда связана с рядом ограничений конституционных прав и свобод граждан: введением дополнительных административно-правовых обязанностей и запретов; предоставлением чрезвычайных полномочий органам власти для поддержания режима; введением форм особого управления территорией, на которой установлен данный режим, включая создание временных специальных органов; приостановлением деятельности отдельных органов государственной власти и местного самоуправления и т. д.

Данная статья посвящена анализу наследия теоретического государствоведения относительно пределов ограничения свободы слова в условиях чрезвычайного правового режима.

Историографический анализ роли цензуры во время обеспечения национальной безопасности в России в условиях чрезвычайного правового режима свидетельствует, что вопросы, связанные с возможностью и необходимостью применения цензуры в условиях чрезвычайного правового режима, являлись предметом исследования виднейших российских учёных-юристов в конце XIX в.: И. Е. Андреевского, Н. Н. Белявского, Э. Н. Берендтса, В. М. Гессена, В. Ф. Дерюжинского, А. И. Елистратова, В. В. Ивановского, И. Т. Тарасова, П. Н. Шеймина и др.

В своих работах юристы конца XIX в. признавали важную роль средств массовой информации в развитии общества и подчеркивали значение свободы мысли, слова и печати как необходимых условий общественного развития, однако в условиях чрезвычайного правового режима они обосновывали необходимость государственно-надзорного характера регулирования деятельности печатных изданий как одного из способов нейтрализации социально-политической обстановки. Меры, предпринятые государством в отношении цензуры в период действия исключительного положения, несмотря на свою жёсткость, оценивались российскими юристами положительно, поскольку позволяли избегать излишних волнений населения и распространения крамольной информации.

Основными методами научного исследования явились общенаучные, а именно: исторический и системный, а также специальные: историко-правовой и сравнительно-правовой. Применялся метод реконструкции и интерпретации правовых идей.

В результате проведённого исследования сделан вывод, что в условиях современной России для эффективного государственного управления, согласованного с принципами правового государства, исследователям, а вместе с ними и государственным деятелям, стоит обратить внимание на теоретическое наследие отечественной политико-правовой мысли и должным образом проанализировать прошлую практику применения чрезвычайных правовых режимов, осмыслив результативность применения мер, их составляющих, поскольку это имеет большое значение и для определения перспектив развития государственно-правовой системы России, и для определения оптимальной модели государственного механизма, функционирующего, опираясь на принцип законности.

Ключевые слова: права и свободы личности, свобода слова, ограничение свободы слова, чрезвычайный правовой режим, исключительное положение, положение усиленной охраны, положение чрезвычайной охраны, цензура, ограничительные меры, полицеистика

Для цитирования: Козинникова Е. Н. Свобода слова: пределы ограничения в условиях чрезвычайных правовых режимов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 1 (93). – С. 27–35; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-27-35.

Ekaterina N. Kozinnikova

<https://orcid.org/0000-0001-5279-5384>, katerina_kozinnikova@mail.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Freedom of speech: limits of restriction under emergency legal regimes

Abstract: Circumstances of the 19th century drew attention to the issues related to the regulation of emergency situations. The success of the state in solving its tasks is often determined by the effectiveness of the legal regime employed. This is especially clearly demonstrated in the case of emergencies and situations that, as modern practice has shown, can be caused not only by socio-political factors and natural disasters, but also by the spread of a viral or infectious disease acquiring the status of a pandemic and endangering the lives of not only citizens of a certain state, but of humanity as a whole. The implementation of the emergency legal regime is always associated with a number of restrictions on the constitutional rights and freedoms of citizens: the introduction of additional administrative and legal obligations and prohibitions; granting emergency powers to authorities to maintain the regime; the introduction of special administration of the territory on which this regime is established, including the creation of temporary special agencies; suspension of the activities of certain state authorities and local government, etc. This article analyses the heritage of theoretical studies regarding the limits of the state restriction of freedom of speech in the conditions of an emergency legal regime. A historiographic analysis of the role of censorship in ensuring national security in Russia under the emergency legal regime indicates that issues related to the possibility and necessity of applying censorship under the emergency legal regime were the subject of research by the most prominent Russian legal scholars at the end of the 19th century: I. E. Andreevsky, N. N. Belyavsky, E. N. Berendts, V. M. Gessen, V. F. Deryuzhinsky, A. I. Elistratov, V. V. Ivanovsky, I. T. Tarasov, P. N. Sheimin and others. In their works, lawyers in the end of the XIX century recognized the important role of the media in the development of society and emphasized the importance of freedom of thought, speech and the press as necessary conditions for social development. However, under the emergency legal regime, they justified the need for state-supervisory regulation of the activities of print publications as one of the ways to neutralize the socio-political situation. The measures taken by the state in relation to censorship during the state of emergency, despite their rigidity, were assessed positively by Russian lawyers, since they made it possible to avoid unnecessary unrest among the population and the dissemination of seditious information. The main methods of scientific research were general scientific methods namely: historical and systematic, as well as special ones: historical-legal and comparative-legal. The author applied a method of reconstruction and interpretation of legal ideas as well. As a result of the study, the author concludes that in the modern conditions in order to govern effectively consistent with the principles of the rule of law, both researchers and authorities should pay attention to the theoretical heritage of domestic political and legal thought and properly analyze the past practice of applying emergency legal regimes, comprehending the effectiveness of the application of the mentioned measures, since this is of great importance for determining the prospects for the development of the state-legal system of Russia, and for determining the optimal model of the state mechanism obeying the principle of legality.

Keywords: individual rights and freedoms, freedom of speech, restriction of freedom of speech, emergency legal regime, increased security, emergency security situation, censorship, restrictive measures, police studies

For citation: Kozinnikova E. N. Freedom of speech: limits of restriction under emergency legal regimes // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 1 (93). – P. 27–35; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-27-35.

Сложная эпидемиологическая ситуация, сложившаяся в мире в 2020 г. и фактически сохраняющаяся до настоящего времени, приводит к трансформациям социально-экономического и общественно-политического состояния во многих государствах. Россия не является исключением. Сложившаяся ситуация требует применения комплексного и системного подхода к решению проблем правового регулирования общественных отношений, а динамика разви-

тия ситуации – своевременного реагирования и создания такого оптимального порядка, который позволил бы максимально эффективно и в строгом соответствии с законом разрешать ту или иную сложную жизненную ситуацию, обеспечивать законность и правопорядок.

Таким «оптимальным порядком» выступает правовой режим – специально организованный механизм, отличающийся стабильностью и одновременно динамичностью, возможно-

стью своевременно реагировать на отклонения в социальной ситуации и предотвращать сбой в правовом регулировании общественных отношений¹.

Успех решения государством возложенных на него задач часто определяется эффективностью используемого правового режима. Особенно отчётливо это демонстрируется при возникновении чрезвычайных ситуаций и обстоятельств, которые, как показала современная практика, могут быть вызваны не только социально-политическими факторами и природными катаклизмами, но и распространением вирусного или инфекционного заболевания, приобретающего характер пандемии и ставящего под угрозу жизнь не только граждан отдельного государства, но и человечества в целом.

Практика показывает, что обострение обстановки может достигать такой степени опасности, что нейтрализовать её обычными правовыми средствами становится невозможным, нормы действующего законодательства оказываются неэффективными, и государство вынуждено применять чрезвычайные меры, вводить на территории всей страны или в отдельных её частях чрезвычайный правовой режим.

Реализация чрезвычайного правового режима всегда связана с рядом ограничений конституционных прав и свобод граждан: введением дополнительных административно-правовых обязанностей и запретов; предоставлением чрезвычайных полномочий органам власти для поддержания режима; введением форм особого управления территорией, на которой установлен данный режим, включая создание временных специальных органов; приостановлением деятельности отдельных органов государственной власти и местного самоуправления и т. д.

Основными причинами, которые могут вызвать необходимость использования на территории государства чрезвычайного правового режима, являются природные катаклизмы, катастрофы техногенного характера, кризисы социально-политической обстановки, военные конфликты. Однако события 2020–2021 гг. свидетельствуют о том, что высокий уровень развития медицины отнюдь не гарантирует отсутствия возможности появления заболеваний, стремительное распространение которых потребует от государств применения чрезвычайных средств. 30 января 2020 г. Всемирная организация здравоохранения объявила, что вспышка инфекции COVID-19 представляет собой чрезвычайную ситуацию в области общественного здравоохранения, имеющую международное значение².

¹ Беляева Г. С. Правовой режим: общетеоретическое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Беляева Галина Серафимовна. – Курск, 2013. – С. 3.

² Заявление по итогам второго совещания Комитета по чрезвычайной ситуации в соответствии с Международными медико-санитарными правилами в связи со вспышкой заболевания, вызванного новым коронавирусом 2019 (nCoV) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. – URL: [https://www.who.int/ru/news-room/detail/30-01-2020-statement-on-the-second-meeting-of-the-international-health-regulations-\(2005\)-emergency-committee-regarding-the-outbreak-of-novel-coronavirus-\(2019-ncov\)](https://www.who.int/ru/news-room/detail/30-01-2020-statement-on-the-second-meeting-of-the-international-health-regulations-(2005)-emergency-committee-regarding-the-outbreak-of-novel-coronavirus-(2019-ncov)) (дата обращения: 11.06.2020).

За период пандемии все государства мира, охваченные распространением коронавирусной инфекции, были вынуждены применять в отношении своих граждан меры ограничительного характера, допустимые в современном мире лишь в исключительной ситуации: ограничение свободы передвижения, обязательный карантин (нахождение по месту жительства без права его покидать в течение определённого промежутка времени), комендантский час, запрет на проведение массовых мероприятий, приостановка деятельности мест общественного досуга и питания, обязанность ношения средств индивидуальной защиты в общественных местах и др.

Россия не стала исключением. Несмотря на то, что официально чрезвычайный правовой режим в Российской Федерации объявлен не был, меры, направленные на предотвращение распространения коронавирусной инфекции, напрямую затрагивающие права и свободы граждан, предприняты были³.

Одной из проблем, с которой пришлось столкнуться Российской Федерации в ходе реализации мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения страны в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19), стала проблема «ложных информационных вбросов» – появление в средствах массовой информации сведений о состоянии эпидемиологической обстановки на территории государства, а также предпринимаемых государством мерах для предотвращения распространения заболевания, не соответствующих действительности, с целью приведения населения в состояние волнения и паники, «раскачивания общества». Площадкой для распространения такой ложной информации зачастую становились социальные сети, где каждый имеет возможность свободно высказываться, а также средства массовой информации.

По Конституции Российской Федерации (ст. 29)⁴ каждому гарантируется свобода мысли и слова, свобода массовой информации, цензура запрещена [1].

В условиях пандемии государству пришлось оперативно учитывать новые реалии: безопасность и стабильность общества в целом были оценены выше полной свободы слова каждого гражданина в отдельности. В апреле 2020 г.

[www.who.int/ru/news-room/detail/30-01-2020-statement-on-the-second-meeting-of-the-international-health-regulations-\(2005\)-emergency-committee-regarding-the-outbreak-of-novel-coronavirus-\(2019-ncov\)](http://www.who.int/ru/news-room/detail/30-01-2020-statement-on-the-second-meeting-of-the-international-health-regulations-(2005)-emergency-committee-regarding-the-outbreak-of-novel-coronavirus-(2019-ncov)) (дата обращения: 11.06.2020).

³ О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19) : Указ Президента РФ от 2 апреля 2020 г. № 239 [Электронный ресурс] // Сайт «Официальное опубликование правовых актов · Официальный интернет-портал правовой информации». – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202004020025> (дата обращения 10.02.2022 г.)

⁴ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, с поправками от 30 декабря 2008 года, 5 февраля 2014 года, 21 июля 2014 года, 14 марта 2020 года) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

в Кодекс об административных правонарушениях были внесены изменения: ст. 13.15 «Злоупотребление свободой массовой информации» была дополнена пунктами, предполагающими административную ответственность для физических и юридических лиц за распространение в СМИ под видом достоверных сведений заведомо недостоверных сведений об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приёмах и способах защиты от указанных обстоятельств⁵.

Сложившаяся ситуация поставила вопрос о возможности и целесообразности введения превентивных мер, направленных на недопущение распространения недостоверных сведений в СМИ, – предварительного контроля за информацией, касающейся чрезвычайных обстоятельств в государстве во время введения на его территории чрезвычайного правового режима. В настоящее время таких мер в чрезвычайном законодательстве Российской Федерации не содержится⁶.

Историографический анализ роли цензуры во время обеспечения национальной безопасности в России в условиях чрезвычайного правового режима свидетельствует о том, что вопросы, связанные с возможностью и необходимостью применения цензуры в условиях чрезвычайного правового режима, уже являлись предметом исследования российских учёных-юристов в конце XIX в.

Известные отечественные государствоведы И. Е. Андреевский⁷ [2, с. 62–66, 69, 88–89; 3, с. 40; 4, р. 1830–1833; 5, с. 64–66], Н. Н. Белявский [2, с. 86–87; 3, с. 41; 4, р. 1830–1833], Э. Н. Берендтс⁸ [6, с. 828–843; 7, с. 139–145; 8, с. 139–145; 2, с. 82–84, 89; 9, с. 323–330; 3; 4, р. 1830–1833], В. М. Гессен [10, с. 821–824; 11, с. 113–117; 12, с. 96–107; 2, с. 89; 3, с. 30, 41; 4, р. 1830–1833], В. Ф. Дерюжинский [13, с. 813–827; 2, с. 84–86, 89; 3, с. 41; 4, р. 1830–1833], А. И. Елистратов⁹ [14; 15, с. 844–859; 16, с. 108–114; 2; 3, с. 32–34, 41;

4, р. 1830–1833], В. В. Ивановский [17, с. 787–800; 2, с. 77–80, 89; 3, с. 40; 4, р. 1830–1833], И. Т. Тарасов [18, с. 801–812; 19, с. 112–121; 20, с. 146–154; 21, с. 146–154; 22, с. 314–318; 2, с. 72–76, 88–89; 3, с. 40; 4, р. 1830–1833], П. Н. Шеймин [2, с. 80–81, 89; 3, с. 41; 4, р. 1830–1833] в число исследуемых проблем включали вопросы о пределах вмешательства государства в процесс распространения информации и деятельность средств массовой информации [23, с. 123–128]. Эти вопросы уже привлекали отечественных мыслителей [24, с. 230–232; 25, с. 155–157; 26, с. 26–30] и, как правило, рассматривались в рамках науки полицейского права [27, с. 15–17], в предмет которого входили различные проблемы управления государством.

Полицейсты отмечали, что, несмотря на трансформации государственно-правовых систем в условиях эволюции государственности, функции цензуры сохранялись неизменными. Её основными задачами на разных этапах исторического развития государства оставались регламентация распространяемой в обществе информации, контроль за ней и охрана государственного строя от идей, не способствующих его сохранению и устойчивому развитию. Политическая конъюнктура могла потребовать акцентирования особого внимания на какой-либо из задач [28, с. 90–94; 29, с. 632–634], но, как свидетельствует опыт существования института цензуры в России, функционирование цензуры осуществлялось с постоянным набором задач по определённым направлениям.

В конце XIX в. печать выступала важнейшей детерминантой просвещения и прогресса, но реализовать свое предназначение, по мнению большинства учёных, она могла только развиваясь свободно [30, с. 114]. Свобода слова, заключавшаяся в возможности беспрепятственно выражать свои мысли и воззрения путём печати и устной речи, являлась одним из значимых условий народного развития и благосостояния, – утверждал В. В. Ивановский¹⁰.

Однако назревающий во второй половине XIX в. политический кризис, характеризовавшийся нестабильностью общественных настроений, ростом революционной деятельности и антигосударственных преступлений, показал, что печать может стать мощным катализатором появления, развития и распространения антиправительственных учений и воззрений [23, с. 126–127; 31, 326–364]. От того, как государство выстроит взаимоотношения со средствами массовой информации в условиях нарастающей революционной ситуации, зависели перспективы не только преодоления политического кризиса, но и развития всей государственно-правовой системы России.

После трагических событий 1 марта 1881 г., гибели императора Александра II и усиления антигосударственных настроений общественности, Александр III 14 августа 1881 г. утвердил

⁵ О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 99-ФЗ [Электронный ресурс] // Сайт «Официальное опубликование правовых актов. Официальный интернет-портал правовой информации». – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202004010076> (дата обращения: 10.02. 2022 г.).

⁶ О чрезвычайном положении : Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ (в ред. от 3 июля 2016 года № 6-ФКЗ) // СЗ РФ. – 2001. – № 23. – Ст. 2277.

⁷ Ивановский В. В. Учебник административного права. (Полицейское право. Право внутреннего управления). – Казань: Типо-литография В. З. Еремеева, 1911. – 516 с.

⁸ Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия : Высочайше утвержденное от 14 августа 1881 г. // Полное собрание законов Российской империи. – Собрание 3 (далее – ПСЗ РИ-3). – Т. I. – № 350.

⁹ Об издании положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия и объявлении некоторых местностей Империи в состоянии усиленной охраны : Именной, данный Сенату, высочайший указ от 4 сентября 1881 г. // ПСЗ РИ-3. – Т. I. – № 383.

¹⁰ Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия : Высочайше утверждённое от 14 августа 1881 г. // ПСЗ РИ-3. – Т. I. – № 350.

«Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия»¹¹, а 4 сентября 1881 г. – Указ «Об издании положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия и объявлении некоторых местностей Империи в состоянии усиленной охраны»¹². Таким образом, часть Российской империи оказалась под действием чрезвычайного правового режима.

«Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» содержало нормы, касавшиеся в том числе и печати: при введении режима чрезвычайной охраны [32, с. 87–95] губернаторы по своему усмотрению могли приостанавливать выпуск периодических изданий¹³. Однако в случаях введения режима усиленной охраны [33, с. 128–135] такой меры предусмотрено не было.

Поскольку с 4 сентября 1881 г. режим усиленной охраны действовал в 10 губерниях, 6 уездах, 3 городах и 3 градоначальствах Российской империи, было принято решение о необходимости незамедлительного ужесточения административного контроля за периодическими изданиями: 27 августа 1882 г. были утверждены «Временные меры относительно периодической печати»¹⁴. В соответствии с предписаниями этого нормативного правового акта редакции тех периодических изданий, деятельность которых уже была приостановлена на определённый срок, при возобновлении своей деятельности обязывались заблаговременно предоставлять все планируемые в печать номера в цензурные комитеты для их предварительного изучения.

Постановления, принятые на земских, городских, и дворянских сословных собраниях, а также отчёты о заседаниях могли быть напечатаны только после получения на это разрешения губернатора или генерал-губернатора. В целях недопущения обострения социально-политической обстановки не разрешались для опубликования насмешки над каким-либо сословием или должностями государственной и общественной службы.

Не все события, происходившие в государстве, могли быть освещены в прессе: по соображениям обеспечения общественной безопасности и сохранения общественного спокойствия опубликование в периодической печати информации о некоторых событиях, имевших государственную важность и способных вызвать общественный резонанс, предписывалось откладывать на некоторое время. Под запретом опубликования находились произведения, содержащие идеи строительства социализма или

коммунизма, распространение которых рассматривалось как желание низвергнуть существовавший государственный строй.

Проанализировав действующее в Российской империи законодательство о цензуре, И. Т. Тарасов констатировал, что государство в борьбе с «опасными печатными изданиями» использует различные меры: запретительные, предупредительные и репрессивные¹⁵. И. Т. Тарасов¹⁶, Н. Н. Белявский¹⁷, В. Ф. Дерюжинский¹⁸ выявили, что в качестве запретительных мер, касающихся печати, полиция использовала разрешение и запрет публикации книг, регламентацию работы типографий и издательств, административные взыскания за нарушение цензурного законодательства. Предупредительные меры выражались в форме запрета части какого-то печатного сочинения, исключении «вредного» отрывка из всего произведения. Такая предупредительная цензура, – подчеркивал И. Е. Андреевский, – несёт в себе положительное начало, предупреждая возможные преступления авторов, внесение в массы вредных начал для общественного порядка и нравственности, что в конечном итоге давало «в руки правительства средства для надлежащего воспитания населения и развития умов»¹⁹. Репрессивные меры предполагали наложение полицией запретов и ограничений на печатные издания, например, предусмотренную «Положением о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» возможность приостановки выпуска периодических изданий (решение о приостановке или полном прекращении деятельности периодических изданий с последующим запретом их редакторам и издателям заниматься подобной деятельностью принималось министром внутренних дел на совместном обсуждении с министром народного просвещения, министром юстиции, а также обер-прокурором Святейшего Синода, а обеспечивалось силами полиции).

На основании «Временных мер относительно периодической печати» в 1882–1889 гг. была приостановлена деятельность 14 периодических изданий, в отношении 34 изданий было вынесено решение о запрете к продаже, в отношении 4-х объявлений было вынесено решение о запрете их опубликования²⁰. В разрешении издания было отказано журналам «Отклик» (1882 г.)²¹, «Отечество» (1884 г.)²², «Южная Русь» (1898 г.)²³;

¹⁵ Дерюжинский В. Ф. Полицейское право / 4-е изд. – Петроград : [б. и.], 1917 (Сенатская типография). – 510 с. – С. 109.

¹⁶ Андреевский И. Е. Полицейское право: В 2 т. – Т. 1. Введение и часть 1. Полиция безопасности / 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург : Типография В. В. Праца, 1874. – 648 с. – С. 254–273.

¹⁷ Арсеньев К. К. Законодательство о печати. – Санкт-Петербург: Типо-литография Ф. Вайсберга, 1903. – 264 с. – С. 129.

¹⁸ Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф 776. – Оп. 8. – Д. 119.

¹⁹ Там же. – Д. 273.

²⁰ Там же. – Д. 1143.

²¹ Там же. – Д. 140.

²² Там же. – Д. 59.

²³ Там же. – Д. 194.

¹¹ О временных мерах относительно периодической печати : Высочайше утверждённое положение Комитета Министров от 27 августа 1882 г. // ПСЗ РИ-3. – Т. II. – № 1072.

¹² Тарасов И. Т. Очерк науки полицейского права. – Москва : Товарищество «Печатня С.П. Яковлева». – 702 с. – С. 237.

¹³ Там же. – С. 233.

¹⁴ Белявский Н. Н. Полицейское право / 3-е изд., доп. – Петроград: Типография товарищества «Екатерингофское печатное дело», 1915. – 409 с. – С. 89.

газетам – «Московский вестник» (1882 г.)²⁴, «Московская газета» (1882 г.)²⁵, «Основа» (1883 г.)²⁶, «Голос Москвы» (1884 г.)²⁷. Розничная продажа газет «Голос»²⁸ и «Петербургский листок»²⁹ была запрещена. Прекратили свое существование газеты «Московский телеграф» (1883 г.)³⁰, «Русская жизнь» (1895 г.)³¹, журналы «Отечественные записки» (1884 г.)³², «Новое слово» (1897 г.)³³, «Начало» (1899 г.)³⁴.

Стремясь уберечь население от распространения вредных идей, государство полностью контролировало перечень издаваемых периодических изданий и их содержание.

Полицейсты признавали важную роль печати в обеспечении безопасности. Рассматривая печать как «совокупность различных способов выражения мысли, делающих произведения одновременно доступными большому количеству людей»³⁵, В. Ф. Дерюжинский подчёркивал значимость влияния прессы на сознание людей (в том числе и отрицательное). Когда печать, в особенности периодическая, противостоит планам и мероприятиям государства, это рождает опасную для его существования ситуацию, – констатировал Н. Н. Белявский³⁶. Полицейсты признавали необходимость цензуры печатных произведений, особенно в чрезвычайных обстоятельствах³⁷, отмечая, что она выполняет «важную функцию предупреждения опас-

ностей, которые могут произойти от печатного и устного слова»³⁸.

Признавая важную роль средств массовой информации и подчеркивая значение свободы мысли, слова и печати как необходимых условий развития общества, российские полицейсты обосновывали необходимость государственно-надзорного характера регулирования деятельности печатных изданий в России как одного из способов обеспечения общественной безопасности в чрезвычайной ситуации. Меры, принятые государством в отношении цензуры в период действия исключительного положения, несмотря на свою жёсткость, в целом оценивались российскими юристами положительно, поскольку позволяли избежать излишних волнений населения и распространения крамольной информации.

Возможно, сегодня для эффективного государственного управления, согласованного с принципами правового государства, исследователям, а вместе с ними и государственным деятелям стоит обратиться к теоретическому наследию отечественной политико-правовой мысли и должным образом проанализировать прошлую практику применения чрезвычайных правовых режимов и осмыслить результативность применения мер, их составляющих. Это важно для определения перспектив развития государственно-правовой системы России [34; 39] и для определения оптимальной модели государственного механизма, функционирующего, опираясь на принцип законности [36]. Важно это и для решения конкретных вопросов, связанных с обеспечением общественной безопасности в возникающих чрезвычайных ситуациях и одновременно соблюдением прав и свобод личности. Поэтому необходимо рассмотреть вопрос о возможности включения в законодательство о чрезвычайных правовых режимах норм права, регламентирующих меры обеспечения цензуры во время действия чрезвычайного правового режима.

²⁴ Там же. – Д. 290.

²⁵ Там же. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 32–34.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. – Л. 35–36.

²⁸ Там же. – Л. 44–45.

²⁹ Там же. – Л. 46.

³⁰ Там же. – Л. 45.

³¹ Там же. – Л. 46–47.

³² Дерюжинский В. Ф. Полицейское право. – С. 106–109.

³³ Белявский Н. Н. Полицейское право. – С. 89.

³⁴ Шеймин П. Н. Полицейское право. – Одесса: Типо-литография П. Францова, 1887. – 601 с. – С. 391.

³⁵ Андреевский И. Е. Полицейское право: – Т. 1. – С. 254–273.

³⁶ Белявский Н. Н. Полицейское право. – Юрьев: Типография К. Маттисена, 1915. – С. 139.

³⁷ Шеймин П. Н. Полицейское право. – С. 391.

³⁸ Андреевский И. Е. Полицейское право. – Т. 1. – С. 254–273.

Список литературы

1. Права человека: между прошлым и будущим / под ред Н. В. Варламовой, Т. А. Васильевой, Н. В. Колотовой. – Москва: Норма, 2021. – 448 с.
2. *Нижник Н. С., Держилева С. Ю.* Государство и право в теоретико-правовых воззрениях А. И. Елистратова. – Москва: Юрлитинформ, 2017. – 376 с.
3. *Нижник Н. С., Никифорова С. А.* Государство и право в теоретико-правовых воззрениях Э. Н. Берендтса. – Москва: Юрлитинформ, 2019. – 232 с.
4. *Nizhnik N. S.* Police-law theory on the regulation of public relations in the police state / European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. International Scientific and Practical Conference. – Veliky Novgorod, 2021. – P. 1826–1835.
5. *Биюшкина Н. И.* Роль и значение полицейстики в истории и теории юридической науки и практики // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2021. – № 5 (81). – С. 63–67.
6. *Никифорова С. А.* Российская полицейстика в лицах: Эдуард Николаевич Берендтс // Genesis: исторические исследования. – 2015. – № 6. – С. 828–843.
7. *Никифорова С. А.* Э. Н. Берендтс о статусе полиции в полицейском и правовом государстве // Genesis: исторические исследования. – 2016. – № 6. – С. 149–161.
8. *Никифорова С. А.* Э. Н. Берендтс об административной юстиции как атрибутивном элементе правового государства / Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте со-

- временных научных исследований: материалы Международной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2016. – С. 139–145.
9. *Никифорова С. А.* Э. Н. Берендтс о государстве и праве в начале XX века / Российская полиция: три века служения Отечеству [Электронный ресурс]: материалы юбилейной Международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции / под ред. Н. С. Нижник. – Электронные дан. (19,6 Мб). – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. – С. 323–330.
10. *Козинникова Е. Н.* Обеспечение безопасности как условие и результат правоприменительной деятельности (по работам В. М. Гессена) / Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 17–18 сентября 2015 г. – Краснодар: Издательский Дом – Юг, 2015. – С. 821–824.
11. *Козинникова Е. Н.* Государственно-правовая концепция национальной безопасности В. М. Гессена – теоретическое наследие российской полицейстики / Актуальные проблемы юридической науки, практики и высшего образования: II Ежегодные научные чтения, посвященные памяти Почетного президента СПбЮА профессора Зыбина С. Ф. – Санкт-Петербург: СПбЮА, 2015. – С. 113–117.
12. *Козинникова Е. Н.* Российская полицейстика в лицах: Владимир Матвеевич Гессен // Genesis: исторические исследования. – 2016. – № 6. – С. 96–107.
13. *Геворкян Д. С.* Российская полицейстика в лицах: Владимир Федорович Дерюжинский // Genesis: исторические исследования. – 2015. – № 6. – С. 813–827.
14. *Дергилева С. Ю.* Российская полицейстика в лицах: Аркадий Иванович Елистратов // Genesis: исторические исследования. – 2015. – № 6. – С. 844–859.
15. *Нижник Н. С., Дергилева С. Ю.* От полицейского государства к правовому: А. И. Елистратов о закономерностях эволюции государственно-правовых систем // Совершенствование законодательства о полиции и полицейской деятельности: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Омск: Омская академия МВД России, 2016. – С. 108–114.
16. *Нижник Н. С., Дергилева С. Ю.* Полицейско-правовая теория конца XIX – начала XX века о личности – субъекте публично-правовых отношений в полицейском государстве // Nomothetika: Философия. Социология. Право. – 2020. – Т. 45. – № 4. – С. 750–760.
17. *Стрекалин А. В.* Российская полицейстика в лицах: Виктор Викторович Ивановский // Genesis: исторические исследования. – 2015. – № 6. – С. 787–800.
18. *Егоров Н. Ю.* Российская полицейстика в лицах: Иван Трофимович Тарасов // Genesis: исторические исследования. – 2015. – № 6. – С. 801–812.
19. *Егоров Н. Ю.* Особый правовой режим как средство охраны общественной безопасности (по работам И. Т. Тарасова) // Genesis: исторические исследования. – 2017. – № 11. – С. 112–121.
20. *Егоров Н. Ю. И. Т. Тарасов* о значении полицейской деятельности в организации жизни общества / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции): материалы XIV Международной научно-теоретической конференции / под ред. Н. С. Нижник: в 2 т. – Т. I. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2017. – С. 72–75.
21. *Егоров Н. Ю. И. Т. Тарасов* о методах решения государственных задач в правовом и полицейском государстве / Актуальные проблемы теории и истории государства и права: Труды кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России / под ред. Н. С. Нижник. – Вып. 1. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2017. – С. 146–154.
22. *Егоров Н. Ю.* О модели эффективно функционирующих органов исполнительной власти в полицейском государстве (по работам И. Т. Тарасова) / Российская полиция: три века служения Отечеству [Электронный ресурс]: материалы юбилейной Международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. / под ред. Н. С. Нижник. – Электронные дан. (19,6 Мб). – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. – С. 314–318.
23. *Нижник Н. С.* Полицейское государство – социюридический феномен: характеристика существенных черт в отечественной полицейско-правовой теории // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2018. – № 6. – С. 123–130.
24. *Чукаев Т. О.* Самоорганизация общества как фактор обеспечения внутренней безопасности (по работам В. Н. Лешкова) / Актуальные проблемы юридической науки, практики и высшего образования. II Ежегодные научные чтения, посвященные памяти Почетного президента СПбЮА профессора Зыбина С. Ф. – Санкт-Петербург: СПбЮА, 2015. – С. 230–232.
25. *Чукаев Т. О.* Проблемы взаимосвязи государства и общества в теоретическом наследии В. Н. Лешкова // Вестник Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя: научно-практическое издание. Саратов, 2016. – С. 155–157.
26. *Чукаев Т. О.* Народ и органы государственной власти: анализ взаимодействия и сотрудничества в теоретическом наследии В. Н. Лешкова // Advances in Law Studies. – 2018. – Т. 6. – № 3. – С. 26–30.
27. *Нижник Н. С.* Полицейско-правовая теория об институционализации государственного управления и месте полиции в механизме государства / Современные проблемы общей теории права: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию независимости Республики Казахстан и 60-летию Алматинской академии МВД Республики Казахстан. – Алмата: Алматинская академия МВД Республики Казахстан, – 2016. – С. 13–26.
28. *Биюшкина Н. И.* Ограничения и запреты в развитии цензурного законодательства Российской империи второй половины XIX века // Юридическая техника. – 2018. – № 12. – С. 90–94.
29. *Биюшкина Н. И.* Особенности правового регулирования полицейской деятельности в российском государстве во второй половине XIX века / Российская полиция: три века служения Отечеству [Электронный ресурс]: материалы юбилейной Международной научной конференции, посвященной

300-летию российской полиции / под ред. Н. С. Нижник. – Электронные дан. (19,6 Мб). – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. – С. 632–635.

30. *Потанов Ю. А.* Российское законодательство о цензуре XVIII – начало XX века. – Москва : Юрайт, 2018. – 168 с.

31. Культуральные исследования права / под общ. ред. И. Л. Честнова, Е. Н. Тонкова. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2018. – 467 с.

32. *Козинникова Е. Н.* Исключительное положение как чрезвычайный правовой режим (опыт анализа нормативных актов и работ полицейстов Российской империи конца XIX – начала XX века) // Genesis: исторические исследования. – 2017. – № 11. – С. 87–95.

33. *Козинникова Е. Н.* О полномочиях полиции в условиях чрезвычайного правового режима исключительного положения в Российской империи в оценке полицейстов конца XIX – начала XX века // Философия права. – 2018. – № 1 (84). – С. 128–135.

34. *Нижник Н. С., Алиев Я. Л.* Доктрина юридического прогнозирования: определение сценариев развития государственно-правовых явлений / Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : Международная научно-практическая конференция / под общ. ред. А. И. Каплунова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. – С. 133–138.

35. *Nizhnik N. S., Bavsun M. V., Aliev Ya. L., Astafichev P. A., Kvitchuk A. S.* State and law: transformation vectors in modern conditions / SHS Web of Conferences. IX Baltic Legal Forum «Law and Order in the Third Millennium». – Kaliningrad, 2021. – P. 01015.

36. *Нижник Н. С., Бавсун М. В., Астафичев П. А., Алиев Я. Л., Квитчук А. С.* Законность как основополагающее начало российского права. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. – 328 с.

References

1. Prava cheloveka: mezhdru proshlym i budushchim / pod red N. V. Varlamovoy, T. A. Vasil'yevoy, N. V. Kolotovoy. – Moskva: Norma, 2021. – 448 s.

2. *Nizhnik N. S., Dergileva S. Yu.* Gosudarstvo i pravo v teoretiko-pravovykh vozzreniyakh A. I. Yelistratova. – Moskva: Yurlitinform, 2017. – 376 s.

3. *Nizhnik N. S., Nikiforova S. A.* Gosudarstvo i pravo v teoretiko-pravovykh vozzreniyakh E. N. Berendtsa. – Moskva: Yurlitinform, 2019. – 232 s.

4. *Nizhnik N. S.* Police-law theory on the regulation of public relations in the police state / European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. International Scientific and Practical Conference. – Veliky Novgorod, 2021. – P. 1826–1835.

5. *Biyushkina N. I.* Rol' i znachenie politseistiki v istorii i teorii yuridicheskoy nauki i praktiki // Vestnik Universiteta imeni O. Ye. Kutafina (MGYUA). – 2021. – № 5 (81). – S. 63–67.

6. *Nikiforova S. A.* Rossiyskaya politseistika v litsakh: Eduard Nikolayevich Berendts // Genesis: istoricheskiye issledovaniya. – 2015. – № 6. – S. 828–843.

7. *Nikiforova S. A. E. N. Berendts* o statusе politzii v politseyskom i pravomom gosudarstve // Genesis: istoricheskiye issledovaniya. – 2016. – № 6. – S. 149–161.

8. *Nikiforova S. A. E. N. Berendts* ob administrativnoy yustitsii kak atributivnom elemente pravovogo gosudarstva / Pravookhranitel'naya deyatel'nost' organov vnutrennikh del v kontekste sovremennykh nauchnykh issledovaniy: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2016. – S. 139–145.

9. *Nikiforova S. A. E. N. Berendts* o gosudarstve i prave v nachale XX veka / Rossiyskaya politsiya: tri veka sluzheniya Otechestvu [Elektronnyy resurs]: materialy yubileynoy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 300-letiyu rossiyskoy politzii / pod red. N. S. Nizhnik. – Elektronnyye dan. (19,6 Mb). – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2018. – S. 323–330.

10. *Kozinnikova Ye. N.* Obespecheniye bezopasnosti kak usloviye i rezul'tat pravoprimeritel'noy deyatel'nosti (po rabotam V. M. Gessena) / Aktual'nyye problemy prava i pravoprimeritel'noy deyatel'nosti na sovremennom etape : materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., 17–18 sentyabrya 2015 g. – Krasnodar : Izdatel'skiy Dom – Yug, 2015. – S. 821–824.

11. *Kozinnikova Ye. N.* Gosudarstvenno-pravovaya kontseptsiya natsional'noy bezopasnosti V. M. Gessena – teoreticheskoye naslediyе rossiyskoy politseistiki / Aktual'nyye problemy yuridicheskoy nauki, praktiki i vysshego obrazovaniya: II Yezhegodnyye nauchnyye chteniya, posvyashchonnyye pamyati Pochetnogo prezidenta SPbYuA professora Zybina S. F. – Sankt-Peterburg: SPbYUA, 2015. – S. 113–117.

12. *Kozinnikova Ye. N.* Rossiyskaya politseistika v litsakh: Vladimir Matveyevich Gessen // Genesis: istoricheskiye issledovaniya. – 2016. – № 6. – S. 96–107.

13. *Gevorkyan D. S.* Rossiyskaya politseistika v litsakh: Vladimir Fedorovich Deryuzhinskiy // Genesis: istoricheskiye issledovaniya. – 2015. – № 6. – S. 813–827.

14. *Dergileva S. Yu.* Rossiyskaya politseistika v litsakh: Arkadiy Ivanovich Yelistratov // Genesis: istoricheskiye issledovaniya. – 2015. – № 6. – S. 844–859.

15. *Nizhnik N. S., Dergileva S. Yu.* Ot politseyskogo gosudarstva k pravovomu: A. I. Yelistratov o zakonomernostyakh evolyutsii gosudarstvenno-pravovykh sistem // Sovershenstvovaniye zakonodatel'stva o politzii i politseyskoy deyatel'nosti : materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2016. S. 108–114.

16. *Nizhnik N. S., Dergileva S. Yu.* Politseysko-pravovaya teoriya kontsa XIX – nachala XX veka o lichnosti – sub'yekte publichno-pravovykh otnosheniy v politseyskom gosudarstve // Nomothetika: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo. – 2020. – T. 45. – № 4. – S. 750–760.

17. *Strekalin A. V.* Rossiyskaya politseistika v litsakh: Viktor Viktorovich Ivanovskiy // Genesis: istoricheskiye issledovaniya. – 2015. – № 6. – S. 787–800.

18. *Yegorov N. Yu.* Rossiyskaya politseistika v litsakh: Ivan Trofimovich Tarasov // Genesis: istoricheskiye issledovaniya. – 2015. – № 6. – S. 801–812.
19. *Yegorov N. Yu.* Osobyi pravovoy rezhim kak sredstvo okhrany obshchestvennoy bezopasnosti (po rabotam I. T. Tarasova) // Genesis: istoricheskiye issledovaniya. – 2017. – № 11. – S. 112–121.
20. *Yegorov N. Yu.* I. T. Tarasov o znachenii politseyskoy deyatel'nosti v organizatsii zhizni obshchestva / Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (navstrechu 300-letiyu rossiyskoy politsii) : materialy XIV Mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii / pod red. N. S. Nizhnik: v 2 t. – T. I. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2017. – S. 72–75.
21. *Yegorov N. Yu.* I. T. Tarasov o metodakh resheniya gosudarstvennykh zadach v pravovom i politseyskom gosudarstve / Aktual'nyye problemy teorii i istorii gosudarstva i prava: Trudy kafedry teorii gosudarstva i prava Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii / pod red. N. S. Nizhnik. – Vyp. 1. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2017. – S. 146–154.
22. *Yegorov N. Yu.* O modeli effektivno funktsioniruyushchikh organov ispolnitel'noy vlasti v politseyskom gosudarstve (po rabotam I. T. Tarasova) / Rossiyskaya politsiya: tri veka sluzheniya Otechestvu [Elektronnyy resurs] : materialy yubileynoy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 300-letiyu rossiyskoy politsii. / pod red. N. S. Nizhnik. – Elektronnyye dan. (19,6 Mb). – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2018. – S. 314–318.
23. *Nizhnik N. S.* Politseyskoye gosudarstvo – sotsioyuridicheskiy fenomen: kharakteristika sushchnostnykh chert v otechestvennoy politseysko-pravovoy teorii // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. – 2018. – № 6. – S. 123–130.
24. *Chukayev T. O.* Samoorganizatsiya obshchestva kak faktor obespecheniya vnutrenney bezopasnosti (po rabotam V. N. Leshkova) / Aktual'nyye problemy yuridicheskoy nauki, praktiki i vysshego obrazovaniya. II Yezhegodnyye nauchnyye chteniya, posvyashchennyye pamyati Pochetnogo prezidenta SPbYuA professora Zybina S. F. – Sankt-Peterburg: SPbYuA, 2015. – S. 230–232.
25. *Chukayev T. O.* Problemy vzaimosvyazi gosudarstva i obshchestva v teoreticheskom nasledii V. N. Leshkova // Vestnik Moskovskogo oblastnogo filiala Moskovskogo universiteta MVD Rossii imeni V. Ya. Kikotya : nauchno-prakticheskoye izdaniye. Saratov, 2016. – S. 155–157.
26. *Chukayev T. O.* Narod i organy gosudarstvennoy vlasti: analiz vzaimodeystviya i sotrudnichestva v teoreticheskom nasledii V. N. Leshkova // Advances in Law Studies. – 2018. – T. 6. – № 3. – S. 26–30.
27. *Nizhnik N. S.* Politseysko-pravovaya teoriya ob institutsionalizatsii gosudarstvennogo upravleniya i meste politsii v mekhanizme gosudarstva / Sovremennyye problemy obshchey teorii prava : materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 25-letiyu nezavisimosti Respubliki Kazakhstan i 60-letiyu Almatinskoy akademii MVD Respubliki Kazakhstan. – Almaty: Almatinskaya akademiya MVD Respubliki Kazakhstan, – 2016. – S. 13–26.
28. *Biyushkina N. I.* Ogranicheniya i zaprety v razvitii tsenzurnogo zakonodatel'stva Rossiyskoy imperii vtoroy poloviny XIX veka // Yuridicheskaya tekhnika. – 2018. – № 12. – S. 90–94.
29. *Biyushkina N. I.* Osobennosti pravovogo regulirovaniya politseyskoy deyatel'nosti v rossiyskom gosudarstve vo vtoroy polovine XIX veka / Rossiyskaya politsiya: tri veka sluzheniya Otechestvu [Elektronnyy resurs] : materialy yubileynoy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 300-letiyu rossiyskoy politsii / pod red. N. S. Nizhnik. – Elektronnyye dan. (19,6 Mb). – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2018. – S. 632–635.
30. *Potapov Yu. A.* Rossiyskoye zakonodatel'stvo o tsenzure XVIII nachalo KHKH veka. – Moskva : Yurayt, 2018. – 168 s.
31. Kul'tural'nyye issledovaniya prava / pod obshch. red. I. L. Chestnova, Ye. N. Tonkova. – Sankt-Peterburg: Aleteyya, 2018. – 467 s.
32. *Kozinnikova Ye. N.* Isklyuchitel'noye polozheniye kak chrezvychaynyy pravovoy rezhim (opyt analiza normativnykh aktov i rabot politseistov Rossiyskoy imperii kontsa XIX – nachala XX veka) // Genesis: istoricheskiye issledovaniya. – 2017. – № 11. – S. 87–95.
33. *Kozinnikova Ye. N.* O polnomochiyakh politsii v usloviyakh chrezvychaynogo pravovogo rezhima isklyuchitel'nogo polozheniya v Rossiyskoy imperii v otsenke politseistov kontsa XIX – nachala KHKH veka // Filosofiya prava. – 2018. – № 1 (84). – S. 128–135.
34. *Nizhnik N. S., Aliyev Ya. L.* Doktrina yuridicheskogo prognozirovaniya: opredeleniye stsenariyev razvitiya gosudarstvenno-pravovykh yavleniy / Aktual'nyye problemy administrativnogo i administrativno-protssessual'nogo prava (Sorokinskiye chteniya) : Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya / pod obshch. red. A. I. Kaplunova. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2021. – S. 133–138.
35. *Nizhnik N. S., Bavsun M. V., Aliyev Ya. L., Astafichev P. A., Kvitchuk A. S.* State and law: transformation vectors in modern conditions / SHS Web of Conferences. IX Baltic Legal Forum «Law and Order in the Third Millennium». – Kaliningrad, 2021. – P. 01015.
36. *Nizhnik N. S., Bavsun M. V., Astafichev P. A., Aliyev Ya. L., Kvitchuk A. S.* Zakonnost' kak osnovopolagayushcheye nachalo rossiyskogo prava. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2021. – 328 s.

Статья поступила в редакцию 29.12.2021; одобрена после рецензирования 10.02.2022; принята к публикации 14.03.2022.

The article was submitted December 29, 2021; approved after reviewing February 10, 2022; accepted for publication March 14, 2022.

Научная статья
УДК 34.01
doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-36-40.

Елена Евгеньевна Степанова

<https://orcid.org/0000-0002-0547-1050>, kanuzelena@inbox.ru

*Главное управление МВД России по Иркутской области
Российская Федерация, 664023, Иркутск, ул. Лыткина, д. 79А*

Законодательное регулирование статуса северо-западной территории Северной Америки в составе Российской империи

Аннотация: Проблема изучения колониационной политики является одним из актуальных вопросов современной историко-правовой науки, так как позволяет раскрыть особенности государственно-правового формирования Российской империи. Империистроительство в России отличалось своеобразием, которое предопределялось правовой политикой государства по завоеванию и открытию новых территорий. Научный интерес вызывает проблема освоения территории Северной Америки. Существует множество подходов к оценке правового статуса данной территории в составе имперской России. Материалами исследования явились правовые акты, содержащиеся в Полном собрании законов Российской империи; научные труды исследователей, изучающих российские колонии в Северной Америке. Теоретической основой статьи явились работы правоведов XIX – начала XX в., изыскания советских и современных правоведов, занимающихся проблемой империистроительства в России.

Методологическую основу статьи составила совокупность общенаучных и частнонаучных методов познания, предопределивших всестороннее и комплексное изучение объекта и предмета исследования. При подготовке статьи использовались формально-юридический, системно-структурный, историко-правовой методы исследования.

Результаты исследования позволили охарактеризовать специфику правового регулирования на северо-западной территории Северной Америки в составе Российской империи. Сделан вывод, что опыт государственно-правового развития Северной Америки в составе Российской империи способствует раскрытию исторически сложившихся особенностей государственного устройства и деятельности органов государственной власти; объясняет особенности внешней политики Российской империи, осуществлявшейся в ходе присоединения к государству северо-западной территории Северной Америки.

Ключевые слова: государство, государственно-правовое развитие, Российская империя, Северная Америка, Российско-Американская компания, Аляска

Для цитирования: Степанова Е. Е. Законодательное регулирование статуса северо-западной территории Северной Америки в составе Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 1 (93). – С. 36–40; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-36-40.

Elena E. Stepanova

<https://orcid.org/0000-0002-0547-1050>, kanuzelena@inbox.ru

*The department of information and public relations
of the Main Directorate of the MIA of Russia for the Irkutsk region
79A, st. Lytkina, Irkutsk, 664023, Russian Federation*

Legislative regulation of the status of the northwest territory of the North America within the Russian Empire

Abstract: The studies of colonization belong to the topical issues of modern historical and legal science, since they allow to reveal the features of the state-legal formation of the Russian Empire. Empire-building in Russia had distinguishing characteristics predetermined by the legal policy of the state toward conquering and discovering new lands. The colonization of the North America is a problem of scientific interest, and

there are many approaches to assessing the legal status of this territory as part of imperial Russia. The research materials were legal acts contained in the Complete Collection of laws of the Russian Empire; scientific works of researchers studying Russian colonies in North America. The theoretical basis of the article is the work of jurists of the XIX - beginning of the XX century, the research of Soviet and modern jurists exploring the empire building in Russia. The methodological basis of the article was a set of general and special methods of inquiry, which predetermined a comprehensive and complete study of the object and matter of research. Formal legal, systematic, and historical legal research methods were used in the preparation of the article. The results of the study allow us to characterize the specifics of legal control of the northwest territory of North America as part of the Russian Empire. The author concludes that the experience of the state and legal development of North America as part of the Russian Empire contributes to the disclosure of the historically established features of the state structure and the activities of state authorities; explains the peculiarities of the foreign policy of the Russian Empire carried out during the seizure of the northwestern territory of North America.

Keywords: state, state-legal development, Russian Empire, North America, Russian-American company, Alaska

For citation: Stepanova E. E. Legislative regulation of the status of the northwest territory of the North America within the Russian Empire // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 1 (93). – P. 36–40; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-36-40.

Введение

Исследование вопросов, касающихся определения статуса северо-западной территории Северной Америки в составе Российской империи, до настоящего времени не теряет своей актуальности, прежде всего, в контексте проводимых в Российской Федерации политико-правовых преобразований по укреплению государственности, сохранению государственного единства, обеспечению режима законности на территории современного государства [1] и в перспективе – в условиях трансформации государственно-правовой организации глобализирующегося мира [2, р. 01015]. Особое значение приобретает опыт, который позволяет раскрыть исторически сложившиеся особенности государственного устройства и деятельности органов государственной власти. Пристальное внимание учёных и законодательных органов в настоящее время сосредоточено на регулировании правового статуса малочисленных коренных народов Севера. В то же время значительный научный интерес со стороны российских и зарубежных учёных представляют вопросы, связанные с внешней политикой Российской империи и присоединением к составу государства новых территорий, в том числе новооткрытых земель [3, с. 10]. Исследователи справедливо полагают, что изучение процессов колонизационной деятельности Российского государства будет способствовать определению детерминант правовой политики по открытию и освоению данной территории, позволит осмыслить тенденции в системе государственного управления на окраинах страны¹ [4; 5].

Отдельные аспекты развития российской государственности в период империостроительства получили освещение в специальной юри-

дической литературе. Вместе с тем в настоящее время одним из пробельных вопросов в теоретико-исторической правовой науке следует признать определение правового статуса северо-западной территории Северной Америки в составе государства. Таким образом, осознание научной и социально-культурной ценности исследования исторического правового опыта государственного строительства на северо-западной территории Северной Америки имеет политико-правовое значение.

Проведённое исследование позволило сформулировать концепцию государственно-правового развития новооткрытых земель в составе Российской империи в XVII–XIX вв., согласно которой правовая политика России в период империостроительства отличалась многообразием методов и средств, обусловивших асимметрию в регламентации положения территорий, освоенных в ходе колонизационной политики.

Описание исследования

Изучение колонизационной политики Российской империи показало, что Северная Аме-

Петербург, 2000. – 647 с.; Ермолаев А. Н. Российско-Американская компания и императорское правительство: государственный контроль за деятельностью акционерной монополистической организации (1799–1867) : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Ермолаев Алексей Николаевич. – Кемерово, 2000. – 220 с.; Савельев И. В. Промысловое освоение Русской Америки во второй половине XVIII века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Савельев Иван Вячеславович. – Архангельск, 2002. – 197 с.; Миронов И. Б. Политика правительства Российской империи в освоении и ликвидации северо-американских колоний (1799–1867 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Миронов Иван Борисович. – Москва, 2011. – 22 с.; Егорова Ю. С. Взаимоотношения Русской Православной церкви и Российско-американской компании в контексте колониальной политики Российской империи на Аляске (1793–1867) : дис. ... канд. юрид. наук: 07.00.03 / Егорова Юлия Сергеевна. – Ярославль, 2016. – 198 с.; Капалин Г. М. Деятельность Русской Православной Церкви на Аляске в 1741–1867 гг. : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Капалин Герман Михайлович. – Москва, 2010. – 350 с.

¹ Зорин А. В. Индейская война в Русской Америке : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Зорин Александр Васильевич. – Курск, 1999. – 309 с.; Гринев А. В. Российская колонизация Аляски: её ход, характер и результаты: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Гринев Андрей Вальтерович. – Санкт-

рика представляла значительный интерес, который был обусловлен двумя факторами. Прежде всего, значение имели задачи государства на внешнеполитической арене, направленные на укрепление внешней безопасности от вторжения иностранных государств. Также внешнеполитический интерес к открытию новых территорий был обусловлен активной деятельностью европейских государств. Немаловажную роль имела внутривойсковая стратегия, предусматривающая создание имперской формы государственности и целенаправленное расширение территории государства на суше и в пределах морского пространства [6, с. 313].

Колонизация новоосвоенных земель базировалась на принципах целесообразности, системности и гуманизма:

- принцип целесообразности состоял в присоединении данной территории, что способствовало наращиванию стратегического потенциала, развитию экономики, установлению международных торговых отношений; освоение новых территорий способствовало пополнению казны государства за счёт взимания ясачного сбора с коренных народов;

- принцип системности означает, что освоение территории происходило поэтапно, правительство разрабатывало меры, которые отвечали потребностям на каждом из этапов колонизации; правительство планомерно организовывало исследовательско-промысловые экспедиции, финансовую и ресурсную основу которых обеспечивали сибирские купцы и промышленники;
- принцип гуманизма колонизационной деятельности заключался в использовании мирных методов и средств в ходе присоединения и освоения данной территории [7, с. 211] (Российская империя в ходе колонизации данной территории отличалась политикой, не присущей колониальному государству, в котором метрополия осуществляла управление колонией с помощью насильственного принуждения²).

Оформление новооткрытых земель основывалось на международных нормах, согласно которым:

- основанием присоединения территории являлось первооткрывательство – присоединение территории, не принадлежащей другому государству;

- основанием присоединения территории являлись первоосвоение и первоосвоение, проведённые в рамках колонизационной политики государства.

Эти правила были признаны на межгосударственном уровне и закреплены в Конвенциях 1824, 1825 гг.³

С 1648–1660 гг. от мореплавателей Ф. Попова и С. Дежнёва была получена информация о вероятности достигнуть берегов Северной Аме-

рики через пролив. В 1719 году Петром I была издана Инструкция мореплавателям И. Евреину и П. Лужину, в которой им нужно было плыть до Камчатки, чтобы описать и нанести на карту новые территории, а также выяснить, есть ли вероятность добраться до Америки⁴. В 1725 году была организована первая Камчатская экспедиция, цель которой – уточнить, соединяются ли Азия и Америка⁵. В 1732 году М. Гвоздев и И. Федоров достигли берегов Аляски. В период второй Камчатской экспедиции (1732–1743 гг.) Витусу Берингу предписывалось «отыскать» «соединения Камчатской земли с Америкой»⁶. В результате экспедиций был открыт американский берег, исследован пролив между Америкой и Азией, изучалось побережье Америки и Алеутских островов.

Система государственного управления новоосвоенной территории в Северной Америке была определена Указом Екатерины II от 2 марта 1766 г., который был детализирован в плане его реализации в Указе Сената «О найденных к Северу лежащих островах и живущих на них людях» от 3 июля 1779 г.⁷ Указом от 22 декабря 1786 г. «О сохранении права России на земли и острова, открытые русскими мореплавателями в Тихом океане» Екатерина II закрепила право Российского государства на новооткрытые территории и предписывает приведение туземцев в подданство Российской империи⁸.

На международном уровне по Указу от 4 сентября 1821 г. «О приведении в исполнение постановления о пределах плавания и о порядке приморских сношений вдоль берегов Восточной Сибири, северо-западной Америки и островов Алеутских, Курильских и прочих» было запрещено иностранным судам приближаться к российской территории⁹. Конвенция о разграничении территории в Северной Америке была заключена между Российской империей и США 5 (17) апреля 1824 г. в Санкт-Петербурге¹⁰. Границы «американских владений» России были очерчены, запрещалось создавать новые поселения на побережье Северной Америки и островах южнее 54°40' северной широты.

Российским государством и Великобританией 16 февраля 1825 г. в Санкт-Петербурге была заключена Конвенция «О взаимных выгодах, относящихся до торговли, мореплавания и рыбных промыслов на Тихом океане и до границ обоюдных владения их»¹¹. В данном акте определялись границы государств, в пределах которых они могли вести рыбные промыслы и заниматься судоходством.

Государственно-правовому строительству на новооткрытой территории были присущи особенности, обусловленные: военно-стратегическими целями и задачами Российского государства; геополитической отдалённостью

⁴ ПСЗ-1. – Т. V. – № 3266. – С. 607.

⁵ ПСЗ-1. – Т. VII. – № 4649. – С. 413.

⁶ ПСЗ-1. – Т. XVIII. – № 6291. – С. 1002.

⁷ ПСЗ-1. – Т. XVII. – № 12589. – С. 603; Т. XX. – № 13320. – С. 922.

⁸ Российский государственный исторический архив. – Ф. 994. Мордвиновы, графы. – Оп. 2. – Д. 866. – Л. 2, 2 об.

⁹ ПСЗ-1. – Т. XXXVII. – № 28747. – С. 903.

¹⁰ ПСЗ-1. – Т. XXXIX. – № 29861а. – С. 251.

¹¹ ПСЗ-1. – Т. XL. – № 30233а. – С. 72.

² Головин П. К. Обзор русских колоний в Северной Америке. – Санкт-Петербург: Тип. Морского министерства, 1862. – С. 101.

³ Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1-е] (далее – ПСЗ-1). – Т. XXXIX. – № 29861а. – С. 252; ПСЗ-1. – Т. XL. – № 30233 а. – С. 73.

территории; недостатком русскоязычных переселенцев; низкой плотностью местного населения, находившегося на стадии разложения первобытно-общинных отношений; этнополитическим многообразием коренных народов и самобытностью их культуры¹².

Процесс государственно-правового строительства на северо-западной территории Северной Америки характеризовался проведением административно-территориальных преобразований, предусматривавших создание системы регионального управления; формированием государственных органов местного управления и суда с компетенциями большего объёма, чем на иных территориях Российской империи¹³.

Отдалённость северо-западной территории Северной Америки от администрации Сибирской губернии повлияла на проведение мер, предусматривающих создание государственного аппарата управления на основе принципа централизации и военизации. Правовой основой действия местной администрации выступали «Особые указы» и «Учреждения для управления Сибирских губерний» 1822 г.¹⁴ Служащим местной государственной администрации ввиду малочисленности лиц дворянского происхождения предоставлялись дополнительные льготы и преимущества по службе¹⁵.

Органы суда на северо-западной территории Северной Америки создавались с учётом местных потребностей и особенностей развития экономики региона, культурного развития местного населения, преимущественная доля которого была представлена туземцами, проживающими в стойбищах, ведущими традиционное хозяйство и имеющих родоплеменную социальную организацию. По уголовным делам функции суда и следствия выполняли главы пограничных военизированных областных правлений.

Особый статус в системе управления северо-западной территории Северной Америки имела Российско-Американская компания, конторы которой создавались в местах «русских оседлостей». Главному Правлению компании было дано право разрешения малозначительных правовых конфликтов, в том числе гражданских исков, связанных с осуществлением местным населением торгово-промышленной деятельности.

Российско-Американская компания в соответствии с Уставами 1799 г., 1821 г. и 1844 г. должна была:

- содействовать государственной администрации в Сибири проводить мероприятия по открытию, освоению и заселению новых территорий, а также принимать меры по укреплению

- обороноспособности северо-американских российских владений¹⁶ (с этой целью строились флотилии, поставлявшие продовольствие и вооружение);

- осуществлять сбор ясака с туземцев и следить за порядком среди русскоязычного и туземного населения [8, с. 99];

- этапировать преступников до военной администрации Камчатского Областного правления;

- содействовать развитию гражданско-правовых и трудовых отношений среди коренного населения.

Самоуправление характеризовалось формированием «косвенной» системы, когда с учётом островной разобщённости населения, его этнического многообразия и мобильности действовал институт родоначальников на основе родовых обычаев.

Правовое положение коренных народов Северной Америки отличалось спецификой законодательной регламентации прав, свобод и обязанностей, в том числе в сфере личных прав (личной свободы и свободы передвижения), а также в сфере гражданско-правовых, трудовых и семейных отношений. Действовала порозрядная система в отношении «прибрежных жителей Северной Америки» и коренного населения, обитающего на Курильской и Алеутской гряде.

В реализации колонизационной политики на северо-западной территории Северной Америки участвовала церковь, которая укрепляла позиции России путём правового просвещения туземцев и осознания значимости установления основ российской государственности.

Заключение

Таким образом, политика Российской империи была направлена на поэтапное интегрирование новозавоеванной территории в общее имперскую правовую систему. Проводимая политика была направлена на решение внешнеполитических задач по удержанию власти. Важной составляющей было решение экономических потребностей, связанных с регулярным поступлением в казну ясачных сборов¹⁷.

Между тем, Российско-Американской компанией и Компанией Гудзонова залива 25 января (6 февраля) 1839 г. был заключён контракт об уступке с 1 июня 1840 г. в аренду на десять лет части территорий. В 1841 г. была продана территория поселения Росс¹⁸. Конвенцией от 3 мая 1867 г. была ратифицирована уступка Российских Северо-Американских колоний Северо-Американским Соединённым Штатам¹⁹, в соответствии с которой устанавливалась Азиатско-Тихоокеанская граница Российского государства.

К числу причин уступки северо-западной территории Северной Америки США относятся

¹⁶ Wheaton H. The elements of International law. – Oxford. Clarendon press, L., 1936 (reprint of the 1846 ed). – С. 215.

¹⁷ Прутченко С. Сибирские окраины. – Санкт-Петербург: Тип. А. С. Суворина, 1899. – С. 128.

¹⁸ Тихменев П. А. Указ. соч. – С. 612, 101.

¹⁹ Полное собрание законов Российской империи. – Собрание 2-е. – Т. XLII. – № 44518. – С. 421.

¹² Окунь С. Б. Российско-Американская компания / под ред. и с предисл. Б. Д. Грекова. – Москва; Ленинград: Соцэкгиз, 1939. – С. 214.

¹³ Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского севера 1815–1841: сборник документов / сост. Т. С. Федорова, Л. И. Спиридонова; ред. колл. Н. Н. Болховитинов. – Москва: Наука, 2005. – 456 с. – С. 109.

¹⁴ ПСЗ-1. – Т. XXXVIII. – № 29125. – С. 345.

¹⁵ Тихменев П. А. Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действий её до настоящего времени. – Ч. 1. – Санкт-Петербург: Тип. Э. Веймара, 1861. – С. 612.

и внешние, и внутренние факторы. Среди внешних – угроза вмешательства со стороны других держав [9, с. 63], проведение Россией политики по расширению сотрудничества с США с той целью, чтобы ослабить влияние в Тихоокеанском регионе западно-европейских государств²⁰. Внут-

ренние факторы были связаны с трудностями, обусловленными осуществлением управленческих колонизационных процессов²¹. Немаловажным фактором являлась необходимость финансирования процесса колонизации и проблемы снижения доходности промысловой и торговой деятельности коренного населения [10, с. 264].

²⁰ Бахрушин С. В. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. – Ч. 1–2: Вопросы русской колонизации Сибири в XVI–XVII вв. – Москва: АН СССР, 1955. – С. 279.

²¹ Бахрушин С. В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI–XVII вв. – Москва: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1927. – С. 128.

Список литературы

1. Нижник Н. С., Бавсун М. В., Астафичев П. А., Алиев Я. Л., Квитчук А. С. Законность как основополагающее начало российского права. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. – 328 с.
2. Nizhnik N. S., Bavsun M. V., Aliev Ya. L., Astafichev P. A., Kvitchuk A. S. State and law: transformation vectors in modern conditions // SHS Web of Conferences. IX Baltic Legal Forum «Law and Order in the Third Millennium». – Kaliningrad, 2021. – P. 01015.
3. Авдеева О. А., Степанова Е. Е. Теоретико-методологические аспекты реализации правовой политики в сфере территориальной организации государственной власти в условиях колонизации северо-западной территории Северной Америки // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. – 2020. – № 3 (94). – С. 9–18.
4. Макарова Р. В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. – Москва: Наука, 1968. – 200 с.
5. Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма (компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.). – Иркутск: Оттиск, 2002. – 208 с.
6. Болховитинов Н. Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834–1867. – Москва: Наука, 1990. – 368 с.
7. Болховитинов Н. Н. Контракт между Российско-американской компанией (РАК) и Компанией Гудзонова залива (КГЗ) от 25 января (6 февраля) 1839 года и ликвидация колонии Росс в Калифорнии // Американский ежегодник. – 2004. – С. 279–291.
8. Ващенко С. А. Историко-правовые вопросы сопредельных территорий и их значение для национальной безопасности России // Труды Академии управления МВД России. – 2012. – № 4 (24). – С. 99–102.
9. Батуева Т. М. Экспансия на севере Тихого океана в середине XIX века и покупка Аляски в 1867 году. – Томск: Издательство Томского университета, 1976. – 71 с.
10. Макарова Р. В. К истории ликвидации Российско-американской компании // Проблемы истории и этнографии Америки : сборник статей. – Москва: Наука, 1979. – С. 264–274.

References

1. Nizhnik N. S., Bavsun M. V., Astafichev P. A., Aliyev Ya. L., Kvitchuk A. S. Zakonnost' kak osnovopolagayushcheye nachalo rossiyskogo prava. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2021. – 328 s.
2. Nizhnik N. S., Bavsun M. V., Aliev Ya. L., Astafichev P. A., Kvitchuk A. S. State and law: transformation vectors in modern conditions // SHS Web of Conferences. IX Baltic Legal Forum «Law and Order in the Third Millennium». – Kaliningrad, 2021. – R. 01015.
3. Avdeyeva O. A., Stepanova Ye. Ye. Teoretiko-metodologicheskiye aspekty realizatsii pravovoy politiki v sfere territorial'noy organizatsii gosudarstvennoy vlasti v usloviyakh kolonizatsii severo-zapadnoy territorii Severnoy Ameriki // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennikh del Rossii. – 2020. – № 3 (94). – S. 9–18.
4. Makarova R. V. Russkiye na Tikhom okeane vo vtoroy polovine XVIII v. – Moskva: Nauka, 1968. – 200 s.
5. Dameshchek I. L. Sibir' v sisteme imperskogo regionalizma (komparativnoye issledovaniye okrainnoy politiki Rossii v pervoy polovine XIX v.). – Irkutsk: Ottisk, 2002. – 208 s.
6. Bolkhovitinov N. N. Russko-amerikanskiye otnosheniya i prodazha Alyaski, 1834–1867. – Moskva: Nauka, 1990. – 368 s.
7. Bolkhovitinov N. N. Kontrakt mezhdru Rossiysko-amerikanskoy kompaniyey (RAK) i Kompaniyey Gudzonova zaliva (KGZ) ot 25 yanvarya (6 fevralya) 1839 goda i likvidatsiya kolonii Ross v Kalifornii // Amerikanskiy yezhegodnik. – 2004. – S. 279–291.
8. Vashchenkov S. A. Istoriko-pravovyye voprosy sopredel'nykh territoriy i ikh znacheniye dlya natsional'noy bezopasnosti Rossii // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. – 2012. – № 4 (24). – S. 99–102.
9. Batuyeva T. M. Ekspansiya na severe Tikhogo okeana v seredine XIX veka i pokupka Alyaski v 1867 godu. – Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1976. – 71 s.
10. Makarova R. V. K istorii likvidatsii Rossiysko-amerikanskoy kompanii // Problemy istorii i etnografii Ameriki : sbornik statey. – Moskva: Nauka, 1979. – S. 264–274.

Статья поступила в редакцию 29.12.2021; одобрена после рецензирования 10.01.2021; принята к публикации 28.02.2022.

The article was submitted December 29, 2021; approved after reviewing January 10, 2022; accepted for publication February 28, 2022.

Научная статья
УДК 340.12
doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-41-48

Анна Игоревна Степанян

адъюнкт

<https://orcid.org/0000-0002-3039-4720>, anna.gevorkyan.95@bk.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1

Транснациональная полицейская деятельность современных государств в условиях глобализации

Аннотация: Статья посвящена анализу транснациональной полицейской деятельности современных государств. Целями проведённого исследования является анализ того, как политические реакции на глобализацию социального порядка оказали глубокое влияние на архитектуру и сферу деятельности полиции, её организационную культуру, приоритеты и процессы; анализ ключевых игроков международного сотрудничества полицейских, роль неправительственных организаций, способы обмена информацией в области противодействия организованной преступности, киберпреступности, нелегальной миграции и иных преступлений международного характера, а также функций полиции по поддержанию порядка и безопасности в постконфликтных зонах, обеспечению миротворческих операций, реагированию на транснациональные катастрофы и поиск людей, пропавших без вести за рубежом. В ходе исследования автор приходит к выводам, что идея международных полицейских сил имеет глубокие корни, но стала реальностью только под эгидой Организации Объединённых Наций в 1960-х годах. Создана мощная глобальная полицейская структура. Общие базы данных и общая полицейская доктрина обеспечивают взаимодействие и совместную деятельность по расследованию во всех континентальных регионах. Хотя необходимость в международном сотрудничестве очевидна, создание успешных схем для такого межгосударственного взаимодействия является сложным процессом. Правовые и политические системы, стандарты, процедуры, связанные с осуществлением правосудия, в странах неодинаковы. Страны имеют отличающиеся уровни профессионализма сотрудников своих полицейских систем и различные экономические возможности для финансирования операций по обеспечению национальной безопасности.

Ключевые слова: полицейское сотрудничество, глобализация, современное государство, трансграничное сотрудничество, организованная преступность

Для цитирования: Степанян А. И. Транснациональная полицейская деятельность современных государств в условиях глобализации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 1 (93). – С. 41–48; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-41-48.

Anna I. Stepanyan

Graduate

<https://orcid.org/0000-0002-3039-4720>, anna.gevorkyan.95@bk.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Transnational police activity of modern states in the context of globalization

Abstract: The article is dedicated to the analysis of the transnational police activity of modern states. The objectives of the study are to analyze how the political reactions to the globalization of the social order influenced the structure and scope of the police activities, its organizational culture, priorities and processes. Author analyses the key stockholders in the international police cooperation, the role of non-commercial organizations, the methods of interaction in the field of combating organized crime, cyber-crime, illegal migration and other international offences, as well as police functions in the spheres of peace and safety maintenance in the post-war zones, peacemaking support, reaction to transnational emergencies and the search for missing people abroad. In the course of the study, the author concludes that even though the idea of an international police force has a long history, it only became a reality under the auspices of the United Nations Organization in the 1960s. A powerful global police structure has been created. Common databases and common police guidelines guarantee an interaction and joint investigation activities in all continental regions. Despite the fact that the necessity of the international cooperation is obvious, the creation of the successful scheme for such an interaction is still a challenging issue. Legal and political systems, standards, procedures related to justice vary in different countries. Local police forces possess varying levels of competence and budget in order to support activities ensuring the national security.

Keywords: police cooperation, association, population of the country, cross-border cooperation, organized crime..

For citation: Stepanyan A. I. Transnational police activity of modern states in the context of globalization // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 1 (93). – P. 41–48; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-41-48.

Введение

Эпоха глобализации, в которой в настоящее время находится мир, характеризуется возрастанием взаимозависимости субъектов международных отношений и увеличением числа проблем, которые не могут быть решены в рамках одного государства и требуют взаимодействия различных стран и международных организаций [8, с. 36]. Современная глобализация может быть определена как универсализация социального порядка, предполагающая, с одной стороны, обеспечение соответствия множества уникальных национальных порядков неким единым стандартам, с другой – формирование наднационального социального порядка, в рамках которого такие стандарты вырабатываются и поддерживаются [7, с. 22].

Уже очевидным фактом в современном мире является глобализация (интернационализация) различных форм девиантности: преступности, включая организованную, проституции (prostitutes traffic), наркотизма (drugs traffic), терроризма, торговли людьми (human trafficking) [15, с. 215]. Этот процесс является закономерным, поскольку девиантность и преступность (их структура, масштабы, динамика) зависят от экономических, политических, социальных, демографических и иных факторов. Глобализация девиантных проявлений и является следствием глобализации экономических, социальных, демографических (в частности, оживлённая миграция населения), культуральных процессов [5, с. 24].

Повестка дня полиции в настоящее время более явно носит транснациональный характер: борьба с организованной преступностью и терроризмом, управление глобальными событиями, реагирование на транснациональные катастрофы и поиск людей, пропавших без вести за рубежом – в различных видах полицейской работы находят применение действия, имеющие транснациональный характер [27, с. 43]. Система национальных государств превратилась в транснациональную государственную систему, что неизбежно вносит коррективы в функционирование органов полиции [9, с. 22]. Политические реакции на глобализацию социального порядка оказали глубокое влияние на состояние правоохранительных систем современных государств [3, с. 184; 11, с. 40], архитектуру и сферу деятельности полиции, её организационную культуру, приоритеты и процессы [12, с. 134] при сохранении режима законности в рамках национальных государственно-правовых систем [13, с. 143]. Учитывая глобальный охват преступности, утверждается, что «длинная рука закона» должна простираться далеко за пределы границ местной полиции [21, с. 122].

Важную роль в глобальном управлении играют международные организации, включая Организацию Объединённых Наций (далее – ООН) и её учреждения, в том числе Управление ООН по наркотикам и преступности, Полиция ООН; органы финансового регулирования: Всемирный банк, Международный валютный фонд, Всемирная торговая организация, Всемирная таможенная организация. Региональные организации, такие как Европейский союз, также важны для понимания наднационального управления и играют особую роль в панконтинентальной полицейской деятельности.

В глобальном управлении принимают участие негосударственные субъекты: национальные и международные неправительственные организации,

многонациональные корпорации и финансовые учреждения, которые играют важную роль в контроле за деятельностью государственных органов. Гражданское общество проникает и в сферу правоохранительной деятельности [14, с. 56; 23, с. 262; 24, с. 243; 1, с. 37].

В этом контексте особого внимания заслуживает независимая организация гражданского общества «Глобальная инициатива»¹. Штаб-квартира организации располагается в Женеве, секретариат и консультативный совет распределены по всему миру. В её сеть входят видные специалисты в области правоприменения, управления и развития, которые занимаются поиском новых и инновационных стратегий и мер реагирования на организованную преступность. «Глобальная инициатива» родилась в результате серии неофициальных дискуссий на высоком уровне между главными образом (хотя и не исключительно) сотрудниками правоохранительных органов развитых и развивающихся стран в Нью-Йорке в 2011–2012 гг. На этих встречах члены-основатели «Глобальной инициативы», многие из которых находятся на переднем крае борьбы с организованной преступностью, незаконным оборотом и торговлей наркотиками, пришли к выводу, что проблема и её последствия недостаточно хорошо проанализированы, систематически не интегрированы в национальные планы или стратегии; существующие многосторонние инструменты не структурированы таким образом, чтобы способствовать принятию ответных мер, а существующие формы сотрудничества, как правило, являются двусторонними, медленными и ограничены числом государственно-мишленников.

Результатом постановки проблемы и полемики по вопросам её решения стало создание общества «Глобальная инициатива» по борьбе с транснациональной организованной преступностью, которая обеспечивает платформу для поощрения более широких дискуссий и инновационных подходов, являющихся строительными блоками всеобъемлющей глобальной стратегии борьбы с организованной преступностью.

Хотя в дебатах о транснациональной полицейской деятельности значение полиции приравнивается к борьбе с международной преступностью, существует целый ряд транснациональных функций по поддержанию порядка и оказанию услуг. Так, во время крупного стихийного бедствия полиция будет участвовать в поддержании порядка, эвакуации, оказании первой медицинской помощи, распределении воды и продовольствия, оказании помощи в идентификации жертв стихийного бедствия. Факт роста количества обширных международных поездок и развитие туризма возлагает на международное сообщество обязательства по обеспечению того, чтобы глобальные кризисы часто включали транснациональное полицейское сотрудничество. Азиатское цунами 2004 г. стало крупнейшей международной полицейской операцией в истории, в которой приняли участие около 700 полицейских и сотрудников из 30 стран при поддержке Интерпола. В течение двух-летнего периода полиция выявила более 3000 жертв, оказала помощь в извлечении тел и репатриации. Дру-

¹ Global initiative. Against transnational organized crime [Электронный ресурс] // Сайт «Глобальная инициатива против транснациональной организованной преступности» (ГИТОС). – Режим доступа: <https://globalinitiative.net> (дата обращения: 12.12.2021)

гие транснациональные роли полиции, не связанные с преступностью, включают поиск пропавших без вести людей, координированное поддержание порядка во время крупных спортивных и культурных мероприятий и управление международными общественными протестами.

Академический интерес к транснациональной полицейской деятельности оформился в Великобритании и США в конце 1980-х годов [16, с. 12; 24, с. 179], в результате чего, во-первых, произошёл качественный сдвиг в работе полиции. Итогом стало расширение и рутинизация международного сотрудничества полиции, что создало условия для появления транснационального профессионального полицейского сообщества. Наблюдалось увеличение глобального присутствия международных полицейских миссий, иногда под эгидой Организации Объединённых Наций и часто при существенном участии негосударственных учреждений [27, с. 1–18]. Во-вторых, изменились представления о государственном суверенитете – по мере того, как работа полиции выходила за пределы государственных границ, напрашивался вывод, что происходит постепенная передача контроля за внутренней и внешней безопасностью от национального государства международным институтам.

Наблюдая за ситуацией в Европе, нидерландский юрист М. ден Боер констатировала «неохотный танец» между Европейским союзом и национальными полицейскими ведомствами вокруг взаимного стремления к совместному реагированию на транснациональную преступность, помня при этом об императивах национального суверенитета [19, с. 21]. И. Надельманн (основатель Альянса по наркополитике, некоммерческой организации из Нью-Йорка) провел исследование полиции США, которое выявило значительное международное воздействие [24, с. 13]. Доминирование повестки дня правоохранительных органов США и методов полицейской деятельности очевидно из формулировок международных соглашений, которые часто формировались американскими официальными лицами. Такие события привели к расширению сферы применения уголовного законодательства в США в сторону инноваций, таких как конфискация активов и борьба с отмыванием денег, а также использование таких методов, как «тайная полиция», информаторы и электронное наблюдение. Для И. Надельманна этот процесс сводится к продвижению норм уголовного правосудия США в транснациональной сфере. По его словам, эффект от этого можно выразить одним словом – «американизация». Взаимосвязанные процессы упорядочения, адаптации и гомогенизации привели к тому, что иностранные правительства в сфере влияния США адаптировались к американской сетевой модели международной полицейской деятельности. Работа И. Надельманна в этой области демонстрирует, что потенциал полиции за рубежом, как правило, задействуется, когда он совпадает с предполагаемыми интересами могущественных сеньориальных государств [24, с. 13].

Региональные полицейские организации

Отражая социально-экономическое и государственно-правовое развитие регионов различных частей мира, в последние годы появились региональные полицейские организации: AFRIPOL, AMERIPOL, ASIANAPOL, EUROPOL и CARIPOL. Обоснование создания таких организаций отражает предыдущее обсуждение возможностей внутренней полиции или их отсутствия. В большинстве случаев региональные полицейские подразделения предназначались для обмена информацией о криминаль-

ных угрозах, разработки стратегических ответных мер и объединения сотрудников полиции из разных стран для создания стратегического, тактического и оперативного потенциала наряду с такими целями, как укрепление доверия и взаимодействия. Некоторые региональные подразделения имеют общие базы данных, общие учебные программы, проводят совместные конференции, а в некоторых случаях создают многонациональные совместные следственные группы, которым поручается проводить совместные и скоординированные операции.

Развитие Европейского союза предоставило один из наиболее передовых примеров формирующейся системы наднационального управления, в которой суверенитет государств-членов объединяется в определённых сферах. В сфере обеспечения внутренней безопасности ЕС оказывает влияние на формирование общей государственной политики, создание нормативной основы и механизмов практического сотрудничества в области полицейской и судебной деятельности, развитие моделей антикризисного управления.

В апреле 2015 г. Европейская комиссия (Еврокомиссия) – высший орган исполнительной власти Европейского союза, ответственный за подготовку законопроектов, выполнение решений Европарламента и Совета, контроль соблюдения договоров ЕС и других правовых актов и текущие дела Союза, подготовила сообщение «Европейская повестка дня по безопасности»². Принимая во внимание появление новых видов угроз, а также необходимость обеспечения взаимодействия между внешним и внутренним измерениями безопасности, новая стратегия направлена на обеспечение безопасности в целом, включая внутренний и внешний аспекты. При этом анализ «Европейской повестки дня по безопасности» позволяет сделать вывод о том, что основной акцент новой стратегии делается на обеспечении внутренней безопасности. Согласно преамбуле, результатом реализации «Европейской повестки дня по безопасности» должно быть построение пространства внутренней безопасности ЕС, в пределах которого обеспечивается защита граждан в полном соответствии с основными правами. Среди угроз внутренней безопасности «Европейская повестка дня по безопасности» выделяет три ключевых вызова: терроризм, организованная преступность и киберпреступность³.

«Европейская повестка дня по безопасности» исходит из того, что обеспечение внутренней безопасности является в первую очередь задачей государств-членов. Роль ЕС состоит в том, чтобы оказать максимальное содействие государствам-членам в решении вопросов по обеспечению безопасности. Однако в современных условиях эффективно решить данную задачу не представляется возможным, поэтому реализация мероприятий по обеспечению безопасности становится общей заботой как ЕС, так и государств-членов.

Система мер по обеспечению внутренней безопасности реализуется на двух уровнях:

1) на национальном уровне государств-члены используют весь набор правовых средств, предусмо-

² Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of Regions. The European Agenda on Security. Strasbourg, 28.4.2015. COM (2015) 185 final [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейского союза. – URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/e-library/documents/basicdocuments/docs/eu_agenda_on_security_en.pdf (дата обращения: 12.12.2021).

³ Войников В. В. Правовые основы пространства свободы, безопасности и правосудия Европейского союза : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.10 / Войников Вадим Валентинович / – Москва, 2019. – С. 143.

трених национальным уголовным, уголовно-процессуальным, уголовно-исполнительным, полицейским, административным законодательством;

2) на уровне ЕС используется ограниченный набор средств в области полицейского сотрудничества, правового сотрудничества по уголовным делам и мер по сближению и гармонизации уголовного права, а также мер по предотвращению преступности.

В настоящее время транснациональное полицейское сотрудничество является неотъемлемой частью повестки дня расширения Европы. По данным Европейской комиссии, цель состоит в создании «общей зоны безопасности и правосудия», укреплении регионального трансграничного сотрудничества между правоохранными органами и судебными органами в борьбе с организованной преступностью и коррупцией в Европе. Это должно быть достигнуто путём налаживания связей, взаимной правовой помощи, посредством запросов о выдаче, создания совместных следственных групп и программ защиты свидетелей.

Правоохранительным агентством Европейского союза, предназначенным для оказания информационной поддержки и практического содействия правоохранным органам стран – членов ЕС в борьбе с транснациональной организованной преступностью, международным терроризмом и другими тяжкими формами преступности международного характера, является Европол.

Идея создания Европола обрела воплощение после подписания в 1992 г. Маастрихтского договора о создании Европейского союза. На основании его статьи о совместной борьбе с терроризмом, наркотиками и «другими опасными трансграничными преступлениями» и разрабатывалась «Конвенция о Европоле», подписанная в 1995 г. и вступившая в силу 1 октября 1998 г. после ратификации всеми странами Европейского союза. При этом еще до формального одобрения Конвенции в Гааге был организован Европейский полицейский офис (European Police Office), ставший затем штаб-квартирой Европола, а в Страсбурге приступило к практической работе подразделение по борьбе с наркотиками (Europol Drug Unit), занимавшееся также противодействием терроризму и нелегальной миграции. В полном объёме выполнять свои функции Европол начал в июле 1999 г.

«Конвенция о Европоле» определила критерии, по которым конкретные дела попадали в ведение Европола: преступление совершено организованной группой, затрагивает интересы нескольких стран ЕС, а расследование невозможно провести силами одной страны. Приводился и конкретный список преступных деяний (вне приведенных критериев), которыми поручалось заниматься Европолу: торговля наркотиками и ядерными материалами, нелегальная миграция, угон машин на продажу, терроризм, отмывание денег и фальшивомонетничество⁴.

В настоящее время Европол не обладает никакими оперативными полномочиями, он не вправе осуществлять оперативно-розыскную или процессуальную деятельность. Основные направления практической деятельности Европола – координация работы национальных следственных органов, информационное и научно-техническое содействие расследованию преступлений. В 2007 г. сотрудники Европола получили право участвовать в работе смешанных следственных бригад. Иными словами,

сотрудники Европола могут осуществлять оперативные мероприятия лишь в рамках деятельности национальных полицейских органов и в соответствии с национальным законодательством той страны, где проводятся соответствующие мероприятия.

Структура Европола состоит из двух уровней: национального и наднационального. На национальном уровне каждое государство – член ЕС обязано при центральном полицейском аппарате учредить национальное бюро Европола (National Units), в задачи которого входит координация взаимодействия между центральным аппаратом Европола и правоохранными органами соответствующего государства. По общему правилу, национальное бюро Европола должно быть единственным органом, через который осуществляется взаимодействие между национальными компетентными органами и Европолом.

Национальное бюро Европола является структурным подразделением национальной полиции и находится в подчинении у руководства соответствующей службы. Вместе с тем в силу ст. 42 Регламента Европейского парламента № 2016/794⁵ государство-член обязано создать независимый контрольный комитет (national supervisory body), в функции которого входит осуществление мониторинга за деятельностью национального бюро, прежде всего по вопросам, касающимся обращения с персональной информацией.

Наднациональный уровень Европола представлен центральным аппаратом, который размещается в Гааге (Королевство Нидерланды), является полностью независимым от государств-членов и содержится за счёт бюджета ЕС. В структуре центрального аппарата созданы два органа: Правление (Management Board) и исполнительный директор (Executive Director).

Глобальные полицейские организации

Ключевым субъектом международной полицейской системы является Международная организация уголовной полиции Интерпол (International Criminal Police Organization – INTERPOL). Интерпол – крупнейшая в мире международная межправительственная организация, деятельность которой направлена на борьбу с уголовной преступностью. Членами организации являются 192 государства. Штаб-квартира расположена в Лионе (Франция).

Идея создания международной организации уголовной полиции оформилась в начале XX в. Возможность такого сотрудничества была осмыслена ещё в рамках полицейского права европейских государств [24, с. 242; 10], но первые основные направления деятельности системы универсального международного полицейского сотрудничества были определены на первом международном конгрессе уголовной полиции в Монако в 1914 г. К ним были отнесены:

- унификация процедуры экстрадиции преступников;
- международная превентивная антропометрия;
- учреждение отдела по учету международной криминальной информации;

⁵ Регламент (ЕС) 2016/679 Европейского парламента и совета «О защите физических лиц в отношении обработки персональных данных и о свободном перемещении таких данных и отмене Директивы 95/46 / ЕС» (Общие правила защиты данных) от 27 апреля 2016 г. [Электронный ресурс] // Сайт «Информация об Общем регламенте по защите данных». – Режим доступа: <https://ogdpr.eu/ru/gdpr-2016-679> (дата обращения: 20.01.2022).

⁴ Европейское полицейское ведомство (Европол) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европола. – URL: <https://www.europol.europa.eu> (дата обращения: 25.01.2022).

– разработка мер по ускорению и упрощению ареста преступников⁶.

Международный статус Интерпола не определен: отдельные наблюдатели считают, что отсутствие договорного основания для организации подрывает её авторитет и легитимность, но в настоящее время эта организация почти повсеместно признана в качестве межправительственной организации. Интерпол в последнее время обновил своё компьютерное и коммуникационное оборудование, стал более открытым со средствами массовой информации, отказался от практики невмешательства в дела террористов и в целом стал более гибким перед лицом меняющихся моделей международной преступности. Хотя его репутация в правоохранительных органах меняется с течением времени и в зависимости от региона мира, он является незаменимой системой связи и важным связующим звеном между национальными полицейскими силами.

Интерпол является ключевым учреждением для глобального сотрудничества правоохранительных органов, но Организация Объединённых Наций, Совет таможенного сотрудничества, Группа восьми (группа наиболее промышленно развитых стран мира) и Организация экономического сотрудничества и развития также играют важную, хотя и временную, роль в развитии сотрудничества. Интерпол обеспечивает систему многостороннего обмена полицейской информацией; он помогает координировать расследования, и его генеральный секретарь может инициировать их.

В соответствии со ст. 4 Устава Интерпола⁷, членство открыто для официальных полицейских органов, делегированных их странами как члены, но только в случаях, если функции этих органов пребывают в пределах структуры действий Интерпола. Такой подход должен исключить полицейские организации, которые имеют дело с внутренними или международными политическими вопросами, включая шпионаж и контршпионаж. Просьбы о членстве представляются Генеральному секретарю и подлежат одобрению большинством в две трети членов Генеральной Ассамблеи.

Членом Интерпола является и Российская Федерация – правопреемник СССР. Вступление СССР в Интерпол состоялось 27 сентября 1990 г. на 59-й сессии Генеральной Ассамблеи Международной организации уголовной полиции в Оттаве (Канада). С 1 января 1991 г. в структуре МВД СССР начало действовать Национальное центральное бюро, традиции деятельности которого после распада Советского Союза продолжило Национальное центральное бюро Интерпола в России⁸.

Несмотря на доминирующее положение Интерпола в трансграничной полицейской деятельности, существует множество других учреждений с глобальной полицейской функцией, расположенных в таких организациях, как Организация Объединённых Наций, Международный уголовный суд (Отдел расследований), Всемирная таможенная организация (Сеть

по обеспечению соблюдения таможенных правил) и Целевая группа по финансовым мероприятиям – межправительственная организация, занимающаяся вопросами отмывания денег, финансирования терроризма и целостности международной финансовой системы. Наиболее важный глобальный актор – это Полиция Организации Объединённых Наций, координирующая правоохранительные действия для работы вместе с военнослужащими в конфликтных, постконфликтных и других кризисных ситуациях. Везде, где есть мандат ООН, представленный Советом Безопасности, начиная с Конго в 1996 г. и действуя в таких местах, как Гаити и Кот-д’Ивуар в 2018 г., сотрудники полиции ООН, известные как «голубые береты», действуют как сформированные полицейские подразделения или как отдельные сотрудники полиции.

Масштабы полицейской деятельности ООН резко возросли за последнее десятилетие: около 13 000 полицейских из 90 стран были развернуты в 18 миротворческих миссиях ООН. Роль сформированного полицейского подразделения состоит в том, чтобы оказывать поддержку на местах или замещать местную полицию, которая иногда может полностью отсутствовать. Мандат заключается в создании, поддержке или частичной замене полицейских сил в выполнении обычных полицейских функций по предупреждению и выявлению преступлений, защите жизни и имущества и поддержанию общественного порядка. Отдел полиции ООН в том виде, в каком он существует сегодня, с перспективными планами развития и координацией с Интерполом для разработки глобальной полицейской доктрины, очень близок к видению, впервые изложенному столетие назад.

Офицеры связи за рубежом

Среди общего многообразия должностных лиц, выступающих связующими элементами различных экономических и политических систем, исключительно важную и ответственную роль в развитии межнациональных, межгосударственных отношений играют полицейские офицеры связи.

Свой международный статус институт полицейских офицеров связи приобрел в 1975 г. В Риме на форуме правительств 12 стран – участниц Европейского экономического сообщества (ЕЭС) [4, с. 70], посвящённого вопросам внутренней безопасности ЕЭС, был разработан проект создания специализированной межправительственной группы, деятельность которой должна быть направлена на укрепление сотрудничества в сфере внутренних дел и правосудия, координацию сил полиции и других правоохранительных органов государств – участников ЕЭС в борьбе с международным терроризмом. Созданная для этих целей группа, получившая название «TREVI-group», стала заниматься сбором и обработкой оперативной информации, созданием единой информационной системы с базой данных, способной повысить эффективность сил правоохранения в борьбе с терроризмом, наркотрафиком, другими преступлениями международного характера. Также «TREVI-group» решала задачи по налаживанию таможенного и полицейского сотрудничества, обеспечивала взаимодействие между полицией и судебными органами в сфере гражданского и уголовного судопроизводства [6, с. 133].

Офицеры связи за рубежом являются важнейшими участниками разработки и практики трансграничной полицейской деятельности. В течение нескольких десятилетий сотрудники полиции специально отбирались из местных или национальных полицейских ведомств и направлялись за границу

⁶ См. подробнее: Дорога длиною в век. 100 лет международного полицейскому сотрудничеству. – Москва: НЦБ Интерпола, 2014. – С. 14.

⁷ Constitution of the INTERPOL [Электронный ресурс] // Официальный сайт Interpol. – URL: <http://www.interpol.int/About-INTERPOL/Legal-materials/The-Constitution> (дата обращения: 13.02.2022 г.)

⁸ Об участии Российской Федерации в деятельности Международной организации уголовной полиции – Интерпола: Указ Президента РФ от 30 июля 1996 г. № 1113 (ред. от 27 октября 2011 г.) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 23.02.2022).

или для конкретного визита в одну или несколько стран, или для работы в течение нескольких лет в качестве аккредитованного «полицейского дипломата» в посольстве или иных дипломатических органах. Деятельность офицеров связи за рубежом свидетельствует о расширении внутренней полицейской деятельности в распространении её на транснациональную сферу. Возникнув во второй половине XX в., эта специальная деятельность должна быть учтена при прогнозировании перспектив развития государства и права [27; 12, с. 134], определении направлений развития глобальной полицейской деятельности. Д. Биго, исследователь деятельности офицеров связи, констатирует, что офицеры связи за рубежом играют ключевую роль в управлении потоком информации между различными сотрудниками полиции, жандармерии, таможи и иммиграционной службы [1, с. 38].

В штаб-квартире Европола в Гааге в 2021 г. работали 264 офицера связи из 40 стран⁹. Из ФБР США около 340 человек постоянно работают за границей: офицеры связи используются в деятельности Управления по борьбе с наркотиками (DEA), которое имеет 86 зарубежных представительств в 67 странах, в Министерстве финансов, Государственном департаменте, Бюро по алкоголю, табаку и огнестрельному оружию (АТФ) и Федеральной службе судебных приставов. В Великобритании офицеров связи более 140, во Франции – 130, в Канаде – 35, в Австралии – 80, в Южной Африке – 30¹⁰. Сеть офицеров связи Северных стран включает сотрудников полиции и таможи, которые представляют Швецию, Данию, Финляндию, Исландию и Норвегию в странах за пределами Скандинавии. Первоначально ориентированная на незаконный оборот наркотиков в странах производства и транзита, сеть была расширена, чтобы в конце 1990-х годов стать сотрудниками по связям с преступностью общего профиля и включиться в борьбу с детской порнографией, экологическими преступлениями и торговлей людьми¹¹.

Компетенция сотрудников по связям включает в себя выполнение функций первого контактного лица для приезжающих сотрудников полиции, защиту интересов граждан, выезжающих за границу, обмен информацией, расследование транснациональной преступности, выявление и репатриацию лиц,

скрывающихся от правосудия. Л. Блок характеризует сотрудников по связям как официальных представителей своих агентств и как посредников, облегчающих запросы в свою страну и из страны пребывания для получения информации, доказательств, обысков, арестов и экстрадиций [18, с. 367–387]. Офицеры связи действуют через сеть местных, национальных и наднациональных учреждений безопасности, помогая судебному сотрудничеству путём подготовки и поддержки исполнения письма с запросами о предоставлении доказательств, оказывают помощь в экстрадиции и выдаче. Они играют определённую роль при решении вопросов, касающихся миграции и виз, консультировании и наращивании потенциала, обучении и наставничестве. Важной составляющей взаимодействия является установление доверия между сотрудниками полиции из других юрисдикций. Это требует умелого использования формального и неформального общения и сотрудничества для преодоления процедурных или бюрократических проблем. В современных условиях офицер связи становится важным актором в транснациональной системе.

Заключение

Идея международных полицейских сил имеет глубокие корни, но стала реальностью только под эгидой Организации Объединённых Наций в 1960-х годах [15, с. 216]. В настоящее время в каждом регионе мира существует какая-либо форма панконтинентальной полицейской организации, которая обеспечивает координацию, сотрудничество и взаимодействие между многочисленными полицейскими ведомствами. Общие базы данных и общая полицейская доктрина обеспечивают взаимодействие и совместную деятельность по расследованию и обеспечению соблюдения во всех континентальных регионах.

Необходимость международного сотрудничества в настоящее время очевидна, но создание успешных моделей для межгосударственного взаимодействия в сфере полицейской деятельности – процесс сложный и нелинейный. Правовые и политические системы, стандарты, процедуры, связанные с осуществлением правосудия, в государствах имеют существенные различия. Государства имеют различные уровни профессионализма сотрудников своих полицейских систем и различные экономические возможности для финансирования операций по обеспечению национальной безопасности. Государства различаются и тем, какое противоправное действие в рамках их государственно-правовых систем представляет собой нарушение уголовного закона. Все эти факторы затрудняют развитие эффективного международного сотрудничества даже при предрасположенности государств к взаимодействию, но сотрудничество государств в сфере полицейской деятельности в условиях глобализации уже стало константой современного мира.

⁹ EUROPOL – Statistics–Data (05 Jan 2022) [Электронный ресурс] // Европол: официальный сайт. – URL: <https://www.europol.europa.eu> (дата обращения: 23.02.2022).

¹⁰ INTERPOL – Central bureau of investigation [Электронный ресурс] // Официальный сайт Центрального бюро расследований. – URL: <https://cbi.gov.in/List-of-Interpol-Liaison-Officers-ILOs> (дата обращения: 08.02.2022).

¹¹ INTERPOL – Human trafficking is a multi-billion-dollar form of international organized crime, constituting modern-day slavery [Электронный ресурс] // Официальный сайт Интерпола. – URL: <https://www.interpol.int/Crimes/Human-trafficking> (дата обращения: 08.02.2022).

Список литературы

1. Геворкян А. И. Евразийский Экономический Союз – субъект внешнеэкономического сотрудничества и повышения качества повседневной жизни населения стран СНГ / Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект) : сборник материалов Международной научной конференции / под общ. ред. В. А. Веремченко, отв. С. В. Степанов. – Санкт-Петербург: Культурно-просветительское товарищество, 2018. – С. 69–73.

2. Геворкян А. И. К вопросу о характеристике полицейской системы современного государства / Российская полиция: три века служения Отечеству [Электронный ресурс] : материалы юбилейной Международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г. / под ред. Н. С. Нижник. – Электронные дан. (19,6 Мб). – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. – С. 152–156.

3. *Геворкян А. И.* Правоохранительная система государства: специфика функционирования в условиях глобализации / Новеллы права и политики 2017: в 2 т. : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. – Т. 1. – Гатчина: Изд-во ГИЭФПТ, 2018. – С. 184–189.
4. *Геворкян А. И.* Трансформация полицейской системы в условиях современности на пути к модели «полиция для общества» / Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2018. – С. 36–40.
5. *Гилинский Я. И.* Глобализация и преступность // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2008. – № 2 (15). – С. 23–33.
6. *Кислухин В. А.* Офицеры связи государств Союза Бенилюкс и России в процессе международного полицейского сотрудничества // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 4 (28). – С. 133–137.
7. *Лунеев В. В.* Актуальные проблемы глобализации мира // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2015. – № 3 (38). – С. 21–32.
8. *Мацкевич И. М.* Актуальные проблемы криминологии, юридической психологии и уголовно-исполнительного права. – Москва: Проспект, 2016. – 95 с.
9. *Нижник Н. С.* Полицейская система как элемент механизма реализации правоохранительной функции государства / Совершенствование законодательства о полиции и полицейской деятельности : материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Омск: Омская академия МВД России, 2016. – С. 21–27.
10. *Нижник Н. С.* Полицейско-правовая теория об институционализации государственного управления и месте полиции в механизме государства / Современные проблемы общей теории права : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию независимости Республики Казахстан и 60-летию Алматинской академии МВД Республики Казахстан. – Алматы: Алматинская академия МВД Республики Казахстан, 2016. – С. 13–26.
11. *Нижник Н. С.* Правоохранительная система государства: содержание и организационное оформление / Право и государство: проблемы методологии, теории и истории : материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции (17 мая 2019 г.). – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2019. – С. 40–47.
12. *Нижник Н. С., Алиев Я. Л.* Доктрина юридического прогнозирования: определение сценариев развития государственно-правовых явлений / Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : Международная научно-практическая конференция / под общ. ред. А. И. Каплунова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. – С. 133–138.
13. *Нижник Н. С., Бавсун М. В., Астафичев П. А., Алиев Я. Л., Квитчук А. С.* Законность как основополагающее начало российского права. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. – 328 с.
14. *Нижник Н. С., Меньшикова Н. С.* Полиция и гражданское общество в России: взаимодействие и сотрудничество : монография. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2016. – 202 с.
15. *Степанян А. И.* О международном сотрудничестве полицейских в условиях глобализации девиантного поведения / Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований [Электронный ресурс] : материалы Региональной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 7 декабря 2018 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2019. – С. 215–218.
16. *Anderson M.* Policing the World: Interpol and the Politics of International Police Cooperation. – Oxford, UK: Clarendon, 1989. – 211 p.
17. *Bigo D.* The insecurity practices of the three universes of EU border control: Military/Navy – border guards/police – database analysts // Security Dialogue. – 2014. – Vol. 45 (3). – P. 209–225.
18. *Bloch L.* International Policing in Russia: Police Cooperation Between the European Union Member States and the Russian Federation // Policing and Society: An International Journal of Research and Policy. – 2007. – Vol. 17. – Pp. 367–387.
19. *Bowling B., Sheptycki J.* Global policing. – 2012. – P. 21.
20. *Bronitt S., Harfield C., Hufnagel S.* Cross-border law enforcement: Regional law enforcement cooperation – European, Australian and Asia-Pacific perspectives. London, United Kingdom: Routledge. – 2011. – P. 63–67.
21. *Brown S.* Combating International Crime: The Longer Arm of the Law. – London: Routledge, 2008. – P. 122.
22. *Lavrinovich K. I.* The specifics of the implementation of the law enforcement function of the modern state based on the rule of law (on the example of the Russian Federation) / International Scientific Conference «Archibald Reiss Days» (2017; Beograd): Thematic Conference Proceedings of International Significance. – Vol. 2. – Beograd: Kriminalističko-policijska akademija, 2017. – P. 261–267.
23. *Nadelmann E.* Cops Across Borders: The Internationalization of U.S. Criminal Law Enforcement. – Pennsylvania: Pennsylvania State University Press, 1994. – 502 p.
24. *Nizhnik N. S.* Police and civil society institutions: search for a vector of interaction in the field of combating crime / International Scientific Conference «Archibald Reiss Days» (2017; Beograd): Thematic Conference Proceedings of International Significance. – Vol. 2. – Beograd: Kriminalističko-policijska akademija, 2017. – P. 241–251.
25. *Nizhnik N. S.* Police-law theory on the regulation of public relations in the police state / European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. International Scientific and Practical Conference. – Veliky Novgorod, 2021. – P. 1826–1835.
26. *Nizhnik N. S., Bavsun M. V., Aliev Ya. L., Astafichev P. A., Kvitchuk A. S.* State and law: transformation vectors in modern conditions / SHS Web of Conferences. IX Baltic Legal Forum «Law and Order in the Third Millennium». – Kaliningrad, 2021. – P. 01015
27. *Tanner S., Dupont B.* Police work in international peace operation environments: a perspective from Canadian police officers in the MINUSTAH // Policing and Society: An International Journal of Research and Policy. – 2014. – Vol. 24. – P. 1–18.

References

1. *Gevorkyan A. I.* Yevraziyskiy Ekonomicheskiy Soyuz – sub»yekt vneshneekonomicheskogo sotrudnichestva i povysheniya kachestva povsednevnoy zhizni naseleniya stran SNG / Chastnoye i obshchestvennoye v povsednevnoy zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' (regional'nyy aspekt): sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii / pod obshch. red. V. A. Veremenko, otv. S. V. Stepanov. – Sankt-Peterburg: Kul'turno-prosvetitel'skoye tovarishchestvo, 2018. – С. 69–73.
2. *Gevorkyan A. I.* K voprosu o kharakteristike politseyskoy sistemy sovremennogo gosudarstva / Rossiyskaya politsiya: tri veka sluzheniya Otechestvu [Elektronnyy resurs]: materialy yubileynoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii,

- posvyashchennoy 300-letiyu rossiyskoy politsii. Sankt-Peterburg, 23–25 aprelya 2018 g. / pod red. N. S. Nizhnik. – Elektronnyye dan. (19,6 Mb). – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2018. – S. 152–156.
3. *Gevorkyan A. I.* Pravookhranitel'naya sistema gosudarstva: spetsifika funktsionirovaniya v usloviyakh globalizatsii / Novelty prava i politiki 2017: v 2 t.: sbornik nauchnykh trudov po materialam mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – T. 1. – Gatchina: Izd-vo GIEFPT, 2018. – S. 184–189.
 4. *Gevorkyan A. I.* Transformatsiya politseyskoy sistemy v usloviyakh sovremennosti na puti k modeli «politsiya dlya obshchestva» / Aktual'nyye problemy prava i pravoprimenitel'noy deyatel'nosti: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Krasnodar: Krasnodarskiy universitet MVD Rossii, 2018. – S. 36–40.
 5. *Gilinskiy Ya. I.* Globalizatsiya i prestupnost' // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. – 2008. – № 2 (15). – S. 24.
 6. *Kislukhin V. A.* Ofitsery svyazi gosudarstv Soyuza Benilyuks i Rossii v protsesse mezhdunarodnogo politseyskogo sotrudnichestva // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. – 2014. – № 4(28). – S. 133.
 7. *Luneyev V. V.* Aktual'nyye problemy globalizatsii mira // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. – 2015. – № 3(38). – S. 22.
 8. *Matskevich I. M.* Aktual'nyye problemy kriminologii, yuridicheskoy psikhologii i ugolovno-ispolnitel'nogo prava. – Moskva: Prospekt, 2016. – 95 s.
 9. *Nizhnik N. S.* Politseyskaya sistema kak element mekhanizma realizatsii pravookhranitel'noy funktsii gosudarstva / Sovershenstvovaniye zakonodatel'stva o politsii i politseyskoy deyatel'nosti: materialy vs Rossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2016. – S. 21–27.
 10. *Nizhnik N. S.* Politseysko-pravovaya teoriya ob institutsionalizatsii gosudarstvennogo upravleniya i meste politsii v mekhanizme gosudarstva / Sovremennyye problemy obshchey teorii prava: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 25-letiyu nezavisimosti Respubliki Kazakhstan i 60-letiyu Almatinskoy akademii MVD Respubliki Kazakhstan. – Almata: Almatinskaya akademiya MVD Respubliki Kazakhstan, 2016. – S. 13–26.
 11. *Nizhnik N. S.* Pravookhranitel'naya sistema gosudarstva: soderzhaniye i organizatsionnoye oformleniye / Pravo i gosudarstvo: problemy metodologii, teorii i istorii: materialy VIII Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (17 maya 2019 g.). – Krasnodar: Krasnodarskiy universitet MVD Rossii, 2019. – S. 40–47.
 12. *Nizhnik N. S., Aliyev Ya. L.* Doktrina yuridicheskogo prognozirovaniya: opredeleniye stsenariyev razvitiya gosudarstvenno-pravovykh yavleniy / Aktual'nyye problemy administrativnogo i administrativno-protseessual'nogo prava (Sorokinskiye chteniya): mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya / pod obshch. red. A. I. Kaplunova. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2021. – S. 133–138.
 13. *Nizhnik N. S., Bavsun M. V., Astafichev P. A., Aliyev Ya. L., Kvitchuk A. S.* Zakonnost' kak osnovopolagayushcheye nachalo rossiyskogo prava. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2021. – 328 s.
 14. *Nizhnik N. S., Men'shikova N. S.* Politsiya i grazhdanskoye obshchestvo v Rossii: vzaimodeystviye i sotrudnichestvo: monografiya. – Sankt-Peterburg: Izd-vo SPb un-ta MVD Rossii, 2016. – 202 s.
 15. *Stepanyan A. I.* O mezhdunarodnom sotrudnichestve politseyskikh v usloviyakh globalizatsii deviantnogo povedeniya / Pravookhranitel'naya deyatel'nost' organov vnutrennikh del v kontekste sovremennykh nauchnykh issledovaniy [Elektronnyy resurs]: materialy regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Sankt-Peterburg, 7 dekabrya 2018 goda. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2019. – S. 215–218.
 16. *Anderson M.* Policing the World: Interpol and the Politics of International Police Cooperation. – Oxford, UK: Clarendon, 1989. – 211 p.
 17. *Bigo D.* The insecurity practices of the three universes of EU border control: Military/Naval – border guards/police – database analysts // Security Dialogue. – 2014. – Vol. 45(3). – P. 209–225.
 18. *Bloch L.* International Policing in Russia: Police Cooperation Between the European Union Member States and the Russian Federation // Policing and Society: An International Journal of Research and Policy. – 2007. – Vol. 17. – P. 367–387.
 19. *Bowling B., Sheptycki J.* Global policing. – 2012. – P. 21.
 20. *Bronitt S., Harfield C., Hufnagel S.* Cross-border law enforcement: Regional law enforcement cooperation – European, Australian and Asia-Pacific perspectives. London, United Kingdom: Routledge. – 2011. – P. 63–67.
 21. *Brown S.* Combating International Crime: The Longer Arm of the Law. – London: Routledge, 2008. – P. 122.
 22. *Lavrinovich K. I.* The specifics of the implementation of the law enforcement function of the modern state based on the rule of law (on the example of the Russian Federation) / International Scientific Conference «Archibald Reiss Days» (2017; Beograd): Thematic Conference Proceedings of International Significance. – Vol. 2. – Beograd: Kriminalističko-policijska akademija, 2017. – P. 261–267.
 23. *Nadelmann E.* Cops Across Borders: The Internationalization of U.S. Criminal Law Enforcement. – Pennsylvania: Pennsylvania State University Press, 1994. – 502 p.
 24. *Nizhnik N. S.* Police and civil society institutions: search for a vector of interaction in the field of combating crime / International Scientific Conference «Archibald Reiss Days» (2017; Beograd): Thematic Conference Proceedings of International Significance. – Vol. 2. – Beograd: Kriminalističko-policijska akademija, 2017. – Pp. 241–251.
 25. *Nizhnik N. S.* Police-law theory on the regulation of public relations in the police state / European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. International Scientific and Practical Conference. – Veliky Novgorod, 2021. – Pp. 1826–1835.
 26. *Nizhnik N. S., Bavsun M. V., Aliyev Ya. L., Astafichev P. A., Kvitchuk A. S.* State and law: transformation vectors in modern conditions / SHS Web of Conferences. IX Baltic Legal Forum «Law and Order in the Third Millennium». – Kaliningrad, 2021. – P. 01015
 27. *Tanner S., Dupont B.* Police work in international peace operation environments: a perspective from Canadian police officers in the MINUSTAH // Policing and Society: An International Journal of Research and Policy. – 2014. – Vol. 24. – P. 1–18.

Статья поступила в редакцию 13.01.2022; одобрена после рецензирования 11.02.2022; принята к публикации 11.03.2022.

The article was submitted January 13, 2022; approved after reviewing February 11, 2021; accepted for publication March 11, 2022.

Научная статья
УДК 340.159
doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-49-55

Михаил Олегович Тяпкин

доктор исторических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0003-1789-4525>, tyapkin@rambler.ru

*Барнаульский юридический институт МВД России
Российская Федерация, 656038, Барнаул, ул. Чкалова, д. 49*

«Наказ лесному объездчику и леснику при казённых лесах» 1869 г.: историко-правовой анализ

Аннотация: В статье проводится историко-правовой анализ «Наказа лесному объездчику и леснику при казённых лесах» 1869 г. (далее – Наказ)¹. Такая форма нормативных актов использовалась во второй половине XIX – начале XX вв. различными ведомствами и даже частными лицами для определения круга служебных полномочий подчинённых им работников. «Наказ лесному объездчику и леснику при казённых лесах» в рассматриваемый период являлся основной служебной инструкцией лесной стражи, служащей в лесах, принадлежавших государству. Он был принят в 1869 г. после проведения масштабной реформы системы организации и функционирования казённой лесной стражи. Наказ определял служебный статус лесников и объездчиков, их обязанности в сфере лесопользования и охраны лесов. Наказ, составленный в лаконичной форме, был относительно небольшим по объёму, что упрощало его понимание и запоминание. Печатный экземпляр Наказа карманного формата был обязательным атрибутом, предназначенным для постоянного ношения лесниками и объездчиками. От служащих лесной стражи требовалось знание положений Наказа и чёткое выполнение содержащихся в нём предписаний. В отдельных случаях в текст Наказа могли вноситься корректировки, необходимость которых определялась особенностями ведения лесного хозяйства в отдельных регионах Российской империи.

Ключевые слова: лесник, лесной объездчик, лесная стража, Наказ 1869 г., лесное хозяйство, лесопользование, охрана лесов

Для цитирования: Тяпкин М. О. «Наказ лесному объездчику и леснику при казённых лесах» 1869 г.: историко-правовой анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 1 (93). – С. 49–55; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-49-55.

Mikhail O. Tyapkin

Dr. Sci. (Hist.), Docent

<https://orcid.org/0000-0003-1789-4525>, tyapkin@rambler.ru

*Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
49, Chkalova str., Barnaul, 656038, Russian Federation*

«Order to the forest ranger and forester at the state forests», 1869: historical and legal analysis

Abstract: The article provides a historical and legal analysis of the «Order to the forest ranger and forester at the state forests» issued in 1869 (hereafter – Order). This form of regulation was used in the second half of the 19th - beginning of 20th century by various government institutions and even private persons to determine the competence of their employees. The Order in the period in question can be considered the key written policy for the forest guards serving in the state forests. It was adopted in 1869 after a large-scale reform of the organizational and functionary system of the state Forest Guard. The Order specified the

© Тяпкин М. О., 2022

¹ Наказ лесному объездчику и леснику при казённых лесах от 7 сентября 1869 г. / Устав лесной 1893 г. с включением Положения о сохранении и сбережении лесов / сост. В. Семенов. – Санкт-Петербург: Типография А. Л. Трунова, 1900. – С. 18–25.

official status of foresters and rangers, their duties in the field of forest management and forest protection. The Order was a laconic, relatively short document, easy to comprehend and memorize. Foresters and rangers were required to carry around a printed copy of the pocket-size Order. The employees of the Forest Guard were required to know the provisions of the Order and strictly follow the instructions contained in it. In some cases, due to the specifics of forestry in certain regions of the Russian Empire, the text of the Order could be adjusted.

Keywords: forester, forest ranger, Forest Guard, Order 1869, forestry, forest management, forest protection

For citation: Tyapkin M. O. «Order to the forest ranger and forester at the state forests», 1869: historical and legal analysis // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 1 (93). – P. 49–55; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-49-55.

Наличие профессионально подготовленной и лояльной лесной стражи всегда рассматривалось в качестве необходимого условия успешной реализации государственной лесной политики. В свою очередь, эффективное функционирование нижнего звена системы лесоохраны было невозможно без наличия развитой и адаптированной к условиям несения лесной службы системы нормативного регулирования. Одним из элементов этой системы в дореволюционный период являлись так называемые «наказы», которые достаточно подробно, в доступной для понимания форме, с упором на практическую составляющую дела регламентировали деятельность служащих лесной стражи. Сложно представить, чтобы лесники в своей повседневной деятельности обращались к статьям Лесного устава и иным нормативным документам подобного уровня и значения, поэтому наличие доступных и понятных «наказов» было необходимо для того, чтобы «каждый воин понимал свой маневр».

Е. В. Воейков справедливо отмечает, что «в последние десятилетия в контексте становления экологической истории отечественные учёные стали активно изучать прошлое лесного хозяйства России» [1, с. 112]. Практическим воплощением возросшего исследовательского интереса к этой теме стали новейшие работы П. А. Афанасьева, Е. В. Воейкова, А. В. Данчевской, Э. Г. Истоминой, А. А. Калашникова, Н. С. Цинцадзе и других авторов, разрабатывающих различные аспекты общероссийской и региональной истории лесного хозяйства [2–7].

И. В. Курышова, С. А. Никифоров, Н. А. Селяков, В. В. Черных и другие исследователи выбирали в качестве предмета изучения генезис отечественной системы нормативно-правового регулирования лесных отношений [8–11]. В своих работах мы также обращались к характеристике отдельных правовых актов, составлявших систему нормативного регулирования лесных отношений в Алтайском округе в XIX – начале XX вв. [12; 13].

Положительно оценивая тенденцию к увеличению популярности исследований в дискурсе экологической истории, необходимо отметить, что ещё целый ряд её сюжетов нуждается в самостоятельной разработке. На наш взгляд, изучение истории развития системы нормативного регулирования деятельности всех звеньев лесоуправленческого механизма по обеспечению

рационального лесопользования и охраны лесов имеет очевидный научный потенциал.

В рамках статьи будет проведён содержательный анализ «Наказа лесному объездчику и леснику при казённых лесах», принятого в сентябре 1869 г. и ставшего на несколько десятилетий основной должностной инструкцией казённой лесной стражи. На наш взгляд, это позволит заполнить существующую на сегодняшний день исследовательскую лагуну и расширит представления исследователей о содержании и особенностях системы нормативного регулирования лесных отношений России дореволюционного периода.

Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона называет «наказом закон, определяющий порядок деятельности тех или других органов управления», или такой документ, который издаётся высшими должностными лицами «для руководства подчинённых им мест и лиц при применении закона»². Толковые словари советского периода, в частности словарь Д. Н. Ушакова, изданный в 1935–1940 гг., определяет наказ как устаревшую аналогию таких терминов, как «приказ», «распоряжение», «наставление», а также «изложение поручения, данного начальником, органом власти, инструкция».

С первой четверти XVIII в. указы, которые существовали и в предшествующие периоды, меняют своё предназначение и всё больше приобретают черты инструкций. При этом чёткого определения места наказов в системе источников права Российской империи не было. До середины 1920-х гг. указы использовались и в правовой системе Советской России, но постепенно перекочевали в политическую сферу (наказ избирателей или депутатский наказ).

В рассматриваемый период, т. е. во второй половине XIX – начале XX вв., указы представляли собой разновидность инструкций, и могли издаваться не только государственными учреждениями и ведомствами, общественными организациями, но и частными лицами (например, лесовладельцами). Издание наказов было обусловлено желанием дать определённой должностной категории служащих краткое, но внятное руководство в служебных вопросах. Применительно к предмету нашего рассмотре-

² Наказ / Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – Санкт-Петербург: Типолитография И. А. Ефрона, 1897. – Т. XXа. – С. 484.

ния под наказом можно понимать деперсонифицированную универсальную должностную инструкцию, адресованную низовым служащим лесного ведомства – лесной страже.

Наличие подобного рода документа впервые было предусмотрено «Положением о постоянной лесной страже по ведомству Министерства финансов», утвержденным 28 декабря 1832 г. В § 94 Положения указывалось, что при исполнении должностных обязанностей лесная стража должна руководствоваться «лесными узаконениями». Для того чтобы стража знала содержание этих узаконений, предполагалось централизованное издание особого наказа, заключавшего «вкратце все необходимые правила», а затем снабжение им «каждого объездчика и каждое семейство лесных стрелков, а равно каждое волостное правление»³. Главными обязанностями постоянной лесной стражи, зафиксированными в наказе, были охрана лесов от самовольных порубок, пожаров и «разных повреждений», отпуск леса по лесорубочным билетам, учёт вырубленного леса, наблюдение за состоянием лесопосадок, занятие различными лесными работами.

В апреле 1851 г. было высочайше утверждено «Положение о комплектовании стрелковых батальонов кантонистами лесной стражи, и о комплектовании сей последней нижними чинами стрелковых батальонов», составной частью которого являлась «Выписка из общего наказа для лесной стражи об обязанностях поселенного стрелка и его помощника» [14]. Это был довольно объёмный документ, состоявший из ста двух параграфов, объединённых в семь отделений. По своей структуре и содержанию он напоминал воинский устав, поскольку в этот период постоянная лесная стража имела военизированное устройство. Объём служебных обязанностей представителей лесной стражи, даже с учётом приобретения ею военизированного статуса, остался без существенных изменений.

После проведения серии социально-экономических реформ 1860-х гг., повлекших за собой коренные изменения в российском обществе, государственное лесное хозяйство получило новый стимул к развитию, и должно было, по представлениям лесного ведомства, стать динамично развивающейся и приносящей прибыль отраслью. Правительством была осознана необходимость формирования корпуса постоянной профессиональной лесной стражи на основе вольного найма, которая должна была заменить общественную, эффективность деятельности которой стремилась к нулю. Казённое лесное ведомство было демилитаризовано, а его служащие лишились своего полувоенного статуса. Началось обновление нормативной базы, регламентировавшей деятельность нижней ступени лесоправленческого механизма – лесной стражи.

³ Положение о постоянной лесной страже по ведомству Министерства финансов. Высочайше утверждено 28 декабря 1832 г. / Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 2. – Т. 7. – Санкт-Петербург: Типография II отделения СЕИВК, 1833. – С. 943–956 (С. 953).

3 июня 1869 г. было утверждено «Положение о лесной страже в казённых лесах»⁴. Оно предусматривало постепенную замену общественной лесной стражи, выбираемой крестьянскими обществами (полесовщики и пожарные старосты), и военно-лесных сторожей казёнными лесниками и объездчиками. Положение 1869 г. стало основным нормативным актом, регламентировавшим вопросы организации службы и деятельности казённой лесной стражи Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв.

Спустя несколько месяцев, 7 сентября 1869 г., на основе Положения был разработан и принят «Наказ лесному объездчику и леснику при казённых лесах». Он стал составной и неотъемлемой частью Положения 1869 г. и просуществовал без изменений на протяжении всего дореволюционного периода.

Наказ был предназначен для постоянного ношения, поэтому для удобства печатался брошюрами карманного формата. Экземпляр Наказа наряду с оружием, должностными знаками лесника и объездчика и форменным обмундированием являлся обязательным служебным атрибутом лесной стражи. Положение 1869 г. устанавливало, что «чинам лесной стражи при определении на службу выдаются особые печатные указы с подробным указанием их обязанностей и ответственности по службе»⁵. Ревизия деятельности лесной стражи со стороны начальников и контролёров подразумевала, помимо прочего, проверку наличия у служащих карманного экземпляра Наказа.

В текстах всех Лесных уставов, начиная со следующей после принятия Положения 1869 г. редакции устава издания 1876 г., появляются упоминания о Наказе. Так, например, ст. 189 Лесного устава 1876 г. устанавливала, что «при исполнении обязанностей лесная стража руководствуется лесными узаконениями и изданным на сей конец от главного лесного управления особым наказом лесной страже, заключающим вкратце все необходимые правила»⁶. В уставах 1893 и 1905 г. (ст. 88 и 83 соответственно) содержалось указание на то, что «чинам лесной стражи, при определении на службу, выдаются особые печатные указы, с подробным указанием их обязанностей и ответственности по службе»⁷.

⁴ Положение о лесной страже в казённых лесах. Высочайше утверждено 3 июня 1869 г. / Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 2. – Т. 44. – Отд. 1. – № 47188. – Санкт-Петербург, 1873. – С. 592–594.

⁵ Положение о лесной страже в казённых лесах. Высочайше утверждено 3 июня 1869 г. / Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 2. – Т. 44. – Отд. 1. – № 47188. – Санкт-Петербург, 1873. – С. 594.

⁶ Устав Лесной 1876 г., дополненный и изменённый по продолжениям 1863, 1864, 1868, 1869, 1871 и 1872 гг. и позднейшим узаконениям / сост. Д. Коковцов. – Санкт-Петербург: Издание А.Ф. Девриена, 1876. – С. 54.

⁷ Устав лесной 1893 г. с включением Положения о сохранении и сбережении лесов / сост. В. Семенов. – Санкт-Петербург: Типография А. Л. Трунова, 1900. – С. 17; Устав лесной по официальным изданиям 1905 г. и по продолжениям 1906 и 1908 гг. с сенатскими и ведомственными разъяснениями, правилами, инструкциями и циркулярами и с приложением сравнительного и предметного указателей / сост. Г. И. Соколов. – Санкт-Петербург: Типография В. Безобразова и Ко, 1911. – С. 36.

В проекте Лесного устава 1913 г. формулировка, касавшаяся Наказа, была видоизменена и выглядела следующим образом: «Постановления об обязанностях чинов лесной стражи и их ответственности излагаются в особом наказе сим чином, утверждаемом Инспектором Корпуса лесничих и выдаваемом каждому из чинов стражи при определении его на службу» (ст. 180)⁸. Как мы видим, при подготовке проекта нового устава законодатель отошёл от стандартных формулировок, однако, поскольку законопроект так и не был принят, содержание Наказа осталось без изменений. Текст Наказа помещался во всех официальных и неофициальных изданиях Лесных уставов в качестве приложения к соответствующим статьям, регламентировавшим деятельность казённой лесной стражи.

Наказ не имел внутреннего деления на главы, отделения, части и т. п. Его объём относительно невелик, что, очевидно, было продиктовано желанием составителей сделать текст максимально доступным для понимания и запоминания. Он состоял из двадцати четырёх параграфов, которые регламентировали различные стороны служебной деятельности лесной стражи. Поскольку Наказ носил универсальный характер и предназначался как для лесников, так и для объездчиков, его составителями был использован остроумный приём в виде дублирования параграфов. Другими словами, Наказ содержал два первых и два вторых параграфа, первый из которых адресовался объездчику (исходя из старшинства должности объездчика над лесником), а второй, выделяемый в тексте курсивом, леснику. В этих параграфах устанавливалось, что объездчику вверялся объезд, делившийся на обходы, которые, в свою очередь, находились под надзором лесников. Объездчики считались непосредственными начальниками лесников. Соотношение объездчиков и лесников стремилось к пропорции 1:3, в зависимости от местных условий организации лесного хозяйства. К 1914 г. в России на службе в казённой лесной страже состояли 33795 человек, из них 7948 объездчиков, 23817 лесников и 2030 стражников иных наименований⁹.

Лесники и объездчики имели статус государственных служащих, приобретая в связи с этим ряд привилегий и ограничений. Служба начиналась с приведения вновь принятого стражника к присяге в мировом или уездном суде, а там, где судебных установлений не было, – в церкви или в полицейском управлении в присутствии лесничего¹⁰.

Получая за службу жалованье, земельный надел (пахотный и усадебный), казённое жильё, обмундирование, вооружение, право охотить-

ся, пасти скот и заготавливать дрова и будучи освобождёнными от исполнения натуральных повинностей, лесники и объездчики, а также члены их семей теряли возможность заниматься лесными промыслами и осуществлять любые коммерческие операции с древесиной во избежание конфликта личных и служебных интересов (§ 23 Наказа).

Несмотря на существенные отличия в форме, содержательно Наказ не слишком отличался от предшествующих. Основные обязанности лесной стражи, заключавшиеся преимущественно в охране лесов, надзоре за отпуском лесных материалов, учёте вырубленной древесины, выполнении распоряжений лесной администрации, оставались прежними, но ряд атрибутов полувоенного характера лесной службы дореформенного периода из текста Наказа был исключён (воинская дисциплина, субординация, особая подсудность, требования к внешнему виду и поведению и проч.). В деятельности лесной стражи ещё оставалось много черт, родивших лесную службу с военной, а наиболее предпочтительными кандидатами для занятия должностей лесников и объездчиков по-прежнему считались нижние воинские чины, отслужившие действительную службу и уволенные в запас. В лесное ведомство они приносили привычку к военной дисциплине, беспрекословному подчинению начальству, умелому обращению с оружием.

Наказ, представляя собой должностную инструкцию, регламентировал основные направления служебной деятельности лесников и объездчиков. В первую очередь в Наказе содержалось строгое предписание лесникам и объездчикам как можно чаще осматривать свои обходы и объезды, обращая особое внимание на места, где возможно совершение самовольного лесопользования или возникновение пожара (§ 4). Обязательным требованием к лесной страже также являлось точное знание границ своих участков и наблюдение за состоянием и сохранностью межевых знаков, изгородей, канав, мостов и проч. (§ 3).

Семь параграфов Наказа (§ 5–11) относились к определению обязанностей лесной стражи в сфере основного и побочного лесопользования. Любые виды лесопользования должны были допускаться лесниками и объездчиками только при наличии письменного разрешения и предписания, полученного от администрации лесничества (§ 5). Приказы лесничего, получаемые лесниками и объездчиками, должны были храниться ими для предъявления лицам, проводившим очередные или внеочередные ревизии служебно-хозяйственной деятельности лесничеств (§ 6).

Наиболее важным видом лесопользования являлась рубка, контроль за совершением которой возлагался на лесную стражу. Её представители должны были наблюдать, чтобы заготовитель рубил деревья только тех пород и размеров, на которые получил разрешение, и только в определённых администрацией лесничеств местах (§ 7). Все эти условия оговаривались в специальном лесорубочном билете, который

⁸ РГИА. – Ф. 1278. – Оп. 6. – Д. 745. – Л. 62.

⁹ Результаты бывшего казённого лесного хозяйства к 1914 году / под ред. В. В. Фааса. – Санкт-Петербург: Издательство Политехнического университета, 2010. – С. 64–65.

¹⁰ О порядке привода к присяге лиц лесной стражи. Высочайше утверждённое положение Комитета министров 10 июля 1870 г. / Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 2. – Т. 45. – Отд. 2. – № 48550. – Санкт-Петербург, 1874. – С. 20.

заготовитель должен был предъявить леснику или объездчику. Этим полномочия лесной стражи в сфере контроля рубок не исчерпывались. После рубки древесины было необходимо проконтролировать, чтобы дрова были уложены в поленицы, брёвна, жерди и кольца разобраны по сортам и размерам, а порубочные остатки убраны надлежащим образом (§ 7, 9). Это было необходимо для дальнейшего освидетельствования и учёта заготовленных сортиментов.

При осуществлении контроля за заготовкой древесины лесники и объездчики были обязаны также обращать внимание на сроки, указанные в билете для рубки, и не допускать к использованию просроченные билеты (§ 8).

Побочное лесопользование (пастьба скота, заготовка лыка, коры, бересты, луба, сидка смолы, выгонка дёгтя, жжение угля, добывание поташа, песка, камней и т. п.) также должно было производиться только при наличии у лесопользователя всех необходимых разрешительных документов, проверка которых входила в обязанность лесной стражи (§ 7, 10). На правильную организацию выпаса скота в пределах лесных дач было обращено особое внимание, т. к. это было важно для сохранения лесного подростка и недопущения его потрав.

Лесники и объездчики должны были следить за соблюдением правил охоты, не допуская применения охотниками ядов, самострелов и ловушек, ям для лова зверей, сетей для ловли птиц – всего того, что могло бы нанести вред людям или домашним животным (§ 11).

Одним из важнейших направлений деятельности лесной стражи являлась охрана лесов от пожаров (§ 12–15). В Наказе содержались инструкции лесникам и объездчикам как по предупреждению, так и по ликвидации пожаров. В частности, к предупредительным мерам относилось наблюдение за тем, чтобы никто не разводил огня ближе двух саженей (около 4 метров) от стоячего или лежащего леса и не оставлял бы его непотушенным (§ 12). Вообще огонь в лесу в случае необходимости могли разводить лишь лица, производившие лесные работы, путешественники и погонщики скота. Но и этим людям лесник или объездчик мог запретить раскладывание огня в лесу или около него при сильном ветре, сухой погоде и иных неблагоприятных условиях (§ 13).

Опалка лесных дач, заключающаяся в контролируемом выжигании прошлогодней сухой травы, традиционно считалась одной из главных противопожарных мер предупредительного характера и производилась местными крестьянами под контролем лесной стражи и представителей лесничеств (§ 14).

Правила тушения лесных пожаров остались без изменений. В случае обнаружения пожара лесная стража должна была сообщить об этом лесничему и приступить к тушению, а в случае недостатка собственных сил в кратчайшие сроки привлечь местных жителей, проживающих в радиусе 10–25 вёрст (§ 15).

Шесть параграфов Наказа были посвящены регламентации полицейской деятельности лес-

ной стражи в сфере борьбы с самовольными порубками и иными лесонарушениями (§ 16–21). Поскольку на лесников и объездчиков возлагалась ответственность за сохранность казённого леса, они должны были предпринимать все усилия, чтобы не допускать лесонарушений, а в случае их совершения стараться как можно быстрее установить личность нарушителя с целью предъявления ему обвинения и изъятия самовольно заготовленных лесоматериалов. Лесники и объездчики имели право преследовать и задерживать нарушителей, но проводить обыски и изымать самовольно вырубленный лес из частных домовладений могли только при содействии чинов полиции, судебных следователей или представителей сельской и волостной администрации (§ 21).

Наказ предусматривал возможность применения холодного или огнестрельного оружия лесниками и объездчиками при обнаружении лесонарушителей, но «в крайности и для своей защиты» при наличии реальной угрозы жизни и здоровью (§ 18–19). Кроме того, оружие могло употребляться по приказу лесничего для поимки разбойников, дезертиров, беглых и других подозрительных людей (§ 19, 24). В любом случае за применение оружия без достаточных на то оснований, повлекшее за собой причинение вреда здоровью или смерть потерпевшего, лесники и объездчики, а также представители лесной администрации, отдавшие такой приказ, подвергались уголовной ответственности на основании Уложения о наказаниях уголовных и исправительных.

Наказ предусматривал, что лесники и объездчики должны были уметь составлять донесения лесничему (§ 22). Если по некоторым вопросам можно было ограничиться устным докладом, то донесение об открытом лесонарушении составлялось исключительно в письменном виде для возможности дальнейшего разбирательства и принятия предусмотренных законом мер. Исходя из этого требования, в лесную стражу принимались лица, по возможности, грамотные. К 1913 г. общероссийский показатель количества грамотных среди казённых лесников и объездчиков достиг отметки в 90 %¹¹.

При подготовке этой статьи нам встречались различные редакции Наказа, в которых находили отражение, к примеру, региональные особенности. В качестве примера можно привести «Наказ лесному объездчику (и леснику) при казённых лесах», изданный в 1903 г. в Красноярске и применявшийся для регламентирования служебной деятельности лесной стражи Енисейской губернии¹².

Содержание некоторых параграфов изданной в Енисейской губернии редакции Наказа отличается от описанного выше. Эти трансформации были вызваны к жизни условиями и осо-

¹¹ Результаты бывшего казённого лесного хозяйства к 1914 году / под ред. В. В. Фааса. – Санкт-Петербург: Издательство Политехнического университета, 2010. – С. 64–65.

¹² Наказ лесному объездчику (и леснику) при казённых лесах. – Красноярск, 1903.

бенностями ведения лесного хозяйства в Восточной Сибири. Местная специфика заключалась в том, что производство охоты и осуществление побочного лесопользования разрешалось местному населению бесплатно без получения разрешительных документов (параграф о допустимости охотиться лишь при условии получения билета у лесничего в «енисейской» редакции Наказа отсутствует). Также в региональном Наказе норма о вызове на тушение лесного пожара жителей, проживавших в радиусе 10–25 верст, была заменена более подходящей для местных условий: предусматривался сбор местного населения из «всех смежных селений».

Кроме того, в параграфах этого Наказа встречаются ссылки на нормативные акты регионального значения, например, предписания и постановления Иркутского генерал-губернатора, в ведении которого находилась Енисейская губерния. В частности, указываются нормативные акты, регулировавшие правила охоты и соблюдения пожарной безопасности в лесах (Обязательное постановление Иркутского генерал-губернатора от 15 апреля 1895 г. об объявлении некоторых лесов Енисейской губернии

казанными и Правила о побочных пользованиях в казённых лесах Иркутской губернии, изъятых из свободного пользования, распространённые на Енисейскую губернию 22 апреля 1895 г.). Однако, несмотря на содержащиеся в региональном Наказе отличия от «классической» редакции 1869 г., в целом он дословно повторял все его основные положения.

Таким образом, «Наказ лесному объездчику и леснику при казённых лесах» 1869 г. представлял собой необходимый служебный атрибут лесной стражи, являлся по своей сути, содержанию и предназначению универсальной должностной инструкцией. Он включал в себя несколько логических блоков: регламентация общих вопросов службы, определение обязанностей по надзору за основным и побочным лесопользованием, по охране лесов от пожаров, самовольных порубок и иных лесонарушений. Довольно удачное содержание и форма изложения требований, содержащихся в Наказе, во многом предопределили его «долгожительство» в системе нормативного регулирования лесных отношений Российской империи.

Список литературы

1. Воейков Е. В. Лесные пожары в Среднем Поволжье: забытая экологическая катастрофа времён гражданской войны // Новый исторический вестник. – 2020. – № 4 (66). – С. 112–128.
2. Афанасьев П. А., Калаишиков А. А. «Дайте леса, дайте лес»: система крестьянского лесопользования как причина аграрных беспорядков на территории Алтайского округа в 1917–1918 гг. // Педагогическое образование на Алтае. – 2018. – № 1. – С. 118–123.
3. Воейков Е. В. Дискуссия об управлении лесным хозяйством в годы Новой экономической политики (1925–1927 гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. – 2020. – Т. 2. – № 1 (5). – С. 23–32.
4. Данчевская А. В. Проблемы организации лесного надзора в Иркутской и Енисейской губерниях в конце XIX – начале XX в. // Известия Лаборатории древних технологий. – 2021. – Т. 17. – № 2. – С. 127–140.
5. Истомина Э. Г. Леса России: экологическая и социоэкономическая история (XVIII – начало XX вв.): монография. – Москва: Квадрига, 2019. – 358 с.
6. Калаишиков А. А. Реорганизация местных учреждений управления земельно-лесным хозяйством Алтайского округа в июне-сентябре 1918 г. / Сибирь в фокусе исторических, востоковедных и правовых исследований: материалы первой Всероссийской научной конференции, посвящённой памяти известного учёного, педагога, просветителя и общественного деятеля, доктора исторических наук, профессора Александра Владимировича Старцева (1956–2019). – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2021. – С. 187–191.
7. Цинцадзе Н. С. Государство, общество и природа в России конца XIX – первой трети XX века: танго втроем: монография. – Санкт-Петербург: Алетей, 2019. – 570 с.
8. Курьшова И. В. Эволюция лесного законодательства Российской империи (на примере Устава лесного) // Иркутский историко-экономический ежегодник, 2021. – Иркутск: Байкальский государственный университет, 2021. – С. 330–337.
9. Никифоров С. А. Научные подходы к проблеме трансформации частного и публичного в области правового регулирования лесопользования в русском праве XIX – начале XX вв. / Актуальные проблемы развития туристской индустрии: материалы Международной научно-практической конференции. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2021. – С. 213–219.
10. Селяков Н. А. О судоустройстве по делам о лесных порубках, поджогах и других нарушениях лесного законодательства России XVIII – XIX вв. // Актуальные вопросы образования и науки. – 2018. – № 2 (64). – С. 25–33.
11. Черных В. В. Лесное законодательство в период правления Николая I // Сибирский юридический вестник. – 2020. – № 1 (88). – С. 15–21.
12. Тяпкин М. О. Правовое регулирование лесных отношений в Алтайском округе в конце XIX – начале XX в. // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2020. – № 2 (93). – С. 25–42.
13. Тяпкин М. О. Историко-правовой анализ «Наказа лесной страже Алтайского округа» (конец XIX – начало XX вв.) // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2021. – № 1 (96). – С. 24–37.

14. *Тяпкин М. О.* Правовое регулирование деятельности лесной стражи Российской империи в середине XIX в. (анализ «Выписки из общего наказа для лесной стражи об обязанностях поселенного стрелка и его помощника») / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 300-летию Российской империи): в 2-х частях. – Часть 1 : материалы XVIII Международной научной конференции. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. – С. 260–265.

References

1. *Voyeykov Ye. V.* Lesnyye pozhary v Srednem Povolzh'ye: zabytaya ekologicheskaya katastrofa vremennyykh grazhdanskoy voyny // Novyy istoricheskiy vestnik. – 2020. – № 4 (66). – С. 112–128.

2. *Afanasyev P. A., Kalashnikov A. A.* «Dayte lesa, dayte les»: sistema krest'yanskogo lesopol'zovaniya kak prichina agrarnykh besporyadkov na territorii Altayskogo okruga v 1917–1918 gg. // Pedagogicheskoye obrazovaniye na Altaye. – 2018. – № 1. – С. 118–123.

3. *Voyeykov Ye. V.* Diskussiya ob upravlenii lesnym khozyaystvom v gody Novoy ekonomicheskoy politiki (1925–1927 gg.) // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. Istoricheskiye nauki. – 2020. – Т. 2. – № 1 (5). – С. 23–32.

4. *Danchevskaya A. V.* Problemy organizatsii lesnogo nadzora v Irkutskoy i Yeniseyskoy guberniyakh v kontse XIX – nachale XX v. // Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy. – 2021. – Т. 17. – № 2. – С. 127–140.

5. *Istomina E. G.* Lesa Rossii: ekologicheskaya i sotsioekonomicheskaya istoriya (XVIII – nachalo XX vv.): monografiya. – Moskva: Kvadriga, 2019. – 358 s.

6. *Kalashnikov A. A.* Reorganizatsiya mestnykh uchrezhdeniy upravleniya zemel'no-lesnym khozyaystvom Altayskogo okruga v iyune-sentyabre 1918 g. / Sibir' v fokuse istoricheskikh, vostokovednykh i pravovykh issledovaniy: materialy pervoy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchonnoy pamyati izvestnogo uchonogo, pedagoga, prosvetatelya i obshchestvennogo deyatelya, doktora istoricheskikh nauk, professora Aleksandra Vladimirovicha Startseva (1956–2019). – Barnaul: Barnaul'skiy yuridicheskiy institut MVD Rossii, 2021. – С. 187–191.

7. *Tsintsadze N. S.* Gosudarstvo, obshchestvo i priroda v Rossii kontsa XIX – pervoy tretyi XX veka: tango vtroyom: monografiya. – Sankt-Peterburg: Aleteyya, 2019. – 570 s.

8. *Kuryshova I. V.* Evolyutsiya lesnogo zakonodatel'stva Rossiyskoy imperii (na primere Ustava lesnogo) // Irkutskiy istoriko-ekonomicheskiy yezhegodnik, 2021. – Irkutsk: Baykal'skiy gosudarstvennyy universitet, 2021. – С. 330–337.

9. *Nikiforov S. A.* Nauchnyye podkhody k probleme transformatsii chastnogo i publichnogo v oblasti pravovogo regulirovaniya lesopol'zovaniya v ruskom prave XIX – nachale XX vv. / Aktual'nyye problemy razvitiya turistskoy industrii: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Kursk: Yugo-Zapadnyy gosudarstvennyy universitet, 2021. – С. 213–219.

10. *Selyakov N. A.* O sudoustroystve po delam o lesnykh porubkakh, podzhogakh i drugikh narusheniyyakh lesnogo zakonodatel'stva Rossii XVIII – XIX vv. // Aktual'nyye voprosy obrazovaniya i nauki. – 2018. – № 2 (64). – С. 25–33.

11. *Chernykh V. V.* Lesnoye zakonodatel'stvo v period pravleniya Nikolaya I // Sibirskiy yuridicheskiy vestnik. – 2020. – № 1 (88). – С. 15–21.

12. *Тяпкин М. О.* Правовое регулирование лесных отношений в Алтайском округе в конце XIX – начале XX в. // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2020. – № 2 (93). – С. 25–42.

13. *Тяпкин М. О.* Историко-правовой анализ «Наказа лесной страже Алтайского округа» (конец XIX – начало XX вв.) // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2021. – № 1 (96). – С. 24–37.

14. *Тяпкин М. О.* Правовое регулирование деятельности лесной стражи Российской империи в середине XIX в. (анализ «Выписки из общего наказа для лесной стражи об обязанностях поселенного стрелка и его помощника») / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 300-летию Российской империи): в 2-х частях. – Часть 1 : материалы XVIII Международной научной конференции. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. – С. 260–265.

Статья поступила в редакцию 29.12.2021; одобрена после рецензирования 10.01.2022; принята к публикации 12.01.2022.

The article was submitted December 29, 2021; approved after reviewing January 10, 2022; accepted for publication January 12, 2022.

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Обзорная статья
УДК 325.14
doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-56-68

Роман Юрьевич Аврутин

кандидат юридических наук

<https://orcid.org/0000-0003-1140-8194>, roman-967@mail.ru

Наталья Николаевна Паук

кандидат педагогических наук

<https://orcid.org/0000-0002-6959-1481>, tasha-bush@yandex.ru

*Санкт-Петербургский университет МВД России,
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1*

Актуальные проблемы законодательного регулирувания миграционных процессов на территории государств – участников СНГ Об итогах проведённой 15 октября 2021 года Международной научно-практической конференции

Аннотация: 15 октября 2021 г. в Санкт-Петербургском университете МВД России в рамках деятельности научной школы «Административная и административно-процессуальная деятельность МВД России» состоялась ежегодная Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы законодательного регулирования миграционных процессов на территории государств-участников СНГ», на которой обменивались мнениями по проблемным вопросам законодательного регулирования миграционных процессов, административно-юрисдикционной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации в сфере миграции, по теоретическим и прикладным проблемам совершенствования законодательства об административных правонарушениях в миграционной сфере, по обеспечению безопасности и общественного порядка, совершенствованию полицейской и иной правоохранительной деятельности, а также были подведены итоги конференции. Конференция стала очередным этапом рассмотрения и обсуждения научно-теоретических основ правового регулирования миграционных процессов на территории Российской Федерации и позволила сопоставить научную доктрину с практической деятельностью федеральных органов исполнительной власти региона, некоммерческих, общественных организаций в вопросах правоприменения в сфере миграции и миграционной политики.

Участники конференции в ходе обсуждения вынесенного на повестку дня вопроса обменивались мнениями и опытом по совершенствованию законодательного регулирования, поиску эффективных форм и методов регулирования миграционных процессов на территории государств – участников СНГ, опытом правоприменительной деятельности по вопросам миграции и укреплению научных и практических связей между сотрудниками территориальных органов внутренних дел Российской Федерации, образовательными, научными организациями МВД России, региональными некоммерческими и общественными организациями.

В конференции приняли участие представители Туркменистана, Республики Узбекистан, Республики Гана, Демократической Республики Сан-Томе и Принсипи.

Ключевые слова: трудовые мигранты, миграционные отношения, миграционное законодательство, миграционный кризис, нелегальные мигранты, беженцы, иностранные граждане

Для цитирования: Аврутин Р. Ю., Паук Н. Н. Актуальные проблемы законодательного регулирования миграционных процессов на территории государств-участников СНГ. Об итогах проведенной 15 октября 2021 года Международной научно-практической конференции // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 1 (93). – С. 56–68; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-56-68.

Roman Y. Avrutin

Cand. Sci. (Jurid.)

<https://orcid.org/0000-0003-1140-8194>, roman-967@mail.ru

Natalia N. Pauk

Cand. Sci. (Ped.)

<https://orcid.org/0000-0002-6959-1481>, tasha-bush@yandex.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Current issues of the legislative regulation of migration processes on the territory of the CIS member states On the results of the Annual International Conference and Workshop held on 15 of October

Abstract: On October 15, 2021, at the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, as part of the activities of the scientific school «Administrative and administrative-procedural activities of the Ministry of Internal Affairs of Russia», the annual international scientific and practical conference «Actual problems of legislative regulation of migration processes on the territory of the CIS member states» was held, where they exchanged views on problematic issues of legislative regulation of migration processes, administrative and jurisdictional activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation in the field of migration, on theoretical and applied problems of improving legislation on administrative offenses in the migration sphere, on ensuring security and public order, improving police and other law enforcement activities, as well as the results of the conference were summed up. The conference became the next stage in the consideration and discussion of the scientific and theoretical foundations of the legal regulation of migration processes on the territory of the Russian Federation and made it possible to compare the scientific doctrine with the practical activities of the federal executive authorities of the region, non-profit, public organizations in matters of law enforcement in the field of migration and migration policy.

During the discussion of the issue on the agenda, the conference participants exchanged views and experience on improving legislative regulation, finding effective forms and methods for regulating migration processes on the territory of the CIS member states, experience in law enforcement activities on migration issues and strengthening scientific and practical ties between employees of territorial bodies Internal Affairs of the Russian Federation, educational, scientific organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia, regional non-profit and public organizations.

The conference was attended by representatives of Turkmenistan, the Republic of Uzbekistan, the Republic of Ghana, the Democratic Republic of Sao Tome and Principe.

Keywords: labor migrants, migration relations, migration legislation, migration crisis, illegal migrants, refugees, foreign citizens

For citation: Avrutin R. Y., Pauk N. N. Current issues of the legislative regulation of migration processes on the territory of the CIS member states. On the results of the Annual International Conference and Workshop held on 15 of October // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 1 (93). – P. 56–68; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-56-68.

Прошедшая 15 октября 2021 года в Санкт-Петербургском университете МВД России ежегодная Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы законодательного регулирования миграционных процессов на территории государств – участников СНГ» явилась очередным этапом рассмотрения и обсуждения научно-теоретических основ правового регулирования миграционных процессов на территории Российской Федерации и позволила сопоставить научную доктрину практической деятельностью федеральных органов исполнительной власти региона, некоммерческих, общественных организаций в вопросах правоприменения в сфере миграции и миграционной политики. Участники конференции в ходе обсуждения выне-

сенного на повестку дня вопроса обменялись мнениями и опытом по совершенствованию законодательного регулирования, поиску эффективных форм и методов регулирования миграционных процессов на территории государств – участников СНГ, опытом правоприменительной деятельности по вопросам миграции и укреплению научных и практических связей между сотрудниками территориальных органов внутренних дел Российской Федерации, образовательными, научными организациями МВД России, региональными некоммерческими и общественными организациями.

Принимавшие участие в конференции представители иностранных государств: Туркменистана, Республики Узбекистан, Республики Гана, Демократи-

ческой Республики Сан-Томе и Принсипи рассказали о национальном миграционном законодательстве, проблемах в данной сфере, намеченных путях и способах их решения.

В работе конференции приняли участие руководители и ведущие учёные образовательных и научных организаций России, представители образовательных организаций МВД стран СНГ и дальнего зарубежья, представители Главного управления МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Управление по вопросам миграции Главного управления МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Прокуратуры г. Санкт-Петербурга, Комитета по межнациональным отношениям и реализации миграционной политики в г. Санкт-Петербурге, Комитета по молодёжной политике и взаимодействию с общественными организациями Санкт-Петербурга, аппарата Уполномоченного по правам человека в г. Санкт-Петербурге, Российского Красного Креста, Санкт-Петербургского Дома национальностей; Санкт-Петербургского государственного автономного учреждения «Центр трудовых ресурсов», научно-педагогический состав Санкт-Петербургского университета МВД России.

Открывая конференцию, её ведущий, **начальник научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского университета МВД России кандидат психологических наук, доцент К. В. Злоказов** отметил значение проводимой конференции для выработки перспективных направлений деятельности органов исполнительной власти и общественных организаций, а также научного сообщества в сфере миграционной политики Российской Федерации. Модератор отметил обширную географию конференции: участие в ней принимают не только российские учёные и практики, но и представители Республики Беларусь, Республики Узбекистана, Туркменистана, Республики Ганы, Демократической Республики Сан-Томе и Принсипи.

От имени руководства Санкт-Петербургского университета МВД России К. В. Злоказов пожелал участникам конференции успехов, предметных научных дискуссий, появления новых научных взаимоотношений и достижения заявленных научных результатов, зачитал поступившее в адрес участников конференции поздравительное письмо от Комитета по межнациональным отношениям и реализации миграционной политики в Санкт-Петербурге и передал слово кандидату юридических наук, доценту С. С. Лампадовой, обратив внимание, что благодаря её заслугам данная конференция приобрела такую значимость.

С. С. Лампадова, начальник Управления учебно-методической работы, кандидат юридических наук, доцент в своём выступлении на тему «*Концептуальные подходы к адаптации мигрантов: региональный опыт*» обратила внимание на важность проблемы интеграции и адаптации мигрантов в принимающем социуме. Эти вопросы нашли отражение в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период 2019–2025 гг., утверждённой Указом президента в 2018 году, и в её более раннем варианте 2012 года. Представляется очевидным, что страна с активными миграционными процессами, к которым относится и Российская Федерация, прямо заинтересована, чтобы мигранты были адаптированы, чувствовали себя комфортно и уверенно.

Интересен в этом направлении опыт Санкт-Петербурга. Начиная с 2016 года, в рамках Государственной программы «Создание условий для обеспечения общественного согласия в Санкт-Петербурге

на 2015–2020 гг.» действует специальная подпрограмма «Реализация концепции миграционной политики Российской Федерации в Санкт-Петербурге».

В рамках подпрограммы осуществляется комплекс мероприятий, направленных на включение мигрантов в социальное и культурное пространство российского общества, адаптацию и повышение роли национальных общественных объединений, национально-культурных автономий. Проводимые мероприятия по способу их реализации и кругу освещаемых задач можно разделить на отдельные направления:

- творческое: конкурс для иностранных граждан, получивший название «Многогранный Петербург», информационно-культурное мероприятие «Под крылом Петербурга», в рамках которых иностранные граждане знакомятся с культурой Российской Федерации и участвуют в мероприятиях с заранее подготовленными творческими номерами на русском языке;

- информационно-пропагандистское: размещение информации в интернете, установка информационных терминалов в аэропорту «Пулково» с актуальной информацией, издание для мигрантов информационных материалов, содержащих изложенные, в том числе на иностранных языках, сведения о нормах миграционного и трудового законодательства Российской Федерации и Санкт-Петербурга, а также информацию по вопросам трудоустройства, пребывания и проживания в Российской Федерации, медицинской помощи и социальной поддержки, ответственности за нарушение законодательства Российской Федерации и о мерах наказания;

- просветительское и образовательное направление для работодателей, привлекающих и использующих иностранную рабочую силу. В его рамках органами исполнительной власти проводится мониторинг условий проживания и труда иностранных трудовых мигрантов: посещение мест массового проживания иностранных работников, производств и предприятий, на которых осуществляют трудовую деятельность иностранные граждане и лица без гражданства;

- направление правового информирования и мониторинга, в рамках которого в образовательных организациях проводятся тематические семинары «Экстремизм – угроза обществу», разъясняются положения законодательства Российской Федерации об экстремистской деятельности. С помощью примеров разграничиваются гарантированные государством свобода слова, свобода вероисповедания и противозаконная деятельность, содержащая признаки экстремизма.

Заслуживает отдельного упоминания такая инициатива Правительства Санкт-Петербурга, как создание при Комитете по межнациональным отношениям и реализации миграционной политики Комиссии по вопросам равенства прав и противодействия дискриминации мигрантов и членов их семей. На заседаниях Комиссии принимаются решения о привлечении к разрешению конфликтов между иммигрантами неформальных лидеров, представителей диаспор, об инициировании передачи информации о нарушенных правах трудящихся иностранных граждан для последующего разбирательства в уполномоченные органы государственной власти в соответствии с компетенцией.

Можно констатировать, что в Санкт-Петербурге в целом сформирована система адаптации иммигрантов и интеграции их в принимающее сообщество. Очевидно, что подобный опыт накоплен и в других регионах. Для его распространения требуется аккумулирование актуальной информации на федеральном уровне и трансляция её в регионы.

При обсуждении проблем миграции невозможно обойти стороной вопросы оказания помощи со стороны государства лицам, выразившим желание добровольно переселиться в Российскую Федерацию, соотечественникам, проживающим в странах СНГ и других зарубежных государствах.

Е. Ю. Зинченко, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук, профессор свои тезисы по-прежнему рассмотрению вопроса «*Добровольное переселение соотечественников, проживающих в странах СНГ, в Россию*», указав, что данное направление является одним из приоритетных в совершенствовании миграционной политики Российской Федерации. Воспитанные в традициях российской культуры, владеющие русским языком соотечественники в наибольшей мере способны к адаптации и скорейшему включению в систему позитивных социальных связей российского сообщества. Государственная программа, предпринятая Российским государством, способствует социально-экономическому развитию России, что невозможно без кардинального изменения демографической ситуации, характеризующейся в настоящее время оттоком населения со стратегически важных для России территорий, сокращением общей численности населения, в том числе трудоспособного возраста.

В тезисах отмечено, что основными целями разработанной по инициативе Президента Российской Федерации В. В. Путина государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, утверждённой Указом Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 года № 637, являются стимулирование и организация процесса добровольного переселения соотечественников в Россию, содействие социально-экономическому развитию регионов и решение демографических проблем, в первую очередь, на территориях приоритетного заселения за счёт привлечения переселенцев на постоянное место жительства в Россию.

Российская Федерация реализует меры поддержки соотечественников за рубежом в обеспечении основных свобод: гражданских, политических, экономических, социальных, культурных и иных прав, защиту против различных форм дискриминации, равенство перед законом. Очевидно, конституционная гарантия защиты и покровительства российских граждан, находящихся за пределами Российской Федерации, должна получить своё развитие посредством принятия нового Федерального закона «О гарантиях защиты граждан Российской Федерации за рубежом». Что же касается Конституции РФ, в качестве поправки следует включить в неё положение о поддержке Российской Федерацией соотечественников за рубежом как обязанности государства, а также в ст. 72 Конституции РФ предусмотреть возможность осуществления государственной политики в отношении соотечественников с участием субъектов РФ, что будет способствовать её наиболее эффективной реализации. Кроме того, в федеральном конституционном законе «Об Уполномоченном по правам человека в РФ» следует закрепить за Уполномоченным по правам человека функцию защиты прав и законных интересов соотечественников, проживающих за рубежом.

С. О. Харламов, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя в своем выступлении

на тему «*Актуальные аспекты реализации единой миграционной политики Союзного государства Республики Беларусь и Российской Федерации*» раскрыл перед участниками конференции отдельные аспекты деятельности рабочей группы по разработке Концепции государственной миграционной политики Союзного государства Республики Беларусь и Российской Федерации.

Было отмечено, что в 2019 году велась активная работа по подготовке проекта Концепции – с 13 по 15 мая в Тульской области проведено XVIII заседание Межгосударственной межведомственной рабочей группы по выработке рекомендаций по проведению согласованной миграционной политики Союзного государства, подготовке Протокола заседания и утверждения положений Концепции миграционной политики Союзного государства. В работе совещания приняли участие первый заместитель министра внутренних дел России генерал-полковник полиции А. В. Горовой, губернатор Тульской области А. Г. Дюмин, начальник ГУВМ МВД России генерал-лейтенант полиции В. Л. Казакова, представители МИД и ФСБ России. Со стороны Республики Беларусь – заместитель министра МВД Республики Беларусь генерал-майор милиции Н. А. Мельченко, представители высших органов Союзного государства.

С. О. Харламов отметил, что Концепция миграционной политики Союзного государства разработана в соответствии с Планом мероприятий по формированию единого миграционного пространства на территориях государств-участников, Договором о создании Союзного государства на 2017–2020 годы, Приоритетными направлениями и первоочередными задачами дальнейшего развития Союзного государства на 2018–2022 годы. Концепция направлена на достижение целей создания Союзного государства, а также на формирование в государствах – участниках Договора о создании Союзного государства, необходимых условий и правовых основ для функционирования единого миграционного пространства и принятия союзного нормативно-правового акта в области гражданства. В ходе работы над Концепцией выделены приоритетные направления миграционной политики:

- единая пограничная политика;
- единая визовая политика;
- единая иммиграционная политика;
- единая политика натурализации;
- единая политика предоставления международной защиты на территории Союзного государства лицам, ищущим убежище;
- единая политика в области противодействия незаконной миграции, борьбы с правонарушениями и криминальными деяниями в сфере миграции.

В заключение **С. О. Харламов** подчеркнул, что ожидаемыми результатами реализации миграционной политики являются функционирование единого миграционного пространства, создание необходимых правовых и институциональных основ для принятия союзного нормативно-правового акта в области гражданства, готовность государств-участников к введению единого документа, удостоверяющего личность гражданина Союзного государства, с последующим прекращением действия национальных документов, удостоверяющих личность.

Е. Н. Хазов, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, в тезисах своего выступления «*Миграционные процессы в странах СНГ и их влияние на криминальную обстановку в России*» отметил, что миграционные процессы

в Российской Федерации в минувшее десятилетие определялись влиянием положительных и отрицательных факторов. К числу положительных можно отнести приток рабочей силы, что способствует развитию различных отраслей промышленности и сельского хозяйства, укреплению межнациональных связей и культурного обмена, демократизации общественно-политической жизни, реализации конституционных принципов свободы передвижения, вхождению в международный рынок труда.

К отрицательным факторам следует отнести проявления национализма, экстремизма, терроризма, социальные конфликты, возникающие на почве национальных и религиозных различий мигрантов и коренного населения России. Всё это негативно воздействует на межнациональные этнические отношения и формирует основу для появления этнической преступности, созданию однородных преступных группировок по национальному признаку, что в свою очередь существенно обостряет социальную, демографическую и криминогенную обстановку на территории России в целом. Также следует признать, что складывающаяся миграционная ситуация непосредственно затрагивает вопросы безопасности государства, в том числе политическую и экономическую, поскольку речь идёт о необходимости обеспечения экономической освоенности, заселённости территории России, а значит, территориальной целостности и безопасности государства.

Следует также отметить, что иностранными гражданами и лицами без гражданства за истекший период 2021 года на территории Российской Федерации совершено более 24 тыс. преступлений, что на 5,9 % больше, чем за январь–август 2020 года, в том числе гражданами государств–участников СНГ – 19,2 тыс. преступлений (– 8,0 %), их удельный вес составил 77,8 %. Количество преступлений в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства сократилось на 1,1 % и составило 10,3 тыс. преступлений. Криминальная миграция связана с различными видами преступной экономической деятельности, в том числе наркобизнесом и нелегальной внешнеэкономической деятельностью, а также с совершением общеуголовных преступлений как видом промысла.

Незаконная миграция – это явление, которое в современном мире приобретает всё более многочисленные и сложные формы, начиная от незаконной трудовой миграции и заканчивая торговлей людьми. А ведь именно нелегальная миграция является питательной средой для развития криминала, роста транснациональной организованной преступности. Наибольшим вниманием незаконных мигрантов пользуются крупные города, экономически развивающиеся зоны и приграничные территории. Необходимо отметить, что в этнической структуре незаконной миграции на территории Российской Федерации подавляющее большинство составляют выходцы из стран СНГ, остальные – граждане азиатских и африканских стран, среди которых преобладают выходцы из Китая и Вьетнама. Существует проблема незаконной миграции и на российско-казахстанской границе, оценить её масштабы невозможно по различным причинам.

Особо стоит вопрос незаконной миграции из Китая в Россию: это Дальний Восток, Сибирь, Приволжье. Значительное число мигрантов из Китая (около 3 млн человек), как правило, специализируются на браконьерстве, незаконной вырубке леса, незаконном обороте наркотических средств, уничтожении водных биоресурсов, контрабандной торговле товарами.

Привлечение мигрантов к сотрудничеству с органами внутренних дел поможет эффективнее бороться именно с этнической преступностью, а также в случаях возникновения межнациональных конфликтных ситуаций.

Таким образом, миграция в целом и нелегальная миграция в частности являются одним из факторов, влияющих на состояние преступности в современной России. Для противодействия организованной преступности необходимо дальнейшее совершенствование деятельности всех правоохранительных органов России. Необходимо рассмотреть меры по ограничению въезда в Российскую Федерацию иностранным гражданам и мигрантам, совершившим преступления на территории Российской Федерации, а также по развитию потенциала международных связей между правоохранительными службами различных стран мира.

С. И. Иванова, начальник кафедры административной деятельности органов внутренних дел Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России, кандидат юридических наук, доцент в докладе «*К вопросу о необходимости конкретизации полномочий сотрудников полиции при пресечении правонарушений в сфере миграции*» отметила, что сложности правового регулирования в сфере миграции обусловлены отсутствием унифицированного категориального аппарата, принятого на законодательном уровне. Зачастую элементы системы миграционного законодательства развиваются сами по себе, без учёта того, что они должны быть встроены в единую целостную систему.

К мерам принуждения, применяемым к иностранным гражданам в связи с выселением за пределы Российской Федерации, следует отнести: доставку иностранного гражданина, подлежащего депортации; передачу иностранному государству – участнику Конвенции лица, страдающего психическим расстройством, для проведения принудительного лечения; решение о нежелательности пребывания (проживания); помещение иностранных граждан или лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации, в специальные учреждения. При этом достаточно регламентирована мера принуждения, применяемая судом, – помещение в специальные учреждения иностранных граждан или лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации.

Однако меры принуждения, применяемые должностными лицами органов внутренних дел (полиции), выступающие одним из основных субъектов иммиграционного контроля, регламентированы недостаточно полно. Анализ положений Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» показал, что после реорганизации специализированного органа Федеральной миграционной службы России были определены лишь обязанности полиции (пп. 12 и 33 ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»). Специальных прав в отношении иностранных граждан, за исключением задержания лиц, в отношении которых поступило требование о выдаче (п. 13 ч. 1 ст. 14 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»), не определено. В то же время обязанность иностранного гражданина или лица без гражданства предъявить действительные документы, удостоверяющие личность и признаваемые Российской Федерацией в этом качестве, а также визу, закреплена только при въезде в Российскую Федерацию и выезде из неё (ст. 6 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»).

В остальном проверка документов иностранных граждан, личный досмотр, досмотр вещей, досмотр транспортных средств и другие процедуры не отличаются от проверки документов граждан Российской Федерации, то есть проводятся на общих основаниях.

В то же время соответствующие должностные лица обязаны обеспечить принудительные меры высылки, например, доставку иностранного гражданина, подлежащего депортации (п. 9.2 ст. 31 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»); помещение иностранного гражданина, подлежащего депортации, в специальное учреждение (п. 9.3 ст. 31 ФЗ № 115); передачу иностранного гражданина иностранному государству в соответствии с международным договором Российской Федерации о реадмиссии (п. 10 ст. 31 ФЗ № 115); исполнение решения о депортации иностранного гражданина, находящегося в местах лишения свободы, в отношении которого вынесено решение о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации или решение о неразрешении въезда в Российскую Федерацию, либо решения о его реадмиссии, осуществляется после отбытия (п. 12 ст. 31 ФЗ № 115).

Какие обеспечительные меры могут быть при этом применены, не определено. В частности, не определён порядок сопровождения подлежащих депортации иностранных граждан при осуществлении соответствующих процедур, порядок их охраны в судах, при направлении в медицинские организации, а также при осуществлении самой процедуры депортации при их доставлении и нахождении на объектах транспортной инфраструктуры до момента убытия иностранного гражданина в страну исхода.

Особого внимания заслуживают правила по контролю за иностранными гражданами, применяемые в других государствах. Так, в ФРГ с 1 января 2016 г. к числу мер государственного контроля относится установление административного надзора в отношении данной категории лиц, ограничение передвижения, социальных контактов, пользования средствами коммуникации, а также применение технических средств контроля за передвижением («электронных наручников»). Аналогично административный надзор применяется в Турецкой Республике. В целях обеспечения депортации в большинстве стран применяются задержание, досмотр задержанного; досмотр вещей; изъятие вещей, а также документов, удостоверяющих личность, и проездных документов задержанного иностранного гражданина (Французская Республика, Латвийская Республика, Республика Кипр, Китайская Народная Республика и др.) Предусмотрено право полиции зайти в жилое помещение и даже провести там обыск (ФРГ, Франция).

Анализ международного законодательства позволил сделать следующие выводы:

- необходимо включить в обязанности полиции содержание и охрану иностранных граждан в специальных учреждениях, их сопровождение в медицинские учреждения при госпитализации и обеспечение соответствующего контроля пребывания указанных лиц в медицинских организациях в случаях, предусмотренных ст. 31 ФЗ № 115;

- определить порядок общего административного надзора в сфере миграции как вида государственного надзора;

- регламентировать право и основания проверки права на передвижение или пребывания иностранного гражданина на территории Российской

Федерации и принудительные меры для его реализации, в том числе доставление в помещение органа внутренних дел для проверки наличия у иностранного гражданина такого права;

- предлагаемый институт «контролируемого пребывания» по своему содержанию является аналогом специального административного надзора, устанавливаемого за лицами, в отношении которых судом установлены ограничения, давно апробирован и эффективно применяется. Полагаем обоснованным его установление в отношении иностранных граждан, которые обязаны в силу закона или судебного решения покинуть Российскую Федерацию или быть высланы из неё принудительно, но данное решение не может быть исполнено в силу объективных причин.

В работе конференции выступил с докладом «*О деятельности Уполномоченного по правам человека в Санкт-Петербурге в сфере защиты прав иностранных граждан, содержащихся в ЦВСИГ*» С. Ю. Андрейцо, старший инспектор-аналитик Аппарата Уполномоченного по правам человека в Санкт-Петербурге, кандидат юридических наук, доцент. Он сообщил участникам конференции о проведённых Аппаратом уполномоченного по правам человека выездных мероприятиях в Центре временного содержания иностранных граждан. Особо отмечены следующие предложения в целях повышения эффективности взаимодействия Аппарата Уполномоченного с органами государственной власти, в частности:

- использование материалов ежегодного доклада в образовательном процессе и исследовательской деятельности;

- участие обучающихся в конкурсе «Права человека»;

- необходимость выделения подгруппы по миграции в рамках общественного совета при ГУ МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области или создание отдельного совета при Управлении по вопросам миграции ГУ МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

З. Н. Столярова, доцент кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений Академии управления МВД России, кандидат юридических наук, свой доклад на тему «*О перспективах совершенствования миграционного законодательства и практики его реализации*» начала эпилога к фильму Никиты Михалкова «12»:

«Закон превыше всего, но как быть, когда милосердие оказывается выше закона?». По мнению З. Н. Столяровой, эти слова справедливо подчеркивают тот факт, что современное миграционное законодательство изобилует огромным количеством правовых норм, которые постоянно совершенствуются и модернизируются, и происходит это под действием следующих факторов: политика, экономика, цифровизация и др.

Ярким примером влияния процессов цифровизации послужило появление новых (электронных) видов документов, как, например, цифровая виза, апробация внедрения которой велась на территории отдельных субъектов Российской Федерации, начиная с 2017 года. И уже с 1 января 2021 года вступившим в силу постановлением Правительства Российской Федерации от 7 ноября 2020 года № 1973 в нашей стране введена в действие единая электронная виза, которая оформляется на специализированном сайте МИД России либо посредством мобильного приложения в туристических или гуманитарных целях. Для её получения необходимо не более четырёх дней, чтобы в дальнейшем свободно въехать на террито-

рию Российской Федерации и находиться на её территории шестнадцать суток. Очевидно, что подобное нововведение окажет положительное воздействие на развитие туризма, а также повысит инвестиционную привлекательность субъектов Российской Федерации и будет способствовать экономическому развитию государства в целом.

Кроме того, **З. Н. Столярова** обратила внимание на новый законопроект в сфере миграции, уточнив, что разрабатываемый в текущем году проект Федерального закона с рабочим названием «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства», безусловно, представляет собой особый научный интерес. Данный законопроект является комплексным законом и, по идее разработчиков, должен объединить в себе правовые нормы, изложенные в настоящее время в трёх основных миграционных законах, определяющих правовое положение иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации, миграционный учёт рассматриваемой категории лиц, а также особенности въезда на территорию Российской Федерации и выезда, тем самым активизируя научную дискуссию о необходимости систематизации и, возможно, кодификации законодательства в сфере миграции.

С интересом участники конференции выслушали сообщения сотрудников органов внутренних дел и Прокуратуры Санкт-Петербурга, чьи выступления имели ярко выраженный прикладной характер, основанный на опыте практической деятельности.

Т. В. Халтуринская, заместитель начальника правового отдела по вопросам миграции УВМ ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области в своем докладе «*Административно-правовой статус лица без гражданства и установление личности в Российской Федерации*» отметила, что в соответствии с Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» лицо без гражданства – это физическое лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и не имеющее доказательств наличия гражданства (подданства) иностранного государства. Практическая деятельность подразделений по вопросам миграции МВД России вскрыла ряд проблемных вопросов при определении данного статуса, а именно – отсутствие того самого «доказательства наличия гражданства (подданства) иностранного государства». Эта норма вызывает неопределённость, в которой и скрывается ключевая особенность административно-правовых отношений между указанной категорией лиц и органами исполнительной власти РФ. Вместе с тем статьёй 10.1 упомянутого закона определён порядок проведения процедуры установления личности иностранных граждан и лиц без гражданства, не имеющих действительного документа, удостоверяющего личность. Установление личности осуществляется должностным лицом органа внутренних дел по инициативе органа внутренних дел либо по заявлению гражданина. Срок проведения процедуры установления личности не должен превышать трёх месяцев и может быть однократно продлён, но не более чем на три месяца. По результатам проведённых процедур территориальным органом федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел составляется заключение об установлении личности, которое подписывается руководителем указанного территориального органа. Если в ходе проведения процедуры установления личности не установлено гражданство или подданство иностранного государства, личность гражданина устанавливается как «лицо без гражданства».

Федеральным законом от 24 сентября 2021 г. № 22-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части урегулирования правового статуса лиц без гражданства» введено понятие «временное удостоверение личности лица без гражданства», которое выдается в случае отсутствия у лица документов, удостоверяющих личность и признаваемых Российской Федерацией в этом качестве, в случае отсутствия государства, в которое данное лицо может выехать при наличии у него вида на жительство или другого документа, подтверждающего право на временное или постоянное проживание на территории иностранного государства, либо в связи с исполнением принятого в отношении его решения об административном выдворении за пределы Российской Федерации, о депортации или реадмиссии (ст. 5.2 Федерального закона № 115-ФЗ). Срок действия такого удостоверения составляет десять лет и позволяет осуществлять трудовую деятельность на территории России без разрешительных документов, а также обращаться за выдачей разрешения на временное проживание без учёта квоты. Есть и другая особенность в данном законе – такое лицо не может быть привлечено к административной ответственности за нарушение правил въезда в Российскую Федерацию либо режима пребывания (проживания) в Российской Федерации, незаконное осуществление трудовой деятельности в Российской Федерации или нарушение иммиграционных правил, если такие нарушения были выявлены в связи с подачей данными лицами заявления об установлении личности или заявления о выдаче временного удостоверения личности лица без гражданства в Российской Федерации. Кроме того, подлежат отмене принятые в отношении такого лица решение о депортации, решение о неразрешении въезда в Российскую Федерацию или нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации. Следует отметить, что исключения составляют лишь решения, принятые в связи с наличием обстоятельств, создающих реальную угрозу здоровью населения, либо федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения. Данные положения отчасти позволяют определённой категории лиц пользоваться указанными правами, осуществляя, как показала практика, не всегда законопослушную деятельность.

В заключение **Т. В. Халтуринская** отметила, что успешное решение проблем идентификации лиц без гражданства, уличённых в преступной деятельности, зависит от разработки эффективных инструментов, которые помогут регулировать миграционные потоки, решать экономические, социальные и политические проблемы. Такие изменения могут помочь России стать более благополучным и демократическим государством. Последние изменения законодательства в сфере миграции, в частности Федеральный закон от 24 февраля 2021 г. № 22-ФЗ, показывает, что Россия готова совершенствовать миграционное законодательство и отвечать на современные проблемы, которые возникают в этой сфере.

А. С. Медведев, старший прокурор отдела по надзору за соблюдением прав предпринимателей Управления по надзору за исполнением федерального законодательства Прокуратуры г. Санкт-Петербурга в своём выступлении «*Актуальные проблемы борьбы с нелегальной миграцией на*

территории стран – участников СНГ» отметил, что в настоящее время сложившаяся практика трудовой миграции из стран СНГ позволяет Российской Федерации компенсировать отставание демографических показателей от потребностей экономики, установленный режим пребывания позволяет работникам и работодателям вступать в долгосрочные трудовые отношения, а система налогообложения обеспечивает поступление НДСЛ вне зависимости от официального трудоустройства иностранных граждан. Данное положение вещей и иные свойства, полезные для экономики государства, характерны только для законных миграционных процессов – утрата иностранным гражданином статуса законно находящегося на территории Российской Федерации исключает возможность законного заработка и, как следствие, такие люди представляют потенциальную опасность для общества.

Так, на территории Санкт-Петербурга в текущем году почти на 38 % возросло число преступлений, совершённых иностранными гражданами. Более 40 % составляют преступления, предусмотренные статьёй 327 УК РФ, где объектом преступления становятся документы, подтверждающие законность пребывания на территории Российской Федерации. Кроме этого, возбуждено 14 уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 322¹ УК РФ (организация незаконной миграции), и 2019 уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 322² УК РФ (фиктивная регистрация гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации и фиктивная регистрация иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации) и ст. 322³ УК РФ (фиктивная постановка на учёт иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в Российской Федерации).

Данное положение дел позволяет считать борьбу с нелегальной миграцией на территории Российской Федерации одним из важнейших направлений работы органов прокуратуры.

Следует обратить внимание на следующие факты. После принятия Правительством Российской Федерации распоряжения от 16 марта 2020 года № 635-р «О временном ограничении въезда в Российскую Федерацию иностранных граждан и лиц без гражданства и временном приостановлении оформления и выдачи виз и приглашений» в Санкт-Петербурге наблюдается совершенно новый вид незаконной миграции, связанный с обходом ограничений, установленных постановлениями. Указанным Распоряжением ограничен въезд иностранных граждан в Российскую Федерацию за исключением ряда случаев, таких как необходимость ухода за больными родственниками, прохождение лечения в медицинской организации.

Прокуратурой города был выявлен факт въезда иностранных граждан посредством незаконного приглашения их на лечение. Медицинской организацией, имеющей лицензию на соответствующий вид деятельности и реально осуществляющей хозяйственную деятельность, было оформлено несколько приглашений на лечение для граждан Азербайджана. Проверкой медицинских карт установлено, что иностранным гражданам, пересекающим государственную границу Российской Федерации на основании приглашений на лечение в указанную организацию, какое-либо лечение не назначалось, документы, подтверждающие наличие каких-либо диагнозов, в клинике отсутствовали. В отношении иностранных

граждан оформлены документы, подтверждающие их осмотр персоналом клиники, после чего всем прибывшим даны рекомендации обратиться в иные медицинские организации, чей профиль соответствует выявленным признакам заболеваний.

Более распространенный характер носят случаи организации незаконной миграции, выраженные в организации незаконного пребывания. Так, одним из распространенных способов организации незаконного пребывания граждан стран Евразийского экономического союза является заключение с ними фиктивных трудовых договоров. В соответствии с договором о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. срок временного пребывания трудящегося гражданина государства – члена ЕВРАЗЭС, продляется на срок заключённого трудового договора. На практике такие организации выявляются путём анализа сведений об уведомлениях о прибытии иностранных граждан и уведомлениях о заключении трудовых договоров. Таким образом, противоправная услуга включает в себя предоставление иностранному гражданину бланка уведомления о прибытии к принимающей стороне и трудового договора, легализующего его нахождение на территории Российской Федерации.

Примечательно, что при применении подобной схемы легализации иностранных граждан для них и их будущего работодателя вопрос заключения трудового договора теряет актуальность, что негативно влияет на теневую занятость.

Краткий анализ типичных для Санкт-Петербурга преступлений в сфере незаконной миграции позволяет сделать вывод, что в подавляющем большинстве случаев для организации незаконного въезда или пребывания иностранных граждан используются юридические лица, а в государственной информационной системе миграционного учёта и материалах предоставления государственных услуг остаются характерные следы их деятельности.

В заключение **А. С. Медведев** отметил, что для эффективной борьбы с незаконной миграцией требуется своевременная и объективная оценка указанных сведений, а также организация надлежащего взаимодействия между подразделениями, предоставляющими государственные услуги в сфере миграции и осуществляющими государственный миграционный контроль. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» предусматривает, что выявление факта возможного нарушения работодателем, заказчиком работ, принимающей или приглашающей стороной обязательных требований в результате проведения органом государственного надзора мониторинга соблюдения таких требований является основанием для организации соответствующей проверки. Думается, что разработка и принятие правового акта, регламентирующего порядок проведения мониторинга, а также закрепляющего обязательность его проведения, позволили бы значительно повысить результативность борьбы с незаконной миграцией.

В. К. Самигуллин, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России, в своём выступлении «Развитие Российской законодательства о миграции» обратил внимание, что миграция как социальное явление является мировой проблемой. Ни одна страна, будь она большая или маленькая, не смогла обойти её, тем более Россия, чьё население всегда было подвержено миграции. Люди разных возрастов, вероисповеданий и профессий, часто идя на риск, по тем или иным причинам, обсто-

ятельствам и мотивам перемещались внутри страны, а также въезжали и уезжали из неё. Для управления текущими процессами государство предпринимало и предпринимает определённые меры по их урегулированию правовыми средствами, разрабатывая и совершенствуя законодательство.

По количеству мигрантов Российская Федерация в настоящее время занимает третье место в мире. Следовательно, Россия – страна, имеющая достаточно высокую миграционную привлекательность. Учитывая это обстоятельство, руководство государства взяло курс на развитие миграционного законодательства, предполагающий последовательную работу, направленную на совершенствование управления и правового регулирования общественных отношений, складывающихся в области миграционных процессов.

Так, обращает на себя внимание большое число разнообразных нормативных актов, посвящённых вопросам миграции. Они в чём-то несовершенны, в чём-то противоречивы. Так, например, возникают вопросы с пониманием и объяснением самого понятия «мигрант», с исчислением сроков пребывания в стране и т. д. Некоторые учёные придерживаются мнения, что в настоящее время в Российской Федерации нет полноценного миграционного законодательства, поскольку отсутствует специализированный нормативный правовой акт высокого юридического ранга, посвящённый вопросам миграции в целом, и определяющий вектор российского национально-миграционного законодательства. Отсюда – критика Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», призывы систематизировать нормативные правовые акты, относящиеся к миграции, выработать Миграционный кодекс Российской Федерации.

Какова природа российского миграционного законодательства? Одни склоняются к тому, чтобы характеризовать его как институт, другие – как отрасль. Представляется, что современное российское миграционное законодательство развивается на стыке между конституционным и социальным, публичным и частным правом. В формировании миграционного права задействованы конституционное, административное и финансовое право, гражданское и трудовое право, другие отрасли права. Причём ныне границы между некоторыми сегментами системы права подвижны, а законодательство динамично. Значительна роль документов концептуального свойства, что даёт основание рассматривать российское миграционное право как активное, подвижное, динамичное комплексное структурно-функциональное образование в системе российского права и законодательства. И это, возможно, наиболее перспективное направление его формирования и развития.

В качестве выводов профессор В. К. Самигулин отмечает, что конструктивному преодолению минусов миграционных процессов способствует курс на формирование положительного гуманистического общества, гуманистического права и соответствующего ему законодательства большого и подлинно демократического государства.

Следует особо отметить большое значение для научного сообщества участие в работе конференции сотрудников органов внутренних дел, имеющих практический опыт. Так, с докладом «*Миграционная преступность и её влияние на криминогенную обстановку на территории Санкт-Петербурга*» выступил заместитель начальника УООП и ВОИВ ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области А. П. Степанов. Он отметил, что

в последнее время наблюдается тенденция к маргинализации гастарбайтеров, увеличению числа совершаемых ими преступлений и усилению напряжённости на межэтнической и социально-бытовой почве.

Пандемия коронавирусной инфекции коренным образом изменила складывавшийся десятилетиями социально-экономический уклад российского общества, молниеносно спровоцировала кризисные явления в экономике, многократно усилила социальную напряжённость и вполне ожидаемо запустила цепную реакцию в виде обострения социально-экономической обстановки в стране, в том числе среди мигрантов.

В сложившихся условиях хотели, но не могли покинуть Россию (даже в порядке депортации по суду) граждане Таджикистана и Узбекистана. Границы не закрыла только Киргизия, но авиасообщения со страной нет, а сухопутным путём попасть в Киргизию можно только через Казахстан, который закрыл границы для въезжающих. По данным МВД России, на территории Российской Федерации оказались «заперты» более 2,5 млн трудовых мигрантов. Однако Министерство считает лишь официально трудоустроенных лиц, реальная же их численность в сумме с гастарбайтерами-нелегалами может отличаться от официальной статистики в разы.

Трудовые мигранты, потерявшие заработок, мимо которых прошли меры поддержки населению, предложенные правительством, были поставлены в условия, когда они вынуждены совершать преступления для удовлетворения базовых потребностей.

В текущем году на территории Санкт-Петербурга зарегистрировано 2771 (+ 762) преступления, совершённые иностранными гражданами и лицами без гражданства, что составляет 6 % от общего количества зарегистрированных преступлений (в среднем по России данный показатель составляет около 3,5 %). При этом почти каждое четвёртое преступление (3,7), относится к категории тяжких и особо тяжких преступлений (738, + 272). Иностранцами гражданами и лицами без гражданства совершено 627 (+ 113) краж и 307 (+ 200) преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков.

95,5 % преступлений (2647, + 730) совершено гражданами государств-участников СНГ. Наибольшее количество преступлений совершено гражданами Республики Узбекистан и Республики Таджикистан – 1276 (+336) и 385 (+71) соответственно. Кроме того, за последнее время участились случаи массовых драк с участием иностранных граждан.

Данные обстоятельства потребовали принятия незамедлительных и адекватных мер реагирования со стороны ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Одной из таких мер стало проведение точечных оперативно-профилактических мероприятий в апреле, мае, июле, августе и сентябре 2021 года. По результатам оперативно-профилактических мероприятий составлено более 27 тысяч административных протоколов, в том числе по ст. 18.8, 18.9, 18.10 КоАП РФ. Возбуждено более 900 уголовных дел по ст. 222, 322, 327 УК РФ.

Возникает закономерный вопрос: какие же меры по противодействию нелегальной миграции принимаются ещё? Прежде всего, это меры административного воздействия и привлечения к уголовной ответственности нарушителей законного пребывания и осуществления трудовой деятельности на территории России, а также на должностных и юридических лиц, выполняющих обязанности с соблюдением условий пребывания и осуществления трудовой деятельности иностранных граждан, которые определены Кодексом об административных правонарушениях

ях РФ и Уголовным кодексом РФ, предусматривают наложение штрафа в различных размерах, порой довольно значительных, либо привлечение к принудительным работам, либо лишение свободы.

Например, штраф на юридических лиц за незаконное привлечение к трудовой деятельности двух и более иностранных граждан может взиматься в размере до 800 тыс. рублей за каждого. Однако в СМИ редко освещается информация о работодателях, которые подверглись таким штрафам. Чаще мы видим, как сотрудники правоохранительных органов задерживают трудовых мигрантов, осуществляющих трудовую деятельность без документов. Рост же количества нелегальных мигрантов свидетельствует о неэффективности этих мер.

Требуется принятие мер, создающих условия для легального пребывания и осуществления иностранными гражданами трудовой деятельности. К числу таких мер следует отнести:

- изменение механизма квотирования привлечения иностранных работников, прежде всего в части возможности, а не обязательности установления квоты;
- содействие развитию инфраструктуры, обеспечивающей процесс трудоустройства и контроля за трудовой деятельностью мигрантов: агентств по найму, агентств по сдаче им жилья, центров адаптации, медицинского обслуживания и т. д. с привлечением к этому бизнесу;
- совершенствование информационной работы внутри Российской Федерации и в государствах – основных поставщиках трудовых мигрантов о порядке привлечения и использования иностранных работников;
- совершенствование системы учёта численности мигрантов, прибывающих, находящихся и выезжающих с территории России;
- освещение в СМИ примеров наказания работодателей за незаконное привлечение иностранных работников.

А. И. Чистяков, директор Санкт-Петербургского государственного автономного учреждения «Центр трудовых ресурсов» в своём выступлении «*Организация деятельности Санкт-Петербургского государственного автономного учреждения «Центр трудовых ресурсов»*» дошёл до сведения участников конференции информации, что в рамках подпрограммы «Трудовая миграция» государственной программы Санкт-Петербурга «Содействие занятости населения в Санкт-Петербурге» организована работа консультационных пунктов и выездных ярмарок вакантных рабочих мест на предприятиях Санкт-Петербурга. Проведённый специалистами Центра анализ миграционной ситуации в Санкт-Петербурге и Ленинградской области говорит о более чем 200 тысячах действующих патентов, выданных мигрантам, приехавшим из стран СНГ, в основном из Узбекистана, Таджикистана и Киргизии, и 3,5 тысячи патентов, выданных иностранным гражданам, приехавшим из стран дальнего зарубежья.

В апреле 2021 года Оперативным штабом по предупреждению завоза и распространения новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации утверждена новая редакция «Алгоритма действий по привлечению в экономику Российской Федерации иностранных граждан», Комитетом по труду и занятости населения Санкт-Петербурга определён уполномоченный орган субъекта Российской Федерации, ответственный за реализацию мероприятий Алгоритма. В соответствии с Алгоритмом привлекать иностранных работников имеют возможность: работодатели в рамках межпра-

вительственных договоров Российской Федерации об организованном наборе иностранных граждан для осуществления трудовой деятельности в Российской Федерации (из Республики Узбекистан и Республики Таджикистан) и работодатели, среднесписочная численность работников которых 101 и более человек, доход – более 800 млн руб.), участвующие на территории Санкт-Петербурга в реализации национальных и федеральных проектов, приоритетных программ, региональных проектов, социально-экономических программ развития Санкт-Петербурга, инвестиционных проектов, международных межправительственных соглашений.

Также **А. И. Чистяков** отметил положительные стороны сотрудничества с Санкт-Петербургским автономным учреждением «Центр трудовых ресурсов», которые выражаются в возможности дистанционного подбора кандидатов для работодателей, получении иностранными гражданами информации об условиях работы и требованиях работодателя, о гарантиях трудоустройства и легальных условиях трудовых отношений, а также о возможности для иностранных граждан оперативно подобрать новое место работы при увольнении.

А. Ю. Савченко, начальник сектора социальных программ Комитета по молодёжной политике и взаимодействию с общественными организациями Правительства Санкт-Петербурга, выступив с докладом «*Отношение петербургской молодёжи к мигрантам и оценка состояния межнациональных отношений в г. Санкт-Петербурге*», акцентировал внимание на том, что в быстро изменяющемся современном мире стратегические преимущества будут у тех государственных субъектов, которые смогут эффективно развивать и продуктивно использовать свой инновационный потенциал развития, основным носителем которого является молодёжь.

Сегодня в Санкт-Петербурге проживают 1421853 человека в возрасте от 14 до 35 лет, что составляет 26 % населения города. В Санкт-Петербурге работает 31 учреждение по делам молодёжи, реализующее направления молодёжной политики: 27 учреждений, находящихся в ведении администраций районов Санкт-Петербурга, в том числе 8 районных домов молодёжи. В их состав входят 334 подростково-молодёжных клуба, на базе которых работают более 5000 студий, секций и мест свободного общения. Ежегодно в учреждениях по делам молодёжи на постоянной основе занимаются более 80 тыс. человек. Общий охват мероприятиями учреждений сферы государственной молодёжной политики составляет более 482 тыс. человек.

А. Ю. Савченко отметил, что совместно с Комитетом по информатизации и связи Санкт-Петербурга в период с 2018 по 2021 гг. проводилось социологическое исследование, целью которого было выяснение настроений петербургской молодёжи, в том числе по вопросам межнациональных отношений, организации миграционной политики и отношения к мигрантам в Санкт-Петербурге. Текущий анализ показал, что состояние молодёжи оценивается как стабильное и спокойное, при этом динамика в течение последних трёх лет не меняется. Среди тех петербуржцев, которые оценивают межнациональные отношения как «спокойные», юношей – 67 %, девушек – 33 %. Среди респондентов были и студенты, учащиеся профессиональных образовательных учреждений. Из них 82 % – представители стран СНГ. Исследования показали, что только 6 % респондентов в возрасте от 18 до 25 лет интересуются темой межличностных конфликтов, которые обсуждаются в средствах массовой информации. Давая оценку качества работы мигран-

тов, опрашиваемые лица старше 40 лет пояснили, что согласны продолжать сотрудничать с мигрантами, молодые люди в возрасте от 18 до 35 лет считают, что качество работы не зависит от того, мигрант ты или нет.

В целях вовлечения молодёжи в процесс социально-экономического развития Санкт-Петербурга и содействия реализации основных направлений государственной молодёжной политики в Санкт-Петербурге создано 18 районных молодёжных советов. В течение 2020 года 735 человек из числа молодёжи и экспертов Санкт-Петербурга приняли участие в 35 мероприятиях на территории Российской Федерации и зарубежных стран. Более 400 делегатов из регионов Российской Федерации и зарубежных стран приняли участие в мероприятиях, проводимых Комитетом. Закреплено устоявшееся взаимодействие с рядом зарубежных и региональных партнёров: Япония, Республика Сербская (Босния и Герцеговина), Финляндская Республика, Красноярский край, Чеченская Республика.

А. С. Дыдымова, советник директора Санкт-Петербургского Дома национальностей, выступила с докладом «*О деятельности Санкт-Петербургского Дома национальностей по реализации мероприятий, направленных на адаптацию и интеграцию мигрантов*». Она сообщила, что с 2005 года Домом национальностей развивается направление «Адаптация и интеграция мигрантов», которое в последние годы получило широкое распространение в связи с активным участием в нём граждан, которые уже приобрели гражданство Российской Федерации.

Организована и проводится работа с администрациями районов и муниципальных образований Санкт-Петербурга, сотрудники Дома национальностей оказывают содействие в создании «Уголков мигранта», где наглядно показано, куда обращаться лицам данной категории в сложных ситуациях. Аналогичная работа проводится с работодателями и руководителями предприятий, организаций, библиотек, высших учебных заведений по внедрению рекомендаций по адаптации, разрабатываются и распространяются памятки и брошюры, проводятся мероприятия консультационного характера. Организована плановая работа с учащимися средних общеобразовательных школ, привлекаемыми для оказания помощи в овладении русским языком детьми мигрантов. 25 февраля 2021 г. в Санкт-Петербургском Доме национальностей прошёл межрегиональный круглый стол на тему «Адаптация мигрантов и развитие межнационального диалога. Тенденции, подходы, практики». В работе круглого стола приняли участие представители Федерального агентства по делам национальностей, органов государственной власти, профильных государственных и общественных организаций, эксперты в сфере миграционных процессов и межнациональных отношений из Башкортостана, Карелии, Крыма, Красноярского края, Ставропольского края, Архангельской, Вологодской, Воронежской, Мурманской, Новосибирской, Самарской, Смоленской областей и других регионов Российской Федерации. В результате проведённого мероприятия намечены шаги, направленные на укрепление межрегионального сотрудничества, взаимодействия и обмена опытом.

Н. А. Степанова, юрист Санкт-Петербургского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Российский Красный Крест», выступая с докладом на тему «*Деятельность Санкт-Петербургского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Российский Красный Крест» по работе с ино-*

странными гражданами», отметила, что в деятельность организации «Российский Красный Крест» направлена на оказание помощи и предоставление защиты, информирование мигрантов об их правах и обязанностях, доступной для них сферы услуг.

За 9 месяцев 2021 г. работниками Санкт-Петербургского отделения «Российского Красного Креста» оказано 963 юридические услуги. Консультации – в основном юридического характера – были даны мигрантам из таких стран, как Афганистан, Сирия, Йемен, Украина: им оказывалась помощь в заполнении документов, по их правовому сопровождению для предоставления государственных услуг. В связи с обострением ситуации на территории Афганистана число обращений граждан этой страны значительно увеличилось. В течение 2021 г. в организацию впервые обратились 33 заявителя, которые выразили желание остаться на территории Санкт-Петербурга с целью обучения в высших учебных заведениях либо в рамках двустороннего сотрудничества. В числе заявителей были и лица, которые закончили обучение в 2021 году и в данный момент срок их законного пребывания на территории Российской Федерации заканчивается.

В настоящее время наиболее актуальными являются вопросы трудовой миграции, постановки на миграционный учёт, гуманитарной помощи лицам, попавшим в сложную жизненную ситуацию.

М. А. Богачева, заведующая отделением социально-правовой помощи Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения социального обслуживания «Социальный приют для детей “Транзит”», выступила с докладом «*Оказание социально-правовой помощи несовершеннолетним мигрантам приютом для детей “Транзит”*» и ознакомила участников конференции с режимом и организацией работы. Основная проблема, с которой сталкиваются сотрудники учреждения – это незнание детьми мигрантов из Таджикистана, Узбекистана, Киргизии русского языка.

В режиме видеоконференцсвязи принял участие выпускник университета, **один из руководителей пенитенциарной службы Республики Гана И. К. Абуаку-Амеяо**. В своём докладе «*Актуальные проблемы, с которыми сталкивается пограничная безопасность в Гане*» он раскрыл историю страны, структуру органов обеспечения правопорядка в Республике Гана, органов пограничного и миграционного контроля. Докладчик отметил, что проблема миграции в Республике Гана также существует, и органы, осуществляющие миграционный и таможенный контроль во взаимодействии с органами государственной власти, отслеживают изменения и тенденции в миграционной сфере ведущих стран мира, в том числе России, применяя на практике новые формы работы с мигрантами и беженцами.

Продолжая тему международного сотрудничества, в режиме видеосвязи с докладом «*Особенности миграционного законодательства и порядок пребывания на территории Республики Сан-Томе и Принсипи*» выступил **Мануэл Соареш Бандейрс Аилтон, слушатель факультета подготовки иностранных специа-листов Санкт-Петербургского университета МВД России**, и осветил основные проблемы страны в миграционной сфере, подчеркнул важность и необходимость приведения национального миграционного законодательства Республики Сан-Томе и Принсипи к международным стандартам с учётом национальных особенностей, политического и экономического состояния в стране.

Подводя итог научной дискуссии, **К. В. Злоказов** отметил, что и доклады выступающих,

и полученные оргкомитетом конференции тезисы выступлений актуальны и прочно связаны с практической деятельностью. Участники конференции неоднократно подчёркивали необходимость обеспечения тесного взаимодействия органов государственной власти, общественных организаций, научной общественности и гражданского общества в вопросах выработки и реализации страте-

гии миграционной политики Российской Федерации. Также отмечалась необходимость повышения качества подготовки сотрудников органов внутренних дел, проведение дальнейших научных исследований в сфере миграционных процессов, а результатом проводимой работы должно стать совершенствование российского законодательства по вопросам миграции.

Список литературы

1. Актуальные проблемы законодательного регулирования миграционных процессов на территории государств–участников СНГ: материалы ежегодной Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 23 октября 2020 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – 154 с.

2. Зинченко Е. Ю., Евсеева И. Г., Хазов Е. Н. Особое значение принципа наилучших интересов ребёнка в условиях вынужденной миграции / Профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел. Педагогика и психология служебной деятельности: состояние и перспективы : V Международная конференция : сборник научных трудов, Москва, 10 июня 2021 года / сост. А. В. Кравченко. – Москва: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, 2021 – С. 390–393.

3. Иванова С. И., Сумачев А. В. Понятие и содержание административно-правовых запретов в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, нарушающих установленные миграционные правила // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. – 2021 – № 1(16). – С. 6–12.

4. Лампадова С. С. Политика Российской Федерации в отношении адаптации и интеграции иностранных граждан / Актуальные проблемы законодательного регулирования миграционных процессов на территории государств – участников СНГ : материалы ежегодной Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 23 октября 2020 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – С. 82–87.

5. Пономарев А. А. Неурегулированные аспекты порядка депортации иностранных граждан и лиц без гражданства / Актуальные проблемы законодательного регулирования миграционных процессов на территории государств – участников СНГ : материалы ежегодной Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 23 октября 2020 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – С. 109–114.

6. Столярова З. Н. О совершенствовании правового регулирования противодействия организации незаконной миграции в формате Союзного государства / Актуальные проблемы законодательного регулирования миграционных процессов на территории государств – участников СНГ : материалы ежегодной Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 23 октября 2020 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – С. 122–126.

7. Хазов Е. Н., Исаков В. М., Яткевич О. Г. Незаконная миграция и ее влияние на криминогенную обстановку / Актуальные вопросы административного и административно-процессуального права: сборник материалов межведомственного круглого стола, Старотеряево, 22 октября 2020 года. – Москва: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2021. – С. 39–43.

8. Харламов С. О. О некоторых аспектах реализации концепции государственной миграционной политики Российской Федерации / Миграционные процессы в современном мире, Москва, 19 мая 2021 года. – Москва: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, 2021. – С. 250–252.

9. Боброва Н. А., Хачатуров Р. Л., Абаева Е. А. [и др.]. Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России. – Москва : Юрлитинформ, 2021. – 560 с.

10. Аврутин Р. Ю. Миграционная политика России в контексте становления Российской государственности / Актуальные проблемы законодательного регулирования миграционных процессов на территории государств–участников СНГ : материалы ежегодной Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 23 октября 2020 года. – Санкт-Петербург: СПбУМВД России, 2021. – С. 6–11.

References

1. Aktual'nyye problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya migratsionnykh protsessov na territorii gosudarstv–uchastnikov SNG: materialy yezhegodnoy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 23 oktyabrya 2020 goda. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2021. – 154 s.

2. *Zinchenko Ye. Yu., Yevseyeva I. G., Khazov Ye. N.* Osoboye znachenije printsipa nailuchshikh interesov rebonka v usloviyakh vyzhdennoy migratsii / Professional'noye obrazovaniye sotrudnikov organov vnutrennikh del. Pedagogika i psikhologiya sluzhebnoy deyatel'nosti: sostoyaniye i perspektivy : V Mezhdunarodnaya konferentsiya : sbornik nauchnykh trudov, Moskva, 10 iyunya 2021 goda / sost. A. V. Kravchenko. – Moskva: Moskovskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii im. V. YA. Kikotya, 2021 – S. 390–393.

3. *Ivanova S. I., Sumachev A. V.* Ponyatiye i sodержaniye administrativno-pravovykh zapretov v otnoshenii inostrannykh grazhdan i lits bez grazhdanstva, narushayushchikh ustanovlennyye migratsionnyye pravila // Vestnik Tyumenskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov MVD Rossii. – 2021 – № 1(16). – S. 6–12.

4. *Lampadova S. S.* Politika Rossiyskoy Federatsii v otnoshenii adaptatsii i integratsii inostrannykh grazhdan / Aktual'nyye problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya migratsionnykh protsessov na territorii gosudarstv – uchastnikov SNG : materialy yezhegodnoy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 23 oktyabrya 2020 goda. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2021. – S. 82–87.

5. *Ponomarev A. A.* Neuregulirovannyye aspekty poryadka deportatsii inostrannykh grazhdan i lits bez grazhdanstva / Aktual'nyye problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya migratsionnykh protsessov na territorii gosudarstv – uchastnikov SNG : materialy yezhegodnoy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 23 oktyabrya 2020 goda. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2021 – S. 109–114.

6. *Stolyarova Z. N.* O sovershenstvovanii pravovogo regulirovaniya protivodeystviya organizatsii nezakonnoy migratsii v formate Soyuznogo gosudarstva / Aktual'nyye problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya migratsionnykh protsessov na territorii gosudarstv – uchastnikov SNG : materialy yezhegodnoy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 23 oktyabrya 2020 goda. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2021. – S. 122–126.

7. *Khazov Ye. N., Isakov V. M., Yatkevich O. G.* Nezakonnaya migratsiya i yeye vliyaniye na kriminogennuyu obstanovku / Aktual'nyye voprosy administrativnogo i administrativno-protsessual'nogo prava: sbornik materialov mezhdovedstvennogo kruglogo stola, Staroteryayevo, 22 oktyabrya 2020 goda. – Moskva: Moskovskiy universitet MVD Rossii imeni V. Ya. Kikotya, 2021. – S. 39–43.

8. *Kharlamov S. O.* O nekotorykh aspektakh realizatsii kontseptsii gosudarstvennoy migratsionnoy politiki Rossiyskoy Federatsii / Migratsionnyye protsessy v sovremennom mire, Moskva, 19 maya 2021 goda. – Moskva: Moskovskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii im. V. Ya. Kikotya, 2021. – S. 250–252.

9. *Bobrova N. A., Khachaturov R. L., Abayeva Ye. A. [i dr.]*. Formirovaniye i razvitiye otrasley prava v istoricheskoy i sovremennoy pravovoy real'nosti Rossii. – Moskva : Yurlitinform, 2021. – 560 s.

10. *Avrutin R. Yu.* Migratsionnaya politika Rossii v kontekste stanovleniya Rossiyskoy gosudarstvennosti / Aktual'nyye problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya migratsionnykh protsessov na territorii gosudarstv-uchastnikov SNG : materialy yezhegodnoy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 23 oktyabrya 2020 goda. – Sankt-Peterburg: SPbUMVD Rossii, 2021. – S. 6-11.

Статья поступила в редакцию 20.11.2021; одобрена после рецензирования 11.01.2022; принята к публикации 31.01.2022.

The article was submitted November 20, 2021; approved after reviewing January 11, 2022; accepted for publication January 31, 2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Научная статья
УДК 342
doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-69-73

Виталий Евгеньевич Мушаков

адъюнкт

<https://orcid.org/0000-0002-0983-6985>, mushakov.2018@mail.ru

*Омская академия МВД России
Российская Федерация, 644092, Омск, ул. Комарова, д. 7*

Конституционные права человека в контексте проблемы преодоления цифрового разрыва

Аннотация: В современном обществе полноценная коммуникация граждан коррелирует с возможностями доступа к информации и владением навыками обращения с multifunctional гаджетами и сетью интернет. Неравномерное распространение информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ), которое прослеживается при сравнении технологического развития как между государствами, так и внутри отдельных стран, порождает проблему так называемого «цифрового разрыва» или «цифрового неравенства» (в зарубежной литературе более известного как «digital divide»). В условиях постепенной цифровизации общественных отношений, традиционно регулируемых правовыми нормами, существующая проблема усугубляется тем обстоятельством, что отсутствие у граждан доступа к ИКТ ограничивает их реальные возможности в реализации конституционных прав. Следовательно, преодоление цифрового разрыва выступает современным условием обеспечения правового статуса личности. Цель данной статьи состоит в исследовании влияния проблемы цифрового разрыва на конституционные права человека. В процессе исследования автор обращался к таким методам, как анализ, синтез, индукция, дедукция, статистический и формально-юридические методы. В результате автором сделаны выводы о наличии экономических, возрастных, гендерных, образовательных причин, не позволяющих преодолеть цифровой разрыв. От их искоренения зависит состояние конституционного правопорядка в Российской Федерации.

Ключевые слова: цифровой разрыв, цифровое неравенство, информационно-коммуникационные технологии, Конституция Российской Федерации, права человека, конституционно-правовое измерение

Для цитирования: Мушаков В. Е. Конституционные права человека в контексте проблемы преодоления цифрового разрыва // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 1 (93). – С. 69–73; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-69-73.

Vitaliy E. Mushakov

Graduate

<https://orcid.org/0000-0002-0983-6985>, mushakov.2018@mail.ru

*Omsk Academy of the MIA of Russia
7, Komarova str., Omsk, 644092, Russia Federation*

Constitutional human rights in the context of bridging the digital divide

Abstract: In modern society, the full-fledged communication of citizens correlates with the ability to access information and skills to handle multifunctional gadgets and the Internet. The uneven spread of information and communication technologies (hereinafter - ICT), which can be traced when comparing technological development, both between states and within individual countries, gives rise to the problem of the so-called «digital inequality» (in foreign literature more commonly known as «digital divide»). With the gradual digitalization of social relations, traditionally regulated by legal norms, the problem is exacerbated by the fact that citizens' lack of access to ICT limits their real opportunities to exercise their constitutional rights. Consequently, overcoming the digital divide is a modern condition for ensuring the legal status of the individual. The purpose of this article is to investigate the impact of the digital divide on constitutional human rights. In the process of research, the author applied such methods as analysis, synthesis, induction, deduction, statistical and formal-legal methods. As a result, the author made conclusions about the presence of economic, age, gender, educational reasons that do not allow to overcome the digital divide. The state of constitutional law and order in the Russian Federation depends on their eradication.

Keywords: digital divide, digital inequality, information and communication technologies, the Constitution of the Russian Federation, human rights, constitutional and legal dimension

For citation: Mushakov V. E. Constitutional human rights in the context of bridging the digital divide // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 1 (93). – P. 69–73; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-69-73.

Цифровой разрыв как одно из негативных последствий информационной эпохи, в которой в настоящее время пребывает общество, приводит к цифровому неравенству. Последнее выступает разновидностью социального неравенства (наряду с его традиционными формами: экономической, расовой, гендерной и др.) и состоит в ограничении возможностей отдельных индивидов, социальных групп вследствие отсутствия у них доступа к современным средствам коммуникации. Лица, лишённые доступа к интернету, информационно ограничены и ущемлены в современных финансово-кредитных, образовательных, культурных, демократических и некоторых других возможностях.

Проблема цифрового разрыва не нова, так как в последней трети XX в. она, с той или иной степенью завуалированности, обсуждалась теоретиками информационного общества. В 1980-х гг. Г. Шиллер настаивал на том, что основным фактором, влияющим на распространение информации, доступ к ней и право её создавать является классовое неравенство [1, с. 196–201]. Учитывая, что Г. Шиллер являлся марксистом, причины неравенства в информационном обществе он объяснял различиями в платежеспособности его членов. Чем выше социальный статус человека, тем ценнее и разнообразнее информация, к которой он получает доступ. Поэтому американский учёный был убеждён, что выигрыш или проигрыш от «информационной революции» зависит от того, какое место в социальной иерархии занимает человек.

Автор теории информационного капитализма в сетевом обществе М. Кастельс в 1990-х гг. полагал, что новое общество стратифицируется на работников, ориентированных на сети и экспертных «информационный труд», и на «работников общего типа», отсталых и не приспособленных к переменам информационного общества [2, с. 254–255]. Фактически это попытка описания проблемы цифрового разрыва между группами (в данном случае – стратами) общества, рассмотренная с позиции трудовой дифференциации.

Уже в начале настоящего столетия на международном уровне преодоление цифрового разрыва было заявлено в качестве одной из приоритетных целей консолидации международных усилий. Еще в 2003 г. в рамках Всемирной встречи на высшем уровне Всемирного саммита по информационному обществу, проведённой в Женеве под эгидой ООН, была принята Декларация принципов построения информационного общества¹, где сказано: «Сегодня преимущества революции в области информационных технологий неравномерно распределены между развитыми и развивающимися странами, а также внутри стран» (п. 10) и «Мы убеждены в том, что согласованная на мировом уровне цель заключается в содействии преодолению разрыва в цифровых технологиях» (п. 61).

В 2005 г. в г. Тунис на втором этапе аналогичной встречи принята Тунисская программа для информационного общества². В ней обозначено, что «масштаб проблемы, связанной с преодолением “циф-

рового разрыва” требует адекватных и устойчивых инвестиций в инфраструктуру ИКТ и услуги на базе ИКТ, а также создания потенциала и передачи технологии в течение многих предстоящих лет» (п. 8).

В таком виде в начале XX в. на международном уровне была признана проблема цифрового разрыва. Сегодня, чтобы убедиться в её нерешённости, достаточно обратиться к отчёту Международного союза электросвязи ООН «Измерение цифрового развития: факты и цифры 2021»³, где сказано, что 37 % населения земного шара (2,9 миллиарда человек) до сих пор никогда не пользовались интернетом.

Цифровой разрыв – это проблема мирового, континентального и внутригосударственного масштаба. В рейтинге готовности стран к сетевому обществу (Networked Readiness Index – NRI), который ежегодно рассчитывается международной организацией «Всемирный экономический форум» совместно с Международной школой бизнеса «INSEAD», по итогам 2021 г. Российская Федерация заняла 43-е место из 130 возможных⁴. Данный показатель, отражающий уровень государственной готовности к повсеместному использованию ИКТ для целей социально-экономического развития, относит Россию к числу стран, отстающих от государств-лидеров с развитым сетевым обществом. Исходя из оценки статистических показателей, российское общество сталкивается с цифровым неравенством. Более того, территориальные диспропорции в развитии ИКТ, а также низкая цифровая грамотность граждан преимущественно старшего и пожилого возраста, подтверждают выводы об актуальности проблемы цифрового разрыва для Российской Федерации.

Рассматриваемая проблема широко обсуждается как зарубежными, так и российскими учёными. Однако преимущественно к ней приковано внимание экономистов, социологов и политологов [3; 4; 5; 6]. Проблема же влияния цифрового разрыва на состояние прав человека находится лишь на начальной стадии исследования учёными-юристами. На первый взгляд, с юридической точки зрения очевидно, что факт неравенства в доступе к ИКТ относится к предмету нормативно-правового регулирования информационных отношений, которые, как мы знаем, опережают конституционно-правовую науку, поэтому в данной сфере сохраняется тенденция к ослаблению конституционного влияния. В то же время конституционное право на уровне основных начал, принципиальных положений регулирует информационные отношения (например, ч. 4 и 5 ст. 29, п. «и», «м» ст. 71 Конституции РФ), а значит, и цифровой разрыв как феномен указанных отношений.

Одной реальной точкой соприкосновения конституционного права и цифрового разрыва, вводящей данный феномен в конституционно-правовое измерение, является институт прав человека. Дело в том, что по мере цифровизации общества всё нагляднее прослеживается корреляция между доступом граждан к информационным технологиям и полноценной реализацией ими своих конституционных прав. Как представляется, именно эта зависи-

¹ Декларация принципов построения информационного общества (WSIS-03/Geneva/doc/4-R) от 12 декабря 2003 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/dec_wsisis.pdf (дата обращения: 15.12.2021).

² Тунисская программа для информационного общества (WSIS-05/Tunis/doc/6 (Rev.1)-R) от 15 ноября 2005 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/agenda_wsisis.pdf (дата обращения: 16.12.2021).

³ Measuring digital development: Facts and figures 2021 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Международного союза электросвязи (МСЭ). – Режим доступа: <https://www.itu.int/itu-d/reports/statistics/facts-figures-2021/> (дата обращения: 22.12.2021).

⁴ The Network Readiness Index (Shaping the Global Recovery. How digital technologies can make the post-COVID world more equal). 2021. S. 36–39 [Электронный ресурс] // Сайт «Индекс готовности Сети». – Режим доступа: <https://networkreadinessindex.org/> (дата обращения: 24.12.2021).

мость придает проблеме цифрового разрыва конституционный характер.

Даже отталкиваясь от понимания сущности самого «разрыва», применительно к цифровизации означая лишение определённых социальных групп доступа к средствам коммуникации, становится ясно, что исследуемая проблема затрагивает вопросы правового статуса личности, регламентируемые гл. 2 Конституции РФ. Поэтому определение конституционно-правового измерения феномена цифрового разрыва возможно при расширительном толковании Конституции РФ, приводящем её положения в соответствие с реалиями распространения ИКТ. В ч. 2 ст. 19 Основного закона закреплено принципиальное положение: «Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств». Следует иметь в виду, что, во-первых, в современных условиях конституционно-правовое равноправие возможно только при равном доступе граждан к ИКТ. Именно с этой позиции необходимо подходить к оценке соблюдения принципа равенства в реализации того или иного конституционного права личности. Для иллюстрации сказанного приведем ряд примеров. Так, каждый, в равной мере может реализовать конституционное право на свободный поиск, получение, передачу, производство и распространение информации (ч. 4 ст. 29 Конституции РФ), что сегодня возможно лишь при использовании сети интернет, телевидения и сотовой связи. Отсюда равенство граждан в реализации конституционного права на информацию достигается путём преодоления или, хотя бы, сведения к минимуму «цифрового разрыва».

Мы можем исходить из равенства прав граждан обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления (ст. 33 Конституции РФ) только при условии обеспечения им доступа к сети интернет. А. В. Савоськин отмечает, что в ч. 3 ст. 8 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» указание на обязательность рассмотрения обращений граждан, поступивших по информационным системам общего пользования, приравнивает электронный способ обращения к традиционному⁵. Также А. В. Савоськин указывает на три существующих способа подачи электронных обращений: по электронной почте, через электронную приемную официального сайта адресата в сети интернет и посредством специализированных государственных интернет-порталов⁶. В ситуации цифрового разрыва отсутствие возможности граждан прибегнуть к любому из вышеуказанных способов фактически ограничивает их в удобстве и упрощённости процедуры реализации конституционного права на обращение.

Во-вторых, открытый перечень обстоятельств, указанных в ч. 2 ст. 19 Конституции РФ, логически позволяет включить в него признак: «Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от возможностей доступа к современным средствам коммуникации». Фактически,

он и отражает сущность проблемы «разрыва», состоящей в дискриминации граждан на тех, кто может быть участником цифровых коммуникаций и тех, кто лишён такой возможности. На этом основании С. Т. Артемова, Н. А. Жильцов и О. И. Чердаков цифровой разрыв признают современной формой дискриминации и утверждают, что «если в индустриальном и постиндустриальном обществах социальное неравенство ассоциировалось с делением общества на богатых и бедных, то цифровая эпоха добавила еще и цифровой разрыв» [7, с. 42].

В российском избирательном процессе уже имеются реальные примеры законодательного гарантирования активного избирательного права вне зависимости от возможностей доступа к ИКТ. Та ситуация, когда граждане самостоятельно определяют, проголосовать традиционным способом на избирательном участке или прибегнуть к дистанционному электронному голосованию через интернет, является тому подтверждением.

Таким образом, конституционно-правовое измерение цифрового разрыва обнаруживается при раскрытии двух аспектов – запрета неравноправия и недопустимости дискриминации. С этой позиции норма ч. 2 ст. 19 Конституции РФ выступает конституционно-правовой основой для преодоления цифрового разрыва.

Для понимания причин, по которым цифровой разрыв влияет на содержание и особенности реализации конституционных прав человека, необходимо рассмотреть уровни и виды проблемного феномена. А. С. Агеев выделяет три уровня цифрового разрыва, на которых и проявляется неравноправие: 1) неравенство в возможности доступа к интернету; 2) неравенство в возможностях лиц, использующих интернет, при доступе к размещенным там информационным ресурсам; 3) неравенство в возможностях лиц, являющихся пользователями интернета, и тех, кто его не использует [8, с. 24]. В нашем понимании, в отличие от второго и третьего уровней, где предельно внутренние сетевые возможности, первый уровень цифрового разрыва, напротив, связан с сетевыми обстоятельствами. Неравенство в возможностях доступа к интернету и использования его преимуществ может быть следствием экономических, инфраструктурных, возрастных проблем, уровня образованности и даже гендерной принадлежности. Следовательно, для более полного освещения конституционно-правовых аспектов цифрового разрыва целесообразно выделить следующие виды данного феномена: экономический, территориальный, возрастной (поколенческий), образовательный и гендерный.

В современном мире экономически благополучные государства, как правило, имеют высокий уровень развития ИКТ. Это связано в том числе и с тем неопровержимым фактом, что гражданам для доступа к информационной сети необходимы финансовые возможности на приобретение технических устройств (как минимум, современного мобильного телефона или персонального компьютера) и внесения интернет-провайдеру платы за услуги связи. Кроме того, в условиях экономической конкуренции на рынке гаджетов обеспечивается их стоимость, адекватная доходам граждан.

Предоставление со стороны государства или частных компаний отдельных пространств с бесплатным Wi-Fi не сможет удовлетворить повседневных сетевых потребностей граждан. Обеспечение же бесплатного подключения к интернету на всей территории государства потребовало бы государственного финансирования из средств федерального

⁵ Савоськин А. В. Обращения граждан в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование : дис. ... д-ра юридических наук : 12.00.02 / Савоськин Александр Владимирович; [Место защиты: Ур. гос. юрид. ун-т]. – Екатеринбург, 2019. – С. 344–345.

⁶ Там же. – С. 348.

бюджета для покрытия расходов операторов связи, а потому является слишком дорогостоящим способом интернетизации населения.

Территориальный цифровой разрыв связан с инфраструктурным несовершенством технически отсталых местностей. На примере Российской Федерации это видно при сравнении интернетизации городских агломераций и сельской местности. В городской среде выше скорость передачи данных и больше инфраструктурных возможностей для пользования цифровыми сервисами (развиты электронная коммерция, получение государственных услуг через интернет и др.).

Возрастная (поколенческая) разновидность цифрового разрыва является феноменом, при котором между поколениями молодых лиц и лицами старшего, особенно пожилого возраста имеется существенная разница в уровне овладения современными цифровыми технологиями и, что не менее важно, частоте их повседневного применения. Слабая изученность, чуждость виртуального мира, а также киберпреступность и иные общеизвестные опасности приводят к тому, что у старшего поколения отсутствует доверие к ИКТ. Учитывая, что, как мы уже отметили ранее, ИКТ – это неперемное условие полноценной реализации конституционных прав, в конечном итоге лица пожилого возраста ограничены в своих конституционных возможностях.

Принимая во внимание высказанное соображение, добавим, что в настоящее время возрастной (поколенческий) цифровой разрыв служит препятствием для распространения такого способа реализации активного избирательного права, как дистанционное электронное голосование, уже не первый год апробируемого на российских выборах. Конечно, с одной стороны, по понятной естественной причине уменьшается число избирателей старшего поколения (особенно в условиях осложненной санитарно-эпидемиологической обстановки). С другой же стороны, так называемое поколение «Z», рожденное в XXI в. и в силу этого приобщенное к современным цифровым технологиям, с каждым годом пополняет число лиц, обладающих активным избирательным правом. В результате естественным образом обновляется список лиц, избирающих органы государственной власти и органы местного самоуправления. Однако полагаться на смену поколений как на определяющий фактор успеха внедрения дистанционного электронного голосования представляется ошибочным.

В зависимости от уровня образования, позволяющего в той или иной степени интегрироваться в цифровую среду, понять и использовать нормы и правила её функционирования, сформировался образовательный цифровой разрыв. Причём речь идёт не о наличии либо отсутствии у отдельных категорий граждан дипломов о высшем образовании по специальностям, связанным с IT-технологиями или программированием, а скорее о фактических цифровых компетенциях личности. Как отмечают Э. Бах, Г. Шаффер: «Образованность в использовании технологий позволяет людям участвовать в социальных и политических процессах» [9, с. 252]. Однако образовательный цифровой разрыв всё же проявляется в том, что современное общество разделяется на меньшинство – востребованные на рынке труда специалисты в сфере IT-технологий, а также примкнувшие к криминальному миру хакеры (киберпреступники), и большинство – граждане, владеющие лишь

базовыми навыками в цифровой среде, а потому являющиеся уязвимыми, например, в электронной коммерции, защите чести, доброго имени, а также обеспечении неприкосновенности частной жизни.

Гендерный цифровой разрыв связан с тем, что в целом в мире у мужчин и женщин неравные возможности доступа к интернету и его использования. По данным аналитиков Международного союза электросвязи ООН, гендерный цифровой разрыв характерен преимущественно для стран африканских и арабских государств, где в процентном соотношении заметно превалирует доля мужчин, пользующихся информационными сетями⁷. Дискриминация в доступе к цифровым продуктам по признаку половой принадлежности – это недопустимый феномен, противоречащий конституционному принципу равенства прав и свобод мужчин и женщин, а также возможностей их реализации (ч. 3 ст. 19 Конституции РФ). Несмотря на то, что гендерный критерий участия в цифровых коммуникациях не свойственен российскому обществу, сегодня мировая практика определяет его как основание для выделения в самостоятельный вид цифрового разрыва.

Потенциальным примером проявления сразу нескольких видов цифрового неравенства может служить функционирование портала «Государственные услуги», позволяющего гражданам осуществлять доступ к основным социальным услугам через интернет. Н. С. Бондарь верно подметил, что «доступность этого ресурса фактически может быть ограничена в силу финансовой невозможности приобрести необходимые технические устройства (экономическое неравенство), отсутствия доступа в сеть интернет в данной местности (территориальное неравенство), низкого уровня информационной грамотности старшего поколения (возрастное неравенство) и т.п.» [10, с. 37]. В результате часть граждан лишена доступа к необходимым государственным услугам.

Таким образом, необходимость преодоления феномена «digital divide», или цифрового разрыва, стала очевидной при неравномерном распространении ИКТ как между государствами, так и в отдельных регионах (территориях) одной страны. Цифровой разрыв закономерно привел к цифровому неравенству, которое заключается в ограничении возможностей отдельных социальных групп вследствие отсутствия у них доступа к современным средствам коммуникации. Цифровое неравенство определяется в качестве конституционно-правового неравенства и дискриминации граждан, ограниченных в возможностях использования ИКТ, и тем самым нарушает положения ч. 2 ст. 19 Конституции РФ. Разница в уровне экономического благосостояния, образованности, территориальных (инфраструктурных) особенностях, поколенческая и гендерная принадлежность, ставшие причиной цифрового неравенства, фактически ограничивают определённые группы граждан в реализации своих конституционных прав, поэтому от мировых и внутрисударственных успехов в нивелировании причин цифрового разрыва зависит состояние правового статуса личности.

⁷ Преодоление гендерного разрыва [Электронный ресурс] // Официальный сайт Международного союза электросвязи (МСЭ). – Режим доступа: <https://www.itu.int/ru/mediacentre/backgrounders/Pages/bridging-the-gender-divide.aspx> (дата обращения: 12.01.2022).

Список литературы

1. Уэбстер Ф. Теории информационного общества / пер. с англ. М. В. Арапова, Н. В. Малыхиной / под ред. Е. Л. Вартановой. – Москва: Аспект Пресс, 2004. – 398 с.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. Б. Э. Верпаховского, А. Н. Субочева, Д. А. Тищенко. – Москва: ГУ ВШЭ, 2000. – 609 с.
3. Перфильева О. В. Проблема цифрового разрыва и международные инициативы по её преодолению // Вестник Международных организаций. – 2007. – № 2 (10). – С. 34–48.
4. Беляцкая Т. Н., Князькова В. С. Цифровой разрыв в современном информационном обществе // Экономическая наука сегодня. – 2019. – Вып. 10. – С. 209–217.
5. Добринская Д. Е., Мартыненко Т. С. Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2019. – Т. 19. – № 1. – С. 108–120.
6. Бардин А. Л. Цифровые разрывы в современном мегаполисе: политическое измерение // Полис. Политические исследования. – 2021. – № 6. – С. 73–88.
7. Артемова С. Т., Жильцов Н. А., Чердаков О. И. Цифровой разрыв и конституционные гарантии цифрового равенства // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 10. – С. 41–45.
8. Агеев А. С. «Digital divide» и элементы его архитектуры: к вопросу о правовых аспектах цифрового неравенства // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 10. – С. 23–26.
9. Bach A., Shaffer G. Digital Human Capital: Developing a Framework for Understanding the Economic Impact of Digital Exclusion in Low-Income Communities // Journal of Information Policy. – 2013. – Vol. 3. – Pp. 247–266. doi: 10.2202/1944-2866.1058.
10. Бондарь Н. С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. – 2019. – № 11. – С. 25–42.

References

1. Uebster F. Teorii informatsionnogo obshchestva / per. s angl. M. V. Arapova, N. V. Malykhinoini / pod red. E. L. Vartanovoi. – Moskva: Aspekt Press, 2004. – 398 s.
2. Kastel's M. Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura: per. s angl. B. E. Verpakhovskogo, A. N. Subocheva, D. A. Tishchenko. – Moskva: GU VShE, 2000. – 609 s.
3. Perfil'eva O. V. Problema tsifrovogo razryva i mezhdunarodnye initsiativy po ee preodoleniyu // Vestnik Mezhdunarodnykh organizatsii. – 2007. – № 2 (10). – S. 34–48.
4. Belyatskaya T. N., Knyaz'kova V. S. Tsifrovoy razryv v sovremennom informatsionnom obshchestve // Ekonomicheskaya nauka segodnya. – 2019. – Vyp. 10. – S. 209–217.
5. Dobrinskaya D. E., Martynenko T. S. Perspektivy rossiiskogo informatsionnogo obshchestva: urovni tsifrovogo razryva // Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya. – 2019. – T. 19. – № 1. – S. 108–120.
6. Bardin A. L. Tsifrovye razryvy v sovremennom megapolise: politicheskoe izmerenie // Polis. Politicheskie issledovaniya. – 2021. – № 6. – S. 73–88.
7. Artemova S. T., Zhil'tsov N. A., Cherdakov O. I. Tsifrovoy razryv i konstitutsionnye garantii tsifrovogo ravenstva // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. – 2020. – № 10. – S. 41–45.
8. Ageev A. S. «Digital divide» i elementy ego arkhitektury: k voprosu o pravovykh aspektakh tsifrovogo neravenstva // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. – 2021. – № 10. – S. 23–26.
9. Bach A., Shaffer G. Digital Human Capital: Developing a Framework for Understanding the Economic Impact of Digital Exclusion in Low-Income Communities // Journal of Information Policy. – 2013. – Vol. 3. – Pp. 247–266. doi: 10.2202/1944-2866.1058.
10. Bondar' N. S. Informatsionno-tsifrovoye prostranstvo v konstitutsionnom izmerenii: iz praktiki Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii // Zhurnal rossiiskogo prava. – 2019. – № 11. – S. 25–42.

Статья поступила в редакцию 06.02.2022; одобрена после рецензирования 01.03.2022; принята к публикации 16.03.2022.

The article was submitted February 06, 2022; approved after reviewing March 01, 2022; accepted for publication March 16, 2022.

Научная статья
УДК 342.924
doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-74-81

Сергей Николаевич Толсто́ба
<https://orcid.org/0000-0002-4820-0461>, s.n.tolstoba@mail.ru

*Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1*

Административные наказания в юрисдикционной деятельности сотрудников дорожного надзора ГИБДД МВД России

Аннотация: Статья посвящена проблеме института административных наказаний в области дорожного движения. Актуальность темы статьи вызвана её недостаточной изученностью, а также ростом дорожно-транспортных происшествий из-за неудовлетворительных дорожных условий. Используя в статье логико-юридический, сравнительно-правовой методы исследования, а также на основе структурного анализа автор раскрывает теоретические вопросы применения административных наказаний в юрисдикционной деятельности сотрудников дорожного надзора ГИБДД МВД России. Исследуются пути развития института административного наказания на разных этапах становления советской, а затем и российской науки административного права. Также автором рассмотрены основные научные подходы, определяющие понятие административного наказания. Отдельно представлен аспект административного наказания как категории в области дорожного движения. На основе анализа научных мнений даётся авторское определение дорожному надзору, административным наказаниям в юрисдикционной деятельности сотрудников дорожного надзора ГИБДД МВД России. В статье подробно исследуются цели административного наказания, виды и признаки данного института, его структура. Кроме этого, автором предпринята попытка нового взгляда на такие виды наказаний, как предупреждение и административный штраф в сфере их применения за правонарушения, выявляемые сотрудниками ГИБДД при осуществлении дорожного надзора. Проведя сравнительно-правовой анализ изменения мер административной ответственности в виде штрафа в законодательстве СССР и современном Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, автор размышляет о соотношении таких принципов права, как «строгость» и «соразмерность» административных наказаний в области дорожного движения. В заключение предлагаются поправки в статьи 11.21 и 11.22 КоАП РФ в части увеличения штрафных санкций, что должно значительно повысить практическую значимость юрисдикционной деятельности сотрудников дорожного надзора ГИБДД МВД России в целях снижения уровня аварийности.

Ключевые слова: административная ответственность, административное правонарушение, административные наказания, административный штраф, безопасность дорожного движения, дорожный надзор, ГИБДД МВД России

Для цитирования: Толсто́ба С. Н. Административные наказания в юрисдикционной деятельности сотрудников дорожного надзора ГИБДД МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 1 (93). – С. 74–81; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-74-81.

Sergei N. Tolstoba
<https://orcid.org/0000-0002-4820-0461>, s.n.tolstoba@mail.ru

*Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation*

Administrative penalties in the jurisdictional activities of traffic police officers of the General Administration for Traffic Safety of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract: As the number of traffic accidents rises due to unsatisfactory road conditions, the system of administrative penalties for traffic offenses faces challenges that demand an urgent response, especially since the topic lacks prior research. The author employs logical methods, comparative techniques, and structural analysis to identify the theoretical problems emerging from the application of administrative penalties used by the traffic police officers of the General Administration for Traffic Safety of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The work follows the historical development of the administrative penalties system through the Soviet and Post-Soviet periods of Russian administrative law science. The author considers the main scientific approaches that have influenced the definition of the administrative penalty, taking into special account the sphere of traffic offenses. Drawing from the scholarly dispute author offers an original definition of traffic safety, administrative penalties in the jurisdictional activities of traffic police officers of the General Administration for Traffic Safety of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The article thoroughly explores the goals of an administrative sentence, its types, characteristics, and structure. Additionally, the author offers new insights on such kinds of penalties as a warning and administrative fine for the traffic offenses uncovered in the course of traffic safety monitoring. Comparing the changes in the administrative penalties in the form of a fine in the Soviet legislation and modern Russian Code of Administrative Offenses, the author reflects upon such principles of law as severity and adequacy of the administrative punishment in the field of traffic offenses. In conclusion, the author suggests improvements to articles 11.21 and 11.22 of the Russian Code of Administrative Offenses, specifically to increase the fines in order to advance the practical relevance of the jurisdictional activities of traffic police officers of the General Administration for Traffic Safety of the Ministry of Internal Affairs of Russia and reduce the accident incidence rate.

Keywords: administrative responsibility, administrative offense, administrative penalties, administrative fine, road safety, traffic supervision, traffic police of the Ministry of Internal Affairs of Russia

For citation: Tolstoba S. N. Administrative penalties in the jurisdictional activities of traffic police officers of the General Administration for Traffic Safety of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 1 (93). – P. 74–81; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-74-81.

Одной из главных задач любого государства является обеспечение достойного уровня жизни и благополучия для своих граждан. Приоритетом в достижении этой задачи выступают эффективные меры органов государственной власти в политической, экономической и социально-культурной сферах. Безусловно, все усилия государства окажутся тщетными, если каждый человек в той или иной стране не сможет чувствовать себя защищённым. К сожалению, риск оказаться под колёсами автомобиля, переходя дорогу, или попасть в дорожно-транспортное происшествие (далее – ДТП), будучи водителем, очень высок. Сегодня это стало огромной проблемой для всех цивилизованных государств и правительств, в том числе и для нашей страны.

8 октября 2021 года на заседании с заместителем председателя Правительства Маратом Хуснуллиным Президент Российской Федерации Владимир Путин чётко охарактеризовал сложившуюся ситуацию с безопасностью дорожного движения в России, а также предложил пути для решения проблемы смертности на дорогах, а именно: «Нужно продолжать эту работу (по снижению смертности – прим. авт.) вместе с полицией и дорожниками. Мы не можем на дорогах терять столько людей,

как при военных действиях»¹. 4 октября 2021 года на заседании коллегии МВД России министр внутренних дел Российской Федерации генерал полиции Владимир Колокольцев привёл пугающие цифры смертности в авариях: «Только за последние 10 лет погибло более двухсот двадцати тысяч и ранено свыше двух миллионов человек. Примерно три четверти погибших – люди трудоспособного возраста»².

Способствовать повышению безопасности дорожного движения, снижению уровня аварийности, созданию современной, комфортной и надёжной транспортной инфраструктуры призван национальный проект «Безопасные и качественные автомобильные дороги», одной из целей которого является сокращение к 2024 году смертности в результате ДТП до уровня четырёх погибших на 100 тысяч населения. Для достижения таких,

¹ Путин: Россия не может терять в ДТП столько же людей, как во время войны [Электронный ресурс]. – URL: www.ria.ru/20211008/dorogi-1753683858.html (дата обращения: 02.11.2021).

² Владимир Колокольцев провёл заседание коллегии МВД России [Электронный ресурс]. – URL: www.mvdmedia.ru/news/official/vladimir-kolokoltsev-provel-zasedanie-kollegii-mvd-rossii-04-10-21/ (дата обращения: 02.11.2021).

прямо скажем, амбициозных целей определены задачи, среди которых принятие нормативных правовых актов, направленных на усиление ответственности за отдельные, наиболее опасные правонарушения в области дорожного движения³.

Вектор в решении задачи повышения безопасности дорожного движения, определённый Президентом, направленный на тесное взаимодействие органов полиции и дорожников, не случаен. Конечно, причин совершения ДТП множество, и все они зависят от многих факторов, одним из которых на протяжении веков выступает извечная проблема нашего государства – плохие, некачественные и необустроенные дороги. Согласно статистике за 9 месяцев 2021 года на дорогах страны произошло 12191 ДТП, в которых 1484 человека погибли и 1478 получили ранения, в 3105 случаях зафиксированы нарушения обязательных требований к эксплуатационному состоянию автомобильных дорог и дорожных сооружений (некачественное дорожное покрытие, отсутствие дорожных знаков, разметки и прочее), в которых 350 человек погибли и 3654 были ранены, что составило 25,5 % от общего числа ДТП⁴.

Таким образом, огромное число дорожно-транспортных происшествий, произошедших по причине некачественных дорог, свидетельствует о недостаточной работе органов государственной власти в данном направлении, а также о возросшей роли подразделений Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел России⁵, осуществляющих дорожный надзор. В связи с этим статья «Административные наказания в юрисдикционной деятельности сотрудников дорожного надзора ГИБДД МВД России» представляется актуальной, и призвана исследовать проблемы административно-деликтного законодательства, затрагивающие институт административных наказаний в целях повышения уровня безопасности дорожного движения.

Вопросам административных наказаний в качестве меры административной ответственности посвящены работы Д. Н. Бахраха, А. И. Каплунова, Д. А. Липинского, И. В. Максимова, О. В. Носика, Ю. А. Тихомирова, А. П. Шергина. Административные наказания в области дорожного движения подробно рассматривались в исследованиях А. И. Быкова, В. В. Голово, В. И. Майорова, М. В. Мукабенова, В. М. Редкоуса, Б. В. Россинского и других авторов, однако проблемам административных наказаний в юрисдикционной деятельности сотрудников дорожного надзора ГИБДД МВД России в научной литературе уделено недостаточно внимания.

На протяжении многих лет в научных кругах ведётся дискуссия по поводу соотношения таких явлений, как надзор и контроль в государственном управлении, в том числе и сфере деятельности

органов ГИБДД МВД России, однако какого-либо «легального» определения термину «дорожный надзор» до сих пор не предложено. Дорожный надзор как одна из важнейших функций ГИБДД МВД России в сфере обеспечения безопасности дорожного движения является составной частью административного надзора. По нашему мнению, среди множества предложенных дефиниций всё же самую точную, научно обоснованную, определяющую саму сущность такого многогранного и сложного понятия предлагает профессор А. В. Мартынов: «Административный надзор – это особая форма осуществления исполнительной власти (публичного управления), связанная с реализацией установленных государственно-управленческих функций по обеспечению законности, конституционных прав и свобод, безопасности в деятельности организационно неподчинённых государственных органов власти и их должностных лиц, общественных организаций, других юридических лиц, а также граждан» [1, с. 12–13]. Наиболее комплексно к определению понятия «дорожный надзор» как одного из видов административной деятельности ГИБДД МВД России подошёл Д. Г. Домрачев в своей диссертации на тему «Дорожный надзор государственной инспекции безопасности дорожного движения МВД России». На наш взгляд, определение, данное автором, по сути единственное, встречающееся в научной литературе, наиболее аргументированное, однако со дня написания работы прошло 12 лет, и сегодня это определение требует уточнения и дополнения.

Итак, нами предлагается следующее определение понятия «дорожный надзор»: «Дорожный надзор – это урегулированная нормами административного права деятельность органов и должностных лиц ГИБДД МВД России в отношении не подчинённых им физических и юридических лиц по поводу исполнения требований законодательства Российской Федерации о безопасности дорожного движения, правил, стандартов, технических норм и иных требований нормативных документов в области обеспечения безопасности дорожного движения при строительстве, реконструкции, производстве дорожных работ, ремонте и эксплуатации автомобильных дорог посредством применения специальных административно-правовых методов и форм в целях предупреждения, выявления, пресечения нарушений и привлечения виновных к административной ответственности».

Административные деликты, выявляемые сотрудниками ГИБДД при осуществлении дорожного надзора, охватываются главами 11 и 12 КоАП РФ. Это статьи 11.21 «Нарушение правил использования полосы отвода и придорожных полос автомобильной дороги»; 11.22 «Нарушение землепользователями правил охраны автомобильных дорог или дорожных сооружений»; 12.33 «Повреждение дорог, железнодорожных переездов или других дорожных сооружений»; 12.34 «Несоблюдение требований по обеспечению безопасности дорожного движения при строительстве, реконструкции, ремонте и содержании дорог, железнодорожных переездов или других дорожных сооружений». Определив функцию дорожного надзора в оперативно-служебной деятельности

³ Паспорт национального проекта «Безопасные и качественные автомобильные дороги» [Электронный ресурс]. – URL: www.bkdrf.ru/uploads/doc/паспорт_национального_проекта.pdf (дата обращения: 02.11.2021).

⁴ Сведения о показателях состояния безопасности дорожного движения [Электронный ресурс]. – URL: www.stat.gibdd.ru (дата обращения: 02.11.2021).

⁵ Далее – ГИБДД МВД России.

органов ГИБДД, перейдём непосредственно к вопросу об административных наказаниях.

Административное наказание – это мера ответственности за совершение правонарушения. Применительно к исследуемой нами проблеме – мера ответственности за совершение административных правонарушений в области дорожного движения, выявляемых подразделениями ГИБДД МВД России при осуществлении дорожного надзора. В целом нельзя не согласиться с точкой зрения ряда авторов, согласно которой меры административной ответственности в сфере дорожного движения выступают в качестве активного способа воздействия на обеспечение общественной безопасности в Российской Федерации и служат повышением дисциплины участников дорожного движения [2, с. 46; 3, с. 85].

В трудах учёных-административистов мы найдём различные подходы к определению административного наказания. Это и «негативная реакция государства на совершённое административное правонарушение», и «установленная государством мера ответственности за совершение административного правонарушения, применяемая к виновному», «кара, т. е. нанесение виновному лицу в совершении административного правонарушения определённых страданий, лишений», «выражение отрицательной оценки государством совершённого правонарушения и самого правонарушителя», «разновидность административного принуждения, применяемого к лицу, признанному виновным в совершении административного правонарушения, и выражающего меру административной ответственности». Каждое из этих определений несёт в себе сущностное зерно понятия административного наказания и подчёркивает одну из его граней, предлагает свою характерную черту либо отражает развитие правовой мысли на разных этапах становления науки административного права.

Из различных, но имеющих общее целое, взглядов на исследуемый вопрос, нам наиболее близко определение административного наказания, данное профессором Ю. А. Тихомировым: «Административное наказание – это реакция государства на совершённое административное правонарушение как разновидность мер административного принуждения, которая выражает отрицательную оценку государства поведения лица, совершившего административное правонарушение» [4, с. 590].

Несмотря на множественность научных подходов, понятие «административное наказание» имеет свое законодательное закрепление. Мы его найдём в части 1 статьи 3.1 КоАП РФ: «Административное наказание является установленной государством мерой ответственности за совершение административного правонарушения и применяется в целях предупреждения совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами». Опираясь на вышеприведённые научные взгляды относительно понятия административного наказания, в рамках темы статьи необходимо дать собственное определение этого стержневого элемента института административной ответственности: «Административные наказания в юрисдикционной деятельности сотрудни-

ков дорожного надзора ГИБДД МВД России – это оперативная реакция государства на совершённое административное правонарушение в области дорожного движения, выраженное в нарушении требований законодательства Российской Федерации о безопасности дорожного движения, правил, стандартов, технических норм и иных требований нормативных документов при строительстве, реконструкции, производстве дорожных работ, ремонте и эксплуатации автомобильных дорог, и применяемая уполномоченным органом или должностным лицом как одна из мер административного принуждения в отношении виновного лица».

Взяв за основу законодательные и научные определения этого понятия, профессор И. В. Максимов выделяет отличительные признаки административного наказания: «1) административное наказание есть установленная государством мера ответственности; 2) применяется лишь за совершение административного правонарушения; 3) может быть применено только к лицу, признанному виновным в совершении административного правонарушения; 4) есть кара, которая заключается в обусловленном им лишении или ограничении прав и свобод правонарушителя; 5) всегда носит личный характер и не должно затрагивать интересы третьих лиц; 6) применяется широким кругом органов и должностных лиц, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях; 7) всегда влечёт следствие, при котором нарушитель и после исполнения административного наказания считается подвергнутым такому наказанию» [5, с. 86].

Теперь необходимо определить, а к какому конечному результату стремится государство, устанавливая те или иные меры ответственности к виновному? Иными словами, какова цель административного наказания? Вопрос о целях наказания вообще и административного наказания в частности не случаен. Он теснейшим образом взаимосвязан с содержанием наказания.

В теории права представлены различные точки зрения на определение целей наказания: устрашение, возмездие (кара); психическое принуждение; исправление, воспитание виновного; заглаживание или искупление вины; удовлетворение потерпевшего, государства, общества; общее и специальное предупреждение; общая и специальная превенция, восстановление общественных отношений. Профессор И. И. Веремеенко отмечал необходимость сочетания в цели трёх начал: кары; исправления и перевоспитания лиц, совершивших правонарушение; предупреждения совершения новых проступков и преступлений как лицом, подвергнутым наказанию, так и иными лицами [6, с. 170–171].

Цели административного наказания законодатель раскрывает в части 1 и части 2 статьи 3.1 КоАП РФ. Из смысла ч. 1 ст. 3.1 КоАП РФ следует, что целей применения административных наказаний две: 1) предупреждение совершения новых правонарушений самим правонарушителем; 2) предупреждение совершения новых правонарушений другими лицами. В теории права такая юридическая конструкция получила название частной и общей превенции.

Безусловно, значимым юридическим инструментом для достижения целей административного наказания выступают принципы назначения этих самых наказаний. К основным принципам, встречающимся в юридической литературе, относятся: индивидуализация наказания, обеспечение баланса публичных и частных интересов при назначении наказания, справедливости, соразмерности (пропорциональности) и разумности, недопустимость избыточного государственного принуждения, дифференциация ответственности.

В целом нормы КоАП в части административного наказания имеют профилактическую направленность. И если мы говорим об административной ответственности в области дорожного движения, то здесь основная цель административных наказаний – это воздействие на личность с целью формирования негативного отношения к правонарушениям в сфере дорожного движения, побуждения участников дорожного движения к правомерному поведению, а также предупреждения совершения новых правонарушений.

Единственное основание административного наказания – это совершение лицом административного правонарушения при наличии всех признаков и элементов юридического состава. Иные основания для применения административных наказаний отсутствуют. Следовательно, согласно статье 2.2 КоАП РФ, административное наказание применяется только при наличии вины у правонарушителя и заключается в предусмотренных законом правоограничениях личного и имущественного характера физического лица либо правомочий юридического лица.

Что касается общего порядка назначения административных наказаний, то он четко прописан в статье 4.1 КоАП РФ. Административное наказание за совершение административного правонарушения строго ограничено рамками закона и не может выходить за его пределы. При назначении административного наказания делинквенту для последующего справедливого и соразмерного административного наказания необходимо учесть характер и последствия совершённого административного правонарушения, степень вины, имущественное и финансовое положение физического или юридического лица, обстоятельства, смягчающие и отягчающие административную ответственность.

Итак, от вопросов общетеоретического характера мы переходим непосредственно к исследованию проблемы административных наказаний в юрисдикционной деятельности сотрудников дорожного надзора ГИБДД МВД России.

За правонарушения, совершённые участниками дорожного движения, в КоАП РФ предусмотрены следующие виды наказаний: предупреждение, административный штраф, лишение специального права (т. е. лишение права управления транспортным средством) и административный арест. Виды административных наказаний за правонарушения, выявляемые сотрудниками дорожного надзора ГИБДД МВД России, ответственность за которые предусмо-

трена статьями 11.21, 11.22, 12.33 и 12.34 КоАП РФ, не столь разнообразны и многочисленны⁶, их всего два: предупреждение и административный штраф.

В качестве одного из множества понятий предупреждения, встречающихся в юридической литературе, возьмём близкое нам, предложенное В. В. Головкин: «Предупреждение – это вид административного наказания, заключающийся в отрицательной юридической оценке уполномоченными на то органами (должностными лицами) противоправных действий нарушителей Правил дорожного движения, которые влекут за собой наступление определённых отрицательных последствий для правонарушителя» [7, с. 169]. Предупреждение в качестве наказания в юрисдикционной деятельности сотрудников дорожного надзора органов ГИБДД предусмотрено только одной статьёй – частью 1 статьи 11.21 КоАП РФ. Ответственности подлежат как физические, так и юридические лица. Так, за 2020 год по статьям 11.21 и 11.22 КоАП РФ всего было привлечено 1467 субъектов административной ответственности. При этом наказание в виде предупреждения выносилось 404 раза, что составило 25,7 % от общего числа привлечённых⁷. Это говорит о заметной роли данного вида наказания наряду со штрафом. Также необходимо отметить, что в российском административном судопроизводстве имеет распространение практика вынесения судами постановлений о замене административного штрафа в отношении юридических лиц на предупреждение. В данном случае речь идёт о применении нормы, указанной в ч. 3 ст. 3.4 КоАП РФ, согласно которой административный штраф может быть заменён на предупреждение для юридических лиц, а также их работников, если административное правонарушение было совершено впервые, не причинён вред или не возникли угрозы причинения вреда жизни и здоровью людей, объектам животного и растительного мира, окружающей среде, объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов Российской Федерации, безопасности государства, угрозы чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, а также при отсутствии имущественного ущерба. Не вдаваясь в долгие дискуссии о справедливости таких судебных решений, отметим, что данная мера «снисхождения» должна с крайней осторожностью применяться к административным деликтам в области дорожного движения, а особенно при рассмотрении дел, где нарушены требования законодательства о безопасности дорожного движения, правил, стандартов, технических норм и иных требований нормативных документов при строительстве, реконструкции, производстве дорожных работ, ремонте и эксплуатации автомобильных дорог.

В отличие от предупреждения, административный штраф является самым распространённым административным наказанием. В качестве примера можно привести данные судебной статистики за 12 месяцев 2020 года. Так, за указанный

⁶ В ч. 1 ст. 3.2 в КоАП РФ представлен исчерпывающий перечень из 10 административных наказаний.

⁷ Судебная статистика РФ за 2020 год [Электронный ресурс]. – URL: www.stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/adm/t/31/s/71/ (дата обращения: 04.11.2021).

период по статье 12.34 КоАП РФ судами были подвергнуты наказанию в виде штрафа 27807 физических и юридических лиц. Общая сумма штрафов составила 2032501 рубль. По сравнению с 2019 годом сумма наложенных штрафов выросла на 9,12 % (1847006 рублей)⁸.

Как такового определения административного штрафа в КоАП РФ мы не находим. Статья 3.5 КоАП РФ формулирует это понятие очень кратко – денежное взыскание, выраженное в рублях. На наш взгляд, необходимо расширить рамки понимания административного штрафа и дать более развёрнутое определение, исходя из анализа имеющихся в науке административного права подходов к данной проблематике. Понятие административного штрафа нами определяется как мера административного принуждения, представляющая собой административное наказание в виде требования уплаты определённой денежной суммы (в частности, это касается главы 12 КоАП РФ), налагаемое на правонарушителя органами и должностными лицами, уполномоченными законом рассматривать дела о соответствующих административных правонарушениях, выражаемое в рублях или в величине, кратной какой-либо сумме или стоимости, установленной в санкции статьи.

С точки зрения соотношения мер административной ответственности интересен вопрос о размере штрафа за правонарушения, выявляемые сотрудниками дорожного надзора ГИБДД, на разных этапах развития административно-правовой науки.

19 июня 1968 года Президиумом Верховного совета РСФСР издан указ «Об усилении административной ответственности за нарушение правил движения по улицам городов, населённых пунктов и дорогам и правил пользования транспортными средствами». Данный документ впервые в советском законодательстве об административной ответственности урегулировал и ввёл санкцию за административные деликты в рассматриваемой нами области. Санкция статьи 7 (современная ст. 12.33 КоАП РФ) об умышленном повреждении проезжей части улиц, дорог, дорожных знаков, средств регулирования и организации движения, не повлёкшем тяжких последствий, предусматривала ответственность в виде штрафа в сумме 20 рублей.

В целях систематизации применения мер административной ответственности в области дорожного движения 20 июня 1984 г. Верховным Советом СССР был принят КоАП РСФСР, который вступил в действие с 1 января 1985 года. Внесённые законодателем четыре статьи, регламентирующие меры административной ответственности за нарушение требований законодательства о безопасности дорожного движения, правил, стандартов, технических норм и иных требований нормативных документов при строительстве, реконструкции, производстве дорожных работ, ремонте и эксплуатации автомобильных дорог предусматривали административное наказание в виде штрафа. Это ст. 131 «Повреж-

дение дорог, железнодорожных переездов и других дорожных сооружений»; ст. 132 «Нарушение правил по охране полосы отвода автомобильных дорог»; ст. 133 «Нарушение землепользователями правил по охране автомобильных дорог и дорожных сооружений»; ст. 134 «Нарушение правил ремонта и содержания дорог, железнодорожных переездов и других дорожных сооружений». В 1985 году за нарушение ст. 131 вводился штраф в сумме от 20 до 50 рублей, в случае если деяние было неумышленным – от 3 до 50 рублей. Статьи 132 и 133 накладывали штрафные санкции в сумме до 10 рублей. Что характерно, нижний предел штрафа по данным статьям в законе не оговаривался. Статья 134 предусматривала административный штраф только в отношении должностных лиц в сумме от 30 до 100 рублей.

Вплоть до 1993 года каких-либо изменений в статьях КоАП РСФСР, касающихся дорожного надзора, не происходило. Начиная с 1993 года, глобальные изменения в политической, социально-культурной и экономической жизни страны, связанные с «перестроечными процессами», в первую очередь затронули и область административного права, особенно меры административного взыскания. Резкое падение уровня жизни граждан и галопирующая инфляция привели к девальвации денежного штрафа. Основные принципы права в виде справедливости и соразмерности наказания практически перестали отвечать жизненным реалиям. В этих условиях 19 января 1993 года в КоАП РСФСР вводятся первые поправки в части изменения размера административного наказания. Так, сумма денежного штрафа стала исчисляться не в рублях, а в минимальном размере оплаты труда (далее – МРОТ)⁹. Таким образом, размер штрафа по ст. 131 КоАП РСФСР стал составлять для граждан от 0,1 до 0,3 МРОТ и впервые введённый с этой редакции Кодекса штраф для должностных лиц – от 0,3 до 0,5 МРОТ. Административный штраф по ст. 134 также изменился и составил от 0,5 до 1 МРОТ. Внести изменения в части размера штрафа по ст. 132 и 133 законодатель в то время забыл, как и сегодня. В мае и июне 1997 года были внесены очередные поправки в КоАП, в которых замечен всё же отпечаток ухудшающегося экономического состояния в стране, так как прослеживается тенденция увеличения размеров административного штрафа по статьям 131 и 134.

Вступивший в законную силу 1 июля 2002 года Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях подверг коренной модернизации российское законодательство об административной ответственности. Статья 131 «Повреждение дорог, железнодорожных переездов или других дорожных сооружений» получила нумерацию – 12.33, а статья 134 «Нарушение правил ремонта и содержания дорог, железнодорожных переездов и других дорожных

⁸ Судебная статистика РФ за 2019 год [Электронный ресурс]. – URL: www.stat.xn--7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/adm/t/31/s/1 (дата обращения: 04.11.2021).

⁹ МРОТ – минимальный размер оплаты труда. Если, например, с 1 июля 1994 года МРОТ составлял 20500 рублей, то уже с 1 января 1997 года эта цифра выросла до 83490 рублей [Электронный ресурс]. – URL: http://fincan.ru/articles/58_mrot-v-rossii-po-godam/ (дата обращения: 03.11.2021).

сооружений» была переименована в статью 12.34 «Несоблюдение требований по обеспечению безопасности дорожного движения при строительстве, реконструкции, ремонте и содержании дорог, железнодорожных переездов или других дорожных сооружений». Статьи 132 «Нарушение правил по охране полосы отвода автомобильных дорог» и 133 «Нарушение землепользователями правил по охране автомобильных дорог и дорожных сооружений» стали соответственно ст. 11.21 «Нарушение правил использования полосы отвода и придорожных полос автомобильной дороги» и ст. 11.22 «Нарушение землепользователями правил охраны автомобильных дорог или дорожных сооружений».

Начиная с этого времени (с 1 июля 2002 года), в статье 11.21 в качестве меры наказания впервые появляется предупреждение, а также – как альтернатива – денежный штраф в сумме 1 МРОТ. Следует отметить, что сумма денежного штрафа статей 132 и 133 была неизменна на протяжении 18 лет (!) и составляла 10 рублей. Путём несложных математических вычислений можно подсчитать, что за это время с учётом инфляционных процессов в стране (на 1 июля 2002 года 1 МРОТ составлял 450 рублей) степень административного наказания девальвировалась в 45 раз (!). В то же время статья 11.22 в части меры ответственности в новом Кодексе была существенно расширена. Законодателем предусматривался штраф для граждан в размере от 1 до 3 МРОТ, для должностных лиц от 3 до 5 МРОТ, и в качестве новеллы нового российского законодательства впервые в ряде статей, в том числе и подлежащих нашему исследованию (ст. 12.33 и ст. 12.34 КоАП РФ), была введена ответственность юридических лиц. Штраф по ст. 11.22 для юридических лиц был дифференцированным и составлял от 30 до 50 МРОТ.

Увеличение санкций за правонарушения (с привязкой к экономической составляющей) мы обнаруживаем как в статье 12.33, где штраф для граждан колебался от 3 до 5 МРОТ, для должностных лиц от 5 до 10 МРОТ, для юридических – от 50 до 100 МРОТ, так и в статье 12.34 КоАП РФ. В ней субъектами правонарушения выступали должностные и юридические лица. Нарушители обязаны были заплатить штраф от 20 до 30 МРОТ, если они выступали как должностные лица, и от 200 до 300 МРОТ – как юридические.

3 июля 2007 года вступила в законную силу первая редакция нового КоАП, что связывалось с ростом российской экономики, укреплением национальной валюты и улучшением социально-экономической жизни российских граждан. Денежный штраф, исчисляемый в МРОТах, ушёл в прошлое. С этого момента и до настоящего времени административные наказания в виде штрафа за правонарушения в области дорожного движения будут налагаться в строго фиксированной сумме, в рублях. В санкциях статей КоАП РФ происходит автоматическая замена МРОТ на рубль, где 1 МРОТ приравнивается к 100 рублям, а 10 МРОТ к 1000 рублей. В связи со вступлением в действие ряда новых нормативных правовых актов КоАП РФ также ждали изменения. Всего через месяц, 10 августа 2007 года, в КоАП были приняты

новые поправки, которые коснулись статей 11.21 и 12.33. Отныне санкция части 2 ст. 11.21 предусматривала штраф для граждан от 1000 до 1500 рублей, для должностных лиц – от 3000 до 5000 рублей, для юридических – от 50000 до 80000 рублей. Стоит отметить, что именно с этой редакции Кодекса, на наш взгляд, проявляется тенденция к ужесточению административного наказания за правонарушения, выявляемые сотрудниками дорожного надзора ГИБДД МВД России. Всё отчётливее заметен фискальный характер административного штрафа как одного из источников пополнения государственного бюджета. В этой же редакции Кодекса вносятся изменения в части санкционной составляющей и в статью 12.33. Так, за повреждение дорог, железнодорожных переездов или других дорожных сооружений гражданам грозил административный штраф в размере 1500 рублей (увеличение в 3 раза), должностным лицам – 5000 рублей (увеличение в 5 раз) и юридическим – 200000 рублей (увеличение в 40 (!) раз).

В ходе дальнейшего совершенствования административно-деликтного законодательства всентябре 2013 и марте 2017 гг. новые редакции затронули статьи 12.33 и 12.34 КоАП РФ. Статьи 11.21 и 11.22 законодателем были несправедливо забыты вплоть до сегодняшнего дня. С 1 сентября 2013 года меры ответственности за правонарушения, предусмотренные статьёй 12.33 КоАП РФ, усиливаются пропорционально инфляционным процессам. Так, на граждан налагался административный штраф в размере от 5000 до 10000 рублей; на должностных лиц – 25000 рублей; на юридических лиц – 300000 рублей. Это была последняя редакция статьи 12.33, которая и сегодня применяется в таком виде. Санкция же за нарушение статьи 12.34 КоАП РФ в отношении должностных лиц осталась неизменна – от 2000 до 3000 рублей, но применительно к юридическим лицам заметно ужесточилась. Штраф увеличился в 10 раз и составил строго фиксированную сумму – 300000 рублей. Окончательная редакция статьи 12.34 вступила в законную силу 18 марта 2017 года. С этого времени денежный штраф в отношении должностных и юридических лиц увеличился в 10 раз: от 20000 до 30000 и от 200000 до 300000 рублей соответственно.

Подведём итоги нашего исследования. Дорожный надзор в деятельности органов ГИБДД занимает ведущую роль в деле снижения аварийности, в том числе и путём применения административных наказаний. Административные наказания в сфере дорожного движения выступают в качестве активного способа воздействия на обеспечение общественной безопасности и призваны повышать дисциплину всех участников дорожного движения. Анализируя изменения, произошедшие в статьях КоАП РФ, касающихся юрисдикционной деятельности сотрудников дорожного надзора ГИБДД МВД России, мы приходим к выводу о возросшей фискальной функции штрафа как одного из основных источников наполняемости государственного бюджета, что неизбежно повлекло проблему соотношения строгости и соразмерности административного наказания в области дорожного движения.

Взгляды учёных по поводу увеличения размеров административных штрафов, а соответственно и ужесточения наказания, применительно к главе 12 КоАП РФ, разделились. Всё же большинство видных учёных-административистов поддерживают увеличение денежного штрафа, хотя и с оглядкой на коррупционную составляющую среди сотрудников полиции [8, с. 69]. Мы придерживаемся той точки зрения, что административное наказание должно соответствовать характеру и степени общественной вредности (опасности) административного правонарушения. Следовательно, постоянное увеличение (или ужесточение) штрафных санкций не приведёт к должным результатам, хотя, безусловно, как выразился один из авторов, это не должен быть «налог на право совершать нарушения Правил дорожного движения» по принципу «заплатил и поехал» [9, с. 59]. Также заслуживает внимания мысль ряда авторов, что «административный штраф не может

иметь “грабительский” или “ликвидационный” характер; он должен зависеть от вида субъекта, совершившего административное правонарушение» [10, с. 82]. Наша же позиция заключается в предложении создать такой регулятивно-правовой механизм, который бы позволил коррелировать размер административного штрафа, устанавливаемый для физических и юридических лиц (учитывая его фискальный характер), с основными экономическими показателями. Возможно, это мог бы быть механизм индексирования. Выскажем мнение, что в нынешний КоАП необходимо внести поправки, касающиеся статей 11.21 и 11.22, так как они не отвечают принципам соразмерности и справедливости наказания. Предлагается изъять из статьи 11.21 такой вид наказания, как предупреждение, и разумно повысить штрафные санкции в указанных статьях для физических лиц в два-три раза, а для юридических – в пять раз.

Список литературы

1. Мартынов А. В. Административный надзор в России: теоретические основы построения : монография. – Москва: ЮНИТИ : Закон и право, 2010. – 183 с.
2. Майоров В. И., Полякова С. В. Общая характеристика мер административной ответственности за правонарушения в сфере дорожного движения в Российской Федерации // Sciences of Europe. – 2016. – № 5 (5). – С. 46–49.
3. Быков А. И. Административный штраф за правонарушения в области дорожного движения: тенденции и перспективы // Юристы-Правоведы. – 2010. – № 5 (42). – С. 85–88.
4. Тихомиров Ю. А. Курс административного права и процесса. – Москва: Юринформцентр, 1998. – 798 с.
5. Максимов И. В. Административные наказания. – Москва: Норма, 2009. – 463 с.
6. Веремеенко И. И. Административно-правовые санкции. – Москва: Юрид. лит., 1975. – 192 с.
7. Головкин В. В. Учебник инспектора ГИБДД : монография. – Москва: Эксмо, 2007. – 304 с.
8. Россинский Б. В. Размышления об административных наказаниях в сфере дорожного движения // Актуальные вопросы публичного права. – 2013. – № 12 (24). – С. 66–77.
9. Смоляков А. И. Профилактика нарушений правил дорожного движения: актуальные проблемы и возможные пути их решения // Научный портал МВД России. – 2016. – № 4 (36). – С. 56–61.
10. Жеребцов А. Н. Критерии построения административно-правовых санкций, содержащих наказание в виде административного штрафа // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2018. – № 3 (41). – С. 80–86.

References

1. Martynov A. V. Administrativnyy nadzor v Rossii: teoreticheskiye osnovy postroyeniya : monografiya. – Moskva: YUNITI : Zakon i pravo, 2010. – 183 s.
2. Mayorov V. I., Polyakova S. V. Obshchaya kharakteristika mer administrativnoy otvetstvennosti za pravonarusheniya v sfere dorozhnogo dvizheniya v rossiyskoy federatsii // Sciences of Europe. – 2016. – № 5 (5). – S. 46–49.
3. Bykov A. I. Administrativnyy shtraf za pravonarusheniya v oblasti dorozhnogo dvizheniya: tendentsii i perspektivy // Yurist-Pravoved. – 2010. – № 5 (42). – S. 85–88.
4. Tikhomirov Yu. A. Kurs administrativnogo prava i protsesssa. – Moskva: Yurinformtsentr, 1998. – 798 s.
5. Maksimov I. V. Administrativnyye nakazaniya. – Moskva: Norma, 2009. – 463 s.
6. Veremeyenko I. I. Administrativno-pravovyye sanktsii. – Moskva: Yurid. lit., 1975. – 192 s.
7. Golovko V. V. Uchebnik inspektora GIBDD: monografiya. – Moskva: Eksmo, 2007. – 304 s.
8. Rossinskiy B. V. Razmyshleniya ob administrativnykh nakazaniyakh v sfere dorozhnogo dvizheniya // Aktualnyye voprosy publichnogo prava. – 2013. – № 12 (24). – S. 66–77.
9. Smolyakov A. I. Profilaktika narusheniy pravil dorozhnogo dvizheniya: aktualnyye problemy i vozmozhnyye puti ikh resheniya // Nauchnyy portal MVD Rossii. – 2016. – № 4 (36). – S. 56–61.
10. Zherebtsov A. N. Kriterii postroyeniya administrativno-pravovykh sanktsiy, sodержashchikh nakazaniye v vide administrativnogo shtrafa // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. – 2018. – № 3 (41). – S. 80–86.

Статья поступила в редакцию 10.11.2021; одобрена после рецензирования 28.12.2021; принята к публикации 12.01.2022.

The article was submitted November 10, 2021; approved after reviewing December 28, 2021; accepted for publication January 12, 2022.

Частно-правовые (цивилистические) науки

Научная статья
УДК 347.122
doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-82-88

Роман Николаевич Яхонтов
кандидат юридических наук
<https://orcid.org/0000-0002-6826-8455>, yahontov.r@mail.ru

*Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1*

Соотношение объекта права и объекта правоотношения в гражданском праве

Аннотация: В данной статье рассматриваются вопросы соотношения в гражданском праве объекта гражданских прав и объекта гражданских правоотношений, а также проблемы определения содержания указанных понятий. Автором делается акцент на том, что из-за существующих дискуссий по поводу сходства и различий исследуемых терминов и их отграничения друг от друга вопрос их юридического и содержательного определения остаётся актуальным и вызывает непрекращающиеся споры среди членов научного сообщества.

В работах анализируются различные точки зрения учёных-правоведов по указанной тематике с представлением альтернативных взглядов представителей цивилистической науки на обозначаемую проблему. В современный период профильное законодательство, в частности, Гражданский кодекс Российской Федерации, содержит указание на объект гражданских прав, но не содержит легального определения объекта гражданских правоотношений. Это особенно актуально, когда развитие нормотворческой деятельности в связи с запросами российского общества и общемировыми тенденциями выходит на новый уровень и возникает множество спорных ситуаций. На основе сравнительного анализа в статье предпринимается попытка упорядочения авторских и научных позиций по вопросам разграничения указанных понятий.

Обосновывается авторское мнение по вопросу соотношения объекта прав и объекта правоотношений, делаются выводы относительно перспектив развития рассматриваемых институтов для цивилистической науки.

Ключевые слова: объект, гражданские права, обязанности, правоотношения, регулирование, общество, поведение, вещь, кредитор, должник, субъект, товар, услуга, вещное право

Для цитирования: Яхонтов Р. Н. Соотношение объекта права и объекта правоотношения в гражданском праве // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 1 (93). – С. 82–88; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-82-88.

Roman N. Yakhontov
Cand. Sci. (Jurid.)
<https://orcid.org/0000-0002-6826-8455>, yahontov.r@mail.ru

*Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation*

Relationship of the object of law and object of legal relationship in civil law

Abstract: This article examines the relationship of the object of civil rights and the object of civil relations in civil law, as well as the problem of determining the content of these terms. Due to the existing discussions about the similarities and differences of the studied concepts and their delimitation from each other, the issue of their legal and substantive definition remains relevant. The aim of the work is to analyze the points of view of legal scholars on this topic and to present the different views of civil science researchers on the designated problem. Currently, specialized legislation, in particular the Civil Code of the Russian Federation, contains an indication of the object of civil rights, but does not contain a legal definition of the object of civil legal relations. On the basis of a comparative analysis, the article attempts to streamline the author's and scientific positions on the delimitation of these concepts. The author offers a perspective on the relationship between the object of rights and the object of legal relations and offers a prognosis regarding the development of the institutions under consideration.

Keywords: object, civil rights, obligations, legal relations, regulation, society, behavior, entity, creditor, debtor, subject, product, service, property right

For citation: Yakhontov R. N. Relationship of the object of law and object of legal relationship in civil law // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 1 (93). – P. 82–88; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-82-88.

Одно из центральных мест в системе гражданского права занимает институт объектов гражданских правоотношений. Формальное определение объекта гражданских правоотношений на протяжении длительного периода относится к одной из наиболее дискуссионных и обсуждаемых проблематик в теории гражданского права. При этом подобный вопрос носит вполне прикладное значение, поскольку опосредует эффективность гражданского-правового регулирования отношений в обществе. Проблемами, связанными с объектом гражданских правоотношений, занимались такие учёные, как М. М. Агарков, С. С. Алексеев, Э. Р. Бирлинг, О. С. Иоффе, Я. М. Магазинер, Ю. К. Толстой, Р. О. Халфина и др.

Общеизвестно, что основной ценностью права является регулирование общественных отношений. Взаимодействие нормы права и общественных отношений осуществляется непосредственно через поведение людей – участников общественных отношений, их сознание и волю, поскольку правовое воздействие может производиться только на неё. Поэтому «предметом правового регулирования являются волевые отношения» их участников, составляющие правоотношение, урегулированное правом¹ [1, с. 9–12].

Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) указывает на объект гражданских прав и ничего не говорит об объекте гражданских правоотношений. Тем не менее этот вопрос постоянно будоражит цивилистическую научную общественность. Относительно соотношения этих понятий существует много суждений, сводящихся либо к отождествлению этих понятий, либо к их соотношению. В частности, по мнению В. А. Белова, объект субъективного права может лишь входить в качестве

составляющей объекта правоотношений, а потому последний должен быть несколько больше, чем объект субъективного права [2, с. 50].

Вместе с тем при разрешении данной проблемы следует исходить из того, что содержание правоотношений составляют субъективные права и юридические обязанности. Поэтому объект субъективного права одновременно представляет и объект юридической обязанности, что является в своём единстве не чем иным, как объектом правоотношений. Учитывая вышеизложенное, понятия «объект гражданских правоотношений» и «объект гражданских прав» следует считать тождественными.

При определении содержания категории объекта правоотношений (прав) следует отметить, что «в науке не существует единой концепции объекта (предмета) права и правоотношения, в силу чего под объектом понимают различные явления и образования: от фактов объективной действительности к явлениям психического порядка» [3, с. 70]. Всё многообразие теорий объекта правоотношений в целом можно объединить в два основных направления: плюралистический, признающий множественность объектов правоотношений, и монистический, авторы которого отстаивают мнение о едином объекте правоотношений.

К монистическому направлению относятся две наиболее известные теории «объекта–поведения» и «объекта–вещи». Среди наиболее значимых приверженцев первой из указанных теорий можно назвать её основателя Я. М. Магазинера [4, с. 202–213], О. С. Иоффе², Д. Н. Генкина³ и других правоведов. Эти авторы считали,

¹ Братусь С. Н. Предмет и система советского гражданского права. – Москва: Госюриздат, 1963. – С. 14.

² Иоффе О. С. Правоотношение по советскому гражданскому праву. – Ленинград: Наука, 1949. – С. 82–88.

что правоотношения, с точки зрения их содержания, включают в себя права и обязанности его субъектов, вследствие чего в качестве объекта правоотношений должно рассматриваться поведение обязанного лица в виде действия или бездействия, что в свою очередь должно трактоваться как пассивное действие. Таким образом, теория «поведения» сводится к разграничению правоотношения, содержательно представленного, комплексом прав и обязанностей субъектов, и объекта, в качестве которого выступает поведение обязанного лица.

Некую особенность концепции объекта-действия содержит теория Д. М. Генкина, которая характеризуется пониманием того, что правоотношения, с точки зрения их содержания, включают права и обязанности участников такового, а объект – действия по реализации прав и исполнению обязанностей. Помимо этого объекта, он выделяет ещё и предмет правоотношения, который могут составлять вещи, продукты духовного творчества, а также само действие как таковое.

Другую теорию монистического направления – теорию объекта-вещи – отстаивали такие авторы, как С. Н. Братусь, М. М. Агарков, Р. О. Халфина и др. В частности, Р. О. Халфина под объектом понимает реальные вещи материального мира, продукты духовного творчества в объективированной форме⁴. По мнению М. М. Агаркова, «объектом права является то, на что направлено поведение обязанного лица, прежде всего, вещь» [11, с. 22]. С. Н. Братусь считает, что при рассмотрении объекта, в первую очередь, следует исходить из потребностей практики, а потому содержанием правоотношения является поведение его участников, а объектом – вещи. В тех случаях, когда в обязательственном правоотношении нет вещи, оно безобъектно [12, с. 86]. Однако, исходя из того, что в сфере гражданских правоотношений фигурируют не только объекты-вещи, соответствующая концепция не является достаточно убедительной. К тому же как в общей теории права, так и в гражданском праве не вызывает сомнений то обстоятельство, что безобъектного правоотношения быть не может. Как отмечает Г. Ф. Шершеневич, объект права составляет существенный момент, так как только он оправдывает существование юридического отношения, поэтому безобъектные права так же маловероятны, как и права бессубъектные⁵.

Среди современных монистических теорий можно выделить: теорию В. А. Лапача – как объект правоотношения он рассматривает волю и сознание обязанного лица⁶; В. И. Сенчищева,

который говорит о том, что объектом является правовой режим [5, с. 139]; М. Д. Егорова, который отличает поведение субъектов гражданских правоотношений в процессе их взаимодействия между собой, а также поведение, направленное на материальное благо. В результате он делает вывод, что поведение при взаимоотношении между субъектами образует содержание последнего, а поведение, направленное на материальное благо, – его объект⁷.

К плюралистическим теориям объекта гражданских правоотношений можно отнести несколько достаточно разносторонних теорий. Назовём, например, теорию, выдвинутую Э. Р. Бирлингем [11, с. 22], о двухуровневом объекте. Он считает, что правоотношение предусматривает соответствующее поведение обязанного лица и называет его объектом прав кредитора (объектом первого рода), а поскольку объектом называют то, на что направлено определённое поведение обязанного субъекта в правоотношении – вещи, то это также является объектом права (объект второго рода). Тождественной данной теории является теория О. С. Иоффе, изложенная в его поздних работах, где он выделяет юридический объект обязательства (поведение обязанного лица, как и в любом гражданском правоотношении) и материальный объект, который во многих обязательствах вообще отсутствует (например, выполнение работ, услуги)⁸. В отношении отсутствия материального объекта в обязательствах по выполнению работ позиция О. С. Иоффе представляется неаргументированной, и с ней сложно согласиться. Это связано с тем, что для данного вида обязательства именно и есть характерным то, что создаёт материализованный результат, который достигается в процессе выполнения определённых работ (действий) и должен быть передан заказчику.

Следующая теория плюралистического направления – это теория одного из видных учёных-правоведов современности – Ю. К. Толстого⁹. Он отстаивал точку зрения, что норма права и правоотношения имеет единый объект в виде фактических общественных отношений. По его мнению, в случае, если в общественные отношения, на которые влияют правоотношения, включаются вещи, то они рассматриваются как составляющая объекта правоотношений (он их называет специальным объектом).

Среди теорий множественности (плюралистических) объектов существует направление, рассматривающее объект в зависимости от вида гражданского правоотношения. Например, Г. Ф. Шершеневич под объектом юридического правоотношения подразумевает средство реализации интереса. Такими средствами являются

³ Генкин Д. М. Основы советского социалистического гражданского права: лекции. – Москва: Высшая партийная школа при ЦК КПСС, 1956. – С. 14.

⁴ Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. – Москва: Юридическая литература, 1974. – С. 214.

⁵ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. – Москва: Изд. Бр. Башмаковых, 1912. – Вып. 1–4. – С. 588.

⁶ Лапач В. А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2002. – С. 91.

⁷ Гражданское право: учебник: в 3 т. / Н.Д. Егоров, И. В. Елисеев [и др.] / отв. ред. А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой. – 6-е изд., перераб. и доп. – Т. 1. – Москва: Велби; Проспект, 2006. – С. 99.

⁸ Иоффе О. С. Обязательственное право. – Москва: Наука, 1975. – С. 13–14.

⁹ Толстой Ю. К. К теории правоотношений. – Ленинград: Издательство ЛГУ, 1959. – С. 64–65.

ся: 1) вещи как части внешнего мира, составляющие отношения вещного права; и 2) действия других лиц – обязательственного или исключительного права. Собственные силы (право на жизнь, здоровье и др.) не могут составлять объект юридического отношения. Г. Ф. Шершеневич отмечает, что сочетание в одном лице субъекта и объекта противоречит самой природе права. Признание физических и моральных сил человека объектом права противоречит понятию об объекте как о том, что находится вне воспринимающего субъекта¹⁰. И. Б. Новицкий объектом вещного правоотношения определил вещь, а объектом обязательства – действия, осуществления которых (или воздержания от них) кредитор имеет право требовать от должника¹¹.

Наиболее распространённой и заслуживающей внимания является плюралистическая теория множественности объекта правоотношений. Представителями этого направления являются С. С. Алексеев¹², Л. В. Санникова [20, с. 57–64], а также А. П. Дудин, А. А. Красавчиков, М. М. Агарков и многие другие. Они рассматривают объект правоотношений через категорию «благо»: вещи, услуги, личные нематериальные блага и др. Многосторонность взглядов авторов данной теории заключается лишь в перечне таких объектов-благ. Множественность объектов в данном случае связана с природой и многообразием существующих в повседневной жизни социальных благ.

Применение категории «благо» как единого объекта даёт основание относить эту теорию не к плюралистическому направлению, а к монистическому. Но такое понимание является поверхностным, поскольку категория «благо» отражает только форму данной теории, а не содержание. Её понимание через категорию «благо» не изменяет множественности явлений объективной действительности, объединённых ею. В частности, С. С. Алексеев правильно отмечал по поводу категории «благо» в объекте правоотношения, что «эта формулировка в некоторой степени уточняет общее определение объекта как внешнего предмета через субъективный момент – интерес уполномоченного, но не больше»¹³.

Под благом в данном случае следует понимать определённые предметы и явления материального и духовного мира, с помощью которых человек может удовлетворить свои потребности и интересы. Ценность объекта в правоотношениях проявляется в его способности удовлетворять определённые юридически значимые интересы субъекта, быть для него определённым благом.

Как отмечал Г. Ф. Шершеневич: «в объекте права скрещиваются интересы уполномоченного и обязанного субъектов, и юридическое отношение является отношением вынужденно разграниченных интересов. Объект права следует искать в благах, обеспеченных правом, как цели, а не в установленном поведении, как средстве»¹⁴.

Следует отметить, что некоторые учёные (С. С. Алексеев и др.), придерживающиеся теории объекта-блага, выделяют различные по своей природе блага, за исключением действий. Последние не относят к объектам, так как действия составляют содержание как вещных, так и обязательственных правоотношений. В частности, они указывают, что поведение людей не может рассматриваться как объект правоотношений. Поведение – объект правового регулирования, объект действия нормы права, правил поведения, то есть права в объективном смысле, а не правоотношений.

Несмотря на разнообразие теоретических подходов, к объектам гражданских правоотношений (прав) относят материальные и нематериальные блага, по поводу которых возникают гражданские правоотношения, в отношении которых между субъектами устанавливаются правовые связи¹⁵. Поэтому, исходя из вышеизложенного, не указывая на другие высказанные в доктрине гражданского права мнения, следует отметить, что объектом гражданских правоотношений как средством удовлетворения интереса является определённое материальное и нематериальное благо.

Для признания определённого блага объектом гражданских прав следует охарактеризовать его признаки. Одним из них, позволяющим признавать объектами как материальные, так и нематериальные блага, является их способность удовлетворять те или иные потребности людей, выступать для них определёнными предметными ценностями. Как отмечает Ю. К. Толстой, блага, не имеющие полезных свойств или полезные свойства которых ещё не открыты, а также предметы, которые недоступны человеку на данном этапе развития человеческой цивилизации, объектами гражданско-правовых отношений не выступают¹⁶.

Для всех объектов гражданских прав, за исключением личных неимущественных благ, составляющих особую группу объектов, характерным признаком также является возможность их денежной оценки, т. е. иметь экономическую форму товара и оборотоспособность¹⁷. Наличие указанных признаков объектов гражданских прав позволяет им выступать объек-

¹⁰ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. – Т. 2. – 11-е изд. – Москва: Изд. Бр. Башмаковых, 1915. – С. 84.

¹¹ Новицкий И. Б. Общее учение об обязательстве. – Москва: Юридическая литература, 1950. – С. 45.

¹² Алексеев С. С. Общая теория права: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Велби; Проспект, 2008. – С. 395.

¹³ Алексеев С. С. Об объекте права и правоотношения // Вопросы общей теории советского права / под ред. С. Н. Братуся. – Москва: Наука, 1960. – С. 289.

¹⁴ Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. 3-е изд. – Т. 2. – Москва: Изд. Бр. Башмаковых, 1915. – С. 590.

¹⁵ Гражданское право: учебник / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. – 3-е изд., перераб. и доп. – Ч. 1. – Москва: Проспект, 1998. – С. 85.

¹⁶ Там же. – С. 205.

¹⁷ Максимов В. А. Система охраняемых законом интересов в гражданском праве // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2019. – № 2 (82). – С. 114–123.

том гражданско-правового договора. Объект гражданских прав как определённая предметная ценность – благо как товар может характеризоваться только при наличии двух признаков: стоимости и потребительской стоимости. Как отмечал О. В. Мартышин, любой товар, любая услуга представляет собой «предметную ценность», измеряемую в денежном выражении (стоимости) и в полезных качествах (потребительской стоимости) [8, с. 5].

В аспекте исследования объекта гражданского правоотношения важным является исследование отдельных видов и особенностей тех или иных объектов в различных видах гражданских правоотношений с точки зрения объекта–блага как средства удовлетворения интереса субъектов гражданско-правовых отношений. В частности, это следующие виды правоотношений: вещные, обязательственные, корпоративные, наследственные и отношения, складывающиеся в сфере интеллектуальной собственности.

Исследования в области объекта вещного права дают основания утверждать, что на уровне догмы объектом этой разновидности гражданских правоотношений признаются вещи, что никем в научных кругах не подвергается сомнению. Однако развитие общественных отношений внесло определённые коррективы в понимание некоторых аспектов понятия вещи как объектов и того, что к ним можно относить. Особенностью вещей как объектов гражданских прав, которыми они признаются в ст. 128 ГК РФ, является то, что они, имея вещно-правовую природу, занимают не менее важное место в сфере других видов гражданско-правовых отношений, выступая также в качестве их объекта, в первую очередь таких, как обязательственные и наследственные. Институт вещного права обеспечивает установление правоотношений статического характера по поводу распределения и присвоения субъектами гражданских правоотношений материальных благ – объектов, путём наделения субъектов соответствующими правами на такие блага и способами защиты их прав в случае нарушения.

Вещью является предмет материального мира, относительно которого могут возникать гражданские права и обязанности. Учитывая то, что объектом любого гражданского правоотношения является благо, вещь как объект должна отвечать в первую очередь двум требованиям. Во-первых, это возможность реально (а не абстрактно) удовлетворять потребности субъекта гражданских правоотношений и, во-вторых, быть чётко определённой, поскольку потребность субъекта может удовлетворять не вообще какая-то вещь (животное, компьютер, книга и т. д.), а именно конкретная вещь.

В главе 6 подраздела 3 ГК РФ представлены различные классификации вещей (недвижимые и движимые, делимые и неделимые и т. п.) и выделяются отдельные категории объектов (животные, деньги, имущество, предприятие как единый имущественный комплекс и т. д.). Наличие таких классификаций связано с тем, что предметов материального мира, которые могут

выступать в качестве объектов вещных прав, неисчислимо множество, и нет законодательной возможности урегулировать особенности гражданско-правового оборота каждого из них. Впрочем, в этом вообще нет необходимости. Выделение различных групп вещей по определённым физическим признакам даёт возможность установить законодателю определённые особенности их правового режима – совокупность правовых средств, с помощью которых обеспечивается их гражданско-правовой оборот, учитывая их физические свойства и социальную ценность. Различные правовые режимы отдельных вещей дают возможность определить такую особенность вещей, как «специализация объекта». Это означает, что в отношении одной вещи может иметь место одно право на неё (а не их совокупность) с характерным для этой вещи правовым режимом оборота.

Наличие такого признака вещи, как специализация объекта, ставит под сомнение существование такого особого объекта вещного права, как имущество, которым признаётся отдельная вещь, совокупность вещей, а также имущественные права и обязанности (ст. 128, 129 ГК РФ). Следует признать, что данное понятие имущества не даёт оснований считать его отдельным объектом вещного права, а более тяготеет к его пониманию в качестве особенности вещи, их совокупности, имущественных прав и обязанностей, в большей степени ассоциируясь с принадлежностью этих объектов определённому субъекту как определённому имущественному (экономическому) состоянию последнего.

К особому роду имущества как совокупности, как правило, разнородных объектов, соединённых между собой единой экономической целью, законодательство относит имущественные комплексы, в частности предприятие (ст. 132 ГК РФ). На его примере усматриваются два принципиально важных момента для характеристики объекта вещного правоотношения:

1) распространение на имущественный комплекс понятия недвижимости не обеспечивает создание единого объекта вещного права – недвижимой вещи, поскольку имущественный комплекс вещью не становится с точки зрения объекта вещного правоотношения в силу принципа специализации объекта;

2) законодательство допускает установление на определённые объекты, которые в контексте понятия вещи таковыми не являются, правового режима определённого вида вещей, т. е. приравнивает эти объекты к вещам. Однако это делается исключительно с целью обеспечения их эффективного гражданско-правового оборота (для целей обязательственных правоотношений). Следовательно, можно говорить и о существовании бестелесных вещей, лишённых физических свойств телесной вещи, но с присущими им её юридическими свойствами, позволяющими иметь отдельный правовой режим. Кроме того, в силу специализации объекта вещного правоотношения переход прав на каждый из составных объектов имущественного комплекса будет осу-

ществляться отдельно по каждому из них, учитывая особенности его правового режима.

В контексте характеристики объекта вещного правоотношения следует обратить внимание на то, что с развитием общественных отношений и уровня технологий эти объекты претерпевают существенные изменения. В первую очередь речь идёт о бездокументарных ценных бумагах и электронных деньгах, которые объектом вещных правоотношений не являются, поскольку в них отсутствуют традиционные признаки вещей. Закрепление на специальных электронных носителях или депозитарии электронных денег и бездокументарных ценных бумаг является лишь их способом фиксации и не

более того, что не порождает вещно-правовых отношений. Их следует рассматривать как объекты обязательственных правоотношений.

Что же касается объекта обязательственно-го правоотношения, в правовой литературе высказываются различные мнения, среди которых и указание на такие их виды, как определённые действия должника; личность должника; имущество должника или личность и имущество последнего, вместе взятые [10, с. 189–191].

Что именно из перечисленного в действительности следует считать объектом обязательства, на наш взгляд, лежит в плоскости понимания обязательственного правоотношения, его структуры и места в нём объекта.

Список литературы

1. Яхонтов Р. Н., Яхонтова О. С. Функции государства и социальное управление // Мир юридической науки. – 2014. – № 3. – С. 9–12.
2. Белов В. А. Объект субъективного гражданского права, объект гражданского правоотношения и объект гражданского оборота: содержание и соотношение понятий // Объекты гражданского оборота: сб. статей / отв. ред. М. А. Рожкова. – Москва: Статут, 2007. – С. 49–53.
3. Лапач В. А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2002. – С. 68–71.
4. Магазинер Я. М. Объект права // Известия вузов. Правоведение. – 2000. – № 6. – С. 202–213.
5. Сенчищев В. И. Объект гражданского правоотношения // Актуальные вопросы гражданского права / под ред. М. И. Брагинского. – Москва: Статут, 1998. – С. 139–141.
6. Санникова Л. В. Об объекте обязательственного правоотношения // Государство и право. – 2004. – № 10. – С. 57–64.
7. Нefeldова Е. П. Правовая природа охраняемого законом интереса. Соотношение интереса и субъективного гражданского права // Молодой ученый. – 2019. – № 10 (248). – С. 187–190. – URL: <https://moluch.ru/archive/248/57048/> (дата обращения: 04.02.2022).
8. Мартышин О. В. Проблема ценностей в теории государства и права // Государство и право. – 2004. – № 10. – С. 4–6.
9. Максимов В. А. Определение понятия объектов гражданских прав // Актуальные проблемы частного и публичного права : сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, Волгоград, 30 октября 2020 года. – Волгоград: Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – С. 83–85.
10. Агарков М. М. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. – Т. I. – Москва: АО «Центр ЮрИнфоР», 2002. – С. 189–191.
11. Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву : монография. – Москва: Юриздат НКЮ СССР, 1940. – 192 с.
12. Пергамент А. К вопросу об объекте правоотношения по гражданскому праву. (Доклад И. Л. Брауде) // Советское государство и право. – 1950. – № 9. – С. 85–86.

References

1. Yakhontov R. N., Yakhontova O. S. Funktsii gosudarstva i sotsial'noye upravleniye // Mir yuridicheskoy nauki. – 2014. – № 3. – С. 9–12.
2. Belov V. A. Ob»yekt sub»yektivnogo grazhdanskogo prava, ob»yekt grazhdanskogo pravootnosheniya i ob»yekt grazhdanskogo oborota: soderzhaniye i sootnosheniye ponyatij // Ob»yekty grazhdanskogo oborota: sb. statey / otv. red. M. A. Rozhkova. – Moskva: Statut, 2007. – S. 49–53.
3. Lapach V. A. Sistema ob»yektov grazhdanskikh prav: teoriya i sudebnaya praktika. – Sankt-Peterburg: Yurid. tsentr Press, 2002. – S. 68–71.
4. Magazinera Ya. M. Ob»yekt prava // Izv. VUZov. Pravovedeniye. – 2000. – № 6. – S. 202–213.
5. Senchishchev V. I. Ob»yekt grazhdanskogo pravootnosheniya // Aktual'nyye voprosy grazhdanskogo prava / pod red. M. I. Braginskogo. – Moskva: Statut, 1998. – S. 139–141.
6. Sannikova L. V. Ob ob»yekte obyazatel'stvennogo pravootnosheniya // Gosudarstvo i pravo. – 2004. – № 10. – S. 57–64.
7. Nefeldova Ye. P. Pravovaya priroda okhranyayemogo zakonom interesa. Sootnosheniye interesa i sub»yektivnogo grazhdanskogo prava // Molodoy uchenyy. – 2019. – № 10 (248). – S. 187–190. – URL: <https://moluch.ru/archive/248/57048/> (data obrashcheniya: 04.02.2022).

8. *Martyshin O. V.* Problema tsennostey v teorii gosudarstva i prava // Gosudarstvo i pravo. – 2004. – № 10. – S. 4–6.
9. *Maksimov V. A.* Opredeleniye ponyatiya ob»yektov grazhdanskikh prav // Aktual'nyye problemy chastnogo i publichnogo prava: sbornik nauchnykh trudov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Volgograd, 30 oktyabrya 2020 goda. – Volgograd: Volgogradskaya akademiya Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2021. – S. 83–85.
10. *Agarkov M. M.* Izbrannyye trudy po grazhdanskomu pravu: v 2 t. – T. I. – Moskva: AO «Tsentr YurInfoR», 2002. – S. 189–191.
11. *Agarkov M. M.* Obyazatel'stvo po sovetskomu grazhdanskomu pravu : monografiya. - Moskva: Yurizdat NKYu SSSR, 1940. – 192 s.
12. *Pergament A.* K voprosu ob ob»yekte pravootnosheniya po grazhdanskomu pravu. (Doklad I. L. Braude) // Sovetskoye gosudarstvo i pravo. – 1950. – № 9. – S. 85–86.

Статья поступила в редакцию 13.12.2021; одобрена после рецензирования 10.02.2022; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted December 13, 2021; approved after reviewing February 10, 2022; accepted for publication February 25, 2022.

Уголовно-правовые науки

Научная статья

УДК 343.341.1

doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-89-97

Ахмед Гусейнович Ахмедов

кандидат юридических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0002-1926-9646>, Osnaz82@yandex.ru

Таулан Османович Бозиев

кандидат юридических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0002-4699-8326>, oziev1975@yandex.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д.1

Организованная этническая преступность: оперативно-розыскная характеристика, тенденции, вопросы, требующие разрешения

Аннотация: *Актуальность темы исследования.* В статье рассматривается оперативно-розыскная характеристика организованной этнической преступности, тенденции и направления развития, организационные вопросы, требующие разрешения, и необходимые практические подходы органов внутренних дел к вопросам противодействия рассматриваемому противоправному явлению. *Постановка проблемы.* Организованная этническая преступность рассматривается через совокупность её отличительных признаков от иных видов организованной преступности. С позиции организации противодействия органов внутренних дел организованной преступности изложено обоснование необходимости принятия на законодательном уровне правового определения «организованная преступность». *Цель исследования* состоит в выявлении особенностей оперативно-розыскной характеристики организованной этнической преступности, анализе международного и российского законодательства по противодействию организованной преступности, определению основных направлений противодействия. *Методологическая основа* данного исследования. Диалектический, эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики; метод толкования правовых норм. *Результаты.* В сложившихся условиях наряду с ужесточением законодательства, направленного против экстремизма, регламентация понятия «организованная преступность» является одной из первоочередных задач для выработки органами внутренних дел стратегии противодействия и повышения эффективности оперативных подразделений данному общественно опасному явлению, посягающему на устойчивость государства. При раскрытии оперативно-розыскной характеристики организованной преступности, сформировавшейся на этнической основе, в статье рассмотрены: транснациональные связи; характеристика лиц, состоящих в данных организованных преступных сообществах (далее – ОПС), их структура, состав, взаимосвязи на международном уровне и во взаимодействии между собой при осуществлении ими противоправной деятельности. В результате изучения оперативно-розыскной характеристики и проведённых исследований выделены следующие особенности организованной этнической преступности как противоправного социально-правового явления: ориентированность на извлечение прибыли; отсутствие какой-либо идеологии в деятельности

преступных формирований (фоном может быть религия); организованный характер; внутренняя структуризация; преемственность по характеру; использование материальных и административных ресурсов для достижения целей, в том числе шантажа, насилия или угроз; контроль определённых сфер экономической деятельности.

Ключевые слова: преступность, оперативно-розыскная характеристика, оперативно-розыскная деятельность, организованная этническая преступность, субъекты ОРД, правовое регулирование, противодействие, правоохранительные органы

Для цитирования: Ахмедов А. Г., Бозиев Т. О. Организованная этническая преступность: оперативно-розыскная характеристика, тенденция, вопросы, требующие разрешения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 1 (93). – С. 89–97; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-89-97.

Akhmed G. Akhmedov

Cand. Sci. (Jurid.), Docent

<https://orcid.org/0000-0002-1926-9646>, Osnaz82@yandex.ru

Taulan O. Bozиеv

Cand. Sci. (Jurid.), Docent

<https://orcid.org/0000-0002-4699-8326>, bozиеv1975@yandex.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Organized ethnic crime: criminal intelligence analysis, trends, and challenges

Abstract: The authors turn to the criminal intelligence perspective to analyze organized ethnic crime, its trends, patterns, and challenges as well as relevant practical approaches that law enforcement may use to counteract the unlawful phenomenon in question. Organized ethnic crime is discussed in terms of the sum of its features distinguishing it from the other types of organized crime. The authors demonstrate a demand to implement the legal definition of organized crime in order to enhance the law enforcement efficiency in counteracting the crime. The goal of the research is to define the features of the organized ethnic crime intelligence profile, analyze Russian and international legislation in the sphere of organized crime, and estimate the key focus of the prevention measures. The methods authors used involved dialectical and comparative approaches, description, formal and dialectical logic, and legal interpretation. Under current conditions, two of the main aims for the development of the organized crime counter-strategy and improvement of the efficiency of the fight against organized crime as a dangerous social phenomenon impinging the state stability are creating and implementing the definition of organized crime and adding greater punitive measures. Defining the features of organized ethnic crime, the authors consider the transnational connections, features of the organized criminal societies members, the structure of those organizations, their cast, international and internal links between the groups exposed during carrying out their illicit activities. Consequently the criminal intelligence analysis and conducted research suggest that organized ethnic crime as an illicit social phenomenon has the following features: profit orientation; lack of ideological foundation for the criminal acts (religious background may be present); organized nature; inner structure; continuity of traditions; implementation of the material and authority resources in order to reach their goals, including blackmail, violence, and threats; control over a specific sphere of the business operations.

Keywords: crime; criminal profile; criminal intelligence; organized ethnic crime; police field units; legal regulation; counteraction; law enforcement agencies

For citation: Akhmedov A. G., Bozиеv T. O. Organized ethnic crime: criminal intelligence analysis, trends, and challenges // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 1 (93). – P. 89–97; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-89-97.

Ограничения и запреты, введённые в связи с пандемией COVID-19, связанные с ней экономические и иные кризисы, а также эскалация международных отношений, продолжение и последствия конфликтов ложатся непо-

сильным бременем на общество, институты и экономику страны. Они отрицательно сказываются на развитии экономики, предоставлении государственных услуг, таких как охрана правопорядка, медицинское обслуживание,

социальная помощь, а также на безопасности населения. В числе тех, кто особенно страдает от непредвиденных, непредсказуемых и зачастую недооценённых вначале крупномасштабных явлений, связанных с COVID-19, – мигранты, беженцы и внутренне перемещённые лица. Во время кризисов люди и общество в целом становятся особенно уязвимыми. в том числе и перед угрозой организованной преступности, куда входят и преступные сообщества, сформировавшиеся на этнической основе. Это происходит потому, что государственным учредителям с трудом удаётся обеспечить непрерывное оказание финансовых услуг, социальной помощи, отправлению правосудия даже на базовом уровне и своевременно предоставлять поддержку отраслям экономики, особенно пострадавшим от кризиса. Опыт ряда стран показывает, что в периоды, когда формальный сектор экономики долгое время испытывает серьёзную нагрузку, организованные преступные группы способны быстро реагировать на происходящее, адаптироваться к новым условиям и преуспевать в своей деятельности. Пример тому – многократный рост мошенничеств, совершённых с использованием современных технологий.

В этих условиях основной тенденцией развития современной преступности становятся её организованные формы и усиление влияния этнической составляющей. Актуальность исследования вопросов, связанных с организованной этнической преступностью, обусловлена следующими факторами: отсутствием общей картины её состояния в России и на международном уровне; глобализацией, меняющимися международными отношениями; экономическими и социальными условиями, складывающимися под воздействием ограничений и запретов из-за COVID-19; повышенной общественной опасностью, а также ростом количества совершённых преступлений. Кроме того, в органах внутренних дел отсутствует единая служба, непосредственно занимающаяся противодействием организованной преступности в целом и этнической в частности, соответственно, не выработан надлежащий комплексный механизм борьбы с ней.

В конце 1980-х годов с объявлением перестройки и нового экономического курса из-за изменений формы собственности, связанной с переходом от государства в частное владение материальных ресурсов и финансовых средств, на территории Российской Федерации начали формироваться организованные преступные группы (сообщества) (далее – ОПГ, ОПС). Существенно выросло количество совершаемых ими преступлений. Органы внутренних дел оказались не готовы к противодействию этому противоправному явлению. Государство вынуждено было признать наличие в стране организованной преступности и предпринять адекватные меры. Как реакция на рассматриваемые негативные процессы, в принятый в 1996 г. Уголовный кодекс Российской Федерации впервые в истории отечественного

законодательства была введена статья 210 «Организация преступного сообщества (преступной организации) и участие в нём (ней)»¹. Так государство отреагировало на изменения в сфере преступности, на законодательном уровне признав наличие в стране организованной преступности и установив уголовную ответственность за организацию преступного сообщества, а также раскрыв его признаки.

Однако, установив уголовную ответственность за различные проявления организованной преступности, законодатель не сформулировал юридического определения самого понятия «организованная преступность». В период с 1996 года, когда был принят новый Уголовный кодекс, и по настоящее время в различные статьи кодекса внесено более 300 изменений и дополнений. Но вопросы, связанные с организованной преступностью, остались неизменными. В них не нашли отражения ни рекомендации ООН, ни международный опыт борьбы с организованной преступностью.

Обладая значительными финансовыми средствами, полученными преступным путём, российская организованная преступность, в том числе этническая, вышла на международный уровень, и ныне представляет собой динамично развивающиеся уголовные сети. В условиях стремительного развития технологий, роста миграции организованная этническая преступность овладевает новыми территориями, осваивает технические возможности и способы совершения преступлений. Нередкими стали транснациональные преступления, характеризующиеся сложными замаскированными схемами. Прибыль от сбыта нелегальных товаров извлекается там, где есть спрос. Так, например, само преступление, как правило, экономическое или налоговое (в последнее время это хищения средств с банковских карт и мошенничество), совершается на территории Российской Федерации, а денежные средства, полученные преступным путём, перемещаются в финансово-кредитные учреждения иностранных государств. Или наоборот: с территории Российской Федерации, используя интернет, похищаются денежные средства с карт у граждан иностранных государств, а средства аккумулируются за рубежом для последующей легализации. При этом орудия или средства совершения преступления могут приобретаться в третьих странах. Подконтрольные ОПГ (ОПС) лица, обладающие определёнными знаниями и навыками, могут проходить обучение в другой стране. Таким образом, организованная преступность подрывает экономические устои государства, прavoпорядок.

Учитывая опасность транснациональных ОПГ (ОПС), в 2000 году была принята и ратифицирована Российской Федерацией Конвенция Организации Объединённых Наций против

¹ Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 1 июля 2021 г/). – URL: Консультант-плюс (дата обращения: 12.12.2021).

транснациональной организованной преступности². В Конвенции раскрыты термины «организованная преступная группа», «серьёзное преступление», «структурно оформленная группа», «имущество», «доходы от преступления», «конфискация» и другие, по которым отличают банду от организованной преступной группы. Согласно Конвенции ООН, «организованная преступная группа» означает структурно оформленную группу в составе трёх или более лиц, существующую в течение определённого периода и действующую согласованно с целью совершения одного или нескольких серьёзных преступлений или преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией, с тем, чтобы получить прямо или косвенно финансовую или иную материальную выгоду³.

Исходя из Конвенции ООН и сложившейся обстановки, в российской уголовно-правовой доктрине и правоприменительной практике необходимо выработать единое понимание и толкование указанного термина. Использование в оперативно-розыскной и практической деятельности различных обозначений (ОГ, ОПГ, ОПФ, ОПС) одного и того же явления приводит к размыванию целей, и борьба с организованной преступностью сводится к улучшению цифровых показателей, а не к реальным результатам. Поэтому для эффективной борьбы с организованной преступностью в целом и этнической в частности необходимо, согласно формулировкам, прописанным в международных правовых актах, с учётом национального законодательства определить, что понимать под исследуемым явлением, что относить к нему.

В середине 2000-х годов Президент России Д. А. Медведев заявил, что в Российской Федерации «организованной преступности» не существует, есть только профессиональная преступность⁴, что не соответствовало действительности и привело в последующем к упразднению службы, занимавшейся противодействием организованной преступности.

С 2008 года в структуре органов внутренних дел не существует единого подразделения, занимающегося борьбой с организованной преступностью. В 2008 году Указом Президента России⁵ в системе МВД России была упразднена единая служба по борьбе с организованной преступностью, а её функции распределены между подразделениями уголовного розыска, экономической безопасности и по противодействию коррупции в соответствии с их полномочиями. Теперь, следуя этой схеме, подразделения уголовного розыска занимаются борьбой с общеуголовной преступностью, а подразделения экономиче-

ской безопасности и противодействия коррупции – преступлениями в сфере экономики, хотя в основе организованной преступности всегда лежит мотив экономический. Это непродуманное решение привело к серьёзным негативным последствиям: были разрушены механизмы получения оперативной информации, наиболее квалифицированные сотрудники уволились из органов внутренних дел или перешли в другие подразделения, упал уровень профессионализма личного состава этих подразделений, сотрудники подразделений уголовного розыска, экономической безопасности и противодействия коррупции не имели должной квалификации. Кроме того, на наш взгляд, наиболее серьёзной потерей является утрата многолетних оперативных наработок и архивов.

По рекомендации Д. А. Медведева создание совещаний при губернаторах и главах субъектов по противодействию организованной преступности и некоторые законодательные инициативы, направленные на ужесточение уголовного наказания в отношении ОПГ, ОПС, к положительным результатам не привели⁶.

Как показывают статистические данные, представленные ГУУР МВД России, в период с 2016 по 2020 г. на 36,6 % выросло количество раскрытых подразделениями уголовного розыска преступлений, совершённых в составе организованных этнических преступных групп (2016 – 573, 2017 – 581, 2018 – 691, 2019 – 569, 2020 – 783). Основными видами преступлений являются мошенничество, разбойные нападения, вымогательство и грабежи⁷.

По данным ГУЭБ и ПК, в 2016 году окончено расследованием 470 уголовных дел, в 2017 году – 479; в 2018 году – 358; в 2019 году – 399; за 9 месяцев 2020 года – 459. В суд по статье 210 УК РФ направлено: в 2016 г. – 6 уголовных дел; в 2017 г. – 13, в 2018 г. – 11, 2019 г. – 12, за 9 месяцев 2020 г. – 3 уголовных дела. Большая часть выявленных преступлений – это мошенничество, фальшивомонетничество, преступления в сфере потребительского рынка, незаконный оборот этилового спирта⁸.

Из анализа данных, представленных оперативными подразделениями МВД России, занимающимися противодействием организованной преступности, становится понятным, системного подхода к противодействию как организованной преступности в целом, так и этнической в частности, нет. Отсутствует координирующая структура. Совершенно недостаточно взаимодействие между уполномоченными на противодействие организованной преступности в структуре МВД подразделениями УР, ЭБ и ПК.

Президент РФ В. В. Путин, обеспокоенный состоянием борьбы с организованной преступностью, в марте 2021 года обсудил с постоян-

² Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 года.

³ Там же.

⁴ Медведев Д. А. Об организованной преступности / Всероссийское координационное совещание правоохранительных органов 21 февраля 2011 г.

⁵ О некоторых вопросах МВД РФ: Указ Президента РФ от 6 сентября 2008 г. № 1316 [Электронный ресурс]. – URL: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.12.2021).

⁶ Медведев Д. А. Об организованной преступности / Всероссийское координационное совещание правоохранительных органов 21 февраля 2011 г.

⁷ ГУУР МВД России.

⁸ ГУЭБ и ПК МВД России. Вх. от 15 апреля 2021 г. №7/2-6031.

ными членами Совета Безопасности РФ эту проблему, указав на существенный рост её в некоторых регионах, в частности, в Севастополе, Санкт-Петербурге, Ленинградской области и в некоторых других регионах⁹.

Кроме того, определяющими чертами и тенденцией современной организованной преступности являются: отход от «воровских» понятий и традиций; сращивание общеуголовной и экономической разновидностей; стремление к извлечению максимально возможной прибыли и сращивание с государственными органами власти. Далее, создание в структуре ОПГ (ОПС) специальных структур и фондов для коррумпирования представителей власти и противодействия правоохранительным органам, легализация доходов, полученных в результате противоправной деятельности, так как основным мотивом является извлечение прибыли, а добытые в результате преступной деятельности средства должны вкладываться в легальный бизнес. Вопросы и сложности, возникающие в процессе легализации, решаются различными методами. В условиях рыночной экономики закономерностью формирования и развития любой организованной ОПГ (ОПС) является ориентирование на экономические интересы. Объективная направленность функционирования ОПГ – не поддержание старых «воровских» традиций, а извлечение материальной выгоды, прибыли. Этой цели служат и преступления экономической направленности, и общеуголовные преступления.

Проведённые учёными исследования по изучению организованной этнической преступности в разных регионах России указывают на общие тенденции в структуре и динамике развития данных сообществ. В частности, как отмечает А. С. Аветисян [10] на примере Дальнего Востока, аналогичные тенденции характерны и для этого региона.

Из проведённого исследования следует, что в настоящее время для полноценной организации борьбы с ОПГ (ОПС) как явлением, оказывающим негативное воздействие на развитие, формирование государственной политики в этой сфере, основным вопросом, требующим разрешения, остаётся формулирование законодательного определения понятия «организованная преступность». При законодательном закреплении юридического определения понятия «организованная преступность», а также создании в МВД России в структуре оперативных подразделений единого субъекта, противодействующего ОПГ (ОПС), станут возможны решения, направленные на системную и эффективную борьбу и с этнической преступностью.

Помимо формирования единой службы на законодательном уровне, необходимо определить и закрепить те оперативно-розыскные свойства и признаки, которые характеризуют организованную преступность, в том числе сформировавшуюся на этнической основе, и внести предложения по формированию законодатель-

ного определения и создания единой структуры.

Криминологи в своих исследованиях выделяют различные формы организованности. Исходя из этого, формулируются такие понятия, как: организованные группы, организованные преступные сообщества (преступные организации), сплочённые организованные группы (организации), объединения организованных групп. В Уголовном кодексе России (ст. 210) есть одно определение организации преступного сообщества (преступной организации) и участия в нём (ней)¹⁰. Необходимо исследовать основные составы преступлений, которые совершают ОПГ (ОПС), сформировавшиеся на этнической основе, акцентируя внимание на присущих только им специфических свойствах деяний, которые формируют организованную преступность. Полученные данные позволят нам увидеть, чем организованная этническая преступность отличается от иных преступных формирований.

Выделение организованной этнической преступности из общего понятия «организованная преступность» связано в первую очередь с национальной принадлежностью лиц, входящих в ОПГ (ОПС), распределением функций и степенью организации взаимодействия между собой при осуществлении преступной деятельности. Таким образом, при раскрытии понятия организованной преступности следует принимать во внимание этнический состав группы, характеристику лиц, участвующих в ней, направление противоправных деяний, включённых в организованную преступность¹¹.

Как показывают раскрытые уголовные дела (в том числе международными правоохранительными органами и организациями) и исследованные данные, этнические организованные преступные группировки формируются, как правило, по национальным, клановым, религиозным, родовым признакам. Причины этого – религиозные убеждения, национальные отличия, нежелание принимать традиции и обычаи тех стран или мест, где проживает коренное население. По данным ООН, по сравнению с другими ОПГ (ОПС) транснациональные этнические преступные формирования отличаются своей сплочённостью, основанной на менталитете, имеют чёткую внутреннюю структуру, как правило, носят замкнутый характер, не допуская в свои ряды посторонних лиц, и специализируются на совершении определённого вида преступлений.

Организованная преступность является постоянно изменяющейся структурой, которая быстро адаптируется к складывающейся обстановке и порождает новые виды преступлений. Как пример, можно привести контроль престу-

¹⁰ Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 1 июля 2021 г.) [Электронный ресурс]. – URL: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.12.2021).

¹¹ Ахмедов А. Г., Жидков А. С. Оперативно-розыскная характеристика преступлений, совершаемых этническими преступными сообществами // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 3. – С. 144–150. Doi: 10.35750/2071-8284-2020-1-144-150.

⁹ Заседание Совета Безопасности РФ от 19 марта 2021 г.

плений, совершаемых с использованием современных технологий.

В связи с этим от органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, требуется принятие особых организационно-тактических меры по предупреждению подготавливаемых и раскрытию совершаемых ОПГ (ОПС) преступлений. Кроме того, со стороны государственных институтов необходимо выработать единую стратегию, направленную на противодействие их деятельности.

Проблема организованной преступности является недостаточно изученной в силу ряда объективных и субъективных причин, в том числе из-за отсутствия в структуре МВД России единого подразделения, занимающегося противодействием ей. При этом опрошенные сотрудники УР, ЭБ и ПК, занимающиеся противодействием организованной преступности, и исследователи отмечают, что этнические ОПГ (ОПС) отличаются своей замкнутостью, организованностью, сплочённостью и высоким уровнем латентности.

Кроме того, этнические ОПГ (ОПС) имеют развитые международные и транснациональные связи. Их противоправная деятельность распространяется на все приносящие прибыль виды преступной деятельности, в том числе в сфере отмывания финансовых средств, незаконной миграции и торговли людьми, незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ. Также члены этих ОПГ успешно осваивают некоторые виды киберпреступности.

В условиях рыночной экономики, когда приоритетом для них является извлечение прибыли, лидеры ОПГ отходят от «классических» воровских традиций, где основной их ролью было соблюдение неписаных правил и контроль над «общаком». В соответствии с изменившимися приоритетами руководителем этнических ОПГ может стать как выходец из криминальной среды («вор в законе», преступный «авторитет»), так и не занимающий в преступной иерархии определённого места руководитель субъекта экономической деятельности или коррумпированное должностное лицо. Как пример можно привести дело Арашуковых, возбуждённое в конце 2019 года¹².

После изучения имеющихся теоретических подходов к определению понятий, свойств и признаков организованной преступности и результатов проведённого авторами исследования материалов правоприменительной практики можно определить следующие особенности организованной этнической преступности

как социально-правового явления¹³. Во-первых, этнические ОПГ (ОПС), как правило, сформированы на национальной или религиозной основе и не являются приверженцами какой-либо политической идеологии.

Не имея иной идеологии, кроме наживы, этнические ОПГ (ОПС) не преследуют цели, связанной со сменой политического строя в регионе влияния, а наоборот, коррумпируют представителей властных структур и используют их в своих корыстных целях. Интерес к власти связан исключительно с попытками добиться проявления лояльности со стороны госчиновников путём их подкупа и сбора компромата для последующего шантажа, а также иными способами.

Начиная с середины 90-х годов прошлого века, ОПГ (ОПС), в том числе сформированные на этнической основе, накопили достаточные финансовые средства. Возросло их влияние на органы законодательной и исполнительной власти за счёт коррумпирования их представителей, а также правоохранительных органов, и использования накопленных средств. Имея ресурсы и влияние, все больше представителей организованной преступности пытаются пройти во власть. Ориентируясь в складывающейся обстановке и видя предполагаемые возможности для получения иммунитета и легализации преступных доходов, представители организованной преступности проникали в основном в законодательные органы власти, так как для попадания в органы исполнительной власти необходимо пройти процедуру предварительной проверки. Кроме того, используя накопленные финансовые ресурсы, получить статус депутата было проще, чем замещать государственную должность. Наблюдая такую тенденцию, государство приняло законодательные и организационные меры, направленные на недопущение криминала во власть. В частности, внесены изменения в Федеральный закон «О противодействии коррупции»¹⁴ и дополнение к статье 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»¹⁵.

Российская Федерация, приняв в 2008 году закон «О противодействии коррупции»¹⁶, не ратифицировала статью 20 (незаконное обогащение) Конвенции ООН против коррупции¹⁷, где говорится об ответственности за незаконное обогащение государственных должностных лиц, и не имплементировала её в национальное

¹³ О противодействии коррупции (с изм. и доп. от 20 декабря 2020 г.) : Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ [Электронный ресурс]. – URL: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.12.2021).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Об оперативно-розыскной деятельности. – Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ [Электронный ресурс]. – URL: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.12.2021).

¹⁶ О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25 августа 2008 г. № 273-ФЗ [Электронный ресурс]. – URL: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.12.2021).

¹⁷ Конвенция Организации Объединённых Наций против коррупции : принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 г.

¹² Дело Арашуковых: уголовное дело по ч. 3. ст. 210, ч. 2. ст. 105, ч. 4. ст. 309 УК РФ, возбуждённое в конце января 2019 года в отношении сенатора Рауфа Арашукова, советника генерального директора ООО «Газпром межрегионгаз» Рауля Арашукова, Руслана Арашукова, а также менеджеров структурных подразделений «Газпрома» Гузера Хашукаева, Николая Романова и Игоря Травинова.

законодательство. Данный факт указывает на непоследовательность государства в вопросах противодействия коррупции, соответственно, и организованной преступности.

Организованная этническая преступность отличается от иных форм преступности тем, что имеет внутреннюю структурированную иерархию, выстроенную систему связей, в которой предусмотрено разграничение функций и полномочий, таких как организатор (руководитель, главарь, «вор в законе») и ядро группировки. В настоящее время большое распространение получили ОПС, в которых власть лидера определяется не статусом (например «вор в законе» или неоднократно судимый), а материальными ресурсами и административными возможностями, которыми он обладает. К примеру, в ряде ОПС наиболее важные вопросы решаются так называемым «братским кругом» – несколькими приближенными к лидеру лицами, имеющими практически равный статус (авторитет) как между собой, так и с лидером, роль которого часто сводится к представительским функциям.

Третьей особенностью организованной этнической преступности следует считать умение длительное время заниматься противоправной деятельностью, «самосохраняться». Отмеченный признак означает, что группа существует долгое время вне зависимости от происходящих внутренних изменений или участия отдельных входящих в неё лиц (арест, смерть и т. д.). Лидеры, которые умерли или оказались в заключении, подлежат замене на новых лидеров. Известны случаи, когда лидером группировки становилось лицо, ранее даже не состоявшее в данной группировке. Другие члены также могут выбывать из группы по разным причинам, однако организация продолжает своё существование, и на их место приходят новые члены. Источники рекрутирования новых членов различны и во многом зависят от прошлого лидера, сложившихся внутренних принципов ОПС, а также от требований, предъявляемых к специализации. В этой связи рекрутирование новых членов осуществляется как из числа людей, освободившихся или находящихся в местах лишения свободы, так и из иных лиц, представителей социально-бытовых и культурных учреждений, например, спортивных секций и т. д. [11].

Немаловажным признаком организованной этнической преступности является ярко выраженная принадлежность к организованным преступным формированиям этнического, родственного, расового или криминального характера. Одним из отличительных признаков этнической организованной преступности можно назвать преимущественное использование шантажа, насилия или угроз применения насилия, направленных на деморализацию объекта, достижение своей цели (вымогательство, завладение объектами недвижимости или бизнеса) и поддержание «боевого духа» участников группировки.

Основным мотивом и первостепенной задачей формирования ОПГ (ОПС) является из-

влечение прибыли. В этой связи следующая особенность деятельности организованных этнических ОПГ (ОПС) – это преследование ими цели, направленной на «наживу», получение доходов от законных и незаконных предприятий. Этот доход может поступать как от разрешённой законом деятельности, так и от преступных промыслов, таких как незаконный оборот наркотиков, фальшивомонетничество, азартные игры или мошенничество, которое количественно выросло за 2020 год более чем на 100 %. Полученные преступным путём доходы вкладываются в законные предприятия. Например, вложение доходов в рестораны и бары является наиболее приемлемым способом отмывания незаконных денег. Отмывание денег есть метод легализации и их накопления. Таким образом, организованные преступные группировки всегда имеют законные предприятия в дополнение к незаконной деятельности.

В. В. Агильдин в своей работе отмечает, что в последнее время среди части ОПС стал популярен принцип «чем ближе к закону, тем безопаснее», и всё большее количество ОПС уходит от «явного криминала», примыкая к законному бизнесу, и прибегает к совершению преступлений только в крайних случаях. В любом случае при совершении преступлений доминирует корыстная мотивация. Причём такая тенденция наблюдается как в славянских, так и в смешанных и этнических группировках. Их лидеры позиционируют себя как коммерсанты и внешне отгораживаются от преступного мира. Так, в некоторых городах преступные авторитеты, будучи «смотрящими» или «положенцами», проводят на эти «должности» молодых людей, а сами приобретают внешне легальный статус и осуществляют руководство «за спиной» этих «председателей».

Отличительная особенность деятельности организованных этнических преступных формирований – направленность на обеспечение доступа к товарам и услугам, признающихся незаконными, но востребованными достаточно большой частью общества, по принципу: «Человек хочет наркотики, секс и азартные игры – пожалуйста, если есть деньги». Спрос рождает предложение, и если кто-то хочет получить запрещённое, то почему бы не удовлетворить его потребности.

Для осуществления незаконной деятельности организованная преступность использует коррупцию, нейтрализуя официальных должностных лиц и государственных деятелей. Подкуп представителей власти позволяет организованной преступности действовать неприкосновенно, избегая уголовного и судебного преследования, арестов, а также получать необходимую информацию [11].

Следует отметить, что организованная этническая преступность стремится к монополии с целью получения контроля за прибыльными сферами экономической деятельности, специфическими товарами и услугами. Организованная преступность – монополизированная, наиболее часто обнаруживаемая в тех

областях бизнеса, которые сами по себе предрасположены к монополии. Конкурентов, как правило, устраняют различными способами, используя коррумпированные связи, «сдают» правоохранительным органам. Особенностью региональной организованной преступности является «специализация», когда не допускают никого на свою «территорию», охраняя её от всех. Примером может служить продажа нефтепродуктов на территории Дагестана, где не работает ни одна федеральная компания, занимающаяся сбытом.

Этнические ОПГ (ОПС), как и любая вертикальная структура, имеют сложную внутреннюю конструкцию, свои неписанные законы, основанные на внутренней дисциплине, особенностях территориальной, клановой, национальной или религиозной принадлежности. Посвящение в члены ОПГ, указания, а также сама деятельность многих организованных этнических ОПГ (ОПС) и руководство ими определяются правилами религиозного или кланового характера, что предполагает безусловное подчинение. За несоблюдение установленных правил и нарушение дисциплины, вводится система жёстких наказаний, вплоть до физического устранения.

Исследования показывают, что на территории России функционируют ОПГ (ОПС), состоящие как из представителей зарубежных стран, так и собственных граждан. Препятствием для полноценной оперативной разработки этнических ОПГ (ОПС) является языковая принадлежность конкретной группировки. Многонациональный характер этнических ОПГ (ОПС), языковые различия усложняют проведение гласных и негласных мероприятий.

Чтобы сформировать полное представление об этнических ОПГ (ОПС), необходимо также рассмотреть основные направления их противоправной деятельности или способы, которыми совершают преступления. Этнические ОПГ (ОПС) быстро ориентируются в складывающихся политических и экономических условиях в стране и в мире, контролируют незаконный оборот

наркотических средств и психотропных веществ, формируют мошеннические группы в местах лишения свободы для совершения хищений с банковских карт с использованием интернета, контролируют прибыльные предприятия путём внесения изменений в учредительные документы, покрывают незаконную миграцию, шантажируют, похищают, занимаются коррупцией, экономическим принуждением и обманом.

Можно сделать вывод, что организованная этническая преступность – это организованная по этническим признакам, иерархически построенная, законспирированная, сплоченная группа (организация) либо объединение таких групп, которая существует с целью извлечения прибыли [1]. Организованная этническая преступность вызывает крайне негативную реакцию в обществе, вынуждает государство увеличивать расходы на обеспечение безопасности, содержание правоохранительных органов и наносит ущерб самим стандартам прав человека, которые Россия как член международного сообщества стремится соблюдать.

Основными задачами, связанными с противодействием организованной этнической преступности, являются:

- подрыв её материально-финансовой базы;
- установление держателей «общаков» и иных финансовых потоков и взятие их под оперативный контроль;
- выявление и разоблачение организованных этнических преступных групп;
- перекрытие каналов получения преступных доходов ОПГ и ОПС и их коммерческой деятельности, направленной на легализацию;
- недопущение установления контроля над прибыльными сферами экономической деятельности.

Из указанных задач ясно, что для эффективного противодействия организованной преступности, в том числе сформировавшейся на этнической основе, необходима единая служба в структуре МВД России.

Список литературы

1. *Атмажитов В. М., Бобров В. Г.* О законодательном регулировании оперативно-розыскной деятельности: научный доклад. – Москва: Шумилова, 2003 (ПИК ВИНТИ). – 23 с.
2. *Омелин В. Н.* Некоторые вопросы совершенствования оперативно-розыскного законодательства по борьбе с организованной преступностью // Закон и право. – 2019. – № 4. – С. 24–30.
3. *Ларичев В. Д.* Оперативно-розыскная характеристика экономических преступлений: вопросы теории и практики в современных условиях // Безопасность бизнеса. – 2008. – № 2. – С. 7–8.
4. *Кувалдин В. П.* К вопросу об организации оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел в преступных сообществах // Проблемы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2012. – № 2. – С. 95–108.
5. *Кувалдин В. П.* Криминальная тактика противодействия организованных преступных структур правоохранительным системам / Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по нейтрализации : сборник статей. – Москва: Процесс, 1997. – С. 36–39.
6. *Долгова А. И., Дьякова С. В.* Организованная преступность. – Саратов: Сателлит, 2005. – 142 с.
7. *Куликов А. В., Шелег О. А.* К вопросу о понятиях организованной этнической преступности и организованных этнических преступных групп // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2016. – № 4 (46). – С. 15–18.

8. Христюк А. А. Понятие и признаки организованной преступности. Организованная преступная деятельность // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 335. – С. 109–112.
9. Гарусов А. В., Дикаев С. У. Оценка показаний участников уголовного судопроизводства, заинтересованных в исходе дела : монография. – Москва: Юрлитинформ, 2020. – 147 с.
10. Аветисян А. С. Криминологическая характеристика и анализ этнической преступности на Дальнем Востоке России // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2011. – № 4. – С. 173–180.
11. Агильдин В. В. Организованная преступность: понятие, признаки, вопросы, требующие разрешения // Криминологический журнал. – 2013. – № 3. – С. 50–55.

References

1. *Atmazhitov V. M., Bobrov V. G.* O doklade regulirovaniyu operativno-rozysknoy deyatel'nosti: nauchnyy doklad. – Moskva: Shumilova, 2003 (PIK VINITI). – 23 s.
2. *Omelin V. N.* Nekotoryye voprosy s obnaruzheniyem operativno-rozysknogo kontrolya po bor'be s organizovannoy prestupnost'yu // *Zakon i pravo*. – 2019. – № 4. – S. 24–30.
3. *Larichev V. D.* Operativno-rozysknaya kharakteristika ekonomicheskikh prestupleniy: voprosy teorii i teorii v sovremennykh usloviyakh // *Bezopasnost' biznesa*. – 2008. – № 2. – S. 7–8.
4. *Kuvaldin V. P.* K voprosu ob organizatsii operativno-rozysknoy deyatel'nosti organov vnutrennikh del v prestupnykh soobshchestvakh // *Problemy v Rossiyskom zakonodatel'stve. Yuridicheskiy zhurnal*. – 2012. – №2. – S. 95–108.
5. *Kuvaldin V. P.* Kriminal'naya taktika protivodeystviya organizovannykh prestupnykh struktur pravookhranitel'nym sistemam / Organizovannoye protivodeystviye raskrytiyu i rassledovaniyu prestupleniy i mery po neytralizatsii: sbornik statey. – Moskva: Protsess, 1997. – s. 36–39.
6. *Dolgova A. I., D'yakova S. V.* Organizovannaya prestupnost'. –Saratov: Satellit, 2005. – 142 s.
7. *Kulikov A. V., Sheleg O. A.* K voprosu o ponyatiyakh organizovannoy etnicheskoy prestupnosti i organizovannykh etnicheskikh prestupnykh grupp // *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. – 2016. – № 4 (46). – S. 15–18.
8. *Khristyuk A. A.* Ponyatiye i priznaki organizovannoy prestupnosti. Organizovannaya prestupnaya deyatel'nost' // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo un-ta*. – 2010. – № 335. – S. 109–112.
9. *Garusov A. V., Dikayev S. U.* Otsenka pokazaniy uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva, zainteresovannykh v iskhode dela: monografiya. – Moskva: Yurlitinform, 2020. – 147 s.
10. *Avetisyan A. S.* Kriminologicheskaya kharakteristika i analiz etnicheskoy prestupnosti na Dal'nem Vostoke Rossii // *Territoriya novykh vozmozhnostey. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa*. – 2011. – № 4. – S. 173–180.
11. *Agildin V. V.* Organizovannaya prestupnost': ponyatiye, priznaki, voprosy, trebuyushchiye razresheniya // *Kriminologicheskiy zhurnal*. – 2013. – № 3. – S. 50–55.

Статья поступила в редакцию 13.07.2021; одобрена после рецензирования 11.01.2022; принята к публикации 14.01.2022.

The article was submitted July 13, 2021; approved after reviewing January 11, 2022; accepted for publication January 14, 2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Научная статья
УДК 343.34
doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-98-105

Егор Игоревич Дубов

адъюнкт

<https://orcid.org/0000-0003-0902-7712>, egordubov1997@yandex.ru

Нижегородская академия МВД России

Российская Федерация, 603114, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3

Сравнительное исследование противодействия преступлениям в сфере возврата просроченной задолженности на примере Российской Федерации и некоторых представителей романо-германской правовой семьи

Аннотация: *Актуальность.* В нашей стране деятельность по возврату просроченной задолженности имеет небезупречную репутацию и развита недостаточно профессионально. Жестокие преступления в сфере взыскания долгов всё чаще обсуждаются в средствах массовой информации. Лишь в 2016 году в России был принят специальный закон о регламентации так называемых «коллекторских» организаций. Несмотря на то, что резонансных преступлений в сфере взыскания долгов стало меньше, эти отношения нуждаются в дальнейшем регулировании.

Проблема. В связи с тем, что рынок «коллекторских» услуг в нашем государстве достаточно молодой, автор видит необходимость проведения сравнительного исследования законодательной регламентации и противодействия преступности в исследуемой сфере на примере России и двух ведущих европейских стран.

Цель. Изучение методов противодействия преступным деяниям в сфере возврата долгов, используемых представителями романо-германской правовой семьи, ранее не проводилось. В этой связи автор ставит цель проанализировать законодательство ведущих стран Европы – Германии и Франции – в аспекте борьбы с незаконными способами взыскания просроченной задолженности.

Методы: сравнительно-правовой, анализ, диалектика, аналогия.

Выводы. 1. Автор приходит к выводу, что для усовершенствования профессиональной деятельности по возврату долгов в российском государстве необходимо обратить особое внимание на более качественную подготовку кадров. 2. Одним из предложений автора является идея о закреплении на законодательном уровне обязательного вступления «коллекторской» организации в профессиональное сообщество в качестве специальной ассоциации. 3. Большое количество противоправных способов, используемых нелегальными сборщиками долгов, связано с таким явлением, как «сталкинг». В этой связи различные подходы уголовно-правового противодействия «сталкингу» в уголовном законодательстве рассмотренных стран могут быть полезны при формулировании предложений по совершенствованию отечественного уголовного законодательства в направлении стабилизации отношений в сфере возврата просроченной задолженности.

Ключевые слова: сравнительно-правовой анализ, романо-германская правовая семья, «коллекторская» деятельность, преступление, «сталкинг»

Для цитирования: Дубов Е. И. Сравнительное исследование противодействия преступлениям в сфере возврата просроченной задолженности на примере Российской Федерации и некоторых представителей романо-германской правовой семьи // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 1 (93). – С. 98–105; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-98-105.

Egor I. Dubov

Graduate

<https://orcid.org/0000-0003-0902-7712>, egordubov1997@yandex.ru

Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia

3, Ankudinovskoe highway, Nizhny Novgorod, 603114, Russian Federation

A comparative study of countering crimes in the sphere of debt collection in the Russian Federation and Romano-Germanic legal family countries

Abstract: Relevance: In our country, the activity for the return of overdue debts has a faulty reputation and is not sufficiently developed professionally. Violent debt collection crimes are increasingly discussed in the media. Only in 2016, Russia adopted a special law on the regulation of the so-called «collection» organizations. Despite the fact that there have been fewer high-profile crimes in the field of debt collection, these relations need further regulation.

Problem: Due to the fact that the market of «collection» services in our country is quite young, the author sees the need for a comparative study on legislative regulation and combating crime in the area under study using the example of Russia and two leading European countries.

Purpose: The study of methods of counteracting criminal acts in the field of debt recovery, used by representatives of the Romano-Germanic legal family, has not been previously conducted. In this regard, the author aims to analyze the legislation of the leading European countries - Germany and France in the aspect of combating illegal ways of collecting overdue debts.

Methods: comparative legal, analysis, dialectics, analogy.

Conclusions: 1. The author comes to the conclusion that in order to improve the professional activity of debt recovery in the Russian state, it is necessary to pay special attention to better training of personnel. 2. One of the author's proposals is the idea of securing at the legislative level the obligatory entry of a «collection» organization into the professional community, represented by a special association. 3. A large number of illegal methods used by illegal debt collectors are associated with such a phenomenon as «stalking». In this regard, various approaches to the criminal legal counteraction to stalking in the criminal legislation of the considered countries can be useful in formulating proposals for improving domestic criminal legislation in the direction of stabilizing relations in the field of overdue debt recovery.

Keywords: comparative legal analysis, Romano-Germanic legal family, debt collection, crime, stalking

For citation: Dubov E. I. A comparative study of countering crimes in the sphere of debt collection in the Russian Federation and Romano-Germanic legal family countries // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 1 (93). – P. 98–105; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-98-105.

Уголовно-правовая защита от преступлений в сфере возврата просроченной задолженности является актуальным вопросом не только в нашем государстве, но и в зарубежных странах. Такая мысль возникает в связи с тем, что развитие кредитных отношений получило значительную распространённость. Регламентация данной деятельности имеет ряд предпосылок социально-экономического, правового, политического и иного характера, что в конечном итоге влияет на жизнь людей в различных государствах. Для формулирования предложений по качественным изменениям в изучаемой сфере мы считаем необходимым рассмотреть зарубежную практику противодействия преступным деяниям в профессиональной деятельности по взысканию просроченной задолженности. Это позволит, с одной стороны, выявить эффективные, с другой – недействительные механизмы и способы борьбы с нарушениями в конкретной области финансовых отношений, используемые за границей, что представляется полезным при формулировании предложений по совершенствованию отечественного законодательства.

В этой связи в рамках настоящей работы нами будет использован сравнительно-правовой метод исследования. При этом прежде чем говорить о положительном опыте зарубежных государств, считаем необходимым отметить нынешнее состояние исследуемой сферы отношений в нашем государстве. В России данный вид дея-

тельности был узаконен относительно недавно. Несмотря на немалое количество законодательных инициатив о более ранней регламентации профессионального возврата просроченной задолженности¹, своё правовое закрепление он получил лишь в 2016 году при вступлении в юридическую силу Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон “О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях”» (далее – ФЗ № 230)². В рамках этого нормативного акта был

¹ О деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Проект Федерального закона подготовлен Минюстом России, ID проекта 02/04/11-19/00097204 (текст по состоянию на 13.12.2019) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=190372#09235919308262481> (дата обращения: 20.01.2022).; О деятельности по взысканию просроченной задолженности : Проект Федерального закона [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2011/07/05/zadolzhennost-site-dok.html> (дата обращения: 20.01.2022); О коллекторской деятельности в Российской Федерации: проект Федерального закона № 884052-6 2 (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 18.09.2015) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=136145#04019835275473773> (дата обращения: 20.01.2022).

² О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной

создан специальный реестр юридических лиц, включающий в себя исключительное количество организаций, имеющих право заниматься сбором просроченных долгов в качестве основной профессиональной деятельности. Контроль со стороны государства за организациями, включёнными в него, был возложен на Федеральную службу судебных приставов России (далее – ФССП России)³. Данный государственный орган также является субъектом принятия жалоб, предметом которых нередко становятся нарушения со стороны взыскателей долгов по отношению к должникам. Проанализировав открытые статистические сведения об обращениях граждан в ФССП России, мы установили, что ежегодно этот показатель возрастает: в 2017 году их было 16531⁴, в 2018 – 20135⁵, в 2019 количество обращений составило 28400⁶, в 2020 году было принято 37000 жалоб⁷. В течение последних лет число жалоб увеличилось более чем вдвое. Отметим, что судебные приставы также уполномочены на привлечение нарушителей ФЗ № 230 к административной ответственности по ст. 14.57 КоАП РФ «Нарушение требований законодательства о защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности». Как показывает статистика применения данной меры административно-правового реагирования, количество рассмотренных дел в период с 2017 по 2020 год выросло более чем в пять раз: в 2017 году – 546, в 2018 – 1200, в 2019 – 2294, в 2020 – 2802 дела⁸. Социальная напряжённость, резонансные преступления, анонсируемые в средствах массовой информации, увеличение количества жалоб и нарушений

задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях»: Федеральный закон от 03.07.2016 № 230-ФЗ // Российская газета. – 2016. – 6 июля. – № 146.

³ О федеральном органе исполнительной власти, уполномоченном осуществлять ведение государственного реестра юридических лиц, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности в качестве основного вида деятельности, и федеральный государственный контроль (надзор) за деятельностью юридических лиц, включённых в указанный реестр: Постановление Правительства РФ от 19.12.2016 № 1402 // Собрание законодательства РФ, 26.12.2016, № 52 (Часть V), ст. 7666.

⁴ Гладышева Татьяна. Число жалоб на коллекторов выросло на 74% [Электронный ресурс] // Официальный сайт газеты «Известия». – URL: <https://iz.ru/746363/tatiana-gladyшева/chislo-zhalob-na-kollektorov-vyroslo-na-74> (дата обращения: 20.01.2022).

⁵ Самусева Светлана. Взыскатели собрали жалобы // [Электронный ресурс] // Сайт «НАПКА (Национальная ассоциация профессиональных коллекторских агентств». – 2020. – 17 фев. – URL: <https://napca.ru/publishing/11508/> (дата обращения: 20.01.2022).

⁶ Трифонова Полина. Заемщики перегрелись на кредитах. Число жалоб на взыскателей растет вместе с рынком // Коммерсантъ. – 2021. – 27 июля. – № 130. – С. 8.

⁷ В России растет число жалоб на коллекторов // [Электронный ресурс] // Сайт «Право.ru: законодательство, судебная система, новости и аналитика. Все о юридическом рынке». – 2021. – 27 июля. – URL: <https://pravo.ru/news/233528/> (дата обращения: 20.01.2022).

⁸ Административные правонарушения. Показатели по отдельным правонарушениям [Электронный ресурс] // Сайт «Судебная статистика РФ». – URL: <http://stat.api-пресс.рф/stats/adm/t/31/s/1> (дата обращения: 20.01.2022).

в исследуемой сфере, детерминировали законоворческие инициативы по её охране, в том числе и уголовно-правовыми средствами, однако позже они были отклонены⁹. При этом нельзя сказать, что криминальные деяния, совершаемые недобросовестными взыскателями просроченной задолженности, не пресекаются действующими нормами уголовного законодательства. Анализ следственно-судебной практики преступлений в изучаемой сфере показал, что в настоящее время противоправные способы взыскания долгов квалифицируются по следующим уголовно-правовым нормам: ст. 110 УК РФ¹⁰, ст. 111 УК РФ¹¹, ст. 112 УК РФ, ст. 115 УК РФ, ст. 116 УК РФ, ст. 117 УК РФ, ст. 119 УК РФ, ст. 137 УК РФ, ст. 138 УК РФ, ст. 139 УК РФ¹², ст. 159 УК РФ¹³, ст. 163 УК РФ¹⁴, ст. 167 УК РФ, ст. 179 УК РФ, ст. 330 УК РФ¹⁵ и другие. Дополнительную актуальность настоящей работе придаёт тот факт, что сейчас также рассматривается вопрос об ужесточении уголовной ответственности за незаконную деятельность по возврату просроченных долговых обязательств¹⁶, а изучение положительного зарубежного опыта может стать существенной основой при формировании новых предложений по борьбе с преступлениями в кредитно-финансовом секторе.

⁹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части усиления ответственности лиц, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности: Проект Федерального закона № 51807-7 [Электронный ресурс] // Сайт «Система обеспечения законодательной деятельности». – URL: <http://asozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 20.01.2022)

¹⁰ Приговор № 1-43/2019 от 21 марта 2019 г. по делу № 1-49/2018 Кунашакский районный суд (Челябинская область) [Электронный ресурс] // Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/V3MHIOSwg3d1/> (дата обращения 20.01.2022).

¹¹ Приговор № 1-1003/2016 1-1072/2015 от 16 февраля 2016 г. по делу № 1-1003/2016 Сенгилеевский районный суд (Ульяновская область) [Электронный ресурс] // Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/tuC4sHjvKfU1> (дата обращения 20.01.2022).

¹² Приговор № 1-43/2019 от 21 марта 2019 г. по делу № 1-49/2018 Кунашакский районный суд (Челябинская область) [Электронный ресурс] // Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/7GgoPqEKzKgK/> (дата обращения 20.01.2022).

¹³ Приговор № 1-297/2017 1-3/2018 от 25 мая 2018 г. по делу № 1-297/2017 Краснокамский городской суд (Пермский край) [Электронный ресурс] // Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/T6mqLgRrj7Zj/> (дата обращения 10.12.2020).

¹⁴ Постановление № 1-377/2019 от 11 сентября 2019 г. по делу № 1-377/2019 Сормовский районный суд г. Нижний Новгород (Нижегородская область) [Электронный ресурс] // Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/OVrnDiMTt7Ut/> (дата обращения 20.01.2022).

¹⁵ Постановление № 1-31/2016 от 15 февраля 2016 г. по делу № 1-31/2016 Центральный районный суд г. Воронежа (Воронежская область) [Электронный ресурс] // Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/OFqD4UqEsz5m/> (дата обращения 20.01.2022).

¹⁶ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части усиления ответственности лиц, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности: Проект Федерального закона № 51807-7 // [Электронный ресурс] // Сайт «Система обеспечения законодательной деятельности». – URL: <http://asozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 20.01.2022).

Переходя к непосредственному сравнительно-правовому исследованию, нельзя не согласиться с А. Р. Швандеровой, справедливо отметившей, что при принятии нового законодательства законодательные органы, безусловно, должны учитывать те традиции в области юриспруденции, которые были исторически заложены в этом государстве, однако для дальнейшего совершенствования принятых законов следует изучать законотворческий опыт других стран [13, с. 12–17]. Поэтому использование в научном исследовании такой методологии представляется нам оправданным и необходимым.

Изучив мнения учёных, мы установили, что ряд авторов – Д. Н. Гусев [5, с. 11–15], Н. А. Зеничев [7, с. 19; 8, с. 44–47], С. В. Пыхтин [11, с. 33–36], О. М. Иванов, Д. Г. Алексеева [1, с. 11–18], М. В. Екимов [6, с. 34–39], М. А. Осипова [10, с. 793–799], Т. М. Цепкова [13, с. 159–164], Е. А. Галкина [3, с. 125–127] и другие исследовали опыт зарубежных государств в вопросе регламентации деятельности по возврату просроченной задолженности. Вместе с тем уникальность настоящего исследования заключается в том, что автор впервые делает попытку сравнительного изучения именно в аспекте уголовного противодействия преступным деяниям, совершаемым представителями так называемого «коллекторского ремесла».

Освоение законодательного опыта зарубежных стран в области противодействия преступности затруднено без рассмотрения опыта представителей романо-германской правовой семьи. В первую очередь это связано с тем, что она является древнейшей юридической системой. Во-вторых, к числу её основных членов относятся все ведущие европейские страны, в том числе и наше государство. В этой связи рассматриваемая семья в некоторых источниках именуется «европейской». К основным её особенностям можно отнести следующие [4, с. 101–104]:

- 1) материальное право чётко разграничивается на публичное и частное, при этом приоритет отдаётся последнему;
- 2) кодификация основных отраслей права;
- 3) основной принцип регулирования отношений – верховенство закона, принятого государством;
- 4) логичность;
- 5) основным источником права является закон.

Обозначив общие аспекты, характеризующие признаки изучаемой правовой системы, позволим обратиться к анализу законодательства Германии и Франции.

Германия. В массиве научной литературы, изданной в этом государстве, можно найти небольшое количество работ, заостряющих внимание на вопросах, связанных с противоправной деятельностью представителей «коллекторских» организаций. Правовое регулирование деятельности таких компаний реализуется не с помощью специального закона, а посредством общего нормативного акта внесудебных юридических услуг

– Rechtsdienstleistungsgesetz¹⁷. В целом, можно говорить о динамике развития профессиональных взыскателей в этой стране, о чём свидетельствует существование собственной национальной ассоциации организаций, специализирующихся на возврате просроченной задолженности под названием «Bundesverband Deutscher Inkasso-Unternehmen e.V.» (далее – BDIU)¹⁸.

На официальном сайте этой организации размещена информация, согласно которой членами BDIU (на настоящий момент их 530) ежегодно возвращается в экономический цикл более пяти миллиардов евро. Кроме того, она является крупнейшей ассоциацией коллекторов в Европе и второй по величине во всём мире. Если организация состоит в вышеуказанной ассоциации, это говорит о её профессионализме, так как большинство кредитных учреждений Федеративной Республики Германии взаимодействуют только с теми, кто является её членами и имеет соответствующую сертификацию. Получить документ, подтверждающий высокое качество и безопасность предоставляемых услуг на рынке взыскания долгов, можно после прохождения специальных курсов обучения «коллекторскому» делу на базе созданной BDIU академии «Deutsche Inkasso Akademie»¹⁹. М. А. Осипова отмечает, что в 2012 году Германией была оказана помощь Греции по вопросу подготовки профессиональных взыскателей, участвующих в возврате просроченных налоговых платежей. Отмечается, что около 170 специалистов прошли курс обучения в Германии для дальнейшей ликвидации образовавшихся в Греции долговых обязательств [10, с. 793–799].

При этом, несмотря на положительную тенденцию возврата просроченных долгов, изучение средств массовой информации позволило нам выявить некоторые проблемы в изучаемой сфере. Русскоязычная газета «Русская Германия», издаваемая в ФРГ, описывает факты получения от «коллекторских» агентств писем подозрительного характера. В них чаще всего встречаются незаконные требования об оплате несуществующих долгов, которые в дальнейшем могут сопровождаться угрозами наступления судебных тяжб относительно ненастоящих должников либо передачи их персональных данных в главное бюро кредитных историй Германии – SCHUFA Holding AG²⁰. При этом как пишут СМИ, ссылаясь на статистику Федерального союза потребителей («Verbraucherzentrale Bundesverband»), примерно 56 % писем от профессиональных взыскателей с требованием оплаты конкретных товаров или услуг незакон-

¹⁷ Rechtsdienstleistungsgesetz [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/rdg/RDG.pdf> (дата обращения: 12.11.2020).

¹⁸ Bundesverband Deutscher Inkasso-Unternehmen e.V. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.inkasso.de> (дата обращения: 13.11.2020).

¹⁹ Deutsche Inkasso Akademie [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.inkassoakademie.de/de/inhouse.html> (дата обращения: 13.11.2020).

²⁰ SCHUFA Holding AG [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.schufa.de/html> (дата обращения: 14.11.2020).

ны, треть сообщений (30 %) являются спорными относительно правомерности предмета их претензий, и лишь в 14 % случаях такие сообщения являются обоснованными и оправданными²¹.

Перейдём к рассмотрению уголовного законодательства ФРГ – Strafgesetzbuch²² (далее – УК ФРГ), предусматривающего санкции за противоправные деяния со стороны нелегальных участников рынка взыскания долгов. В первую очередь, речь идёт о преступлениях, закрепленных в разделе XV, посягающих на неприкосновенность и тайну частной жизни. В нём было предусмотрено 10 самостоятельных статей, однако часть из них была исключена. В итоге в настоящее время охрану вышеуказанных отношений осуществляют следующие нормы: § 201 «Нарушение конфиденциальности разговора», § 202 «Нарушение тайны переписки», § 202a «Разведывание сведений», § 203 «Нарушение тайны частной жизни», § 204 «Использование сведений, составляющих чужую тайну», § 206 «Нарушение тайны почтовой и телекоммуникационной тайны».

Некоторые противоправные способы можно связать с явлением «сталкинга» (от англ. «stalking» – преследование), сущность которого заключается в нежеланном, назойливом внимании со стороны «сталкера» к одному человеку или к определенной группе людей. Это внимание чаще всего выражается в преследовании, слежении, наблюдении, шпионаже. Кроме того, оно может проявляться в постоянных звонках, сообщениях по электронной и местной почте, причём содержание подобного сообщения сопровождается оскорблениями, запугиваниями и даже угрозами [9, с. 53–56]. В Германии такие действия носят название «anpirschen» (нем. «подкрадываться (к дичи)», «преследовать»).

В УК ФРГ предусмотрен § 202 «Неправомерное преследование», выражающееся в нежелательном притеснении, постоянном сближении с жертвой без её согласия, а также высказыванием при этом угроз. Данную проблему в своей работе поднимает А. В. Серебренникова, которая отмечает, что чаще всего незаконное преследование может выражаться в ожидании жертвы у места её жительства или работы, настойчивых попытках присутствия в местах проживания, многочисленных телефонных звонках, СМС-сообщениях или других способах коммуникативного общения (мессенджеры, социальные сети и др.), содержание которых чаще всего связано с угрозами жизни, здоровью, имуществу потерпевшего, а также распространением лживых сведений, которые могут нанести моральный или репутационный вред.

Кроме того, недобросовестные взыскатели, как и в нашей стране, могут привлекаться к ответственности за вымогательство (§ 253), клевету (§ 186, § 187), умышленное повреждение чужого имущества и нанесение материального ущерба (§ 303), а также, как нами было установлено по немецким СМИ, недобросовестные коллекторы с корыстным мотивом, пытающиеся злоупотребить доверием должников, могут быть привлечены к уголовной ответственности за мошенничество (§ 263)²³.

Франция. Во Франции, как и в большинстве стран романо-германской правовой семьи, специализированное законодательство в сфере взыскания просроченных долгов отсутствует. В целом данная деятельность регулируется следующими принятыми нормами различных отраслей права: ст. 32 Закона 91-650 «Кодекс гражданского судопроизводства» (франц. Code des procédures civiles d'exécution Anciennement Art 32 Loi 91-650), ст. D441-5, созданной Постановлением № 2012-1115 от 2 октября 2012 г., абзац 12 ч. I ст. L.441-6.

Во французском государстве, как и во многих странах Европы, функционирует профессиональное сообщество, только называется оно не как в России или Германии – ассоциация, а именуется «Национальным союзом фирм по взысканию долгов и деловой информации» (франц. Syndicat National Des Cabinets De Recouvrement De Créances Et De Renseignements Commerciaux) (далее – ANRC)²⁴. Члены ANRC являются профессионалами в области взыскания долгов и должны быть зарегистрированы в Торговом реестре и реестре компаний. Они соблюдают принятые в своей профессиональной организации правила и действующие предписания, выраженные в Моральном кодексе ANRC.

Проводя аналогию с российским государством, можно отметить, что Моральный кодекс ANRC является аналогом отечественного Кодекса Национальной ассоциации профессиональных коллекторских агентств (далее – НАПКА). Во Франции насчитывается около 470 «коллекторских» компаний, и их основная функция заключается во внесудебном взыскании долгов. По статусу они являются коммерческими предприятиями и в обязательном порядке получают разрешение на работу в прокуратуре, которая, в свою очередь, осуществляет за ними контроль. Они действуют от лица кредитора по заключённому с ним соглашению, за что получают вознаграждение. Обычно это 10 – 20 процентов от возвращенной суммы.

Исторически сложилось так, что не существовало структурированной организации, ответственной за защиту и представление интересов профессионалов в области взыскания долгов и деловой информации, и ANCR является первой в этом роде. В 1992 году ANCR пре-

²¹ Отте Владимир. Жители Германии в сетях «коллекторской мафии» [Электронный ресурс] // Социально-экономический портал «ExRus.eu». – Режим доступа: <https://ru.exrus.eu/Zhiteli-Germanii-v-setyakh-kollektorskoj-mafii-id581f112c352188333b433d8b> (дата обращения: 02.02.2022).

²² Strafgesetzbuch (StGB): Уголовный кодекс ФРГ // Strafgesetzbuch: Sonderausgabe unter redaktioneller Verantwortung des Verlages C.H. Beck. 30. Auflage. München, 1996.

²³ Отте В. В сетях «коллекторской мафии» // Русская Германия. – 2016. – № 43.

²⁴ Национальный союз фирм по взысканию долгов и деловой информации [Электронный ресурс]. – URL: <https://ancr.fr/fr> (дата обращения: 12.11.2020).

образована в профессиональный союз, регулируемый Разделом I Книги IV Трудового кодекса, – первое профессиональное сообщество в этой сфере.

Позволим отметить один интересный факт, случившийся в начале 1990-х годов, когда в ANRC было более 180 членов. В то время законодательные органы Франции, приняв некоторые инициативы, поставили сферу профессионального взыскания долгов под угрозу ликвидации. Однако позже, благодаря депутатам – членам Национального совета по торговле и MEDEF (в то время CNPF), участникам профсоюза ANRC удалось сохранить данную деятельность. В нашей стране также высказывались мнения о запрете деятельности по возврату просроченной задолженности на законодательном уровне, но эта инициатива тоже не нашла поддержки²⁵.

Уголовное законодательство Франции предусматривает ряд составов за совершение противоправных деяний со стороны нелегальных взыскателей долгов. Рассмотрим их.

Французский законодатель, так же как и законодатель Германии, не оставил без внимания уголовно-правовую охрану от посягательств, связанных со «сталкингом». В ст. 222–16 Уголовного кодекса Франции (далее – УК Франции) предусмотрена ответственность за посягательство на так называемую «психическую неприкосновенность». В диспозиции нормы предусмотрены деяния в форме недоброжелательных телефонных звонков или иной звуковой агрессии, совершенные неоднократно с целью нарушить покой другого лица. В этой же главе и отделе находятся еще две нормы – ст. 222–17 и ст. 222–18, устанавливающие ответственность за угрозу совершить преступление или уголовный проступок против личности. В нашем случае речь может идти о лице, имеющем просроченную задолженность.

Н. Е. Крылова, рассматривая данные преступления, пишет, что подобные угрозы должны иметь признак неоднократности, а также быть представлены в четко определенной форме, будь то письменная, наглядная или иная материальная, при этом само деяние должно быть связано с приказанием выполнить определенное условие (требование). Автор в своём труде приводит мнение членов Палаты по уголовным делам Кассационного суда Франции, в котором последние дают комментарии относительно угрозы в материальной форме. Она может быть выражена в изображении надгробья, пистолета, либо пронзённого холодным оружием человеческого силуэта или иной фигуры²⁶.

²⁵ О запрете привлечения иных лиц для взаимодействия с должником: Пояснительная записка к проекту Федерального закона [Электронный ресурс]. // СПС «Гарант». – URL: <https://base.garant.ru/57725957/> (дата обращения: 01.03.2021).

²⁶ Крылова Н. Е. Уголовное право Франции : учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. – Москва : Юрайт, 2019. – С. 121-122.

В случаях, когда недобросовестный сборщик долгов будет использовать в своей деятельности подложные документы с требованием о выплате долга, например, под видом государственных судебных приставов, в соответствии со ст. 433–14 УК Франции он может быть привлечён к уголовной ответственности за использование любой документации, якобы подтверждающей ту или иную профессию, или любого отличительного знака (формы), утверждённых государственными органами [2, с. 65–66].

Если говорить о таком противоправном деянии как вымогательство, которое можно встретить среди «чёрных коллекторов», то, в отличие от российского законодательства, во Франции оно не обязательно должно быть связано с имущественным обязательством. Согласно ст. 312–1 УК Франции «Вымогательством является получение путём насилия, угрозы применения насилия или принуждения подписи, обязательства или отказа от обязательства, либо секретной информации, либо денежных средств, ценных бумаг, материальных ценностей или какого бы то ни было иного имущества». При этом, рассматривая российскую уголовно-правовую норму за вымогательство, предусмотренную ст. 163 УК РФ, мы видим, что требование передачи чужого имущества помимо выдвигания угрозы применения насилия или повреждения чужого имущества, может сопровождаться угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких. Вместе с тем во Франции за подобную угрозу установлен самостоятельный уголовно-правовой запрет, а именно статья 312-10 УК Франции, в которой устанавливается ответственность за шантаж.

Обобщив опыт Германии и Франции, мы можем выделить следующие закономерности.

1. Общее впечатление от работы профессиональных сборщиков долгов европейского стандарта напоминает образ консультанта-помощника в области кредитно-финансовых отношений. При этом специального законодательства, как в России, в рассмотренных государствах не существует. Отсутствие отдельного закона может свидетельствовать о том, что количество резонансных случаев, связанных с незаконными фактами возврата долгов представителями данного сектора, в рассмотренных странах минимально или вовсе отсутствует.

Нельзя не отметить, что в Германии особое внимание уделяют профессиональному обучению «коллекторскому ремеслу». В подтверждение мы приводили факт оказания международной помощи в подготовке для греческой налоговой службы сотрудников, призванных взыскать образовавшиеся долговые обязательства по налоговым сборам. Помимо внешней политики на рынке взыскания, немецкие коллекторы обращают внимание на внутренний рынок. Так, для подтверждения своей компетентности по тому или иному направлению работы – переговоры по телефону, встречи с должниками и другие, необходимо пройти обучение в специальной академии и получить соответствующий сертификат, подтверждающий

приобретение профессиональных навыков по вышеуказанному направлению. В этой связи для совершенствования работы по возврату просроченной задолженности в нашем государстве необходимо обратить особое внимание на более качественную подготовку кадров.

2. Отдельно отметим существование профессиональных сообществ – ассоциаций, действующих на территории различных европейских стран. Немецкая ассоциация BDUI и французский союз ANRC являются специализированными образованиями, призванными объединить профессиональные «коллекторские» агентства на территории своих стран. Наличие подобных форм может означать, что сфера возврата долгов является актуальной и экономически целесообразной, поскольку взаимодействие с организацией, состоящей в ассоциации, гарантирует должнику, что в отношении него не будут применены противоправные способы взыскания. При этом сами кредитные организации, желающие передать право требования по долгу, заинтересованы в сотрудничестве с теми агентствами, которые включены в ассоциацию BDUI, так как для них это является своеобразным «знаком качества» оказываемых услуг.

Перечисленные национальные ассоциации активно участвует и в международном развитии деятельности по возврату просроченных долгов, поскольку имеют своих представителей в Федерации европейских национальных коллекторских агентств (Federation of European National Collection Associations). В европейское сообщество долговых сборщиков также включены следующие страны: Австрия, Бельгия, Болгария, Хорватия, Чехия,

Дания, Греция, Венгрия, Италия, Нидерланды, Норвегия, Польша, Португалия, Румыния, Россия, Словакия, Словения, Испания, Швеция, Швейцария, Великобритания. Считаем, что создание в России подобной ассоциации в лице НАПКА является верным шагом на пути цивилизованного развития финансового рынка. В качестве предложения поддержим идею о целесообразности обязательного вступления «коллекторских» организаций в отечественную ассоциацию.

3. Нельзя обойти и проблему «сталкинга». Интересным представляется позиция законодателя Германии, который предусматривает уголовную ответственность за «неправомерное преследование» (§ 202 УК ФРГ), понимаемое как нежелательное притеснение жертвы «сталкера» (в нашем случае нелегального взыскателя долгов), выражающееся в постоянных телефонных звонках с различными, иногда завуалированными, а зачастую прямыми угрозами причинения вреда либо распространения ложной информации о жертве (должнике). По нашему мнению, противоправные деяния, описанные в диспозиции немецкой уголовно-правовой нормы, встречаются среди незаконных способов, используемых «чёрными коллекторами» в Российской Федерации. Кроме того, научный интерес вызывают положения УК Франции, обеспечивающие охрану психической неприкосновенности жертвы. В этой связи различные подходы уголовно-правового противодействия «сталкингу» могут быть полезны при формулировании предложений по совершенствованию отечественного уголовного законодательства в области противодействия незаконному возврату просроченной задолженности.

Список литературы

1. Алексеева Д. Г., Иванов О. М., Пыхтин С. В. Проблемы правового регулирования коллекторской деятельности // Приложение к журналу «Хозяйство и право». – 2015. – № 4. – С. 11–18.
2. Бойцова Ж. А. К вопросу об уголовной ответственности за подделку, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков по законодательству ряда европейских стран // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 5. – С. 65–66.
3. Галкина Е. А. Правовое регулирование коллекторской деятельности в Великобритании // Вестник Российского университета кооперации. – 2009. – № 1 (3). – С. 125–127.
4. Горюнов В. Д. Россия в романо-германской правовой семье // Вестник Самарского юридического института. – 2013. – № 3 (11). – С. 101–104.
5. Гусев Д. Н. Коллекторские агентства в Великобритании: история и опыт регулирования // Регламентация банковских операций. Документы и комментарии. – 2007. – № 5. – С. 11–15.
6. Екимов М. В. Коллекторская деятельность в Российской Федерации и США: понятие и правовое регулирование // Право и современные государства. – 2012. – № 5. – С. 34–39.
7. Зеничев Н. А. Использование незаконных тактик взыскания денежных средств коллекторскими агентствами и методы борьбы с ними в странах англо-саксонской правовой семьи // *Vaikal Research Journal*. – 2016. – Т. 7. – № 1. – С. 19–25.
8. Зеничев Н. А. Проблемы соблюдения законодательства в сфере коллекторской деятельности на примере Соединенных Штатов Америки // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2014. – № 8. – С. 44–47.
9. Мясникова А. М., Цуканова Е. Г. Криминализация сталкинга // *Виктимология*. – 2016. – № 3 (9). – С. 53–56.
10. Осипова М. А. Правовое регулирование коллекторской деятельности: Россия и зарубежный опыт // *Известия БГУ*. – 2016. – № 5. – С. 793–799.

11. *Пыхтин С. В.* Принципы добросовестной практики деятельности коллекторских агентств в Великобритании // *Международное публичное и частное право.* – 2015. – № 3. – С. 33–36.
12. *Цепкова Т. М., Филиппов С. А.* Некоторые вопросы исполнительного производства российского и зарубежного законодательства // *Вестник Саратовской государственной юридической академии.* – 2014. – № 2 (97). – С. 159–164.
13. *Швандерова А. Р.* Сравнительный метод в изучении истории права и государства в теоретическом наследии М. М. Ковалевского, П. Г. Виноградова и Ф. В. Тарановского // *Философия права.* – 2017. – №1 (80). – С. 12–17.

References

1. *Alekseyeva D. G., Ivanov O. M., Pykhtin S. V.* Problemy pravovogo regulirovaniya kollektorskoj deyatel'nosti // *Prilozheniye k zhurnalu «Khozyaystvo i pravo».* – 2015. – № 4. – С. 11–18.
2. *Boytsova Zh. A.* K voprosu ob ugolovnoy otvetstvennosti za poddelku, izgotovleniye ili sbyt poddelnykh dokumentov, gosudarstvennykh nagrad, shtampov, pechaty, blankov po zakonodatel'stvu ryada yevropeyskikh stran // *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii.* – 2015. – № 5. – С. 65–66.
3. *Galkina Ye. A.* Pravovoye regulirovaniye kollektorskoj deyatel'nosti v Velikobritanii // *Vestnik Rossiyskogo universiteta kooperatsii.* – 2009. – № 1 (3). – С. 125–127.
4. *Goryunov V. D.* Rossiya v romano-germanskoj pravovoy sem'ye // *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta.* – 2013. – № 3 (11). – С. 101–104.
5. *Gusev D. N.* Kollektorskiye agentstva v Velikobritanii: istoriya i opyt regulirovaniya // *Reglamentatsiya bankovskikh operatsiy. Dokumenty i kommentarii.* – 2007. – № 5. – С. 11–15.
6. *Yekimov M. V.* Kollektorskaya deyatel'nost' v Rossiyskoj Federatsii i SSHA: ponyatiye i pravovoye regulirovaniye // *Pravo i sovremennyye gosudarstva.* – 2012. – № 5. – С. 34–39.
7. *Zenichev N. A.* Ispol'zovaniye nezakonnykh taktik vyzskaniya denezhnykh sredstv kollektorskimi agentstvami i metody bor'by s nimi v stranakh anglo-saksonskoj pravovoy sem'i // *Baikal Research Journal.* – 2016. – Т. 7. – № 1. – С. 19–25.
8. *Zenichev N. A.* Problemy soblyudeniya zakonodatel'stva v sfere kollektorskoj deyatel'nosti na primere Soyedinennykh Shtatov Ameriki // *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika.* – 2014. – № 8. – С. 44–47.
9. *Myasnikova A. M., Tsukanova Ye. G.* Kriminalizatsiya stalkinga // *Viktimologiya.* – 2016. – № 3 (9). – С. 53–56.
10. *Osipova M. A.* Pravovoye regulirovaniye kollektorskoj deyatel'nosti: Rossiya i zarubezhnyy opyt // *Izvestiya BGU.* – 2016. – № 5. – С. 793–799.
11. *Pykhtin S. V.* Printsipy dobrosovestnoy praktiki deyatel'nosti kollektorskikh agentstv v Velikobritanii // *Mezhdunarodnoye publichnoye i chastnoye pravo.* – 2015. – № 3. – С. 33–36.
12. *Tsepkova T. M., Filippov S. A.* Nekotoryye voprosy ispolnitel'nogo proizvodstva rossiyskogo i zarubezhnogo zakonodatel'stva // *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii.* – 2014. – № 2 (97). – С. 159–164.
13. *Shvanderova A. R.* Sravnitel'nyy metod v izuchenii istorii prava i gosudarstva v teoreticheskom nasledii M. M. Kovalevskogo, P. G. Vinogradova i F. V. Taranovskogo // *Filosofiya prava.* – 2017. – №1 (80). – С. 12–17.

Статья поступила в редакцию 23.12.2021; одобрена после рецензирования 01.03.2022; принята к публикации 05.03.2022.

The article was submitted December 23, 2021; approved after reviewing March 01, 2022; accepted for publication March 05, 2022.

Научная статья
УДК 343.85
doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-106-110

Сергей Вячеславович Иванцов

доктор юридических наук, профессор
<https://orcid.org/0000-0003-0317-7808>, isv1970@mail.ru

*Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
Российская Федерация, 117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12*

Денис Евгеньевич Дроздов

кандидат юридических наук
<https://orcid.org/0000-0003-2712-6415>, xaab@mail.ru

*Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского
Российская Федерация, 248023, Калуга, ул. Степана Разина, д. 26*

Профессиональная виктимность должностных лиц правоохранительных органов в сфере исполнения обязанностей по противодействию преступности

Аннотация: Статья посвящена особенностям профессиональной виктимности должностных лиц правоохранительных органов, к чьим непосредственным обязанностям относится противодействие преступности. В ходе системной оценки правового статуса сотрудников органов внутренних дел МВД России, проходящих службу в самом многочисленном по количеству личного состава и с наиболее широким спектром решаемых задач среди всех правоохранительных органов ведомстве, обосновано, что противодействие преступности выступает виктимогенным фактором. Проанализированы причины профессионального виктимного поведения. Обосновано разделение всех виктимогенных условий на две группы: зависящие от воли должностного лица правоохранительного органа и не зависящие от его воли, когда оно с учётом всех особенностей ситуации не могло предвидеть возможностей возникновения виктимогенной ситуации. Выделены типичные сферы профессиональной деятельности, в которых создаются условия для возникновения виктимной ситуации, требующие профилактического воздействия со стороны руководящего состава правоохранительных органов. Исследованы типы потерпевших применительно к правоохранительной деятельности, выявлены их особенности. Структурированы меры профилактики виктимного поведения, исходя из специфики профессиональных обязанностей должностных лиц правоохранительных органов. К числу профилактических отнесены управленческие, технические, информационные, социальные и другие меры.

Ключевые слова: профессиональная деятельность, предупреждение преступности, профессиональная виктимность, должностное лицо, правоохранительный орган, профессиональный риск, типы потерпевших, виктимное поведение, профилактика

Для цитирования: Иванцов С. В., Дроздов Д. Е. Профессиональная виктимность должностных лиц правоохранительных органов в сфере исполнения обязанностей по противодействию преступности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 1 (93). – С. 106–110; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-106-110.

Sergey V. Ivantsov

Dr. Sci. (Jurid.), Professor
<https://orcid.org/0000-0003-0317-7808>, isv1970@mail.ru

*Moscow University of the MIA of Russia named after V.Ya. Kikot
12, Ak. Volgin str., Moscow, 117997, Russian Federation*

Denis E. Drozdov

Cand. Sci. (Jurid.)
<https://orcid.org/0000-0003-2712-6415>, xaab@mail.ru

*Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky
26, Stepan Razin str., Kaluga, 248023, Russian Federation*

Professional victimization of law enforcement officials in the field of performance of duties to combat crime

Abstract: The article is devoted to the peculiarities of professional victimization of officials of law enforcement agencies, whose immediate responsibilities include combating crime. In the course of a systematic assessment of the legal status of employees of the internal affairs bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, serving in the most numerous in terms of the number of personnel and with the widest range of tasks to be solved among all law enforcement agencies, it was substantiated that combating crime is a victimogenic factor. The reasons for professional victim behavior are analyzed. The division of all victimogenic conditions into two groups has been substantiated: those that depend on the will of a law enforcement official and those that do not depend on his will, when, taking into account all the specifics of the situation, he could not foresee the possibility of a victimogenic situation. The typical spheres of professional activity, in which conditions are created for the emergence of a victim situation, requiring preventive influence on the part of the leadership of law enforcement agencies, are highlighted. The types of victims in relation to law enforcement are investigated, their features are revealed. The measures for the prevention of victim behavior have been structured based on the specifics of the professional duties of law enforcement officials. The number of preventive measures includes managerial, technical, informational, social and other measures.

Keywords: professional activity, professional victimization, law enforcement official, occupational risk, types of victims, victim behavior, prevention

For citation: Ivantsov S. V., Drozdov D. E. Professional victimization of law enforcement officials in the field of performance of duties to combat crime // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 1 (93). – P. 106–110; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-106-110.

Виктимность отдельных лиц, обусловленная особенностями профессии, смещает акценты исследования с личностных особенностей жертвы в сферу исполнения должностных обязанностей. Её опасность проявляется в одновременном сочетании нескольких виктимогенных факторов, а существующая тенденция нормативного правового закрепления дополнительных требований к деловым качествам федеральных государственных служащих выступает катализатором. Далеко не вся профессиональная деятельность является виктимной. Защита наиболее опасной, с точки зрения законодателя, деятельности обеспечивается уголовным законодательством РФ. В УК РФ содержатся нормы, устанавливающие дополнительные гарантии безопасности государственных и общественных деятелей (статья 277 УК РФ), лиц, осуществляющих правосудие или предварительное расследование (статья 295 УК РФ), сотрудников правоохранительных органов (статья 317 УК РФ), представителей власти (статья 318 УК РФ), сотрудников учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (часть 2, 3 статьи 321 УК РФ), и другие. Среди них наиболее виктимной категорией являются должностные лица правоохранительных органов¹. Профессиональная деятельность сотрудников

органов внутренних дел РФ обладает наибольшей виктимностью, о чём свидетельствуют материалы уголовных дел, содержащиеся в архивах судов². Через содержание и особенности профессиональной деятельности сотрудников полиции как самого «масштабного» правоохранительного органа, обладающего существенной компетенцией, и проявляется виктимность. В ней будет содержаться весь массив виктимогенных детерминантов.

В соответствии со статьёй 1 Федерального закона «О полиции» (далее – ФЗ) назначением полиции является защита жизни, здоровья, прав и свобод, противодействие преступности, охрана общественного порядка, собственности, а также общественной безопасности³. Уже в назначении полиции содержатся условия профессиональной виктимности, основанной на исполнении должностных обязанностей по противодействию преступности как наиболее опасному социальному явлению. Выявление, пресечение, раскрытие, предупреждение как целенаправленный процесс проходят не только в условиях противодействия со стороны подозреваемых и обвиняемых, но и зачастую в конфликтных, связанных с риском для жизни, здоровья, деловой репутации, ситуациях, где нередко действия последних подлежат процессуальной оценке на наличие состава преступления

¹ Кузьмин А. В. Уголовно-правовая охрана личности сотрудников правоохранительных органов : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Кузьмин Антон Владимирович. – Ставрополь, 2015. С. 13; Моховой М. Б. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, посягающих на представителей власти : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Моховой Максим Борисович. – Краснодар, 2004. – С. 77; Ткаченко В. С. Уголовно-правовая охрана личности сотрудников правоохранительных органов, обеспечивающих общественный порядок и общественную безопасность : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Ткаченко

Валерий Степанович – Москва, 1998. – С. 161; Дроздов Д. Е. Криминологическая оценка и предупреждение применения насилия в отношении должностного лица правоохранительного органа : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Дроздов Денис Евгеньевич. – Москва, 2020. – С. 146.

² Дроздов Д. Е. Указ. соч. – С. 66.

³ О полиции : Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 11 июня 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 900.

против порядка управления, предусмотренного в главе 32 УК РФ. При этом интенсивность конфликтной ситуации, степень противодействия законным требованиям гораздо выше в момент совершения и пресечения противоправных действий⁴. Конкретизация назначения полиции проявляется в направлениях её деятельности. Из девяти направлений, предусмотренных статьёй 2 ФЗ, реализация семи (защита личности, общества, государства от противоправных посягательств; предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений; выявление и раскрытие преступлений, производство дознания по уголовным делам; розыск лиц; производство по делам об административных правонарушениях, исполнение административных наказаний; обеспечение правопорядка в общественных местах; обеспечение безопасности дорожного движения) связаны с преступлениями и административными правонарушениями, равно как и более половины обязанностей, предусмотренных статьёй 12 ФЗ⁵.

Среди причин виктимного поведения сотрудников полиции выделяются различные по характеру нарушения регламентированных правил либо тактических приёмов профессиональной безопасности, которые выражаются в несоблюдении дистанции в процессе служебного общения с правонарушителями, восприятию служебных задач как повседневных функций, нерешительности при применении огнестрельного оружия, неисполнении требований по осмотру и разоружению правонарушителей, которые легли в основу более $\frac{2}{3}$ посягательств. Оставшуюся $\frac{1}{3}$ составляют посягательства, вызванные виктимностью внешних (по отношению к сотрудникам полиции) факторов [1, с. 68–71]. Несоблюдение дистанции в ходе общения с правонарушителями относится к внешнему фактору. Характер исполнения профессиональных обязанностей предполагает установление минимальной дистанции как в ходе вербального контакта, так и в процессе применения мер принуждения и обусловлен высокой опасностью лиц, совершивших преступления либо правонарушения.

Виктимогенные условия разделяются на две группы. Первую составляют условия, связанные с допущенными нарушениями правил, регламентов, инструкций со стороны должностных лиц правоохранительных органов и зависящих от их воли. Такие виктимогенные условия могут быть нейтрализованы как непосредственно лицами, их допустившими, так и руководителями, находящимися на различных уровнях управления, в процессе осуществления функций контроля. Ко второй группе относятся условия, не зависящие от воли лица, исполняющего профессиональные обязанности, когда оно с учётом всех особенностей ситуации не могло предвидеть возможностей

возникновения виктимогенной ситуации, однако она создана в результате спонтанно принятого решения правонарушителем в целях реализации попытки избежать привлечения к установленной ответственности или иной незаконной цели.

В профессиональной виктимности должностных лиц правоохранительных органов выделяются личностный компонент (психологические особенности), антропологический (физиологические особенности), социально-ролевой (место потерпевшего в социуме), атрибутивный (наличие у жертвы определённых предметов, например, оружия, необходимого преступнику для совершения правонарушений) [2, с. 91–94]. Четыре структурных элемента включают в себя две основные характеристики жертвы. Психологические и физиологические особенности входят в структуру личностных особенностей, а социально-ролевые и атрибутивные являются структурными элементами профессии.

Некоторые виктимогенные особенности профессиональной деятельности проявляются в процессе классификации преступлений против порядка управления, связанных с противодействием субъектам управленческой деятельности. Н. К. Рудый выделяет сферы деятельности, в которых осуществляется преступное воспрепятствование исполнению полномочий по: охране общественного порядка, пресечению общественно опасного деяния, профилактике правонарушений и семейных конфликтов, а также воспрепятствованию деятельности сотрудников со стороны родственников и других близких лиц правонарушителей, в ходе проверок сообщений о правонарушениях и преступлениях, при проверке соблюдения миграционного законодательства, документов, удостоверяющих личность [3, с. 173–176]. Таким образом, в процессе классификации преступлений выявляются наиболее виктимогенные сферы профессиональной деятельности представителей власти. Схожую классификацию предлагает Е. Л. Таможник⁶. Выделяются виды профессиональных обязанностей, которые явились причиной посягательства⁷. И сама деятельность, а особенно её часть, связанная с противодействием осуществлению государственно-властных полномочий, характеризует профессиональную виктимность.

Системное изучение потерпевших от преступлений позволяет классифицировать их по различным основаниям. Д. В. Ривман в рамках социально-психологической характеристики жертв совершения преступлений выделяет такие типы потерпевших, как агрессивный, активный, инициативный, пассивный, некритичный, нейтральный. Каждый из типов объединяет в себе несколько видов. Агрессивный тип включает агрессивных насильников и агрессив-

⁴ Чумичкин А. С. Виктимологическая профилактика преступлений, совершаемых в отношении сотрудников органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Чумичкин Александр Сергеевич. – Москва, 2019. – С. 15.

⁵ О полиции : Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 11 июня 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 900.

⁶ Таможник Е. Л. Преступления против законной деятельности представителей власти: уголовно-правовой и криминологический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Таможник Евгений Леонтьевич. – Тамбов, 2006. – С. 110–111.

⁷ Дроздов Д. Е. Указ. соч. – С. 16.

ных провокаторов. Активный тип объединяет сознательного и неосторожного подстрекателя, сознательного и неосторожного самопричинителя. Инициативный тип состоит из инициативного подтипа по должности, общественному положению и чисто инициативного. Пассивный тип представлен объективно способными и неспособными к сопротивлению. Некритичные и нейтральные типы жертв подтипов не содержат [4, с. 62–68].

Применительно к должностным лицам правоохранительных органов агрессивными потерпевшими будут являться лица, умышленно провоцирующие конфликтные ситуации в процессе исполнения должностных обязанностей. При этом их поведение носит правомерный характер, а возможные противоправные ответные действия часто являются целью [5]. Активный тип характеризуется неосмотрительным поведением, которое создаёт условия для совершения посяательства без провокации. Поведение лица провоцирует преступника, однако жертва этого не осознает. К инициативным потерпевшим относится большинство. Социально полезное поведение, необходимость действовать в ситуациях с риском для жизни и здоровья наиболее полно отражают профессиональную виктимность. Так называемая инициатива по должности. Особенности пассивного потерпевшего проявляются в неспособности оказать противодействие преступнику в силу физической слабости, несовершенства нормативного правового регулирования либо правоприменительной практики, оснований и порядка применения физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия и иным причинам. Некритичные потерпевшие встречаются часто. Это обусловлено неосмотрительностью, неправильной оценкой конфликтной ситуации, переоценкой своих сил, способностей, которые возникают в результате длительного исполнения профессиональных обязанностей в ситуациях, связанных с риском для жизни и здоровья, профессионального выгорания и т. д. Нейтральный тип очень редко встречается среди должностных лиц правоохранительных органов, поскольку правоохранительная деятельность подразумевает активный характер реализации государственно-властных полномочий, однако в полной мере и не исключается, поскольку может проявляться в самоустранении от исполнения профессиональных обязанностей. Предложенную классификацию потерпевших, на наш взгляд, дополняет смешанный вид, включающий два или более видов в различных сочетаниях (агрессивно-некритичный, инициативно-некритичный). Выделение активного и инициативного видов потерпевших требует конкретизации и дополнительной аргументации, поскольку частично совпадают. Инициативная деятельность зачастую реализуется в активных формах. Однако активный характер исполнения профессиональных обязанностей не всегда является инициативным, поскольку обязанность по правоохране может возникать из незаконных действий правонарушителя.

Эффективная профилактика виктимного поведения должностных лиц правоохранительных органов невозможна без «формирования особого системного подхода к обеспечению социально-правового контроля над преступностью и её различными формами» [6, с. 128]. В рамках организации социальной среды – это повышение престижа и авторитета правоохранительной службы, социальной защищённости должностных лиц, в том числе с использованием СМИ. Информирование содержит профилактический потенциал в случае его своевременности и комплексности. Его особенность проявляется в воздействии на сознание должностных лиц правоохранительных органов в целях снижения уровня виктимности. Активное обучение социально важным навыкам не нашло своего применения в деятельности правоохранительных органов, однако могло быть реализовано в форме групповых тренингов с наиболее виктимной категорией должностных лиц правоохранительных органов. Организация деятельности, альтернативной виктимному поведению, включает в себя систему, основной целью которой является повышение профессионального мастерства. Это не только повышение правовой грамотности, но и формирование навыков тактического мышления. Организация здорового образа жизни и активация личных ресурсов, выступая связующими элементами развития личности, в разрезе профессиональной деятельности, связанной с противодействием преступности, дополняет другие формы, создавая условия для их реализации. Минимизация негативных последствий виктимного поведения проявляется в целенаправленной работе с лицами, у которых сформировалось такое устойчивое профессиональное поведение в силу особенностей исполнения профессиональных обязанностей, связанных с риском, в том числе путём проведения инструктажей перед заступлением на службу.

Использование программно-целевого метода, обоснованность и эффективность которого доказаны отечественными и зарубежными учёными, отвечает современным требованиям организации деятельности по профилактике виктимного поведения [7, с. 81–85]. Реализация таких профилактических программ направлена на минимизацию виктимности должностных лиц правоохранительных органов с использованием потенциала правоохранительных органов.

С учётом взаимосвязанных и взаимообусловленных особенностей профессиональной деятельности, специфики личностных характеристик к формам профилактики виктимного поведения относятся:

- формирование социальной среды на основе детерминирующего воздействия окружающей обстановки и общественного мнения о роли должностных лиц правоохранительных органов в системе органов государственного управления;

- создание условий для выбора альтернативных виктимному форм поведения путём развития навыков по разрешению конфликтов,

выбору оптимальных тактических приёмов пресечения преступлений и правонарушений;

– информирование о виктимогенных видах профессиональной деятельности;

– создание условий для профессионального и личностного роста путём нормирования труда, повышения социальной и правовой защищённости, предотвращения профессиональной деформации;

– профилактика виктимного поведения, в том числе повторного, в процессе управленческой деятельности руководителями правоохранительных органов;

– совершенствование технической оснащённости правоохранительных органов, в чьи обязанности входит противодействие преступности.

Список литературы

1. Сафронов А. Д. Безопасность сотрудников органов внутренних дел: профессионализм и виктимность // Труды Академии управления МВД России. – 2016. – № 4 (40). – С. 68–71.
2. Головкин Р. Б., Кулакова А. А. Правовые и профессиональные проблемы виктимности сотрудников УИС // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. – № 4 (32). – С. 91–94.
3. Рудый Н. К. Преступления против порядка управления, посягающие на служебную деятельность и личность представителей власти: сравнительный анализ законодательства России и стран СНГ : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.08.00 / Рудый Наталья Кирилловна. – Москва, 2009. С. 173–176.
4. Ривман Д. В. Криминальная виктимология. – Санкт-Петербург: Питер, 2002. – 304 с.
5. Иванцов С. В., Узембаева Г. И. Противодействие преступлениям экстремистской направленности, совершаемым с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовые и криминологические аспекты: монография. – Москва: Юрлитинформ, 2018. – 144 с.
6. Иванцов С. В. Теоретические предпосылки развития системного подхода в криминологических исследованиях преступности // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 11. – С. 125–128.
7. Дроздов Д. Е., Иванцов С. В. Особенности предупреждения преступлений, связанных с применением насилия в отношении должностного лица правоохранительного органа // Вестник экономической безопасности. – 2021, – № 3. – С. 81–85.
8. Варчук Т. В., Вишневецкий К. В. Виктимология. – Москва: Юнити-Дана, 2017. – 191 с.
9. Вишневецкий К. В., Кашкаров А. А. Виктимологическая характеристика коррумпирования должностного лица органа публичной власти // Философия права. – 2021. – № 3. – С. 68–71.
10. Вишневецкий К. В., Козаев Н. Ш. Виктимологическая безопасность сотрудников полиции: теоретические и практические аспекты // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2019. – № 8. – С. 96–97.

References

1. Safronov A. D. Bezopasnost' sotrudnikov organov vnutrennikh del: professionalizm i viktimnost' // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. – 2016. – № 4 (40). – S. 68–71.
2. Golovkin R. B., Kulakova A. A. Pravovyye i professional'nyye problemy viktimnosti sotrudnikov UIS // Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. – 2015. – № 4 (32). – S. 91–94.
3. Rudyy N. K. Prestupleniya protiv poryadka upravleniya, posyagayushchiye na sluzhebnyuyu deyatel'nost' i lichnost' predstaviteley vlasti: sravnitel'nyy analiz zakonodatel'stva Rossii i stran SNG : dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.08.00 / Rudyy Natal'ya Kirillovna. – Moskva, 2009. S. 173–176.
4. Rivman D. V. Kriminal'naya viktinologiya. – Sankt-Peterburg: Piter, 2002. – 304 s.
5. Ivantsov S. V., Uzembayeva G. I. Protivodeystviye prestupleniyam ekstremistskoy napravlenosti, sovershayemym s ispol'zovaniyem sredstv massovoy informatsii ili informatsionno-telekommunikatsionnykh setey: ugovolno-pravovyye i kriminologicheskiye aspekty: monografiya. – Moskva: Yurlitinform, 2018. – 144 s.
6. Ivantsov S. V. Teoreticheskiye predposylki razvitiya sistemnogo podkhoda v kriminologicheskikh issledovaniyakh prestupnosti // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2014. – № 11. – S. 125–128.
7. Drozdov D. Ye., Ivantsov S. V. Osobennosti preduprezhdeniya prestupleniy, svyazannykh s primeneniym nasiliya v otnoshenii dolzhnostnogo litsa pravookhranitel'nogo organa // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. – 2021, – № 3. – S. 81–85.
8. Varchuk T. V., Vishnevetskiy K. V. Viktinologiya. – Moskva: Yuniti-Dana, 2017. – 191 s.
9. Vishnevetskiy K. V., Kashkarov A. A. Viktinologicheskaya kharakteristika korumpirovaniya dolzhnostnogo litsa organa publichnoy vlasti // Filosofiya prava. – 2021. – № 3. – S. 68–71.
10. Vishnevetskiy K. V., Kozayev N. Sh. Viktinologicheskaya bezopasnost' sotrudnikov politzii: teoreticheskiye i prakticheskiye aspekty // Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskkiye i obshchestvennyye nauki. – 2019. – № 8. – S. 96–97.

Статья поступила в редакцию 24.12.2021; одобрена после рецензирования 20.01.2022; принята к публикации 08.02.2022.

The article was submitted December 24, 2021; approved after reviewing January 20, 2022; accepted for publication February 8, 2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Научная статья
УДК 343.969
doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-111-120

Владислав Владимирович Колбасин

адъюнкт

<https://orcid.org/0000-0002-2087-7374>, Kolbasin_vlad@mail.ru

*Краснодарский университет МВД России
Российская Федерация, 350051, Краснодар, Ярославская, д. 128*

Использование криминологической типологии личности преступника-педофила в деятельности по предупреждению сексуального насилия в отношении малолетних и несовершеннолетних

Аннотация: В рамках статьи рассмотрены актуальные вопросы использования криминологической типологии личности преступника-педофила в деятельности уполномоченных органов по предупреждению сексуального насилия в отношении малолетних и несовершеннолетних. Автором на основе изученных материалов уголовных дел (протоколов допроса потерпевших, фото- и видеоматериалов, криминологических справок, статистических данных и др.), а также анализа результатов научно-практических исследований в сфере противодействия насильственной сексуальной преступности в отношении малолетних и несовершеннолетних, обосновывается особая роль и значение внедрения в деятельность уполномоченных органов, направленную на борьбу с противоправными деяниями, посягающими на половую неприкосновенность детей, специальных криминологических знаний, касающихся специфики детерминации отдельных видов преступлений, разработки криминологических методик предупреждения различных видов преступного поведения, составления криминологического портрета личности преступника, изучения особенностей жертвы преступления. Кроме того, в статье обращается внимание на ряд ошибок в деятельности правоохранительных органов, допускаемых в том числе сотрудниками полиции в процессе расследования противоправных деяний, посягающих на половую неприкосновенность малолетних и несовершеннолетних. Внесены предложения по оптимизации и модернизации деятельности указанных силовых структур, направленные на существенное повышение эффективности их профессиональной деятельности.

Ключевые слова: половая неприкосновенность несовершеннолетних, изнасилование, педофилия, малолетний, правовая регламентация, сексуальное насилие

Для цитирования: Колбасин В. В. Использование криминологической типологии личности преступника-педофила в деятельности по предупреждению сексуального насилия в отношении малолетних и несовершеннолетних // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 1 (93). – С. 111–120; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-111-120.

Vladislav V. Kolbasin

Graduate

<https://orcid.org/0000-0002-2087-7374>, Kolbasin_vlad@mail.ru

*Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
128, Yaroslavskaia str., Krasnodar, 350051, Russian Federation*

The use of criminological classification of the pedophiles to prevent sex crimes against minors

Abstract: The article deals with the topical issues of using the criminological classification of the pedophiles in order to prevent sexual violence toward minors. Basing on the analyzed criminal cases (interviews with victims, photo- and video materials, criminological background materials, criminal statistics) as well as academic research in that field the author claims a special role and importance of introducing special criminological knowledge into the work of police. Namely: the specifics of the determination of certain types of crimes, the development of criminological methods of preventing various types of criminal behavior, drawing up a criminological profile of a criminal, studying the characteristics of a crime victim. On the top of this the author notes certain errors in the enforcement practices and offers suggestions for enhancement and improvement of the police work in the field of prevention of sex crimes against minors.

Keywords: sexual inviolability of minors, rape, sexual freedom, pedophilia, minors, legal regulation, sexual violence

For citation: Kolbasin V. V. The use of criminological classification of the pedophiles to prevent sex crimes against minors // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 1 (93). – P. 111–120; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-111-120.

Обсуждение вопросов повышения эффективности деятельности субъектов предупреждения преступлений, посягающих на половую неприкосновенность малолетних и несовершеннолетних в современном обществе, позволяет выявить ряд аспектов этой многогранной проблемы. Многие из этих вопросов, на наш взгляд, до настоящего времени не получили должного освещения. В частности, стоит уделить особое внимание перспективам использования правоохранительными органами криминологического портрета личности преступника-педофила в структуре противодействия исследуемой нами категории противоправных деяний: ведь углубленное криминологическое знание в указанной сфере может послужить основанием для многочисленных практических предложений и рекомендаций, которые могут быть использованы в индивидуальной профилактике преступлений и для исправления преступников [1, с. 109].

Необходимо отметить, что, несмотря на значительное количество исследований, посвященных криминологическому анализу личности преступника-педофила, в настоящее время не существует единого мнения относительно специфических характеристик лиц, совершивших преступления против половой неприкосновенности личности несовершеннолетнего или малолетнего лица (далее – преступник-педофил¹). В первую очередь, это связано с широким спектром возможных преступных

деяний, совершаемых ими. Кроме того, правоохранительная практика свидетельствует о разнообразии характеристик структуры личности преступников, совершающих идентичные или однородные преступления. Сексуальное насилие в отношении малолетних и несовершеннолетних совершается лицами разных социальных групп, возраста, образования, материальной обеспеченности и т. д.

Анализ материалов уголовных дел и результатов научно-практических исследований в интересующей нас сфере указывает на преобладание в характеристиках индивида общих признаков, свойственных большинству граждан, совершивших посягательство на половую неприкосновенность малолетних и (или) несовершеннолетних. По нашему мнению, подобная практика приводит к отсутствию должного внимания к особым, индивидуализирующим конкретную личность признакам и отрицательно сказывается на результативности профилактического воздействия. Мы можем рассматривать данное обстоятельство как один из факторов, обуславливающих устойчивый рост числа насильственных преступлений сексуального характера, жертвами которых становятся малолетние и несовершеннолетние². Существенно повышается вероятность совершения лицом,

возраста), послужившем причиной совершения им уголовно наказуемого деяния (Колбасин В. В. Педофилия как юридический термин (криминальная педофилия) // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20. – № 2. – С. 169–174).

² Количество преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности россиян, не достигших совершеннолетия, выросло на 42% за последние пять лет. В 2018 году было зарегистрировано более 14 тыс. случаев изнасилований, пострадали 11 тысяч детей (Баландина Александра, Лактионова Мария. Педофилы растут своих

¹ Преступник-педофил – лицо, достигшее возраста 16 лет, на протяжении не менее 6 месяцев страдающее не исключая вменяемости расстройством сексуального предпочтения, выраженным в устойчивом доминирующем сексуальном влечении к детям (мальчикам, девочкам или к тем и другим) препубертатного и раннего пубертатного

страдающим интересующей нас формой сексуальной девиации, повторных преступлений, или их серии.

Предупредить преступление или хотя бы уменьшить количество жертв мог бы грамотно составленный криминологический портрет личности преступника-педофила. О важности изучения типологии личности преступника в процессе исследования криминально-активной части населения высказывался, например, Г. А. Аванесов: «Для того чтобы более глубоко изучить личность преступника и её структуру, надо познать типичное в такой личности»³.

Опираясь на результаты эмпирических исследований, мы можем выявить отличительные черты структуры личности преступника, точно описывающие большую часть граждан, совершающих насильственные посягательства на половую неприкосновенность малолетних или несовершеннолетних. В частности было установлено, что преступники-педофилы характеризуются как лица с низким образовательным и культурным уровнем [2, с. 125], неуверенные в себе, испытывающие серьёзные проблемы с ощущением своей мужественности, зачастую отрицательно относящиеся к своим отцам (отчимам), но при этом имеющие достаточно хороший контакт с матерями. Они проявляют чрезмерный интерес к сексу, отличаются ранней сексуальной инициацией [3, с. 248]. В отношениях с противоположным полом они испытывают страх и дискомфорт, демонстрируют робость и стеснение, обычно вызванные отсутствием сексуального опыта. Если же таковой присутствует, то ассоциируется с неудачей или унижением своего мужского достоинства. В данном случае выбор в качестве полового партнёра несовершеннолетнего или малолетнего может служить своеобразной защитной реакцией (следование по пути наименьшего сопротивления; выбор того, чего меньше боишься)⁴.

В практике расследования и раскрытия преступлений, посягающих на половую неприкосновенность малолетних и несовершеннолетних, а также розыска лиц, их совершивших, на наш взгляд, немаловажную роль играют такие индивидуализирующие признаки личности, как: возраст преступника и жертвы, половые предпочтения, организованность и неорганизованность в действиях, способы достижения преступного результата, степень и уровень образованности и др. Всё это помогает сотрудникам правоохранительных органов значительно сузить круг подозреваемых в совершении конкретного преступления.

Исходя из вышесказанного, мы предлагаем выделить следующие устойчивые типовые

жертв: как дети становятся жертвами насильников [Электронный ресурс] // Сайт «Газета. ru». – 2019. – 16 окт. – URL: www.gazeta.ru/social/2019/10/16/12758942.shtml (дата обращения: 25.08.2021).

³ Аванесов Г. А. Криминология : учебник / 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Академии МВД СССР, 1984. – 500 с. – С. 262.

⁴ Лев-Старович З. Нетипичный секс. – Москва: Советский спорт, 1995. – 368 с. – С. 248-251.

группы исследуемой нами категории криминально-активных граждан, совершивших посягательство на половую неприкосновенность малолетних и несовершеннолетних.

1. Истинный (фиксированный) педофил – лицо, страдающее половым влечением к детям допубертатного и раннего пубертатного возраста. Рассматриваемая категория половых преступников, как правило, предпочитает совершать противоправные деяния исследуемой нами категории в отношении лиц, схожих между собой по внешним антропометрическим данным. Кроме того, истинные педофилы не склонны применять насилие к своей жертве: такое бывает достаточно редко и только на первоначальном этапе совершаемого противоправного деяния. Преступник пытается вступить с жертвой в диалог (узнать, как зовут, сколько лет, нравится ли ему (ей) то, что он с ним (ней) делает). Особого внимания заслуживает характеристика объективной стороны совершенного деяния, а именно – форма проявления полового насилия. Так, в большинстве рассмотренных нами случаев истинные педофилы помимо полового сношения с интересующей нас категорией потерпевших совершали также и иные действия сексуального характера (например, двусторонние оральные-генитальные ласки, онанизм). Немаловажным, на наш взгляд, является и желание преступника целовать жертву, прикасаться к телу, в том числе в интимных местах.

Истинных педофилов можно разделить на две группы:

а) криминально-активные педофилы – лица, для удовлетворения своих сексуальных потребностей, выраженных в половом влечении к детям допубертатного и раннего пубертатного периода, совершившие посягательство на половую неприкосновенность вышеуказанной категории граждан;

б) латентные педофилы – лица, реализующие свои сексуальные потребности путём просмотра порноматериалов или общения в социальных сетях и в реальной жизни с детьми, не связанного с действиями сексуального характера.

2. Индивиды с замещающим педосексуальным влечением – лица, совершающие преступление, посягающее на половую неприкосновенность малолетнего и несовершеннолетнего из-за постоянно возникающих фрустраций по причине невозможности вступления в половые отношения со взрослыми партнёрами (сверстниками). Лишённые возможности социально приемлемым способом удовлетворить свои сексуальные потребности, представители указанной категории преступников нередко прибегают к насилию [4, с. 28] как с целью побороть сопротивление жертвы, так и для достижения полового удовлетворения. Совершённые гражданами с замещающим педосексуальным влечением половые преступления зачастую отличаются доминирующим воздействием со стороны преступника (приказной тон, взятие силой, семяизвержение в ротовую полость или на лицо), желание в какой-то мере унижить жертву, возвыситься над ней.

3. Ситуативный педофил (лжепедофил) – лицо, совершившее насильственное половое преступление в отношении малолетнего или несовершеннолетнего, не имеющее преобладающего полового влечения к детям чаще всего по причине утери возрастной дифференциации объекта, наступившей под влиянием интоксикационных воздействий (наркотического или алкогольного опьянения) или из хулиганских побуждений и др.

4. Лица, страдающие несколькими психосексуальными расстройствами с преобладающим педосексуальным влечением (садисты, убийцы, насильники), а также лица с нарушением иерархической ориентации (подчинение). Данная категория преступников-педофилов составляет относительно небольшую часть осуждённых за посягательство на половую неприкосновенность малолетних и несовершеннолетних. Зачастую представители рассматриваемой категории применяют насилие как таковое для достижения сексуального удовлетворения (реализации своих сексуальных фантазий): отрезают части тела, душат, связывают, причиняют телесные повреждения и подвергают иным истязаниям. Перечисленные действия демонстрируют превосходство насильника над жертвой (особенно в отношении детей)⁵. Встречались случаи надругательства над телами уже скончавшихся жертв. Большинство лиц, совершивших подобного рода деяния, как правило, страдают иными психическими расстройствами (например, шизофренией), имеют отклонения, связанные со структурными нарушениями коры головного мозга. Результатом подобного рода отклонений, по мнению Ю. М. Антоняна, может стать так называемое «впечатывание в психику», при котором однократное, но достаточно сильное и эмоциональное событие (стимулятор) может вызвать устойчивое изменение в нервных сетях индивида, фиксация которого в дальнейшем приводит к формированию сексуальных отклонений [5, с. 43]. Яркими представителями данной категории педофилов можно считать маньяков-насильников А. Чикатило и А. Сливко.

В зависимости от возрастных характеристик, во многом влияющих на особенности поведения (характер применения насилия, уровень жестокости, совершение противоправного деяния исследуемой нами категории в группе или в одиночку, выбором жертвы и т. д.) [6, с. 180–181], можно выделить три основные типовые группы личности преступников-педофилов:

1) молодые педофилы (от 16 лет до 25 лет) – отличаются импульсивностью и гиперактивностью, зачастую бисексуальны и склонны к раннему употреблению алкогольных, наркотических и психотропных веществ. Длительное время являются членами малообразованных асоциальных групп. При этом стоит отметить,

что в большинстве случаев при совершении посягательств данная категория педофилов реализует свои преступные намерения, прибегая к угрозам или непосредственному применению насилия;

2) педофилы средних лет (от 25 лет до 45 лет), как правило, состоящие (или ранее состоявшие) в браке, – фрустрированные граждане, обычно не прибегающие к насилию (в любой его форме). Они предпочитают привлекать внимание потенциальной жертвы, указав на положительные стороны своего возраста (поделиться деньгами, прокатить на автомобиле, угостить алкоголем или сигаретами, накормить, предоставить возможность поиграть в компьютерные игры, дать мобильный телефон, завлечь интересной историей). В случаях применения насилия направляют его на подавление сопротивления жертвы, как правило, на начальных стадиях совершения преступления. Цель непосредственного причинения вреда здоровью не ставится. Педофилами, отнесёнными нами к молодым людям или лицам среднего возраста, чаще всего совершаются действия сексуального характера, выраженные в форме демонстрации порнографических материалов, своих половых органов, мастурбации (как взаимной, так и односторонней), петтинга, орально-генитальных контактов и т. д.;

3) педофилы зрелого и пожилого возраста (от 45 лет и старше) – как правило, одинокие лица, находящиеся в возрасте биологического увядания, характеризующегося свойственными данной возрастной группе заболеваниями (в том числе отклонениями, связанными с поражением головного мозга), что может стать причиной совершения полового преступления, отличающегося садистскими наклонностями и извращёнными формами⁶.

В зависимости от половых предпочтений в выборе жертвы можно выделить дифференцированных (гомосексуальных, гетеросексуальных) и недифференцированных (бисексуальных) педофилов [7].

Рассматривая в качестве основания для классификации возрастные характеристики жертв сексуального насилия, специалисты предлагают разделение лиц, страдающих интересующим нас расстройством, на следующие группы:

1) инфантофилы – лица, страдающие половым влечением к детям младенческого возраста. Одной из форм проявления данного сексуально-девиантного отклонения можно считать и непиофилию – сексуальное влечение к младенцам в пеленках;

2) педофилы – лица, объектом полового влечения которых выступают дети в возрасте от младенчества до пубертата;

3) эфебофилы – лица, испытывающие половое влечение к подросткам [5, с. 11].

⁵ Набойщиков Н. П., Гурбанов А. Г. Личность преступника, совершившего сексуальные преступления в отношении несовершеннолетних // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – № 3 (31). – С. 145–149.

⁶ Дерягин Г. Б. Половые преступления: расследование и судебно-медицинская экспертиза : учебное пособие для медицинских и юридических факультетов. – Москва: МосУ МВД России; Щит-М, 2011. – С. 282.

В зависимости от способов достижения преступного результата можно выделить следующие типы личности преступников-педофилов.

1. Педофилы-«пауки» (педофилы-охотники) – категория лиц, страдающих интересующей нас формой половой девиации, осуществляющих свою преступную деятельность на протяжении долгого времени. Как правило, они предпочитают жить в одиночестве, «охотясь» на детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, чувствующих себя обделёнными любовью и вниманием. Подобно пауку, плетущему сеть, такой педофил пытается завладеть расположением ребёнка, сказав ласковое слово, угостив сладостями. Он старается завязать дружеские отношения, выслушивая о проблемах потенциальной жертвы, приглашая её на прогулку, в некоторых случаях становясь для ребёнка «вторым папой» или «старшим братом». Попадая в эту ловушку, ребенок уже не может вырваться из цепких лап «паука», что в дальнейшем приводит к его вовлечению в сексуальные отношения, ведь всё происходящее для несовершеннолетнего или малолетнего лица не является чем-то аморальным и асоциальным (в силу его интеллектуально-возрастного развития), так как его половой партнёр «заботится» о нём и «любит» его. В качестве жертв преступников-педофилов данного типа выступают дети в возрасте от 8 до 12 лет, и как только ребенок переступает этот возрастной рубеж, он становится неинтересен злоумышленнику, и педофил снова выходит на «охоту»⁷.

Демонстрируя сущность ранее рассмотренного типа преступников-педофилов, следует обратить внимание на преступную деятельность 53-летнего Сергея Мартынова. Ранее дважды судимый (в 1997 г. за развратные действия и в 2002 г. за изнасилование несовершеннолетней) и условно-досрочно освобожденный в 2003 году Мартынов и не думал прекращать свою преступную деятельность. Долгое время педофил различными способами заманивал детей к себе в квартиру: баловал сладостями, приглашал в гости развлекаться компьютерными играми, обучал игре на гитаре и т.д. Мартынов познакомился с мамой одной из жертв, тесно общался и даже впоследствии стал крестным отцом ребенка. 6-летняя Оля не только часто ночевала у крестного, но и по его просьбе приводила к нему других незнакомых детей. Педофил действовал по отработанному годами плану: поил своих жертв чаем, в который подмешивал наркотические вещества, способствующие расслаблению мышц и быстрому засыпанию. Многие дети и не подозревали, что во сне их насиловали. Все происходящее педофил снимал на камеру. Некоторые ребята, попав в «сети» педофила-«паука», под воздействием шантажа осознанно делали то, что требовал от них извращенец. Угрожая распространением ранее снятой информации порнографического характера среди

сверстников, Мартынов заставлял детей совкупляться друг с другом и с ним, снимая происходящее на камеру, накапливая «компромат» для повышения уровня зависимости жертв. В 2009 году за совращение более 20 детей Сергей Мартынов был осужден к 13 годам колонии строгого режима⁸.

2. Педофилы-«романтики» (инфантильные педофилы) – лица, для достижения преступного умысла не использующие насилие как таковое. «Романтики» пытаются привлечь внимание жертвы различными способами, общаясь в интернете или в реальном мире. Они дарят детям подарки, поддерживают в трудной жизненной ситуации, нередко становятся друзьями их родителей. Педофилы-«романтики», как правило, однолюбы, предпочитающие не прибегать к смене объекта своего полового влечения. Лица, относящиеся к данной категории педофилов, искренне верят в естественность происходящего, нередко признаются в платонической любви к несовершеннолетнему или малолетнему, выступая при этом за легализацию подобного рода отношений, заявляют, что борьба с педофилией оскорбляет чувства и ущемляет их права. Например, Алексей Кузьмин (ярый пропагандист педофилии) в личном сообщении к руководителю интернет-ресурса «Сдай педофила» Анне Левченко, описал свои отношения с малолетней девочкой как «лучшую в мире дружбу» или «безраздельную любовь», призывая её прекратить деятельность по борьбе с «тем, что вы называете насилием, хотя оно таковым не является»⁹.

3. Педофилы-«хищники» (агрессивные педофилы) – категория лиц, при совершении посягательства на половую неприкосновенность малолетних и несовершеннолетних, прибегающих к насилию или угрозам его применения. Стоит отметить, что насилие к жертве в данном случае применяется педофилами как для преодоления сопротивления, так и для непосредственного удовлетворения своих половых потребностей садистского характера. Противоправные деяния исследуемой нами категории совершаются педофилами-«хищниками» как спонтанно (при резком возникновении полового влечения к жертве, вызванного воздействием на сознание индивида определенного стимулятора), так и спланированно.

Стоит отметить, что в большинстве случаев к насилию прибегают лица с упомянутыми нами ранее отклонениями, а также воспитывавшиеся в детерминирующих данную категорию преступлений условиях, и лица, в отношении которых в раннем возрасте применялось насилие, в том числе и сексуальное. Посягательство на исследуемый нами объект чаще всего совершаются дан-

⁷ Аккерман Д. Любовь в истории / пер. с англ. Е. Бабаевой; Ларю Дж. Секс в Библии / пер. с англ. А. Блейз. – Москва: Крон-пресс, 1995. – С. 377.

⁸ Бойко Олег. Педофила из Красногорска родители его жертв считали исключительно порядочным [Электронный ресурс] // Информационный портал «Красная Горка». – URL: <https://krasnogorsk.info/inside/modules/news/article.php?storyid=1838>.

⁹ Информационный портал «Всероссийское движение «Сдай педофила». [Электронный ресурс]. – URL: https://vk.com/sdai_pedofila (дата обращения: 01.09.2021).

ной категорией педофилов из желания получить новые острые сексуальные переживания или «обновить» прежние¹⁰.

Выделяют ряд основных психологических качеств, свойственных большинству педофилов-насильников: неприятие социальных норм и требований, импульсивность, повышенный уровень тревожности, плохую приспособленность к жизни, отчуждение и дезадаптацию, неуверенность в себе и ощущение ущербности, вызванные неудачными отношениями со сверстниками противоположного пола, снижение возможности сопереживания и слабое самосознание¹¹. М. Cohen выделяет несколько типов педофилов-агрессоров:

а) компульсивные педофилы, для которых сексуальное насилие выступает защитной реакцией на собственную неадекватность, служит для восстановления ощущения компетентности или авторитета;

б) импульсивные педофилы, совершающие насильственное противоправное деяние, посягающее на половую неприкосновенность малолетних и несовершеннолетних, при благоприятном стечении обстоятельств. Как правило, данные преступления не сопровождаются другими преступными действиями;

в) педофилы с недифференцированной тенденцией агрессивных и сексуальных девиаций. По мнению ряда авторов, данная категория сексуальных насильников с большей вероятностью совершает убийство объекта совершенного посягательства;

г) индивиды, страдающие исследуемой нами формой парафилии, применяющие насилие в состоянии эмоционального возбуждения с целью унижения жертвы или причинения ей страданий, не получают от этого сексуального удовлетворения, реализуют другие агрессивные тенденции¹².

Говоря о степени образованности преступника-педофила, мы можем выделить:

– образованных (зачастую это лица, имеющие высшее или среднее специальное образование, совершающие преступление с достаточной осторожностью, но не придающие особого внимания незначительным, на их взгляд, деталям, которые могут способствовать раскрытию совершенного им преступления);

– слабообразованных (это граждане, не пытающиеся скрыть содеянное, часто совершающие преступные деяния спонтанно, оставляя на месте преступления множество следов. С большой вероятностью можно говорить о наличии у данной категории лиц различного рода патологий, связанных с развитием головного мозга, а также алкогольной или наркотической зависимости);

– высокообразованных (то есть лиц, обладающих специальными знаниями в определённой сфере, например, в юриспруденции, что может быть выявлено при тщательном сокрытии следов преступного деяния).

Ярким представителем ранее указанной категории педофилов является Сергей Ткач – серийный убийца, насильник и педофил, известный во времена существования СССР по местам совершения преступлений как «Павлоградский маньяк» и «Пологовский маньяк». Со слов С. Ткача, в период с 1980 по 2005 годы он совершил 144 эпизода сексуального насилия и убийства лиц женского пола в возрасте от 8 до 20 лет. При этом скрываться от следствия такой длительный период времени С. Ткачу помогали знания, полученные им за время службы в органах внутренних дел. Например, для исключения возможности оставления генетических следов при оказании сопротивления жертвой (остатки кожи под ногтями, кровь, волосы и т. д.), маньяк в большинстве случаев душил девушек до изнасилования. Обязательно пользовался презервативом. Все вещи жертв, на которых могли остаться отпечатки пальцев или иные следы, Ткач забирал с собой. Большую часть противоправных деяний исследуемой нами категории он совершал в непосредственной близости от автомобильных и железных дорог, надеясь, что подозрения в совершенных им преступлениях падут на дальних бойщиков или приезжих. Место происшествия покидал на велосипеде или уходил по железнодорожным шпалам, обработанным креозотом, – знал, что собаки в этом случае не возьмут след¹³.

Самостоятельным основанием для осуществления классификации личности педофила является модель организованности преступника. Она позволяет с наибольшей вероятностью установить, имеется ли у исследуемого лица педосексуальное расстройство полового предпочтения, а также определить примерное количество совершенных им противоправных деяний исследуемой нами категории.

Неорганизованные педофилы совершают посягательство на половую неприкосновенность малолетних и несовершеннолетних без особой подготовки, часто спонтанно и, как правило, впервые (случайное место, незапланированность способов и орудий преступления, которые, как правило, остаются на месте происшествия). Они характеризуются слабым или отсутствующим самоконтролем, зачастую страдают параноидной шизофренией, слабоумием (приобретенным вследствие травм и интоксикаций) и другими расстройствами. Данная категория преступников-педофилов не отличается особой осторожностью при совершении противоправных деяний, что выражается в оставлении на месте происшествия биологических и иных следов, а также в отсутствии банальных попыток скрыть свою личность (надеть шарф, очки, кепку, совершать преступления в темное

¹⁰ Педофилия. Четыре психотипа. [Электронный ресурс]. Информационный портал «СарБК новости». – URL: <https://news.sarbc.ru/main/2008/05/07/7961.html> (дата обращения: 01.09.2021)

¹¹ Антонян Ю. М. Криминология : учебник для бакалавров / 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2013. – С. 366–367.

¹² Левченко А. О. Психология педофилов [Электронный ресурс]. Мониторинговый центр «Сдай педофила!» по выявлению опасного и запрещенного законодательством контента. – URL: <https://www.pedofilov.net/analytics/psychologiya-pedofilov/> (дата обращения 01.09.2021).

¹³ Семушкина Анастасия. Сергей Ткач. Пологовский маньяк [Электронный ресурс] // Информационный портал 24 СМИ. – URL: <https://24smi.org/celebrity/164176-sergei-tkach.html> (дата обращения 01.09.2021).

время суток и т. д.) [8]. Для неорганизованных педофилов характерно совершение преступления вблизи от своего постоянного места жительства или работы. Как правило, это лица с низким уровнем интеллекта и образования, злоупотребляющие алкоголем и являющиеся социально неблагополучными [9, с. 174].

Организованные педофилы – лица, тщательно планирующие будущее противоправное деяние, как правило, использующие один и тот же алгоритм действий, строго следуя плану. Индивиды, относящиеся к вышеуказанной категории педофилов, в большинстве рассмотренных нами случаев неоднократно совершали посягательства на половую неприкосновенность малолетних и несовершеннолетних, иногда постепенно «эволюционируя» из «неорганизованного» педофила в «организованного» посредством накопления криминального опыта. Организованные педофилы тщательно подходят к выбору жертв насилия и места совершения преступления (долгое время следят за объектом посягательства, изучая маршрут его передвижения (место жительства, увлечения и т. д.), круг знакомых, состав семьи и т. д.), применяют широкий спектр мер, направленных на повышение доверия будущей жертвы (угощают сладостями, предоставляют возможность игры в компьютер, планшет, дарят подарки, дают деньги и т. д.). Из часто встречающихся у приведённой нами категории преступников психиатрических диагнозов можно выделить: депрессию, невротический перфекционизм, наркоманию и алкоголизм.

Так, 17 июля 1996 года в Ростовской области по подозрению в изнасиловании и убийстве 6 малолетних детей (изнасиловал и убил 5 девочек, убил брата одной из жертв) был задержан Роман Бурцев, известный как «Каменский Чикатило» или «Каменский маньяк». Первое преступление Бурцев совершил в 1993 году, случайно встретив на безлюдной свалке двух малолетних детей (брата 12 лет и сестру 7 лет). В этот день он поддался преследовавшей его на протяжении долгого времени навязчивой мысли вступить в половую связь с ребенком. Убив 12-летнего подростка, педофил изнасиловал и задушил его 7-летнюю сестру, после чего спрятал тела детей в мусоре. Опасаясь разоблачения, Бурцев на долгое время затаился, однако жажда крови только возрастала. Череду следующих преступлений маньяк тщательно планировал, выбирая детей, гуляющих без присмотра, под разными предлогами заманивал их в безлюдные места, насиловал и убивал, после чего прятал тела. 17 июля 1996 года Бурцев был арестован и приговорен к смертной казни, которая в 1999 году была заменена на пожизненное лишение свободы. В настоящее время педофил находится в колонии особого режима «Белый лебедь», расположенной в г. Соликамск Пермской области¹⁴.

¹⁴ Роман Бурцев по кличке «Каменский Чикатило». [Электронный ресурс]. Информационный портал «Дилетант». – URL: <https://diletant.media/articles/45266837/> (дата обращения 01.09.2021).

Немаловажным основанием для классификации в общей структуре типовых характеристик личности, на наш взгляд, является мобильность. Данный критерий позволяет с наибольшей вероятностью определить место жительства, работы разыскиваемого лица, а также род его профессиональной деятельности и материальное положение, что позволяет значительно сузить круг подозреваемых.

Немобильные педофилы, как правило, совершают несколько преступлений в пределах одного и того же района – проживания, работы (службы) или иного частого пребывания.

Мобильные педофилы – лица, при совершении посягательств на половую неприкосновенность малолетних и несовершеннолетних предпочитают изменять географию своей криминальной деятельности. Данная характеристика, с наибольшей вероятностью, может свидетельствовать о наличии у преступника криминального опыта. К мобильным педофилам можно также отнести педофилов-«туристов», совершающих преступление в процессе путешествия, отдыха; педофилов-мигрантов (при смене места жительства в пределах одного города, региона, страны), педофилов, вынужденных менять место жительства в связи с профессиональными обязанностями (дальнотбойщики, моряки, военные и т. д.). Педофилы мобильного типа зачастую успевают совершить несколько противоправных деяний исследуемой нами категории, так как процедура розыска таких преступников значительно осложняется географией их криминальной деятельности.

Отдельно отметим, что уровень мобильности у исследуемой нами типологии преступников изменяется с приобретением ими криминального опыта (чем больше совершенных деяний, тем выше мобильность), а также с учётом иных обстоятельств (погодных условий, времени года и т. д.).

Ярким представителем мобильных педофилов является Андрей Чикатило. Орудовавший в период с 1978 по 1990 годы на территории Ростовской, Владимирской, Донецкой, Ленинградской, Запорожской, Свердловской, Московской, Ташкентской областей, Краснодарского края и Республики Адыгея, маньяк совершил 56 изнасилований и убийств. 37 его жертв не достигли совершеннолетия, 23 были моложе 15 лет. Широкая география и высокая мобильность преступника были обусловлены его профессиональной деятельностью – Чикатило долгое время работал начальником отдела материально-технического снабжения Ростовского производственного объединения «Спецэнергоавтоматика». Стоит отметить, что рассматриваемый нами фактор учитывался при составлении психологического портрета личности разыскиваемого преступника, составленного А. О. Бухановским. Александр Олимпиевич предполагал, что «работа маньяка связана с поездками»¹⁵.

¹⁵ Остановить Чикатило : документальный фильм. – 1 серия [Электронный ресурс] // Социальная сеть народной журналистики (Эстония). – URL: <https://www.stena.ee/>

Данный критерий позволил значительно сузить круг подозреваемых и способствовал поимке преступника.

Подводя итог рассмотрению перечисленных выше классификаций, мы выражаем уверенность в том, что обладая знаниями о приведенных нами особенностях структуры личности преступника-педофила и применяя их в своей профессиональной деятельности, сотрудники правоохранительных органов смогут существенно повысить результативность работы по раскрытию и расследованию уголовных дел о сексуальном насилии в отношении рассматриваемой категории потерпевших и привлечению виновных лиц к ответственности. Проиллюстрируем данную мысль примером из практики.

При анализе материалов уголовного дела (протоколов допроса потерпевших, фото- и видеоматериалов, криминологических справок, статистических данных и др.) по факту совершения неустановленным лицом преступных деяний, предусмотренных п. «а» ч. 3 ст. 131 УК РФ «Изнасилование несовершеннолетней», ч. 1 ст. 131 УК РФ «Изнасилование», ч. 1 ст. 132 УК РФ «Насильственные действия сексуального характера», п. «а» ч. 3 ст. 132 «Насильственные действия сексуального характера, совершённые в отношении несовершеннолетней», п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ «Насильственные действия сексуального характера, совершённые в отношении лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста», опираясь на приведённые нами типовые группы преступников-педофилов, мы составили примерный криминологический портрет подозреваемого.

Неустановленный субъект – мужчина в возрасте от 25 до 30 лет (относится к педофилам средних лет), при совершении преступлений, предусмотренных перечисленными статьями УК РФ, насилие использует лишь для подавления сопротивления жертвы на начальных стадиях преступного деяния (перемещение в безлюдное место). Осуществляет все собственные данной типовой категории личности преступника-педофила противоправные деяния: от мастурбации и орально-генитальных ласк, до насильственного коитуса. Исследуемое нами лицо относится к организованным преступникам-педофилам, что прослеживается в его поведении: обследование будущего места совершения противоправного деяния; использование специальных приборов (вакуумного стимулятора при онанизме); выбор одежды, скрывающей основные черты лица в зависимости от времени года (летом – очки, кепка; зимой – шапка, шарф на лице).

Изучив особенности мест совершения преступлений, мы можем сделать вывод, что неизвестное лицо прошло путь от немобильного на первичных этапах своей преступной деятельности до мобильного педофила. Говоря об уровне образования исследуемого лица, мы

можем отнести его к категории образованных, но не обладающих специальными знаниями. В первую очередь это связано с пренебрежительным отношением к оставленным им биологическим и другим имеющим значение для следствия следам. О причастности неустановленного лица к совершению всех указанных преступлений свидетельствуют результаты генетической экспертизы следов семяизвержения, обнаруженных и собранных на месте совершения преступления, которые подтверждают принадлежность найденных биологических следов одному и тому же гражданину. В зависимости от половых предпочтений неизвестное лицо относится к гетеросексуальным педофилам (в более чем 10 эпизодах в качестве жертвы выступало несовершеннолетнее лицо женского пола). О наличии у лица расстройства сексуального предпочтения, выраженного в половом влечении к детям (педофилии), свидетельствует отношение неизвестного лица к совершаемому им деянию и формам проявления криминального поведения. Преступник часто заводил разговор с жертвой (спрашивал, как зовут, сколько лет, почему так поздно гуляет одна и нравится ли ей то, что он с ней делает), в процессе совершения преступления целовал жертв в губы и интимные места, прибегал к тактильному контакту с гендерными частями тела (грудь, гениталии). Кроме того, мы можем отметить повышение социальной опасности совершаемых исследуемым лицом половых преступлений от онанизма до изнасилования, что говорит об отрицательной прогрессии расстройства полового предпочтения. Кроме того, стоит обратить внимание и на снижение возраста потерпевших от сексуального насилия девочек (в последнем из известных следствию случаев неизвестное лицо совершило акт насилия, выраженный в орально-генитальном контакте, в отношении шестилетней девочки).

Все перечисленные выше обстоятельства могут свидетельствовать о наличии у лица прогрессирующего расстройства полового предпочтения, выраженного в форме педофилии. Проведя анализ совершенных исследуемым лицом деяний, а также изучив имеющуюся информацию о преступнике, мы можем отнести его к группе индивидов с замещающим педосексуальным влечением, постепенно перерастающим в истинную педофилию.

По способам достижения преступного результата исследуемое нами лицо относится к педофилам-«хищникам», так как в той или иной мере для достижения криминального умысла применяет в отношении жертвы насилие как физическое (на начальных этапах), так и психологическое (для склонения к действиям сексуального характера).

Опираясь на приведённые ранее криминологические типологии личности преступника-педофила, основанные в том числе на работах других учёных, мы можем предположить, что разыскиваемое лицо обладает следующими, ранее не известными следствию признаками, в какой-то мере, способствующими

щими раскрытию преступления. Их традиционно разделяют на три категории: социально-демографические, морально-психологические и уголовно-правовые.

Говоря о возможных социально-демографических признаках, мы с высокой долей вероятности можем утверждать, что разыскиваемое лицо состоит (или ранее состояло) в браке, в случае развода может проживать с матерью, имеет ребёнка (возможно, нескольких). Проживает или работает в радиусе совершаемых им действий. Судя по внешним описывающим характеристикам, полученным из протоколов допроса жертв, мы можем предположить, что профессиональная деятельность разыскиваемого лица связана с долгим нахождением на открытых участках местности (сильный загар некоторых участков тела). Учитывая географическое расположение мест совершаемых преступлений, мы можем предположить, что лицо работает на строительном объекте или в морском порту. К морально-психологическим признакам исследуемого индивида можно отнести наличие половой девиации, выраженной в сексуальном влечении к детям (педофилии), а также наличие проблем с потенцией. Это говорит о том, что разыскиваемое лицо могло обращаться за помощью в медицинские учреждения (к психологу или врачу). К имеющим значение для следствия уголовно-правовым признакам, не известным ранее правоохранительным органам, мы относим отсутствие судимости, а также исключение вероятности состояния индивида на учёте в медицинских и психологических учреждениях, а равно отсутствие у него наркотической и алкогольной зависимости (так как при проведении экспертизы в соответствующих базах данных не было найдено совпадений с отпечатками пальцев и другими генетическими следами, обнаруженными на месте происшествия).

Как выяснилось позже, все приведённые нами характеристики с высокой степенью точности описали разыскиваемую личность (включая семейное положение, уровень образования и место работы), что говорит о практической значимости криминологического портрета преступника при раскрытии противоправных деяний и розыске лиц, их совершивших. В связи с этим следует отметить, что достаточно серьёзной проблемой, на наш взгляд, является отсутствие у правоохранительных органов знаний и умений, позволяющих применять на практике достижения криминологической науки, связанные с изучением особенностей личности преступника-педофила. В данном случае это привело к совершению неустановленным лицом двенадцати известных нам сексуальных преступлений в период с 2014 по 2020 год. При этом, учитывая уровень латентности исследуемой нами категории противоправных деяний, мы можем лишь догадываться о реальном количестве жертв изучаемого нами лица, установить которого удалось лишь с помощью привлеченного к расследованию сотрудника, обладающего специальными психолого-юридическими знаниями.

Кроме того, в процессе изучения материалов уголовных дел нами был выявлен ряд недостатков в деятельности уполномоченных органов по борьбе с насильственными преступлениями сексуального характера в отношении малолетних и несовершеннолетних. В первую очередь это отсутствие информирования граждан близлежащих территорий, учеников школ, родителей о появившейся опасности стать жертвой сексуального насилия. Дети без опасений гуляли на улицах без присмотра в тёмное время суток, а родители, не располагая информацией о существующей опасности, допускали это (не провожали и не встречали из школы, отправляли одних в магазин или в гости в вечернее время и т.п.).

Немаловажным фактором, детерминирующим данную категорию преступлений, является отсутствие у детей информации о способах противодействия половым преступлениям (избегать тёмных безлюдных мест, уметь привлечь внимание окружающих без вреда для своего здоровья, знать, кому сообщать и куда звонить в таких случаях и т. д.). Все жертвы насилия были настолько ошеломлены случившимся, что практически не оказывали педофилу никакого сопротивления. На наш взгляд, сложившаяся ситуация является результатом сокрытия от граждан истиной картины уровня и числа педосексуальных преступлений на территории Российской Федерации и, как следствие, незнания детей о такой форме угрозы их здоровью и жизни, как сексуальное насилие.

Ещё одним значимым упущением в деятельности правоохранительных и муниципальных органов может являться игнорирование факта совершения нескольких половых преступлений в пределах одной улицы или двора. На наш взгляд, избежать подобного рода случаев можно, увеличив интенсивность контроля со стороны нарядов патрульно-постовой службы за ситуацией в радиусе используемых педофилом в качестве мест преступления улиц, дворов, мест скопления детей, также обеспечить указанные территории достаточным освещением и камерами видеонаблюдения.

Подводя итог, мы приходим к выводу, что тенденция увеличения числа насильственных сексуальных преступлений в отношении малолетних и несовершеннолетних в современной России напрямую связана с недостаточностью и малой эффективностью профилактических мер, применяемых уполномоченными органами. В первую очередь это касается недопустимого отношения правоприменителей к практическим возможностям криминологии. Такие аспекты научной работы, как изучение детерминации отдельных видов преступлений, разработка криминологических методик предупреждения различных видов преступного поведения, составление криминологического портрета личности преступника, изучение особенностей жертвы преступления и т. д., требуют широкого внедрения в правоохранительную практику.

Список литературы

1. Эминов В. Е., Антонян Ю. М. Личность преступника и ее формирование // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 1 (50). – С. 107–112.
2. Скрипченко Н. Ю. Криминологическая характеристика личности преступника, совершающего преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетних // Журнал российского права. – 2017. – № 1. – С. 123–130.
3. Розвезева Ю. С. Характеристика лиц, совершивших преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних // Инновационная наука. – 2017. – № 03-2. – С. 142–145.
4. Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступника и расследование преступлений. – Москва: Юрист, 1996. – 335 с.
5. Антонян Ю. М. (ред.). Педофилия: криминологический диагноз : монография / колл. авт. – Москва: ВНИИ МВД России, 2010. – 256 с.
6. Антонян Ю. М. Быть жертвой. Природа сексуального насилия. – Москва: Алгоритм, 2017. – 368 с.
7. Perrotta Giulio. Pedophilia: Definition, classifications, criminological and neurobiological profiles, and clinical treatments. A complete review // Open Journal of Pediatrics and Child Health [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.peertechzpublications.com/articles/OJPCH-5-126.php> (дата обращения: 27.08.2021)
8. Таганова А. А. Применение специальных психологических знаний в оперативно-розыскной деятельности при раскрытии изнасилований: составление психологического портрета // Международный журнал психологии и педагогики в служебной деятельности. – 2017. – № 3. – С. 54–56.
9. Гришин А. Г. Оперативно-розыскной портрет педофила // Закон и право. – 2021. – № 5. – С. 172–175.
10. Кокурин А. В. Характеристика лиц, осуждённых за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, и особенности психологической и воспитательной работы с ними // Российский психологический взгляд. – 2010. – № 2 (22). – С. 361–367.

References

1. Eminov V. Ye. Antonyan Yu. M. Lichnost' prestupnika i yeye formirovaniye // Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava. – 2015. – № 1 (50). – S. 107–112.
2. Skripchenko N. Yu. Kriminologicheskaya kharakteristika lichnosti prestupnika, sovershayushchego prestupleniye protiv polovoy neprikosnovenosti nesovershennoletnikh // Zhurnal rossiyskogo prava. – 2017. – № 1. – S. 123–130.
3. Rozvezeva Yu. S. Kharakteristika lits, sovershivshikh prestupleniya protiv polovoy neprikosnovenosti nesovershennoletnikh // Innovatsionnaya nauka. – 2017. – № 03-2. – S. 142–145.
4. Antonyan Yu. M., Yenikayev M. I., Eminov V. Ye. Psikhologiya prestupnika i rassledovaniye prestupleniy. – Moskva: Yurist», 1996. – 335 s.
5. Antonyan Yu. M. (red.). Pedofiliya: kriminologicheskii diagnost : monografiya / koll. avt. – Moskva: VNII MVD Rossii, 2010. – 256 s.
6. Antonyan Yu. M. Byt' zhevtvoy. Priroda seksual'nogo nasiliya. – Moskva: Algoritm, 2017. – 368 s.
7. Perrotta Giulio. Pedophilia: Definition, classifications, criminological and neurobiological profiles, and clinical treatments. A complete review // Open Journal of Pediatrics and Child Health [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://www.peertechzpublications.com/articles/OJPCH-5-126.php> (data obrashcheniya: 27.08.2021)
8. Taganova A. A. Primeneniye spetsial'nykh psikhologicheskikh znaniy v operativno-rozysknoy deyatel'nosti pri raskrytii iznasilovaniy: sostavljeniye psikhologicheskogo portreta // Mezhdunarodnyy zhurnal psikhologii i pedagogiki v sluzhebnoy deyatel'nosti. – 2017. – № 3. – S. 54–56.
9. Grishin A. G. Operativno-rozysknoy portret pedofila // Zakon i pravo. – 2021. – № 5. – S. 172–175.
10. Kokurin A. V. Kharakteristikalits, osuzhdonnykh za prestupleniya protiv polovoy neprikosnovenosti i polovoy svobody lichnosti, i osobennosti psikhologicheskoy i vospitatel'noy raboty s nimi // Rossiyskiy psikhologicheskii vzglyad. – 2010. – № 2 (22). – S. 361–367.

Статья поступила в редакцию 23.09.2021; одобрена после рецензирования 25.01.2022; принята к публикации 14.02.2022.

The article was submitted September 23, 2021; approved after reviewing January 25, 2022; accepted for publication February 14, 2022.

Научная статья

УДК: 343.97

doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-121-127

Николай Михайлович Паршин

кандидат юридических наук

<https://orcid.org/0000-0001-6933-9326>, n.m.parshin@yandex.ru

*Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина
Российская Федерация, 308024, Белгород, ул. Горького, д. 71*

Половое и сексуальное образование как мера индивидуальной профилактики сексуальных преступлений среди несовершеннолетних

Аннотация: Неграмотность в межличностных половых отношениях, а также в вопросах полового общения способствует развитию терпимости российского общества к сексуальному насилию, снижению возраста лиц, совершающих сексуальные преступления, стабильно возрастающей динамике насильственной преступности не только против половой свободы и половой неприкосновенности, но и иных противоправных деяний, совершаемых на сексуальной почве. В средствах массовой информации нередко можно наблюдать завуалированную пропаганду однополых браков, вседозволенность и неразборчивость в половых отношениях. Насилие всё чаще используется как форма реализации конфликтных ситуаций. Отсутствие навыков и умения анализировать подрастающим поколением получаемую из Интернета и СМИ фейковую¹ информацию приводит к зомбированию, деструктивным процессам межличностных взаимоотношений подрастающего поколения, восприятию насилия как нормального уклада жизнедеятельности общества, деформации половых отношений в молодёжной среде.

Вызывает обеспокоенность и состояние здоровья подростков, так как увеличилось количество преступлений, совершённых несовершеннолетними именно в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. За последние годы на фоне имеющихся нездоровых тенденций произошло увеличение числа несовершеннолетних и молодёжи, заразившихся заболеваниями, передаваемыми половым путём. Несмотря на констатацию факта о снижении числа абортотворцев среди подростков, только в 2020 году репродуктивной частью женского населения было сделано около 630 тыс. абортов, что в среднем соответствует населению г. Ульяновска.

Первопричинность подобного состояния дел скрыта в образовавшемся вакууме знаний несовершеннолетних и молодёжи, связанных с духовно-нравственной культурой в области полового воспитания и соответствующего сексуального образования.

Ключевые слова: насилие, проституция, половое воспитание, сексуальное здоровье, гендерное разделение, интернет

Для цитирования: Паршин Н. М. Половое и сексуальное образование как мера индивидуальной профилактики сексуальных преступлений среди несовершеннолетних // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 1 (93). – С. 121–127; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-121-127.

Nikolay M. Parshin

Cand. Sci. (Jurid.)

<https://orcid.org/0000-0001-6933-9326>, n.m.parshin@yandex.ru

*Belgorod Law Institute of the MIA of Russia named after I.D. Putilin
71, Gorky str., Belgorod, 308024, Russian Federation*

© Паршин Н. М., 2022

¹ Фейк – ложное, недостоверное, сфальсифицированное, выдаваемое за действительное, реальное, достоверное с целью ввести в заблуждение.

Sexual education as a measure of individual prevention of sexual offenses among minors

Abstract: Illiteracy in interpersonal sex relations, as well as in matters of sex communications, contributes to the development of tolerance of Russian society to sexual violence, a decrease in the age of persons committing sex crimes, a steady increase of violent crime rates (crimes against sexual freedom as well as statutory crimes), and other illegal acts of sexual nature. The mass media offers veiled propaganda of same-sex marriage, impunity, and promiscuity. Violence is increasingly used as a form of conflict resolution. The lack of skills and abilities to identify fake information on the Internet and the media by the rising generation leads to brainwashing, destructive types of interpersonal relationships between minors, the perception of violence as a normal way of life in society, and deformation of sexual relations among young people. The state of health of adolescents is also of concern, as the number of crimes committed by minors under the influence of alcohol or drugs has increased. Among other unsettling trends, in recent years, the number of minors and young adults infected by sexually transmitted diseases has increased as well. Despite the fact that the number of abortions among adolescents has decreased, only in 2020, about 630 thousand abortions were performed on women of reproductive age – that number on average corresponds to the population of Ulyanovsk. The primary cause of the current state of affairs is the lack of appropriate sexual education among minors and young adults, as well as a lack of spiritual and moral guidance.

Keywords: violence, prostitution, sex education, sexual health, gender differences, Internet

For citation: Parshin N. M. Sexual education as a measure of individual prevention of sexual offenses among minors // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 1 (93). – P. 121–127; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-121-127.

Недостаточное духовно-нравственное и правовое воспитание несовершеннолетних в современном обществе является одной из основных причин формирования антиобщественных негативно значимых свойств личности, подталкивающих к совершению противоправных деяний. Неграмотность и информационный вакуум в области межличностных отношений компенсируются личным опытом несовершеннолетнего, приобретаемым методом проб и ошибок. Рост количества совершаемых несовершеннолетними преступлений на сексуальной почве в отношении несовершеннолетних, снижение возраста вступления в половые отношения указывают на несовершенство действующего законодательства, связанного с предупреждением противоправных деяний среди несовершеннолетних, а также на происходящие деструктивные процессы в молодёжной среде.

Складывающаяся ситуация, связанная с распространённостью сексуальных посягательств, совершаемых несовершеннолетними, ростом среди несовершеннолетних венерических заболеваний, передаваемых половым путём, нежелательных беременностей несовершеннолетних требует систематического мониторинга и выработки действенных мер по превенции подобных девиаций.

Считаем, что одной из эффективных мер в данном направлении является введение полового и сексуального образования, так как расширение интеллектуального кругозора, получение достоверных сведений, связанных с семейными и межличностными отношениями, позволит в будущем сохранить семейные

ценности, предотвратить распространение межличностных деформаций, предупредить половую акселерацию, укрепить и сохранить сексуальное здоровье молодёжи, научить несовершеннолетних правильно воспринимать и своевременно противостоять пропаганде противоположной половой ориентации.

Целесообразность и необходимость введения полового и сексуального образования для обучающихся поддерживают в своих работах ряд авторитетных учёных в области криминологии, психологии, педагогики и медицины² [1; 2].

Следует признать, что, несмотря на ратифицированную Российской Федерацией Конвенцию Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений³, необходимых условий, направленных на включение в программу образовательных организаций полового, сексуального или семейного воспитания, не создано.

Несомненно, многих пугает, что половое и сексуальное образование направлено на скорейшую сексуализацию подрастающего поколения, однако опыт зарубежных стран показывает обратное. Так, в соответствии с законодательством Франции в образовательных учреждениях половое воспитание является обязательным. Данное образование интегриро-

² Антонян Ю. М., Верещагин В. А., Потапов С. А., Штококович Б. В. Серийные сексуальные убийства : учебное пособие / под ред. Антонян Ю. М. – Москва: ШитМ, 1997. – 202 с.

³ Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений / Ратифицирована Федеральным законом РФ от 07.05.2013 № 76-ФЗ [Электронный ресурс] // Сайт «Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации». – URL: <https://docs.cntd.ru/document/499039123> (дата обращения: 05.11.2021).

вано во все уровни обучения и преследует цели предупреждения сексуальных рисков, связанных с насилием и сексуальной эксплуатацией несовершеннолетних. Помимо этого, образовательные учреждения Франции внедряют для учащихся различных возрастных групп программы, направленные на углубление полового воспитания [2, с. 39]. В настоящий момент половое воспитание во Франции представляет собой целостный подход в системе образования и играет важную роль в правильном формировании эмоциональности и сексуальности, воспитывая умение противостоять влиянию информации, пропагандируемой в массмедиа и интернете.

В последние годы в России наблюдается стабильный рост преступлений, связанных с половыми сношениями и иными действиями сексуального характера с лицом, не достигшим 16 лет. В 2019 году было зарегистрировано 4996 преступлений, предусмотренных ст. 134 УК РФ. В 2020 году количество таких общественно опасных деяний увеличилось на 6 % (5319)⁴. Положительная динамика по данному составу наблюдается в количестве регистрируемых материалов, где субъектом преступления выступает лицо, не достигшее 18 лет.

Данные аргументы говорят не о сексуализации подрастающего поколения и молодёжи, а скорее о неграмотности в вопросах половых отношений, пробелах в знаниях уголовно-правового и медицинского характера, а также о межличностных половых деформациях.

В целях изучения объективного мнения, проблематики, связанной с деформацией межличностных отношений среди молодёжи, а также с необходимостью введения полового и сексуального воспитания, нами было проведено анонимное анкетирование 669 респондентов (447 – мужского пола, 242 – женского пола) в возрасте 20–21 года из 29 регионов России.

В ходе анкетирования довольно большое число респондентов (85,1 %) указали, что они воспитывались в полной семье и гармоничной обстановке, однако, несмотря на это, отметили определённые завуалированные проблемы, присущие даже полным благополучным семьям. Одной из таких проблем является применение различных форм насилия при воспитании ребёнка [3, с. 191].

Стереотипное насильственное поведение прививается родителями или близкими родственниками из поколения в поколение. Несовершеннолетние, ставшие свидетелями физического насилия между родителями и подвергающиеся телесным наказаниям, впоследствии сами становятся склонными к использованию физической силы и агрессии в отношении своих близких [4, с. 13]. В большинстве случаев (88,9 %) опрашиваемые в сво-

ей жизни не сталкивались с насилием (83,2 % – представители мужского пола, 94,6 % – женского). Однако столь значительные цифры не должны вызывать успокоения, связанного сранней профилактикой насилия в семье, так как большая часть респондентов (98,4 %) являлась сотрудниками органов внутренних дел, в том числе лицами, впервые принятыми на службу в органы внутренних дел и прошедшими соответствующий медицинский и психологический отбор. Несмотря на это, применяемое насилие при воспитании детей можно отнести к социально негативным явлениям, которое имеет высокий уровень латентности. Выявить деформацию в воспитании несовершеннолетнего, а также применение к нему физического или психического насилия довольно сложно, а результаты применяемого насилия при воспитании несовершеннолетнего могут непредсказуемо проявиться уже у взрослого человека [3]. К примеру, проведённое нами анкетирование лиц, отбывающих наказание за насильственные сексуальные преступления, показало, что 34,5 % респондентов (из 165) в несовершеннолетнем возрасте подвергались физическому насилию со стороны своих родителей, сверстников, братьев и сестёр [5, с. 51].

Проблема применения насилия при воспитании детей имеет свои причины. В большинстве случаев сформировавшиеся негативные установки девиантного поведения являются причиной, подталкивающей несовершеннолетнего к насильственному повышению своего собственного социального статуса вне семьи.

Жертвами насилия становятся дети как из неблагополучных, так и из вполне благополучных семей. Несовершеннолетние из семей, имеющих достаточное материальное обеспечение, также подвергаются внесемейным насильственным действиям в социальных группах, в которых им приходится находиться. Существует ряд причин, по которым происходят агрессивные действия в межличностных отношениях среди молодёжи. Одна из причин такого положения – это деформация межличностных отношений, постепенная утрата коммуникабельности и лояльность в конфликтных ситуациях.

Психологическая форма насилия среди молодёжи не менее распространена, чем физическое насилие. Более половины опрошенных (50,6 %) сталкивались с психическим насилием в отношениях с противоположным полом. Большинство жертв психологического насилия составляют девушки (43,7 %). Абьюз⁵ в межличностных отношениях среди молодёжи динамично развивается по причине отсутствия соответствующего воспитания, деформации уважения к окружающим, особенно к представительницам женского пола.

⁴ Состояние преступности в России за январь – декабрь 2021 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/28021552/> (дата обращения: 19.01.2022).

⁵ Абьюз – межличностные отношения, в которых один из партнеров нарушает личные границы другого человека, допускает унижение личности, манипулирует чувствами, использует иные формы психологического давления с целью подавления воли партнера и достижения своих целей.

В связи с этим считаем оптимальным подход, при котором формирование и воспитание личности должны осуществляться в рамках компромиссного поведения при конфликтной ситуации. Данная модель может сформироваться именно в процессе полового и сексуального образования.

Следует отметить, что семья является важной составляющей в формировании индивидуального межличностного сексуального и полового поведения. Она должна быть базовым уровнем полового воспитания, однако в условиях нестабильной социально-экономической обстановки первоочередной, приоритетной задачей для обоих родителей становится поддержание стабильного финансового состояния в семье, а по возможности и его улучшение. Перераспределяя время, родители оставляют ущемлённым во внимании своего ребёнка, у которого в период пубертатного периода возникают определённые трудности и вопросы, связанные с половым воспитанием. В качестве результата такого воспитания можно привести пример из постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. *Несовершеннолетняя Н. (13 лет) в социальной сети «ВКонтакте» познакомилась с молодым человеком П. (17 лет), указав на своей странице возраст 17 лет. Через определённое время, они начали встречаться. В феврале 2021 года добровольно, без физического и морального воздействия, Н. вступила с П. в половые отношения в естественной форме, в ходе которого П. завершил половой акт семяизвержением внутрь ее влагалища. О том, что Н. имела половые отношения, ей пришлось признаться родителям, будучи на 9-й неделе беременности⁶.*

Цифровое пространство, поработившее большую часть молодого населения, заменило чтение учебника и художественной литературы бессмысленными картинками и мультимедийными роликами. Результатом такого порабощения стало отсутствие усидчивости у малолетних, недостаточная концентрированность и мотивация на достижение результата, деформация процессов межличностной коммуникабельности. Опрошенные респонденты (25,1 %) признались, что им проще познакомиться с девушкой (парнем) в социальных сетях, чем подойти и заговорить на улице. Около половины опрошенных молодых людей (47,5 %) знают о сайтах знакомств в интернет-пространстве и при необходимости пользуются ими. Результаты анкетирования позволяют смело говорить о деформации межличностных отношений среди молодёжи. Отрицаемая по причине отсутствия соответствующего воспитания форма культурного уважительного отношения к противоположному полу является объяснением применения психологического насилия в молодёжной среде и неспособностью к коммуника-

ции с противоположным полом.

На вопрос «Из каких источников вам комфортней получать информацию о половых взаимоотношениях?» 53 % респондентов ответили – от своих друзей, 15 % – от родителей, 8 % – от педагогов или работников медицинской сферы.

К сожалению, следует констатировать, что информация, связанная с половыми отношениями, которой обмениваются несовершеннолетние между собой, большей частью усваивается из просмотра видеоконтента в интернете и воспринимается как норма поведения.

Поисковые запросы в интернете по ключевым словам «порно», «порнография», «секс», «xxx» выдают в среднем до 85 млн результатов. Большинство видеороликов такого рода характеризуются сексуальными и половыми девиациями. Доступ к этим ресурсам абсолютно свободный. Уровень существующей системы нравственной безопасности состоит в непредоставлении доступа на выбранный сайт без подтверждения восемнадцатилетнего возраста. Любой малолетний одним кликом мыши обходит эту «преграду». Одновременно с видеороликами, демонстрирующими половой акт в естественной форме, малолетние и несовершеннолетние получают доступ к сайтам, на которых демонстрируются сексуальные перверсии для «искушённых» (инцест, БДСМ, половые акты с животными, несовершеннолетними или актрисами, одетыми как несовершеннолетние, и т. д.). Таким образом у смотрящего, не достигшего возраста совершеннолетия и не имеющего соответствующего полового и сексуального просвещения, появляется интерес, не соответствующий его психолого-возрастным особенностям, вырабатывается шаблонная надуманность, связанная с половыми межличностными отношениями, которые не соответствуют действительности, искажены, а зачастую унижительны, особенно для представительниц женского пола. Именно данную информацию подрастающее поколение и распространяет между собой. Обучающие фильмы, направленные на воспитание культуры сексуальных взаимоотношений, найти в поисковой выдаче из 85 миллионов результатов просто нереально.

Помимо этого, всемирная паутина, высмеивая ориентацию молодёжи на целомудрие и пользуясь пробелами в духовно-нравственном воспитании, подталкивает молодых людей и девушек в погоне за хайпом⁷ раскрывать подробности своей интимной жизни. Молодые люди, воспринимая подобное поведение как совершенно нормальное, выставляют на всеобщее обозрение на ресурсах интернета совершаемые ими половые акты.

Пересылка интимных фотографий стала также вполне допустимой в кругах молодёжи. Неосмотрительность молодых людей, загружающих в интернет фотографии интимного

⁶ Архив Следственного управления Следственного комитета по Белгородской области. Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела (КРСП № 247 от 9 июля 2021 г.).

⁷ Хайп – искусственно раздутая популярность человека или бренда.

содержания, а также отсутствие виктимологической профилактики в данном направлении способствуют росту новых форм сексуальных преступлений и мошеннических действий, совершаемых с использованием телекоммуникационных сетей. Меры предупредительного воздействия, направленные на предотвращение таких преступлений в отношении несовершеннолетних, как груминг⁸, секстинг⁹, сексчатиинг¹⁰, на данный момент далеки от совершенства. К данной проблеме обращались и другие авторы [6, с. 255; 7, с. 53].

Не менее значимой проблемой, связанной с необходимостью полового и сексуального образования молодёжи, является раннее начало половой жизни. Стоит отметить, что формирование половой способности у несовершеннолетних не соответствует и не интегрируется с их психологической зрелостью. Почти половина молодых людей (43,6 % мужчин) склонны считать, что вступать в половые отношения можно в период с 16 до 18 лет. Подобную точку зрения поддержали и 35,1 % респондентов женского пола. Указывая в анкете возраст вступления в половые отношения, молодые люди подсознательно оправдывают собственное начало вступления в половые отношения либо указывая тот возраст, с которого они хотели бы начать интимные отношения. Исходя из полученных данных, 1 % опрошенных считают, что можно вступать в половые отношения в возрасте 12–14 лет, 3,5 % респондентов допускают вступление в половые отношения в возрасте 14–16 лет.

Результаты анкетирования по вопросу возраста вступления в половую жизнь говорят о динамичном развитии половой акселерации молодёжи.

Под половой акселерацией, с нашей точки зрения, следует понимать физиологический процесс, вызванный нездоровым интересом к ранним половым отношениям.

Недостаточное просвещение молодёжи в вопросах половых и сексуальных отношений, а также насаждение в СМИ искажённых представлений о взаимоотношениях между мужчиной и женщиной вызывают у малолетних и несовершеннолетних нездоровый интерес. Результаты не заставляют себя ждать. Примером могут послужить следующие материалы уголовного дела. *Несовершеннолетняя В. познакомилась в сети интернет на сайте «Друг вокруг» с Р. и стала переписываться с ним. В результате интимной переписки у В. возник интерес к половому сношению. Несмотря на свой возраст 13 лет, она пришла на работу к Р., где он совершил с ней половое сношение без применения физического или психического насилия¹¹.*

⁸ Груминг (онлайн-груминг) (англ. grooming – ухаживание) – процесс, во время которого кто-то общается с ребенком в Сети и постепенно совращает его.

⁹ Секстинг (англ. sexting) — пересылка личных фотографий, сообщений интимного содержания посредством современных средств связи: сотовых телефонов, электронной почты, социальных интернет-сетей.

¹⁰ Сексчатиинг – общение на сексуальные темы в интернет-чатах.

¹¹ Архив Валуйского районного суда Белгородской области. Уголовное дело № 120141080008/2014 г.

Приходится констатировать, что формирование половой способности в настоящее время у подростков не соответствует психологической зрелости, а снижение возраста вступления в половые отношения ведёт к ранним бракам, увеличению количества разводов и неполных семей. В 2020 году на 7476 заключенных браков в Белгородской области пришлось 6343 развода¹². Подобные обстоятельства, в конечном счёте, приведут к депопуляции населения в стране.

Отсутствие информации о методах контрацепции среди несовершеннолетних приводит к росту заражений молодых людей венерическими заболеваниями, передаваемыми половым путём, о чём свидетельствуют отдельные исследования [8 с. 3; 9 с. 60].

Отсутствие полового и сексуального воспитания, связанного с пониманием важности зачатия здорового ребенка, этапов его внутриутробного развития, несоблюдение медицинских рекомендаций негативно сказываются на выполнении репродуктивной функции современной молодёжью.

С нашей точки зрения, назрела необходимость постепенного внедрения полового и сексуального воспитания в образовательный процесс, как это было сделано около полувека назад во многих странах Европы.

В польской школе в рамках семейного и полового образования детей с малых лет учат коммуникативным навыкам. Им объясняют, почему люди ссорятся и как можно избежать конфликтных ситуаций. Это немаловажно, поскольку, согласно проведённому анкетированию, 2,9 % опрошиваемых считают, что некоторые жизненные проблемы эффективнее решать с помощью насилия, 2,3 % испытывали затруднения, отвечая на этот вопрос. Деформация коммуникабельности молодёжи приводит к тому, что почти половине респондентов (44 %) проще общаться через интернет, чем найти общие темы для разговора с противоположным полом в реальной жизни.

Дипфейковая информация, размещённая в интернете, привлекает молодёжи терпимость к различным негативным социальным явлениям. Одним из таких явлений является проституция. Опрошенные 40,7 % респондентов мужского пола не осуждают женщин, которые занимаются проституцией, и не видят в этом ничего плохого, 39,3 % проанкетированных девушек придерживаются такой же точки зрения.

Проблемы, связанные таким социальным явлением, как проституция, являются объектом для изучения многих учёных [10; 11], а необходимость криминализации данной деятельности являются довольно дискуссионной темой.

¹² Белгородская область в цифрах 2021. Краткий статистический сборник. [Электронный ресурс] // Сайт «Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Белгородской области». – URL: https://belg.gks.ru/storage/mediabank/IDnPXlg/0107_2021.pdf. С. 240. (дата обращения: 19.01.2022).

Не стоит думать, что родители респондентов отстранились от процесса их полового и сексуального воспитания, ведь, согласно опросам респондентов, 60,7 % родителей говорили с ними на темы полового воспитания (50,6 % – респонденты мужского пола, 70,7 % – респонденты женского пола). Выборочное интервьюирование позволило выявить, что данные разговоры носили лишь поверхностный информационный характер. В процессе разговора по половому и сексуальному воспитанию родители подсознательно испытывали психологический дискомфорт, не обладали педагогическим опытом и тактичностью, чтобы объяснить более подробно вопросы полового воспитания.

Родители, а также лица, исполняющие обязанности опекунов, осуществляющие попытки полового и сексуального образования, рассматривают данное поведение со своей возрастной позиции, основываясь на собственном опыте.

Замечено, что консервативность российского общества в отношении дозволенного и недозволенного за последние годы практически не изменилась. Несмотря на то, что необходимость полового воспитания в школе поддержало большинство респондентов (77,3 %), причём представительниц женского пола на 19,9 % больше, чем мужчин, никаких изменений в системе образования, связанных с половым и сексуальным воспитанием, не произошло.

Предпринимаемые попытки внедрения полового и сексуального воспитания в систему образования связаны с преодолением довольно серьёзных барьеров, многие из которых культивированы самим обществом.

В связи с этим интеграция полового и сексуального воспитания в образовательный процесс должна осуществляться с учётом других аспектов развития личности – таких, как уважение чувства собственного достоинства ребёнка, развитие способности ребёнка к коммуникации, его привязанности.

Внедрение сексуального воспитания в образовательную систему позволит достичь следующих целей:

- привитие несовершеннолетним ответственности за половые и сексуальные взаимоотношения;

- повышение среди молодёжи уровня заботы о своём сексуальном здоровье;

- развитие взаимопонимания в межличностных отношениях, умения принимать взвешенные и правильные решения по отношению к самому себе, окружающим и в дальнейшем к членам своей семьи, что станет гарантией виктимологической безопасности, защитой от психологического насилия;

- формирование духовно-нравственных и этических межличностных правил полового воспитания у несовершеннолетних.

Таким образом, внедрение программы полового и сексуального воспитания должно основываться на концептуальной модели, включающей в себя следующие направления.

1. Подготовка преподавательского состава, которая предусматривает:

- прохождение курсов повышения квалификации по изучению психолого-педагогических аспектов детской сексуальности;

- обучение работе с интерактивными средствами обучения (VR-технологии).

2. Разработка образовательной программы, которая предполагает:

- преподавание дисциплин, соответствующих возрасту и психологическому состоянию обучаемых;

- актуальные формы и методы учебного процесса;

- знакомство с правилами виктимологической профилактики от возможных негативных последствий при общении в интернете;

- изучение мер, позволяющих избежать сексуального насилия и сексуального злоупотребления.

Отсутствие образовательной программы по половому и сексуальному воспитанию позволяет прогнозировать ежегодное увеличение сексуальных преступлений, совершаемых несовершеннолетними, положительную динамику венерических заболеваний, передаваемых половым путём, среди несовершеннолетних, дальнейшую деформацию межличностных отношений среди молодёжи.

Благодарности

Выражаю благодарность курсантам и слушателям Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина, принявшим участие в анкетировании по изучению указанной проблемы.

Список литературы

1. Смирнов А. М. К вопросу о введении полового (сексуального) образования и воспитания среди несовершеннолетних как способа профилактики совершения ими посягательств на половую неприкосновенность и половую свободу личности // *Право и образование.* – 2015. – № 10. – С. 62–70.
2. Бялик О. В. Особенности полового воспитания учащейся молодёжи в школах стран-основателей Евросоюза // *Вестник БДПУ. Серия 1.* – 2016. – № 3. – С. 36–39.
3. Паршин Н. М., Баранчикова М. В. Психологическое насилие в отношении несовершеннолетних: причины и предупреждение // *Научный вестник Омской академии МВД России.* – 2021. – № 3 (82). – С. 189–193.

4. *Бадонов А. М.*, Насилие в семье как фактор повышения уровня разводов современных семей // Учёные записки ЗабГУ. – 2014. – № 4 (57). – С. 10–13.
5. *Паршин Н. М.* Предупреждение сексуальных преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних : монография / под ред. О. В. Шляпниковой. – Москва : Юрлитинформ, 2020. – 141 с.
6. *Дозорцева Е. Г., Медведева А. С.* Сексуальный онлайн-груминг как объект психологического исследования // Психология и право: электронный журнал. – 2019. – Т. 9. – № 2. – С. 250–263.
7. *Соловьев В. С.* Криминологические риски цифросексуализма // Вестник Российской правовой академии. – 2020. – № 3. – С. 47–56.
8. *Мамина Ю. Р., Коханова Д. А., Сидорова И. Г., Борзенкова Е. А., Жилыева Д. В.* Динамика показателей по заболеваемости гонококковой инфекцией за 2015–2017 гг. по Оренбургской области и Российской Федерации [Электронный ресурс] // Universum: медицина и фармакология. – 2019. – № 3 (58). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-pokazateley-po-zabolevaemosti-gonokokkovoy-infektsiy-za-2015-2017-gg-po-orenburgskoy-oblasti-i-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 20.12.2021).
9. *Волошин В. В., Винник Ю. Ю., Карачёва Ю. В.* Распространенность инфекций, передаваемых половым путём, среди лиц – участников сексуального насилия // Андрология и генитальная хирургия. – 2017. – № 3. – С. 59–63.
10. *Алихаджиева И. С.* Государственная политика в отношении проституции на современном этапе: состояние и основные направления // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 425. – С. 203–208.
11. *Шевелева С. В., Бидзян Д. Р.* Уголовно-правовой аспект противодействия секс-индустрии в зарубежных странах // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. – №3(55). – С. 109–114.

References

1. *Smirnov A. M.* K voprosu o vvedenii polovogo (seksual'nogo) obrazovaniya i vospitaniya sredi nesovershennoletnikh kak sposoba profilaktiki soversheniya imi posyagatel'stv na polovuyu neprikosnovennost' i polovuyu svobodu lichnosti // Pravo i obrazovaniye. – 2015. – № 10. – S. 62–70.
2. *Byalik O. V.* Osobennosti polovogo vospitaniya uchashcheyasya molodozhi v shkolakh stran-osnovatelye Yevrosoyuza // Vestnik BDPU. Seriya 1. – 2016. – № 3. – S. 36–39.
3. *Parshin N. M., Baranchikova M. V.* Psikhologicheskoye nasiliye v otnoshenii nesovershennoletnikh: prichiny i preduprezhdeniye // Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii. – 2021. – № 3 (82). – S. 189–193.
4. *Badonov A. M.*, Nasiliye v sem'ye kak faktor povysheniya urovnya razvodov sovremennykh semey // Uchonyye zapiski ZabGU. – 2014. – № 4 (57). – S. 10–13.
5. *Parshin N. M.* Preduprezhdeniye seksual'nykh prestupleniy, sovershayemykh v otnoshenii nesovershennoletnikh : monografiya / pod red. O. V. Shlyapnikovoy. – Moskva : Yurilitinform, 2020. – 141 s.
6. *Dozortseva Ye. G., Medvedeva A. S.* Seksual'nyy onlayn-gruming kak ob»yekt psikhologicheskogo issledovaniya // Psikhologiya i pravo : elektronnyy zhurnal. – 2019. – Т. 9. – № 2. – S. 250–263.
7. *Solov'yev V. S.* Kriminologicheskiye riski tsifroseksualizma // Vestnik Rossiyskoy pravovoy akademii. – 2020. – № 3. – S. 47–56.
8. *Mamina Yu. R., Kokhanova D. A., Sidorova I. G., Borzenkova Ye. A., Zhilyayeva D. V.* Dinamika pokazateley po zabolevayemosti gonokokkovoy infektsiyey za 2015–2017 gg. po Orenburgskoy oblasti i Rossiyskoy Federatsii [Elektronnyy resurs] // Universum: meditsina i farmakologiya. – 2019. – № 3 (58). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-pokazateley-po-zabolevaemosti-gonokokkovoy-infektsiy-za-2015-2017-gg-po-orenburgskoy-oblasti-i-rossiyskoy-federatsii> (data obrashcheniya: 20.12.2021).
9. *Voloshin V. V., Vinnik Yu. Yu., karachova Yu. V.* Rasprostranennost' infektsiy, peredavayemykh polovym putom, sredi lits – uchastnikov seksual'nogo nasiliya // Andrologiya i genital'naya khirurgiya. – 2017. – № 3. – S. 59–63.
10. *Alikhadzhiyeva I. S.* Gosudarstvennaya politika v otnoshenii prostitutsii na sovremennom etape: sostoyaniye i osnovnyye napravleniya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2017. – № 425. – S. 203–208.
11. *Sheveleva S. V., Bidzyan D. R.* Uголовно-правовой аспект противодействия секс-индустрии в зарубежных странах // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. – №3(55). – S. 109–114.

Статья поступила в редакцию 20.12.2021; одобрена после рецензирования 30.01.2022; принята к публикации 11.02.2022.

The article was submitted December 20, 2021; approved after reviewing January 30, 2022; accepted for publication February 11, 2022.

Научная статья
УДК 343.148
doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-128-133

Екатерина Сергеевна Переверзева

кандидат экономических наук

<https://orcid.org/0000-0002-0062-1881>, katkatrin200@gmail.com

*Санкт-Петербургский университет МВД России,
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1*

Андрей Васильевич Комов

<https://orcid.org/0000-0001-6388-389X>, komoff.andrei2017@yandex.ru

*УМВД России по Курской области
Российская Федерация, 305000, Курск, ул. С. Саровского, д. 2*

Механизм следообразования виртуальных следов

Аннотация: В последнее десятилетие наблюдается значительный рост преступлений, совершаемых с использованием высоких технологий, что требует проработки нового теоретического подхода в понимании механизма следообразования виртуальных следов. По вышеуказанным причинам особую актуальность при выявлении, раскрытии и расследовании экономических преступлений приобретают компьютерные следы, специальные знания об особенностях которых могут повлечь уничтожение, повреждение или изменение имеющейся на них информации. В период с 2010 по 2020 гг. количество преступлений, совершённых с использованием высоких технологий, возросло более чем в 35 раз при одновременном снижении количества совершённых экономических преступлений (на 162 %). В ходе подробного анализа статистических данных и причин тому способствовавших возможно установить взаимосвязь между количественными изменениями совершённых экономических преступлений и преступлений с использованием высоких технологий. В статье авторами проанализирован имеющийся в отечественной криминалистике подход к механизму следообразования, рассмотрена классификация виртуальных следов в зависимости от механизма следообразования, схематически изображён механизм следообразования виртуальных следов и его отличие от механизма следообразования традиционных видов следов, что приобретает уже практическое значение.

Ключевые слова: трасология, киберпреступность, механизм следообразования, компьютерные следы, виртуальное пространство

Для цитирования: Переверзева Е. С., Комов А. В. Механизм следообразования виртуальных следов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 1 (93). – С. 128–133; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-128-133.

Ekaterina S. Pereverzeva

Cand. Sci. (Econ.)

<https://orcid.org/0000-0002-0062-1881>, katkatrin200@gmail.com

*Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, LetchikaPilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation*

Andrey V. Komov

<https://orcid.org/0000-0001-6388-389X>, komoff.andrei2017@yandex.ru

*UMVD of Russia across Kursk region
2, str. S. Sarovskogo, Kursk, 305000, Russian Federation*

The mechanism for digital footprints formation

Abstract: Over the past decade, there has been registered a significant increase in crimes committed using high technologies, which requires framing a new theoretical approach to the mechanism of the formation of digital footprints. For the abovementioned reasons, digital data acquires special relevance in the detection, solving, and investigation of economic crimes, since technical skills may give the user

an opportunity to destroy, damage, or modify their digital traces. In the period from 2010 to 2020, the number of crimes committed using high technologies increased by more than 35 times, while the number of economic crimes committed decreased (by 162%). In the course of a detailed analysis of statistical data and the contributing factors, it became possible to establish a relationship between quantitative changes in economic crimes and crimes committed with the use of high technologies. The article analyzes the domestic criminalistic approach to the mechanism of trace formation, considering the classification of digital footprints depending on the mechanism of trace formation. The author offers a schematic design of the digital footprint formation mechanism, showing its distinction from the mechanism of trace formation in a traditional sense, and its practical importance.

Keywords: cybercrime, digital space, crime prevention, trace formation, digital footprints, the mechanism of trace formation

For citation: Pereverzeva E. S., Komov A. V. The mechanism for digital footprints formation // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 1 (93). – P. 128–133; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-128-133.

В отечественной криминалистике большой теоретический базис получило изучение слеодообразования, что способствовало формированию мощного понятийного и терминологического аппарата в трасологии. Познание механизма слеодообразования при подготовке, совершении и сокрытии преступления позволяет оснащать практику методами и способами обнаружения, фиксации и изъятия следов. При этом стоит отметить, что понимание процесса слеодообразования несёт и уголовно-процессуальную подоплеку, так как способствует более качественному юридическому закреплению и формированию доказательственной базы. Обязательным следственным действием при проведении предварительной проверки и расследования уголовного дела является осмотр места происшествия, который связан не только с установлением места того или иного события, но и со сбором доказательственной информации, содержащейся в том числе и на виртуальных следах. Виртуальные следы имеют узкую специфику по отношению к классическим видам следов в криминалистике, поэтому требуют особого подхода при обнаружении и изъятии с соблюдением уголовно-процессуальных норм.

Исходя из анализа исследований целого ряда авторов [2; 3; 7], занимающихся изучением виртуальных и компьютерных следов, следует придерживаться позиции, что виртуальные следы – это определённые изменения в сетевом виртуальном пространстве со всеми протекающими в нём информационными процессами, непосредственно связанные с механизмом совершения преступления и зафиксированные в электронном поле. Понятие компьютерных следов шире, чем виртуальных, и включает их в себя, так как они взаимосвязаны, и последние не могут самостоятельно использоваться при доказывании по уголовным делам. Для такого использования необходим первоначально перевод виртуальных следов в компьютерные. В частности, информация, содержащаяся на личной странице пользователя в социальной сети «ВКонтакте», представляет собой виртуальные следы, так как пользователем изменения вносились в сетевое виртуальное пространство, и для их использования в доказывании по уголовным

делам необходим перевод в компьютерные следы различными способами (скриншот, фотографирование на цифровой фотоаппарат и т. д.). В связи с единством признаков и содержания, компьютерные и виртуальные следы следует рассматривать как целое (компьютерные следы) и часть целого (виртуальные следы).

В общей теории криминалистики механизм слеодообразования рассматривается как воздействие одного объекта материального мира (слеодообразующего объекта) на другой (следовоспринимающий объект), в результате чего первый объект (слеодообразующий) оставляет своё отображение в виде общих, частных либо индивидуальных, только ему присущих признаков, либо частей целого (части, частицы) на втором объекте (следовоспринимающем). В своих научных изысканиях Е. П. Ищенко обращает внимание, что данные отображения, части, частицы будут нести в себе информацию о событии совершённого преступления, об участвующих лицах (преступник, потерпевший, свидетели, очевидцы), способе, что, безусловно, имеет криминалистическое значение [6]. Кроме того, что особенно актуально для информации, содержащейся на виртуальных следах, это установление времени совершения того или иного действия. Любое изменение, вносимое в виртуальное пространство, имеет временные рамки, что также находит отражение в виртуальном следе. Стоит понимать, что на виртуальном следе в большинстве случаев будет содержаться время окончания внесения того или иного изменения, а вот весь интервал времени внесения изменений в виртуальное пространство отображён не будет. Единицей измерения времени в виртуальном пространстве может быть как одна секунда, минута, час, так и сутки.

Для полного понимания механизма слеодообразования виртуальных следов необходимо иметь представление об образовании данного вида следов в зависимости от стадий совершения преступления. При подготовке к совершению преступления в виртуальном пространстве преступник на первоначальном подготовительном этапе оставляет виртуальные следы, которые в последующем будут иметь не только криминалистическое, но и уголовно-процес-

суальное значение. В частности, преступник посещает различного рода сайты, на которых осуществляет сбор информации, необходимой для совершения преступления, ведёт переписку с лицами, консультирующими его по отдельным вопросам, связанным с преступной деятельностью, регистрируется в различных социальных сетях, где создаёт ложные профили, скачивает с интернет-ресурсов программы, позволяющие искажать IP-адреса, и так далее. При совершении самого преступления это также переписка с потерпевшими, следы неправомерного доступа к информации, публикация различного рода запрещённого контента и так далее. При сокрытии совершённого противоправного деяния это удаление переписок, фотографий, аудио- и видеозаписей, изменение регистрационных данных и так далее. Кроме того, преступник может использовать различного рода программы, позволяющие скрывать определённые изменения в виртуальном пространстве, искажать их содержание с целью запутать органы предварительного расследования.

Информация, полученная в ходе изучения особенностей следообразования виртуальных следов на различных стадиях совершения преступления, будет иметь как криминалистическое, так и уголовно-процессуальное, оперативно-розыскное значение. Уголовно-процессуальное будет заключаться в формировании доказательственной базы и производстве следственных действий в рамках расследуемого уголовного дела. Оперативно-розыскное значение будет заключаться в получении информации, несущей оперативный характер, которая в итоге может быть так и не предоставлена органу предварительного расследования.

Целый ряд криминалистов отмечает, что следы преступления, совершённого с использованием компьютерной техники, ввиду своей специфичности, остаются незаметными для органов чувств человека, так как не оставляют классически привычного отображения на материальном носителе, то есть не изменяют внешнюю среду. В своём диссертационном исследовании А. В. Касаткин отмечает, что в настоящее время развитие информационных технологий достигло такого уровня, при котором наряду с классическими материальными и идеальными следами следует говорить о возникновении нового вида следов. В своих работах А. В. Касаткин такие следы называет «компьютерными», не вдаваясь в терминологическую полемику¹. Также можно констатировать, что автор не исходит из положений о разделении следов на компьютерные как целого и виртуальные как часть целого. Поэтому А. В. Касаткин, исходя из предлагаемой теоретической основы, говорит именно о компьютерных следах. По степени обнаружения виртуальные следы более сложнодоступные,

чем компьютерные, так как являются более усложнённой их формой. Отсюда можно сделать вывод, что механизм следообразования виртуальных следов будет ещё более специфичен, чем у традиционных следов в криминалистике.

Отличительной особенностью механизма следообразования виртуальных следов будет являться то, что весь процесс происходит не в материальной среде, а в искусственно созданной (виртуальное пространство), доступ, возможный лишь при наличии технических устройств и специальных познаний, где также возможно своё деление по отраслям, видам и подвидам. Именно от специальных познаний и будет зависеть объём полученной информации о механизме совершения конкретного преступления. Механизм следообразования виртуальных следов в сущности повторяет классическую модель воздействия одного объекта на другой при оставлении отображения. Только такое воздействие и отображение весьма специфично, так как при этом отсутствует какая-либо пространственная форма, и следы эти недостижимы для органов чувств даже на теоретическом уровне. Как и в классическом следообразовании, где возможно не только отображение, но и оставление частиц, частей следообразующего объекта или изъятие частиц или частей следовоспринимающего объекта, в виртуальном пространстве возможно также не только отображение (фиксация факта присутствия), но и внесение (умышленно либо по неосторожности) новой информации на следовоспринимающий объект) или изъятие информации, содержащейся в таком пространстве. Именно поэтому необходимо понимать и анализировать не только имеющееся состояние следовоспринимающего пространства, но и пытаться восстанавливать состояние указанного пространства в различных временных промежутках с обратным отчётом. Это позволит установить способы внесения изменений, их характер, а в некоторых случаях и цель. Таким образом, на первое место выходит уже не информация, которую содержит виртуальный след, а механизм образования такого следа, что может нести куда больший объём информации.

Данную позицию в своём диссертационном исследовании поддерживает А. Н. Колачева, которая утверждает, что анализируя какой-либо файл, не прибегая к методам, способам его создания, механизму внесения изменений, нельзя будет получить полный объём значимой криминалистической информации [5]. При этом стоит помнить, что получение информации о механизме конкретного виртуального следа может иметь не только оперативно-розыскное значение, но и уголовно-процессуальное.

Существуют схожие по конечному преступному результату ситуации по механизму следообразования материальных и виртуальных следов. Необходимо смоделировать следующую ситуацию, при которой преступник с целью завладения информацией, которая может представлять как коммерческую, так и государственную тайну, незаконно проникает в помещение,

¹ Касаткин А. В. Тактика собирания и использования компьютерной информации при расследовании преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Касаткин Андрей Валерьевич. – Москва, 1997. – 23 с.

в котором хранится компьютер, откуда похищает жёсткий диск с хранящейся на нём информацией. В рассматриваемой ситуации информация, хранящаяся на жёстком диске, доступна при помощи технического устройства (например, такого же компьютера) и определённого уровня специальных познаний, и будет содержаться в таком случае конкретно на компьютерных следах, которые не следует отождествлять с виртуальными. Для более полного понимания и последующего сравнения представляется возможным изложенную ситуацию схематически изобразить следующим образом:

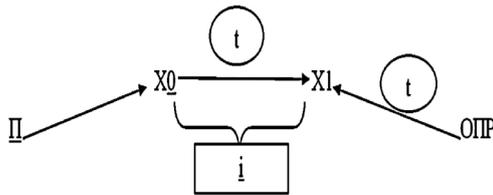

Рисунок 1

- П – преступник;
- ОПР – орган предварительного расследования;
- X0 – первоначальное состояние следовоспринимающего объекта;
- X1 – конечное состояние следовоспринимающего объекта;
- i – следы, содержащие криминалистически значимую информацию;
- t – время.

Из предложенного схематического изображение видно, что преступник после незаконного проникновения в помещение с находящимся там компьютером, на жёстком диске которого хранится информация, представляющая собой коммерческую либо государственную тайну, физически воздействует на сам компьютер. Данное физическое воздействие будет выражаться в разборе системного блока компьютера с последующим изъятием оттуда жёсткого диска и его похищением. Далее преступник, уже вдали от места совершения преступления, данный жёсткий диск может подключить к техническому устройству (например, к такому же компьютеру) и ознакомиться с хранящейся на нём информацией. В этой ситуации следует говорить об исключительно компьютерных и материальных следах. Об идеальных можно говорить, если были очевидцы произошедшего. Возможна другая ситуация, когда преступник на месте совершения преступления сразу производит копирование на имеющийся у него цифровой носитель. В этой ситуации также стоит говорить об исключительно компьютерных и материальных следах. Возможно, когда преступник, скопировав с жёсткого диска информацию, содержащую в себе коммерческую либо государственную тайну, может выйти в сеть с указанного компьютера, откуда осуществит доступ к имеющейся информации, произведёт её копирование на цифровой носитель. Здесь уже стоит говорить о полном наборе возмож-

ных следов: идеальных, материальных, компьютерных и виртуальных.

В ходе осмотра места происшествия перед органом предварительного расследования предстанет конечная обстановка следовоспринимающих объектов. Это, прежде всего, объекты, несущие в себе материальные следы, потом уже компьютерные. В случае выхода преступника в сеть, конечная обстановка следовоспринимающего пространства (следовоспринимающего объекта) изменяется. При сложившейся ситуации органу предварительного расследования необходимо понимать весь механизм следообразования, чтобы собрать максимально возможный объём информации о событии преступления, о способе его совершения и самом преступнике. Также стоит отметить, что с момента образования конечного состояния следовоспринимающего объекта до момента воздействия на него органа предварительного расследования проходит определённый промежуток времени, который в рассматриваемой ситуации существенного значения не имеет, так как следообразование преимущественно носит материальный и цифровой характер. Также в предложенной ситуации следует обратить внимание, что преступник воздействует на первоначальное состояние следовоспринимающего объекта, который переходит в конечное состояние, где после определённого времени происходит контакт с органом предварительного расследования. Противоположная ситуация наблюдается с органом предварительного расследования, который первоначально посредством осмотра, обнаружения, изъятия следов и производства ряда других действий пытается установить первоначальное состояние следовоспринимающего объекта, после чего уже перейти к преступнику.

Теперь стоит рассмотреть несколько иную ситуацию, схожую с предыдущей, с разницей лишь в способе совершения хищения информации с помощью технического устройства, позволяющего считывать её с экрана монитора компьютера на расстоянии. Происходит копирование либо дублирование информации с последующей отправкой её на определённый адрес, незаметно для собственника данного компьютера. Механизм преступного следообразования в таком случае будет носить преимущественно виртуальный характер, и изобразить его представляется возможным следующим образом:

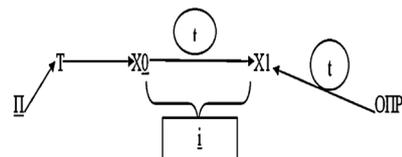

Рисунок 2

- П – преступник;
- ОПР – орган предварительного расследования;
- X0 – первоначальное состояние содержания следовоспринимающего объекта;

X1 – конечное состояние содержания следовоспринимающего объекта;
 T – техническое устройство;
 i – следы, содержащие в себе криминалистически значимую информацию;
 t – время.

Из данной схемы следует, что преступнику необходимо специальное техническое устройство с определённым программным обеспечением, которое позволяет успешно воздействовать на первоначальное состояние следовоспринимающего объекта и реализовывать преступный умысел. Указанное воздействие происходит на некотором расстоянии посредством беспроводного соединения с объектом (техническое устройство, принадлежащее потерпевшему), что оставляет на нём и на техническом устройстве преступника компьютерные следы, которые и будут представлять наибольший интерес для органа предварительного расследования. Для совершения хищения информации преступнику необходимо воздействовать на объект – компьютер, отдавая команды на взлом системного пароля по сети и после этого уже проникать в компьютер потерпевшего. Все эти действия носят сложный, системный и высокоинтеллектуальный характер, что, безусловно, оставляет следы виртуального характера, и задача органа предварительного расследования – научиться обнаруживать такие следы и использовать в процессе доказывания.

Таким образом, если воздействие (проникновение) на объект было совершено виртуальным способом, то на нём может остаться следующая информация:

- 1) время взлома и проникновения;
- 2) различные операции с содержимым памяти компьютера (отображаются в журналах адми-

нистрирования, журналах безопасности и т. д.);

3) действия с наиболее важными для работы компьютера программами (установка, удаление и т. д.) (отображаются в реестре компьютера – reg-файлах);

4) сведения о работе в интернете, локальных и иных сетях (аккумулируются в так называемых log-файлах);

5) операции с файлами (отображаются в их свойствах, например, у файлов Microsoft Office в свойствах отражается время создания, последнего открытия, изменения файла и т. д.);

6) объём похищенной информации и так далее.

На основании вышеизложенного можно констатировать, что в отличие от криминалистического учения о слеодообразовании, где основным фактором является механическое контактное взаимодействие слеодообразующего и следовоспринимающего объектов, имеющих физические свойства, при образовании виртуальных следов, в связи с отсутствием физической формы объекта, мы можем зафиксировать только изменения на уровне электромагнитных взаимодействий цифрового сигнала, которые могут быть выявлены только с помощью технических средств, преобразующих электронно-цифровую модель объекта в вид, доступный для восприятия человеком. При этом в каждом случае для выявления следов необходимо определить такую информационную среду, обусловленную определёнными правилами и алгоритмами, в которой происходила обработка информации, где данная информация будет представлять собой криминалистически значимую информацию, а не набор закодированных символов, не представляющих практического значения.

Список литературы

1. *Абдуллаева К. Н., Курбанова А. М.* Виды компьютерных сетей и их назначение / Дагестан-ИТ-2016: сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции. – Махачкала: Дагестанский государственный педагогический университет, 2016. – С. 132–136.
2. *Борзенков П. Е.* К вопросу о внедрении категории «виртуальные следы преступления» в систему криминалистики / Современная наука: актуальные вопросы, достижения, инновации: сборник статей IV Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. – Ч. 1. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. – С. 151–154.
3. *Ищенко Е. П.* Криминалистика: главные направления развития / Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения: материалы Междунар. науч.-практ. интернет-конф. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2012. – С. 201–209.
4. *Кардашевская М. В.* Использование информационных технологий при раскрытии серийных преступлений // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2021. – № 1. – С. 138–141.
5. *Колычева А. Н.* Механизм слеодообразования в сетевом пространстве // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. – 2019. – Т. 1. – № 1 (1). – С. 268–274.
6. *Кряжев В. С.* Поисково-познавательная деятельность при раскрытии и расследовании преступлений: из прошлого в настоящее // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2020. – № 2 (28). – С. 55–64.

7. Левченкова В. А. Современные научные подходы к формированию учения о виртуальных следах / Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: достижения и проблемы применения : сборник материалов III Международной студенческой научно-практической конференции. – Курск: Университетская книга, 2016. – С. 105–108.

8. Мещеряков В. А. Виртуальные следы под «скальпелем Оккама» // Информационная безопасность регионов. – 2009. – № 1 (4). – С. 28–33.

9. Черкасов В. Н., Нехорошев А. Б. Виртуальные следы в «кибернетическом пространстве» / Судебная экспертиза : межвуз. сб. науч. ст. – Вып. 2. – Саратов: СЮИ МВД России. 2003. – С. 28–33.

10. Яблоков Н. П. О некоторых особенностях криминалистической тактики расследования преступлений в условиях цифрового мира / Елисейские политико-правовые чтения: сборник научных статей по материалам 12-й Всероссийской научно-практической конференции. – Москва: МГУ им. Ломоносова, 2019. – С. 372–379.

References

1. Abdullayeva K. N., Kurbanova A. M. Vidy komp'yuternykh setey i ikh naznachenije / Dagestan-IT-2016: sbornik materialov II Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Makhachkala: Dagestanskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, 2016. – S. 132–136.

2. Borzenkov P. Ye. K voprosu o vnedrenii kategorii «virtual'nyye sledy prestupleniya» v sistemu kriminalistiki / Sovremennaya nauka: aktual'nyye voprosy, dostizheniya, innovatsii: sbornik statey IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. V 2-kh chastyakh. – CH. 1. – Penza: MTSNS «Nauka i Prosveshcheniye», 2018. – S. 151–154.

3. Ishchenko Ye. P. Kriminalistika: glavnyye napravleniya razvitiya / Ugolovno-protsessual'nyye i kriminalisticheskiye chteniya: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. internet-konf. – Irkutsk: Izd-vo BGUEP, 2012. – S. 201–209.

4. Kardashevskaya M. V. Ispol'zovaniye informatsionnykh tekhnologiy pri raskrytii seriynykh prestupleniy // Rassledovaniye prestupleniy: problemy i puti ikh resheniya. – 2021. – № 1. – S. 138–141.

5. Kolycheva A. N. Mekhanizm sledoobrazovaniya v setevom prostranstve // Sovremennoye ugolovno-protsessual'noye pravo – uroki istorii i problemy dal'neyshego reformirovaniya. – 2019. – T. 1. – № 1 (1). – S. 268–274.

6. Kryazhev V. S. Poiskovo-poznavatel'naya deyatelnost' pri raskrytii i rassledovanii prestupleniy: iz proshlogo v nastoyashcheye // Sibirskie ugolovno-protsessual'nyye i kriminalisticheskiye chteniya. – 2020. – № 2 (28). – S. 55–64.

7. Levchenkova V. A. Sovremennyye nauchnyye podkhody k formirovaniyu ucheniya o virtual'nykh sledakh / Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii: dostizheniya i problemy primeneniya : sbornik materialov III Mezhdunarodnoy studencheskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Kursk: Universitetskaya kniga, 2016. – S. 105–108.

8. Meshcheryakov V. A. Virtual'nyye sledy pod «skal'pelem Okkama» // Informatsionnaya bezopasnost' regionov. – 2009. – № 1 (4). – S. 28–33.

9. Cherkasov V. N., Nekhoroshev A. B. Virtual'nyye sledy v «kiberneticheskom prostranstve» / Sudebnaya ekspertiza : mezhvuz. sb. nauch. st. – Vyp. 2. – Саратов: SYUI MVD Rossii. 2003. – S. 28–33.

10. Yablokov N. P. O nekotorykh osobennostyakh kriminalisticheskoy taktiki rassledovaniya prestupleniy v usloviyakh tsifrovogo mira / Yeliseyskiye politiko-pravovyye chteniya: sbornik nauchnykh statey po materialam 12-y Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Moskva: MGU im. Lomonosova, 2019. – S. 372–379.

Статья поступила в редакцию 20.12.2021; одобрена после рецензирования 30.01.2022; принята к публикации 11.02.2022.

The article was submitted December 20, 2021; approved after reviewing January 30, 2022; accepted for publication February 11, 2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Научная статья
УДК 343.265
doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-134-144

Юрий Евгеньевич Пудовочкин
доктор юридических наук, профессор
<https://orcid.org/0000-0003-1100-9310>, 11081975@list.ru

*Российский государственный университет правосудия
Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69*

Статистические аспекты применения института освобождения от уголовного наказания

Аннотация: Освобождение от уголовного наказания является одним из необходимых для полноценной реализации принципа экономии репрессии межотраслевых правовых институтов. Накопленный опыт применения комплекса соответствующих норм ставит задачу целостного статистического анализа судебной практики с целью выявления и раскрытия ведущих тенденций и закономерностей функционирования института освобождения от наказания. Таких исследований в современной российской науке к настоящему времени не проводилось. Представленный в статье первый опыт анализа официальных статистических данных, отражающих работу судов в части освобождения от наказания, позволил зафиксировать наличие стабильности масштабов освобождения от наказания и устойчивость в применении данного института преимущественно на этапе исполнения приговора. Исследование позволило также выявить наличие пяти моделей освобождения от наказания: внесудебную, императивную, клиническую, социально-рискологическую и уголовно-рискологическую. При этом в последние пять лет наблюдаются некоторые важные изменения в структуре практики: на фоне сокращения числа амнистированных лиц закономерно растёт число лиц, освобождённых от наказания в индивидуальном судебном порядке, что приводит к определённой корректировке масштабов применения данных моделей. Основной сдвиг заключается в увеличении доли лиц, императивно освобождаемых от наказания на этапе постановления приговора в связи с просчётами и ошибками предварительного расследования преступления, а также в увеличении доли лиц, освобождение которых от наказания базируется на идеях рискологического правосудия. В итоге установлено, что именно рискологическая модель освобождения от наказания на этапе исполнения приговора составляет основной массив практики, что содержательно предопределяет направления её дальнейшего анализа и совершенствования.

Ключевые слова: судебная практика, судебная статистика, освобождение от уголовного наказания, типология освобождения от наказания, криминальная рискология

Для цитирования: Пудовочкин Ю. Е. Статистические аспекты применения института освобождения от уголовного наказания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 1 (93). – С. 134–144; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-134-144.

Yury E. Pudovochkin
Dr. Sci. (jurid.), Professor
<https://orcid.org/0000-0003-1100-9310>, 11081975@list.ru

*Russian State University of Justice
69, Novocheremushkinskaya str., Moscow, 117418, Russian Federation*

Statistical considerations for the exemption from criminal punishment as an institution

Abstract. Exemption from criminal punishment is one of the intersectoral legal institutions necessary for the full implementation of the reduction of repression principle. The accumulated judicial experience makes it a pressing task to conduct a holistic statistical analysis of judicial practice in order to identify and reveal the leading trends and patterns in the functioning of the institution of exemption from punishment.

Such studies have not been carried out in modern Russian science to date. The article presents a first approach to the analysis of official statistical data reflecting the court positions on the exemption from the punishment. The data shows that the scale of exemption from punishment remains stable and the institution is applied mainly and regularly at the stage of execution of the sentence. The study also lets us identify five models of exemption from punishment: extrajudicial, imperative, clinical, social-riskological, and criminal-riskological. Concurrently in the last five years, there have been some important changes in the structure of court practice: amid the decline in the number of amnestied persons, the number of persons released from punishment in an individual judicial order naturally grows, which leads to a certain adjustment in the scale of application of these models. The main shifts are observed in the increase of the proportion of persons imperatively exempted from punishment at the stage of sentencing due to miscalculations and errors in the preliminary investigation of the crime, as well as in an increase of the proportion of persons whose exemption is based on the ideas of riskological justice. As a result, it has been found that specifically, the riskological model of exemption from punishment at the stage of execution of the sentence constitutes the main array of judicial practice, which meaningfully predetermines the directions for its further analysis and improvement

Keywords: judicial practice, judicial statistics, exemption from criminal punishment, typology of exemption from punishment, criminal riskology

For citation: Pudovochkin Y. E. Statistical considerations for the exemption from criminal punishment as an institution // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 1 (93). – P. 134–144; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-134-144.

Введение

Институт освобождения от уголовного наказания служит важным средством дифференциации и индивидуализации средств уголовно-правового воздействия на лицо, осуждённое за совершение преступления. Он активно востребован судебной практикой, которой накоплен богатый опыт применения соответствующих правовых норм. Опыт этот позволяет не только выявить проблемы правового регулирования (в части пробельности, неопределённости, рассогласованности правовых норм), но и, что немаловажно, оценить действие института освобождения от наказания в пространстве общественных отношений, выявить статистические, социальные характеристики и закономерности его функционирования, устойчивые параметры и тенденции развития судебной практики.

С сожалением приходится констатировать, что в современной научной литературе не представлены обобщённые исследования, отражающие социальные аспекты практики применения судами положений главы 12 УК РФ. Как правило, если они затрагиваются в научных работах, то ограничиваются социально-криминологической характеристикой оснований применения отдельных уголовно-правовых норм (прежде всего ст. 79 УК РФ, ст. 92 УК РФ). Целостного же аналитического обзора, охватывающего общие тенденции применения института освобождения от наказания, к настоящему времени не представлено (или, по крайней мере, из доступных теоретических источников нам о нём неизвестно).

Не ставя своей задачей создание масштабной, всеохватывающей социальной и криминологической характеристики института освобождения от уголовного наказания, но в качестве некоего первого шага в этом направлении позволим себе на страницах настоящей работы представить прежде всего статистические дан-

ные, отражающие работу судов по применению норм, составляющих данный институт.

Такие статистические сведения, конечно, не способны в полной мере отразить внутреннее социально-криминологическое и социально-психологическое содержание института освобождения от наказания хотя бы потому, что это сведения не столько о самом институте, сколько о судебной практике его применения. Но они дают хорошую возможность увидеть за набором цифр некоторые реальные тенденции и закономерности.

Методические основы исследования

Статистическое исследование практики применения института освобождения от наказания при всей его познавательной ценности существенно осложняется некоторыми обстоятельствами, которые задают определённую «рамку» предстоящего анализа и на которые необходимо обратить особое внимание.

Во-первых, в силу своей природы освобождение от наказания применяется к лицам, осуждённым за совершение преступлений. Социальной базой института таким образом выступают особый контингент лиц и особые преступления, которые в совокупности обладают уровнем опасности, не позволяющим принять решение об освобождении от уголовной ответственности. Факт реализации ответственности (пусть и с освобождением от наказания) позволяет обособить таких лиц в отдельную группу, расположив их в общем массиве лиц, совершивших преступления, между группой освобождённых от ответственности и группой отбывающих уголовное наказание.

Во-вторых, в силу структуры института освобождения от уголовного наказания отмеченная группа лиц является крайне неоднородной. Она включает в себя:

– лиц, совершивших преступления различной категории тяжести и различной социальной направленности;

– «общих субъектов» и «специальных» (лиц, признанных больными наркоманией, беременных, лиц, имеющих детей в возрасте до 14 лет, тяжело больных);

– совершивших некие позитивные постпреступные действия и не совершивших таковых;

– отбывающих наказание и не приступивших к отбытию назначенного наказания;

– освобождённых от наказания безусловно и условно либо с отсрочкой исполнения наказания.

Такая неоднородность в известном смысле «размывает» криминологическую общность соответствующего контингента, однако, не разрушает её в целом. В отношении всех этих лиц государство признает нецелесообразным исполнение назначенного наказания. Следовательно, поиск объединяющего фактора необходимо вести не столько в области криминологических особенностей совершенных преступлений и личности виновного лица, сколько в представлениях о целесообразности и перспективах реализации уголовной репрессии [1].

В-третьих, институт освобождения от уголовного наказания должен мыслиться в качестве межотраслевого, объединяющего не только предписания главы 12 УК РФ, но и некоторые положения уголовно-процессуального закона (п. 1, 3 ч. 1, ч. 2 ст. 398 УПК РФ), установленные УК РФ и УПК РФ возможности применения норм главы 11 УК РФ при постановлении приговора (в частности, при освобождении от наказания за давностью уголовного преследования и освобождения от наказания в связи с деятельным раскаянием и применением при изменении категории преступления по итогам судебного разбирательства), а также положения уголовно-исполнительного закона (ст. 148 УИК РФ). С теоретико-правовой точки зрения это ставит вопрос о межотраслевой согласованности правовых норм [2; 3] и необходимости сосредоточения всех оснований освобождения от наказания в пределах одного материально-правового закона. С точки же зрения статистического и социального анализа практики освобождения от наказания это обуславливает необходимость включения в орбиту исследования дополнительной информации, не ограничиваясь только сведениями о масштабах применения статей 79–83 УК РФ.

В-четвёртых, разнородность контингента освобождённых от наказания и межотраслевой характер этого правового института сопрягается с тем, что он включает в себя нормы, предусматривающие как собственно освобождение от уголовного наказания, так и отсрочку его применения. При этом освобождение от наказания может быть отменено (в ситуации, например, с условно-досрочным освобождением), а отсрочка наказания, которая, строго говоря, освобождением от наказания не является, может либо вовсе не предусматривать возможности освобождения от наказания (например, в ситуации отсрочки уплаты штрафа), либо предусматривать основания к её отмене (как в ситуации с отсрочкой наказания лицам, име-

ющим малолетних детей). В итоге под общим словосочетанием «лица, освобождённые от наказания» скрывается весьма неоднородная масса субъектов, как безусловно освобождённых от наказания, так и не освобождённых от него окончательно.

В-пятых, в силу установленного законом процессуального порядка освобождения от уголовного наказания принятие соответствующего решения происходит либо при постановлении приговора, либо в процессе исполнения приговора. Это обстоятельство накладывает свой отпечаток на организацию статистической отчетности судов и, соответственно, на источники и интерпретацию статистических данных.

Основные обобщённые сведения о практике применения судами института освобождения от наказания сосредоточены в следующих формах статистического наблюдения, которое организовано Судебным департаментом при Верховном Суде РФ¹:

– форма № 10.2 «Отчёт об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел» (Раздел 2. Основания освобождения и иные сведения по результатам рассмотрения дел (по итоговому наказанию));

– форма № 11 «Отчёт о составе осуждённых, месте совершения преступления» (Раздел 2. Характеристика преступления, его рецидива и повторности);

– форма № 6-МВ-НОН «Сведения о лицах, осуждённых за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров или аналогов, сильнодействующих веществ, растений (либо их частей), содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, новых потенциально опасных психоактивных веществ»;

– форма № 1 «Отчёт о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции» (Раздел 4. Рассмотрение представлений, ходатайств и жалоб (по числу лиц)).

Определённые сложности возникают с тем, что форма № 10.2 и форма № 6-МВ-НОН отражают сведения о лицах, осуждённых по приговору в текущий год, а форма № 1 – о лицах, отбывающих наказание, чьи ходатайства (и представления в отношении которых) рассмотрены в порядке исполнения приговора, что крайне затрудняет, а в ряде случаев и не позволяет найти «общий знаменатель» для проведения статистических расчётов. В частности, даже если суммировать число всех лиц, освобождённых от наказания при постановлении приговора и в порядке его исполнения, попытки исчислить удельный вес этих лиц в общем массиве лиц, осуждённых в течение года, или в общем массиве лиц, отбывающих по приговору суда наказание, будут заведомо неверными с точки зрения строгого статистического анализа. Плюс к этому любые расчёты в отношении освобождаемых от наказания должны содержать поправку

на число лиц, которым была отменена отсрочка наказания или отменено решение об освобождении от наказания.

Сознавая все эти (и иные) обстоятельства, надо сразу оговорить, что представленные в настоящей работе сведения, при том, что они основаны на достоверных статистических источниках, не могут восприниматься в качестве абсолютно точных. Здесь играют роль два ключевых обстоятельства. Первое – правовое, связанное с отмеченной разнородностью контингента освобождённых от наказания, порождающей некоторую неопределённость в его трактовке. Второе – статистическое, связанное с традиционными проблемами строгости учёта и подсчёта освобождённых от наказания лиц.

Однако представляется, что для решения задачи познания состояния и тенденций развития судебной практики освобождения от наказания этими обстоятельствами можно до известных пределов пренебречь. Более того, в математической точности в данном случае и нет особой необходимости. Как верно отмечают М. М. Бабаев и М. С. Крутер, «спор о степени точности того или другого показателя имеет лишь строго ограниченный практический смысл. И уж совсем неразумно абсолютизировать любые цифры... Цель анализа должна состоять не в том, чтобы “добыть” какую-то конкретную цифру, а в том, чтобы определить более или менее устойчивую тенденцию..., направление развития, общие темпы, масштабы изменений тех или иных показателей, точки «перелома» тенденций и т.д.» [4, с. 82].

Эмпирические основы исследования

В качестве периода наблюдения нами был избран пятилетний период, с 2016 по 2020 годы. Тому несколько причин. Во-первых, целью работы является познание современных особенностей функционирования исследуемого института, и пятилетний период в этом отношении представляется вполне достаточным. Во-вторых, к 2016 году можно считать уже состоявшейся и устоявшейся практикой применения последнего из внесенных законодателем в структуру института самостоятельного основания освобождения от наказания в виде отсрочки исполнения наказания лицам, признанным большими наркоманией (в 2011 году), а равно серьёзных изменений, внесенных в ключевые нормы данного института (ст. 79, ст. 80 УК РФ) в 2014 году. В-третьих, за пределами 2016 года сопоставление статистических данных становится едва ли возможным в связи с корректировкой форм статистического наблюдения.

¹ В рамках настоящего исследования использованы данные, размещённые в разделе «Судебная статистика» на официальном сайте Судебного Департамента при Верховном Суде РФ в интернете по адресу: <http://www.sder.ru/index.php?id=5> (дата обращения: 9.01.2022). Все статистические расчёты, представленные в работе, выполнены автором.

Исходные данные для анализа представлены в двух таблицах (см. таблицу 1 и таблицу 2).

Результаты исследования

Согласно нашим расчётам, в 2020 году при постановлении приговора и в порядке его исполнения судами было освобождён от наказания 78181 человек, в 2016 году – 91002. В процентном отношении к общему числу осуждённых лиц это составило соответственно 10,8 и 9,3 %. Таким образом, можно вполне уверенно говорить, что на протяжении последних лет соотношение лиц, осуждаемых и освобождаемых от наказания, остаётся относительно стабильным: на одного освобождённого ежегодно приходится порядка десяти осуждённых.

При этом столь же традиционно и распределение освобождённых от наказания в зависимости от того, в каком порядке судом были применены соответствующие нормы. Обобщённые данные показывают: 12,6 % лиц из числа освобождённых от наказания были освобождены при постановлении приговора, 87,4 % – в порядке исполнения приговора. В целом удельный вес лиц, освобождённых от наказания в приговоре суда, в период с 2016 по 2020 год снизился – с 21 % до 10,2 %. Однако этот факт определён исключительно сокращением объёма амнистированных лиц. Если из соответствующих расчётов исключить число амнистированных, соотношение освобождённых от наказания при постановлении приговора и в порядке его исполнения будет более стабильным: в 2016 году – 95,7 %, в 2020 году – 98,1 % лиц освобождены от наказания именно в порядке исполнения приговора суда.

Это вполне закономерный и объективный факт, учитывая природу самого института освобождения от наказания. При постановлении приговора освобождение от наказания, по общему правилу, должно мыслиться скорее исключительным случаем, когда, обосновав необходимость назначения наказания, суд учитывает такие экстраординарные, сверхособенные и редкие обстоятельства, которые позволяют ему признать исполнение наказания нецелесообразным.

Таковыми экстраординарными основаниями, как свидетельствует анализ, выступают: беременность или наличие малолетних детей; различные проявления позитивного постпреступного поведения и сложные жизненные обстоятельства, препятствующие одномоментному исполнению наказания в виде штрафа. Если не брать во внимание амнистию, то указанные основания дают суммарно около 40 % всех случаев освобождения от наказания в момент постановления приговора (см. диаграмму 1).

В абсолютном выражении это относительно небольшая группа осуждённых (в 2020 году – 3328 человек), заслуживающих гуманного снисхождения в виду личных качеств и невысокой опасности совершенного преступления.

Так, имеющиеся данные (см. таблицу 3) свидетельствуют, что:

– в массиве лиц, к которым в 2020 году была применена отсрочка наказания, предусмотрен-

Освобождение от наказания при постановлении приговора (структура и динамика)

Основания освобождения от наказания	Год					Итого		
	2020	2019	2018	2017	2016	абс.	%	%
Амнистия	128	444	1023	2595	11706	15896	29,1	-
Изменение обстановки (ст. 80 ¹ УК РФ)	122	110	125	190	320	867	1,6	2,2
Болезнь (ст. 81 УК РФ)	71	80	76	86	62	375	0,7	1,0
Беременность или наличие ребёнка до 14 лет (ст. 82 УК РФ)	1338	1333	1513	1524	1439	7147	13,1	18,5
Наркомания (ст. 82 ¹ УК РФ)	26	32	40	59	69	226	0,4	0,6
Истечение срока давности уголовного преследования (ст. 78 УК РФ)	851	982	921	831	759	4344	8,0	11,2
Помещение в СУВЗЗТ (ч. 2 ст. 92 УК РФ)	229	292	308	381	402	1612	3,0	4,2
Применение ПМБВ (ч. 1 ст. 92 УК РФ)	570	712	661	514	731	3188	5,8	8,2
Зачёт времени содержания под стражей (ст. 72 УК РФ, п. 2 ч. 6 ст. 302 УПК РФ)	2916	2855	2291	1968	2073	12103	22,2	31,3
Раскаяние и примирение при изменённой категории преступления (ст. 75, 76, ч. 6 ст. 15 УК РФ)	1372	954	367	83	123	2899	5,3	7,5
Возмещение ущерба по преступлениям в сфере экономической деятельности при изменённой категории преступления (ст. 76 ¹ , ч. 6 ст. 15 УК РФ)	11	13	1	2	3	30	0,1	0,1
Примечания к статьям Особенной части	228	279	317	377	292	1493	2,7	3,9
Отсрочка штрафа (ч. 2 ст. 398 УПК РФ)	607	783	907	906	1159	4362	8,0	11,3
Итого	8469	8869	8550	9516	19138	54542	100	-
Итого без учёта амнистии	8341	8425	7527	6921	7432	38646	68,2	100

ная ст. 82 УК РФ, 90,8 % – женщины, 50,1 % – лица, осуждённые за кражи, преступления, связанные с оборотом наркотических средств или нарушением правил безопасности дорожного движения;

– в массиве лиц, освобождённых от наказания после изменения категории преступления и при наличии положительного постпреступного поведения, 73,5 % осуждены за кражи;

– в массиве лиц, которым предоставлена отсрочка или рассрочка уплаты штрафа, 47,5 % составляют осуждённые за преступления против собственности или порядка управления, 51,1 % – лица, осуждённые за преступления небольшой или средней тяжести.

Особого внимания в общем массиве освобождённых от наказания по приговору суда заслуживает иной сегмент – лица, в отношении которых суд обязан был принять решение об освобождении от наказания в связи с истечением сроков давности уголовного преследования и в связи с зачётом времени содержания под стражей в срок назначенного наказания. Их удельный вес (без учёта амнистированных) составляет 42 % (3767 человек – в 2020 году).

Сам факт наличия этой группы освобождённых от наказания (пусть также относительно немногочисленной), на наш взгляд, свидетельствует о некоторых существенных проблемах на стадии предварительного расследования преступлений, отражая несоблюдение сроков расследования (из числа лиц, освобождённых от наказания в связи с истечением процессу-

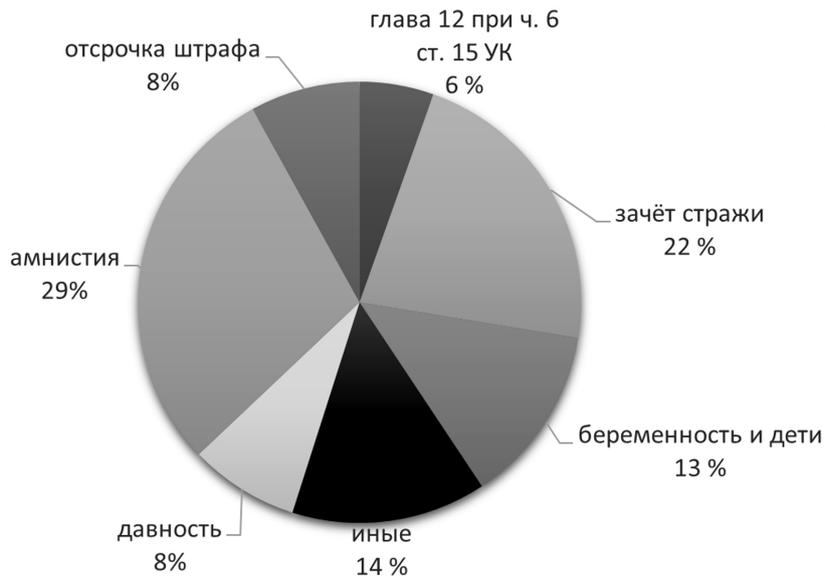
альных сроков, 71 % освобождены в связи с истечением сроков давности уголовного преследования и 29 % – в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора суда) и увлечённость заключением под стражу в качестве меры процессуального пресечения (46,5 % лиц, освобождённых от наказания в связи с зачётом срока содержания под стражей, признаны виновными в совершении преступлений небольшой тяжести, ещё 33,8 % – в совершении преступлений средней тяжести).

В общем числе лиц, освобождённых от наказания в связи с истечением процессуальных сроков и зачётом мер пресечения, 83 % были осуждены за преступления небольшой и средней тяжести (в том числе 55 % – преступления небольшой тяжести). В данной группе освобождённых от наказания: 14,1 % – женщины, 2,9 % – несовершеннолетние, 21,6 % – иностранные граждане, 4,3 % – лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность. 46,7% из них совершили преступления против собственности (в том числе 28,5 % – кражи), 13,2% – преступления против порядка управления.

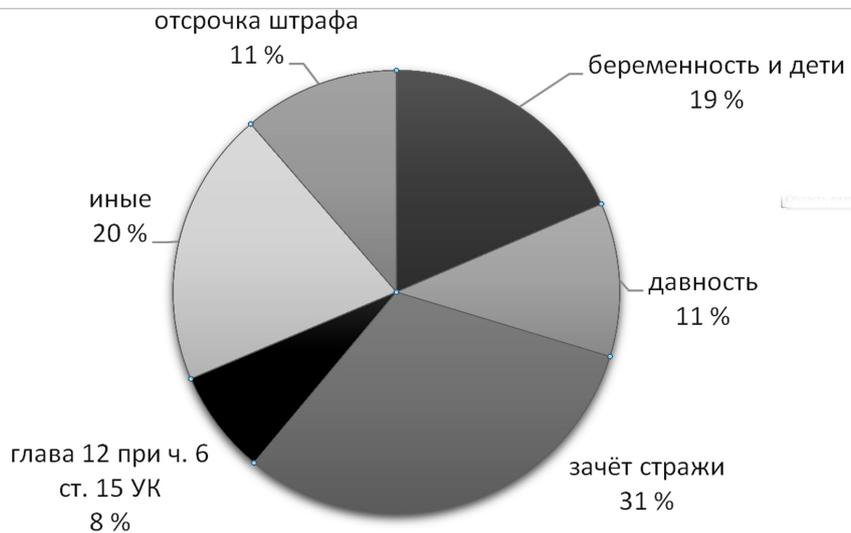
Вероятно, можно в оправдание представленных цифр говорить о том, что сроки расследования преступлений недостаточны, что преступления обладали повышенной сложностью, а обвиняемые лица – высоким риском совершения новых преступлений или противодействия правосудию. Однако, думается, что такие оправдания «бьют мимо цели». С учётом того, что половина из совершенных указанными лицами

Освобождение от наказания в процессе исполнения приговора (структура и динамика)

Основания освобождения от наказания	Годы	Рассмотрено ходатайств			
		окончено производством	удовлетворено	отказано в удовлетворении	прекращено, отозвано, передано по подсудности
Условно-досрочное освобождение (ч. 1 ст. 79 УК РФ)	2020	82147	38912	29971	13264
	2019	92545	45387	33468	13690
	2018	99646	49292	36916	13438
	2017	112581	53802	44424	14355
	2016	122552	55217	52580	14755
	<i>итого</i>		<i>509471</i>	<i>242610</i>	<i>197359</i>
Замена неотбытой части наказания более мягким видом (ст. 80 УК РФ)	2020	68139	24791	27626	15722
	2019	79804	27758	34429	17617
	2018	57000	22142	24479	10379
	2017	54337	19847	24137	10353
	2016	41183	13411	19441	8331
	<i>итого</i>		<i>300463</i>	<i>107949</i>	<i>130112</i>
Беременность или наличие ребёнка до 14 лет (ст. 82 УК РФ)	2020	905	248	331	326
	2019	1140	305	453	382
	2018	1344	346	496	502
	2017	1643	319	693	631
	2016	1540	324	587	629
	<i>итого</i>		<i>6572</i>	<i>1542</i>	<i>2560</i>
Истечение срока давности исполнения приговора (ст. 83 УК РФ)	2020	808	475	121	212
	2019	757	358	137	262
	2018	569	264	121	184
	2017	424	209	88	127
	2016	905	472	191	242
	<i>итого</i>		<i>3463</i>	<i>1778</i>	<i>658</i>
Болезнь (ст. 81 УК РФ)	2020	7325	2219	2178	2928
	2019	8588	2817	2780	2991
	2018	9135	2802	3162	3171
	2017	8732	2674	2806	3252
	2016	7478	2042	2600	2836
	<i>итого</i>		<i>41258</i>	<i>12554</i>	<i>13526</i>
Наркомания (ст. 82 ¹ УК РФ)	2020	24	6	8	10
	2019	14	2	4	8
	2018	22	4	4	14
	2017	37	9	10	18
	2016	36	3	12	21
	<i>итого</i>		<i>133</i>	<i>24</i>	<i>38</i>
Отсрочка исполнения приговора (п. 1, 3 ч. 1 ст. 398 УПК РФ)	2020	1645	486	398	761
	2019	1365	460	346	559
	2018	1392	414	368	610
	2017	1386	355	338	693
	2016	1759	395	526	838
	<i>итого</i>		<i>7547</i>	<i>2110</i>	<i>1976</i>
Отсрочка штрафа (ч. 2 ст. 398 УПК РФ)	2020	3833	1904	584	1285
	2019	5060	2772	902	1386
	2018	5231	3016	970	1245
	2017	–	–	–	–
	2016	–	–	–	–
	<i>итого</i>		<i>14064</i>	<i>7692</i>	<i>2456</i>
Применение ПМВВ (ст. 92 УК РФ)	2020	98	78	8	12
	2019	102	92	2	8
	2018	32	28	1	3
	2017	–	–	–	–
	2016	–	–	–	–
	<i>итого</i>		<i>232</i>	<i>198</i>	<i>11</i>
Замена военнослужащему неотбытой части ограничения свободы при увольнении со службы (ст. 148 УИК РФ)	2020	1431	593	404	434
	2019	1082	404	390	288
	2018	348	130	108	110
	2017	–	–	–	–
	2016	–	–	–	–
	<i>итого</i>		<i>2861</i>	<i>1127</i>	<i>902</i>
		886064	377584	349598	158882

а) с учётом амнистии

б) без учёта амнистии

Диаграмма 1. Основания освобождения от наказания в приговоре

преступлений – деяния небольшой тяжести, а треть – кражи, основная причина формирования контингента лиц, которых суд обязан освободить от наказания, видится в недостатках, просчётах и ошибках следственной практики, которые должны стать предметом пристального внимания со стороны контролирурующих структур и ответственных лиц [5].

При обращении к практике рассмотрения судами ходатайств и представлений об освобождении от уголовного наказания в порядке исполнения приговора заметна стабильная структура применения судами соответствующих оснований. Основную массу лиц, освобождённых от наказания при исполнении приговора, составляют те, что были условно-досрочно освобождены от наказания или которым неотбытая часть наказания была заменена более

мягким видом – соответственно 64,3 % и 28,6 %; суммарно – 92,9 %.

Однако при рассмотрении структуры исследуемого контингента в динамике за последние пять лет обнаруживается весьма важная деталь (см. таблицу 4).

Количество условно-досрочно освобождённых от наказания лиц сократилось за это время на 18,8 %, при этом на тот же самый показатель возросли масштабы замены судами неотбытой части наказания более мягким видом наказания. Это движение не связано с изменением масштабов практики удовлетворения соответствующих ходатайств и представлений (удельный вес удовлетворённых ходатайств об условно-досрочном освобождении в общем массиве окончанных производством ходатайств

Освобождение от наказания по приговору суда в 2020 году

	Беременность и дети до 14 лет	Постпреступное поведение при ч. 6 ст. 15 УК РФ	Отсрочка, рассрочка штрафа
Глава 16	291	52	15
Ст. 111	239	32	0
Глава 17	5	0	0
Глава 18	4	11	1
Глава 19	3	15	7
Глава 20	11	0	5
Глава 21	482	1255	111
Статья 158	214	1009	64
Глава 22	17	1	47
Статья 173 ³	10	0	36
Глава 23	1	1	1
Глава 24	16	6	24
Глава 25	386	7	73
Статьи 228–234 ⁴	378	2	64
Глава 26	0	17	11
Глава 27	78	2	92
Статьи 264–264 ⁴	78	2	90
Глава 30	14	0	21
Глава 31	3	1	22
Глава 32	27	4	177

соответствующего вида от наказания составил 46,7 % в 2020 году и 45,1 % – в 2016 году; ходатайств о замене наказания более мягким видом – соответственно 36,4 % и 32,6 %). Невозможно объяснить его и изменением практики назначения судами наказания в виде лишения свободы (удельный вес осуждённых к этому виду наказания с реальным отбыванием составил 27,5 % в 2016 году и 27,8 % – в 2020 году, а доля осуждённых к средним и долгим срокам лишения свободы – от 3 до 20 лет – сократилась на 5 %).

Единственное объяснение состоит в том, что в рассматриваемый период наблюдается разнонаправленное движение общего числа ходатайств и представлений об условно-досрочном освобождении и о замене наказания, рассмотренных судами. Число окончанных производством ходатайств о применении ст. 79 УК РФ сократилось со 122552 до 83147 (на 32 %), а о применении ст. 80 УК РФ – возросло с 41183 до 68139 (на 65,5 %). Причина тому, на наш взгляд, – изменение ст. 80 УК РФ законом от 27 декабря 2018 г. № 540-ФЗ и установление возможности при сокращённых сроках отбывания лишения свободы заявлять ходатайства о его замене принудительными работами. Это, по-видимому, стимулировало увеличение ходатайств, заявляемых в порядке ч. 2 ст. 80 УК РФ, прежде всего за счёт оттока ходатайств об ус-

ловно-досрочном освобождении от наказания.

Учитывая, что по социально-криминологическим основаниям и содержанию мера в виде замены неотбытой части наказания более мягким видом жёстче, чем условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, в контексте нашего исследования важно заметить, что упомянутое изменение в соотношении объёмов применения ст. 79 УК РФ и ст. 80 УК РФ не может рассматриваться в качестве свидетельства ужесточения подходов судов к решению вопросов освобождения от наказания на этапе исполнения приговора, не является показателем «возросшего почтения» судов к идее полного и реально-го отбывания уголовного наказания.

Анализируя содержание оснований и особенности освобождения от уголовного наказания, следует заметить, что хотя все они так или иначе отражают влияние принципа гуманизма на регулирование уголовно-правовых отношений, с качественной, социально-правовой и криминологической точек зрения, они вполне отчетливо распадаются на несколько групп.

В первую необходимо включить такое основание освобождения от наказания, как амнистия, которая не связана с конкретными обстоятельствами того или иного уголовного дела, с судебной оценкой этих обстоятельств и личности виновного и реализуется в качестве исклю-

чительного полномочия Государственной Думы Федерального Собрания РФ [6]. Это основание по своим детерминантам формирует, условно говоря, «внесудебную модель» освобождения от наказания, в рамках которой отказ от наказания диктуется соображениями «высшей милости» и прощения, свидетельствует об отказе государства от реализации своего права на уголовное наказание, который не имеет никаких иных, кроме субъективных и политических оснований.

Вторую группу образуют основания, в силу которых суды в каждом отдельном случае при рассмотрении уголовного дела наделяются обязанностью освободить виновное лицо от уголовного наказания, и не располагают (по общему правилу) свободой усмотрения в применении соответствующих норм. Это – истечение сроков давности уголовного преследования и давности обвинительного приговора суда, зачёт срока содержания под стражей. Соответствующая модель может быть поименована как «императивная». В её рамках отказ от наказания продиктован соображениями нецелесообразности применения мер уголовной репрессии по той причине, что государство, строго говоря, нарушив свои обязательства по своевременному расследованию и рассмотрению уголовного дела, лишается возможности преследовать лицо, совершившее преступление, бесконечно долго. Эти основания дисциплинируют и ограничивают государство, блокируют возможность трансформации права на наказание в неограниченное право мести.

Третья группа оснований продиктована подчеркнута гуманистическими соображениями и опирается на данные, отражающие специфику опасности и особенности личности виновного. Это: позитивное постпреступное поведение, изменение обстановки, отсрочка исполнения приговора по ч. 1, 3 ч. 1 и ч. 2 ст. 398 УПК РФ. Данные основания образуют «клиническую модель» освобождения от наказания. Они напрямую отражают влияние предписаний ст. 60 УК РФ о необходимости учёта данных о личности виновного при назначении наказания, придавая этому требованию всеобщее значение и распространяя его не только на этап собственно назначения, но и исполнения наказания. Суд соотносит бремя уголовного наказания с личностью конкретного осуждённого, гарантируя соразмерность применяемых правоограничений и способность осуждённого перенести тяготы уголовной ответственности.

Четвёртую группу формируют основания, при наличии которых государство соотносит ценность интересов публичного уголовного наказания и ценность иных социальных интересов, расположенных за пределами сферы уголовно-правового регулирования. К таковым следует отнести беременность или наличие малолетних детей, наличие тяжелой болезни, заболевание наркоманией, применение мер воспитательного воздействия. Такую модель можно условно назвать «моделью социальных рисков». Взвешивая и соотнося социальную значимость наказания с ценностью интересов воспитания и формирования личности ребёнка, с ценностью здоровья человека, суд принимает решение об освобождении от наказания, признавая приоритет этих социальных интересов по отношению к целям уголовного наказания.

Наконец, пятая группа оснований связана с необходимостью учёта динамики и прогноза исправления осуждённых, возникающих здесь рисков последующего, в том числе противоправного, поведения освобождённых от наказания лиц. Это – условно-досрочное освобождение от отбывания наказания и замена неотбытой части наказания более мягким видом. Эти основания образуют так называемую «модель уголовно-правовых рисков» освобождения от наказания.

Безусловный познавательный интерес представляет соотношение этих моделей и динамика объёмов их применения.

Расчёты показывают, что в общем массиве лиц, освобождённых от уголовного наказания, 3,7 % приходится на внесудебную модель, 4,2 % на императивную, 4,2 % – на клиническую, 6,3 % – на социально-рискологическую и 81,6 % – на уголовно-рискологическую.

Таким образом, основной массив ситуаций освобождения от уголовного наказания (87,9 %) так или иначе связан с необходимостью применения рискологических знаний и реализации технологий риск-менеджмента в принятии судебного решения [7]. Это требует от суда особых усилий для того, чтобы решение об освобождении от наказания, с одной стороны, продиктованное фактами и обстоятельствами прошлого, а с другой стороны, учитывающее результаты прогноза как достижения целей наказания, так и сохранения иных социально значимых ценно-

Таблица 4

Динамика применения оснований освобождения от наказания в порядке исполнения приговора (в %)

2020	Основание	2016
58,0	УДО	76,8
36,9	Замена неотбытой части наказания более мягким видом	18,7
0,4	Беременность или наличие малолетних детей	0,5
0,7	Истечение срока давности исполнения приговора	0,7
3,3	Болезнь	2,8
0,0	Наркомания	0,0
0,7	Отсрочка исполнения приговора	0,5

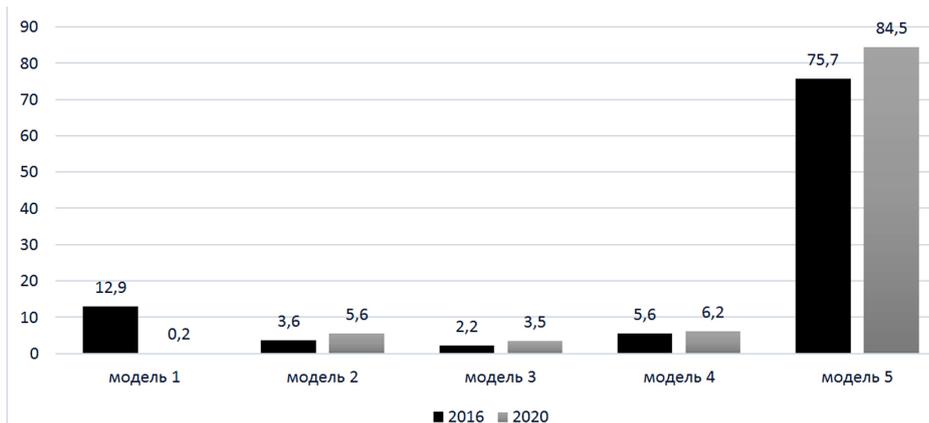

Диаграмма 2. Динамика моделей освобождения от наказания

стей, было максимально сбалансированным и обоснованным.

В связи с этим важно обратить внимание на информацию о практике отмены судами решений об освобождении от отбывания наказания, как косвенное свидетельство неверно установленного баланса или необоснованного прогноза.

Анализ показывает, в частности, что:

- на одно решение о применении отсрочки наказания лицам, больным наркоманией, приходится 0,7 решения о её отмене по основаниям, указанным в ч. 2, 4, 5 ст. 82¹ УК РФ, и 0,5 решения об освобождении от наказания по правилам ч. 3 ст. 82¹ УК РФ;

- на одно решение об отсрочке наказания в связи с беременностью или наличием детей приходится 0,2 решения о её отмене по основаниям ч. 2 ст. 82 УК РФ и 0,2 решения об освобождении от наказания по правилам ч. 3, 4 ст. 82 УК РФ;

- на одно решение об отмене условно-досрочного освобождения приходится в среднем 137 решений о применении ч. 1 ст. 79 УК РФ.

Эти данные уже в первом приближении свидетельствуют о существенно различающейся эффективности судебных решений об освобождении от наказания. Если практика применения ст. 79 УК РФ и ст. 82 УК РФ в целом может характеризоваться как стабильная и обоснованная (параллельно заметим, что в 2020 году 3,6 % (в 2016 году – 4,5 %) от общего числа осуждённых лиц совершили преступление, будучи ранее досрочно освобождёнными от уголовного наказания, в том числе среди них 3,0 % (в 2016 году – 3,5 %) – лица условно-досрочно освобождённые от наказания и 0,5 % (в 2016 году – 0,2 %) – лица, которым неотбытая часть наказания была заменена более мягким видом), то опыт предоставления отсрочки лицам, больным наркоманией, нельзя признать успешным: в подавляющем большинстве случаев эта отсрочка была отменена судом. Учитывая, что вопросы эффективности освобождения от уголовного наказания заслуживают отдельного исследования (и к настоящему времени, насколько нам известно, не получили самостоятельного освещения в литературе), ограничимся общим замечанием относительно того, что рассматриваемый нами сегмент судебной практики требует последовательной оптимизации и модернизации, в том числе с учётом достижений криминальной рискологии.

Что касается динамики представленных выше моделей, то она демонстрирует в последние пять лет вполне чёткие тренды (см. диаграмму 2).

Прежде всего заметно *существенное сокращение объёмов применения амнистии* как «внесудебного» основания освобождения от ответственности, и соответственно – увеличение объёмов применения всех иных оснований освобождения от ответственности, которые связаны с судебной оценкой конкретных обстоятельств дела, что закономерно, так как последняя амнистия состоялась в 2015 году. При этом, однако, увеличение объёмов применения различных судебных моделей освобождения от наказания не является равномерным:

- практически не изменился удельный вес третьей и четвёртой моделей, предполагающих приоритетный учёт данных о личности осуждённого и оценку иных, кроме наказания, социально значимых интересов, что, скорее всего, отражает стабильность состава этой части осуждённых;

- на 2 % увеличился удельный вес императивной судебной модели, что дополнительно подтверждает упомянутые выше неблагоприятные обстоятельства в сфере расследования преступлений;

- на 8,8 % увеличился объём уголовно-рискологической модели, которая, по-видимому, «компенсировала» отсутствие амнистии.

Не исключённое, в принципе, применение амнистии в будущем закономерно снизит масштабы условно-досрочного освобождения от наказания и замены неотбытой части наказания более мягким видом, однако модели внесудебного и судебно-рискологического освобождения не должны восприниматься как взаимозаменяемые либо как соотносимые по принципу «сообщающихся сосудов». Каждая из них имеет свои социальные основания и цели, в силу чего *судебно-рискологическая модель объективно будет оставаться доминирующей.*

Заключение

Представленные характеристики объёмов, динамики и структуры освобождения от уголовного наказания позволяют сделать несколько выводов, как видится, значимых для развития судебной практики:

- многообразные основания освобождения от уголовного наказания преследуют различные

цели, которые при этом мало связаны с целями самого уголовного наказания, отражая широкий контекст уголовно-правового воздействия;

– наличие императивной модели освобождения от уголовного наказания, выступая своего рода «страховкой» просчётов следственной практики, должно в целом, с социальной точки зрения, оцениваться как нежелательное явление, отражающее признание государством неэффективности предварительного расследования, в связи с чем в подобных ситуациях при наличии к тому оснований целесообразно реагировать частными определениями суда на причины и условия несоблюдения сроков расследования преступления, сроков исполнения приговоров и необоснованного применения мер процессуального пресечения;

– социально-рискологическая модель освобождения от уголовного наказания, подтверждая конституционно значимые положения о необходимости учёта судом не только «выгод» от применения наказания, но и его «негативных последствий», заставляет суд в процессе индивидуального регулирования конкретного уголовно-правового отношения обращать внимание на широкий спектр социальных последствий приме-

нения уголовного наказания. Такая модель в известной степени возлагает на суд ответственность за обеспечение сохранности и безопасности социальных благ, однако в силу неспецифического характера такой ответственности она должна быть максимально распределена между судом и органами, которые по природе своей компетенционно призваны оказывать поддержку гражданам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации;

– модель уголовно-правовых рисков, будучи доминирующей в судебной практике освобождения от уголовного наказания, является наиболее специфичной, её основание кроется в презюмируемой эффективности процесса исполнения наказания, признании наличия позитивной динамики этого процесса в совокупности с требованиями принципа экономии уголовной репрессии [8; 9]. Развитие этой модели с необходимостью предполагает более активное и последовательное внедрение в судебную практику элементов рискологического анализа, включая совершенствование методики хеджирования уголовно-правовых рисков, прежде всего за счёт подключения к решению вопросов об освобождении от наказания представителей общественности и экспертного сообщества [10].

Список литературы

1. Бавсун М. В. Целесообразность в уголовном праве. – Омск: Омская академия МВД России, 2004. – 172 с.
2. Толкаченко А. А. Межотраслевые аспекты современного уголовно-правового регулирования // Уголовное право. – 2015. – № 2. – С. 85–93.
3. Толкаченко А. А. Межотраслевые аспекты современной уголовной политики // Российское правосудие. – 2015. – № 3 (107). – С. 74–81.
4. Бабаев М. М., Крутер М. С. Молодёжная преступность. – Москва: Юрист, 2006. – 381 с.
5. Толкаченко А. А. Типичные ошибки и недостатки следствия с точки зрения судов // Уголовный процесс. – 2014. – № 9 (117). – С. 10–23.
6. Гришко А. Я. Амнистия. Помилование. – Москва: Логос, 2014. – 236 с.
7. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Очерки криминальной рискологии. – Москва: Юрлитинформ, 2021. – 368 с.
8. Степашин В. М. Содержание принципа экономии репрессии // Lex Russica. – 2017. – № 11. – С. 24–37.
9. Степашин В. М. Экономия репрессии и принципы институтов уголовного права // Вестник ОмГУ. Серия: Право. – 2018. – № 1. – С. 166–169.
10. Бабаян С. Л. Освобождение от отбывания наказания: проблемы и пути совершенствования // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – Т. 13 (1–4), № 3. – С. 309–314.

References

1. Bavsun M. V. Tselesoobraznost' v ugovolnom prave. – Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2004. – 172 s.
2. Tolkachenko A. A. Mezhotraslevye aspekty sovremennogo ugovolno-pravovogo regulirovaniya // Ugolovnoe pravo. – 2015. – № 2. – S. 85–93.
3. Tolkachenko A. A. Mezhotraslevye aspekty sovremennoi ugovolnoi politiki // Rossiiskoe pravosudie. – 2015. – № 3 (107). – S. 74–81.
4. Babaev M. M., Kruter M. S. Molodezhnaya prestupnost'. – Moskva: Yurist, 2006. – 381 s.
5. Tolkachenko A. A. Tipichnye oshibki i nedostatki sledstviya s tochki zreniya sudov // Ugolovnyi protsess. – 2014. – № 9 (117). – S. 10–23.
6. Grishko A. Ya. Amnistiya. Pomilovanie. – Moskva: Logos, 2014. – 236 s.
7. Babaev M. M., Pudovochkin Yu. E. Ocherki kriminal'noi riskologii. – Moskva: Yurлитinform, 2021. – 368 s.
8. Stepashin V. M. Soderzhanie printsipa ekonomii repressii // Lex Russica. – 2017. – № 11. – S. 24–37.
9. Stepashin V. M. Ekonomiya repressii i printsipy institutov ugovolnogo prava // Vestnik OmGU. Seriya: Pravo. – 2018. – № 1. – S. 166–169.
10. Babayan S. L. Osvobozhdenie ot otbyvaniya nakazaniya: problemy i puti sovershenstvovaniya // Ugolovno-ispolnitel'noe pravo. – 2018. – T. 13 (1-4), № 3. – S. 309–314.

Статья поступила в редакцию 13.12.2021; одобрена после рецензирования 18.01.2022; принята к публикации 21.01.2022.

The article was submitted December 13, 2022; approved after reviewing January 18, 2022; accepted for publication January 21, 2022.

Научная статья

УДК: 343.85

doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-145-150

Альбина Юрьевна Сагайдак

кандидат педагогических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0002-5980-8771>, a-sagaidakk@mail.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1

Федор Михайлович Городинец

доктор юридических наук, профессор

<https://orcid.org/0000-0002-3618-5583>, mimihops89@mail.ru

Ивангородский гуманитарно-технический институт (филиал)

Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения

Российская Федерация, 190000, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 67, лит. А

Состояние пенитенциарной системы России и её перспективы с учётом международно-правовых стандартов

Аннотация: В статье рассматриваются особенности становления и развития пенитенциарной системы России с учётом исторических особенностей и приоритетов, определяемых государством на различных этапах её развития. Акцент сделан на современные концепции развития уголовно-исполнительной системы России с учётом международных стандартов обращения с осуждёнными. Указаны стратегические векторы формирования современной пенитенциарной системы России. Авторы рассматривают эволюционные особенности формирования институтов уголовно-исполнительной системы в различные периоды развития государства. Используя научные публикации по теме, авторы в своей статье представляют системный вариант классификации международно-правовых стандартов, затрагивающих правовые интересы граждан, подвергаемых уголовному наказанию.

Рассмотренные в статье направления реформирования пенитенциарной системы позволяют обеспечить основу дальнейшего развития уголовно-исполнительной системы России, приблизив её деятельность к международным стандартам и потребностям общественного развития.

Материал статьи отражает статистические данные, а также их динамику на современном этапе о количестве лиц, находящихся в местах лишения свободы. Особое внимание уделено сфере применения принудительных мер, связанных с изоляцией от общества. Представлены характеристики отдельных международных актов, ратифицированных Российской Федерацией, и дана оценка их использования в современных условиях. Отмечены позиции отдельных специалистов, исследующих пенитенциарные правоотношения.

Ключевые слова: концепция, реформирование, преступность, пенитенциарная система, международные стандарты, осуждённые, лишение свободы, учреждения, профилактика, правовое положение, исправительно-трудовая система.

Для цитирования: Сагайдак А. Ю., Городинец Ф. М. Состояние пенитенциарной системы России и её перспективы с учётом международно-правовых стандартов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 1 (93). – С. 145–150; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-145-150.

Albina Yu. Sagaidak

Cand. Sci. (Ped.), Docent

<https://orcid.org/0000-0002-5980-8771>, a-sagaidakk@mail.ru

Saint Petersburg University of MIA of Russia,

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Fedor M. Gorodinec

Dr. Sci. (Jurid.), Professor

<https://orcid.org/0000-0002-3618-5583>, mimihops89@mail.ru

*Ivangorod Humanitarian and Technical Institute (branch)
of the St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Honored Professor of SUAL.
67, Bolshaya Morskaya str., Saint Petersburg, 190000, Russian Federation*

State of the penitentiary system in Russia and its prospects in the light of global practices

Abstract: The article examines the peculiarities of the formation and development of the Russian penitentiary system, considering the historical challenges and state priorities at various stages of its development. The authors emphasize the modern Concepts of the development of the Russian penal system with respect to the international standards for the treatment of convicts. The strategic vectors of the formation of the modern penitentiary system of Russia are indicated. The authors consider the evolutionary features of the formation of the penal system as an institution at the different stages of national development. Drawing from the previous research the article provides a comprehensive version of the classification of international legal standards that affect the legal interests of citizens subjected to criminal punishment. The directions of reforming the penitentiary system considered in the article lay the foundation for the further development of the penitentiary system in Russia, bringing it closer to international standards and the demands of social development. The work reflects on the statistical data on the number of persons held in detention facilities, as well as the current penitentiary dynamics. Special attention is paid to the sphere of application of compulsive measures related to isolation from society. The authors offer the assessment of specific international acts ratified by the Russian Federation and their use in modern conditions, noting the opinions of the prominent researchers exploring the penitentiary system.

Keywords: concept, reform, crime, penitentiary system, international standards, convicts, imprisonment, institutions, prevention, legal status, penal labor system

For citation: Sagaidak A. Yu., Gorodinec F. M. State of the penitentiary system in Russia and its prospects in the light of global practices // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 1 (93). – P. 45–150; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-145-150.

Поиск оптимальных мер воздействия на осуждённых в России сопровождается изменениями законодательства, предложениями взаимоисключающих концепций развития уголовно-исполнительной системы, сокращением числа лиц, подвергаемых наказаниям в виде лишения свободы, созданием условия содержания в исправительных учреждениях в соответствии с международными стандартами и другими особенностями в этой сфере отношений.

Оценивая сложившуюся ситуацию в современной России, следует отметить положительные перемены в части сокращения «тюремного населения». Согласно статистическим данным ФСИН России, в 2000 году в местах лишения свободы содержались 925,1 тысячи человек, а по состоянию на 1 декабря 2020 года в учреждениях уголовно-исполнительной системы России находился 486 031 человек¹.

По численности осуждённых, находящихся в местах лишения свободы, в расчёте на 100 тысяч населения Россия занимает 17-е место в мире, хотя до недавнего времени мы находились в первой пятёрке.

Эти перемены должны положительно повлиять на социальную ситуацию в обществе, её качественные параметры. Специалисты, исследующие особенности причинного комплекса преступности, постоянно акцентируют внимание на том, что источниками причин и условий преступности являются социальные противоречия.

По мнению отдельных исследователей, система таких противоречий многообразна: борьба между новым и старым составляет основу прогресса и одновременно является источником социально-классовых, экономических, политических, управленческих, психологических, идеологических, правовых противоречий².

Как следует из заявления бывшего министра юстиции А. В. Коновалова, ежегодно в Российской Федерации из мест лишения свободы освобождались около 300 тысяч человек, а туда же за этот период направлялись примерно столько же, что показывает процесс перманентной криминализации общества. Освобождение от уголовного наказания – ещё не означает избавления от пороков прошлого. Для работы над решением своих проблем надо много работать самим гражданам, освободившимся из мест за-

¹ Статистические данные Федеральной службы исполнения наказаний [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы исполнения наказаний. – URL: <https://fsin.gov.ru/statistics/> (дата обращения: 17.02.2021).

² Богуш Г. И., Ведерникова О. Н., Голоднюк М. Н. (и др.) Криминология : учебное пособие / Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, юридический факультет. – 2-е изд. перераб. и доп. – Москва: Проспект. 2010. – С. 82.

ключения, а государство должно создать для этого благоприятные условия³.

Рассматривая особенности пенитенциарных отношений в различные периоды истории государства, следует отметить, что государство использовало данную систему как инструмент правового влияния для решения политических проблем (период 1905–1917 гг.), экономических вопросов (30-е годы прошлого века – создание системы исправительно-трудовых лагерей для обеспечения прогрессивного роста в экономике).

В послевоенные годы исправительно-трудовые колонии, ставшие основным видом исправительных учреждений, были составной частью государственного блока предприятий народного хозяйства [1, с. 24]. МВД СССР (в этот период исправительно-трудовая система страны находилась в ведении этого силового ведомства) обладало таким количеством предприятий народного хозяйства, что по объёмам выпуска продукции входило в число пяти ведущих министерств страны. В некоторой степени это не совсем правильно – ведь основными задачами данного ведомства были и остаются вопросы охраны общественного порядка и обеспечения безопасности, а также профилактика преступности. Но наша страна на мировом пространстве в этих вопросах выделяется особыми подходами.

Федеральная служба исполнения наказаний Российской Федерации за последние 10 лет предложила на рассмотрение Правительства РФ уже третью Концепцию развития уголовно-исполнительной системы страны. Особенностью первой, рассчитанной на период до 2020 года, был переход от колоний к тюрьмам⁴.

Этот вариант реформирования позволял сократить возможности криминальных лидеров влиять на других осуждённых, находящихся с ними в одном учреждении, организовать более эффективное управление в местах лишения свободы и избежать распространения субкультуры преступного мира в отдельных учреждениях. Вышеназванные меры следует признать локальными, так как они могли способствовать улучшению ситуации лишь в конкретных учреждениях, но не в масштабах страны, где данная категория граждан имеет значительную численность. Предлагаемая мера стала бы серьёзным обременением бюджета государства, поскольку практически все предприятия учреждений ФСИН должны были бы закрыться или перепрофилироваться на сокращённые мощности и объёмы.

Реализация Концепции была призвана обеспечить основу дальнейшего развития уголовно-исполнительной системы, приближение её деятельности к международным стандартам и потребностям общественного развития. Согласно предложениям авторов работы «Смертная казнь

и пожизненное лишение свободы: правовой и психологический аспекты» А. М. Сысоева и Ю. В. Славинской, должно быть создано три вида тюрем [11].

Однако уже в 2016 году стратегия развития пенитенциарного ведомства поменяла курс, Правительство Российской Федерации утвердило новую Концепцию, рассчитанную на период 2017–2025 гг., на финансирование которой государство выделило 96,5 миллиарда рублей. В Концепции отмечено, что её основными целями являются:

- сокращение рецидива преступлений, совершаемых лицами, отбывшими лишение свободы, за счёт повышения эффективности социальной и психологической работы в местах лишения свободы;

- проведение мероприятий в целях адаптации в обществе освобождённых осуждённых, в том числе с участием гражданского общества;

- гуманизация условий содержания лиц, заключённых под стражу, и осуждённых, повышение гарантий соблюдения их прав и законных интересов в соответствии с международными стандартами.

Эти глобальные в масштабах данной Концепции цели не исключали мер по модернизации производственных мощностей, а если обратить внимание на предложенную ФСИН программу финансирования, то это были приоритетные направления.

Как правильно отмечает В. А. Уткин, в современной российской политико-правовой системе существует немало нетипичных актов общего, декларативного характера, в которых отсутствуют юридические предписания. Автор представил детальный анализ предлагавшихся с 1989 года доктрин, концепций, стратегий, принципов и основных направлений развития УИС, которые в науке называют доктринальными [3].

Их количество доказывает интерес государства к данной сфере отношений, но следовало бы заметить, что подтверждать его было бы желательно не количеством актов, по большей части только декларирующих потребность в этих мерах, а реальными делами – выверенными и доведёнными до конкретных исполнителей.

Уже подготовлен Проект Концепции развития УИС до 2030 года – тот, который авторы называют документом стратегического развития уголовно-исполнительной системы. В нём рассматриваются как новые, так и уже существовавшие и существующие институты реализации уголовных наказаний. В частности, обращается внимание на институт пожизненного лишения свободы в современной России, который, согласно рекомендациям европейских правозащитных структур, нуждается в коренном реформировании. Эти проблемы обсуждались специалистами в рамках научных дискуссий, но конкретные меры пока не принимались [4].

Профильные учебные заведения, организуя обсуждение проблем реформирования пенитенциарной системы России, вносят предложения, способные, с точки зрения учёных и практиков, улучшить ситуацию по отдельным

³ Газета «Комсомольская правда» [Электронный ресурс]. – URL: www.kp.ru (дата обращения: 04.03.2021).

⁴ Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 г. : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. №1772-р.п. (в ред. от 23 сентября 2015 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 43. – Ст. 5544.

направлениям, но в обсуждении стратегических положений они чаще всего теряются.

Вместе с тем, как отмечают специалисты, в структурных подразделениях ФСИН, которые готовят проекты Концепций развития УИС России, сложились достаточно позитивные представления, как и каким образом должна развиваться данная структура и какой ей надлежит стать в ближайшие годы. Важно отметить, что стабилизация в стратегии – один из первых шагов; последующие – это кадровое и финансовое обеспечение. Над этими направлениями, на наш взгляд, надо работать отдельно и профессионально.

Международные правовые акты в сфере применения принудительных мер, связанных с изоляцией от общества, в основном направлены на защиту прав и законных интересов лиц, подвергнутых принудительным мерам, связанным с изоляцией лица от общества. Кроме традиционно сложившейся системы сотрудничества в области прав человека в рамках ООН, оно осуществляется также и на основе региональных соглашений, которым посвящена целая глава Устава ООН.

Выделяются следующие региональные системы защиты прав человека: европейская, межамериканская, африканская, азиатская, арабская. Система сотрудничества в области прав человека сформировалась и на уровне стран Содружества Независимых Государств (СНГ).

Международные правовые акты о правах человека общего значения содержат в себе нормы, непосредственно относящиеся к сфере применения принудительных мер, связанных с изоляцией от общества, и нормы, относящиеся к этой сфере опосредованно. Так, к рассматриваемой сфере относятся положения Всеобщей Декларации о том, что каждый имеет право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность (ст. 3); что никто не должен подвергаться пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему человеческое достоинство обращению и наказанию (ст. 5); что никто не может быть подвергнут произвольному аресту, задержанию или изгнанию (ст. 9).

В ст. 7 Международного пакта о гражданских и политических правах, так же как и в ст. 5 Всеобщей Декларации, содержится правило о запрещении пыток⁵, а ст. 9 этого Пакта, развивая право каждого на свободу и личную неприкосновенность, устанавливает, что никто не может быть лишён свободы иначе, как на основаниях и в соответствии с такой процедурой, которые установлены законом (ч. 1 ст. 9); что каждому, кто лишён свободы вследствие ареста или содержания под стражей, принадлежит право на разбирательство его дела в суде, чтобы этот суд мог безотлагательно вынести постановление относительно законности его задержания и распорядиться о его освобождении, если задержание незаконно (ч. 4 ст. 9). Каждый, кто был жертвой незаконного ареста или содержа-

ния под стражей, имеет право на компенсацию, обладающей искомой силой (ч. 5 ст. 9).

В ст. 8 этого Пакта, в частности, запрещающей принудительный труд, подчёркнуто, что под это понятие не подпадает работа, которую должно выполнять лицо, находящееся в заключении на основании законного распоряжения суда, или лицо, условно освобождённое от такого заключения.

Особое значение в сфере применения принудительных мер, связанных с изоляцией от общества, имеют положения ст. 10 Пакта о том, что все лица, лишённые свободы, имеют право на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности (ч. 1 ст. 20). В ч. 2 ст. 10 Пакта устанавливаются два правила относительно обвиняемых:

– обвиняемые в случаях, когда отсутствуют исключительные обстоятельства, помещаются отдельно от осуждённых и им предоставляется отдельный режим, отвечающий статусу неосуждённых лиц;

– обвиняемые несовершеннолетние отделяются от совершеннолетних и в кратчайший срок доставляются в суд для вынесения решения.

В ч. 3 ст. 10 Пакта определена цель режима, предусмотренного пенитенциарной системой для заключённых, которая состоит в их исправлении и перевоспитании, а также установлено, что несовершеннолетние правонарушители отделяются от совершеннолетних и им предоставляется режим, отвечающий их возрасту и правовому статусу.

Все остальные нормы Всеобщей Декларации, Международного пакта о гражданских и политических правах, а также все нормы Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах относятся к сфере применения принудительных мер, связанных с изоляцией от общества, опосредованно.

Выше были рассмотрены международно-правовые акты, направленные на защиту прав лиц, подвергнутых принудительным мерам, связанным с изоляцией от общества. Существуют также акты, относящиеся к деятельности лиц, работающих в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества.

Один из таких актов – Принципы медицинской этики, относящиеся к роли работников здравоохранения, особенно врачей, в защите заключённых или задержанных лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, принятые резолюцией 37/194 ГА ООН от 18 декабря 1982 г.

Большинство международно-правовых актов о правах человека были ратифицированы ещё СССР. Так, например, Международный Пакт о гражданских и политических правах был ратифицирован СССР в 1973 г. и вступил для него в силу в 1976 г. Конвенция ООН против пыток была ратифицирована СССР в 1987 г. и в этом же году вступила для него в силу. Эти акты имеют силу и для РФ, поскольку в соответствии с ч. 3 ст. 1 ФЗ «О международных догово-

⁵ См.: Международные акты о правах человека. Сборник документов / сост. В. А. Карташкин, Е. А. Лукашева. – Москва: Норма, Инфра-М, 1998. – 784 с. – С. 45.

рах РФ» действие данного ФЗ распространяется на международные договоры, в которых Российская Федерация является стороной в качестве государства – продолжателя СССР [10].

Европейская Конвенция была ратифицирована уже РФ в виде ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» от 30 марта 1998 г., поскольку СССР членом Совета Европы не являлся.

Другую группу составляют международные акты, не являющиеся по своей юридической природе международными договорами. Для государств – членов ООН они носят рекомендательный характер. Эти акты создавались специально для установления стандартов в сфере обращения с правонарушителями.

Важное значение для нашего исследования имеют Минимальные стандартные правила обращения с заключёнными. Механизм осуществления Правил предусмотрен в приложении к нему под названием «Процедуры эффективного выполнения Минимальных стандартных правил обращения с заключёнными». Этот документ, принятый ЭКОСОС ООН 25 мая 1984 г., представляет 13 положений, которые должны способствовать выполнению Правил. В соответствии с Процедурами все государства, законо-

дательство которых не соответствует Правилам, должны принять этот документ и имплементировать его в нормы национального законодательства с учётом политической, экономической и правовой систем своего государства, но без ущерба для духа и цели Правил.

В последнее десятилетие, что стало особенно заметно с 2010 года, рассматриваемые противоречия обострились во многих странах Европы и мира, и специалисты не находят тех форм и механизмов, в которых бы эти противоречия были бы выявлены и разъяснены, а также определены пути их устранения. Более того к Российской Федерации на уровне межпарламентских институтов демонстрируется предвзятое, критичное отношение, вплоть до исключения. Проблемы пенитенциарной сферы после 2000 года, когда в рамках Международного центра тюремных исследований и Международной тюремной реформы обсуждались новые подходы для нового столетия при реформировании систем исполнения наказаний, больше на международном уровне эти вопросы в формате Резолюций и Правил не поднимались. Это связано с противоречиями между европейскими странами, а также осложнениями, вызванными пандемией.

Список литературы

1. *Городинец Ф. М.* Места содержания под стражей в Российской империи // История государства и права. – 2003. – № 4. – С. 24–25.
2. *Громадская Н. В.* Особенности исполнения наказания в виде принудительных работ / Право и современная экономика : сборник статей. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2018. – С. 180–183.
3. *Уткин В. А.* Концепция модернизации уголовно-исполнительной системы: как доктринальный политико-правовой акт // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 431. – С. 210–214. DOI: 10.17223/1561 7793/431/29.
4. *Уткин В. А.* Правовой статус осуждённых: законодательное и подзаконное регулирование / Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Томск. 19–20 апреля 2018. В 2 частях. – Ч. 1. – Вып. 6. – Томск: Томский ИПКР ФСИН России, 2018. – С. 13–20.
5. *Смирнов Л. Б.* Права человека и пенитенциарные учреждения: теоретико-правовое исследование : монография. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2000. – 281 с.
6. *Карташкин И. А., Колесова Н. С., Ларин А. М., Ледах И. А. и др.* Общая теория прав человека / отв. ред. Лукашева Е. А. – Москва: Норма, 1996. – 520 с.
7. *Шмаров И. В.* С позиций международных актов // Воспитание и правопорядок. – 1990. – № 8. – С. 36–38.
8. *Пикин И. В.* Международно-правовые стандарты в сфере регулирования правового статуса осуждённых и проблемы их реализации в процессе применения уголовных наказаний // «Чёрные дыры» в российском законодательстве. – 2015. – № 5. – С. 65–68.
9. *Миняева Т. Ф.* Международные стандарты обращения с осуждёнными // Международное публичное и частное право. – 2015. – № 5. – С. 31–34.
10. *Яковлев А. М.* Конвенция против пыток // Московский журнал международного права. – 1998. – № 1. – С. 89–92.
11. *Сысоев А. М., Славинская Ю. В.* Смертная казнь и пожизненное лишение свободы: правовой и психологический аспекты. – Рязань: Академия ФСИН России, 2007. – 116 с.
12. *Жданов С. В.* Международные стандарты исполнения наказания и обращения с осуждёнными в колониях поселенцев // Человек: преступление и наказание. – 2014. – № 1. – С. 136–138.

References

1. *Gorodinet F. M.* Mesta sodержaniya pod strazhey v Rossiyskoy imperii // Istoriya gosudarstva i prava. – 2003. – № 4. – S. 24–25.
2. *Gromadskaya N. V.* Osobennosti ispolneniya nakazaniya v vide prinuditel'nykh rabot / Pravo i sovremennaya ekonomika : sbornik statey. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy ekonomicheskij universitet, 2018. – S. 180–183.

3. *Utkin V. A.* Kontsepsiya modernizatsii ugolovno-ispolnitel'noy sistemy: kak doktrinal'nyy politiko-pravovoy akt // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2018. – № 431. – S. 210–214. DOI: 10.17223/1561 7793/431/29.

4. *Utkin V. A.* Pravovoy status osuzhdonnykh: zakonodatel'noye i podzakonnoye regulirovaniye / Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pedagogika, psikhologiya i pravo : materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Tomsk. 19–20 aprelya 2018. V 2 chastyakh. – Ch. 1. – Vyp. 6. – Tomsk: Tomskiy IPKR FSIN Rossii, 2018. – S. 13–20.

5. *Smirnov L. B.* Prava cheloveka i penitentsiarnyye uchrezhdeniya: teoretiko-pravovoye issledovaniye : monografiya. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2000. – 281 s.

6. *Kartashkin I. A., Kolesova N. S., Larin A. M., Ledyakh I. A. i dr.* Obshchaya teoriya prav cheloveka / otv. red. Lukasheva Ye. A. – Moskva: Norma, 1996. – 520 s.

7. *Shmarov I. V.* S pozitsiy mezhdunarodnykh aktov // Vospitaniye i pravoporyadok. – 1990. – № 8. – S. 36–38.

8. *Pikin I. V.* Mezhdunarodno-pravovyye standarty v sfere regulirovaniya pravovogo statusa osuzhdonnykh i problemy ikh realizatsii v protsesse primeneniya ugolovnykh nakazaniy // «Chernyye dyry» v rossiyskom zakonodatel'stve. – 2015. – № 5. – S. 65–68.

9. *Minyazeva T. F.* Mezhdunarodnyye standarty obrashcheniya s osuzhdonnymi // Mezhdunarodnoye publichnoye i chastnoye pravo. – 2015. – № 5. – S. 31–34.

10. *Yakovlev A. M.* Konventsia protiv pytok // Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava. – 1998. – № 1. – S. 89–92.

11. *Sysoyev A. M., Slavinskaya Yu. V.* Smertnaya kazn' i pozhiznennoye lisheniye svobody: pravovoy i psikhologicheskoy aspekt. – Ryazan': Akademiya FSIN Rossii, 2007. – 116 s.

12. *Zhdanov S. V.* Mezhdunarodnyye standarty ispolneniya nakazaniya i obrashcheniya s osuzhdonnymi v koloniyakh poseleniyakh // Chelovek: prestupleniye i nakazaniye. – 2014. – № 1. – S. 136–138.

Статья поступила в редакцию 25.05.2021; одобрена после рецензирования 10.01.2022; принята к публикации 10.02.2022.

The article was submitted May 25, 2021; approved after reviewing January 10, 2022; accepted for publication February 10, 2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Научная статья
УДК 343.7
doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-151-156

Александр Николаевич Смоляков
аспирант
<https://orcid.org/0000-0002-9156-2329>

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова
Российская Федерация, 150000, Ярославль, ул. Советская, д. 14

Ответственность за хищение безналичных денежных средств и цифровой валюты в странах англосаксонской и континентальной системы права

Аннотация: Отечественный законодатель совершенствует уголовно-правовые нормы с опорой в том числе и на зарубежный опыт. В связи с этим автор рассматривает подходы зарубежных стран к определению предмета имущественных преступлений в целом и его «цифровых вариантов» в частности. Анализируются подходы некоторых зарубежных стран (Великобритании, США, Германии, Австрии, Испании, Франции, Польши) к установлению уголовной ответственности за хищение безналичных денежных средств и цифровой валюты.

Автор на основе анализа делает вывод, что в законодательстве зарубежных государств англосаксонской и романо-германской систем предмет имущественных преступлений определяется через категорию «имущество». В Англии и США имущество в целом (в том числе безналичные денежные средства и криптовалюта) может выступать предметом любых имущественных преступлений. В странах континентальной системы (в частности, в ФРГ, Австрии, Франции) в рамках этой группы преступлений выделяется подгруппа преступных деяний, посягающих только на вещи (например, кража). Представляется, что в отечественном уголовном законе также следует выделять группу имущественных преступлений, в которые войдут преступления против собственности. Соответственно, необходимо решение проблемы несоответствия наименования главы 21 УК РФ её содержанию, поскольку нормами данной главы охраняются не только объекты вещных прав (в частности, права собственности), но и имущественные права (права требования и т. п.), составляющие содержание обязательственных отношений. Предлагается уточнить название главы 21 УК РФ, озаглавив её «Имущественные преступления» (учтя при этом и исследованный зарубежный опыт). Так, безналичные денежные средства, которые не являются вещами и на которые распространяется гражданско-правовой режим имущественных прав, логичнее признавать предметом «имущественных преступлений», а не преступлений против собственности.

Ключевые слова: хищение, безналичные денежные средства, цифровая валюта, криптовалюта, уголовная ответственность, зарубежное законодательство

Для цитирования: Смоляков А.Н. Ответственность за хищение безналичных денежных средств и цифровой валюты в странах англосаксонской и континентальной системы права // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 1 (93). – С. 151–156; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-151-156.

Alexander N. Smolyakov
Graduate
<https://orcid.org/0000-0002-9156-2329>

P. G. Demidov Yaroslavl State University
14, Sovietskaya str., Yaroslavl, 150000, Russian Federation

Responsibility for theft of non-cash funds and digital currency in the countries of the Anglo-Saxon and continental systems of law

Abstract: The domestic legislator improves the criminal law norms based on, among other things, foreign experience. In this regard, the author considers the approaches of foreign countries to the definition

of the subject of property crimes in general and its «digital variants» in particular. The approaches of some foreign countries (Great Britain, USA, Germany, Austria, Spain, France, Poland) to the establishment of criminal liability for the theft of non-cash funds and digital currency are analyzed.

Based on the analysis, the author concludes that in the legislation of foreign states of the Anglo-Saxon and Romano-Germanic systems, the subject of property crimes is defined through the category of «property». In England and the USA, property in general (including non-cash funds and cryptocurrency) can be the subject of any property crimes. In the countries of the continental system (in particular, in the Federal Republic of Germany, Austria, France), within this group of crimes, a subgroup of criminal acts that encroach only on things (for example, theft) is distinguished. It seems that in the domestic criminal law it is also necessary to single out a group of property crimes, which will include crimes against property. Accordingly, in order to solve the problem of the inconsistency of the title of Chapter 21 of the Criminal Code of the Russian Federation with its content, since the norms of this chapter protect not only objects of property rights (in particular, property rights), but also property rights (claim rights, etc.) that make up the content of obligations relations. It is proposed to clarify the title of Chapter 21 of the Criminal Code of the Russian Federation, heading it «Property Crimes» (taking into account the studied foreign experience). Thus, non-cash funds, which are not things and which are subject to the civil law regime of property rights, are more logical to recognize as the subject of «property crimes», and not crimes against property.

Keywords: theft, non-cash funds, digital currency, cryptocurrency, criminal liability, foreign legislation

For citation: Smolyakov A. N. Responsibility for theft of non-cash funds and digital currency in the countries of the Anglo-Saxon and continental systems of law // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 1 (93). – S. 151–156; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-151-156.

В пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части усиления уголовной ответственности за хищение денежных средств с банковского счёта или электронных денежных средств)» указывается, что «предлагаемые изменения в целом коррелируют нормативно-правовым тенденциям отдельных иностранных государств в сфере предупреждения таких деяний посредством установления строгих санкций» (например, Франции, КНР, США).

Это свидетельствует о том, что отечественный законодатель совершенствует уголовно-правовые нормы с опорой в том числе и на зарубежный опыт. В связи с этим необходимо рассмотреть подходы зарубежных стран к определению предмета имущественных преступлений в целом и его «цифровых вариантов» в частности.

Начнём с законодательства стран англосаксонской правовой системы.

Основными правовыми источниками Великобритании являются статуты (парламентское законодательство, законы) и судебные прецеденты, которые составляют так называемое «общее право». Ответственность за совершение преступлений против собственности предусмотрена Актом о краже 1968 г. (Theft Act 1968) и Законом о преступном причинении вреда имуществу 1971 г. Кража (theft) является комплексным понятием, включающим в себя все виды хищений. Согласно § 4 (1) Акта о краже понятие «имущество» охватывает деньги и всякое иное имущество, движимое и недвижимое, в том числе право требования и другое нематериальное имущество. В английском уголовном праве

безналичные денежные средства, в частности, находящиеся на банковском счёте, представляют собой права требования, поскольку остаток на счёте является правом требования клиента к банковской организации о выплате этой суммы или осуществлении операций с ней. Соответственно, такие средства являются предметом хищений и иных имущественных преступлений.

При этом в Великобритании отсутствует специальная норма об ответственности за кражу или мошенничество в отношении криптовалюты, и ответственность наступает по общим статьям о краже и мошенничестве, предусмотренным Theft Act 1968. Порой завладение криптовалютой рассматривается как преступление против компьютерной безопасности по статьям Computer Misuse Act 1990. Так, например, IT-специалист, укравший криптовалюту на сумму более 30 000 фунтов стерлингов, был заключён в тюрьму на 20 месяцев. Осуждённый был нанят для выполнения IT-работы в офисе потерпевшего, где он нашёл информацию, которую использовал для кражи криптовалюты. Была похищена «смесь» биткойнов, лайткойнов и эфириума. Ему было предъявлено обвинение в краже и несанкционированном доступе к компьютеру с целью облегчения правонарушения. В итоге он был приговорён к тюремному заключению за кражу и одновременно приговорён в соответствии с Законом о неправомерном использовании компьютеров от 11 июня 2020 года в Королевском суде Честера (<https://www.manchestereveningnews.co.uk>).

Обращает на себя внимание также доклад Университетского колледжа Лондона, датированный февралем 2021 г. и посвящён-

ный будущему преступлений, связанных с криптовалютой, например, мошенничеству при помощи поддельных электронных кошельков. Поставщик кастодиального кошелька упрощает использование криптовалюты, управляя закрытыми и открытыми ключами пользователя, что делает отправку и получение криптовалюты простой задачей. Иными словами, поставщики таких кошельков помогают управлять закрытыми ключами. Можно также настроить поддельные кошельки (в некоторых случаях их даже можно загрузить из магазинов приложений), чтобы затем похитить криптовалюту пользователя. Правда, в этом случае преступникам необходимо детальное знание механизмов работы криптовалют¹.

В США также уделяется повышенное внимание борьбе с киберпреступностью, в том числе в имущественной сфере. Так, в 2018 г. генеральный прокурор Джефф Сешнс создал в Министерстве юстиции США Целевую группу по кибер-цифровым технологиям для оценки влияния последних достижений в области технологий на способность правоохранительных органов обеспечивать безопасность американских граждан. Признавая множество «плюсов» технологических достижений, которые «обогатили нашу жизнь и стимулировали нашу экономику», генеральный прокурор также отметил, что «злонамеренное использование ... технологий наносит ущерб нашему правительству, потребителям и бизнесу и ставит под угрозу общественную и национальную безопасность»².

Регулярно публикуются доклады Министерства юстиции США по этой целевой группе. В частности, в докладе, датированном октябрём 2020 г., отмечается, что особенности криптовалюты, а также «отсутствие прозрачности на рынке криптовалюты» делают её особенно привлекательной, адаптируемой и масштабируемой в качестве цели для кражи. Преступники и даже мошеннические государственные деятели могут украсть криптовалюту, используя уязвимости безопасности в кошельках и биржах. Воры могут взламывать кошельки и биржи напрямую; использовать социальную инженерию и другие инструменты для

получения паролей и PIN-кодов от ничего не подозревающих пользователей; или, если они сами управляют биржами, занимаются инсайдерской кражей. В 2018 г. было украдено или мошеннически получено криптовалюты на сумму не менее 1,7 миллиарда долларов, причем более 950 миллионов долларов из этой суммы было похищено с криптовалютных бирж. Сообщается, что в 2019 г. в результате хищений было потеряно более 4,5 миллиардов долларов криптовалюты, что более чем удвоило убытки по сравнению с предыдущим годом³.

В США предмет имущественных преступлений так же, как и в Англии, рассматривается широко. Согласно ст. 223 Примерного уголовного кодекса США, под имуществом понимается «всё, что имеет ценность, включая недвижимое имущество, материальное и нематериальное личное имущество, права, вытекающие из договоров, имущество в требованиях и иные интересы или притязания по имуществу». Этот термин распространяется на все формы хищений (хищение путём незаконного взятия имущества или незаконного распоряжения имуществом, хищение путём обмана, вымогательства, приобретение похищенного имущества, хищение услуг).

Такой подход воспринят и на уровне законодательства штатов. Так, согласно ст. 155 УК штата Нью-Йорк, «под имуществом следует понимать деньги, движимое имущество, объекты недвижимости, компьютерные данные или программы, вещные и обязательственные права требования, а равно любой предмет или вещь, имеющее ценность, включая газ, воду или электричество». УК штата Техас в ст. 31.01, ст. 32.01 понимает под имуществом «недвижимое имущество; вещное (осязаемое) или не-вещное (неосязаемое) движимое имущество, включая нечто отделяемое от земли; документ, включая деньги, удостоверяющий собой что-то, имеющее стоимостное выражение». При этом понятие хищения является комплексным, включающим и кражи, и мошенничества, и растрату (присвоение), и вымогательство и др.

Что касается криптовалюты, то её правовое регулирование не единообразно. Например, в штате Вашингтон криптовалюта отнесена к категории «деньги», в штате Нью-Йорк к бездокументарным ценным бумагам [1, с. 87–92], но в любом случае она легализована в качестве имущества, поэтому может выступать предметом хищений и иных имущественных преступлений.

В США нередки случаи, когда действия по незаконному изъятию криптовалюты, как и в Англии, квалифицируются одновременно как преступления против собственности и как преступления против компьютерной безопасности. Так, 3 ноября 2021 г. Министерство юстиции США предъявило обвинения граж-

¹ U.S. Attorney Announces Indictment Charging U.K. Citizen With Conspiracy To Commit Computer Intrusions And Other Offenses [Прокурор США огласил обвинительное заключение по обвинению гражданина Великобритании в сговоре с целью совершения компьютерных вторжений и других преступлений] [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства юстиции США. – URL: <https://www.justice.gov/usao-sdny/pr/us-attorney-announces-indictment-charging-uk-citizen-conspiracy-commit-computer> (дата обращения: 14.02.2022).

² Sessions Jeff, Attorney General. Memorandum for Heads of Department Components Cyber-Digital Task Force February 16 2018 [Меморандум для руководителей подразделений Целевой группы по кибер-цифровым компонентам 16 февраля 2018 г.] [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства юстиции США. – URL: <https://www.justice.gov/opa/press-release/file/1035457/downloadn> (дата обращения: 14.02.2022).

³ Доклад Министерства юстиции США по Целевой группе по кибер-цифровым компонентам, октябрь 2020 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства юстиции США. – URL: <https://www.justice.gov> (дата обращения: 14.02.2022).

данину Великобритании, который вместе с сообщниками реализовал схему использования подмены SIM-карт для проведения кибервторжений с целью кражи криптовалюты на сумму около 784 000 долларов США от криптовалютной компании из Манхэттена, которая всегда предоставляла инфраструктуру кошелька и соответствующее программное обеспечение для бирж криптовалют по всему миру. В дальнейшем посредством несанкционированного доступа виновные украли и мошенническим путём перенаправили криптовалюту различных типов из криптовалютных кошельков, поддерживаемых компанией. Похищенная криптовалюта стоила не менее 784 000 долларов США на момент хищения и включала 770,784869 биткойнов, 6 363,490509 лайткойнов и 407,396074 эфириума. Виновный был осужден за сговор с целью взлома компьютера, сговор с целью совершения мошенничества с использованием электронных средств, кражу личных данных при отягчающих обстоятельствах, а также сговор с целью отмывания денег⁴.

Таким образом, в Англии и США предметом хищений выступает имущество в целом, включая безналичные денежные средства и криптовалюту.

Обратимся к законодательству стран континентальной системы права.

В Германии, согласно Уголовному кодексу ФРГ от 15 мая 1871 г., уголовно-правовой охране подлежат две группы имущественных отношений – отношения, возникающие по поводу вещей (имеют форму вещных прав, согласно § 90 Гражданского уложения Германии – «вещами в смысле закона являются лишь телесные предметы»), а также по поводу иных объектов, которые опосредованы обязательственными правоотношениями. Данная система предопределяется системой объектов гражданских прав. Так, выделяются две большие группы: 1) посягательства на телесные вещи, законодатель прямо указывает на чужую движимую вещь: *Eigentumsdelikte* – преступления против собственности, такие как кража (§ 242), присвоение имущества (§ 246), разбой и кража, отягощённая насилем (§ 249–252); 2) посягательства на имущество в целом (*Straftaten gegen einzelne Vermögenswerte* – вымогательство (§ 253), мошенничество (§ 263 – речь идет о причинении вреда имуществу), компьютерное мошенничество (§ 263a), злоупотребление доверием (§ 266).

Применительно к первым уголовный закон охраняет вещное право – право собственности, во втором случае охране подлежит всё имуще-

ство в целом (в том числе права требования, любые экономические блага), «опосредованное не вещными, а обязательственными и иными гражданско-правовыми отношениями»⁵. Безналичные денежные средства как права требования являются предметом посягательств, относящихся ко второй группе. Вместе с тем в качестве предмета кражи в Германии не могут выступать имущественные права (в том числе безналичные денежные средства), поскольку они бестелесны. Однако, как отмечается, предметом являются документы, подтверждающие имущественные права (например, чек, сберегательная книжка, вексель и др.) [2, с. 134].

Данная концепция имущественных преступлений имеет законченный характер, поскольку в полной мере охраняет отношения, возникающие по поводу различных гражданско-правовых объектов (вещей, объектов, не имеющих вещно-правовой природы: безналичных денежных средств, бездокументарных ценных бумаг). Российское дореволюционное уголовное право также различало преступления против собственности, посягающие на телесные вещи, и преступления против имущества как целого (это обуславливалось тем, что существенное влияние на отечественную юриспруденцию оказала германская доктрина). Впоследствии советский законодатель единственным объектом гражданского права стал признавать вещь.

В уголовном законодательстве Австрии понятие «имущество» также трактуется широко, поскольку в группу имущественных преступлений включаются преступления против собственности (предметом выступает вещь – простые кражи, кражи, отягощенные насилем, разбой), а также посягательства на имущество в целом (предметом выступают не только вещи, но и имущественные права: мошенничество, вымогательство) [3, с. 21–22].

В Испании предметом кражи, как и в ФРГ, является чужая движимая вещь (ст. 238 Органического закона Испании от 30 марта 2015 г.), в то время как «обвиняемыми в мошенничестве считаются те, кто с целью получения прибыли и с помощью компьютерных манипуляций или аналогичным способом, стремятся получить передачу любого имущества без согласия в ущерб другому; те, кто использует кредитные или дебетовые карты, дорожные чеки и проводит операции любого рода в ущерб собственнику или третьему лицу».

В Уголовном кодексе Франции имеется целая Книга (третья) «Об имущественных преступлениях и проступках». Под кражей понимается обманное изъятие вещи другого лица (ст. 311-1), в то время как предметом вымогательства (ст. 312.1), мошенничества (ст. 313-1), злоупотребления доверием (ст. 314-1) может

⁴ U.S. Attorney Announces Indictment Charging U.K. Citizen With Conspiracy To Commit Computer Intrusions And Other Offenses [Прокурор США огласил обвинительное заключение по обвинению гражданина Великобритании в сговоре с целью совершения компьютерных вторжений и других преступлений] [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства юстиции США. – URL: <https://www.justice.gov/usao-sdny/pr/us-attorney-announces-indictment-charging-uk-citizen-conspiracy-commit-computer> (дата обращения: 14.02.2022).

⁵ Харламов Д. Д. Система имущественных преступных деяний по УК Российской Федерации и ФРГ: сравнительно-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Харламов Даниил Дмитриевич. – Москва, 2016. – С. 11.

выступать любое имущество (в частности, денежные средства, ценные бумаги, материальные ценности или «какое бы то ни было иное имущество»). При этом следует отметить, что в эту книгу включена самостоятельная глава «О посягательствах на системы автоматизированной обработки данных», которая представляет аналог гл. 28 УК РФ «Компьютерные преступления». Это свидетельствует о том, что предмет имущественных преступлений в УК Франции весьма широкий, поскольку включает в себя также и компьютерную информацию. При этом К. В. Горобец замечает, что имущественные преступные деяния по УК Франции вообще не предусматривают такого родового термина, как «хищение» [4, с. 9].

Глава 35 УК Республики Польша именуется «Преступления против имущества» и открывается ст. 278, в которой говорится о завладении чужой движимой вещью с целью её присвоения. При этом в этой же норме речь идёт и о краже карточки, дающей право на получение денег из банкомата. В таком случае польский законодатель понимает её как предмет преступления, хотя в отечественной доктрине такой подход ставится под сомнение, поскольку карта «не обладает его свойствами (в частности, экономическим признаком, определяющим стоимость и востребованность в экономическом обороте предмета преступления)»⁶, предметом выступают безналичные денежные средства, расположенные на счёте лица.

Таким образом, в уголовном законодательстве стран романо-германской системы существует группа имущественных преступлений, в рамках которой выделяются преступные деяния, посягающие исключительно на вещь (например, кража), а также преступления, посягающие на иные виды имущества (в том числе на безналичные денежные средства).

В целом же в законодательстве зарубежных государств англосаксонской и романо-германской систем предмет имущественных преступлений определяется через категорию «имущество». В Англии и США имущество в целом (в том числе безналичные денежные средства и криптовалюта) может выступать предметом любых имущественных преступлений. В странах континентальной системы (в частности,

в ФРГ, Австрии, Франции) в рамках этой группы преступлений выделяется подгруппа преступных деяний, посягающих только на вещи (например, кража).

Представляется, что в отечественном уголовном законе также следует выделять группу имущественных преступлений, в которые войдут преступления против собственности. Соответственно, для решения проблемы несоответствия наименования главы 21 УК РФ её содержанию, поскольку нормами данной главы охраняются не только объекты вещных прав (в частности, права собственности), но имущественные права (права требования и т. п.), составляющие содержание обязательственных отношений, целесообразно уточнить название главы 21 УК РФ, озаглавив её «Имущественные преступления» (учтя при этом и исследованный зарубежный опыт). Так, безналичные денежные средства, которые не являются вещами и на которые распространяется гражданско-правовой режим имущественных прав, логичнее признавать предметом «имущественных преступлений», а не преступлений против собственности.

Кроме того, с учётом приведенного зарубежного опыта, а также нарушения правил дифференциации уголовной ответственности, существование в отечественном уголовном законе квалифицирующего признака хищения имущества «с банковского счёта, а равно в отношении электронных денежных средств» (ч. 3 ст. 158, ч. 3 ст. 159⁶ УК РФ) представляется необоснованным, в связи с чем логично исключить его из уголовного закона. В результате эволюционного расширения форм и механизмов безналичной оплаты в структуре платежей как раз безналичные хищения денег становятся «криминальной нормой», приходя на смену хищениям наличности, а квалифицированные составы преступлений не должны отражать «норму» криминального поведения.

Следует также констатировать, что отечественное законодательство разделяет некоторые из изложенных выше подходов. В соответствии со ст. 128 ГК РФ, электронные и иные безналичные денежные средства не могут признаваться вещами, но относятся к имущественным правам как разновидности иного имущества, также указанного в числе объектов гражданских прав. Принадлежат к категории «имущество» (а не «права на имущество»), электронные и иные безналичные денежные средства отвечают всем признакам предмета хищений в полном соответствии с примечанием 1 к ст. 158 УК РФ.

⁶ Горобец К. В. Мошенничество по уголовному праву России и Франции. Сравнительно-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Горобец Кирилл Владимирович. – Москва, 2009. – С. 9.

Список литературы

1. Ляскало А. Н. Криптовалюты как предмет и средство преступления // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVI Международной научно-практической конференции. – Москва: РГ-Пресс, 2019. – С. 87–92.
2. Харламов Д. Д. Кража в системе имущественных преступных деяний по УК Российской Федерации и ФРГ // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. – № 2. – С. 133–136.

3. Хисамова З. И. Квалификация посягательств, совершенных с использованием электронных средств платежа // Государство и право. – 2015. – № 3 (33). – С. 127–131.

4. Хилыута В. В. Преступления против собственности и порядка осуществления экономической деятельности: концептуальные основы моделирования объекта и системы : монография. – Москва: Юрлитинформ, 2012. – 202 с.

5. Люттов В. А. Электронные средства платежа как предмет мошеннических действий по уголовному законодательству Российской Федерации и Китайской Народной Республики // E-SCIO. – 2019. – № 7. – С. 254–259.

6. Коренная А. А., Тыдыкова Н. В. Криптовалюта как предмет и средство совершения преступлений // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13. – № 3. – С. 408–415.

7. Куликова А. А., Жмурко Р. Д. Криптовалюта как предмет преступления: проблемы квалификации и защиты // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2020. – № 11-2. – С. 376–381.

8. Алексеев Н. В. Неклассические объекты гражданского права. Особенности правовой природы криптовалют // Право: история, теория, практика : сборник. – Вып. 21. – Брянск: Новый проект, 2017. – С. 29–37.

9. Барчуков В. К. К вопросу о квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 2. – С. 101–112.

10. Олейник Е. Н. Проблематика отграничения кражи имущества с банковского счета от мошенничества с использованием электронных средств платежа // Балтийский гуманитарный журнал. – 2018. – № 2 (23). – С. 45–47.

References

1. Lyaskalo A. N. Kriptoalyuty kak predmet i sredstvo prestupleniya // Ugolovnoye pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy XVI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Moskva: RG-Press, 2019. – S. 87–92.

2. Kharlamov D. D. Krazha v sisteme imushchestvennykh prestupnykh deyaniy po UK Rossiyskoy Federatsii i FRG // Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. – 2016. – № 2. – S. 133–136.

3. Khisamova Z. I. Kvalifikatsiya posyagatel'stv, sovershennykh s ispol'zovaniyem elektronnykh sredstv platezha // Gosudarstvo i pravo. – 2015. – № 3 (33). – S. 127–131.

4. Khilyuta V. V. Prestupleniya protiv sobstvennosti i poryadka osushchestvleniya ekonomicheskoy deyatel'nosti: kontseptual'nyye osnovy modelirovaniya ob'yekta i sistemy : monografiya. – Moskva: Yurlitinform, 2012. – 202 s.

5. Lyutov V. A. Elektronnyye sredstva platezha kak predmet moshennicheskikh deystviy po ugolovnomu zakonodatel'stvu Rossiyskoy Federatsii i Kitayskoy Narodnoy Respubliki // E-SCIO. – 2019. – № 7. – S. 254–259.

6. Korennaya A. A., Tydykova N. V. Kriptoalyuta kak predmet i sredstvo soversheniya prestupleniy // Vserossiyskiy kriminologicheskij zhurnal. – 2019. – Т. 13. – № 3. – S. 408–415.

7. Kulikova A. A., Zhmurko R. D. Kriptoalyuta kak predmet prestupleniya: problemy kvalifikatsii i zashchity // Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava. – 2020. – № 11-2. – S. 376–381.

8. Alekseyev N. V. Neklassicheskiye ob'yekty grazhdanskogo prava. Osobennosti pravovoy prirody kriptoalyut // Pravo: istoriya, teoriya, praktika : sbornik. – Vyp. 21. – Bryansk: Novyyu proyekt, 2017. – S. 29–37.

9. Barchukov V. K. K voprosu o kvalifikatsii moshennichestva v sfere komp'yuternoy informatsii // Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. – 2017. – № 2. – S. 101–112.

10. Oleynik Ye. N. Problematika otgranicheniya krazhi imushchestva s bankovskogo scheta ot moshennichestva s ispol'zovaniyem elektronnykh sredstv platezha // Baltiyskiy humanitarnyy zhurnal. – 2018. – № 2 (23). – S. 45–47.

Статья поступила в редакцию 30.12.2021; одобрена после рецензирования 01.02.2022; принята к публикации 12.03.2022.

The article was submitted December 30, 2021; approved after reviewing February 01, 2022; accepted for publication March 12, 2022.

Научная статья
УДК 342.534.2, 343.123.52
doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-157-167

Владимир Юрьевич Стельмах
кандидат юридических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0002-7558-6531>, vstelmah@mail.ru

Уральский юридический институт МВД России
Российская Федерация, 620057, Екатеринбург, ул. Корепина, д. 66

Признаки иммунитета от уголовного преследования и его виды

Аннотация: Актуальность темы исследования. В Российской Федерации на конституционном уровне закрепляется равенство всех граждан перед законом и судом. При этом общеизвестно, что в уголовном судопроизводстве законодательно предусмотрено несколько различных иммунитетов (в частности, иммунитет от уголовного преследования, иммунитет от применения ряда мер уголовно-процессуального принуждения, свидетельский иммунитет). Иммунитет от уголовного преследования занимает среди процессуальных иммунитетов особое место в связи с тем, что его наличие обуславливает необходимость проведения дополнительных процедур для решения ключевого и наиболее универсального вопроса – привлечения лица к уголовной ответственности. Как известно, в порядке исключения из общего правила о едином порядке производства по уголовным делам в отношении некоторых категорий лиц, выполняющих определенные виды публично-правовой деятельности, законом установлены особенности уголовного судопроизводства (глава 52 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации). При этом эти особенности не носят универсального характера, а различны для разных субъектов, привлекающихся к уголовной ответственности. В связи с этим существует потребность исследовать понятие иммунитета от уголовного преследования и произвести классификацию его видов.

Постановка проблемы. В главе 52 УПК РФ закреплены особенности судопроизводства в отношении весьма широкого круга лиц. При этом применительно к некоторым лицам эти особенности заключаются только в том, что возбуждение уголовного дела производится вышестоящим руководителем следственного органа. Возникает вопрос, можно ли считать данную особенность иммунитетом от уголовного преследования, а если нет – то каковы существенные признаки указанного иммунитета? Кроме того, следует произвести классификацию иммунитета от уголовного преследования, поскольку в зависимости от вида иммунитета заметно различается порядок судопроизводства. В науке уголовного процесса указанным аспектам должного внимания не уделено. Зачастую все предусмотренные в гл. 52 УПК РФ усложнения уголовно-процессуальной деятельности объявляются иммунитетом от уголовного преследования, что не соответствует правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации.

Цели и методы исследования. Цель исследования – уяснение существенных признаков иммунитета от уголовного преследования и классификация его видов.

Задачи исследования: исследовать правовую природу иммунитета от уголовного преследования; разграничить виды данного иммунитета по различным основаниям.

Методологической основой исследования является универсальный диалектико-материалистический метод, а также общенаучные методы научного познания: анализ и синтез, индукция и дедукция, формально-юридический.

Результаты и ключевые выводы. Иммунитет от уголовного преследования предполагает принятие решения о привлечении его носителя к уголовной ответственности только с разрешения компетентного государственного органа, как правило, относящегося к законодательной или судебной ветви власти. При этом иммунитет заключается в наличии определённой процедуры получения такого согласия, в рамках которой весьма значительные права предоставляются лицу, в отношении которого решается соответствующий вопрос. В силу отмеченного обстоятельства усложнение судопроизводства, сводящееся исключительно к возбуждению уголовного дела вышестоящим руководителем следственного органа, нельзя считать иммунитетом от уголовного преследования. Данный иммунитет предоставляется лицам, прямо указанным в Конституции Российской Федерации. Его предоставление иным субъектам принципиально допустимо, но с учётом ограничений, предусмотренных правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; возбуждение уголовного дела; уголовное преследование; особенности уголовного судопроизводства; уголовно-процессуальный иммунитет; неприкосновенность от уголовного преследования; лишение неприкосновенности

Для цитирования: Стельмах В. Ю. Признаки иммунитета от уголовного преследования и его виды // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 1 (93). – С. 157–167; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-157-167.

Vladimir Y. Stelmakh
Cand. Sci. (Jurid.), Docent
<https://orcid.org/0000-0002-7558-6531>, vlstelmah@mail.ru

Ural Law Institute of the MIA of Russia
66, Korepina str., Yekaterinburg, 620057, Russian Federation

Signs of immunity from prosecution and its types

Abstract: Relevance of the research topic. In the Russian Federation, the equality of all persons before the law and the courts is enshrined at the constitutional level. At the same time, it is well known that there are several types of immunity available in criminal proceedings according to the law (in particular, immunity from criminal prosecution, immunity from the application of a number of measures of criminal procedure compulsion, witness immunity). Immunity from prosecution occupies a special place among procedural immunities since it requires additional procedures to address the key and the most universal issue of bringing a person to justice. As an exception to the general rules of the uniform criminal procedure, the law establishes specific criminal proceedings for some categories of persons performing certain types of public legal activities (see chapter 52 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation). At the same time, the features of those persons are not universal. Therefore, there is a need to examine the concept of immunity from prosecution and to classify its types.

Problem setting. Chapter 52 of the Code of Criminal Procedure defines the specifics of judicial proceedings in relation to a very wide range of persons. In respect to some persons, the initiation of a criminal case may be carried out only by the senior investigative authorities. The question arises whether this feature can be considered immunity from criminal prosecution, and if not, what are the essential features of this immunity. Furthermore, immunity from criminal prosecution should be classified, since the court proceedings vary markedly depending on the type of immunity. In the science of criminal procedure, these aspects have not received due attention. Commonly, any complications in the course of the criminal procedure described in chapter 52 of the Code of Criminal Procedure are declared immunity from criminal prosecution, which does not correspond to the legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Research objectives and methods. The purpose of the study is to define the essential signs of immunity from criminal prosecution and to classify its types.

The objectives of the study are to explore the legal nature of immunity from criminal prosecution and distinguish the types of immunity according to different grounds.

The methodological basis of the study is the universal dialectical-materialistic method, as well as the general scientific methods of theoretic inquiry: analysis and synthesis, induction and deduction, formal-legal method.

Results and key findings. Immunity from criminal prosecution entails a decision to prosecute the person with immunity only with the permission of the competent public authority, usually within the legislative or judicial branch of power. Immunity guarantees a certain procedure for obtaining such consent, that grants significant rights to the person in question. Due to the mentioned circumstances, the complication of proceedings limited solely to the initiation of criminal proceedings by the superior authority of the investigative agency cannot be considered immunity from criminal prosecution. This immunity is granted to persons expressly specified in the Constitution of the Russian Federation. Its provision to other persons is fundamentally permissible accounting for the restrictions contained in the legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Keywords: criminal proceedings, initiation of criminal proceedings, criminal prosecution, peculiarities of criminal proceedings, immunity from criminal procedure; immunity from prosecution, waiving of immunity

For citation: Stelmakh V. Y. Signs of immunity from prosecution and its types // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 1 (93). – P. 157–167; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-157-167.

Введение

В Российской Федерации все равны перед законом и судом (ч. 1 ст. 19 Конституции Российской Федерации¹). Исходя из этого, по смыслу ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ²), каждый совершивший преступление обязан понести за это установленную законом ответственность. Хотя действующий уголовный закон не содержит формулировок о неотвратимости уголовной ответственности за совершённое преступление, такая неотвратимость подразумевается, исходя из нормативных положений конституционного уровня. Государство выполняет правоохранительную функцию, реализация которой возлагается на компетентные государственные органы. Если допустить, что государство не обязано стремиться к раскрытию каждого преступления, установлению всех причастных к его совершению лиц, дачи верной юридической оценки их действиям, то приходится констатировать невозможность выполнения правоохранительной функции государства.

Порядок судопроизводства по уголовным делам является единым и распространяется на всех лиц, находящихся на территории Российской Федерации (ч. 1 ст. 1, ст. 2, 3 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации – далее УПК РФ³). Вместе с тем законодательными актами установлены определенные особенности порядка разбирательства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц с учётом публично-правового характера их деятельности. Данные особенности сводятся к усложнению порядка осуществления уголовного преследования соответствующих лиц.

Степень усложнения процедуры уголовного судопроизводства применительно к различным субъектам неодинакова. Действующий закон предусматривает две группы особенностей уголовно-правовой процедуры в отношении различных лиц.

Первая группа особенностей связана с необходимостью проведения определённой процедуры, в ходе которой компетентные органы государственной власти дают в той или иной форме согласие на осуществление уголовного преследования соответствующего лица. Законодательство и правовая теория используют для наименования такой процедуры два основных термина – «иммунитет» и «неприкосновенность», которые фактически являются синонимами. Иммунитет от уголовного преследования занимает особое место среди уголовно-процессуальных иммунитетов, поскольку он, в отличие

от других (например, от свидетельского), затрагивает не отдельные частные аспекты осуществления уголовно-процессуальной деятельности, а целиком охватывает главное направление уголовного судопроизводства – привлечение лица к уголовной ответственности.

Вторая группа особенностей заключается единственно в том, что уголовное дело в отношении некоторых лиц возбуждается не следователем, а вышестоящим руководителем следственного органа (уровня субъекта Российской Федерации либо федерального уровня), либо с согласия руководителя следственного органа указанного уровня. После возбуждения уголовного дела предварительное расследование, направление дела в суд и судебное разбирательство производятся в общем порядке. Возникает вопрос, являются ли указанные особенности иммунитетом от уголовного преследования, а если не являются – то каковы существенные признаки иммунитета? Кроме того, представляет значительный интерес проблематика классификации иммунитета от уголовного преследования.

Понятие и сущность анализируемого вида уголовно-процессуального иммунитета весьма активно исследовались учеными, причём с различных позиций: его значение [1, с. 46–51; 2, с. 111–114], круг носителей иммунитета [3, с. 55–60; 4, с. 52–59; 5, с. 100–118; 6, с. 57–70], регламентация нормами международного права иммунитета отдельных категорий лиц [7, с. 458–467], особенности привлечения к уголовной ответственности тех или иных субъектов, обладающих иммунитетом [8, с. 47–50; 9, с. 108–112; 10, с. 115–123; 11, с. 49–55; 12, с. 144–156; 13, с. 111–113, 14, с. 24–31], реализация иммунитета в особых производствах [15, с. 69–77; 16, с. 88–91].

Вместе с тем отдельные важные аспекты, отражающие сущность иммунитета от уголовного преследования, продолжают оставаться проблемными. Зачастую понятие иммунитета рассматривается как нечто само собой разумеющееся, в силу чего признаки иммунитета, отличающие его от иных особенностей уголовного судопроизводства, не систематизированы. Неполно произведена классификация видов иммунитета от уголовного преследования по отдельным основаниям.

Целью исследования является установление существенных признаков иммунитета от уголовного преследования и классификация его видов.

Задачи исследования:

- провести различия между иммунитетом и иными особенностями судопроизводства в отношении лиц, выполняющих определённые виды публично-правовой деятельности;
- проанализировать особенности установления в отраслевом законодательстве иммунитета субъектов, прямо не указанных в Конституции Российской Федерации;
- выявить значимые основания классификации иммунитета от уголовного преследования.

Описание исследования

Иммунитет от уголовного преследования характеризуется рядом существенных признаков, в том числе:

¹ Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года. [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.01.2022).

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (ч. 1). – Ст. 4921.

а) для осуществления уголовного преследования требуется согласие компетентного органа, который, с одной стороны, не является участником уголовного судопроизводства со стороны обвинения, с другой стороны, принадлежит к тому же социальному или профессиональному сообществу, что и лицо, в отношении которого решается вопрос об осуществлении уголовного преследования. Таким образом, согласие на осуществление уголовного преследования лица, по сути, дает социальное или профессиональное сообщество, к которому это лицо принадлежит;

б) предполагает наличие определённой процедуры получения согласия на осуществление уголовного преследования, включающей регламентированный правовыми нормами порядок обращения к органу, дающему такое согласие, и рассмотрения этим органом обращения;

в) в рамках данной процедуры лицо, в отношении которого решается вопрос об осуществлении уголовного преследования, играет достаточно активную роль, обладая возможностью участвовать в рассмотрении вопроса о даче согласия на осуществление уголовного преследования, в том числе высказывать свою позицию органу, дающему разрешение.

Очевидно, что усложнённый порядок уголовного судопроизводства, отличия которого от общего порядка заключаются единственно в возбуждении уголовного дела вышестоящим руководителем следственного органа, перечисленными признаками не обладает. Соответственно, нельзя считать, что лица, в отношении которых применяется этот порядок, наделены иммунитетом от уголовного преследования. Данный порядок предполагает лишь повышенный уровень процессуального контроля за возбуждением уголовного дела с учётом значимости деятельности, осуществляемой лицами, в отношении которых осуществляется уголовное преследование.

При этом необходимо учитывать сформулированную Конституционным Судом Российской Федерации правовую позицию, в соответствии с которой возбуждение уголовного дела вышестоящим руководителем следственного органа не предполагает наличия у него права на произвольный отказ в возбуждении дела, поскольку это означало бы как незаконное ограждение от уголовной ответственности виновного субъекта, так и ограничение возможностей защиты потерпевшими своих прав и законных интересов⁴.

Каких-либо универсальных критериев, относящихся к характеру выполняемой лицом публично-правовой деятельности, в силу чего

лицо наделяется иммунитетом от уголовного преследования либо в отношении него устанавливаются иные особенности судопроизводства по уголовным делам, в законе не установлено. Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что законодатель, исходя из особенностей обстановки в государстве в тот или иной период, вправе принять решение о предоставлении иммунитета той или иной категории лиц для достижения оптимального баланса между интересами обеспечения неприкосновенности этих лиц и неотвратимости привлечения лиц, виновных в совершении преступлений, к уголовной ответственности⁵.

Обращает на себя внимание, что действующее законодательство устанавливает особенности уголовного преследования для весьма широкого круга различных субъектов, причём, судя по всему, законодатель руководствуется различными критериями при определении специфики публично-правовой деятельности этих лиц.

Так, сенаторам Российской Федерации, депутатам Государственной Думы Федерального Собрания, судьям, присяжным и арбитражным заседателям неприкосновенность предоставляется в связи с их принадлежностью к законодательной и судебной ветвям власти, что полностью соответствует историческим традициям надления иммунитетом, необходимостью обеспечения их независимости от исполнительной ветви власти, к которой организационно относятся органы предварительного расследования. Статус кандидатов в депутаты и членов избирательных комиссий организационно связан с функционированием законодательной ветви власти, обеспечением регулярной сменяемости ее персонального состава.

Иммунитет Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий, обусловлен прежде всего беспрецедентной важностью деятельности главы государства, сосредоточивающего исключительный объём разнообразных прав и обязанностей в областях внутренней и внешней политики, экономики, безопасности, правоохранительной деятельности, руководства государственными органами (в частности, обеспечение согласованного взаимодействия высших органов государственной власти, представление кандидатур на ключевые государственные должности, определение внутренней и внешней политики Россий-

⁴ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Елаева Ивана Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 45 и 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и статей 447 и 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2005 года № 193-О. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. – Режим доступа: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision31859.pdf> (дата обращения: 15.01.2022).

⁵ Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан о проверке конституционности подпункта «д» пункта 1 статьи 13 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и принятием Федерального закона «О противодействии коррупции: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 мая 2009 года № 598-О-О. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. – Режим доступа: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision29413.pdf> (дата обращения: 15.01.2022).

ской Федерации, формирование Правительства Российской Федерации и общее руководство им, выполнение функций Верховного Главнокомандующего Вооружёнными Силами Российской Федерации и т. п.). Находясь при исполнении обязанностей, Президент в ряде случаев принимает ответственные решения в крайне нетипичных ситуациях, прямо не регламентированных законом, в силу чего глава государства вынужден руководствоваться не текстом нормативного акта, а смыслом закона и наивысшими национально-государственными и гуманитарными интересами. В частности, именно в подобной ситуации оказался В. В. Путин, принимая на фоне острейшего конфликта с Украиной решения о признании итогов референдума в Республике Крым и городе Севастополе и включении указанных субъектов в Российскую Федерацию. Разумеется, действия Президента, совершённые в указанных ситуациях, могут впоследствии получить неоднозначную не только политическую, но и правовую оценку. С учётом изложенного требуется предоставление иммунитета лицу не только в период осуществления полномочий Президента Российской Федерации, но и после завершения президентского срока.

Установление особенностей уголовного преследования других лиц вызвано значимостью их публично-правовой деятельности. Так, особенности уголовного судопроизводства в отношении выборных лиц органов местного самоуправления обусловлены получением этими лицами мандата на осуществление полномочий непосредственно от части населения (избирателей муниципального образования). Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации осуществляет важнейшую правозащитную деятельность; прокуроры, руководители следственных органов, следователи являются ключевыми субъектами при осуществлении уголовного преследования по уголовным делам, обязаны обеспечить законность и обоснованность уголовно-процессуальной деятельности; адвокаты участвуют в отправлении правосудия по уголовным, гражданским и арбитражным делам, при этом их деятельность связана с оказанием квалифицированной юридической помощи, в силу чего имеет не частный, а публично-правовой характер⁶. Следует учитывать, что установление особенностей уголовного судопроизводства в отношении таких лиц, определение их круга относится к исключительной компетенции федерального законодателя и производится им исходя из особенностей конкретной ситуации в государстве в тот или иной период, исторических традиций и прочих факторов.

⁶ По делу о проверке конституционности положения абзаца первого пункта 1 статьи 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина О.В. Сухова»: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2019 года № 29-П [Электронный ресурс] // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. – Режим доступа: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDDecision415799.pdf> (дата обращения: 15.01.2022).

Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что наделение тех или иных категорий лиц иммунитетом от уголовного преследования не противоречит Конституции Российской Федерации, поскольку иммунитет не является личной привилегией, имеет публично-правовой характер, призван служить общественным интересам, обеспечивать повышенную охрану законом тех или иных категорий граждан в силу осуществляемых ими государственных функций, ограждать их от необоснованного преследования, способствовать их беспрепятственной деятельности и тем самым выполнению функций, возложенных на органы, в которых работают данные лица⁷.

Таким образом, иммунитет от уголовного преследования характеризуется следующими признаками.

Во-первых, предоставление иммунитета обусловлено публично-правовой деятельностью лица. Иммунитет является не личной привилегией, а прежде всего средством обеспечения эффективного осуществления лицом своих публично значимых функций, гарантией беспрепятственной реализации полномочий, средством ограждения от неправомерного вмешательства в деятельность лица и оказания на него давления [17, с. 82]. В противном случае предоставление иммунитета будет иметь негативное социальное значение. Наделение каких-либо лиц иммунитетом не в связи с осуществляемой ими деятельностью, с одной стороны, нарушит принцип равенства всех граждан перед законом и единообразия применения закона, с другой стороны, повлечет ущемление прав потерпевших, поскольку обусловит невозможность осуществления уголовного преследования за преступления, а следовательно, невозможность восстановления нарушенных прав потерпевшего.

Во-вторых, иммунитет от уголовного преследования может быть установлен исключительно федеральным законом. Недопустимо предоставлять данный иммунитет подзаконным актом. Субъекты Российской Федерации не вправе вводить иммунитет от уголовного преследования для каких-либо категорий граждан, не указанных в федеральных законах⁸. В на-

⁷ По делу о проверке конституционности положений частей первой и второй статьи 18, статьи 19 и части второй статьи 20 Федерального закона от 8 мая 1994 года «О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 февраля 1996 года № 5-П [Электронный ресурс]. – Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. – Режим доступа: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDDecision30414.pdf> (дата обращения: 15.01.2022).

⁸ По делу о проверке конституционности положений статей 13 и 14 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А.П. Быкова, а также запросами Верховного Суда Российской Федерации и Законодательного Собрания Красноярского края: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12 апреля 2002 года № 9-П [Электронный ресурс] //

стоящее время в некоторых случаях в нормативных актах субъектов Российской Федерации, регламентирующих статус депутатов законодательных органов соответствующего субъекта Российской Федерации, содержатся указания на наличие у данных лиц иммунитета от уголовного преследования. Такие нормы, однако, не имеют самостоятельного правового значения, сами по себе они иммунитетом никого не наделяют и могут расцениваться исключительно как дублирующие федеральный закон. Иными словами, соответствующие лица получают иммунитет в силу федерального закона, а не регионального нормативного акта, и региональный акт просто повторяет положения федерального закона, не имея при этом самостоятельного юридического значения. Тем более региональные нормативные акты не могут расширять круг лиц, наделённых иммунитетом от уголовного преследования, вводить категории граждан, отсутствующие в федеральных законах.

Следует учитывать, что в соответствии с ч. 1 ст. 13 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»⁹ и ч. 51 ст. 40 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹⁰, гарантии осуществления полномочий депутата законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации, депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления устанавливаются законами субъектов Российской Федерации и уставами муниципальных образований в соответствии с федеральными законами. Вместе с тем это не означает, что органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления вправе самостоятельно принимать нормы, касающиеся неприкосновенности от уголовного преследования. Законом субъекта Российской Федерации и уставом муниципального образования могут быть установлены только гарантии социального характера, но не иммунитет от уголовного преследования, поскольку вопросы уголовно-процессуального законодательства отнесены к исключительной компетенции Российской Федерации.

В-третьих, иммунитет предполагает дачу согласия на осуществление уголовного пресле-

дования не органом уголовного судопроизводства, а органом, представляющим социальное или профессиональное сообщество, к которому принадлежит лицо, в отношении которого решается вопрос об уголовном преследовании. В целом можно согласиться с М. В. Рязановым в том, что «лишить лицо иммунитета в некоторых случаях может тот, кто наделил лицо статусом, частью которого является иммунитет от уголовной ответственности» [18, с. 199].

Такой порядок лишения иммунитета имеет глубокие исторические корни, поскольку само возникновение иммунитета связано с возникновением парламентаризма в условиях монархического государства, когда все исполнительно-распорядительные и судебные органы прямо подчинялись центральным или региональным суверенам и находились от них в полной зависимости. В подобных условиях единственным способом обеспечения независимости парламентариев выступало то, что сам парламент наделялся исключительным правом на дачу согласия на привлечение его членов к ответственности. В настоящее время, с учётом воплощения в жизнь принципа «разделения властей» и появления независимых судов, ситуация коренным образом изменилась, однако конструкция иммунитета остаётся практически в неизменном виде, что обусловлено главным образом традициями.

Внутригосударственный уголовно-процессуальный иммунитет бывает персональным и функциональным.

Персональный иммунитет связан со статусом его носителя и характеризует всю совокупность предоставленных соответствующему субъекту дополнительных гарантий от привлечения к каким-либо видам ответственности (например, в содержание иммунитета депутата Государственной Думы входит неприкосновенность от привлечения к административной ответственности в судебном порядке, от уголовного преследования, от досмотра транспортных средств и средств связи, в рамках какой бы отраслевой регламентации эти действия ни предпринимались).

Функциональный иммунитет характеризует отраслевую сферу правового регулирования, в которой установлены дополнительные гарантии. В частности, можно выделить иммунитет от уголовного преследования, свидетельский иммунитет (право не давать показания в качестве свидетеля), иммунитет от задержания (как фактического, так и процессуального), иммунитет от привлечения к административной ответственности. Так, иммунитет от уголовного преследования предоставлен ряду субъектов, выполняющих различные виды публично-правовой деятельности (сенаторы Российской Федерации, депутаты Государственной Думы, бывший Президент Российской Федерации, судьи). Персональный и функциональный иммунитеты соотносятся по принципу «пересекающихся плоскостей». Субъекты, выполняющие значимые направления публично-правовой деятельности, наделяются различными видами

Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. – Режим доступа: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision30219.pdf> (дата обращения: 15.01.2022).

⁹ Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации : Федеральный закон от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 42. – Ст. 5005.

¹⁰ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.

функционального иммунитета, причём иногда в разном объёме, и совокупность предоставленных той или иной категории субъектов проявлений функционального иммунитета составляет персональный иммунитет данной категории.

Следует отметить, что в международном праве традиционно выделяется личный (*ratione personae*) и функциональный (*ratione materiae*) иммунитет от уголовной ответственности [19, с. 273]. Однако применительно к международному праву эти иммунитеты носят как бы внешний характер и характеризуют невозможность привлечения их носителей к уголовной ответственности исключительно в иностранном государстве. Предложенное же в настоящей работе деление иммунитета имеет внутренний, национально-правовой характер.

Иммунитет от уголовного преследования можно классифицировать по различным основаниям. Во-первых, в зависимости от объёма иммунитет бывает полным и частичным.

Полный иммунитет означает невозможность привлечения лица к уголовной ответственности. В Российской Федерации им обладают действующий Президент и лица, наделённые дипломатическим иммунитетом. Президент Российской Федерации в период исполнения своих полномочий в принципе не может быть привлечён к уголовной ответственности за какое бы то ни было преступление. Невозможность привлечения к уголовной ответственности лиц, наделённых дипломатическим иммунитетом, является старшей международно-правовой традицией, неукоснительно поддерживающейся правоприменительной практикой демократических государств.

Вместе с тем полный иммунитет не является абсолютным. Он предполагает невозможность уголовного преследования лица при наличии у последнего соответствующего правового статуса, однако после утраты или изменения этого статуса уголовное преследование в отношении данного лица может быть осуществлено.

В частности, лицо, занимавшее должность Президента Российской Федерации, после конституционно-правовой процедуры отрешения от должности и утраты своего статуса может быть привлечено к уголовной ответственности за то преступление, совершение которого явилось основанием для отрешения от должности, а также за иное преступление, совершённое в период исполнения лицом полномочий главы государства. Иными словами, полный иммунитет Президента Российской Федерации означает не принципиальную невозможность его привлечения к уголовной ответственности за любое совершённое им преступление (такое означало бы вывод Президента Российской Федерации из сферы действия уголовного закона), а лишь невозможность привлечения к ответственности в период пребывания в статусе Президента.

В отношении лиц, обладающих дипломатическим иммунитетом, уголовное дело в соответствии с договорами о правовой помощи направляется в государство аккредитации, ко-

торое обязано привлечь соответствующих лиц к уголовной ответственности за преступление, совершённое в Российской Федерации (при условии, что в данном государстве деяние также является преступным). Кроме того, теоретически государство, аккредитовавшее дипломата, может лишить его иммунитета и тем самым предоставить государству, в котором совершено преступление, право осуществления уголовного преследования, хотя в мировой практике подобные случаи являются редчайшим исключением.

Частичный (ограниченный) иммунитет предполагает установление в законе дополнительных процедур, в известной мере усложняющих уголовное преследование лица. В большинстве случаев данные процедуры заключаются в получении от определённого органа согласия на привлечение лица к уголовной ответственности. Такие правила традиционно устанавливаются прежде всего для выборных руководителей и депутатов выборных органов законодательной власти, получивших мандат от народа в результате непосредственного избрания населением, а также для представителей судебной власти. Иными словами, иммунитетом, как правило, наделяются некоторые представители законодательной и судебной ветвей государственной власти. Поскольку уголовное преследование осуществляется административными по своей природе органами, встроенными в структуру исполнительной ветви власти, а также органами прокуратуры, не относящимися к законодательной и судебной власти, традиционно считается, что следственно-прокурорские органы, начиная уголовное преследование представителей других ветвей власти, должны получить согласие соответствующих государственных органов. Именно такой порядок позволит обеспечить независимость законодательной и судебной власти от власти исполнительной.

При этом иммунитетом должны наделяться не все сотрудники органов законодательной и судебной власти, а лишь те, которые связаны с реализацией основных функций данных органов (соответственно, принятие законодательных актов и отправление правосудия). Кроме того, установление иммунитета обосновано только для депутатов, избранных населением, поскольку получение такими субъектами парламентского мандата непосредственно от народа предопределяет необходимость повышенной защиты этих лиц. Те же лица, которые приобрели парламентский статус не в результате выборов, а иным путем, могут иметь меньший уровень неприкосновенности. Определённым исключением являются сенаторы Российской Федерации, которые приобретают свой статус не на всенародных выборах, однако данное исключение обусловлено особым положением Совета Федерации в системе российского парламентаризма – как палаты Федерального Собрания, представляющей субъекты Российской Федерации. Кроме того, следует иметь в виду, что в демократическом и правовом государстве все лица, независимо от их должностного стату-

са, должны иметь гарантии от необоснованного привлечения к уголовной ответственности. Иммунитет от уголовного преследования характеризует не ординарный, а экстраординарный, максимальный уровень таких гарантий.

Во-вторых, в зависимости от нормативной основы иммунитет подразделяется на конституционный и отраслевой.

Конституционный иммунитет означает, что его предоставление тем или иным лицам закреплено непосредственно в Конституции Российской Федерации. Федеральные законы, закрепляющие статус соответствующих субъектов, обязаны закрепить не меньший объём иммунитета в сравнении с установленным в Конституции Российской Федерации. При этом, с одной стороны, если в федеральном законе какие-то конституционные положения не продублированы, лицо наделяется иммунитетом в силу непосредственно Конституции Российской Федерации. С другой стороны, в текущем законодательстве может быть предусмотрен больший объём иммунитета для соответствующих лиц по сравнению с нормами Конституции Российской Федерации. Само по себе это не является нарушением, поскольку границы неприкосновенности различных субъектов определяются федеральным законодателем с учётом совокупности социальных, политических экономических, культурных, морально-нравственных и иных факторов.

Отраслевой иммунитет распространяется на субъектов, прямо не указанных в Конституции Российской Федерации, и предусматривается федеральными законами. Следует учитывать, что наделение субъектов, прямо не указанных в Конституции Российской Федерации, иммунитетом от уголовного преследования, а также установление границ этого иммунитета входит в исключительную компетенцию федерального законодателя. Соответственно, непринятие законодателем решения о наделении иммунитетом от уголовного преследования лица, не указанного в Конституции Российской Федерации, не может расцениваться как нарушение прав этого лица, поскольку Конституция Российской Федерации не определяет особого статуса таких лиц, обуславливающего обязательность законодательного закрепления дополнительных, по сравнению с другими гражданами, гарантий их неприкосновенности¹¹.

Конституционный Суд Российской Федерации вывел следующие основные положения, определяющие правила и границы установления неприкосновенности от уголовного преследования лиц, прямо не указанных в Конституции Российской Федерации.

1. Применительно к институту неприкосновенности возможные вводимые федеральным законом ограничения полномочий судебной власти по разрешению дел, связанных с назначением мер уголовной ответственности, могут иметь место лишь в том случае, если такие институты предусмотрены непосредственно Конституцией Российской Федерации.

2. Отсутствие непосредственно в Конституции Российской Федерации положений о неприкосновенности той или иной категории граждан не означает невозможность установления законом для этих субъектов определённых личных гарантий, обусловленных статусом соответствующих лиц.

3. Федеральный законодатель, закрепляя принцип неприкосновенности лиц, прямо не указанных в Конституции Российской Федерации, не может освобождать их от уголовной ответственности, однако вправе предусмотреть особые условия привлечения их к такой ответственности. Конкретный объём неприкосновенности должен быть обусловлен содержанием публично-правовой деятельности лица и определяться федеральным законодателем с соблюдением требований Конституции Российской Федерации.

4. Введение федеральным законом помимо Конституции Российской Федерации такого условия, как согласие несудебного органа (например, парламента субъекта Российской Федерации) на привлечение субъекта к уголовной ответственности, на применение заключения под стражу и иных мер процессуального принуждения, означало бы исключение судебных прерогатив и предоставление судебных функций несудебному органу, что недопустимо. Именно в связи с этим Конституционный Суд Российской Федерации признал неконституционными нормы федерального закона о наделении иммунитетом от уголовного преследования депутатов законодательных органов субъектов Российской Федерации [20, с. 16–17].

5. Федеральный законодатель может установить для отдельных категорий лиц, прямо не указанных в Конституции Российской Федерации, лишь такие дополнительные процессуальные гарантии, которые, не исключая уголовной ответственности, предусматривали бы определённое усложнение соответствующих процедур с тем, чтобы обеспечить юридически целесообразную дифференциацию процессуальных механизмов в сфере уголовной ответственности, не нарушая её общих принципов, установленных федеральным законодательством.

¹¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Горячева Дмитрия Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 6 части первой статьи 447 и пунктом 10 части первой статьи 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 февраля 2014 года № 347-О [Электронный ресурс] // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. – Режим доступа: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision155497.pdf> (дата обращения: 15.10.2021); Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Кудеровой Татьяны Борисовны на нарушение ее конституционных прав подпунктом «б» пункта 1 части второй статьи 151 и пунктом 6 части первой статьи 447 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда

Российской Федерации от 19 июля 2016 года № 1625-О [Электронный ресурс] // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. – Режим доступа: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision244956.pdf> (дата обращения: 15.01.2022).

6. Спор между органом уголовного преследования и несудебным органом по вопросу лишения лица неприкосновенности в конечном счёте подлежит разрешению судебной властью как наиболее беспристрастной, нейтральной и предназначенной по своей природе для решения такого рода вопросов, что позволяет в соответствии с целями института неприкосновенности обеспечивать беспрепятственное осуществление лицами своих публично-правовых полномочий, ограждая их от вмешательства и давления со стороны исполнительной власти¹².

Таким образом, несомненно, что предоставление иммунитета от уголовного преследования лицам, прямо не указанным в Конституции Российской Федерации, должно расцениваться как исключение из правила и применяться в исключительных случаях.

В-третьих, иммунитет от уголовного преследования бывает срочным и бессрочным. Срочный иммунитет предоставляется лицу исключительно на период выполнения им своих обязанностей. Подавляющее большинство указанных в законе субъектов наделено именно срочным иммунитетом от уголовного преследования. Бессрочный иммунитет действует после прекращения лицом своих непосредственных обязанностей. Следует отметить, что бессрочный иммунитет предоставляется в порядке особого исключения, в связи с наиболее повышенной сложностью и важностью деятельности, которой занимается лицо.

При этом лицо утрачивает свой статус, наличие которого обусловило предоставление иммунитета, но одновременно с этим приобретает новый, несколько модифицированный статус, предполагающий сохранение иммунитета либо в полном объёме, либо в значительной части.

Так, Президент Российской Федерации после окончания исполнения своих полномочий перестает быть главой государства, однако приобретает статус Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий. Объём иммунитета, предоставляемого бывшему Президенту, несколько уже в сравнении с тем, которым обладает действующий Президент Российской Федерации. Во-первых, иммунитет Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий,

¹² По делу о проверке конституционности положений статей 13 и 14 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А.П. Быкова, а также запросами Верховного Суда Российской Федерации и Законодательного Собрания Красноярского края : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12 апреля 2002 года № 9-П [Электронный ресурс] // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. – Режим доступа: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision30219.pdf> (дата обращения: 15.01.2022).

носит не полный, а частичный характер. Бывший Президент Российской Федерации может быть привлечён к уголовной ответственности, находясь в указанном статусе, после прохождения процедуры лишения неприкосновенности. Каких-либо конституционно-правовых процедур, вроде отрешения действующего Президента Российской Федерации от должности, не требуется. Во-вторых, если действующий Президент Российской Федерации в соответствии с ч. 1 ст. 93 Конституции Российской Федерации может быть привлечён к уголовной ответственности только за тяжкое и особо тяжкое преступление, то в отношении Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий, каких-либо ограничений в зависимости от категории преступления не установлено.

Судья, ушедший в отставку, продолжает сохранять иммунитет от уголовного преследования в объёме, присущем действующим судьям (ч. 1 ст. 15 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации»¹³). Кроме того, законом закреплено правило о сохранении судебного иммунитета от уголовного преследования в отношении лиц, ушедших на пенсию с должности судьи (ст. 2 Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации “О статусе судей в Российской Федерации”»¹⁴). Таким образом, объём гарантий от необоснованного привлечения к уголовной ответственности судьи в отставке и судьи, ушедшего на пенсию, таков же, как и у действующего судьи. Данная конструкция даёт основания для утверждений о бессрочном характере судебного иммунитета от уголовного преследования.

Заключение

Таким образом, иммунитет от уголовного преследования обязательно подразумевает наличие процедуры дачи согласия компетентным органом на привлечение лица к уголовной ответственности. Применительно к содержанию это может быть дача согласия на возбуждение уголовного дела, на привлечение в качестве обвиняемого, на направление дела в суд. Иммунитет от уголовного преследования подразделяется на следующие виды: полный и частичный, конституционный и отраслевой, срочный и бессрочный. Наделение иммунитетом лиц, не указанных в Конституции Российской Федерации, должно иметь место только в порядке исключения.

¹³ О статусе судей в Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 года № 3132-1 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 30. – Ст. 1792.

¹⁴ О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации»: Федеральный закон от 21 июня 1995 года № 91-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 26. – Ст. 2399.

Список литературы

1. Ковалева Е. В. Льготы и иммунитеты как нарушение принципа равенства перед законом // Вестник Луганской академии внутренних дел имени Э. А. Дидоренко. – 2019. – № 1 (6). – С. 46–51.

2. Мазюк Р. В. Особые формы уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2008. – № 3 (84). – С. 111–114.
3. Астахов П. А. Адвокатский иммунитет как гарантия права на защиту // Закон и право. – 2006. – № 1. – С. 55–60.
4. Цветков Ю. А. Уголовное преследование в отношении лиц особого правового статуса – 20 лет в поисках концепции // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2021. – № 6. – С. 52–59.
5. Шаталов А. С. Процессуальный механизм уголовного преследования специальных субъектов: современное состояние и перспективы оптимизации // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2015. – № 3. – С. 100–118.
6. Шаталов А. С. Современное состояние процессуального механизма уголовного преследования специальных субъектов и вопросы его оптимизации // Человек: преступление и наказание. – 2015. – № 1 (88). – С. 57–70.
7. Дементьева И. Ю., Горбачук В. Иммунитеты от уголовного преследования: национальные и международно-правовые аспекты // Вопросы российской юстиции. – 2021. – № 12. – С. 458–467.
8. Добровлянина О. В. Возбуждение уголовного дела в отношении арбитражного заседателя // Российский судья. – 2016. – № 11. – С. 47–50.
9. Иванова Е. В. О некоторых вопросах производства по уголовному делу в отношении руководителя следственного органа // Право и государство: теория и практика. – 2013. – № 11 (107). – С. 108–112.
10. Казаков А. А. Дисбаланс в правовом регулировании процессуальных иммунитетов в сфере уголовного судопроизводства // Lex russica (Русский закон). – 2016. – № 4 (113). – С. 115–123.
11. Ковалева М. Г. Особенности возбуждения уголовного дела в отношении отдельных категорий лиц // Криминалистика. – 2008. – № 3. – С. 49–55.
12. Стремоухов А. В., Преснов И. Н. Неприкосновенность депутата Государственной Думы // Ленинградский юридический журнал. – 2005. – № 3 (4). – С. 144–156.
13. Сумин А. А. Некоторые проблемы коллизий уголовного и уголовно-процессуального законов // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 8. – С. 111–113.
14. Цветков Ю. А. Особенности уголовного преследования судей // Уголовный процесс. – 2017. – № 3 (147). – С. 24–31.
15. Титов П. М. Некоторые проблемы уголовного судопроизводства по делам частного обвинения // Российский юридический журнал. – 2019. – № 4 (127). – С. 69–77.
16. Самко А. В. О порядке преследования отдельных категорий лиц по уголовным делам частного обвинения // Ученые записки. – 2020. – № 4 (36). – С. 88–91.
17. Изотов А. В. Уголовно-процессуальный иммунитет профессиональных участников уголовного судопроизводства // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2008. – № 2. – С. 80–83.
18. Рязанов М. В. Соотношение иммунитета в уголовном праве и института освобождения от уголовной ответственности // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. – 2007. – № 6. – С. 201–204.
19. Евдокимова О. Н. Исключения из иммунитетов должностных лиц от международной и национальной уголовной юрисдикции // Вопросы российского и международного права. – 2017. – Т. 7. – № 3А. – С. 272–282.
20. Коновалова Л. Г. Иммунитет депутата законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ // Российский юридический журнал. – 2010. – № 6 (75). – С. 15–24.

References

1. Kovaleva E. V. L`goty i immunity kak narushenie principa ravenstva pered zakonom // Vestnik Luganskoj akademii vnutrennix del imeni E` .A. Didorenko. – 2019. – № 1 (6). – S. 46–51.
2. Mazyuk R. V. Osobyje formy ugovolnogo presledovaniya v rossijskom ugovolnom sudoproizvodstve // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2008. – № 3 (84). – S. 111–114.
3. Astaxov P. A. Advokatskij immunitet kak garantiya prava na zashhitu // Zakon i pravo. – 2006. – № 1. – S. 55–60.
4. Czvetkov Yu. A. Ugolovnoe presledovanie v otnoshenii licz osobogo pravovogo statusa – 20 let v poiskax koncepcii // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. – 2021. – № 6. – S. 52–59.
5. Shatalov A. S. Processual`nyj mexanizm ugovolnogo presledovaniya special`nyh sub`ektov: sovremennoe sostoyanie i perspektivy` optimizacii // Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki. – 2015. – № 3. – S. 100–118.
6. Shatalov A. S. Sovremennoe sostoyanie processual`nogo mexanizma ugovolnogo presledovaniya special`nyh sub`ektov i voprosy ego optimizacii // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. – 2015. – № 1 (88). – S. 57–70.
7. Dement`eva I. Yu., Gorbachuk V. Immunityt` ot ugovolnogo presledovaniya: nacional`nye i mezhdunarodno-pravovye aspekty // Voprosy rossijskoj yusticii. – 2021. – № 12. – S. 458–467.
8. Dobrovlyanina O. V. Vozbuzhdenie ugovolnogo dela v otnoshenii arbitrazhnogo zasedatelya // Rossijskij sudya. – 2016. – № 11. – S. 47–50.
9. Ivanova E. V. O nekotoryh voprosah proizvodstva po ugovolnomu delu v otnoshenii rukovodatelya sledstvennogo organa // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2013. – № 11 (107). – S. 108–112.

10. *Kazakov A. A.* Disbalans v pravovom regulirovanii processual`nyh immunitetov v sfere ugovolnogo sudoproizvodstva // *Lex russica (Russkij zakon)*. – 2016. – № 4 (113). – S. 115–123.
11. *Kovaleva M. G.* Osobennosti vzbuzhdeniya ugovolnogo dela v otnoshenii otdel`nyh kategorij licz // *Kriminalist*. – 2008. – № 3. – S. 49–55.
12. *Stremoukhov A. V., Presnov I. N.* Neprikosновенност` deputata Gosudarstvennoj Dumy // *Leningradskij juridicheskij zhurnal*. – 2005. – № 3 (4). – S. 144–156.
13. *Sumin A. A.* Nekotory`e problemy` kollizij ugovolnogo i ugovolno-processual`nogo zakonov // *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. – 2012. – № 8. – S. 111–113.
14. *Czvetkov Yu. A.* Osobennosti ugovolnogo presledovaniya sudej // *Ugolovny`j process*. – 2017. – № 3 (147). – S. 24–31.
15. *Titov P. M.* Nekotory`e problemy` ugovolnogo sudoproizvodstva po delam chastnogo obvineniya // *Rossijskij juridicheskij zhurnal*. – 2019. – № 4 (127). – S. 69–77.
16. *Samko A. V.* O poryadke presledovaniya otdel`nyh kategorij licz po ugovolnym delam chastnogo obvineniya // *Ucheny`e zapiski*. – 2020. – № 4 (36). – S. 88–91.
17. *Izotov A. V.* Ugolovno-processual`nyj immunitet professional`nyh uchastnikov ugovolnogo sudoproizvodstva // *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. – 2008. – № 2. – S. 80–83.
18. *Ryazanov M. V.* Sootnoshenie immuniteta v ugovolnom prave i instituta osvobozhdeniya ot ugovolnoj otvetstvennosti // *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: E`konomika i pravo*. – 2007. – № 6. – S. 201–204.
19. *Evdokimova O. N.* Isklyucheniya iz immunitetov dolzhnostnyh licz ot mezhdunarodnoj i nacional`noj ugovolnoj yurisdikcii // *Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava*. – 2017. – T. 7. – № 3A. – S. 272–282.
20. *Konovalova L. G.* Immunitet deputata zakonodatel`nogo (predstavitel`nogo) organa gosudarstvennoj vlasti sub`ekta RF // *Rossijskij juridicheskij zhurnal*. – 2010. – № 6 (75). – S. 15–24.

Статья поступила в редакцию 30.12.2021; одобрена после рецензирования 12.01.2022; принята к публикации 16.02.2022.

The article was submitted December 30, 2021; approved after reviewing January 12, 2022; accepted for publication February 16, 2022.

Научная статья

УДК 343.85

doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-168-175

Ильгиз Миншакирович Усманов

кандидат юридических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0001-9101-8510>, ilgiz-kgs@mail.ru

Надежда Александровна Силаева

<https://orcid.org/0000-0002-2145-6918>

Казанский юридический институт МВД России

Российская Федерация, Республика Татарстан, 420108, Казань, ул. Магистральная, д. 35

Противодействие экстремизму в условиях информатизации общества

Аннотация: В статье анализируются правовые, системные и организационные детерминанты, имеющие место в сфере преступлений экстремистской направленности, способствующие возникновению экстремистских проявлений в обществе, в том числе в интернете, представлены аргументы по их минимизации, а также сформулированы предложения по совершенствованию мер противодействия. **Материалы и методы:** в ходе работы над статьей применялись общенаучные методы познания, а также частнонаучные методы: интервьюирование, статистический метод, сравнения, процедуры обобщения и интерпретации эмпирических данных и др. При подготовке данного исследования авторами использованы отечественные труды по криминологии, уголовному праву и оперативно-розыскной деятельности, материалы практики деятельности Центра по противодействию экстремизму МВД по Республике Татарстан, Национальной антитеррористической комиссии Республики Татарстан. Важное место отведено проведению опроса практических сотрудников Центра по противодействию экстремизму МВД по Республике Татарстан. **Результаты исследования:** в результате анализа современных причин и условий, способствующих распространению экстремизма, авторы приходят к выводу, что ключевым из них является использование приверженцами идеологии экстремизма интернета. По результатам проведенного опроса был подготовлен анализ выявленных проблем и полученных эмпирических данных. **Обсуждение и заключение:** проведенный авторами анализ позволил сформулировать ряд теоретических и практических рекомендаций, направленных на предупреждение преступления экстремистской направленности.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, социальные сети, интернет, противодействие, правоохранительные органы, документирование

Для цитирования: Усманов И. М., Силаева Н. А. Противодействие экстремизму в условиях информатизации общества // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 1 (93). – С. 168–175; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-168-175.

Ilgiz M. Usmanov

Cand. Sci. (Jurid.), Docent

<https://orcid.org/0000-0001-9101-8510>, ilgiz-kgs@mail.ru

Nadezda A. Silaeva

<https://orcid.org/0000-0002-2145-6918>

Kazan Law Institute of the MIA of Russia

35, Magistralnaya str., Kazan, 420108, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Countering extremism in the context of social digitalization

Abstract: The authors analyze legal, systematic, and organizational factors of extremist crimes, contributing to the onset of extremism in society, particularly on the Internet, offer the concept for their

minimization, and propose a way to improve the counteraction to extremism. Materials and methods. In course of the research, the authors used general scientific methods of inquiry, as well as special scientific methods, such as interviewing, statistical method, comparison, procedures of generalization and interpretation of empirical data, etc. In preparing this study the authors used domestic works on criminology, criminal law, and criminal intelligence, records from the Centre for Counteraction to Extremism of the Interior Ministry of the Republic of Tatarstan, the National Anti-Terrorism Commission of the Republic of Tatarstan. The survey of the practitioners of the Centre for Counteraction to Extremism of the Interior Ministry of the Republic of Tatarstan played an important role in the findings. Results. Following the analysis of modern causes and conditions contributing to the spread of extremism, the authors conclude that the primary cause is the use of the Internet by the supporters of extremist ideology. Based on the results of the survey, the authors analyzed both the empirical data and identified problems. Discussions and conclusions. The analysis conducted by the authors allows to propose a number of theoretical and practical recommendations aimed at extremism prevention.

Keywords: extremism, terrorism, social networks, Internet, counteraction, law enforcement agencies, documentation

For citation: Usmanov I. M., Silaeva N. A. Countering extremism in the context of social digitalization // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 1 (93). – P. 168–175; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-168-175.

Введение

Анализ обстановки в сфере профилактики и противодействия идеологии экстремизма и терроризма на территории Российской Федерации свидетельствует о том, что ситуация в целом сохраняется стабильной и находится под контролем. Несмотря на совместные усилия федеральных и региональных субъектов противодействия терроризму-экстремизму, всё ещё сохраняется устойчивая тенденция роста зарегистрированных преступлений террористического характера и экстремистской направленности, наблюдается неуклонный рост количества лиц, вовлекаемых в деструктивную деятельность, многие из которых выезжали в зону боевых действий на Ближнем Востоке¹.

Очевидны социальные негативные последствия экстремизма, которые выражаются в возникновении угроз национальной безопасности, государственной целостности, росте социальной напряжённости в стране и т. д. Экстремизм может существенно дестабилизировать общественную и политическую обстановку как в отдельно взятом населённом пункте, регионе, так и в стране в целом.

Прогнозные оценки специалистов² предполагают дальнейшее осложнение оперативной обстановки в условиях продолжающихся глобальных кризисных явлений и ухудшения социально-экономической ситуации, нарастания

протестных настроений в обществе, связанных с ситуацией вокруг эпидемии коронавируса COVID-19.

Среди основных источников угроз экстремизма в современной России в Указе Президента РФ № 344 от 29 мая 2020 г. выделяется информационно-телекоммуникационная сеть, включая интернет: «Наиболее опасными проявлениями экстремизма являются возбуждение ненависти либо вражды, унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а также принадлежности к какой-либо социальной группе, в том числе путём распространения призывов к насильственным действиям, прежде всего, с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть “Интернет”»³. Современный экстремизм, внедряясь через интернет в социально-культурное пространство российского общества, накапливая свой потенциал в молодёжной среде, использует тактику «выжидания» очередного идеологического кризиса в каком-либо из регионов. Особую тревогу вызывает использование интернета для распространения различных материалов по организации террористической деятельности, в пропагандистских целях, а также для непосредственной координации и управления лицами, оправдывающими экстремизм и терроризм.

Немало научных работ по проблемам распространения и противодействия экстремизму на монографическом уровне выполнено и отмечено за последние десятилетия. Среди них отметим работы А. В. Петрянина, С. К. Бондыревой, В. В. Лунеева, Ю. А. Клейберга, М. Н. Косарева, Б. А. Исаева, Н. А. Баранова, Ю. А. Зубока, Е. Н. Егорова, Н. П. Голяндина, Ю. А. Лапуновой, Е. П. Шляхтина, Е. Д. Шелковниковой и другие.

³ Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: Указ Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 [Электронный ресурс] // Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». – URL: <https://sudact.ru/law/ukaz-prezidenta-rf-ot-29052020> (дата обращения: 01.09.2020).

¹ В 2019 году зарегистрировано 1806 преступлений террористического характера и 585 преступлений экстремистской направленности. В январе-декабре 2020 года зарегистрировано 2342 преступления террористического характера и 833 преступления экстремистской направленности. За 5 месяцев 2021 года зарегистрировано 1065 преступлений террористического характера и 484 преступления экстремистской направленности. Статистические данные ГИАЦ МВД РФ «Состояние преступности в России за период 2019–2021 года» [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184> (дата обращения: 20.06.2021).

² Результаты опроса практических сотрудников аналитического отдела Центра по противодействию экстремизму МВД по Республике Татарстан.

При подготовке данного исследования авторами использованы отечественные труды по криминологии, уголовному праву и оперативно-розыскной деятельности, материалы практики деятельности Центра по противодействию экстремизму МВД по Республике Татарстан, а также личный опыт одного из авторов статьи, полученный за время службы в органах внутренних дел. Важное место было отведено проведению опроса практических сотрудников Центра по противодействию экстремизму МВД по Республике Татарстан. По результатам проведённого опроса был подготовлен анализ выявленных проблем и полученных эмпирических данных.

Описание

Как показывает практика, на распространение экстремизма в целом, по мнению большинства исследователей, влияют как внешние, так и внутренние факторы. Так, например, к числу внешних факторов, по мнению Б. А. Исаева и Н. А. Баранова, относятся: рост террористической активности за рубежом; социально-политическая и экономическая нестабильность в приграничных государствах; наличие вооружённых конфликтов, а также территориальных претензий друг к другу в отдельных из них; стратегические установки некоторых иностранных спецслужб; отсутствие эффективного миграционного контроля и т. д. [1, с. 319].

К числу внутренних факторов они относят: наличие нелегального рынка оружия в стране; наличие полувоенных формирований; сплочённость преступной среды; утрату людьми жизненных ценностей и приоритетов; обострённое чувство социальной несправедливости, настроения отчаяния; слабую работу силовых ведомств и т. д.⁴

Есть группа исследователей, которые среди ключевых факторов, влияющих на распространение экстремистской идеологии, выделяют развитие современных технологий [1, с. 20]. Как отмечает Е. Л. Вартанова, из-за развития интернета и цифровизации, медиааудитория активно вовлекается в процессы производства и распространения содержания экстремистских статей [2, с. 8–9]. О проблеме контроля распространения информации в интернете со стороны государства говорит профессор И. А. Панкеев [3, с. 237–238]. Другие авторы рассматривают все факторы, способствующие распространению экстремизма в России в обобщенном виде: «падение уровня материальной жизни населения, системный кризис власти, социальная незащищённость, кризис нравственности и правовой культуры граждан, наличие проблем межнационального характера, несовершенство законодательства, недостаточно эффективная работа правоохранительных органов и др.»⁵

По мнению Р. Р. Абдулганеева, одним из факторов, способствующих возникновению экстремистских проявлений в современном обществе, является сложившаяся неблагоприятная миграционная ситуация⁶. Действительно, пробелы в миграционной политике приводят к дестабилизации рынка труда, социально-экономической обстановки, оказывают негативное влияние на межнациональные (межэтнические) и межконфессиональные отношения. О необходимости улучшения миграционной ситуации в стране также говорится и в Указе Президента РФ⁷. В связи с этим представляется актуальным предложение автора о внедрении электронной карты мигранта, которая будет существенным дополнением реализации системы электронного мониторинга миграционной активности.

Анализ результатов опроса⁸ практических сотрудников оперативных подразделений, а также обобщение эмпирических материалов позволили выделить факторы, благоприятствующие распространению экстремистской идеологии и совершению преступлений экстремистской направленности. В частности, к ним относятся: повышенная загруженность сотрудников правоохранительных органов; отсутствие квалифицированных кадров по противодействию в интернете; отсутствие практического опыта противодействия экстремизму у сотрудников на районном уровне; слабое материально-техническое обеспечение подразделений. Полагаем, что при выявлении и анализе факторов, способствующих распространению экстремизма в России, будет неправильным ограничиваться лишь названными факторами. Факторы современного экстремизма как часть преступности обуславливаются тем же комплексом причин и условий, что и криминалитет в целом, включая такие группы детерминантов, как политико-правовые, социально-экономические, религиозные, национальные, психологические.

Несмотря на имеющееся многообразие причин и условий, ключевой проблемой распространения экстремизма и экстремистской идеологии как в России, так и в мировом масштабе на современном этапе является использование информационно-телекоммуникационных сетей, включая интернет. Сказанное подтверж-

⁶ Миронов С. Н., Абдулганеев Р. Р., Гарипов Т. И. и др. Противодействие органов внутренних дел незаконной миграции : учебное пособие. – Казань: Казанский юридический институт МВД России, 2018. – 111 с. – С. 16–18.

⁷ Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года : Указ Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 [Электронный ресурс] // Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». – URL: <https://sudact.ru/law/ukaz-prezidenta-rf-ot-29052020> (дата обращения: 01.09.2020).

⁸ Опрос проведён среди практических сотрудников Центра по противодействию экстремизму МВД по Республике Татарстан, сотрудников войск национальной гвардии, занимающихся вопросами противодействия экстремистской и террористической деятельности, а также преподавательского состава Казанского юридического института МВД России, занимающихся проблемой противодействия экстремизму. В опросе приняли участие 15 человек.

⁴ Исаев Б. А., Баранов Н. А. Терроризм и его проявления в современной России / Исаев Б. А., Баранов Н. А. Политические отношения и политический процесс в современной России. – Санкт-Петербург: Питер, 2009. – 443 с.

⁵ Криминология : учебник для вузов / под ред. В. Д. Малкова – 27-е изд., перераб. и доп. – Москва: ЗАО «Юстицинформ», 2006. – С. 306.

дается не только названным Указом Президента РФ от 29 мая 2020 г., но и статистическими данными ГИАЦ МВД России. Так, в 2020 году число преступлений, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, возросло на 73,4 %, в том числе с использованием интернета – на 91,3 %, при помощи средств мобильной связи – на 88,3 %⁹. Только за 5 месяцев 2021 года совершено более 227000 преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации¹⁰.

Между тем распространение экстремистских проявлений в интернете, по нашему мнению, носит объективно социальный характер. Это связано с простотой доступа, независимостью от географического расположения, неограниченной потенциальной аудиторией, скоростью передачи данных и их низкой стоимостью, а также сложностью и зачастую, невозможностью привлечения к ответственно сти лиц, распространяющих экстремистскую идеологию, в связи с отсутствием международных соглашений.

Статистические данные пользователей социальных сетей интернета действительно впечатляют. Так, в 2019 году в мире насчитывалось почти 1,5 млрд пользователей социальных сетей, по итогам 2020 года их уже более 2,5 млрд¹¹. Наиболее распространёнными социальными сетями и блогами в России являются: *ВКонтакте*, *Youtube*, *Facebook*, *Instagram*, *Twitter*¹².

Самой популярной в мире социальной сетью является *Facebook*. Основанная Майклом Цукербергом в 2004 г. социальная сеть *Facebook* сегодня охватывает более 2,7 млрд активных пользователей в месяц, из которых 39,7 млн россияне¹³.

Совокупная аудитория платформы *YouTube* составляет более 2 млрд пользователей по всему миру, сети *Instagram* – более 1 млрд пользователей¹⁴. Среди стремительно набирающих популярность ресурсов необходимо вы-

делить площадку *TikTok*. Так, по данным за май 2020 года, ежемесячный охват в мире составил 689 млн человек, из них в России – 20,4 млн пользователей¹⁵.

Федеральный закон № 114-ФЗ от 25 июля 2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности» устанавливает недопущение использования сетей связи общего пользования для осуществления экстремистской деятельности (ст. 12), ответственность за распространение экстремистских материалов (ст. 13)¹⁶. На основании ст. 10.2 Федерального закона № 149-ФЗ от 27 июля 2006 г. «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» не допускается использование сайта или страницы сайта в интернете, содержащих публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публично оправдывающих терроризм, другие экстремистские материалы¹⁷. Помимо этого, борьба с экстремизмом в интернете ведётся и на основе норм уголовного права (ст. 280, 280¹, 282 Уголовного кодекса РФ)¹⁸. Используются также нормы административного права – производство и распространение экстремистских материалов (ст. 20.29 КоАП РФ)¹⁹.

Некоторые социальные сети, например, *ВКонтакте*, *Одноклассники* активно сотрудничают с органами внутренних дел в плане удаления материалов экстремистского характера, поиска без вести пропавших лиц и т. д., но, несмотря на это, контролировать всё информационное пространство не представляется возможным, особенно зарубежные социальные сети, которые являются открытой площадкой для

⁹ Статистические данные ГИАЦ МВД РФ «Состояние преступности в России за период 2020 года» [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184> (дата обращения: 01.02.2021).

¹⁰ Статистические данные ГИАЦ МВД РФ «Состояние преступности в России за январь-май 2021 года» [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/24742236> (дата обращения: 21.06.2021).

¹¹ Экстремизм и терроризм в интернет: Памятка (рекомендации) по организации профилактической работы в сети Интернет [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический журнал «Посреди России». – 2021. – 20 дек. – URL: <https://posredi.ru/jekstremizm-i-terrorizm-v-internet-pamjatka.html> (дата обращения: 22.12.2021).

¹² Гаитбаева София. Аудитория шести крупнейших соцсетей в России в 2020 году [Электронный ресурс] // Сайт «ppc.world». – 2020. – 31 авг. – URL: <https://ppc.world/articles/auditoriya-shesti-krupneyshih-socsetey-v-rossii-v-2020-godu-izuchaem-insayty> (дата обращения: 20.02.2021).

¹³ Там же.

¹⁴ Альгрен Мэтт. 40 + Instagram. Статистика и факты для 2022 [Электронный ресурс] // Сайт «websiterating.com». – 2022. – 18 янв. – URL: <https://www.websitehostingrating.com/ru/instagram-statistics> (дата обращения: 20.01.2022).

¹⁵ Аудитория шести крупнейших соцсетей в России в 2020 году [Электронный ресурс] // Сайт «ppc.world». – URL: <https://ppc.world/articles/auditoriya-shesti-krupneyshih-socsetey-v-rossii-v-2020> (дата обращения: 20.02.2021); TikTok впервые раскрыл число пользователей [Электронный ресурс] // Сайт «Газета.ру». – 2020. – 25 авг. – URL: https://www.gazeta.ru/tech/news/2020/08/25/n_14845165.shtml (дата обращения: 20.02.2021).

¹⁶ О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон Российской Федерации от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ; с изм. и доп., в ред. от 31 июля 2020 г. [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.02.2021).

¹⁷ Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ; с изм. и доп., в ред. от 8 июня 2020 г. // СПС «Консультант Плюс». – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.02.2021).

¹⁸ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ; с изм. и доп., в ред. от 27 февраля 2021 г. [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.10.2021).

¹⁹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ; с изм. и доп., в ред. от 15 октября 2020 г. [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.02.2021).

публикации экстремистских материалов и находятся вне поля российского законодательства²⁰.

С развитием интернет-технологий, увеличением скорости передачи данных, совершенствованием программного обеспечения и т. д. экстремистские организации перешли на новый уровень, стали активно использовать интернет как инструмент вербовки и привлечения в свои ряды всё большего количества людей. Анализ ситуации в сфере профилактики и противодействия идеологии терроризма и экстремизма свидетельствует, что более половины вербовки участников в экстремистские организации происходит через интернет²¹. Если несколько лет назад интернет представлял собой огромное виртуальное хранилище информации, где была проведена чёткая граница между автором и читателем-пользователем, то современный интернет наполняется дискуссиями в социальных сетях, в форумах, чатах, записями в блогах, сообщениями в твиттере, многочисленными видео и фото, выкладываемыми пользователями. Этот контент создаётся не профессиональными писателями, а простыми пользователями интернета. Такое положение ведёт к невиданному ранее свободомыслию, самовыражению – и вместе с тем к возможности негласного распространения экстремистских взглядов.

Представители деструктивных организаций и движений используют интернет для разжигания межнациональной, расовой и религиозной вражды, создания информационных порталов, искажающих новости и формирующих «нужное» общественное мнение. При этом экстремистская идеология в интернете может проявляться как в прямых призывах к радикальной деятельности, вступлению в террористические группы, так и в скрытых формах. Сегодня экстремизм в интернете стал использовать новую технологию: изображения, цитаты, видеозаписи и другие материалы экстремистского содержания преподносятся в качестве шутки, и многие пользователи зачастую не понимают сути такого контента, не представляют, что несут ответственность за его распространение.

Основными участниками социальных сетей являются *молодые люди* в возрасте от 14 до 30 лет. Данная категория населения, у которой не сформирована устойчивая система ценностей и низкий уровень правосознания, представляют наибольший интерес для террористов. Сегодня чуть ли не каждый ученик школы, студент вуза имеет странички в социальных сетях, у некоторых из них формируется чувство безысходности, бессмысленности жизни, отсутствие шансов устроить свою жизнь, при этом интернет-ресурсы предлагают множество лёг-

ких, как им кажется, вариантов решения этих проблем. Экстремистские субкультуры, используя юный возраст подрастающего поколения, желание и возможность самовыражения в интернете, активно втягивают молодёжь в интернет-общение, подсаживая на крючок виртуальных экстремистов. При этом интернет может служить как средой, в которой формируются экстремистские идеи и взгляды, так и средством совершения преступлений экстремистской направленности лицами с уже сформированными мотивами ненависти и вражды. Например, когда молодые люди сначала снимают на видео свои насильственные действия экстремистской направленности, а затем, выкладывая данную видеозапись в интернет, восхваляют своё деяние, возбуждая тем самым ненависть и вражду в обществе. Таким образом, можно говорить о «двойной публичности» экстремистских действий, когда одно публично совершённое деяние становится поводом и основой для других публичных действий, при совершении которых уже используется интернет.

Среди причин, мешающих эффективно противодействовать экстремизму в интернете, можно выделить также недостаточно плотное взаимодействие с зарубежными странами по вопросам правового регулирования функционирования интернета²², а также отсутствие правовых механизмов и технических возможностей по противодействию анонимности интернет-пользователей (например, VPN – обобщённое название технологий, позволяющих обеспечить одно или несколько сетевых соединений поверх другой сети) [4, с. 80].

К факторам, влияющим на распространение экстремизма, относится и эффективность работы правоохранительных органов. Участилась практика, когда молодые лейтенанты, не имеющие знаний и умений, с курсантской скамьи попадают сразу в центральный аппарат МВД. Прежде всего это связано с «кадровым голодом», недостатком профессиональных, опытных сотрудников. Отсутствие практики преемственности негативно влияет на качество работы правоохранителей.

Вместе с тем в качестве положительной практики решения задач, связанных с противодействием экстремизму в интернете, можно привести пример использования силовыми структурами 22 регионов России поисковой системы «СЕУС», которая позволяет осуществлять полнотекстовый поиск, мониторинг и анализ информации из открытого пространства социальных сетей²³. Использование этой компьютерной программы значительно облегчает выполнение поставленных задач.

²² Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации. – ETS № 185: принята в Будапеште 23 ноября 2001 г. – С. 48.

²³ СЕУСЛАБ, разработчик специализированного программного обеспечения для нужд государственного сектора, силовых структур и оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации [Электронный ресурс] // Сайт «ООО СЕУСЛАБ». – URL: <https://seuslab.ru> (дата обращения: 20.02.2021).

²⁰ Гладышев-Лядов Владимир. Социальные сети как инструмент пропаганды экстремизма // Обзор НИЦПТИ. – 2013. – № 2, июнь. – С. 28–31. – С. 29. – URL: <https://articles/antiterror/sotsialnye-seti-kak-instrument-propagandy-ekstremizma> (дата обращения: 20.02.2021).

²¹ Аналитические данные Центра по противодействию экстремизма МВД по Республике Татарстан.

Кроме того, группа информационного противодействия центра по противодействию экстремизму МВД по Республике Татарстан использует систему мониторинга и анализа социальных медиа и СМИ «Avalanche»²⁴. Данная система позволяет оперативно обнаружить, собрать и автоматически проанализировать актуальную информацию об объектах, событиях, организациях и лицах, представляющих оперативный интерес, в интернете. Помощь правоохранительным органам в получении информации об интересующем лице оказывает коммерческая организация ООО «Инфосфера»²⁵. Этой организацией разработана онлайн-платформа, предназначенная для сбора и систематизации информации из более чем 70 общедоступных источников, включая ФССП, ФНС, ЕГРЮЛ, МВД, ФНП, ГИБДД, ЕАИСТО, РСА, ЕФРСБ, ФСФМ, Госуслуги, социальные сети, мессенджеры, объявления, резюме. Также для более углубленного сбора информации используются телеграмм-каналы «Глаз Бога» и «Smart_SearchBot». Данные каналы позволяют собрать информацию о человеке по ключевым идентификаторам (ФИО, абонентский номер, ip-адрес, id-адрес ВКонтакте и т. д.).

Для анализа активности интересующего лица в социальной сети ВКонтакте используется собственное приложение социальной сети InfoApp²⁶. Это приложение позволяет узнать, в каких сообществах упоминается идентификатор данного лица, и показывает все оставленные им комментарии.

Для установления личности интересующего лица по загруженной фотографии используется онлайн-платформа Findclone²⁷, работающая на основе машинного обучения и позволяющая с большой точностью найти фотографии в социальной сети ВКонтакте, где фигурирует интересующее лицо.

Помощь правоохранительным органам в выявлении противоправного контента также оказывают различные системы противодействия правонарушениям в интернете ICM (Illegal Content Manager)²⁸, вспомогательные интернет-ресурсы, например, сайт Роскомнадзора, «Медиа-Гвардия», портал «Наука и образование против террора»,

²⁴ Avalanche Online: сервис мониторинга [Электронный ресурс]. – URL: <https://avl.team> (дата обращения: 20.02.2021).

²⁵ Инфосфера: Онлайн-платформа для сбора и анализа данных о людях, организациях и имуществе [Электронный ресурс]. – URL: <https://инфосфера.рус/> (дата обращения: 08.02.2021).

²⁶ InfoApp — это просмотр комментариев пользователя, созданных сообществ, приложений и многое другое [Электронный ресурс]. – URL: https://vk.com/app7183114_-147591239?section_type=public_r_app (дата обращения: 08.02.2021).

²⁷ Findclone – программа поиска по лицам [Электронный ресурс]. – URL: <https://findclone.ru/> (дата обращения: 08.02.2021).

²⁸ Прокуратура Татарстана реализует республиканский проект по противодействию правонарушениям в сети Интернет [Электронный ресурс] // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – URL: <http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-999744> (дата обращения: 20.02.2021).

сайт «Молодёжь за чистый интернет», Национальный Центр информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и интернете (НЦПТИ) и т. д.²⁹

Необходимо отметить, что американскими спецслужбами в АНБ, ЦРУ, ФБР уже давно внедрена и успешно действует система интеллектуального анализа больших данных Palantir³⁰. Программа доказала свою эффективность: она позволяет объединить сообщения в соцсетях и СМИ, базы Интерпола, досье спецслужб, штрафы дорожной полиции, данные о перелётах, транзакции по банковским картам и т. д., представляя всё это в виде удобной и красивой картинки.

Заключение

Полагаем, что рассмотренные выше обстоятельства должны подтолкнуть к разработке и реализации комплекса мер общего и частного характера, ориентированных на предупреждение и противодействие экстремистской деятельности, в том числе осуществляемой в интернете.

Предупреждение преступлений на индивидуальном уровне теоретически и практически можно разделить на несколько этапов: 1) раннее предупреждение (превенция); 2) непосредственное предупреждение (индивидуальная превенция), в том числе пресечение.

В качестве примера первого и второго этапов можно рассмотреть работу с несовершеннолетними, желающими избежать влияния экстремистов в интернете, разработку и внедрение памяток, усиление контроля на разных этапах социализации.

Комплекс профилактических мероприятий по устранению экстремистских проявлений в молодёжной среде уже давно разработан, но его реализация носит несистемный характер. Необходима плановая реализация таких мероприятий, как профессиональное обучение, трудоустройство, организация доступного досуга и спорта молодёжи, активная работа в средствах массовой информации по разъяснению идеологии традиционных религиозных течений и т. д.

К общим мерам можно отнести совершенствование законодательства в сфере противодействия экстремизму, например: обеспечение эффективного применения уже принятых норм и их совершенствование; анализ правоприменительной практики; реализацию целевых программ на муниципальном уровне с учётом национальных и региональных факторов.

Ведущая роль на этапе пресечения экстремистских проявлений отводится органам внутренних дел, которым могут быть даны следующие рекомендации. В частности, оперативным

²⁹ Интернет-ресурсы, направленные на противодействие распространения идеологии экстремизма и терроризма [Электронный ресурс] // Сайт МБОУ «СОШ № 10» (Свердловская область, г. Нижняя Салда). – 2020. – 24 авг. – URL: https://10ns.uralschool.ru/?section_id=77 (дата обращения: 20.02.2021).

³⁰ Седаков Павел, Фионов Дмитрий. Разведка сетью: как система Avalanche помогает спецслужбам и бизнесу [Электронный ресурс] // Сайт «Forbes». – 2015. – 20 фев. – URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/internet-i-svyaz/280391> (дата обращения: 20.02.2021).

сотрудникам первоначально рекомендуется установить имеющиеся на обслуживаемой территории исламские религиозные объединения (организации и группы) и постоянно проводить в их среде оперативно-розыскные мероприятия с целью выявления вербовщиков, агитаторов и эмиссаров религиозных организаций экстремистского толка. Особое внимание следует уделять деятельности исламских учебных заведений и исламских летних лагерей молодежи, установлению лиц, прошедших обучение в зарубежных исламских учебных заведениях.

Сфера правоохранительной деятельности должна также включать такие меры, как координация взаимодействия субъектов противодействия экстремизму на приграничных территориях для пресечения проникновения в Российскую Федерацию участников различных международных экстремистских организаций, а также с иными органами государственной власти, политическими партиями, религиозными и общественными объединениями; профилактическая работа с лицами, находящимися на учёте и подверженными влиянию экстремистской идеологии; повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов.

В систему подготовки кадров для органов внутренних дел целесообразно включить средние специальные учебные заведения как необходимый этап службы для правоохранителей. Возобновить работу ранее существовавших и доказавших свою эффективность средних специальных школ милиции (полиции); достойно служащим и не разочаровавшимся в выбранной профессии сотрудникам предоставить возможность получить высшее образование в ведомственной образовательной организации МВД России. С учётом полученного начального профессионального образования сократить для них время обучения до 3–4 лет. Офицерские звания присваивать исключительно после получения высшего образования в образовательной организации МВД России. В центральный аппарат МВД России должны переводиться только самые лучшие и опытные сотрудники, которые смогут оказывать практическую помощь районному звену. Начало работы «на земле» позволит молодым сотрудникам легче адаптироваться к условиям службы, накопить богатый практический опыт борьбы с преступлениями общеуголовной направленности. Напомним, что в советское время подобная практика доказала свою эффективность.

В настоящее время на базе высших учебных заведений проводятся курсы повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел по противодействию экстремизму-терроризму, однако, как показывает практика, этого недостаточно. Необходимо включить в действующие учебные программы

новые дисциплины (курсы), предусматривающие обучение сотрудников ОВД современным формам и методам борьбы с экстремизмом, в том числе с экстремистскими проявлениями в интернете.

Сфера государственной миграционной политики должна предусматривать меры, направленные на противодействие противоправной деятельности по организации незаконной миграции и трудовой деятельности иностранных граждан и лиц без гражданства; совершенствование деятельности по привлечению иностранной рабочей силы; взаимодействие с другими государствами по вопросам временного проживания, механизмов депортации и т. д.

В сфере государственной информационной политики необходимо предусмотреть меры, направленные на выявление фактов распространения экстремизма в средствах массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетях, а также усовершенствовать процедуру ограничения доступа к данным ресурсам.

Меры предупреждения экстремизма в сфере государственной национальной политики должны предусматривать проведение социологических исследований по вопросам противодействия экстремизму, мониторинг и анализ ситуации межнациональных и межконфессиональных отношений, реализацию мер, исключающих использование национального фактора при проведении политических выборов; реализацию конституционных прав граждан на свободу вероисповедания без причинения ущерба религиозным чувствам верующих граждан; реализацию программ по противодействию экстремизму; своевременное реагирование органов государственной власти на возникающие вызовы в данной сфере. Более полно основные направления в данной сфере изложены в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года³¹.

Список рассмотренных причин экстремизма в интернете и предлагаемых мер противодействия является неполным и может быть дополнен по усмотрению заинтересованных лиц, однако очевидно, что своевременное выявление и противодействие имеющимся угрозам позволит не только предотвратить распространение экстремистской идеологии, но и воспрепятствовать вербовке новых членов экстремистских сообществ и организаций, в том числе осуществляемой с использованием интернета.

³¹ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 52. – Ст. 7477.

Список литературы

1. Косарев М. Н. Современные тенденции терроризма // Военно-юридический журнал. – 2007. – № 11. – С. 19–22.
2. Вартанова Е. Л. Об актуальности медиатеории // МедиаАльманах. – 2017. – № 2. – С. 8–9.
3. Панкеев И. А., Тимофеев А. А. Тенденции государственного регулирования российских СМИ: правовой аспект // Вопросы теории и практики. – 2020. – Т. 9. – № 2. – С. 231–246.
4. Вдовин Е. А. Проблема противодействия распространению идей экстремизма и терроризма в сети Интернет // Молодой учёный. – 2019. – № 16 (254). – С. 79–81. – URL: <https://moluch.ru/archive/254/58284/> (дата обращения: 01.12.2020).

5. *Усманов И. М., Зиннуров Ф. К.* «Зелёная» зона: реальность или провокация (практика противодействия радикализации осуждённых в местах лишения свободы в Республике Татарстан) // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2019. – Т. 10. – № 1. – С. 62–69. DOI:10.24420/KUI.2019.28.54.010.

6. *Осипенко А. Л.* Новые технологии получения и анализа оперативно-розыскной информации: правовые проблемы и перспективы внедрения // Вестник Воронежского института МВД России. – 2015. – № 2. – С. 13–19.

7. *Рыбенцов А. П., Петухов А. Ю.* Способы идентификации лиц, совершающих преступления в сети интернет / Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: сборник материалов VIII Всероссийской научно-практической конференции. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2020. – С. 173–176.

8. *Петухов А. Ю.* Проблемы оперативно-розыскного противодействия лицам, совершающим преступления в сети интернет / Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: сборник материалов VIII Всероссийской научно-практической конференции. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2020. – С. 169–173.

9. *Лицук А. А. (ред.)*. Противодействие идеям экстремизма и терроризма в сети Интернет: междисциплинарный анализ : коллективная монография. – Нижневартовск: Издательство Нижневартовского государственного университета, 2017. – 138 с.

10. *Бочарников И. В., Ремарчук В. Н., Семикин Г. И. (ред.)*. Формы, методы и технологии профилактики и противодействия проникновению идеологии экстремизма и терроризма в образовательную среду : коллективная монография / Кафедра информационно-аналитической и политических технологий МГТУ имени Н. Э. Баумана, Учебно-методический центр «Здоровьесберегающие технологии и профилактика наркомании в молодёжной среде» МГТУ им. Н. Э. Баумана, Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности. – Москва: Экон-Информ, 2019. – 255 с.

11. *Бастрыкин А. И., Кириленко В. П., Шамахов В. А. (ред.)*. Экстремизм в современном мире : монография. – Санкт-Петербург: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2018. – 444 с.

References

1. *Kosarev M. N.* Sovremennyye tendentsii terrorizma // *Voyenno-yuridicheskiy zhurnal*. – 2007. – № 11. – С. 19–22.

2. *Vartanova Ye. L.* Ob aktual'nosti mediateorii // *MediaAl'manakh*. – 2017. – № 2. – С. 8–9.

3. *Pankeyev I. A., Timofeyev A. A.* Tendentsii gosudarstvennogo regulirovaniya rossiyskikh SMI: pravovoy aspekt // *Voprosy teorii i praktiki*. – 2020. – Т. 9. – № 2. – С. 231–246.

4. *Vdovin Ye. A.* Problema protivodeystviya rasprostraneniyu idey ekstremizma i terrorizma v seti Internet // *Molodoy uchonyy*. – 2019. – № 16 (254). – С. 79–81. – URL: <https://moluch.ru/archive/254/58284/> (data obrashcheniya: 01.12.2020).

5. *Usmanov I. M., Zinnurov F. K.* «Zelonaya» zona: real'nost' ili provokatsiya (praktika protivodeystviya radikalizatsii osuzhdonnykh v mestakh lisheniya svobody v Respublike Tatarstan) // *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. – 2019. – Т. 10. – № 1. – С. 62–69. DOI:10.24420/KUI.2019.28.54.010.

6. *Osipenko A. L.* Novyye tekhnologii polucheniya i analiza operativno-rozysknoy informatsii: pravovyye problemy i perspektivy vnedreniya // *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*. – 2015. – № 2. – С. 13–19.

7. *Rybentsov A. P., Petukhov A. Yu.* Sposoby identifikatsii lits, sovershayushchikh prestupleniya v seti internet / Aktual'nyye problemy teorii i praktiki operativno-rozysknoy deyatelnosti: sbornik materialov VIII Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Krasnodar: Krasnodarskiy universitet MVD Rossii, 2020. – С. 173–176.

8. *Petukhov A. Yu.* Problemy operativno-rozysknoy protivodeystviya litsam, sovershayushchim prestupleniya v seti internet / Aktual'nyye problemy teorii i praktiki operativno-rozysknoy deyatelnosti: sbornik materialov VIII Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Krasnodar: Krasnodarskiy universitet MVD Rossii, 2020. – С. 169–173.

9. *Litsuk A. A. (red.)*. Protivodeystviye ideyam ekstremizma i terrorizma v seti Internet: mezhdistsiplinarnyy analiz : kollektivnaya monografiya. – Nizhnevartovsk: Izdatel'stvo Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta, 2017. – 138 s.

10. *Bocharnikov I. V., Remarchuk V. N., Semikin G. I. (red.)*. Formy, metody i tekhnologii profilaktiki i protivodeystviya proniknoveniyu ideologii ekstremizma i terrorizma v obrazovatel'nyuyu sredu : kollektivnaya monografiya / Kafedra informatsionnoy analitiki i politicheskikh tekhnologiy MGTU imeni N. E. Baumana, Uchebno-metodicheskii tsentr «Zdorov'yesberegayushchiye tekhnologii i profilaktika narkomanii v molodozhnoy srede» MGTU im. N. E. Baumana, Nauchno-issledovatel'skiy tsentr problem natsional'noy bezopasnosti. – Moskva: Ekon-Inform, 2019. – 255 s.

11. *Bastrykin A. I., Kirilenko V. P., Shamakhov V. A. (red.)*. Ekstremizm v sovremennom mire : monografiya. – Sankt-Peterburg: IPTS SZIU RANKhiGS, 2018. – 444 s.

Статья поступила в редакцию 20.07.2021; одобрена после рецензирования 11.01.2022; принята к публикации 31.01.2022.

The article was submitted July 20, 2021; approved after reviewing January 11, 2022; accepted for publication January 31, 2022.

Вклад авторов:

Усманов И. М. – подготовка первоначального варианта текста; проведение критического анализа материалов и формирование выводов; поиск аналитических материалов в отечественных и зарубежных источниках.

Силаева Н. А. – концепция и инициация исследования; осуществление критического анализа и доработка текста.

Contribution of the authors:

Usmanov I. M. – preparation of the initial version of the text; conducting critical analysis of materials and formation of conclusions; search for analytical materials in domestic and foreign sources.

Silaeva N. A. – concept and initiation of the research; critical analysis and revision of the text.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests

Научная статья

УДК 343.1

doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-176-182

Софья Дмитриевна Шестакова

доктор юридических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0002-2015-861X>, shestakova_sofia@mail.ru

Уулжан Эмилбековна Иманалиева

адъюнкт

<https://orcid.org/0000-0002-3888-2809>, uulzhani@bk.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1

Депонирование показаний потерпевшего и свидетеля в уголовном процессе Кыргызской Республики

Аннотация: Статья посвящена исследованию нововведённого в уголовный процесс Кыргызской Республики в 2021 году института депонирования показаний потерпевшего и свидетеля. Авторами анализируются концептуальные основы данного института, его процессуальное значение, а также правовая модель по кыргызскому законодательству в сравнительно-правовом контексте с законодательством Федеративной Республики Германии и ряда государств – бывших советских республик: Казахстана, Молдовы, Эстонии, Украины, Литвы, а также проекта нового УПК Армении. Значение института депонирования показаний авторы усматривают в заблаговременном сохранении и легализации в качестве доказательств показаний потерпевшего и свидетеля, полученных в ходе проведённого на досудебном производстве судебного заседания («мини-судебного разбирательства»). Одним из главных достоинств депонирования показаний, по мнению авторов, является наделение стороны защиты правом независимо от органов уголовного преследования обращаться в суд с ходатайством о депонировании показаний и участвовать в этой процедуре. Депонирование показаний, обуславливающее возможность их оглашения в судебном разбирательстве и использования в качестве доказательств для обоснования приговора суда, направлено на реализацию равенства процессуальных возможностей сторон обвинения и защиты по участию в доказывании как неотъемлемого элемента принципа состязательности, а также способствует соблюдению разумного срока рассмотрения уголовных дел.

Ключевые слова: депонирование, доказательства, судебный контроль, досудебное производство, предварительное следствие, следственный судья, потерпевший, свидетель, адвокат, состязательность

Для цитирования: Шестакова С. Д., Иманалиева У. Э. Депонирование показаний потерпевшего и свидетеля в уголовном процессе Кыргызской Республики // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 1 (93). – С. 176–182; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-176-182.

Sofya D. Shestakova

Dr. Sci. (Jurid.), Docent

<https://orcid.org/0000-0002-2015-861X>, shestakova_sofia@mail.ru

Uuljan E. Imanalieva

Graduate

<https://orcid.org/0000-0002-3888-2809>, uulzhani@bk.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Deposition of victim and witness testimony as a new institution in the criminal procedure of the Kyrgyz Republic

Abstract: The deposition of victim and witness testimony is a new institution for the criminal procedure of the Kyrgyz Republic, introduced only in 2021. The authors analyze the conceptual foundations

of this institution and its significance for a trial. They compare its legal model under Kyrgyz legislation with the legislation of the Federal Republic of Germany and a number of former Soviet republics: Kazakhstan, Moldova, Estonia, Ukraine, Lithuania, and the draft of the new Criminal Procedure Code of Armenia. The authors suggest that the importance of deposition lies in the proactive preservation and legalization of the victim and witness testimony obtained during the pre-trial proceedings of the court session («mini-trial») as an evidence. One of the main advantages of deposition of testimony according to the authors is giving the defense team a right to apply to the court with a petition for deposition and participate in that procedure independently from the prosecution. Deposition warrants the possibility of testimony disclosure in court proceedings and its use as an evidence providing ground for a court verdict. The introduction of this institution is aimed at strengthening the adversarial principle and the principle of equality of parties, as well as benefits the speedy delivery of justice.

Keywords: deposition, evidence, judicial control, pre-trial proceedings, investigation proceedings, investigating judge, victim, witness, defense lawyer, adversity

For citation: Shestakova S. D., Imanalieva U. E. Deposition of victim and witness testimony as a new institution in the criminal procedure of the Kyrgyz Republic // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 1 (93). – P. 176–182; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-176-182.

Введение

В целях совершенствования порядка отправления правосудия, реформирования судебной системы и обеспечения принципа состязательности и равноправия сторон действующий уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики закрепил новый институт – депонирование показаний.

Данный институт регламентирован главой 26 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики (далее – УПК КР). Это новая процедура для кыргызского уголовного процесса, суть которой заключается в легализации уже полученных стороной обвинения показаний потерпевшего и свидетеля в ходе досудебного производства в качестве доказательств в целях их использования в судебном разбирательстве, в том числе при постановлении приговора. Данная процедура в своей основе проводится по правилам судебного разбирательства, что, несомненно, является гарантией охраны прав личности, вовлечённой в уголовное судопроизводство, так как направлена на реализацию принципа состязательности сторон. Глава 26 УПК КР регламентирует основания депонирования показаний потерпевшего (ст. 205), порядок рассмотрения ходатайства о депонировании показаний потерпевшего и свидетеля (ст. 207), порядок допроса потерпевшего и свидетеля в судебном заседании (ст. 200), последствия депонирования показаний (ст. 208).

Термин «депонирование» происходит от латинского слова «depono», что в переводе означает «оставляю, кладу». Процесс организованного хранения чего-либо именно в этом значении используется в уголовно-процессуальной науке, но данный термин имеет и другие значения, среди которых наиболее распространёнными являются: сейфовое хранение ценностей и документов; процедура передачи на хранение различных международных соглашений [5, с. 28]. В переводе же с английского языка depose в юридической сфере означает свидетельствовать, давать показания под присягой¹.

Как верно указывает А. А. Темирбекова, введение института депонирования показаний приводит кыргызское национальное законодательство в соответствие с международными стандартами справедливого правосудия и развивает состязательные начала производства по уголовным делам [8, с. 28]. Осново-

полагающий принцип уголовного процесса правовых государств, именуемый Европейским Судом по правам человека равенством оружия сторон обвинения и защиты – equality of arms, будучи системообразующим элементом гарантированного Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод права обвиняемого на справедливое судебное разбирательство – right to a fair trial, во многом обеспечивается за счёт депонирования показаний. В отсутствие возможности явки потерпевшего или свидетеля в судебное заседание, в котором уголовное дело рассматривается по существу, оглашение и исследование судом их показаний, полученных в ходе данной состязательной процедуры, позволяющей стороне защиты активно участвовать в их формировании, не нарушает равенства сторон по участию в доказывании. Способствует депонирование показаний реализации и другого гарантированного на международном уровне права – на разумный срок – reasonable time – производства по уголовному делу. В случаях, исключающих своевременное участие потерпевшего или свидетеля в судебном разбирательстве уголовного дела (по причине тяжёлой болезни, пребывания в иностранном государстве и т. п.), благодаря не наносящему ущерба принципу состязательности сторон использованию задепонированных показаний откладывания судебного заседания не требуется.

1. Правовая регламентация депонирования показаний в уголовном процессе Кыргызской Республики

Депонирование показаний свидетеля и потерпевшего – это проведение в ходе досудебного производства следственным судьёй допроса свидетеля или потерпевшего по ходатайству одной из сторон с целью заблаговременного обеспечения (сохранения) судебных доказательств при наличии оснований, так как в силу объективных причин впоследствии допросить этих участников уголовного судопроизводства в ходе судебного разбирательства станет невозможно, либо для необходимости обеспечения их безопасности (ст. 5 п. 27 УПК КР). Целью введения данного процессуального действия является решение задач уголовного судопроизводства – «быстрого и полного рассмотрения уголовных дел». Неявка в суд потерпевших и свидетелей по уважительной причине ведёт к откладыванию судебного разбирательства, последствием которого становится длительность рас-

¹ Мюллер В. К. Англо-русский словарь: 55 000 слов. – Санкт-Петербург: Издательский дом «Литера», 2008. – 656 с.

смотрения уголовных дел, что является нарушением прав участников уголовного судопроизводства, прежде всего, на производство по уголовному делу в разумный срок.

Депонирование показаний в кыргызском уголовном процессе предусмотрено по всем категориям уголовных дел независимо от квалификации и общественной опасности нарушения уголовного закона. Основанием депонирования показаний является ходатайство защитника и участников процесса со стороны защиты, следователя перед следственным судьёй. Условиями депонирования являются:

- обращение защитника и других участников процесса со стороны защиты непосредственно в суд о депонировании следственным судьёй показаний потерпевшего, свидетеля об известных им обстоятельствах по уголовному делу (п. 1 ст. 205 УПК КР);

- наличие оснований полагать, что более поздний допрос потерпевшего, свидетеля в досудебном производстве либо в судебном заседании при рассмотрении дела по существу может стать невозможным в силу объективных причин, связанных с опасностью для жизни и здоровья, тяжёлой болезнью потерпевшего, свидетеля, предстоящим их выездом за пределы или постоянным проживанием за пределами Кыргызской Республики (п. 2 ст. 205 УПК КР).

- недопущения психотравмирующего воздействия на несовершеннолетних потерпевших и свидетелей в ходе их последующего допроса (п. 7 ст. 207 УПК КР).

Согласно ч. 2 ст. 206 УПК Кыргызской Республики решение об удовлетворении или отказе от производства такого процессуального действия, как депонирование показаний, принимается следственным судьёй. Отказ следственного судьи в удовлетворении ходатайства о производстве депонирования может быть обжалован в вышестоящий суд. При появлении новых оснований для производства депонирования инициатор вновь может обратиться с ходатайством в суд (ч. 3, 4 ст. 206 УПК КР). Порядок производства допроса депонента регламентирован ч. 1 ст. 207 УПК КР. Следователь, в производстве которого находится уголовное дело, по которому производится депонирование показаний потерпевшего, свидетеля, может быть вызван в суд следственным судьёй (ч. 4 ст. 207 УПК КР). Круг участников депонирования показаний регламентирован ч. 5 ст. 207 УПК КР. Тяжелобольной депонент может быть допрошен по месту нахождения (ч. 6 ст. 207 УПК КР). О произведенном депонировании потерпевшего, свидетеля составляется протокол судебного заседания, который направляется следователю, осуществляющему уголовное судопроизводство, для приобщения к материалам уголовного дела (ч. 8 ст. 207 УПК КР). Последствия депонирования показаний отражены в ст. 208 УПК КР.

Введение в уголовный процесс Кыргызской Республики института депонирования показаний является одной из эффективных мер развития состязательных начал в досудебном производстве. Преимуществом института депонирования является судебный формат допроса на досудебном производстве, который, в противоположность следственному, обеспечивает состязательную процедуру получения и закрепления показаний, расширяя тем самым возможности стороны защиты по участию в доказывании.

Институт депонирования показаний – нововведение, несомненно, являющееся тем инструментом, с помощью которого уголовное судопроизводство в Кыргызской Республике со временем должно приблизиться к мировым стандартам защиты прав человека.

2. Российская процессуальная доктрина о депонировании показаний

Ещё в советское время у исследователей возникла мысль о закреплении признательных показаний обвиняемого, получаемых от него в ходе досудебного производства, посредством привлечения к участию в его допросе понятых, придав им статус поверенных. Присутствие поверенных подтверждало бы объективность действия следователя и, соответственно, достоверность признательных показаний обвиняемого. Предполагалось, что это станет гарантией соблюдения законности при производстве допроса и достоверности показаний обвиняемого. Однако данная идея не получила поддержки и была расценена как идущая вразрез с постулатами доказательственного права [7, с. 25]. Аргументировалось это следующим образом. Понятой не является свидетелем, так как он не сообщает следствию о том, что лично видел или слышал, потому что ему неизвестны факты, относящиеся к событию преступления. Советский уголовно-процессуальный закон признавал свидетелем лицо, призванное и обязанное сообщить суду или органам предварительного следствия сведения об относящихся к делу обстоятельствах или о личности обвиняемого, полученные путём личного восприятия (ст. 285 УПК РСФСР). Таким образом, как отмечает в своей работе Ф. Тарасенко, источником свидетельского показания является событие преступления или данные о личности преступника, полученные свидетелем путём личного восприятия. Искусственное создание свидетелей по уголовным делам является грубейшим нарушением уголовно-процессуального закона, приводящим в конечном итоге к вынесению необоснованных приговоров. Показания обвиняемого, в частности, сознание им своей вины подлежат не закреплению с помощью допроса его в присутствии других лиц, а тщательной проверке путём сопоставления их со всеми другими доказательствами, собранными по делу [7, с. 101–103].

Однако идея о необходимости легализации полученных стороной обвинения показаний, придания им статуса судебных доказательств не была забыта. Актуализировалась и активно развиваться она стала в связи с формированием в процессуальной доктрине государств постсоветского пространства концепции построения уголовного процесса на основе принципа состязательности и равноправия сторон.

Лейтмотивом Концепции судебной реформы в РСФСР, одобренной Верховным Советом РСФСР 24 октября 1991 г., стал необходимый для формирования правового государства переход от инквизиционных к состязательным началам уголовного судопроизводства. В результате дальнейшего развития теории и практики уголовного процесса к настоящему времени сформировались весьма чёткие представления о сущности состязательности и составляющих её элементов, одним из которых является процессуальное равенство сторон по участию

в доказывании². Наиболее действенным правовым средством обеспечения такого равенства как раз и является институт депонирования показаний. Смысл его в том, чтобы изъять у стороны обвинения полномочия, наделить доказательственной силой информацию, получаемую от допрашиваемого, и передать эти полномочия независимому от сторон субъекту (судье, следственному судье, судебному следователю). В противном случае – как это сохраняется в современном российском уголовном процессе – использование судом для обоснования обвинительного приговора показаний потерпевшего и свидетеля, полученных стороной обвинения в ходе производства предварительного расследования, нарушает закреплённое в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод право обвиняемого на допрос свидетелей обвинения, являющегося составной частью вышеупомянутого принципа «равенства оружия сторон», который, в свою очередь, относится к системообразующим элементам права на справедливое судебное разбирательство. Использование судом таких обвинительных доказательств обусловлено их оглашением в судебном разбирательстве по правилам, предусмотренным ст. 281 и 281.1 УПК РФ. Дополнения, внесённые в уголовно-процессуальный закон в марте 2016 года, ограничивающие возможность оглашения показаний свидетеля и потерпевшего, распространяющиеся также и на оглашение показаний лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, введённые в октябре 2018 года, полностью проблемы не решили [10, с. 154–155]. Эта проблема усугубляется по уголовным делам как с участием сотрудничающего со следствием лица, так и с участием засекреченных свидетелей.

Итак, в российском уголовно-процессуальном законе депонирование показаний пока не предусмотрено, хотя в процессуальной науке активно обсуждается перспектива его введения.

К примеру, в своих трудах Т. В. Хмельницкая предлагает закрепить институт депонирования показаний в УПК РФ, указывая, что данный институт стал бы составной частью процедуры формирования доказательственного материала обеими сторонами с помощью следственного судьи [9, с. 239].

В своём диссертационном исследовании О. А. Глянка предлагает главу 26 УПК РФ «Допрос. Очная ставка. Оpozнание, проверка показаний» дополнить новой статьёй 19 прим. 1 «Депонирование показаний», регулирующей основание и процессуальный порядок производства этого процессуального действия³.

Федеральный судья в отставке Сергей Анатольевич Пашин в 2006 году поднимал вопрос о необходимости внедрения в уголовный процесс Российской Федерации «института депонирования показаний по заявлению защитника», согласно которому стороны

наделялись бы правом беспрепятственно приобщать к материалам уголовного дела полученные ими документы, включая объяснения очевидцев и заключения специалистов, а также проработать процедуру производства депонирования доказательств у мирового судьи или судебного следователя [6, с. 83]. Действительно, это стало бы достойной альтернативой «параллельному адвокатскому расследованию», предполагающему самостоятельное собирание защитником многих видов доказательств, включая свидетельские показания, что было предусмотрено проектом Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, подготовленным Государственно-правовым управлением при Президенте Российской Федерации и обоснованно отвергнутым как несущим высокую вероятность фальсификации доказательств.

По мнению профессора Л. А. Воскобитовой, «судебное депонирование – это один из способов придания фактам, добытым защитником, законной силы». Процедура депонирования особенно важна, – подчёркивает исследователь, – когда участники досудебного производства видят в действиях процессуально уполномоченного лица незаконные методы воздействия на свидетеля в виде угроз, запугивания, или подобные действия вероятны со стороны других участников уголовного процесса, или в силу возрастных особенностей свидетеля (несовершеннолетнее лицо) его участие в судебном разбирательстве может причинить ему существенный вред, или когда есть вероятность, что важный свидетель не сможет присутствовать в судебном процессе для дачи показаний. Депонирование дало бы возможность защитнику процессуальные доказательства и без производства дополнительных, специальных действий узаконить их [2, с. 291].

Более того, авторы «Доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации» предлагают распространить судебное закрепление доказательств по требованию сторон не только на показания, но и на все предположительно легитимные доказательства по делу, которые к моменту уголовного судопроизводства могут быть утрачены для процесса доказывания (ст. 1.1 «Следственный судья»). В п. 1 ч. 3 ст. 5.7. Доктринальной модели «Полномочия следственного судьи» её авторы называют исключительную цель судебного контроля: обеспечение состязательной формы процесса и права сторон на всестороннее и полное установление всех обстоятельств дела и преступления. При этом полномочия следственного судьи по депонированию в ходе досудебного уголовного производства, по их мнению, должны не ограничиваться показаниями свидетелей и потерпевших, но также охватывать и представленные вещи, документы или информацию, находящуюся на телекоммуникационных каналах – при условии доказанности утверждений сторон о наличии исключительных обстоятельств испрашиваемой легализации доказательств и невозможности их закрепления иным способом, установленным УПК [1, с. 2, 36].

Итак, в российской процессуальной доктрине имеются определённые разработки проблемы депонирования показаний, а по некоторым из её аспектов даже наметилась научная дискуссия. Однако правотворчество в этой сфере непросто запаздывает, позволяя сохраняться принципиальному преимуществу

² Шестакова С. Д. Состязательность уголовного процесса : учебник. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2001. – С. 106.

³ Глянка О. А. Теоретико-правовая модель процессуального статуса следственного судьи : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Глянка Оксана Александровна. – Москва, 2019. – С. 16.

ству процессуальных возможностей стороне обвинения по собиранию доказательств, что препятствует реализации принципа состязательности сторон. Это связано главным образом с отсутствием в российском уголовном процессе такого участника, как следственный судья – субъекта полномочий по депонированию показаний. Впрочем, в последние несколько лет активизировалась приостановленная деятельность, направленная на включение его в число участников уголовного судопроизводства. Небезнадёжна, таким образом, перспектива реализации данного направления Концепции судебной реформы и напрямую связанного с ним введения института депонирования показаний как одного из основных полномочий следственного судьи.

Примечательно, что противоположным образом соотносится развитие уголовно-процессуальной теории и законодательства в части депонирования показаний в ряде других постсоветских государств. При малой изученности данного вопроса в процессуальной доктрине, единичных научных исследованиях, посвящённых ему, та или иная модель депонирования показаний получила закрепление в их национальных системах уголовно-процессуального права.

3. Особенности депонирования показаний в уголовном процессе постсоветских государств

Введение института депонирования показаний в уголовный процесс Кыргызской Республики не только не исключает, а напротив, актуализирует изучение аналогичного опыта стран ближнего и дальнего зарубежья, особенно стран бывшего постсоветского пространства с тем, чтобы учитывать его в целях совершенствования национального законодательства.

В настоящее время институт депонирования показаний включён в уголовный процесс таких постсоветских государств, как Республика Казахстан (ст. 217 УПК), Республика Молдова (ст. 109 УПК), Эстонская Республика (ст. 69.1 УПК), Украина (ст. 225 УПК), Литовская Республика (ст. 173 УПК) и в проект нового УПК Республики Армения.

Согласно уголовно-процессуальному законодательству Украины, следственный судья вправе провести депонированный допрос. В отличие от аналогичной процедуры других постсоветских государств, на Украине возможен и одновременный допрос двух и более уже допрошенных лиц (очная ставка), который проводится с целью проверки правдивости показаний свидетеля, потерпевшего или устранения разногласий в их показаниях (ст. 225 УПК Украины). Таким образом, украинский следственный судья выполняет активную роль на досудебном производстве, осуществляя одновременно процессуальное руководство им, судебный контроль и доказывание.

В уголовно-процессуальном законодательстве Эстонской Республики предусмотрены специальные условия депонирования показаний несовершеннолетних потерпевших и свидетелей (прим. 1 к ст. 69, п. 2 ст. 70 УПК Эстонии). К таким специальным условиям относится то, что:

- свидетель не достиг десятилетнего возраста и повторный допрос может оказать вредное воздействие на его психику;
- свидетель не достиг четырнадцатилетнего возраста, и допрос связан с применением семейного или сексуального насилия;

– свидетель имеет расстройство речи или органов чувств, душевное недомогание или психическое расстройство.

По сравнению с Кыргызстаном в уголовном процессе Эстонии расширен перечень условий депонирования показаний. К их числу относится, что свидетель может быть допрошен судьёй предварительного следствия по ходатайству прокурора, обвиняемого или защитника, если предметом уголовного производства является умышленное преступление, за которое в качестве наказания предусмотрено тюремное заключение на срок не менее трёх лет. Опасение, что лицо могут принудить к даче ложных показаний, в свою очередь, является основанием для депонирования показаний (ст. 69 УПК Эстонии).

В отличие от уголовного процесса Кыргызстана, где депонирование означает «сохранение» показаний депонента и налагает запрет на последующее использование полученных сведений в доказывании до оглашения их в суде, в уголовно-процессуальном законодательстве Молдовы, напротив, предусмотрено, что следственный судья допрашивает депонируемого не только с целью закрепления и сохранения ранее полученных показаний, но и для получения новых доказательств. В дальнейшем лицо, чьи показания были депонированы, может быть привлечено к производству следственных действий.

Уголовно-процессуальный закон Республики Молдова в ст. 110-1 детально регламентирует процедуру производства допроса несовершеннолетнего потерпевшего, свидетеля в целях исключения негативного психического воздействия на него.

В УПК Республики Грузия предусмотрена аналогичная процедура депонирования показаний. На предварительном следствии показания депонируются, если: существует реальная опасность смерти или ухудшения здоровья свидетеля, что может помешать его допросу в ходе рассмотрения дела по существу; лицо на длительное время покидает территорию Грузии; несмотря на разумные усилия по направлению дела в суд для рассмотрения по существу, невозможно найти другой источник необходимых доказательств; если это необходимо в связи с применением специальных мер защиты. В этих случаях по ходатайству лица, осуществляющего уголовное преследование, свидетель может быть допрошен судьёй-магистратом по месту осуществления судопроизводства или месту его нахождения. Допрос судьёй-магистратом производится с участием сторон, отсутствие другой стороны не препятствует допросу.

В уголовном же процессе Республики Казахстан депонирование показаний не исключает оглашения, исследования и использования в судебном разбирательстве показаний, которые не были депонированы. В соответствии с ч. 1 ст. 217 УПК Республики Казахстан депонирование показаний потерпевшего и свидетеля следственным судьёй предусмотрено по ходатайству участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения или со стороны защиты в случаях, когда имеются основания полагать, что явка в судебное разбирательство соответствующих участников процесса не будет возможна в силу постоянного пребывания за границей, выезда за границу, тяжёлого состояния здоровья, применения мер безопасности либо

в целях предотвращения психотравмирующего воздействия судебного разбирательства на несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего. Однако при этом ч. 2 ст. 372 УПК Республики Казахстан разделяет отсутствие потерпевшего или свидетеля в судебном заседании по причинам, исключающим возможность их явки, и состоявшееся депонирование показаний потерпевшего или свидетеля на два самостоятельных случая, при которых разрешается оглашение показаний этих участников процесса в судебном разбирательстве. Таким образом, депонирование показаний по казахстанскому уголовно-процессуальному законодательству стало лишь дополнительным, а не исключительным случаем их оглашения в судебном разбирательстве при неявке давших их на предварительном расследовании участников процесса, что не соответствует процессуальному смыслу и главному назначению рассматриваемого института.

А. С. Гамбарян указывает, что, несмотря на новизну использования понятия «судебное депонирование показаний» в УПК постсоветских стран, данный институт по существу был предусмотрен намного раньше в английском уголовном процессе – ещё в XIX веке [3, с. 2, 36].

Одним из основных аргументов сторонников рассматриваемых преобразований процесса доказывания в бывших республиках Советского Союза является позитивный опыт функционирования германской модели. В уголовном процессе ФРГ функцию депонирования (“Deponierung”) осуществляет его участник, именуемый «судья над дознанием» или «судья-дознатель». Данная процедура применяется не только для сохранения показаний потерпевшего и свидетеля, как это предусмотрено законодательством большинства постсоветских государств, но и для закрепления других видов доказательств.

Итак, депонирование – судебное закрепление доказательств на досудебном производстве, является одним из полномочий следственного судьи, которое качественно изменяет процесс доказывания, способствуя полному и объективному расследованию уголовного дела. Его появление в уголовном судопроизводстве постсоветских государств восполняет систему гарантий реализации принципа состязательности и равноправия сторон.

Заключение

Депонирование показаний потерпевшего и свидетеля по действующему кыргызскому уголовно-процессуальному законодательству представляет одну из возможных моделей депонирования показаний как процессуального института. Будучи отнесённой к числу полномочий следственного судьи и таким образом сопровождая включение его в число участников уголовного судопроизводства, данная процессуальная новелла соответствует логике развития состязательных начал уголовного судопроизводства, причём всего в целом, а не только его досудебных стадий. Депонирование показаний, происходящее на досудебном производстве, обеспечивает состязательность и равноправие сторон и на судебных стадиях уголовного процесса, так как предоставляет стороне защиты процессуаль-

ную возможность активно, наравне со стороной обвинения и независимо от неё влиять на формирование этих видов доказательств. Депонирование показаний, осуществляемое следственным судьёй по ходатайству стороны защиты, является новым самостоятельным способом придания сведениям об обстоятельствах, имеющих значение для дела, доказательственного значения. Таким образом, применяемое при предварительном расследовании депонирование показаний потерпевшего и свидетеля имеет определяющее значение для исследования доказательств на стадии судебного разбирательства и использования их при постановлении приговора, так как гарантирует равенство сторон обвинения и защиты применительно к собиранию, проверке и оценке доказательств данного вида. Именно причинно-следственная связь депонирования показаний с возможностью их оглашения в судебном разбирательстве и дальнейшего использования в качестве элемента доказательственной базы приговора, воплощённая в УПК КР, обеспечивает достижение этим институтом своей главной цели: в отличие от простого дополнения депонированными показаниями числа допускаемых законом случаев их оглашения, не исключающих оглашения наряду с ними и недепонированных показаний (как это имеет место, например, в уголовном процессе Казахстана).

Служит этой цели и детально продуманная правовая регламентация порядка депонирования показаний потерпевшего и свидетеля в кыргызском уголовном процессе, а также достаточно высокий уровень её юридической техники.

Введение института депонирования показаний в кыргызский уголовный процесс направлено на соблюдение принципа осуществления уголовного судопроизводства на основе равноправия и состязательности сторон. Тем самым во многом достигается реализация аналогичного принципа, закреплённого в международном праве, – равенства оружия сторон в процессе. Одновременно использование депонированных показаний способствует обеспечению принципа производства по уголовному делу в разумный срок.

Ограничение нововведённого в кыргызский уголовный процесс института депонирования показаний свидетеля и потерпевшего по логике развития состязательных начал уголовного судопроизводства ставит вопрос о потребности в уравнивании именно таким способом возможностей сторон по участию в формировании и других видов доказательств. Распространение депонирования на другие виды доказательств, а также расширение его оснований как перспективное направление совершенствования кыргызского уголовно-процессуального законодательства требует разработки соответствующей теоретической основы.

При этом нельзя не отметить целесообразность и своевременность введения института депонирования в кыргызский уголовный процесс, являющегося необходимым для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, вынесения законных и обоснованных процессуальных решений и приближающего национальное законодательство к международным стандартам справедливого правосудия.

Список литературы

1. Александров А. С., Александрова И. А. и др. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации. – Москва: Юрлитинформ, 2015. – 299 с.
2. Воскобитова Л. В. Состязательность: две концепции участия адвоката в доказывании // Уголовное судопроизводство. – 2012. – № 2. – С. 22–25.
3. Гамбарян А. С. Судебное депонирование показаний: старый процессуальный институт под новым названием. – Москва: Юрлитинформ, 2016. – 156 с.
4. Канафин Д. К. Совершенствование правового статуса адвоката в свете разработки нового Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан // Юрист. – 2012. – № 12. – С. 47–55.
5. Омиртайулы Н. Депонирование в ходе досудебного производства показаний потерпевшего и свидетеля. – Алматы, 2017. – С. 28.
6. Пашин С. А. Об институте депонирования показаний по заявлению защитника // Российский бюллетень по правам человека. – 2006. – № 22. – С. 83–87.
7. Тарасенко Ф. Против извращений в практике допроса обвиняемого // Социалистическая законность. – 1956. – № 9. – С. 101–103.
8. Темирбекова А. А. Судебное депонирование в современном уголовном процессе // Международный журнал экспериментального образования. – 2019. – № 6. – С. 72–76.
9. Хмельницкая Т. Ф. К вопросу о формировании личных доказательств в ходе досудебного производства по уголовному делу // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 1 (25). – С. 239–244.
10. Шестакова С. Д., Маркова Е. А. Засекречивание свидетелей и право обвиняемого на защиту / Уголовное судопроизводство в России: состояние, проблемы, перспективы : материалы Всероссийской научно-практической конференции, 7 ноября 2014 г. – Ч. 1. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России. – С. 152–156.

References

1. Aleksandrov A. S., Aleksandrova I. A. i dr. Doktrinal'naya model' ugovolno-protssessual'nogo dokazatel'stvennogo prava Rossiyskoy Federatsii. – Moskva: Yurlitinform, 2015. – 299 s.
2. Voskobitova L. V. Sostyazatel'nost': dve kontseptsii uchastiya advokata v dokazyvanii // Ugolovnoye sudoproizvodstvo. – 2012. – № 2. – S. 22–25.
3. Gambaryan A. S. Sudebnoye deponirovaniye pokazaniy: staryy protsessual'nyy institut pod novym nazvaniyem. – Moskva: Yurlitinform, 2016. – 156 s.
4. Kanafin D. K. Sovershenstvovaniye pravovogo statusa advokata v svete razrabotki novogo Ugolovno-protssessual'nogo kodeksa Respubliki Kazakhstan // Yurist. – 2012. – № 12. – S. 47–55.
5. Omirtayuly N. Deponirovaniye v khode dosudebnogo proizvodstva pokazaniy poterpevshego i svidetelya. – Almaty, 2017. – S. 28.
6. Pashin S. A. Ob institute deponirovaniya pokazaniy po zayavleniyu zashchitnika // Rossiyskiy byulleten' po pravam cheloveka. – 2006. – № 22. – S. 83–87.
7. Tarasenko F. Protiv izvrashcheniy v praktike doprosa obvinyayemogo // Sotsialisticheskaya zakonnost'. – 1956. – № 9. – S. 101–103.
8. Temirbekova A. A. Sudebnoye deponirovaniye v sovremennom ugovolnom protsesse // Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya. – 2019. – № 6. – S. 72–76.
9. Khmel'nitskaya T. F. K voprosu o formirovaniy lichnykh dokazatel'stv v khode dosudebnogo proizvodstva po ugovolnomu delu // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. – 2014. – № 1 (25). – S. 239–244.
10. Shestakova S. D., Markova Ye. A. Zasekrechivaniye svideteley i pravo obvinyayemogo na zashchitu / Ugolovnoye sudoproizvodstvo v Rossii: sostoyaniye, problemy, perspektivy : materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 7 noyabrya 2014 g. – CH. 1. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii. – S. 152–156.

Статья поступила в редакцию 23.09.2021; одобрена после рецензирования 10.01.2022; принята к публикации 10.03.2022.

The article was submitted September 23, 2021; approved after reviewing January 10, 2022; accepted for publication March 10, 2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Общая педагогика, история педагогики и образования

Научная статья
УДК 37.034
doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-183-191

Злата Владимировна Васильева
<https://orcid.org/0000-0001-5582-5235>, zlatavas@gmail.com

*Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1*

Условия и оценка эффективности духовно-нравственного развития обучающихся образовательных организаций МВД России

Аннотация: Актуальность темы связана с необходимостью повышения престижа гуманитарного знания, важного для мировоззренческого, личностного роста и формирования всесторонне образованного человека. В статье показана роль субъект-субъектных отношений для решения указанных задач. С точки зрения духовно-нравственного развития, субъект-субъектные отношения важны, потому что позволяют обмениваться ценностями и смыслами человеческой жизни, конкретнее – жизнедеятельности специалиста. В ходе общения преподаватель и обучающиеся обмениваются ценностными предпочтениями. В процессе обучения, разбора конфликтных ситуаций недостаточно только знания, должны быть критерии для выбора того или иного поступка, и именно ситуация поиска оснований для выбора способствует изменениям в ценностно-смысловой сфере. Повышение престижа гуманитарного знания важно для мировоззренческого, личностного роста и формирования всесторонне образованного человека.

Большое значение имеет раскрытие ценностного, духовно-нравственного контекста гуманитарных дисциплин путём совершенствования методики преподавания, использования интерактивных технологий, привлечения реальных жизненных ситуаций нравственного конфликта, выбора.

В статье представлены результаты исследования, в ходе которого выделены условия эффективности духовно-нравственного развития обучающихся в процессе освоения гуманитарных дисциплин. В процессе анализа были обозначены четыре критерия оценки эффективности духовно-нравственного развития обучающихся в процессе освоения гуманитарных дисциплин. К ним относятся личностный, когнитивный, мотивационно-ценностный, деятельностный критерии.

Кроме того, в статье отражены результаты сравнительного анализа и математической обработки данных по двум методикам – опроснику для выявления самооценки «Духовно-нравственное развитие личности» и проективной методике «Неоконченные предложения», применённым на завершающем этапе исследования.

Ключевые слова: духовно-нравственное развитие, воспитание, условия эффективности, критерии оценки, обучающиеся, образовательные организации МВД России

Для цитирования: Васильева З. В. Условия и оценка эффективности духовно-нравственного развития обучающихся образовательных организаций МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 1 (93). – С. 183–191; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-183-191.

Zlata V. Vasileva

<https://orcid.org/0000-0001-5582-5235>, zlatavas@gmail.com

Saint-Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Conditions and evaluation of the effectiveness of spiritual and moral development of students of educational organizations of the MIA of Russia

Abstract: The relevance of the research is based on the need to increase the prestige of humanitarian knowledge, which is important for ideological, personal growth and the formation of a comprehensively educated person. The article demonstrates the value of the interpersonal connections in solving the indicated problem. From the point of spiritual and moral growth the interpersonal relationships allow to exchange values and mindsets between the future professionals. In the course of communication teachers and students exchange their values. Mere academic knowledge is not enough: in order to learn, to solve arising conflicts students need choice criteria, and precisely here, in search for reasons, lies the spiritual growth. The exploration of the values, spiritual and moral context of the humanitarian studies by improving teaching methods, involving interactive technologies, involving real life situations of moral conflict, choice is of great importance. The article presents the results of a study that highlights the conditions for the effectiveness of the spiritual and moral growth of students in the process of mastering the humanitarian subjects. The analysis helped author to identify four criteria for evaluating the effectiveness of the spiritual and moral development of students in the process of mastering the humanitarian subjects. These include personal, cognitive, motivational-value, activity approach criteria. The study is based on the comparative analysis and mathematical processing of data using two methods: a questionnaire for identifying self-esteem «Spiritual and moral development of personality» and a projective method «Unfinished sentences» applied at the final stage of the research.

Keywords: spiritual and moral development, education, conditions of effectiveness, criteria for evaluating effectiveness, students, educational organizations of the MIA of Russia

For citation: Vasileva Z.V. Conditions and evaluation of the effectiveness of spiritual and moral development of students of educational organizations of the MIA of Russia // Vestnik of St.Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 1 (93). – P. 183–191; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-183-191.

Введение

Современная парадигма обучения на основе субъект-субъектных отношений усиливает духовно-нравственную направленность гуманитарных дисциплин. С точки зрения духовно-нравственного развития, субъект-субъектные отношения важны, потому что позволяют обмениваться ценностями и смыслами человеческой жизни, конкретнее – жизнедеятельности специалиста. В ходе общения преподаватель и обучающиеся обмениваются ценностными предпочтениями. В процессе обучения, разбора конфликтных ситуаций недостаточно только знания, должны быть критерии для выбора того или иного поступка и именно ситуация поиска оснований для выбора способствует изменениям в ценностно-смысловой сфере. Повышение престижа гуманитарного знания, важно для мировоззренческого, личностного роста и формирования всесторонне образованного человека.

Поскольку усвоение гуманитарного знания требует определённой восприимчивости, необходим дифференцированный подход к результатам воспитания и оценки. Кроме того, важно учитывать, что гуманитарное знание «требует особой восприимчивости и склонности к смысловой вариативности, готовности к нравственному выбору и затратам нравственной энергии («душа обязана трудиться»). В противном случае гуманистические ценности останутся недоступными» [1, с. 306]. Важно раскрыть ценностный, духовно-нравственный контекст гуманитарных дисциплин путём совершенствования методики преподавания, привлечения интерактивных технологий, затрагивая реальные жизненные ситуации нравственного конфликта, выбора.

Анализ процесса духовно-нравственного развития в Санкт-Петербургском суворовском военном училище МВД России, направленный на повышение уровня духовности и нравствен-

ности обучающихся, показал, что большие возможности имеются для этого у преподавателей гуманитарных дисциплин, руководителей курсов, воспитателей. Однако рассмотрение результатов формирующего эксперимента позволяет сделать вывод, что воспитание духовности и нравственности является сложным и длительным процессом. Его результаты будут проявляться не только в повседневной жизни и поступках суворовцев, но главным образом в их дальнейшей жизни и деятельности.

Опыт духовно-нравственного развития обучающихся образовательных организаций МВД России

Экспериментальная работа, проведённая в сотрудничестве с группой преподавателей, показала следующий результат. В экспериментальной группе, составившей 79 человек, была реализована программа духовно-нравственного развития обучающихся образовательных организаций МВД России в процессе освоения гуманитарных дисциплин. Обучающиеся контрольной группы (78 человек) учились по обычной программе, где не было усиленной духовно-нравственной составляющей.

Личностный критерий измерялся при помощи авторского опросника для выявления самооценки «Духовно-нравственное развитие личности»; когнитивный критерий – посредством проективной авторской методики «Неоконченные предложения»; мотивационно-ценностный критерий – с помощью авторского опросника для выявления самооценки «Духовно-нравственное развитие личности»; деятельностный критерий измерялся авторским опросником для выявления самооценки «Духовно-нравственное развитие личности».

После завершения экспериментальной работы (февраль 2022 года) был проведён повторный опрос в экспериментальной и контрольной группах по двум методикам: авторский опросник для выявления самооценки «Духовно-нравственное развитие личности», проективная авторская методика «Неоконченные предложения». Перечисленные методики включали те же вопросы, что и на диагностическом этапе исследования. Кроме того, оценивание проводилось методом экспертных оценок и наблюдения. В экспериментальной группе увеличился интерес к проблеме духовно-нравственного развития, что показала активность на занятиях, количество вопросов после занятий.

Обучающимся было предложено за 30 минут, ответив на вопросы двух методик, выразить собственное мнение по различным темам, связанным с духовно-нравственным развитием личности. Полученные данные были собраны и проанализированы.

Данные сравнения экспериментальной и контрольной группы по авторскому опроснику для выявления самооценки «Духовно-нравственное развитие личности» на завершающем этапе формирующей работы представлены в сводной таблице 1.

После проведения эксперимента испытуемые оценивали показатели, сгруппированные по четырём категориям:

- человек (здоровье, честь, достоинство, самосознание, самоуважение, красота тела, языка, мысли, рефлексия (самопознание), воля, самосовершенствование, совесть, умеренность, мужество, культура, забота, эмпатия (сочувствие), сострадание, милосердие, уважение, терпимость, ценность личности, ответственность, справедливость, гуманность, искренность);

- общество (патриотизм, нация, народ, безопасность, защита Родины, служение Родине, гражданственность, гражданские права и обязанности, закон, служение закону, идеология, долг);

- деятельность (ценность познания как процесса, знания как результата, учение как саморазвитие, общественная значимость учения, мышление, разум, служение делу, творчество, созидание (полезная деятельность), самоотдача, предназначение, труд, беспристрастность, деловая репутация);

- мироздание (природа, мир, добро (как противоположность злу), красота, истина, любовь, свобода, гармония, совершенство, счастье, вера, Бог, заповеди, вечная жизнь, душа).

Значимые различия выявлены по всем показателям, кроме следующих: «самоуважение», «патриотизм», «нация», «безопасность», «служение Родине», «гражданственность», «идеология», «долг», «служение делу», «беспристрастность». Указанные показатели не вошли в таблицу 1. Согласно проведённому математико-статистическому анализу, выделенные по этим характеристикам группы изначально имели значимые отличия ($p \leq 0,05$), поэтому мы не можем утверждать, что эксперимент воздействовал на них.

Значимые различия выявлены по подавляющему большинству показателей. По нашему мнению, это связано с тем, что эксперимент подтвердил эффективность программы духовно-нравственного развития обучающихся образовательных организаций МВД России.

Кроме того, анализ таблицы 1 показывает высокую самооценку как в экспериментальной, так и в контрольной группах. Отметим, что увеличилось количество тех, кто считает выбранную ценность очень важной, но не всегда поступает в соответствии с ней. Это относится к таким ценностям, как «здоровье», «самосознание», «красота тела, языка, мысли», «терпимость», «ответственность». То есть обучающиеся стали оценивать себя более адекватно. Кроме того, для обучающихся экспериментальной группы стали более значимыми абстрактные духовно-нравственные ценности («честь», «достоинство», «рефлексия», «совесть», «эмпатия», «справедливость», «счастье»), на формирование которых была направлена программа экспериментального исследования.

Суворовцы экспериментальной группы более ориентированы на признание духовно-нравственных ценностей и реализацию их в жизни. В ЭГ отмечается рост количественных и качественных показателей уровня духовно-нрав-

Сравнение показателей результатов формирующего эксперимента и контрольной группы по авторскому опроснику «Духовно-нравственное развитие личности» на завершающем этапе исследования

Показатели, оцениваемые у обучающихся	Группы до и после эксперимента (M±σ)				p=	
	ЭГ		КГ		до	после
	до	после	до	после		
Здоровье	2,93±0,652	3,44±0,518	3,03±0,71	3,05±0,714	0,3	0,001
Честь	3,12±0,711	3,67±0,492	3,25±0,706	3,26±0,709	0,1	0,001
Достоинство	3,13±0,658	3,67±0,471	3,27±0,7	3,28±0,703	0,1	0,001
Самосознание	3,09±0,618	3,72±0,45	3,2±0,699	3,21±0,69	0,2	0,001
Красота тела, языка, мысли	2,85±0,713	3,5±0,559	3,04±0,767	3,06±0,766	0,05	0,001
Рефлексия (самопознание)	2,84±0,731	3,48±0,521	3,03±0,8	3,04±0,789	0,07	0,001
Воля	3,19±0,628	3,62±0,507	3,17±0,743	3,18±0,747	0,8	0,001
Самосовершенствование	3,37±0,689	3,75±0,434	3,37±0,664	3,39±0,654	0,9	0,001
Совесть	3,2±0,749	3,77±0,445	3,2±0,812	3,23±0,81	0,9	0,001
Умеренность	2,59±0,777	3,26±0,577	2,69±0,822	2,74±0,821	0,3	0,001
Мужество	2,92±0,77	3,46±0,609	2,93±0,913	2,97±0,905	0,9	0,001
Культура	2,77±0,786	3,39±0,547	2,88±0,808	2,91±0,784	0,3	0,001
Забота	3±0,748	3,54±0,52	2,91±0,806	2,93±0,803	0,3	0,001
Эмпатия (сочувствие)	2,72±0,826	3,45±0,556	2,69±0,79	2,71±0,775	0,8	0,001
Сострадание	2,57±0,804	3,29±0,554	2,58±0,83	2,61±0,817	0,9	0,001
Милосердие	2,63±0,845	3,34±0,605	2,66±0,776	2,69±0,759	0,8	0,001
Уважение	3,24±0,666	3,8±0,4	3,16±0,751	3,19±0,731	0,4	0,001
Терпимость	2,85±0,753	3,48±0,576	2,82±0,844	2,84±0,837	0,7	0,001
Ценность личности	3±0,748	3,68±0,468	3,11±0,804	3,14±0,809	0,2	0,001
Ответственность	3,15±0,669	3,71±0,455	3,29±0,655	3,31±0,66	0,1	0,001
Справедливость	3,37±0,659	3,83±0,376	3,31±0,688	3,34±0,695	0,5	0,001
Гуманность	2,92±0,808	3,47±0,576	3,06±0,809	3,05±0,794	0,2	0,001
Искренность	3,19±0,784	3,64±0,481	3,18±0,802	3,21±0,794	0,9	0,001
Народ	2,84±0,758	3,35±0,573	2,93±0,803	2,96±0,8	0,3	0,001
Защита Родины	3,1±0,819	3,67±0,512	3,18±0,735	3,18±0,747	0,4	0,001
Гражданские права и обязанности	3,02±0,761	3,67±0,471	3,18±0,712	3,2±0,723	0,1	0,001
Закон	3,17±0,708	3,77±0,421	3,28±0,761	3,31±0,768	0,2	0,001
Служение закону	2,94±0,822	3,66±0,475	3,12±0,797	3,14±0,816	0,1	0,001
Ценность познания как процесса, знания как результата	2,34±0,863	3,13±0,643	2,69±0,956	2,71±0,971	0,6	0,001
Учение как саморазвитие	3,18±0,74	3,53±0,521	3,09±0,816	3,11±0,804	0,4	0,001
Общественная значимость учения	2,53±0,769	3,19±0,484	2,73±0,893	2,76±0,884	0,08	0,001
Мышление	3,15±0,698	3,54±0,5	3,16±0,716	3,17±0,708	0,8	0,001
Разум	3,2±0,664	3,59±0,494	3,24±0,688	3,25±0,682	0,6	0,001
Творчество	2,64±0,923	3,23±0,598	2,75±0,935	2,76±0,922	0,4	0,001
Созидание (полезная деятельность)	2,84±0,809	3,45±0,519	2,97±0,784	2,99±0,779	0,2	0,001
Самоотдача	3,02±0,721	3,6±0,492	3,06±0,788	3,08±0,786	0,7	0,001
Предназначение	2,85±0,841	3,38±0,581	2,84±0,896	2,84±0,896	0,9	0,001
Труд	2,99±0,742	3,54±0,52	3,03±0,773	3,08±0,764	0,6	0,001
Деловая репутация	2,78±0,901	3,56±0,555	3,01±0,862	3,03±0,857	0,06	0,001
Природа	3,01±0,781	3,5±0,522	3,07±0,725	3,09±0,704	0,5	0,001
Мир	3,05±0,74	3,57±0,517	3,1±0,767	3,12±0,753	0,6	0,001
Добро (как противоположность злу)	3,22±0,769	3,71±0,455	3,21±0,772	3,24±0,77	0,9	0,001
Красота	2,72±0,862	3,35±0,607	2,93±0,855	2,96±0,851	0,07	0,001
Истина	3,16±0,689	3,64±0,481	3,12±0,753	3,14±0,754	0,6	0,001
Любовь	3,26±0,796	3,7±0,501	3,25±0,837	3,27±0,823	0,9	0,001
Свобода	3,34±0,652	3,79±0,408	3,32±0,703	3,34±0,707	0,8	0,001
Гармония	2,96±0,786	3,46±0,52	3,13±0,79	3,14±0,777	0,1	0,001
Совершенство	2,97±0,806	3,48±0,54	3,02±0,857	3,04±0,841	0,6	0,001
Счастье	3,4±0,694	3,85±0,357	3,46±0,622	3,46±0,662	0,4	0,001
Вера	2,42±1,042	2,99±0,843	2,57±1,042	2,57±1,042	0,2	0,001
Бог	2,26±1,036	2,9±0,806	2,49±1,052	2,5±1,044	0,1	0,002
Заповеди	1,95±0,942	2,69±0,731	2,02±0,915	2,03±0,91	0,5	0,001
Вечная жизнь	1,74±0,934	2,51±0,743	1,84±0,933	1,85±0,939	0,4	0,001
Душа	2,69±1,065	3,18±0,767	2,58±1,007	2,58±1,007	0,4	0,001

ственного развития обучающихся. Это говорит о важности и актуальности проблемы, поэтому необходимо дальнейшее её исследование для повышения качества образования в образовательных организациях МВД России.

Данные по проективной авторской методике «Неоконченные предложения» представлены в таблице 2.

После проведения эксперимента испытуемые оценивали следующие показатели: «я ду-

маю, что духовность – это»; «я полагаю, что нравственность – это»; «мне кажется, что духовность и нравственность похожи тем, что»; «я полагаю, что духовность и нравственность различаются тем, что»; «я считаю, что духовный человек обладает такими качествами, как»; «мне кажется, что нравственный человек обладает такими качествами, как»; «под духовно-нравственным развитием я понимаю»; «я хотел(а) бы быть духовно-нравственно развитым человеком, потому что»; «я считаю, что система обучения и воспитания в СПб СВУ МВД России развивает духовно-нравственные качества личности обучающихся, потому что»; «для большей эффективности этой работы я могу предложить».

Значимые различия выявлены по всем показателям, кроме следующих: «я считаю, что духовный человек обладает такими качествами, как», «мне кажется, что нравственный человек обладает такими качествами, как», «я хотел(а) бы быть духовно-нравственно развитым человеком, потому что», «для большей эффективности этой работы я могу предложить». Они не вошли в таблицу 2. Согласно проведённому математико-статистическому анализу, выделенные по этим характеристикам группы изначально имели значимые отличия ($p \leq 0,05$), поэтому мы не можем утверждать, что эксперимент воздействовал на эти показатели.

Ответы обучающихся по проективной авторской методике «Неоконченные предложения» были распределены на три группы: 1 – «приближенные» (наиболее точные ответы), 2 – «частичные» (не совсем точные ответы), 3 – «неточные» (совсем неточные ответы). Показатели до эксперимента у ЭГ и КГ примерно одинаковые и находятся на отметке 2 – «частичные», после эксперимента в ЭГ становится больше «приближенных» ответов (1), в КГ показатели практически не меняются.

Таким образом, после проведения эксперимента по проективной методике «Не-

оконченные предложения» обучающиеся в ЭГ стали значимо относиться к первой группе «приближенные» (наиболее точные ответы). В КГ ответы обучающихся остались на уровне второй группы «частичные» (не совсем точные ответы). Можно сказать, что в результате экспериментального исследования испытуемые ЭГ более чётко стали понимать и ассоциировать себя с такими понятиями, как «духовность», «нравственность», «духовно-нравственное развитие».

По результатам диагностики была составлена обобщающая сводная таблица сравнительных характеристик духовно-нравственного развития обучающихся экспериментальной и контрольной групп (таблица 3).

Особо низкие показатели повысились, средние показатели почти не изменились, статистически значимо увеличилось количество правильных ответов по знаниям о духовности и нравственности (в ЭГ почти исчезли неточные ответы, значительно увеличилось количество приближенных ответов, в КГ – те же результаты). В экспериментальной группе прослеживается положительная динамика приближенных ответов, касающихся качеств, которыми обладает духовный и нравственный человек, то есть обучающиеся стали значительно лучше различать духовность и нравственность, что является результатом формирующей экспериментальной работы.

Условия эффективности духовно-нравственного развития обучающихся

Организация и проведение формирующего эксперимента показала необходимость соблюдения ряда условий, повышающих эффективность духовно-нравственного развития суворовцев.

Исходя из теоретического анализа и экспериментальной части исследования, были выделены четыре условия, повышающие эффективность духовно-нравственного развития обучающихся в процессе освоения гуманитарных дисциплин.

Таблица 2

Сравнение показателей результатов формирующего эксперимента и контрольной группы по проективной авторской методике «Неоконченные предложения» на завершающем этапе исследования

Показатели, оцениваемые у обучающихся	Группы до и после эксперимента (M±σ)				p=	
	ЭГ		КГ		до	после
	до	после	до	после		
Я думаю, что духовность – это	2,02±0,748	1,43±0,517	2,14±0,703	2,14±0,703	0,2	0,001
Я полагаю, что нравственность – это	2,08±0,796	1,46±0,609	2,25±0,656	2,25±0,666	0,07	0,001
Мне кажется, что духовность и нравственность похожи тем, что	2,11±0,706	1,51±0,576	2,21±0,738	2,2±0,746	0,2	0,001
Я полагаю, что духовность и нравственность различаются тем, что	2,45±0,728	1,76±0,635	2,37±0,749	2,35±0,755	0,4	0,001
Под духовно-нравственным развитием я понимаю	2,27±0,677	1,57±0,572	2,39±0,667	2,37±0,677	0,1	0,001
Я считаю, что система обучения и воспитания в СПб СВУ МВД России развивает духовно-нравственные качества личности обучающихся, потому что	2,37±0,758	1,69±0,579	2,33±0,785	2,3±0,788	0,7	0,001

**Сравнительные характеристики ЭГ и КГ после эксперимента
(средний балл по пятибалльной шкале, %)**

Уровень	Средний балл		%			
	Знания		Отношения		Действия	
	ЭГ 79 чел.	КГ 78 чел.	ЭГ 79 чел.	КГ 78 чел.	ЭГ 79 чел.	КГ 78 чел.
Человек	4,6	3,8	68	48	65	52
Общество	4,4	3,8	71	62	67	58
Деятельность	4,2	3,9	61	54	57	49
Мироздание	4,4	3,3	45	37	41	33

1. Координация усилий всех субъектов, причастных к правовому, патриотическому, эстетическому и физическому воспитанию в образовательной организации. Такая координация возможна на основе выделенных ключевых проблем духовно-нравственного развития (человек – общество – деятельность – мироздание). В процессе формирующей работы выяснилось, что существует необходимость налаживания междисциплинарных связей на более широкой основе. Эти вопросы важно поднимать на научных конференциях, разрабатывать методическую литературу, связанную с профессиональной деятельностью, расширять связи со специальными дисциплинами при понимании того, что духовно-нравственное развитие обучающихся является задачей всех дисциплин. Подготовка офицеров, классных руководителей, которые занимаются воспитательной работой с суворовцами, важна с точки зрения конкретизации воспитательных задач формирования личности человека, профессионала, гражданина и патриота своей страны.

2. Комплексная интеграция методической работы с преподавателями гуманитарных дисциплин. Для развития знаний и ценностей в сфере духовности и нравственности решающее значение имеет личность преподавателя. На диагностическом этапе исследования были выявлены существенные западения в этом направлении. Изучены мнения 20 преподавателей. Анкета включала девять вопросов, затрагивающих отношение, понимание, опыт духовно-нравственного воспитания и развития в педагогической деятельности.

Подавляющее большинство опрошенных указали на важность развития духовно-нравственных качеств суворовцев. Можно сказать, что все опрошенные преподаватели столкнулись с необходимостью духовно-нравственного развития обучающихся в педагогической деятельности, но реализовывалось оно по-разному. Многие преподаватели использовали интерактивные методы работы с обучающимися (наиболее часто упоминалось посещение музеев, выставок, театров, использование мультимедийных технологий, беседы, дискуссии, групповая работа). Поступали также рекомендации изучать с суворовцами «Кодекс чести русского офицера», использовать на занятиях моделиро-

вание жизненных ситуаций, направленных на разрешение нравственных конфликтов, в том числе в профессиональной деятельности, включать для обсуждения смысловые проблемные вопросы, ситуации нравственного выбора.

Среди мер, которые могли бы повысить эффективность духовно-нравственного развития обучающихся образовательных организаций МВД России, были названы следующие: «личный пример», «изучение общемировоззренческой базы», «определение нравственного, духовного, воспитательного и педагогического идеала», «создание нравственного климата в образовательной организации», «освоение профессорско-преподавательским составом методов современного воспитания». Среди проблем духовно-нравственного развития обучающихся выделялись такие, как нехватка свободного времени для культурного досуга, преобладание материалистического мышления, потребительской идеологии, отсутствие духовного общения.

Проведённый опрос показал, что в методическом обеспечении деятельности преподавателей гуманитарных дисциплин необходимо конкретизировать и развивать:

- знания о духовно-нравственном развитии обучающихся и о возможностях их применения в процессе преподавания гуманитарных дисциплин;

- умения реализовывать воспитательные возможности гуманитарных дисциплин в процессе обучения;

- способности определять и использовать междисциплинарные связи в процессе преподавания гуманитарных дисциплин.

Это условие может быть реализовано в системе научно-методической работы преподавателей цикла гуманитарных и специальных дисциплин Санкт-Петербургского суворовского военного училища МВД России путём создания методических рекомендаций. Методическая подготовка преподавателей гуманитарных дисциплин важна, поскольку они должны знать работу по духовно-нравственному развитию обучающихся, взаимодействовать между собой, обмениваться опытом.

3. Усиление влияния, в том числе визуального, информационного, педагогической среды в образовательной организации, способствующей формированию духовных и нравственных

чувств молодых людей. Как отмечают исследователи, среда рассматривается с точки зрения «потенциала, который несут её отдельные элементы для развития личности обучающегося. В педагогической литературе выделяются: нравственный потенциал образовательной организации, психологический климат, система и стиль отношений, особенности и характер деятельности. Объединяет эти составляющие воспитательной среды система ценностей, которая доминирует в данной организации. ... Воспитательную среду в образовательной организации создают все субъекты, включённые в образовательный процесс» [2, с. 33].

Здесь особенно важно избегать назидательности, дидактичности, однообразия. Именно ценностные характеристики среды дают возможность стимулировать активность самих обучающихся. Важно привлекать суворовцев к интерактивным видам внеучебной работы, к созданию квестов, проектов, презентаций и учебных фильмов, где соединились бы современные тенденции и роль духовно-нравственного развития для самосовершенствования. Опыт такой работы имеется, но важно координировать её на основе единых духовно-нравственных ценностей.

4. Использование возможностей электронных ресурсов сети интернет и средств массовой информации для духовно-нравственного развития суворовцев. Информационная сфера – это сфера гуманитарных ценностей. Слово является мощным орудием воздействия на молодых людей. Здесь уровень духовно-нравственного развития смыкается со способностью противостоять идеологическому экстремизму, фейкам и лживым материалам, которые активно распространяются в сетевых СМИ.

Названные условия являются организационно-педагогическими. Их создание – одна из целей целостной воспитательной работы в образовательной организации.

Критерии оценки эффективности воспитательной работы по духовно-нравственному развитию личности

В нашем исследовании при рассмотрении результативности формирующей экспериментальной работы, нацеленной на повышение уровня духовно-нравственного развития обучающихся в процессе освоения гуманитарных дисциплин, мы основывались на следующих критериях: личностном, когнитивном, мотивационно-ценностном, деятельностном.

Личностный критерий позволяет выявить стойкий интерес обучающихся к духовно-нравственной проблематике, осознать значимость формирования собственных духовно-нравственных качеств и ценностей. Личностный критерий включает следующие показатели: доброжелательность, самоуважение, совесть, честность, искренность, уважение и эмпатию к другим, ответственность, гуманность, справедливость.

Когнитивный критерий позволяет оценить результаты по усвоению обучающимися знаний

о сфере духовно-нравственного развития личности. Когнитивный критерий объединяет такие показатели, как повышение уровня знаний о духовности и нравственности; усвоение и степень сформированности ключевых понятий «духовность», «нравственность», «духовно-нравственное развитие»; потребность в познании.

Мотивационно-ценностный критерий позволяет оценить уровень мотивации обучающихся по следованию высшим ценностям. Мотивационно-ценностный критерий отражает следующие показатели: осознание своего долга, ответственности перед обществом; добровольное принятие решения отказа от своих интересов в пользу других людей, ничего не требуя взамен; сформированность потребностей в самопознании, самосовершенствовании; наличие желания поддержать других в сложных жизненных ситуациях; ценностное отношение к профессионально-нравственным нормам; интериоризация общечеловеческих ценностей.

Деятельностный критерий направлен на оценку уровня активной самостоятельной деятельности обучающихся по духовно-нравственному развитию в области учения, профессии, повседневной жизни. Деятельностный критерий включает такие показатели, как самореализация; применение полученных знаний; готовность действовать в соответствии с убеждениями; нравственные поступки; активная духовно-нравственная позиция; умение осуществлять деятельность по самовоспитанию, саморазвитию, самосовершенствованию.

Приведённые критерии и показатели являются основанием интеллектуального, духовного, нравственного фундамента суворовцев, для которых важны не только собственные интересы и проблемы, но и интересы и проблемы других людей, образовательной организации, города, страны, мира.

Заключение

Опыт применения программы духовно-нравственного развития обучающихся в процессе освоения гуманитарных дисциплин в Санкт-Петербургском суворовском военном училище МВД России позволил выделить ряд условий эффективности. В частности, это координация усилий всех субъектов, причастных к правовому, патриотическому, эстетическому и физическому воспитанию в образовательной организации; комплексная интеграция методической работы с преподавателями гуманитарных дисциплин. В методическом обеспечении деятельности преподавателей гуманитарных дисциплин необходимо конкретизировать и развивать: знания о духовно-нравственном развитии обучающихся и о возможностях их применения в процессе преподавания гуманитарных дисциплин; умения реализовывать воспитательные возможности гуманитарных дисциплин в процессе обучения; способности определять и использовать междисциплинарные связи в процессе преподавания гуманитарных дисциплин; усиление влияния, в том числе визуального, информацион-

ного, педагогической среды в образовательной организации, способствующей формированию духовных и нравственных чувств молодых людей; использование возможностей электронных ресурсов сети интернет и средств массовой информации для духовно-нравственного развития суворовцев.

Четыре критерия оценки эффективности духовно-нравственного развития обучающихся в процессе освоения гуманитарных дисциплин позволяют в достаточной степени выявить изменения в духовно-нравственной сфере обучающихся. Это личностный, когнитивный, мотивационно-ценностный, деятельностный критерии. Они отражают эффективность духовно-нравственного развития обучающихся в процессе освоения гуманитарных дисциплин через показатели уровня духовно-нравственного развития: доброжелательность; самоуважение; совестливость; честность; искренность; уважение и эмпатия к другим; ответственность; гуманность; справедливость; повышение уровня знаний о духовности и нравственности; усвоение и степень сформированности ключевых понятий «духовность», «нравственность», «духовно-нравственное развитие»; широта представлений о наиболее значимых понятиях духовно-нравственного развития; самосто-

ятельность и последовательность мышления; потребность в познании; осознание своего долга, ответственности перед обществом; добровольное принятие решения отказа от своих интересов в пользу других людей, ничего не требуя взамен; сформированность потребностей в самопознании, самосовершенствовании; наличие желания поддержать других в сложных жизненных ситуациях; ценностное отношение к профессионально-нравственным нормам; интериоризация общечеловеческих ценностей; самореализация; применение полученных знаний; готовность действовать в соответствии с убеждениями; нравственные поступки; активная духовно-нравственная позиция; умение осуществлять деятельность по самовоспитанию, саморазвитию, самосовершенствованию.

Сравнительный анализ и математическая обработка данных по двум методикам – опроснику для выявления самооценки «Духовно-нравственное развитие личности» и проективной методике «Неоконченные предложения», применённым на завершающем этапе исследования, позволяет говорить о позитивных изменениях, произошедших в экспериментальной группе по всем использованным методикам.

Список литературы

1. Шафигуллина Ю. В. Значимость дисциплин гуманитарного цикла в современном образовательном пространстве // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2010. – № 3. – С. 305–308.
2. Витольник Г. А., Гейжан Н. Ф. Технологии проектирования воспитательной среды в образовательных организациях МВД России // Проблемы современного педагогического образования. – 2016. – № 50-3. – С. 32–40.
3. Злоказов К. В. [и др.]. Морально-нравственное воспитание обучающихся в образовательных организациях МВД России: монография. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2020. – 176 с.
4. Ерохин А. Н. Нравственное воспитание суворовцев военного училища // Научная дискуссия: вопросы педагогики и психологии. – 2017. – № 3 (60). – С. 79–82.
5. Самылова О. А. Духовно-нравственное развитие личности юношеского возраста: монография. – Шадринск: Шадринский дом печати, 2016. – 167 с.
6. Гейжан Н. Ф. Социально-психологические условия духовно-нравственного развития юношества / Духовность, нравственность, патриотизм как основа профессионального образования: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 23 января 2014 года / сост.: И. А. Боброва, Е. В. Леонова, В. К. Николаева. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2014. – С. 18–22.
7. Глазкова Н. А. Роль традиций в духовно-нравственном и патриотическом воспитании суворовцев / Политическая система России и этатизм современного общества: III Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием (с элементами научной школы для молодёжи): сборник научных трудов, Ульяновск, 14–15 февраля 2018 года. – Ульяновск: Ульяновский государственный технический университет, 2018. – С. 148–165.
8. Жихарева Г. Н., Хмелевской Р. Р. Формирование духовно-нравственных качеств суворовцев как средство воспитания личности / Педагогика и психология в современном мире: теоретические и практические исследования: сборник статей по материалам IV Международной научно-практической конференции. – Москва: Интернаука, 2017. – С. 69–73.
9. Ефремова Л. Н. Развитие нравственных качеств суворовцев посредством моделирования жизненных ситуаций // Символ науки. – 2021. – № 2. – С. 80–83.
10. Сергеев С. В. Проблема формирования нравственно-волевых качеств суворовцев в педагогической литературе // Осовские педагогические чтения «Образование в современном мире: новое время – новые решения». – 2020. – № 1. – С. 469–475.

11. *Стародубцев М. П.* Особенности нравственного воспитания в суворовском училище // Аprobация. – 2017. – № 3-1 (54). – С. 91–92.

References

1. *Shafigullina Yu. V.* Znachimost' distsiplin gumanitarnogo tsikla v sovremennom obrazovatel'nom prostranstve // Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk. – 2010. – № 3. – С. 305–308.
2. *Vitol'nik G. A., Geizhan N. F.* Tekhnologii proektirovaniya vospitatel'noi sredy v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. – 2016. – № 50-3. – С. 32–40.
3. *Zlokazov K. V.* [i dr.].Moral'no-nravstvennoe vospitanie obuchayushchikhsya v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii : monografiya. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskii universitet MVD Rossii, 2020. – 176 s.
4. *Erokhin A. N.* Nravstvennoe vospitanie suvorovtsev voennogo uchilishcha // Nauchnaya diskussiya: voprosy pedagogiki i psikhologii. – 2017. – № 3(60). – С. 79–82.
5. *Samylova O. A.* Dukhovno-nravstvennoe razvitie lichnosti yunosheskogo vozrasta: monografiya. – Shadrinsk: Shadrinskii Dom Pechati, 2016. – 167 s.
6. *Geizhan N. F.* Sotsial'no-psikhologicheskie usloviya dukhovno-nravstvennogo razvitiya yunoshstva / Dukhovnost', нравstvennost', patriotizm kak osnova professional'nogo obrazovaniya: materialy vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Sankt-Peterburg, 23 yanvarya 2014 goda / sost.: Bobrova I. A., Leonova E. V., Nikolaeva V. K. - Sankt-Peterburg: Izd-vo SPb unta MVD Rossii, 2014. – С. 18–22.
7. *Glazkova N. A.* Rol' traditsii v dukhovno-nravstvennom i patrioticheskom vospitanii suvorovtsev / Politicheskaya sistema Rossii i etatizm sovremennogo obshchestva: III Vserossiiskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya s mezhdunarodnym uchastiem (s elementami nauchnoi shkoly dlya molodezhi) : sbornik nauchnykh trudov, Ul'yanovsk, 14–15 fevralya 2018 goda. – Ul'yanovsk: Ul'yanovskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet, 2018. – С. 148–165.
8. *Zhikhareva G. N.* Formirovanie dukhovno-nravstvennykh kachestv suvorovtsev kak sredstvo vospitaniya lichnosti / G. N. Zhikhareva, R. R. Khmelevskoi / Pedagogika i psikhologiya v sovremennom mire: teoreticheskie i prakticheskie issledovaniya: Sbornik statei po materialam IV mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. –Mockva: Internauka, 2017. – С. 69–73.
9. *Efremova L. N.* Razvitie нравstvennykh kachestv suvorovtsev posredstvom modelirovaniya zhiznennykh situatsii // Simvol nauki: mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal. – 2021. – № 2. – С. 80–83.
10. *Sergeev S. V.* Problema formirovaniya нравstvenno-volevykh kachestv suvorovtsev v pedagogicheskoi literature // Osovskie pedagogicheskie chteniya «Obrazovanie v sovremennom mire: novoe vremya – novye resheniya». – 2020. – № 1. – С. 469–475.
11. *Starodubtsev M. P.* Osobennosti нравstvennogo vospitaniya v suvorovskom uchilishche / M. P. Starodubtsev // Aprobatsiya. – 2017. – № 3-1(54). – С. 91–92.

Статья поступила в редакцию 29.12.2021; одобрена после рецензирования 25.02.2022; принята к публикации 28.02.2022.

The article was submitted December 29, 2021; approved after reviewing February 25, 2022; accepted for publication February 28, 2022.

Методология и технология профессионального образования

Научная статья

УДК 378

doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-192-197

Игорь Филиппович Амельчаков

кандидат юридических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0002-7232-9492>

Елена Ивановна Елизаренко

кандидат философских наук

<https://orcid.org/0000-0002-2154-8919>, Elena160@rambler.ru

Елена Валерьевна Клыкова

кандидат экономических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0002-0744-6561>

*Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина
Российская Федерация, Белгород, 308024, ул. Горького, д. 71*

Использование иммерсивных технологий в подготовке обучающихся

(на примере Бел ЮИ МВД России имени И. Д. Путилина)

Аннотация: В статье анализируется практика использования иммерсивных технологий в образовательном процессе, актуальность которых значительно возросла в последние годы. Цель представленного исследования состоит в изучении развития информационного пространства и новых технологий погружения в образовательную среду на примере образовательной организации системы МВД России. Приводятся примеры положительного опыта использования возможностей многовидовых учебно-научных полигонов, специализированных аудиторий, компьютерных классов, интерактивного типа Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. Сделан вывод, что использование иммерсивных технологий в образовательном процессе способствует глубокому погружению обучающихся в различные ситуации будущей профессиональной деятельности, безопасной отработке практических навыков действий, повышению качества образования. Особый акцент в статье сделан на применении иммерсивных технологий в воспитательном процессе как одной из составных частей образовательной деятельности. В статье применялись такие общенаучные методы, как анализ и синтез, дедукция и индукция. В заключение констатируется, что в условиях цифровизации общества качественная подготовка сотрудников органов внутренних дел потребует пересмотра имеющихся педагогических технологий, расширения практики применения иммерсивных технологий.

Ключевые слова: иммерсивные технологии, образовательный процесс, цифровизация, виртуальная среда, погружение

Для цитирования: Амельчаков И. Ф., Елизаренко Е. И., Клыкова Е. В. Использование иммерсивных технологий в подготовке обучающихся (на примере БелЮИ МВД России имени И. Д. Путилина) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 1 (93). – С. 192–197; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-192-197.

Igor F. Amelchakov
Cand. Sci. (Jurid.), Docent
<https://orcid.org/0000-0002-7232-9492>

Elena I. Elizarenko
Cand. Sci. (Phil.)
<https://orcid.org/0000-0002-2154-8919>, Elena160@rambler.ru

Elena V. Klykova
Cand. Sci. (Econ.)
<https://orcid.org/0000-0002-0744-6561>

*Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin
71, Gorky str., Belgorod, 308024, Russian Federation*

Immersive technologies in professional training: practices of the I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

Abstract: The article analyzes the practices of immersive technologies implementation in the educational process, the relevance of which has increased significantly in recent years due to the COVID-19 pandemic. The purpose of the current research is to study the development of the IT media and new technologies of immersion in the educational environment through the example of police training institutions of the Ministry of the Interior of Russia. The research identified best practices in using the capabilities of multi-purpose educational and scientific training sites, specialized and computer classrooms, interactive shooting ranges of the I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. The authors conclude that the utilization of immersive technologies in the educational process contributes to the deep immersion of police students in various situations of future professional activity, safe practical skill training, improving the quality of education. The article emphasizes immersive technologies as one of the components of the educational process. The authors applied such general research methods as analysis and synthesis, deduction, and induction. In conclusion, the authors state that the high-quality training of law enforcement officers in the context of the digitalization of society will require a revision of existing training technologies and expansion of the immersive technology practices.

Keywords: immersive technologies, educational process, digitalization, virtual media, immersion

For citation: Amelchakov I. F., Elizarenko E.I., Klykova E. V. Immersive technologies in professional training: practices of the I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 1 (93). – P. 192–197; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-192-197.

Необходимость внедрения в образовательный процесс новых подходов и технологий определена в числе задач, поставленных перед Правительством РФ при разработке национального проекта в сфере образования Президентом Российской Федерации¹. При этом педагогические технологии должны не просто обеспечивать достижение целей обучения, но и стимулировать интерес обучающихся к определённым проблемам, отличаться вариативностью, быть интересными и познавательными. Изучение лучших педагогических практик образовательных организаций высшего образования выявило в качестве одного из эффективных способов, открывающих новые возможности совершенствования образовательного процесса, – применение иммерсивных технологий обучения.

¹ Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» // Постановление Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 1642 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования»».

В толковом словаре русского языка «иммерсивность» трактуется как «комплекс ощущений человека, находящегося в искусственно созданном трёхмерном мире, в котором он может менять точку обзора, приближать и удалять объекты и т. д.»².

Нередко термин «иммерсивные технологии» используется как собирательное название всех технологий, включающих в себя взаимодействие человека с пространством, информацией, контентом, стирающих грани между реальным и вымышленными мирами и позволяющих взаимодействовать и погружаться в информацию и продукт³, виртуальную, дополненную и смешанную реальность [1, с. 36]. Виртуальная реальность – иллюзорная, вымышленная действительность, созданная посредством цифрового моделирования; для её восприятия, погружения в неё необходимы специальные

² Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складневской. – Москва: Эксмо, 2006. – 1136 с.

устройства; дополненная реальность – реальная действительность со встроенными, наложенными на реальные объекты цифровыми (виртуальными) образами; смешанная реальность – соединение дополненной и виртуальной реальности, совмещение реальных объектов с цифровыми [2, с. 131].

В век цифровизации термины «иммерсивный», «иммерсивные технологии» стали почти общеупотребительными. Они заняли собственные ниши в различных областях человеческой деятельности, стали более совершенными и востребованными. Однако в педагогике термины «иммерсивные технологии обучения», «иммерсивный подход в обучении» являются относительно новыми понятиями, ещё не устоявшимися, и потому дискуссионными.

Базовый смысл и основные положения теории иммерсивности и профессиональных сред предложил С. Ф. Сергеев в работе «Обучающие и профессиональные иммерсивные среды» [3]. Под иммерсивностью им понимается «системный самоорганизующийся конструкт, проявляющийся в виде динамического процесса в субъекте обучения, вовлекающего в свою структуру самые разнообразные элементы внешнего или внутреннего окружения» [3, с. 61].

Что же представляют собой иммерсивные технологии обучения в научно-педагогической литературе?

По мнению А. И. Азевича, иммерсивные технологии обучения – это совокупность программно-технических средств, способствующих погружению обучающегося в искусственно созданную среду – виртуальную реальность (виртуальную среду) с целью получения предметного, социального и коммуникативного опыта [1, с. 36].

Ю. В. Корнилов под иммерсивным подходом в образовании понимает «стратегию познания, комплекс приёмов и способов интерактивного взаимодействия субъектов образовательного процесса с целью развития и саморазвития личности обучающегося в искусственно созданном виртуальном окружении, способного эффективно воздействовать на её разум и чувства» [4, с. 176].

М. В. Бакин считает, что иммерсивные технологии в образовании усиливают значение визуализации в процессе усвоения знаний за счёт глубокого погружения в виртуальную среду, обогащают обучающегося чувственным познавательным опытом, необходимым для комплексного овладения абстрактными понятиями [5, с. 18].

В зарубежной литературе фигурируют понятия «immersive teaching» («immersive learning», «immersive education»), описывающие изучение и консолидацию потенциала так называемых «виртуальных миров» в образовательной среде⁴.

Обобщая приведённые точки зрения, под иммерсивным подходом в образовании пони-

маем совокупность приёмов, способов интерактивного взаимодействия субъектов образовательного процесса в условиях искусственно созданного виртуального окружения, воздействующего на сенсорные модальности с целью развития и саморазвития личности обучающегося, получения профессионального, социального и иного опыта.

Иммерсивные технологии в системе образования призваны усилить в обучении значение наглядных средств за счёт глубины погружения в виртуальную среду [6, с. 60]. В отличие от иных интерактивных технологий, обучающийся работает в трёхмерных средах, взаимодействует с виртуальными объектами. Иммерсивные технологии позволяют подключить различные рецепторы обучающихся (зрительные, тактильные, иные) при изучении учебного материала, при этом уровень восприятия учебного материала находится в прямой зависимости от количества органов чувств, задействованных в обучении. Современные аппаратно-программные средства значительно упрощают процесс. Вместе с тем применение данной технологии в образовательных целях не позволяет полностью исследовать объект, созданный в виртуальной среде, ограничивается визуальным представлением участников процесса, ситуации и возможностью демонстрации и моделирования их взаимодействия.

На наш взгляд, основной сложностью в обучении является создание достоверных виртуальных моделей изучаемых объектов будущей профессиональной деятельности. На первый план выходит вопрос детальной проработки ситуаций оперативно-служебной деятельности, объектов, используемых в процессе обучения, поскольку не исключена возможность формирования у обучающихся ошибочных навыков действий.

Мы разделяем точку зрения И. А. Зимней о связанности иммерсивного подхода с другими подходами, успешно использующимися в обучении и воспитании, в том числе деятельностным, контекстным, информационным [7, с. 20]. Имеющиеся в обучении и воспитании подходы не исключают друг друга, они могут быть иерархически организованы, дополнять и совершенствовать друг друга [8, с. 35–36].

В профессиональной подготовке сотрудников органов внутренних дел эффективным, на наш взгляд, представляется дополнение иммерсивными технологиями контекстного обучения, давно заслужившего признание в образовательной среде. Суть контекстного обучения заключается в создании условий для трансформации учебно-познавательной деятельности в профессиональную, его основными составляющими являются предметный и социальный контексты будущей профессиональной деятельности специалиста.

Понятия предметного и социального контекста приводит в своих работах И. Г. Яковлева. Так, предметный контекст деятельности – это деятельность по освоению знаний, умений, навыков и опыта профессиональной деятельности, заданная с помощью системы учебных заданий, моделей и ситуаций в соответствии с целями

³ Иммерсивные технологии в образовании и искусстве [Электронный ресурс] // Сайт «Кокодо Брендо». – URL: <https://cocodobrando.com/vr> (дата обращения: 12.11.2021).

⁴ Immersive Teaching. Ricerca per l'innovazione della scuola italiana [Электронный ресурс] // Сайт Научно-исследовательского центра по вопросам образования (Флоренция, Италия). – URL: <http://www.indire.it/en/progetto/immersive-teaching> (дата обращения 10.12.2021).

обучения и квалификационными требованиями. Социальный контекст деятельности – деятельность в системе взаимодействия участников образовательного процесса в соответствии с принятыми нормами социальных отношений и действий [8, с. 37].

В процессе контекстного обучения с помощью иммерсивных технологий моделируются не только содержание профессиональной деятельности, но и те социальные отношения, в которых она осуществляется [9, с. 213]. Иммерсивные технологии погружают обучающихся в различные ситуации оперативно-служебной деятельности, с которыми они могут столкнуться в будущем, минимизируя последствия и степень неблагоприятного воздействия криминогенной внешней среды, возможного травматизма сотрудников, в том числе в ситуации огневого противостояния с противником. Иммерсивное воссоздание контекстов оперативно-служебной деятельности в системе подготовки сотрудников органов внутренних дел обеспечивает: системность и межпредметность знания; позволяет успешно отработать ролевую «инструментовку» и алгоритмы действий сотрудников; погрузить обучающихся в условия профессиональной деятельности, связанные с применением специальных средств, огнестрельного оружия, состоящих на вооружении полиции, с использованием различных сценариев; обеспечивает возможность эффективного выстраивания учебного процесса в пространстве и времени и организации непрерывного индивидуального подхода к каждому обучающемуся.

Белгородским юридическим институтом МВД России имени И. Д. Путилина приобретён определённый опыт применения иммерсивных технологий, применяемых при проведении различных видов учебных занятий на базе многовидовых учебно-научных полигонов, специализированных аудиторий, компьютерных классов, интерактивного типа.

В целях подготовки сотрудников транспортной полиции, формирования у обучающихся комплекса теоретических знаний, практических умений и навыков, необходимых для выполнения на высоком профессиональном уровне служебных обязанностей в сфере охраны общественного порядка и общественной безопасности на объектах водного транспорта, на базе института создана учебная аудитория имени Н. Е. Цыганника, оборудованная учебными 5D-симуляторами-тренажерами с системами позиционирования, видеонаблюдения, мобильным терминалом информационной поддержки. С их использованием курсанты и слушатели отрабатывают приёмы безопасного управления служебным плавательным средством при несении службы на объектах водного транспорта в соответствии с действующими правилами навигации.

Иммерсивные технологии позволяют с необходимой точностью погружать обучающихся в реальные процессы технологии судовождения и несения службы на служебных плавсредствах, буксировки, парковки, оказания помощи терпящим бедствие. Преподаватель имеет воз-

можность влиять на ход и развитие упражнения: оперативно изменять метеоусловия; время суток; изменять динамику течения; включать и выключать огни неподвижных навигационных ориентиров; изменять параметры движения предусмотренных программным обеспечением судов; вести радиопереговоры с обучающимися.

Следует отметить, что применение иммерсивных технологий способствует нивелированию воздействия отвлекающих внешних факторов, повышению концентрации внимания обучающихся на учебном материале, глубокому погружению в учебный процесс.

Элементы иммерсивности включены в информационно-методическое оформление и технологическое оснащение аудиторий и учебно-научных полигонов. В Белгородском юридическом институте МВД России имени И. Д. Путилина создан учебный полигон осмотра мест происшествий на объектах железнодорожного транспорта и его инфраструктуры, оборудованный звуковым и видеосопровождением движущихся поездов, создающим эффект присутствия обучающихся на железной дороге.

На учебных занятиях по криминалистике с помощью интерактивной Фундаментальной системы анализа «Комплекс виртуального ситуационного моделирования и обучения “Виртуальный осмотр места происшествия”» осуществляется погружение обучающихся в атмосферу типичных мест происшествий – «Подъезд и лестничная площадка», «Офис», «Вокзал», «Улица», формируются учебные кейсы для отработки приобретаемых навыков и умений работы с ориентирующей и доказательственной информацией, используемой в раскрытии и расследовании преступлений.

При подготовке участковых уполномоченных полиции применяется моделирование практических ситуаций по пресечению административных правонарушений с виртуальной отработкой алгоритма действий участкового уполномоченного полиции, имитацией поквартирного обхода административного участка.

При проведении учебных занятий в интерактивном типе применение иммерсивных технологий способствует созданию алгоритма действий вооружённого сотрудника при выполнении оперативно-служебных или служебно-боевых задач; обучающиеся погружаются в ситуации огневого контакта с противником, применения оружия для обезвреживания животного, для остановки транспортного средства. На учебных занятиях используются возможности электронного стрелкового комплекса «Рубин», позволяющего воспроизводить на интерактивной доске или экране различную мишенную обстановку.

В 2021 году институтом разработан, апробирован и внедрён в учебный процесс и практическую деятельность Белгородского ЛО МВД России на транспорте электронный программный продукт «Интерактивный справочник следователя ОВД на железнодорожном транспорте», позволяющий пользователю: по-

лучить виртуальную модель территории (либо конкретного участка) оперативного обслуживания Белгородского ЛО МВД России на транспорте; видеть с эффектом присутствия детализированные инфраструктурные объекты железнодорожного транспорта; иметь подробное описание технических характеристик многообразных транспортных объектов; виртуально перемещаться по территории.

К потребностям решения современных криминалистических диагностических, идентификационных задач коллективом института адаптированы существующие компьютерные симуляторы-имитаторы, воссоздающие конструктивные особенности и взаимодействие элементов и частей механизма криминалистически значимых объектов; механизм дорожно-транспортного происшествия с детализацией следовой информации и причинно-следственных связей её возникновения.

Использование иммерсивных технологий в образовательном процессе – один из актуальных его трендов, пронизывающий не только учебный, но и воспитательный процесс.

Элементы иммерсивности внедрены в информационно-методическое оформление и информационно-технологическое оснащение коридорного пространства, тематических учебных кабинетов Центра гуманитарного образования и патриотического воспитания института, кабинета И. Д. Путилина – основоположника русского сыска; русского языка и отечественной культуры. Фронтальные зоны, визуализирующие исторические события прошедшей эпохи, погружают обучающихся в их атмосферу не только в качестве зрителя, но и в качестве участника событий. Например, в рамках комбинированного занятия «*Civilis opus образовательная мастерская: встреча времён и поколений*».

Следует отметить, что при применении иммерсивных технологий меняется роль педагога, трансформируясь в область проектирования и моделирования виртуального окружения. В этой связи подготовленность и готовность профессорско-преподавательского состава к ведению диалога с обучающимися в контексте иммерсивности является важнейшим условием результативности взаимодействия.

Институтом организована работа по повышению квалификации преподавательского состава института, в том числе по повышению цифровой компетентности в рамках федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» национальной программы «Цифровая экономика».

Ещё совсем недавно иммерсивные технологии в образовании не позволяли полноценно создавать аналоги фрагментов реальной действительности. Однако по мере развития материально-технической базы образовательных организаций, совершенствования используемых электронных образовательных ресурсов и цифровых технологий можно предположить, что в ближайшие годы дидактический потенциал иммерсивных технологий выйдет на качественно новый уровень и позволит решать более широкий спектр задач образовательной деятельности, осуществлять обучение в условиях, максимально приближенных к реальным, что, несомненно, положительно скажется на качестве подготовки сотрудников полиции, формировании не только навыков действий, но и психологической устойчивости к возможным стрессовым ситуациям.

Однако полагаем, что главенства иммерсивного подхода в образовании ожидать не стоит, необходимо сочетать его с апробированными на протяжении многих лет иными подходами к организации обучения и продолжать изучение его педагогического потенциала.

Список литературы

1. Азевич А. И. Иммерсивные технологии как средство визуализации учебной информации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Информатика и информатизация образования. – 2020. – № 2 (52). – С. 35–43.
2. Карев Б. А., Проконцева Н. В. Возможности применения иммерсивных технологий при преподавании гуманитарных дисциплин в современной образовательной среде // Перспективы науки. – 2021. – № 3 (138). – С. 130–134.
3. Сергеев С. Ф. Обучающие и профессиональные иммерсивные среды. – Москва: Народное образование, 2008. – 434 с.
4. Корнилов Ю. В. Иммерсивный подход в образовании // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2019. – № 1 (26). – Т. 8. – С. 174–178.
5. Бакин М. В. Иммерсивные технологии в развитии социальной эмпатии и образования // Международный научно-исследовательский журнал. – 2020. – № 10-2 (100). – С. 16–19.
6. Баяндин Д. В. Возможности интерактивной обучающей среды при формировании инженерных компетенций в рамках курса общей физики // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: Информационные компьютерные технологии в образовании. – 2017. – № 13. – С. 42–63.
7. Зимняя И. А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. – Москва: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. – 32 с.
8. Яковлева И. Г. Контекстный подход в системе приоритетных подходов, обеспечивающих реализацию и конкретизацию личностно-ориентированной парадигмы среднего профессионального образования // Сибирский педагогический журнал. – 2011. – № 12. – С. 35–41.

9. Беловолов В. А., Бунин С. В., Куценко С. А., Нежелской А. Н. К вопросу о формировании профессиональной компетентности у будущих офицеров внутренних войск МВД России в условиях знаково-контекстного обучения // Сибирский педагогический журнал. – 2011. – № 9. – С. 206–216.

10. Аранова С. В. Интеллектуально-графическая культура визуализации учебной информации в контексте модернизации общего образования // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2017. – № 5. – С. 5–16.

References

1. Azevich A. I. Immersivnyye tekhnologii kak sredstvo vizualizatsii uchebnoy informatsii // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Informatika i informatizatsiya obrazovaniya. – 2020. – № 2 (52). – S. 35–43.

2. Karev B. A., Prokoptseva N. V. Vozmozhnosti primeneniya immersivnykh tekhnologiy pri prepodavanii gumanitarnykh distsiplin v sovremennoy obrazovatel'noy srede // Perspektivy nauki. – 2021. – № 3 (138). – S. 130–134.

3. Sergeev S. F. Obuchayushchiye i professional'nyye immersivnyye sredy. – Moskva: Narodnoye obrazovaniye, 2008. – 434 s.

4. Kornilov Yu. V. Immersivnyy podkhod v obrazovanii // Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya. – 2019. – № 1 (26). – T. 8. – S. 174–178.

5. Bakin M. V. Immersivnyye tekhnologii v razvitiisotsial'noy empatii i obrazovaniya // Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal. – 2020. – № 10-2 (100). – S. 16–19.

6. Bayandin D. V. Vozmozhnosti interaktivnoy obuchayushchey sredy pri formirovanii inzhenernykh kompetentsiy v ramkakh kursa obshchey fiziki // Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Informatsionnyye komp'yuternyye tekhnologii v obrazovanii. – 2017. – № 13. – S. 42–63.

7. Zimnyaya I. A. Klyuchevyye kompetentnosti kak rezul'tativno-tselevaya osnova kompetentnostnogo podkhoda v obrazovanii. – Moskva: Issledovatel'skiy tsentr problem kachestva podgotovki spetsialistov, 2004. – 32 s.

8. Yakovleva I. G. Kontekstnyy podkhod v sisteme prioritnykh podkhodov, obespechivayushchikh realizatsiyu i konkretizatsiyu lichnostno-orientirovannoy paradigmy srednego professional'nogo obrazovaniya // Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal. – 2011. – № 12. – S. 35–41.

9. Belovolov V. A., Bunin S. V., Kutsenko S. A., Nezhel'skoy A. N. K voprosu o formirovanii professional'noy kompetentnosti u budushchikh ofitserov vnutrennikh voysk MVD Rossii v usloviyakh znakovno-kontekstnogo obucheniya // Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal. – 2011. – № 9. – S. 206–216.

10. Aranova S. V. Intellektual'no-graficheskaya kul'tura vizualizatsii uchebnoy informatsii v kontekste modernizatsii obshchego obrazovaniya // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2017. – № 5. – S. 5–16.

Статья поступила в редакцию 22.10.2021; одобрена после рецензирования 11.01.2022; принята к публикации 27.01.2022.

The article was submitted October 22, 2021; approved after reviewing January 11, 2022; accepted for publication January 27, 2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Научная статья
УДК 796.052.244
doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-198-203

Алексей Александрович Баландин
<https://orcid.org/0000-0003-2969-2285>, alexseibalandin91@mail.ru

*Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России
Российская Федерация, 625049, Тюмень, ул. Амурская, д. 75*

Совершенствование навыков применения боевых приёмов борьбы сотрудниками дежурных частей

Аннотация: В настоящей статье автором рассматриваются особенности использования ситуационного метода, направленного на совершенствование применения навыков боевых приёмов борьбы в ситуациях оперативно-служебной деятельности сотрудников дежурных частей ОВД. В ходе проведённого исследования разработан комплекс типовых ситуаций служебной деятельности сотрудников дежурных частей органов внутренних дел, а также выявлена эффективность использования данного комплекса типовых ситуаций в ходе практических учебно-тренировочных занятий со слушателями, проходящими профессиональное обучение по должности служащего «полицейский». Результаты исследования показали, что слушатели экспериментальной группы, испытывавшие на себе влияние комплекса типовых ситуаций, превзошли результаты слушателей контрольной группы по уровню сформированности навыков применения боевых приёмов борьбы на 58,6 %. Таким образом, использование комплексов типовых ситуаций в профессионально-специализированном цикле вариативной дисциплины «Актуальные вопросы деятельности подразделений дежурных частей» в рамках освоения темы «Особенности применения физической силы и специальных средств при работе с доставленными и задержанными сотрудниками дежурных частей территориальных органов МВД России» способствует совершенствованию навыков применения физической силы, в том числе боевых приёмов борьбы, в ситуациях, возникающих в оперативно-служебной деятельности сотрудников дежурных частей.

Ключевые слова: физическая подготовка, ситуационный метод, сотрудники дежурных частей, применение физической силы, боевые приёмы борьбы, типовые ситуации, оперативно-служебная деятельность

Для цитирования: Баландин А. А. Совершенствование навыков применения боевых приёмов борьбы сотрудниками дежурных частей // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 1 (93). – С. 198–203; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-198-203.

Alexey A. Balandin
<https://orcid.org/0000-0003-2969-2285>, alexseibalandin91@mail.ru

*Tyumen Institute for advanced training of employees of the MIA of Russia
75, Amurskaya str., Tyumen, 625049, Russian Federation*

Effect of situational training method on the improvement of police station duty officers use of combat skills

Abstract: This paper examines the impact of the situational method used to enhance the police duty officers' combat skills required in the operational activities of the police stations. In the course of the study, a set of typical scenarios that a police officer may encounter on duty was developed and subsequently tested as a part of the law enforcement training session. The results of the session were assessed to measure the efficiency of the approach. Eventually, the combat skills mastery score of the experimental group course attendees trained using a situational approach exceeded the score of the control group course attendees by 58,6%. Thus it has been found that applying the situational training method as a part of the Operational Activities of the Police Duty Officers course (precisely during the workshops dedicated to the use of force and firearms in the relations with persons in custody or detention) contributes to the improvement of combat skills necessary for the carrying on the police duty.

Keywords: physical training, situational method, police duty officers, use of physical force, defense tactics, typical scenarios, operational police activities

For citation: Balandin A. A. Effect of situational training method on the improvement of police station duty officers use of combat skills // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 1 (93). – P. 198–203; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-198-203.

Эффективное решение органами внутренних дел задач борьбы с преступностью и охраны общественного порядка в значительной степени зависит от отлаженности в них механизма оперативного управления. Сегодня ведущую роль в этом механизме играют дежурные части органов внутренних дел [1, с. 203].

Деятельность дежурных частей территориальных органов внутренних дел (далее – ОВД) направлена на оперативное управление подразделениями и службами ОВД, на приём и регистрацию сообщений о преступлениях, административных правонарушениях и происшествиях, на принятие неотложных мер по раскрытию преступлений, зарегистрированных в дежурные сутки, а также на обеспечение охраны имущества ОВД.

Таким образом, для сотрудников дежурных частей (оперативного дежурного, помощника оперативного дежурного) абсолютно нехарактерно выполнение задач по преследованию и задержанию лиц, совершивших правонарушения или преступления, по принудительному извлечению из транспортного средства лица, отказывающегося выполнять законные требования, по пресечению попытки побега во время конвоирования, в которых возникает необходимость применять физическую силу и боевые приёмы борьбы.

Исходя из нормативно-правовых документов, одной из ключевых задач, возложенных на оперативного дежурного, является обеспечение соблюдения прав и свобод лиц, доставленных в дежурную часть органа внутренних дел для помещения их в специализированное помещение, предназначенное для содержания задержанных в соответствии с частью 2 статьи 14 ФЗ «О полиции».

Нередки случаи, когда при водворении задержанного лица в специализированное помещение дежурной части оперативному дежурному, помощнику оперативного дежурного для преодоления оказываемого правонарушителем сопротивления приходится применять физическую силу, в том числе боевые приёмы борьбы. Известно, что ограниченное пространство создаёт существенные трудности применения физической силы, приёмов самозащиты и задержания правонарушителя (ограничение возможности перемещения, амплитуды двигательных действий и силы упреждающих ударов).

Исходя из этого, возникает необходимость поиска эффективных средств, методов и способов совершенствования навыков применения физической силы и боевых приёмов борьбы, учитывающих особенности профессиональных задач, выполняемых сотрудниками дежурных частей.

Сотрудники дежурных частей, проходящие профессиональное обучение, профессиональ-

ную подготовку по должности служащего «полицейский» в рамках дисциплины «Физическая подготовка», разучивают, а впоследствии демонстрируют правильность техники выполнения приёма в стандартных условиях. Следовательно, на данном этапе обучение боевым приёмам борьбы не ориентировано на специфику служебной деятельности данной должностной категории слушателей [2, с. 87].

В настоящее время в ведомственной педагогике исследованием проблемы совершенствования навыков применения физической силы и боевых приёмов борьбы у различных должностных категорий сотрудников занимается ряд учёных. Так, в своих научных трудах Е. И. Троян теоретически и практически обосновывает эффективность использования внутрипредметного и межпредметного интергированного обучения сотрудников в типовых ситуациях служебной деятельности [3, с. 59]. Исследователи Е. А. Слесарева, Д. Ш. Мирзахмедов, Д. Ф. У. Бадриддинов доказывают положительное влияние использования «ситуационного метода» при обучении боевым приёмам борьбы на психическую готовность и устойчивость сотрудников оперативных подразделений к выполнению служебных задач [4, с. 82]. А. В. Малиновский, О. В. Красилов, С. В. Мананников утверждают, что использование метода ситуационного моделирования практических ситуаций задержания правонарушителя на занятиях по профессиональной прикладной физической подготовке сотрудников ОВД способствует формированию умений анализировать ситуацию оперативно-служебной деятельности, совершенствованию физических качеств и навыков применения физической силы, формированию навыков взаимодействия и развитию психологической устойчивости [5, с. 387]. Обоснованием эффективности использования типовых ситуаций, связанных с применением огнестрельного оружия, направленных на формирование навыков обращения с огнестрельным оружием, в своём исследовании занимались Р. А. Рустамов и Ю. В. Трофимов [6, с. 127]. Е. И. Троян и Н. К. Трусова рассматривают вопросы формирования навыков применения физической силы сотрудниками охранно-конвойных подразделений на основе использования в учебно-тренировочном процессе ситуационного метода подготовки, узкоспециализированных типовых ситуаций служебной деятельности сотрудников данной должностной категории [7, с. 33].

Таким образом, многие учёные сходятся во мнении, что для повышения эффективности формирования навыков применения физической силы и боевых приёмов борьбы на занятиях по физической подготовке целесообразно

использовать активные методы обучения (ситуационный метод, кейс-метод, деловую игру) [8, с. 180]. Ситуационный метод позволяет на практике реализовать интегративный подход в профессиональном образовании сотрудников полиции [9, с. 253].

Кроме того, несомненный плюс метода ситуационного обучения в том, что он позволяет преодолеть сухость изложения материала, развить аналитическое мышление у обучающихся, работать с информацией, побуждает к самостоятельной выработке решений, стимулирует к поисковой деятельности [10, с. 54].

Однако, на наш взгляд, практические возможности ситуативного обучения в физической подготовке сотрудников дежурных частей исследованы недостаточно полно, поскольку окончательно не выявлена эффективность влияния использования типовых ситуаций оперативно-служебной деятельности сотрудников дежурных частей на совершенствование навыков применения физической силы и боевых приёмов борьбы.

В связи с этим возникает необходимость решения выявленной проблемы, которая заключается в противоречии, возникшем между потребностью в обучении сотрудников дежурных частей правомерному и эффективному применению физической силы и боевых приёмов борьбы в ситуациях их оперативно-служебной деятельности и отсутствием теоретически и практически обоснованных методов и способов использования типовых ситуаций оперативно-служебной деятельности, направленных на совершенствование применения боевых приёмов борьбы сотрудниками, замещающими данную должность.

Цель исследования заключается в апробировании эффективности использования типовых оперативно-служебных ситуаций для совершенствования навыков применения физической силы и боевых приёмов борьбы у сотрудников дежурных частей ОВД.

Задачами исследования являются:

1) сбор, анализ и обобщение научной и учебно-методической литературы, посвящённой методике совершенствования навыков применения боевых приёмов борьбы сотрудниками ОВД, анализ практического опыта работы сотрудников дежурных частей ОВД;

2) выявление наиболее частых ситуаций оперативно-служебной деятельности, связанных с применением боевых приёмов борьбы сотрудниками дежурных частей ОВД;

3) формирование и апробирование на основе выявленных ситуаций оперативно-служебной деятельности комплекса типовых ситуаций применения боевых приёмов борьбы сотрудниками дежурных частей ОВД;

4) выявление изменений в уровне владения навыками применения боевых приёмов борьбы в ситуациях оперативно-служебной деятельности.

Методы исследования, при помощи которых решались поставленные задачи: метод изучения литературы, документов и результатов деятельности; метод изучения и обобщения опыта; метод моделирования; метод экспертных

оценок, метод математической статистики (Т-критерий Уайта).

Исследование было организовано на учебно-практических полигонах Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России со слушателями, проходившими профессиональное обучение, профессиональную подготовку по должности служащего «полицейский» в период с марта по июль 2021 года. Всего в исследовании были задействованы 15 сотрудников мужского пола первой возрастной категории (до 25 лет), замещающих должности оперативных дежурных и помощников оперативных дежурных ОВД. Для объективности проводимого исследования испытуемые случайным порядком были разделены на две группы – контрольную (КТ, 7 человек) и экспериментальную (ЭК, 8 человек). После этого со слушателями экспериментальной группы на практических занятиях по вариативной дисциплине «Актуальные вопросы деятельности подразделений дежурных частей» в рамках изучения темы «Особенности применения физической силы и специальных средств при работе с доставленными и задержанными сотрудниками дежурных частей территориальных органов МВД России» использовался комплекс типовых ситуаций служебной деятельности. Учебно-тренировочные занятия со слушателями контрольной группы проводились по общепринятой учебной программе.

Проведённый анализ опыта практической работы сотрудников дежурных частей ОВД позволил нам выявить пять наиболее часто встречающихся ситуаций применения физической силы к правонарушителям. На их основе был сформирован комплекс типовых ситуаций применения физической силы и боевых приёмов борьбы:

1) пресечение нападения на оперативного дежурного во время проведения личного досмотра доставленного лица;

2) пресечение совершения нападения задержанным лицом на оперативного дежурного в служебном помещении, предназначенном для выяснения обстоятельств факта задержания или доставления;

3) пресечение неповиновения при водворении задержанного лица в помещение для задержанных;

4) пресечение акта членовредительства (попытки суицида) задержанного лица, находящегося в помещении для задержанных;

5) пресечение совершения нападения задержанным лицом на оперативного дежурного в помещении для задержанных.

Для создания условий, максимально приближённых к реальному несению службы сотрудниками дежурных частей и реализации практико-ориентированного подхода к обучению, решение данного комплекса типовых ситуаций осуществлялось на учебно-практическом полигоне «Изолятор временного содержания подозреваемых и обвиняемых».

Определение уровня владения навыками применения боевых приёмов борьбы проводилось при помощи метода экспертной оценки, выполнение приёмов оценивалось по шкале

Результаты определения сумм рангов представителей ЭГ и КГ в начале исследования

Группы	n	Баллы														
Эксп. гр.	8	2		2		2		2		3		3		3		3
Контр. гр.	7		2		2		2		2		3		3		3	
R _э		1,5		3,5		5,5		7,5		9,5		11,5		13,5		15
R _к			1,5		3,5		5,5		7,5		9,5		11,5		13,5	

от 1 до 10 баллов комиссией из трёх преподавателей. Минимальная оценка в 1 балл выставлялась испытуемому при неэффективном, неуверенном и неумелом выполнении боевого приёма, при растерянности в тактике действий в типовой ситуации. Максимальная оценка в 10 баллов выставлялась испытуемому, если приём выполнялся уверенно и эффективно, а действия сотрудника были тактически правильными. Полученные испытуемыми оценки (баллы) были обработаны с помощью метода математической статистики Т-критерий Уайта.

Для установления объективности и достоверности исходного уровня владения навыками применения боевых приёмов борьбы в типовых ситуациях служебной деятельности в контрольной и экспериментальной группах было проведено тестирование, в ходе которого определялась средняя оценка (балл). В исходном тестировании представители контрольной группы показали средний балл в выполнении боевых приёмов борьбы, равный 2,42 (3 + 2 + 2 + 2 + 3 + 2 + 3 = 17 : 7), а представители экспериментальной группы получили средний балл 2,5 (2 + 3 + 3 + 2 + 3 + 2 + 3 + 2 = 20 : 8). На данном этапе подготовки уровень владения навыками применения боевых приёмов борьбы в типовых ситуациях в КГ и ЭГ оказался ниже среднего.

Полученные представителями ЭГ и КГ баллы были проранжированы (упорядочены) в общий ряд в возрастающем порядке. Представители экспериментальной группы получили следующие ранги (места): 1, 3, 5, 7, 9, 11, 13, 15. В свою очередь, представители контрольной группы получили ранги (места) 2, 4, 6, 8, 10, 12, 14. Затем для каждой из групп были определены суммы рангов (мест) (табл. 1). В случае, если получены одинаковые баллы в группах, то каждому испытуемому выставляется средний ранг, полученный делением суммы одинаковых рангов на число одинаковых

показателей. Далее полученные значения сумм рангов сравнивались с табличным значением.

После проведения арифметического суммирования полученных рангов (мест) в контрольной группе было получено значение 52,5 (1,5 + 3,5 + 5,5 + 7,5 + 9,5 + 11,5 + 13,5), а в экспериментальной группе было получено значение 67,5 (1,5 + 3,5 + 5,5 + 7,5 + 9,5 + 11,5 + 13,5 + 15). Сравнивая наименьшую сумму рангов (52,5) с табличным значением критерия количества испытуемых контрольной и экспериментальной групп ($n_k = 7$ и $n_э = 8$) при 5 % уровня значимости (38), мы видим, что полученное значение превышает табличное. Отсюда следует, что различия между суммами рангов недостоверны. Таким образом, группы испытуемых однородны на данном этапе исследования (табл. 1).

С целью выявления у испытуемых различий в уровне владения навыками применения боевых приёмов борьбы после апробации с экспериментальной группой на учебно-тренировочных занятиях разработанного комплекса типовых ситуаций вновь было проведено тестирование с использованием метода экспертной оценки.

По результатам итогового тестирования в выполнении боевых приёмов борьбы в типовых ситуациях служебной деятельности испытуемые контрольной группы продемонстрировали средний балл, равный 5,57 (5 + 5 + 6 + 5 + 5 + 6 + 7 = 35 : 7) и тем самым увеличили свои показатели относительно начального тестирования на 3,15 балла. Испытуемые экспериментальной группы продемонстрировали средний балл, равный 9,5 (10 + 9 + 9 + 9 + 9 + 10 + 10 + 10 = 76 : 8), и превзошли показатели своего начального тестирования на 7 баллов. Следует отметить, что в итоговом тестировании в обеих группах наблюдалось общее повышение уровня владения навыками применения боевых приёмов борьбы в ситуациях оперативно-служебной деятельности. Одна-

Таблица 2

Результаты определения сумм рангов представителей ЭГ и КГ в итоговом тестировании

Группы	n	Баллы														
Эксп. гр.	8								9	9	9	9	10	10	10	10
Контр. гр.	7	5	5	5	5	6	6	7								
R _э									8	9	10	11	12	13	14	15
R _к		1	2	3	4	5	6	7								

ко значительный рост средней оценки выявлен у представителей экспериментальной группы.

Полученные в итоговом тесте оценки были проранжированы в общий ряд в возрастающем порядке независимо от группы испытуемых. После ранжирования в контрольной группе испытуемые получили следующие места (ранги): 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, а в экспериментальной группе испытуемые получили 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14 и 15 место. Одинаковых оценок у испытуемых контрольной и экспериментальной групп в итоговом тестировании не было (табл. 2).

Выявление эффективности применения комплекса типовых ситуаций и определение достоверности полученных результатов итогового тестирования определялось путём присвоения полученным результатам рангов, а затем суммирования этих рангов и сравнения полученной суммы с имеющимся табличным значением Т-критерия Уайта.

В результате суммирования полученных рангов, указанных в таблице 2, в контрольной группе было получено значение 28 (1 + 2 + 3 + 4 + 5 + 6 + 7), а в экспериментальной группе – 92 (8 + 9 + 10 + 11 + 12 + 13 + 14 + 15). Сравнивая полученную наименьшую сумму рангов (28) со значением, имеющимся в та-

блице критерия количества участников контрольной и экспериментальной групп ($n_k = 7$ и $n_o = 8$) при 5 %-м уровне значимости (38), было выявлено, что полученная величина меньше представленного в таблице значения. Таким образом, различия в уровне владения навыками применения боевых приёмов борьбы в ситуациях оперативно-служебной деятельности в группах достоверны и не имеют случайного характера. В итоговом тестировании представители ЭГ превзошли результаты представителей КГ на 58,6 %.

Полученные в ходе исследования результаты позволяют сделать вывод, что использование на практических занятиях по вариативной дисциплине «Актуальные вопросы деятельности подразделений дежурных частей» в рамках темы «Особенности применения физической силы и специальных средств при работе с доставленными и задержанными сотрудниками дежурных частей территориальных органов МВД России» комплекса типовых ситуаций оперативно-служебной деятельности сотрудников дежурных частей эффективно способствует формированию навыков применения боевых приёмов борьбы.

Список литературы

1. Хозаев П. Б. К вопросу о деятельности дежурных частей ОВД как основного элемента оперативного управления в системе МВД России // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. – № 7. – С. 203–205.
2. Григорьев А. Н., Крамаренко В. П. Использование методологии ситуационного подхода в профессиональной подготовке сотрудников правоохранительных органов // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2019. – № 2 (56). – С. 85–89.
3. Троян Е. И. Профессиональная подготовка сотрудников органов внутренних дел к комплексным силовым действиям в оперативно-служебных ситуациях: монография. – Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2019. – 84 с.
4. Слесарева Е. А., Мирзахмедов Д. Ш., Бадриддинов Д. Ф. У. Применение «ситуационного метода» при обучении сотрудников оперативных подразделений боевым приемам борьбы // Психология и педагогика служебной деятельности. – 2019. – № 1. – С. 80–82.
5. Малиновский А. В., Красилов О. В., Мананников С. В. Использование метода ситуационного моделирования на занятиях по профессиональной прикладной физической подготовке в образовательных организациях системы МВД России // Вестник экономической безопасности. – 2019. – № 3. – С. 384–389.
6. Рустамов Р. А., Трофимов Ю. В. Типовые ситуации в огневой подготовке сотрудников правоохранительных органов // Академическая мысль. – 2019. – № 1 (6). – С. 123–128.
7. Троян Е. И., Трусова Н. К. Использование ситуационного метода для обучения сотрудников подразделений охранно-конвойной службы полиции к применению физической силы в типовых ситуациях служебной деятельности // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 4 (62). – С. 31–35.
8. Троян Е. И., Богданова В. А., Насонов В. В. Ситуационный метод как способ реализации практико-ориентированного подхода в физической подготовке сотрудников ОВД // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2016. – Т. 5. – № 3 (16). – С. 179–181.
9. Троян Е. И. Использование ситуационного метода для обучения сотрудников полиции применению приёмов самозащиты и задержания / Инновационные формы и практический опыт физического воспитания детей и учащейся молодёжи : сборник научных статей / ред. П. И. Новицкий (гл. ред.) [и др.]. – Витебск: Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2020. – С. 251–255.
10. Трапезникова Т. Н. Новейшие педагогические технологии: кейс-метод (метод ситуационного анализа) // Территория науки. – 2015. – № 5. – С. 52–59.

References

1. Khozayev P. B. K voprosu o deyatel'nosti dezhurnykh chastey OVD kak osnovnogo elementa operativnogo upravleniya v sisteme MVD Rossii // Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. – 2016. – № 7. – S. 203–205.

2. *Grigor'yev A. N., Kramarenko V. P.* Ispol'zovaniye metodologii situatsionnogo podkhoda v professional'noy podgotovke sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2019. – № 2 (56). – S. 85–89.

3. *Troyan Ye. I.* Professional'naya podgotovka sotrudnikov organov vnutrennikh del k kompleksnym silovym deystviyam v operativno-sluzhebnykh situatsiyakh: monografiya. – Tyumen': Tyumenskiy institut povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov MVD Rossii, 2019. – 84 s.

4. *Slesareva Ye. A., Mirzakhmedov D. Sh., Badriddinov D. F. U.* Primeneniye «situatsionnogo metoda» pri obuchenii sotrudnikov operativnykh podrazdeleniy boyevym priyemam bor'by // Psikhologiya i pedagogika sluzhebnoy deyatel'nosti. – 2019. – № 1. – S. 80–82.

5. *Malinovskiy A. V., Krasilov O. V., Manannikov S. V.* Ispol'zovaniye metoda situatsionnogo modelirovaniya na zanyatiyakh po professional'noy prikladnoy fizicheskoy podgotovke v obrazovatel'nykh organizatsiyakh sistemy MVD Rossii // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. – 2019. – № 3. – S. 384–389.

6. *Rustamov R. A., Trofimov Yu. V.* Tipovyye situatsii v ognevoy podgotovke sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov // Akademicheskaya mysl'. – 2019. – № 1 (6). – S. 123–128.

7. *Troyan Ye. I., Trusova N. K.* Ispol'zovaniye situatsionnogo metoda dlya obucheniya sotrudnikov podrazdeleniy okhranno-konvoynoy sluzhby politsii k primeneniyu fizicheskoy sily v tipovykh situatsiyakh sluzhebnoy deyatel'nosti // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2020. – № 4 (62). – S. 31–35.

8. *Troyan Ye. I., Bogdanova V. A., Nasonov V. V.* Situatsionnyy metod kak sposob realizatsii praktiko-oriyentirovannogo podkhoda v fizicheskoy podgotovke sotrudnikov OVD // Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya. – 2016. – T. 5. – № 3 (16). – S. 179–181.

9. *Troyan Ye. I.* Ispol'zovaniye situatsionnogo metoda dlya obucheniya sotrudnikov politsii primeneniyu priyomov samozashchity i zaderzhaniya / Innovatsionnyye formy i prakticheskiy opyt fizicheskogo vospitaniya detey i uchashcheysya molodozhi : sbornik nauchnykh statey / red. P. I. Novitskiy (gl. red.) [i dr.]. – Vitebsk: Vitebskiy gosudarstvennyy universitet im. P. M. Masherova, 2020. – S. 251–255.

10. *Trapeznikova T. N.* Noveyshiye pedagogicheskiye tekhnologii: keys-metod (metod situatsionnogo analiza) // Territoriya nauki. – 2015. – № 5. – S. 52–59.

Статья поступила в редакцию 08.09.2021; одобрена после рецензирования 20.11.2021; принята к публикации 23.12.2021.

The article was submitted September 08, 2021; approved after reviewing November 20, 2021; accepted for publication December 23, 2021.

Научная статья
УДК 378.172
doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-204-209

Алексей Иванович Ляпин

кандидат педагогических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0003-3259-6657>, lyapin78@mail.ru

Алексей Владимирович Лысенко

<https://orcid.org/0000-0002-6227-3958>, legkoatlet@gmail.com

*Воронежский институт МВД России
Российская Федерация, 394065, Воронеж, пр. Патриотов, д. 53*

Семантический анализ понятия «качество физической подготовки курсантов»

Аннотация: В статье представлена актуальная и недостаточно разработанная в отечественных педагогических исследованиях проблема оценки качества физической подготовки курсантов образовательных организаций, находящихся в ведении МВД России. Качественная подготовка будущих сотрудников полиции неразрывно связана с физической и огневой подготовкой, где физическая готовность остаётся основополагающей и ориентированной на выполнение профессиональных обязанностей. Семантический анализ научных публикаций основывался на ключевой единице «качество физической подготовки курсантов». Определено семантическое поле изучаемой частоты встречающихся ключевых слов, выполнено ранжирование по релевантности. Выявлено, что включённые слова наиболее часто встречаются в организации процесса обучения, не выделяя специфических основ оценки и диагностики качества физической готовности будущих сотрудников. Сформированный массив словосочетаний, состоящих из двух слов, выделенных системой семантической обработки, определён факторами: процесс физической подготовки и оценка качества физической подготовки курсантов. Степени взаимосвязи данных групп определялись как 5 : 4.

Можно утверждать, что в проанализированной научно-методической и учебной литературе, представленной в электронной библиотеке E-library, качество физической подготовки курсантов изучено на недостаточном уровне, не представлена многоуровневая оценка качества физической готовности будущих сотрудников к профессиональной деятельности.

Ключевые слова: физическая подготовка, курсант, качество, семантический анализ, оценка

Для цитирования: Ляпин А. И., Лысенко А. В. Семантический анализ понятия «качество физической подготовки курсантов» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 1 (93). – С. 204–209; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-204-209.

Alexey I. Lyapin

Cand. Sci. (Ped.), Docent
<https://orcid.org/0000-0003-3259-6657>, lyapin78@mail.ru

Alexey V. Lysenko

<https://orcid.org/0000-0002-6227-3958>, legkoatlet@gmail.com

*Voronezh Institute of the MIA of Russia
53, Patriots Ave., Voronezh, 394065, Russian Federation*

Semantic analysis of the concept of «quality of physical training of cadets»

Abstract: The article follows an actual and under-researched problem of assessing the quality of physical training of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Semantic analysis of scientific publications has been based on the key unit «the quality of physical training of cadets». The author defined the semantic field of the studied frequency of occurring keywords, ranked by relevance. It is revealed that the included words are most often found in the organization of the learning process, without

highlighting the specific foundations for assessing and diagnosing the quality of physical readiness of future employees. The formed array of phrases consisting of two words highlighted by the semantic processing system is determined by the following factors: the process of physical training and the assessment of the quality of physical training of cadets. The degree of interrelation of these groups was defined as 5/4. It should be noted that the quality of physical training of cadets lacks analysis in the scientific, methodological and educational literature; a multi-level assessment of the quality of physical readiness of future employees for professional activity is not presented

Keywords: physical training, cadets, quality, semantic analysis, assessment

For citation: Lyapin A. I., Lysenko A. V. Semantic analysis of the concept of «quality of physical training of cadets» // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 1 (93). – P. 204–209; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-204-209.

Введение

Как свидетельствует практика, современный этап развития общества предъявляет новые повышенные требования к служебной деятельности сотрудников ОВД, ориентируя исследователей на поиск новых средств и неиспользованных резервов к подготовке курсантов образовательных организаций, находящихся в ведении МВД России. Качественная подготовка будущих сотрудников неразрывно связана с физической и огневой подготовкой, где физическая готовность остаётся основополагающей и ориентированной на выполнение профессиональных обязанностей по должности служащего «полицейский»¹ [9].

Обобщение и анализ федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования, реализуемых в образовательных организациях, находящихся в ведении МВД России, выявил, что оценка качества образовательной деятельности и подготовка обучающихся осуществляется на основе системы внутренней и внешней оценки, в которой не учитываются требования к должностям рядового и начальствующего состава в органах внутренних дел, в том числе и к профессиональным навыкам, связанным с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия [2; 4; 6].

Совершенно очевидно, что повышение эффективности физической подготовки будущих сотрудников ОВД нельзя рассматривать без повышения качества образовательного процесса по дисциплинам, относящимся к физической подготовке.

Проблема оценки качества физической подготовки курсантов является значимым разделом, требующим разработки, в том числе и на основе системного анализа, готовности курсантов и слушателей к выполнению своих профессиональных обязанностей по должности служащего «полицейский».

Цель и методика исследования

Цель исследования – изучение понятия «качество физической подготовки курсан-

тов» на основе комбинаций ассоциирующихся с ними базовых семантических категорий.

Семантический анализ научных публикаций основывался на ключевой семантической единице «качество физической подготовки курсантов». Всего было проанализировано 200 статей из 1647 найденных публикаций. Статьи отсортированы по релевантности и количеству цитирований (≥ 5). Названия и аннотации к отобранным публикациям были сведены в отдельный файл и подгружены в систему SEO-анализа для проведения автоматического подсчёта символов с оценкой «тошнотности» и «водности». Под параметром «тошнотность» текста понималась его «заспамленность» (постоянно повторяющиеся слова в тексте, которые находятся в прямом или в склонённом значении) ключевыми словами. Поисковые системы расценивали такую статью как некачественную. «Водность» текста основывалась на анализе наличия в статье стоп-слов, фразеологизмов, соединительных единиц, не несущих смысловой нагрузки. В результате определялись «лишние» слова, не имеющие отношения к изучаемой семантической единице, которые удалялись из текста для повторного проведения анализа. Всего было проведено четыре итерации. В результате количество слов в тексте сократилось с 14825 до 9856. Общая статистика текста представлена в таблице 1.

Обсуждение полученных результатов

С целью определения семантического поля изучаемой частоты встречающихся ключевых слов в анализируемых публикациях, проведено ранжирование по релевантности (рисунки 1, 2).

Анализ полученных данных позволил выделить часто встречающиеся слова. «Физической» имеет релевантность 22,58, при этом процент в ядре составляет 4,1 %, плотность ключевого слова в тексте 3,4 %. «Подготовка» имеет релевантность на 4,25 ниже, по сравнению с «физической», при снижении на 0,7 % в ядре и 0,7 % частоты нахождения данного слова в тексте. «Курсант» зарегистрирован на третьей позиции на уровне релевантности 13,72, что на 4,61 % ниже, чем «подготовка» и 8,86 % «физической», при этом процент в ядре составляет 2,5 %, и 2 % плотности в изучаемом текстовом файле. Выявлено, что «качество» занимает лишь двенадцатую позицию, при этом релевантность ре-

¹ Мещерякова Е. И., Сабирова И. А. О предупреждении профессионального маргинализма в процессе физической подготовки курсантов ведомственных вузов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 2 (90). – С. 173–179.

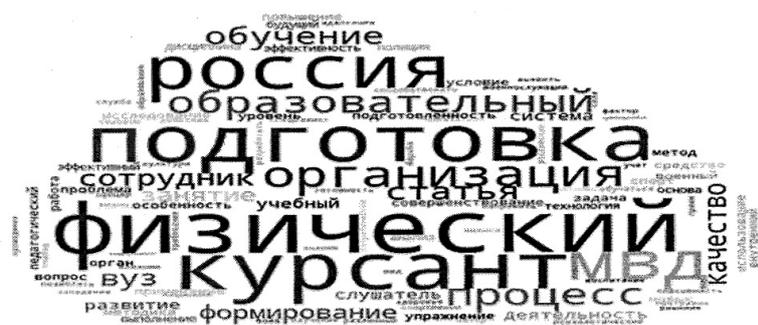

Рисунок 1. Семантическое поле ключевых слов в релевантных публикациях

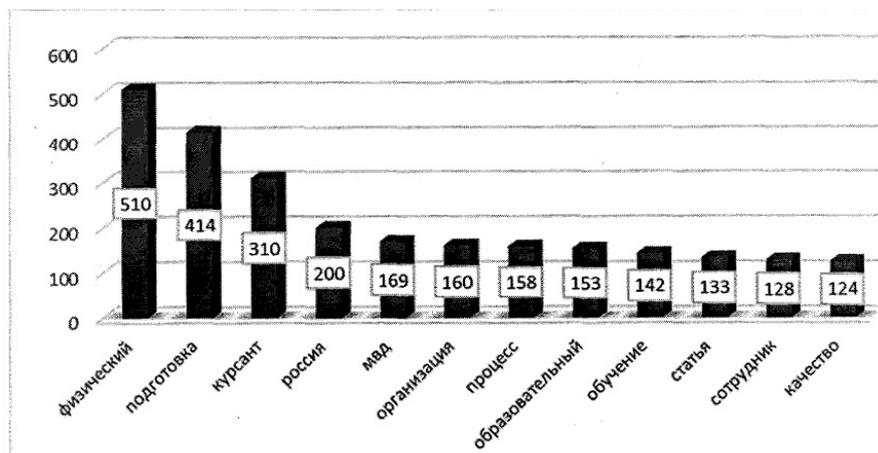

Рисунок 1. Частота ключевых слов в релевантных публикациях

гистрируется на уровне 5,49 – 1 % в ядре и 0,8 % в плотности текста (таблица 2).

Сравнительный анализ распределения частоты ключевых слов в релевантных публикациях анализируемого текстового файла позволил определить наиболее встречающиеся слова с учётом повторения и плотности (таблица 3).

Полученный массив ключевых слов в релевантных публикациях, ассоциированных системой семантической обработки со словосочетанием «качество физической подготовки курсантов», показал, что в семантическое поле включены слова, имеющие отношение к процессу организации образования и обучения курсантов и сотрудников системы МВД России,

причём из анализируемых слов наиболее часто встречается «организация процесса обучения».

По полученным данным можно судить, что в большинстве научных и методических публикаций исследователи акцентируют внимание на процессе организации физической подготовки, при этом не выделяя специфических основ оценки и диагностики качества физической готовности будущих сотрудников к выполнению оперативно-служебных задач, связанных с применением физической силы и специальных средств.

В процессе анализа сформирован массив словосочетаний, состоящий из двух слов, выделенных системой семантической обработки, с ис-

Таблица 1

Статистика анализируемого текстового файла

<i>Иные параметры загруженного текста</i>	
Параметр	Значение
Символов с пробелами	153579
Символов без пробелов	136434
Всего слов	14825
Водность	18%
Классическая тошнота	22.58
Словарь	2167 слов
Словарь ядра	1930 слов
Язык текста	Русский
Тематика	Образование, Аналитика

следуемой семантической единицей «качество физической подготовки курсантов» (таблица 4).

Как следует из результатов, существует ряд факторов, определяющих качество физической подготовки курсантов, разделённых на две группы: процесс физической подготовки и оценка качества физической подготовки курсантов. Степени взаимосвязи данных групп определяются как 5/4, то есть оценка качества физической подготовки курсантов по данным проведенного семантического анализа является следствием данных факторов. В то же время такие очевидные параметры, опосредованно влияющие на повышение уровня качества физической подготовки курсантов, как формы контроля, характер оценивания, комплексная оценка и др., не рассматриваются в анализируемых публикациях, либо частота их упоминания статистически мала.

Возможной причиной данного результата являлось содержание публикаций: частота повторений словосочетания «качество физической подготовки курсантов» может быть высокой, но в самой публикации не рассматриваются факторы, влияющие на это достижение. Так, из 200 публикаций только в 78 % фигурирует семантическая единица «качество физической подготовки», остальные же посвящены общим проблемам обучения, вопросам организации спортивно-оздоровительной деятельности, вопросам психологической, технико-тактической и др. подготовки, экономическим проблемам, методам математической статистики.

Другим способом ранжирования публикаций, содержащих семантическую единицу «качество физической подготовки курсантов», является их распределение по количеству цитирований. И если релевантность публикаций отражает лишь частоту сочетания «качество физической подготовки курсантов», то количество цитирований отражает информационную востребованность публикаций с этим словосочетанием научным сообществом. При этом количество цитирований публикаций может быть и не связано с результатами поиска данной семантической единицы. Среди выделенных 65 % публикаций непосредственно касаются проблемы повышения качества физической подготовки, остальные 35 % затрагивают общие проблемы обучения либо имеют обобщающие исследования в области методики обучения.

Качественный анализ публикаций показал, что список 200 наиболее цитируемых публикаций включает всего 1 % монографий, раскрывающих общие вопросы подготовки курсантов. К данному перечню также можно отнести статьи в журналах из перечня ВАК – 52 %, Scopus – 5 %, в сборниках научных трудов – 10 %. Анализ наиболее цитируемых публикаций показал достаточно высокий интерес среди учёных к проблеме повышения качества физической подготовки курсантов. Однако основная масса этих публикаций посвящена общим проблемам либо не касается данной темы. Слабой стороной перечня наиболее цитируемых публикаций является не-

Таблица 2

Анализ слов из семантической единицы «качество физической подготовки курсантов»

№ п/п	Слово	Кол-во	Релевантность	% в ядре	% в тексте
1	качество	124	5.49	1%	0.8%
2	физической	510	22.58	4.1%	3.4%
3	подготовки	414	18.33	3.4%	2.7%
4	курсант	310	13.72	2.5%	2%

Таблица 3

Распределение частоты ключевых слов в релевантных публикациях

№п/п	слово	Количество повторений	плотность, %
1.	физической	510	3.4%
2.	подготовка	414	2.7%
3.	курсант	310	2%
4.	Россия	200	1.3%
5.	МВД	169	1.1%
6.	организация	160	1%
7.	процесс	158	1%
8.	образовательный	153	1%
9.	обучение	142	0.9%
10.	статья	133	0.8%
11.	сотрудник	128	0.8%
12.	качество	124	0.8%

Результаты классификации словосочетаний из двух слов

процесс физической подготовки курсантов			оценка качества подготовки курсантов		
Словосочетание из двух слов	Кол-во повторов	Плотность, %	Словосочетание из двух слов	Кол-во повторов	Плотность, %
физические качества	11	1,4	результаты обучения	13	1,65
совершенствование подготовленности	9	1,15	функциональная готовность	11	1,4
эффективность обучения	6	0,74	формы контроля	8	1,09
учебный материал	5	0,69	педагогический контроль	7	1,01
двигательные действия	4	0,51	характер оценивания	5	0,64
педагогические условия	4	0,51	комплексная оценка	4	0,51
модельные ситуации	3	0,48	индивидуальные достижения	3	0,48
Итого:	42		Итого:	51	

достаточное количество методической литературы, учебников и учебных пособий, в которых более пристально рассматривалась бы искомая семантическая единица. Учебных пособий представлено 1 %. В общем перечне публикаций по запрашиваемой семантической единице «качество физической подготовки курсантов» такого рода публикации присутствуют, однако имеют низкий уровень цитирования. Можно сделать вывод либо о недостаточном уровне раскрытия тематики, либо о том, что данная литература востребована только среди практиков, которые не публикуются в научной литературе.

Выводы

Анализ и обобщение данных семантического анализа научных публикаций по заданной семантической единице выявили преобладающие группы факторов, определяющие качество физической подготовки курсантов как процесс физической подготовки, и оценку качества фи-

зической подготовки курсантов. Взаимосвязь данных факторов друг к другу оценивается в отношении 5 : 4.

Можно утверждать, что в анализированной научно-методической и учебной литературе качество физической подготовки курсантов изучено на недостаточном уровне. Не обнаружено определение данного понятия, хотя авторы высоко оценивают применение различных форм контроля, характера оценивания, комплексную оценку качества физической подготовки курсантов.

Выявлен и тот факт, что курсанты должны знать не только конечные цели физической подготовки, описанные в Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», приказе МВД России от 5 мая 2018 г. № 275, приказе МВД России от 1 июля 2017 г. № 450, но и промежуточные цели учебной деятельности, ориентированные на будущую профессиональную деятельность.

Авторы выражают: признательность доктору педагогических наук, профессору кафедры физической подготовки ВИ МВД России Ирине Александровне Сабировой за помощь в интерпретации полученных результатов.

Список литературы

1. Нгуен Б. Н., Тузовский А. Ф. Классификация текстов на основе оценки семантической близости терминов // Известия Томского политехнического университета. – 2012. – Т. 320. – № 5. – С. 43–48.
2. Акимова О. И. О подходах к оценке качества педагогического образования в современном ВУЗе // Казанский педагогический журнал. – 2017. – № 2 (121). – С. 55–58.
3. Петров П. К. Возможности и перспективы использования современных информационных технологий в системе подготовки специалистов по физической культуре и спорту // Прикладная информатика. – 2009. – № 4 (22). – С. 14–21.

4. Емельянова И. Н. Особенности и проблемы оценки качества образования в процессе реализации компетентностной модели обучения // The unity of science : International scientific professional periodical journal. – Vienna, Austria: Publishing office Friedrichstrabe 10, 2015. – С. 82–84.

5. Киреева А. А. Метод компонентного анализа в построении лексико-семантического поля спортивной лексики // Вопросы романо-германской и русской филологии. – 2014. – Т. 1. – С. 92–100.

6. Маркова С. В., Полунин В. Е. Интенсификация профессионального обучения // Проблемы современного педагогического образования. – 2018. – № 58-3. – С. 175–178.

7. Мещерякова Е. И., Бойцов В. Г. Критериальная оценка качества учебного процесса в ведомственном образовательном учреждении // Вестник Воронежского института МВД России. – 2008. – № 3. – С. 52–53.

8. Нечаев В. В., Трофименко В. М. Анализ методов семантического поиска информационных ресурсов // Образовательные ресурсы и технологии. – 2014. – № 5 (8). – С. 127–135.

9. Сабирова И. А., Федоров В. В., Лысенко А. В. Повышение качества организации физической подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России // Культура физическая и здоровье. – 2021. – № 2 (Т. 78). – С. 76–82.

10. Andryushchenko L., Filimonova S., Sleptsova M., Pakhomova E., Kravtsov B. Student's educational goal and formalization of its representation in e-learning // Journal of Physics: Conference Series. Krasnoyarsk Science and Technology City Hall. Krasnoyarsk, Russian Federation. – 2020. – С. 12082.

References

1. Nguyen B. N., Tuzovskiy A. F. Klassifikatsiya tekstov na osnove otsenki semanticheskoy blizosti terminov // Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta. – 2012. – Т. 320. – № 5. – С. 43–48.

2. Akimova O. I. O podkhodakh k otsenke kachestva pedagogicheskogo obrazovaniya v sovremennom VUZe // Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal. – 2017. – № 2 (121). – С. 55–58.

3. Petrov P. K. Vozmozhnosti i perspektivy ispol'zovaniya sovremennykh informatsionnykh tekhnologiy v sisteme podgotovki spetsialistov po fizicheskoy kul'ture i sportu // Prikladnaya informatika. – 2009. – № 4 (22). – С. 14–21.

4. Yemel'yanova I. N. Osobennosti i problemy otsenki kachestva obrazovaniya v protsesse realizatsii kompetentnostnoy modeli obucheniya // The unity of science : International scientific professional periodical journal. – Vienna, Austria: Publishing office Friedrichstrabe 10, 2015. – С. 82–84.

5. Kireyeva A. A. Metod komponentnogo analiza v postroyenii leksiko-semanticheskogo polya sportivnoy leksiki // Voprosy romano-germanskoj i russkoj filologii. – 2014. – Т. 1. – С. 92–100.

6. Markova S. V., Polunin V. Ye. Intensifikatsiya professional'nogo obucheniya // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. – 2018. – № 58-3. – С. 175–178.

7. Meshcheryakova Ye. I., Boytsov V. G. Kriteriálnaya otsenka kachestva uchebnogo protsesssa v vedomstvennom obrazovatel'nom uchrezhdenii // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. – 2008. – № 3. – С. 52–53.

8. Nechayev V. V., Trofimenko V. M. Analiz metodov semanticheskogo poiska informatsionnykh resursov // Obrazovatel'nyye resursy i tekhnologii. – 2014. – № 5 (8). – С. 127–135.

9. Sabirova I. A., Fedorov V. V., Lysenko A. V. Povysheniye kachestva organizatsii fizicheskoy podgotovki kursantov i slushateley obrazovatel'nykh organizatsiy sistemy MVD Rossii // Kul'tura fizicheskaya i zdorov'ye. – 2021. – № 2 (Т. 78). – С. 76–82.

10. Andryushchenko L., Filimonova S., Sleptsova M., Pakhomova E., Kravtsov B. Student's educational goal and formalization of its representation in e-learning // Journal of Physics: Conference Series. Krasnoyarsk Science and Technology City Hall. Krasnoyarsk, Russian Federation. – 2020. – С. 12082.

Статья поступила в редакцию 29.12.2021; одобрена после рецензирования 01.03.2022; принята к публикации 15.03.2022.

The article was submitted December 29, 2021; approved after reviewing March 01, 2022; accepted for publication March 15, 2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Научная статья
УДК: 378
doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-210-216

Наталья Владимировна Ходякова
доктор педагогических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0003-4340-0744>, hodyakova@yandex.ru

Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125993, Москва, улица Зои и Александра Космодемьянских, д. 8, корп. 1

Проблемы эффективной подготовки научных и научно-педагогических кадров в образовательной организации высшего образования МВД России

Аннотация: В статье повышение эффективности деятельности адъюнктов образовательных организаций высшего образования МВД России связывается с выявлением проблем подготовки научных и научно-педагогических кадров и поиском возможных вариантов их решения. В целях уточнения проблем, приводящих к недостаточной результативности деятельности адъюнктуры в части недостижения выпускниками стопроцентного значения показателя защит, осуществляется сравнительный анализ результатов опроса адъюнктов Академии управления МВД России и их научных руководителей (2021 г.), проведённого по одной и той же анкете. Некоторые из получаемых в ходе опроса результатов сопоставляются с аналогичными результатами исследований, проведённых ранее другими авторами. Распределение ответов обеих категорий респондентов качественно интерпретируется и систематизируется по четырём группам проблем: 1) проблемы, обусловленные социальными и макронаучными факторами; 2) проблемы, возникающие в части внутривузовской организации процесса подготовки научных и научно-педагогических кадров; 3) проблемы взаимодействия диссертантов с научными руководителями; 4) проблемы, обусловленные личностными факторами – когнитивно-психологической неготовностью соискателей учёной степени к выполнению научного исследования и защите диссертации. Намечаются пути решения проблем, относящихся к компетенции образовательной организации высшего образования МВД России.

Ключевые слова: научные и научно-педагогические кадры, подготовка научных кадров, подготовка научно-педагогических кадров, адъюнкт, научный руководитель, диссертационное исследование

Для цитирования: Ходякова Н. В. Проблемы эффективной подготовки научных и научно-педагогических кадров в образовательной организации высшего образования МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 1 (93). – С. 210–216; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-210-216.

Nataliya V. Khodyakova
Dc. Sci. (Ped.), Docent
<https://orcid.org/0000-0003-4340-0744>, hodyakova@yandex.ru

Academy of Management of the MIA of Russia
8, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh str., build. 1, 125993, Moscow, Russian Federation

Efficient personnel training among researchers and teaching staff at the higher educational institutions of the Russian Ministry of Internal Affairs

Abstract: The improvement of the post-graduate studies at the higher educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia efficiency depends on the identification of the challenges that arise in the course of personnel training and finding the possible resolution of the found issues. In order to identify the issues leading to the lack of performance of the post-graduates, who currently do not achieve a complete success in thesis defenses, the author compared and analyzed the findings from the identical surveys conducted in 2021 among the adjuncts of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs and their research advisors. Some of the obtained results are compared with the similar findings acquired in the previous studies. The author used quantitative and qualitative methods to interpret and systemize the answers from the both samples and have identified four distinctive types of problems: 1) issues stemming from social and macro-scientific factors; 2) issues emerging as the part of the institutional process of personnel training; 3) problems of communication between the post-graduates and their research advisors; 4) issues caused by personal characteristics, such as the cognitive and psychological unpreparedness to conduct the research and

defend the thesis. Concluding the analysis, the author offers the ways to solve the problems in the sphere of enhancing the competency of higher educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Keywords: researchers and teaching staff, scientific personnel training, teaching personnel training, adjunct, research advisor, thesis research

For citation: Khodyakova N. V. Efficient personnel training among researchers and teaching staff at the higher educational institutions of the Russian Ministry of Internal Affairs // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 1 (93). – P. 210–216; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-210-216.

Введение

Развитие общества невозможно без движения науки вперед. Серьезные научные достижения ученых той или иной страны обеспечивают не только ее высокий международный авторитет и престиж, но и обуславливают ее интенсивное социально-экономическое развитие, достойное качество жизни ее граждан.

Старение научных и научно-педагогических кадров, наблюдаемое в России в последние десятилетия [1; 2], вызывает обоснованную тревогу и требует трансформации системы подготовки молодых ученых, повышения ее эффективности. Перед российской наукой и высшим образованием стоят задачи не просто воспроизводства количественного состава научных и научно-педагогических работников, а подготовки субъектов научной деятельности, способных осуществлять прорывные исследования, создавать и реализовывать значимые прикладные инновационные проекты [3].

Одним из государственных институтов подготовки научных и научно-педагогических кадров является адъюнктура (аспирантура). Анализ эффективности ее деятельности на протяжении последних семи лет, прошедших с момента принятия в 2014 г. федеральных государственных образовательных стандартов по направлениям аспирантуры, выявил много проблем. К ним можно отнести: низкую мотивацию обучающихся, сложности с трудоустройством в России по направлению подготовки, снижение общей численности диссертационных советов [4; 5] и др.

В настоящее время подготовка научных и научно-педагогических кадров претерпевает существенные организационные изменения. В момент перестройки деятельности аспирантур (адъюнктур) очень важно осознавать существующие проблемы во всей их полноте и многоаспектности. В целях определения проблемных вопросов подготовки научных и научно-педагогических кадров в образовательных организациях высшего образования МВД России в 2021 г. был проведен опрос научных руководителей и адъюнктов Академии управления МВД России.

Описание исследования

1. Методы и материалы исследования

Опрос научных руководителей носил автоматизированный характер и проводился на основе анкеты, в которую вошли вопросы, касающиеся качества подготовки диссертаций, взаимодействия адъюнкта с научным руководителем, степени самостоятельности и автономности диссертанта, влияния личностных и средовых факторов на результаты обучения в адъюнктуре.

В опросе приняли участие 68 преподавателей кафедр и сотрудников научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, имеющих опыт научного руководства соискателями учёных степеней кандидатов наук или в настоящее время являющихся научными руководителями адъюнктов. Среди 58 адъюнктов первого, второго и третьего курсов очной формы обучения, опрошенных по тем же вопросам, анкетирование проводилось в бланочном формате.

В анкете было представлено 24 вопроса, среди которых 19 вопросов имели закрытый характер (респондентам необходимо было осуществить выбор из нескольких готовых ответов), 1 вопрос имел открытый характер (респондентам необходимо было сформулировать ответ самостоятельно) и 5 вопросов имели смешанный характер (респонденты могли выбрать готовые ответы или сформулировать свой ответ самостоятельно, 1 вопрос допускал выбор двух готовых ответов).

Результаты подсчетов выбранных респондентами вариантов ответов выражались в процентах от общего количества опрошенных по двум названным категориям (научные руководители и адъюнкты) и округлялись до десятых.

2. Результаты исследования

На первый вопрос анкеты «Как Вы считаете, изменится ли качество представленных диссертационных исследований в последнее время?» были получены ответы со следующим распределением:

- научные руководители: 31,3 % – качество улучшается; 37,3 % – качество остаётся на прежнем уровне; 25,4 % – качество снижается; 6 % – другое;
- адъюнкты: 32,8 % – качество улучшается; 27,6 % – качество остаётся на прежнем уровне; 37,9 % – качество снижается; 1,7 % – другое.

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что адъюнкты воспринимают результаты научно-исследовательской деятельности более критично, чем научные руководители. Умеренности в оценке научных руководителей в некоторой степени объясняется выбором ответов «другое», связанных с внешними факторами, например: «качество становится другим в соответствии с требованиями времени и соответствующих социальных институтов»; «усложняется механизм защиты диссертационных исследований».

По второму вопросу «Какие, на Ваш взгляд, факторы, связанные с научным руководством, в большей степени отражаются на результатах подготовки кандидатской диссертации?» выборы по обеим категориям проанкетированных в количественном отношении составили:

- научные руководители: 48,5 % – формальный подход к выбору научного руководителя; 27,9 % – незначительный опыт научного руководства; 26,5 % – отсутствие заинтересованности научного руководителя в защите диссертации соискателя; 30,9 % – фактическое отсутствие научного руководителя;
- адъюнкты: 37,9 % – формальный подход к выбору научного руководителя; 15,5 % – незначительный опыт научного руководства; 46,6 % – отсутствие заинтересованности научного руководителя в защите диссертации соискателя; 44,8 % – фактическое отсутствие научного руководителя.

Полученные ответы позволяют выявить повышенную требовательность научных руководителей к осознанному выбору их в качестве наставника и чувствительность адъюнктов к заинтересованности научного руководителя в их результатах. Заметим также, что опыт научного руководства более значим для самих научных руководителей.

Реакция на вопрос «Как Вы считаете, должно ли быть формально закреплено оптимальное количество консультаций научного руководителя для соискателей?» была следующей:

- научные руководители: 64,2 % – нет, всё зависит от потребностей соискателя и этапа подготовки диссертации; 32,8 % – да, график консультаций имеет значение; 3 % – затрудняюсь ответить;

- адъюнкты: 55,2 % – нет, всё зависит от потребностей соискателя и этапа подготовки диссертации; 43,1 % – да, график консультаций имеет значение; 1,7 % – затрудняюсь ответить.

Как видно из приведённой информации, и научные руководители, и адъюнкты считают, что встречи должны планироваться по необходимости. График консультаций оказывается нужнее адъюнктам, что вполне ожидаемо, т. к. именно они нуждаются в помощи и консультациях научных руководителей.

Дальнейшая серия из шести вопросов анкеты содержала общую часть: «Каким, на Ваш взгляд, должно быть конструктивное содействие научного руководителя в процессе...», после которой указывались различные этапы выполнения диссертационного исследования. Остановимся на каждом этапе.

В выборе темы исследования, получении первичного напутствия, ценных указаний содействие научного руководителя, по мнению респондентов, должно быть:

- научные руководители: 76,1 % – максимальным; 20,9 % – средним; 0 % – ниже среднего; 3 % – соискатель должен делать это самостоятельно;

- адъюнкты: 79,3 % – максимальным; 17,2 % – средним; 1,7 % – ниже среднего; 1,7 % – соискатель должен делать это самостоятельно.

Как показывают данные, подавляющее большинство опрошенных научных руководителей и адъюнктов сошлось во мнении, что на первом этапе участие и содействие научного руководителя должно быть максимальным. Это требование носит объективный характер и, вероятно, должно учитываться при организации начала обучения в адъюнктуру.

В процессе создания методики необходимость содействия научного руководителя оценивают:

- научные руководители: 50,7 % – как максимальную; 44,8 % – среднюю; 1,5 % – ниже средней; 3 % – соискатель должен делать это самостоятельно;

- адъюнкты: 79,3 % – как максимальную; 19 % – среднюю; 0 % – ниже средней; 1,7 % – соискатель должен делать это самостоятельно.

Единство в понимании роли научного руководителя на основном этапе работы над диссертацией имеет место, в то же время количественные различия являются существенными. В два раза больше респондентов среди научных руководителей предполагают определённую самостоятельность в теоретической работе над диссертацией соискателей учёной степени, в то время как среди адъюнктов примерно треть опрошенных отводит научному руководителю решающую роль. В данном несовпадении видится некоторая инфантильность и личностная незрелость адъюнктов, преобладающий у них внешний локус контроля.

В ходе сбора эмпирического материала необходимость конструктивного содействия научного руководителя отмечают как:

- научные руководители: 28,4 % – максимальную; 32,8 % – среднюю; 14,9 % – ниже средней; 23,9 % – соискатель должен делать это самостоятельно;

- адъюнкты: 65,5 % – максимальную; 20,7 % – среднюю; 0 % – ниже средней; 13,8 % – соискатель должен делать это самостоятельно.

Помимо уже упоминавшейся вероятной причины получения различающихся ответов от адъюнктов и их научных руководителей, следует отметить, что адъюнкты в процессе выполнения эмпирической части исследования часто сталкиваются с организационными трудностями в проведении внутриведомственных экспериментов и социологических опросов (это подтверждают и ответы на открытый вопрос анкеты). Ввиду этого они рассчитывают на организационную помощь и авторитет своего научного наставника.

Содействие научного руководителя в подготовке статей, по мнению испытуемых, должно быть:

- научные руководители: 25,4 % – максимальным; 47,8 % – средним; 10,4 % – ниже среднего; 16,4 % – соискатель должен делать это самостоятельно;

- адъюнкты: 41,4 % – максимальным; 44,8 % – средним; 1,7 % – ниже среднего; 12,1 % – соискатель должен делать это самостоятельно.

В целом полученные результаты по двум группам опрошенных схожи за исключением того, что максимальную роль наставника выбрали на 16 % больше респондентов-адъюнктов. Для этих адъюнктов вновь прослеживается тенденция быть в роли ведомого.

По вопросу содействия научного руководителя в анализе готового текста диссертации были высказаны более единодушные мнения:

- научные руководители: 82,1 % – должно быть максимальным; 14,9 % – средним; 1,5 % – ниже среднего; 1,5 % – соискатель должен делать это самостоятельно;

- адъюнкты: 87,9 % – должно быть максимальным; 10,3 % – средним; 1,7 % – ниже среднего; 0 % – соискатель должен делать это самостоятельно.

Заметим, что при совпадении общей тенденции выбора ответов научные руководители высказали более умеренную позицию, что, вероятно, связано с их ожиданием большей самостоятельности от адъюнктов на завершающем этапе исследования.

Принципиально иными выглядят ответы на вопрос о степени содействия научного руководителя в организации прохождения формальных моментов при прохождении предзащиты и подготовки документов в диссовет:

- научные руководители: 35,8 % – максимальным; 25,4 % – средним; 13,4 % – ниже среднего; 25,4 % – соискатель должен делать это самостоятельно;

- адъюнкты: 70,7 % – максимальным; 20,7 % – средним; 3,4 % – ниже среднего; 5,2 % – соискатель должен делать это самостоятельно.

Полученные данные свидетельствуют о том, что финальный этап подготовки и представления диссертации на кафедру и в диссертационный совет является для адъюнктов проблемной ситуацией, в которой они ожидают существенной помощи от научного руководителя. В то же время предзащиту и выполнение формальных процедур научные руководители оценивают не столь драматично и лишь наполовину соглашаются с соискателями в этом вопросе.

Следующие два вопроса затрагивали вопрос выбора темы диссертации. Первый из них касался роли соискателя в выборе темы:

- научные руководители: 52,2 % – тема должна быть сформулирована научным руководителем и адъюнктом совместно с учётом их научных интересов; 44,8 % – тема должна формулироваться адъюнктами самостоятельно и согласовываться с научным руководителем; 3 % – тема должна быть сформулирована научным руководителем, исходя из его научных интересов;

- адъюнкты: 79,3 % – тема должна быть сформулирована научным руководителем и адъюнктом

совместно с учётом их научных интересов; 20,7 % – тема должна формулироваться адъюнктами самостоятельно и согласовываться с научным руководителем; 0 % – тема должна быть сформулирована научным руководителем, исходя из его научных интересов.

Как видно из приведённых данных, адъюнкты более чем научные руководители осознают зависимость своей успешности от заинтересованности в теме исследования. В то же время они дают вдвое меньше по сравнению с научными руководителями ответов относительно самостоятельного выбора темы.

Второй из двух вопросов звучал как: «Может ли быть предусмотрена возможность изменения формулировки темы диссертационного исследования в процессе её подготовки?». Были получены следующие ответы:

- научные руководители: 95,5 % – да; 4,5 % – нет;
- адъюнкты: 91,4 % – да; 8,6 % – нет.

Как видим, и научные руководители, и адъюнкты в целом высказываются за возможность смены темы в процессе исследования. Мы связываем полученные ответы со стремлением респондентов к расширению степени своей научной свободы и их достаточно гибким отношением к организационно-планирующей части исследовательской работы.

В отношении смены научной специальности в процессе выполнения исследования анкетированные высказались следующим образом:

- научные руководители: 49,2 % – да; 50,7 % – нет;
- адъюнкты: 70,7 % – да; 29,3 % – нет.

Научные руководители оказались несколько более консервативны в данном вопросе, а адъюнкты в той же степени чуть более радикальны. Вероятно, это связано с тем, что смена научной специальности в большинстве случаев должна сопровождаться и сменой научного руководителя, что может вызывать некоторый дискомфорт у наставников.

Следующая серия вопросов требовала оценки личностных характеристик обучающихся в адъюнктуре. Первый из них был сформулирован в форме «Как Вы считаете, изменился ли в последнее время научно-творческий потенциал соискателей, поступающих на обучение по программам подготовки научно-педагогических кадров?» и сопровождался следующим выбором ответов:

- научные руководители: 49,3 % – научно-творческий потенциал стал значительно ниже; 32,8 % – научно-творческий потенциал не изменился; 14,3 % – научно-творческий потенциал стал выше; 3 % – затрудняюсь ответить;
- адъюнкты: 25,9 % – научно-творческий потенциал стал значительно ниже; 44,8 % – научно-творческий потенциал не изменился; 24,1 % – научно-творческий потенциал стал выше; 5,2 % – затрудняюсь ответить.

Полученные данные говорят о большей почти на четверть неудовлетворённости научных руководителей научными и креативными способностями адъюнктов по сравнению с самооценкой соискателей учёной степени. Научным руководителям, вероятно, следует больше доверять в этом вопросе, поскольку их многолетние наблюдения объективнее сравнения адъюнктов себя с теми, кто обучается в адъюнктуре в данный момент.

Степень проявления низкого уровня сформированности научных интересов адъюнктов была оценена респондентами следующим образом:

- научные руководители: 73,1 % – встречается; 19,4 % – не встречается; 7,5 % – затрудняюсь ответить;

- адъюнкты: 50 % – встречается; 48,3 % – не встречается; 1,7 % – затрудняюсь ответить.

К сожалению, наличие адъюнктов с низким уровнем научных интересов признаётся обеими группами опрошенных. Этот факт определяет целесообразность следующего вопроса, выявляющую мотивационную ориентацию адъюнктов на повышение своего социального статуса после присвоения учёной степени. Степень проявления этой ориентации оценена как:

- научные руководители: 65,7 % – встречается; 22,4 % – не встречается; 11,9 % – затрудняюсь ответить;

- адъюнкты: 67,3 % – встречается; 25,9 % – не встречается; 6,9 % – затрудняюсь ответить.

Преобладающую мотивацию на повышение своего социального статуса после защиты диссертации отмечают все респонденты. Сопоставление ответов на предыдущий вопрос даёт возможность заключить, что отсутствие у соискателей научной мотивации к написанию диссертации компенсируется мотивами повышения их социального статуса после присвоения учёной степени.

Степень проявления ещё одного вида мотивации – получения социальных льгот в результате научно-исследовательской деятельности – выяснялась в следующем вопросе. Были высказаны такие мнения:

- научные руководители: 43,3 % – встречается; 38,8 % – не встречается; 17,9 % – затрудняюсь ответить;

- адъюнкты: 43,1 % – встречается; 51,7 % – не встречается; 5,2 % – затрудняюсь ответить.

Как видно из полученных ответов, большинство как научных руководителей, так и адъюнктов считают мотивационную ориентацию на социальные льготы вполне реальной. Но у адъюнктов ответов, расценивающих такую ориентацию как невыраженную, оказалось немного больше.

Оценке степени проявления низкого уровня методологической грамотности адъюнктов был посвящён следующий вопрос. Опрошенные дали такие ответы:

- научные руководители: 82,1 % – встречается; 13,4 % – не встречается; 4,5 % – затрудняюсь ответить;

- адъюнкты: 60,4 % – встречается; 36,2 % – не встречается; 3,4 % – затрудняюсь ответить.

По этому вопросу уровень знаний, умений и навыков в области методологии научного исследования у адъюнктов как преимущественно низкий оценивают и научные руководители, и соискатели учёной степени. На объективное существование этой проблемы указывают результаты других исследований [6]. Отсюда следует необходимость усиления научно-методологической подготовки диссертантов в процессе обучения в адъюнктуре, причём оптимальным периодом такой подготовки должно быть, очевидно, начало обучения.

Ещё один вопрос анкеты касался степени проявления низкого научно-творческого потенциала соискателей. Этот вопрос в какой-то мере пересекался с вопросом о динамике изменений обсуждаемого потенциала с течением времени, поэтому его можно считать в некотором роде перепроверочным. Выборы респондентов по данному вопросу распределились так:

- научные руководители: 67,2 % – встречается; 25,4 % – не встречается; 7,5 % – затрудняюсь ответить;

- адъюнкты: 53,4 % – встречается; 44,7 % – не встречается; 1,7 % – затрудняюсь ответить.

Из полученных данных можно сделать вывод, что научные руководители оценивают научный и творческий потенциал адъюнктов значительно скромнее, чем сами адъюнкты. Полученные результаты сопоставлялись нами с результатами диагностики 1232 обучающихся Луганского государственного педагогического университета в 2017–2020 годах, согласно которым их креативные качества и творческие способности как низкие оценены в 37,1 % и 35,4 % случаях соответственно, как высокие – в 13,6 % и 13,4 % случаях, как средние – в 49,2 % и 51,2 % случаях [7]. Как видим, данные более массовой диагностики находятся в диапазоне между значениями полученных нами показателей педагогов и адъюнктов. Дополнительно отметим, что преодоление недостаточного креативного потенциала авторы упомянутого исследования осуществляют посредством специального тренинга креативности.

Оценка степени проявления недостаточности сформированных научных интересов адъюнктов сопровождалась следующими результатами:

– научные руководители: 73,1 % – встречается; 19,4 % – не встречается; 7,5 % – затрудняюсь ответить;

– адъюнкты: 50,0 % – встречается; 48,3 % – не встречается; 1,7 % – затрудняюсь ответить.

И снова ответы адъюнктов оказались гораздо оптимистичнее ответов их научных руководителей. Сравнение полученных результатов с результатами исследования, проведенного в шести университетах России, где опрашивались аспиранты (354 человека) и научные руководители (24 человека), показывает более радужную картину в гражданских вузах. Так, 53 % опрошенных в этих образовательных организациях могут быть отнесены к аспирантам со сформированными научными интересами, а 16,5 % – к соискателям учёной степени, которые не имеют значимых альтернатив или оказались в аспирантуре случайно [8].

Уточнение степени проявления внеакадемических мотивов у адъюнктов в части преобладающей ориентации на повышение социального статуса или получение социальных льгот после защиты диссертации показало следующие результаты по двум видам мотивов соответственно:

– научные руководители: 65,7 % и 43,3 % – встречается, 22,4 % и 38,8 % – не встречается, 11,9 % и 17,9 % – затрудняюсь ответить;

– адъюнкты: 67,3 % и 43,1 % – встречается, 25,9 % и 51,7 % – не встречается, 6,9 % и 5,2 % – затрудняюсь ответить.

В ответах представителей обеих групп респондентов выявляется общность критической оценки мотивации обучения соискателей в адъюнктуре. Подтверждение полученных результатов находим и в работах других исследователей [2].

Еще один вопрос касался оценки степени проявления низкого уровня методологической грамотности. На него были получены ответы, распределившиеся следующим образом:

– научные руководители: 82,1 % – встречается; 13,4 % – не встречается; 4,5 % – затрудняюсь ответить;

– адъюнкты: 60,4 % – встречается; 36,2 % – не встречается; 3,4 % – затрудняюсь ответить.

Таким образом, большинство опрошенных из обеих групп респондентов отмечают недостаточную сформированность методологических знаний, умений и навыков. Это означает, что в программе обучения адъюнктов необходимо не только предусмотреть курс общенаучной методологии, но и курс частнонаучной методологии, т. е. методологии той отрасли науки, по которой адъюнктом выполняется диссертационное исследование.

Степень проявления низкого научно-творческого потенциала диссертантов была оценена следующим образом:

– научные руководители: 67,2 % – встречается; 25,4 % – не встречается; 7,5 % – затрудняюсь ответить;

– адъюнкты: 53,4 % – встречается; 44,7 % – не встречается; 1,7 % – затрудняюсь ответить.

При сохранении общей тенденции в оценках заметны различия в сторону большей критики способностей диссертантов в оценке их научных руководителей. Однако и большинство адъюнктов с ними также согласно.

По вопросу о влиянии фактора повышения требований к диссертантам на успешность защиты мнения разделились следующим образом:

– научные руководители: 61,2 % – высокий уровень влияния; 22,4 % – средний уровень влияния; 16,5 % – низкий уровень влияния;

– адъюнкты: 60,3 % – высокий уровень влияния; 27,6 % – средний уровень влияния; 12 % – низкий уровень влияния.

Как видим, значимость требовательности к адъюнктам и качеству их диссертаций отмечают большинство как научных руководителей, так и адъюнктов. Вероятно, это одно из важнейших условий качественной подготовки диссертационных исследований.

Среди других факторов оценивалось также влияние усиления гласности в процедуре защиты диссертаций. Результаты опроса распределились так:

– научные руководители: 62,7 % – высокий уровень влияния; 22,4 % – средний уровень влияния; 15 % – низкий уровень влияния;

– адъюнкты: 39,6 % – высокий уровень влияния; 32,8 % – средний уровень влияния; 27,6 % – низкий уровень влияния.

Хотя обе группы респондентов отмечают значимость гласности, научные руководители оценивают эту значимость выше. Вероятно, это связано с их репутационными рисками, возрастающими с усилением гласности.

Изучение влияния ещё одного фактора – затрат времени на обучение по программам подготовки научно-педагогических кадров – привело к следующим результатам:

– научные руководители: 76,1 % – высокий уровень влияния; 16,4 % – средний уровень влияния; 7,5 % – низкий уровень влияния;

– адъюнкты: 69 % – высокий уровень влияния; 22,4 % – средний уровень влияния; 8,6 % – низкий уровень влияния.

Как следует из приведённых данных, и научные руководители, и адъюнкты отводят этому фактору решающую роль. Думается, что переработка учебных планов адъюнктуры в связи с переходом на федеральные государственные требования позволит разрешить данную проблему.

На вопрос о сложности выполнения публикационных требований были получены следующие ответы:

– научные руководители: 55,2 % – высокий уровень влияния; 32,8 % – средний уровень влияния; 12 % – низкий уровень влияния;

– адъюнкты: 56,9 % – высокий уровень влияния; 39,7 % – средний уровень влияния; 3,4 % – низкий уровень влияния.

Большинство опрошенных обеих категорий отметили достаточно сильное влияние на результативность повышения в адъюнктуре макроакадемического фактора повышения требований к публикациям.

Последним из рассмотренных в рамках опроса факторов была названа недостаточная популяриза-

ция науки в обществе. Отношение к этому фактору распределилось следующим образом:

– научные руководители: 37,3 % – высокий уровень влияния; 31,3 % – средний уровень влияния; 31,3 % – низкий уровень влияния;

– адъюнкты: 46,6 % – высокий уровень влияния; 29,3 % – средний уровень влияния; 24,1 % – низкий уровень влияния.

Как видим, при совпадении общей тенденции молодые исследователи оказались более чувствительными к обсуждаемому социальному фактору.

Ответы на открытый вопрос об основных причинах снижения количества защит кандидатских диссертаций соискателями, завершившими обучение по программам подготовки научно-педагогических кадров, были сгруппированы по семантическому признаку и могут быть представлены в обобщённом виде таким образом:

– научные руководители: 22 высказывания (32,4 %) – социально-обусловленные причины, не зависящие от образовательной организации, научных руководителей и адъюнктов; 33 высказывания (48,5 %) – внутривузовские причины, связанные с нерациональной организацией процесса обучения адъюнктов и подготовки ими диссертаций; 8 высказываний (11,8 %) – причины, связанные с некачественным научным руководством; 36 высказываний (52,9 %) – причины, связанные с негативными личностными характеристиками адъюнктов, в первую очередь, с их низкой мотивацией;

– адъюнкты: 16 высказываний (27,6 %) – социально обусловленные причины, не зависящие от образовательной организации, научных руководителей и адъюнктов; 15 высказываний (25,9 %) – внутривузовские причины, связанные с нерациональной организацией процесса обучения адъюнктов и подготовки ими диссертаций; 3 высказывания (5,2 %) – причины, связанные с некачественным научным руководством; 7 высказываний (12,1 %) – причины, связанные с негативными личностными характеристиками адъюнктов, в первую очередь, с низкой мотивацией.

Разброс оценки причин показывает, что более половины научных руководителей считают главной причиной недостаточной эффективности деятельности адъюнктуры личностные качества обучающихся, среди которых, по их мнению, преобладает низкая мотивация к обучению и защите диссертации. Следующую по значимости группу причин, выделяемых научными руководителями, составляют причины, связанные с неверными организационными решениями, принимаемыми на уровне вуза. Третью группу причин образуют внешние факторы влияния со стороны общества.

Результаты опроса обучающихся показывают примерно одинаковую значимость для них социально обусловленных и внутривузовских причин. В качестве третьей по значимости группы ими выделены причины, связанные с негативными личностными характеристиками соискателей, среди которых также более всего обращает на себя внимание недостаточная мотивация на присуждение учёной степени.

Полученные качественные результаты уточняют и конкретизируют ранее выполненные по теме неэффективности аспирантур исследования [9; 10], в которых в качестве главных причин называются несоответствие систем государственной научной аттестации и подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре, низкое качество набора в аспирантуру и низкое качество научного руководства.

Заключение

Полученные методом опроса результаты позволяют сделать некоторые содержательные выводы об актуальных проблемах эффективной подготовки научных и научно-педагогических кадров в образовательной организации высшего образования МВД России.

1. Большинство респондентов (как научных руководителей, так и адъюнктов) сошлись в выделении в качестве наиболее острых проблем подготовки научных и научно-педагогических кадров следующих:

– в социальной и макронаучной сфере: недостаточная популяризация науки в обществе; возникающие у молодых учёных затруднения в связи с возрастающими требованиями к результатам исследовательской деятельности и усилением гласности в ходе защиты;

– в области внутривузовской организации процесса подготовки: организационные трудности по изменению темы в процессе исследования; недостаток отведённого времени на научно-исследовательскую работу адъюнктов; отсутствие необходимого гибкого графика консультаций с научным руководителем;

– в части взаимодействия адъюнкта с научным руководителем: недостаточное содействие научного руководителя соискателю на различных этапах исследования; выбор темы исследования без совместного учёта научных интересов руководителя и диссертанта;

– в области когнитивной и психологической готовности адъюнктов к выполнению научного исследования: низкий уровень научных интересов, методологической грамотности и научно-творческого потенциала диссертантов; внеучная прагматическая мотивация в отношении присуждения учёной степени.

2. Заметные различия в определении научными руководителями и адъюнктами проблем подготовки научных и научно-педагогических кадров могут быть преимущественно объяснены двухполюсным распределением ответственности за негативные результаты подготовки среди представителей этих двух групп опрошенных, а именно: осознанием репутационных рисков научными руководителями и смещением локуса контроля в сторону руководителей и внешних факторов у адъюнктов.

3. Часть выявленных в ходе опроса проблем может быть решена посредством внутривузовской оптимизации процесса адаптации адъюнктов к актуальным научным требованиям, совершенствования процедур отбора наиболее подготовленных кандидатов на обучение, акцентированного обучения общенаучной и частнонаучной методологии проведения исследований, установления рационального временного режима подготовки адъюнктов и создания условий для более заинтересованного сотрудничества научных руководителей с диссертантами.

4. Ряд обсуждаемых проблем (например, дисбаланс времени адъюнктов на обучение и исследовательскую работу, недостаточность их методологической подготовки и др.) может быть решён также в ходе реализуемой в настоящее время перестройки деятельности адъюнктуры и нормативной ориентации процесса подготовки научных и научно-педагогических кадров на федеральные государственные требования.

Благодарности

Автор благодарит доктора педагогических наук, профессора Н. В. Сердюк и кандидата педагогических наук Е. Н. Гордееву за содействие в организации опроса.

Список литературы

1. *Мальшева М. М.* Стратегии воспроизводства интеллектуального ядра вузов в условиях старения профессорско-преподавательского состава // *Народонаселение*. – 2012. – № 2. – С. 86–93.
2. *Ярашева А. В., Аксенова Е. И.* Проблемы воспроизводства научных кадров глазами руководителей институтов // *Народонаселение*. – 2018. – № 4. – С. 105–118.
3. *Рогожкин А. В.* Кадры российской науки: проблемы дефицита и карьерного роста // *Экономика и управление*. – 2012. – № 7 (81). – С. 12–16.
4. *Хохлова Н. И., Рустамова Л. Р.* Проблема подготовки научно-педагогических кадров в высшей школе // *Вестник Брянского государственного университета*. – 2017. – № 4 (34). – С. 335–342.
5. *Брессо Т. И.* Роль мотивации в формировании успешной деятельности в науке // *Наука и современность*. – 2010. – № 7-1. – С. 27–31.
6. *Козубцев И. Н.* Рекомендации научным руководителям по организации и развитию методологической компетентности у аспирантов // *Концепт*. – 2013. – № 12. – С. 1–11.
7. *Зинченко В. О., Яковенко Т. В.* Развитие креативного потенциала студентов университета // *Ученые записки Орловского государственного университета*. – 2021. – № 3 (92). – С. 209–215.
8. *Терентьев Е. А. и др.* Зачем сегодня идут в аспирантуру: типологизация мотивов российских аспирантов // *Вопросы образования*. – 2020. – № 1. – С. 40–69.
9. *Терентьев Е. А., Бекова С. К., Малошонок Н. Г.* Кризис российской аспирантуры: источники проблем и возможности их преодоления // *Университетское управление: практика и анализ*. – 2018. – № 22 (5). – С. 54–66.
10. *Бедный Б. И., Воронин Г. Л., Миронос А. А., Рыбаков Н. В.* Барьеры на пути к учёной степени: проблемы постаспирантского периода // *Университетское управление: практика и анализ*. – 2021. – Т. 25. – № 1. – С. 35–48.

References

1. *Malysheva M. M.* Strategii vosproizvodstva intellektual'nogo yadra vuzov v usloviyakh stareniya professorsko-prepodavatel'skogo sostava // *Narodonaseleniye*. – 2012. – № 2. – S. 86–93.
2. *Yarasheva A. V., Aksenova Ye. I.* Problemy vosproizvodstva nauchnykh kadrov glazami rukovoditeley institutov // *Narodonaseleniye*. – 2018. – № 4. – S. 105–118.
3. *Rogozhkin A. V.* Kadry rossiyskoy nauki: problemy defitsita i kar'yernogo rosta // *Ekonomika i upravleniye*. – 2012. – № 7 (81). – S. 12–16.
4. *Khokhlova N. I., Rustamova L. R.* Problema podgotovki nauchno-pedagogicheskikh kadrov v vysshey shkole // *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2017. – № 4 (34). – S. 335–342.
5. *Bresso T. I.* Rol' motivatsii v formirovaniy uspezhnoy deyatel'nosti v nauke // *Nauka i sovremennost'*. – 2010. – № 7-1. – S. 27–31.
6. *Kozubtsev I. N.* Rekomendatsii nauchnym rukovoditelyam po organizatsii i razvitiyu metodologicheskoy kompetentnosti u aspirantov // *Kontsept*. – 2013. – № 12. – S. 1–11.
7. *Zinchenko V. O., Yakovenko T. V.* Razvitiye kreativnogo potentsiala studentov universiteta // *Uchenyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2021. – № 3 (92). – S. 209–215.
8. *Terent'yev Ye. A. i dr.* Zachem segodnya idut v aspiranturu: tipologizatsiya motivov rossiyskikh aspirantov // *Voprosy obrazovaniya*. – 2020. – № 1. – S. 40–69.
9. *Terent'yev Ye. A., Bekova S. K., Maloshonok N. G.* Krizis rossiyskoy aspirantury: istochniki problem i vozmozhnosti ikh preodoleniya // *Universitetskoye upravleniye: praktika i analiz*. – 2018. – № 22 (5). – S. 54–66.
10. *Bednyy B. I., Voronin G. L., Mironos A. A., Rybakov N. V.* Bar'yery na puti k uchonoy stepeni: problemy postaspirantskogo perioda // *Universitetskoye upravleniye: praktika i analiz*. – 2021. – T. 25. – № 1. – S. 35–48.

Статья поступила в редакцию 30.12.2021; одобрена после рецензирования 31.01.2022; принята к публикации 10.02.2022.

The article was submitted December 30, 2021; approved after reviewing January 31, 2022; accepted for publication February 10, 2022.

Психология труда и инженерная психология, когнитивная эргономика

Научная статья
УДК 159.9.072
doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-217-224

Наталья Андреевна Гончарова

кандидат психологических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0003-0795-4969>, goncharova_n@bk.ru

Александра Михайловна Иванова

кандидат психологических наук

<https://orcid.org/0000-0002-2267-7309>, ivanova_alex@mail.ru

*Санкт-Петербургский университет МВД России,
198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1*

Дифференциально-психологический анализ особенностей психологической устойчивости сотрудников органов внутренних дел

Аннотация. Проблема психологической устойчивости находится в фокусе внимания морально-психологической подготовки сотрудников органов внутренних дел и выступает одним из актуальных факторов, обеспечивающих развитие психологических ресурсов личности, необходимых субъекту в сложных условиях профессиональной деятельности. Научные исследования данной проблемы в рамках теоретического анализа явления устойчивости достигли определённого предела, в связи с чем назрела острая необходимость в дифференциальных исследованиях особенностей устойчивых и неустойчивых субъектов деятельности. В соответствии с такой постановкой проблемы цель представленного в статье эмпирического исследования состояла в определении личностных особенностей параметров психологической устойчивости сотрудников органов внутренних дел. Выборку исследования составили сотрудники органов внутренних дел, распределённые на две группы: устойчивые ($n = 49$) и неустойчивые ($n = 36$) по значениям различий параметров нервно-психической устойчивости. В числе методов исследования применялись: метод структурной группировки данных, психодиагностическое исследование, методы математико-статистического анализа. Результаты исследования позволили выявить выраженность особенностей психологической устойчивости сотрудников органов внутренних дел, определить характеристики личностных показателей устойчивости, изучить дифференциальные показатели устойчивости. В исследовании установлено, что устойчивые сотрудники обладают способностями к быстрому восстановлению нервно-психологических ресурсов, выработке навыков изменения способов поведения в условиях давления среды, сохранению стабильности и уравновешенности поведения. Выявлены особенности устойчивых сотрудников органов внутренних дел, согласующиеся с имеющимися данными аналогичных исследований, проведённых отечественными и зарубежными исследователями, представленные в более высоких достоверных значениях показателей волевой организации личности и волевой саморегуляции, самоконтроля, активности, настойчивости, решительности, самообладания. Практическая ценность исследования состоит в возможности использования результатов, установленных личностных особенностей для решения задач развития психологической устойчивости сотрудников органов внутренних дел при организации морально-психологической подготовки.

Ключевые слова: психологическая устойчивость, сотрудники органов внутренних дел, устойчивость личности, волевая организация личности, показатели психологической устойчивости, волевая саморегуляция, нервно-психическая устойчивость

Для цитирования: Гончарова Н. А., Иванова А. М. Дифференциально-психологический анализ особенностей психологической устойчивости сотрудников органов внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 1 (93). – С. 217–224; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-217-224.

Natalia A. Goncharova

Cand. Sci. (Psy.), Docent

<https://orcid.org/0000-0003-0795-4969>, goncharova_n@bk.ru

Alexandra M. Ivanova

Cand. Sci. (Psy.)

<https://orcid.org/0000-0002-2267-7309>, ivanova_alex@mail.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Differential psychological analysis of the features of psychological stability of the law enforcement officials

Abstract: Psychological training of the law enforcement officials focuses on the problem of psychological stability – one of the relevant factors ensuring the development of the psychological resources of the individual, necessary for the police officers in the rough professional conditions. Scientific studies of this problem within the framework of the theoretical analysis of the phenomenon of stability have reached a certain limit, and therefore there is an urgent need for differential studies of the features of stable and unstable actors. According to the problem setting, the purpose of the research presented in the article was to determine the personal characteristics of the parameters of the psychological stability of the law enforcement officials. The study sample consisted of the law enforcement officials divided into two groups: stable ($n = 49$) and unstable ($n = 36$), in accordance with the differences in the indicators of neuropsychic stability. The author used the method of a structural grouping of data, psychodiagnostic analysis, methods of mathematical and statistical analysis. The results of the study made it possible to identify the degree of the features of the psychological stability of police officers, to determine the characteristics of personal indicators of stability, to explore the differential indicators of stability. The study found that stable employees have the ability to quickly restore neuropsychological resources, develop skills to change behaviors under environmental pressure, maintain stability and balance in behavior. The revealed features of stable law enforcement officials are consistent with the available data of similar studies conducted by domestic and foreign researchers, but also show the higher degree of indicators of the volitional organization of the personality and volitional self-regulation, self-control, energy, perseverance, determination, self-control. On the practical side, the research offers a possibility to use the established personal characteristics to solve the problems of developing the psychological stability of police officers in the organization of psychological training and raising morale.

Keywords: psychological stability, law enforcement officials, personality stability, volitional organization of personality, indicators of psychological stability, volitional self-regulation, neuropsychic stability

For citation: Goncharova N. A., Ivanova A. M. Differential psychological analysis of the features of psychological stability of the law enforcement officials // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 1 (93). – P. 217–224; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-217-224.

Введение

Проблема психологической устойчивости выступает в качестве одной из значимых для деятельности сотрудников правоохранительных органов, и её решение сохраняет свою актуальность в условиях систематичности вызовов профессии. Несмотря на то, что устойчивость в разных её проявлениях достаточно подробно

рассматривается в теоретических трудах учёных, её практическая ценность состоит в создании условий для развития специфических способностей личности, обеспечивающих возможность противостояния отрицательным воздействиям среды, негативным эмоциональным реакциям, состоянию стресса и кризисам. Актуальность проблемы исследования определяется

необходимостью формирования индивидуальных стратегий преодоления сложных обстоятельств деятельности сотрудников органов внутренних дел.

В решении данной проблемы сохраняется множество противоречий, связанных с трактовкой понятия устойчивости, выделением характерных критериев, дифференциально-психологическим анализом особенностей устойчивого и неустойчивого субъекта, совершенствованием методов развития психологической устойчивости. Проблема психологической устойчивости тесно связана с личностными показателями, которые лежат в основе целостности психической системы, способной, с точки зрения Л. И. Божович, к саморегуляции [1]. В рамках учения о структуре личности К. К. Платонова устойчивость обеспечивается динамическими свойствами темперамента, которые позволяют индивиду регулировать собственные состояния, и таковыми выступают пластичность, лабильность, интенсивность [2]. Разделяя понятия «устойчивости организма» и «устойчивости личности», В. Э. Чудновский подчёркивает её нравственные критерии, которые являются результатом воспитания и выражены в активности и самоорганизации [3].

Устойчивость как стабильное свойство личности обсуждается в классических трудах Б. Г. Ананьева, А. Н. Леонтьева, В. Н. Мясищева, С. Л. Рубинштейна, определяющих структуру личности как стабильную, целостную иерархическую конфигурацию, формирующуюся в отношениях и связях человека с миром [4; 5; 6]. Это позволяет предположить, что устойчивые свойства не даны индивиду изначально, а формируются в отношениях личности в процессе саморегуляции в деятельности, обладают динамичностью и пластичностью, необходимой для адаптации в изменяющихся условиях среды. В соответствии с таким пониманием психологическая устойчивость является сформированным специфическим адаптационным ответом субъекта на сложные обстоятельства деятельности.

При анализе научных представлений о психологической устойчивости выявляется парадокс, связанный с тем, что устойчивость, с одной стороны, – это характеристика субъекта, обладающего стабильными качествами личности, а с другой стороны, устойчивость определяют возможности пластичности свойств, скоростного их изменения и восстановления в зависимости от требований среды. Следует понимать, что в устойчивости большее значение имеют не характеристики статичности, а скорее, наоборот, качества, им противопоставленные. Устойчивость предполагает динамическую активность субъекта и саморегуляцию, направленную на поиск способов преодоления трудностей и сохранения гомеостаза. Данный факт отмечается в исследованиях стрессоустойчивости, где обсуждается её динамический характер. Устойчивость связана с изменением активности в соответствии с вызовами среды, и пластичностью как возможностью когнитивной оценки сложной ситуации, коррекции мотивации, це-

лей, поведения [7]. Тут следует отметить и зависимость устойчивости от особенностей потребностно-мотивационной сферы, рефлексии, самосознания, саморегуляции и самоконтроля, что подчёркивается в комплексных теоретических исследованиях психологической устойчивости О. В. Фарапоновой, З. М. Хизроевой [8; 9].

Анализ показателей психологической устойчивости показывает, что в характеристиках личности чаще всего обсуждается её интегративность. В соответствии с таким пониманием в изучении явления психологической устойчивости анализу подвергается совокупный комплекс личностных свойств, который выступает как фактор, обеспечивающий надёжность, успешность и благополучие субъекта деятельности. Это доказано в эмпирических исследованиях, проведённых Б. Б. Величковским и М. И. Марьиным, которые установили, что устойчивые субъекты обладают более высоким уровнем контроля стрессовых состояний и надёжностью деятельности. Эффективность самоконтроля обуславливает возможности адекватной пластичной адаптации, «использования разнообразных копинг-стратегий, соответствующих особенностям ситуации при осложнении условий деятельности» [10, с. 45].

В числе показателей устойчивости П. А. Кисляков с соавторами рассматривает также комплекс переменных, отражающих возможности адаптационного потенциала и управления ресурсами личности, высокий уровень мотивации к самореализации, способность к прогнозированию рисков, продуктивные копинг-стратегии, социокультурную идентичность [11]. В работе А. С. Душкина установлены качества эмоциональной устойчивости, требующие внимания в обеспечении успешности оперативно-служебной деятельности сотрудников полиции, к числу которых отнесены эмоциональная сдержанность, способность к волевому усилию, способность к длительному волевому напряжению, подавлению негативных эмоциональных проявлений, эмоционально-волевой мобилизации [12].

В зарубежных исследованиях показатели устойчивости носят более определённый характер. Так, в работе N. S. Roslan с соавторами в качестве значимых показателей в обеспечении устойчивости выступают качества упорства, настойчивости, рефлексии, контроля и ориентации на рост, активности и адаптивности [13]. Значимыми характеристиками устойчивой личности названа способность к эффективной регуляции эмоций в направлении их положительного полюса, которые М. М. Tugade и В. L. Fredrickson считают важным условием борьбы со стрессовыми ситуациями, восстановлением работы сердечно-сосудистой системы вслед за негативным переживанием [14]. Это значит, что ведущим элементом устойчивости выступает положительная эмоциональность, которая детерминирует возможности субъекта гибко реагировать и адаптироваться, помогает в достижении ускоренного восстановления сердечно-сосудистой системы после негативно-эмоционального возбуждения по сравнению

с менее устойчивыми лицами, испытывающими относительно меньшее количество положительных эмоций.

Качества оптимистичности, энтузиазма, активности и энергичности, способность к «эго-контролю» и интеллектуальному осмыслению обстоятельств в ситуации затруднений обсуждают в своих работах Zh. Blok, A. M. Flint, R. S. Lazarus [15; 16; 17].

В международных обзорах по вопросам спорта и устойчивости в данной сфере деятельности рассматриваются условия её повышения за счёт формирования определённых свойств личности, связанных с мотивацией, наличием цели, психологической поддержкой. Такие качества обеспечивают динамичность в регуляции активности и, с точки зрения С. Brian С., O'Shea и Т. McIntyre, являются скорее приобретёнными навыками, необходимыми для того, чтобы выдерживать давление, оказываемое на человека [18]. Подчёркиваются факторы стабильности качеств, которые в отечественной психологии относят к психодинамическим характеристикам личности, и изменчивости пластичных элементов психики, которые «податливы к изменениям» и выступают в качестве «социальных ресурсов» [18].

В работах по управлению стрессом О. Nuttman-Schwartz, и О. Green предлагают понимание устойчивости как существенного психологического ресурса, доступного по причине возможности развития и формирования качеств устойчивости [19]. Эти ресурсы используются субъектом не только в ситуациях воздействия стрессоров, но также позволяют достигать эффективных результатов и успешности в стандартных обстоятельствах деятельности. В исследованиях на данную тему, проведённых А. S. Masten, М. G. Reed, отмечается, что устойчивость как многогранный феномен включает совокупность личностных качеств, основными из которых являются активность и позитивное отношение, наличие опыта и обученности, контроль, гибкость и адаптивность, баланс и перспектива, способность воспринимать социальную поддержку [20].

Полученные результаты теоретического анализа проблемы психологической устойчивости показывают, что дифференциальных исследований, направленных на анализ особенностей устойчивых и неустойчивых субъектов деятельности, в отечественных публикациях крайне мало, поэтому цель исследования была определена задачами выявления актуальных характеристик устойчивой личности в сравнении с неустойчивой.

Цель исследования: произвести дифференциально-психологический анализ психологической устойчивости сотрудников органов внутренних дел и выявить особенности личностных свойств, волевых качеств, эмоциональной саморегуляции и активности устойчивой личности.

Организация и методы исследования. Исследование показателей психологической устойчивости осуществлялось на основе полученных дифференциальных показателей двух групп сотрудников органов внутренних дел (n =

85). Общая выборка была разделена на две подгруппы – устойчивые (n = 49) и неустойчивые (n = 36) – при помощи метода структурной группировки. Признаком группировки выступили показатели нервно-психической устойчивости личности. Вариационный ряд распределения соответствовал критерию нормального распределения. Для определения статистических различий между группами по иным показателям был применён U-критерий Манна-Уитни. Математическая обработка полученных количественных значений была выполнена с помощью стандартных компьютерных программ SPSS Statistics-21, Microsoft Excel. Психодиагностические показатели исследования получены в ходе тестирования по методикам: анкета «Прогноз-2» (В. Ю. Рыбников); Индивидуально-типологический опросник (Л.Н. Собчик); Методика исследования волевой организации личности (А. А. Хохлов), Тест-опросник «Исследование волевой саморегуляции» (А. В. Зверьков, Е. В. Эйдман).

Результаты исследования. Особенности межгрупповых различий были рассмотрены по каждой методике, в результате чего установлено, что в группе устойчивых лиц значения нервно-психической устойчивости соответствуют параметрам «высокий уровень», в группе неустойчивых показатели соответствуют значениям «низкий уровень» (рис. 1).

В сравнении средних значений выявлены достоверные различия между группами при $p \leq 0,01$ ($U = 7,56 \pm 0,74 / 3,89 \pm 1,2$). Это позволяет предположить наличие способности к саморегуляции в группе устойчивых лиц, навыков самоуправления и противостояния негативным воздействиям среды. В группе неустойчивых определяется неспособность к адекватным реакциям в сложных обстоятельствах, склонность к срывам в деятельности.

Наибольшее количество значимых различий установлено между группами в значениях волевой организации личности. В группе устойчивых установлены высокие значения общего показателя саморегуляции и признаков «ценностно-смысловая организация личности», «организация деятельности», «решительность», «настойчивость», «самообладание».

Высокие значения общего показателя волевой саморегуляции отражают наличие опыта, способности к коррекции поступков и самовоспитанию, не требующих дополнительного подкрепления. Исходя из показателей средних значений по данной методике, волевые качества в группе неустойчивых развиты в достаточной мере, однако по сравнению с группой устойчивых уровень развития качеств достоверно ниже (табл. 1).

Уровень развития волевой саморегуляции в обеих группах соответствует нормативным значениями, что определяет сотрудников как лиц, способных к сознательному управлению своими действиями, состояниями и мотивацией. Однако выявленные достоверные различия между значениями групп показывают преимущества группы устойчивых в проявлениях настойчивости и самообладания. В сравнении

с группой неустойчивых отмечается эмоциональная зрелость, активность, независимость, развитое чувство долга. Характерным является стремление целенаправленно реализовать цели, распределять усилия, социально-позитивная направленность.

Различия в показателях индивидуально-типологических особенностей установлены в значениях шкалы «тревожность» (рис. 2).

Исследованные группы достоверно различаются по признаку тревожности, уровень которой выше в группе неустойчивых ($U = 2,67 \pm 1,08 / 3,61 \pm 1,01$, при $p \leq 0,01$). Для них характерны высокая эмоциональность, восприимчивость и переживание незащищённости.

Обсуждение результатов

Проведённый анализ различий психологических характеристик групп устойчивых и неустойчивых сотрудников органов внутренних дел показал, что существуют достоверно значимые показатели психологической устойчивости личности, которые зависят от уровня нервно-психической устойчивости и определяют возможность субъекта к быстрому восстановлению ресурсов. Результаты исследования подтверждают существующие в отечественной психологии положения о том, что психологическая устойчивость может рассматриваться как «устойчивость организма» и «устойчивость личности» [3]. Это значит, что лица, обладающие нервно-психической устойчивостью и отсутствием тревожности как показателей индивидуально-типологических свойств, значительно быстрее вырабатывают необходимые навыки устойчивого поведения и способности к изменению способов сопротивления давлению среды.

Важными результатами проведённого исследования являются полученные различия между значениями показателей волевой организации личности, волевой саморегуляции групп устойчивых и неустойчивых сотрудников. Эти качества являются определяющими в морально-этической организации личности представителей группы устойчивых, а также формирования смысловых установок и нормативного поведения. Группа

устойчивых отличается решительностью, самостоятельностью, самообладанием, способностью к выбору альтернативных действий в решении скоростных и сложных задач, устойчивостью выбранной линии поведения, контролем над поведением и деятельностью, выбором адекватных действий в критических ситуациях. Неустойчивые отличаются высокой чувствительностью, эмоциональной неустойчивостью, неуверенностью, импульсивностью действий, невысоким уровнем рефлексивности, неуверенностью в выборе способов действий, низким самоконтролем.

Полученные в исследовании результаты согласуются с имеющимися в зарубежных исследованиях данными о совокупности свойств личности, определяющих психологическую устойчивость. Так установленные показатели отсутствия тревожности в группе устойчивых и, как следствие, оценки сложной ситуации в качестве доступной для совладания, наличие способностей к саморегуляции подтверждают выводы, полученные в работах Tugade, Roslan [13; 12]. Выявленный высокий уровень самобладания и самоконтроля, активности, положительного мышления в осознании смысла жизни и организации деятельности, согласуется с результатами об уровне «эго-контроля» устойчивых лиц, отражёнными в работах Blok, Flint, Lazarus [15; 16].

Выявленные индивидуально-психологические различия в показателях психологической устойчивости позволяют организовывать дифференцированный подход к организации деятельности сотрудников органов внутренних дел, морально-психологической подготовке и прогнозировать риски девиантного поведения.

Заключение

В научной литературе, посвящённой исследованию проблем психологической устойчивости, подчёркивается многоаспектность данного понятия, в содержании которого обсуждаются эмоциональная и нервно-психическая устойчивость, стрессоустойчивость и стабильность поведения, моральная устойчивость и способность к саморегуляции. Активно ведутся споры о том,

Примечание: * $p \leq 0,01$.

Рисунок 1. Различия в показателях нервно-психической устойчивости сравниваемых групп (анкета «Прогноз-2»)

Сравнение значимых различий показателей групп с низким и высоким уровнем психологической устойчивости

Показатели устойчивости	Устойчивость M ± σ	Неустойчивость M ± σ	U	p ≤
<i>Методика исследования волевой организации личности (А. А. Хохлов)</i>				
Ценностно-смысловая организация личности	16,8 ± 4,01	14,05 ± 4,8	585,0*	0,01
Организация деятельности	15,6 ± 2,02	14,3 ± 4,0	584,5*	0,01
Решительность	18,5 ± 3,7	15,5 ± 2,5	491,0*	0,01
Настойчивость	19,4 ± 3,6	15,9 ± 4,1	457,5*	0,01
Самообладание	14,5 ± 2,9	13,47 ± 4,9	555,0*	0,01
Общий показатель	104,7 ± 14,1	89,47 ± 20,8	499,0*	0,01
<i>Тест-опросник «Исследование волевой саморегуляции» (А. В. Зверьков, Е. В. Эйдман)</i>				
Общая шкала	20,57 ± 2,5	17,7 ± 4,1	479,0*	0,01
Настойчивость	13,8 ± 1,94	11,8 ± 2,9	519,5*	0,01
Самообладание	11,1 ± 1,54	8,8 ± 2,2	363,0*	0,01

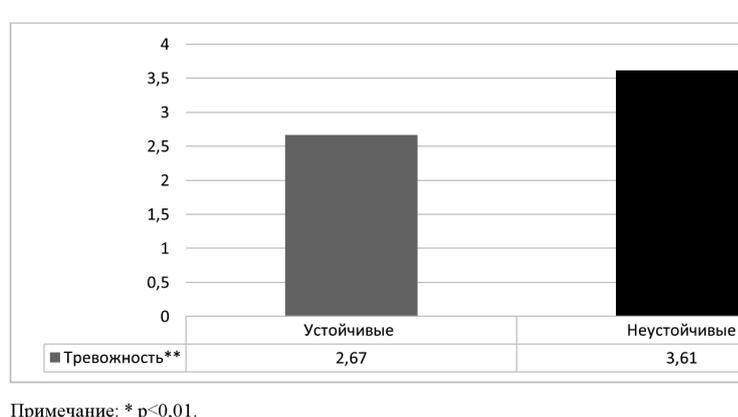
Примечание: * p ≤ 0,05.

является устойчивостью свойством личности или это специфический процесс адаптационного характера, активизирующийся в сложных жизненных обстоятельствах. Практически все исследования в данной области отмечают факт зависимости устойчивости от наличия способности к восстановлению, выносливости, сопротивлению, что в стрессовых обстоятельствах позволяет быстро адаптироваться и удерживать в поле контроля собственные психические процессы и состояния.

Проведённый дифференциально-психологический анализ психологической устойчивости сотрудников органов внутренних дел показал наличие достоверно значимых различий в характеристиках личности представителей устойчивых и неустойчивых групп. Установлены показатели психологической устойчивости, свидетельствующие о возможности стабильных реакций, нервно-психической устойчивости, спокойствии, уверенности и надёжности. Выявленную психологическую устойчивость сотрудников органов внутренних дел характеризуют свойства личности, позволяющие эффективно справиться

со сложными ситуациями деятельности, представленные в совокупности показателей активности, волевой саморегуляции, настойчивости, решительности, самообладания. Психологически устойчивые сотрудники обладают способностью к организации собственной деятельности в соответствии с ценностно-смысловыми установками, когнитивной оценкой ситуации, эмоционально зрелым восприятием, реалистичностью взглядов. Они отличаются от неустойчивых умениями рефлексии, развитым чувством долга, социально-позитивной направленностью личности, мобилизацией и готовностью к решительным действиям в ситуации неопределённости и тревоги.

Полученные эмпирические результаты имеют широкие перспективы для дальнейших исследований в направлении оценки интегральных показателей психологической устойчивости, исследования когнитивных свойств личности во взаимосвязи с показателями эмоционально-волевой организации и устойчивости, анализа факторов, детерминирующих психологическую устойчивость личности.

Примечание: * p ≤ 0,01.

Рисунок 2. Различия в показателях индивидуально-типологических особенностей (Индивидуально-типологический опросник Л. Н. Собчик)

Список литературы

1. Божович Л. И. Личность и её формирование в детском возрасте. – Москва: Просвещение, 1968. – 464 с.
2. Платонов К. К. Структура и развитие личности. – Москва: Наука, 1986. – 256 с.
3. Чудновский В. Э. К вопросу о психологической сущности устойчивости личности // Вопросы психологии. – 1978. – № 2. – С. 23–34.
4. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. – Санкт-Петербург: Питер, 2001. – 288 с.
5. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. – Москва: Смысл; Академия, 2005. – 352 с.
6. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – Санкт-Петербург: Питер, 2010. – 713 с.
7. Лазарус Р. С. Теория стресса и психофизиологические исследования / Эмоциональный стресс. – Москва, 1970. – С. 178–209.
8. Хизроева З. М. Основные направления исследования устойчивости личности в психологии // Известия ДГПУ. – 2014. – № 2. – С. 17–21.
9. Фарапонова О. В. Проблема изучения психологической устойчивости личности // Российский психологический журнал. – 2008. – Т. 4. – № 4. – С. 90–92.
10. Величковский Б. Б., Марьян М. И. Комплексная диагностика индивидуальной устойчивости к стрессу в рамках модели «состояние – устойчивая черта» // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. – 2007. – № 2. – С. 34–46.
11. Кисляков, П. А., Меерсон А.-Л. С., Егорова П. А. Показатели психологической устойчивости личности к социокультурным угрозам и негативному информационному воздействию // Вестник Мининского университета. – 2020. Т. 8. – № 2. – С. 2–11.
12. Душкин А. С. Психолого-педагогические технологии формирования эмоционально-волевой устойчивости у сотрудников полиции : монография. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2016. – 143 с.
13. Roslan N. S., Yusoff M. S. B., Razak A. A., Morgan K. What are the general themes of psychological resilience? Metasynthesis of qualitative research // International Journal of Environmental Research and Public Health. – 2022. – Vol. 19 (1). – P. 469. – DOI: 10.3390/ijerph19010469.
14. Tugade, M. M., Fredrickson B. L. Resilient people use positive emotions to recover from negative emotional experiences // J Pers Soc Psychol. – 2004. – Vol. 86 (2). – P. 320–333. – DOI: 10.1037/0022-3514.86.2.320
15. Block J. H., Block J. The role of ego control and ego stability in the emergence of behavior / ed. W.A. Collings / Minnesota Symposia in Child Psychology. Hillsdale, – N.J.: Erlbaum, 1980. – Vol. 13. – P. 39–101.
16. Blok Zh., Flint A. M. IQ and ego resistance: conceptual and empirical connections and separateness // Journal of Personality and Social Psychology. – 1996. – Vol. 70. – P. 349–361.
17. Lazarus R. S. From psychological stress to emotions: the history of changing views // Annual Review of Psychology. – 1993. – Vol. 44. – P. 1–21.
18. Brian C., O'Shea D., McIntyre T. Highlighting the importance of sustainability: A systematic review of sustainability across all areas of sport and work // Sports and Exercise Psychology International. – 2019. – Vol. 12 (1). – P. 70–111. DOI: 10.1080/1750984X.2017.1381140.
19. Nuttman-Schwartz O., Green O. The Truths of Resilience: Injury Resilience Workers' Perspectives on Resilience in Continuous Traumatic Situations // International Journal of Stress Management. – 2021. – Vol. 28 (1). – P. 1–10. – DOI:10.1037/str0000223.
20. Masten A. S., Reed M. G. Sustainability in Development / Handbook of Positive Psychology . – London: Oxford University Press, 2002. – P. 74–88.

References

1. Bozhovich L. I. Lichnost' i yeyo formirovaniye v detskom vozraste. – Moskva: Prosveshcheniye, 1968. – 464 s.
2. Platonov K. K. Struktura i razvitiye lichnosti. – Moskva: Nauka, 1986. – 256 s.
3. Chudnovskiy V. E. K voprosu o psikhologicheskoy sushchnosti ustoychivosti lichnosti // Voprosy psikhologii. – 1978. – № 2. – S. 23–34.
4. Anan'yev B. G. Chelovek kak predmet poznaniya. – Sankt-Peterburg: Piter, 2001. – 288 s.
5. Leont'yev A. N. Deyatel'nost'. Soznaniye. Lichnost'. – Moskva: Smysl; Akademiya, 2005. – 352 s.
6. Rubinshteyn S. L. Osnovy obshchey psikhologii. – Sankt-Peterburg: Piter, 2010. – 713 s.
7. Lazarus R. S. Teoriya stressa i psikhofiziologicheskkiye issledovaniya / Emotsional'nyy stress. – Moskva, 1970. – S. 178–209.
8. Khizroyeva Z. M. Osnovnyye napravleniya issledovaniya ustoychivosti lichnosti v psikhologii // Izvestiya DGPU. – 2014. – № 2. – S. 17–21.
9. Faraponova O. V. Problema izucheniya psikhologicheskoy ustoychivosti lichnosti // Rossiyskiy psikhologicheskij zhurnal. – 2008. – Т. 4. – № 4. – S. 90–92.
10. Velichkovskiy B. B., Mar'in M. I. Kompleksnaya diagnostika individual'noy ustoychivosti k stressu v ramkakh modeli «sostoyaniye – ustoychivaya cherta» // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psikhologiya. – 2007. – № 2. – S. 34–46.
11. Kislyakov, P. A., Meyerson A.-L. S., Yegorova P. A. Pokazateli psikhologicheskoy ustoychivosti lichnosti k sotsiokul'turnym ugrozam i negativnomu informatsionnomu vozdeystviyu // Vestnik Mininskogo universiteta. – 2020. Т. 8. – № 2. – S. 2–11.

12. *Dushkin A. S.* Psikhologo-pedagogicheskiye tekhnologii formirovaniya emotsional'no-volevoy ustoychivosti u sotrudnikov politsii : monografiya. – Sankt-Peterburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii, 2016. – 143 s.
13. *Roslan N. S., Yusoff M. S. B., Razak A. A., Morgan K.* What are the general themes of psychological resilience? Metasynthesis of qualitative research // *International Journal of Environmental Research and Public Health.* – 2022. – Vol. 19 (1). – P. 469. – DOI: 10.3390/ijerph19010469.
14. *Tugade, M. M., Fredrickson B. L.* Resilient people use positive emotions to recover from negative emotional experiences // *J Pers Soc Psychol.* – 2004. – Vol. 86 (2). – P. 320–333. – DOI: 10.1037/0022-3514.86.2.320.
15. *Block J. H., Block J.* The role of ego control and ego stability in the emergence of behavior / ed. W. A. Collings / *Minnesota Symposia in Child Psychology.* Hillsdale, – N.J.: Erlbaum, 1980. – Vol. 13. – P. 39–101.
16. *Blok Zh., Flint A. M.* IQ and ego resistance: conceptual and empirical connections and separateness // *Journal of Personality and Social Psychology.* – 1996. – Vol. 70. – P. 349–361.
17. *Lazarus R. S.* From psychological stress to emotions: the history of changing views // *Annual Review of Psychology.* – 1993. – Vol. 44. – P. 1–21.
18. *Brian C., O'Shea D., McIntyre T.* Highlighting the importance of sustainability: A systematic review of sustainability across all areas of sport and work // *Sports and Exercise Psychology International.* – 2019. – Vol. 12 (1). – P. 70–111. DOI: 10.1080/1750984X.2017.1381140
19. *Nuttman-Schwartz O., Green O.* The Truths of Resilience: Injury Resilience Workers' Perspectives on Resilience in Continuous Traumatic Situations // *International Journal of Stress Management.* – 2021. – Vol. 28 (1). – P. 1–10. – DOI:10.1037/str0000223.
20. *Masten A. S., Reed M. G.* Sustainability in Development / *Handbook of Positive Psychology.* – London: Oxford University Press, 2002. – P. 74–88.

Статья поступила в редакцию 30.12.2021; одобрена после рецензирования 12.02.2022; принята к публикации 16.02.2022.

The article was submitted December 30, 2021; approved after reviewing February 12, 2022; accepted for publication February 16, 2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Юридическая психология и психология безопасности

Научная статья
УДК 343.953
doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-225-233

Кирилл Витальевич Злоказов
кандидат психологических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0002-0664-8444>, zkirvit@yandex.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1

Влияние характеристик социального окружения на делинквентное поведение лиц, находящихся под административным надзором

Аннотация: В статье рассматривается проблема предупреждения вторичных преступлений лицами, находящимися под административным надзором органов внутренних дел. Показано, что в адаптации поднадзорных лиц существенную роль играет социальное окружение. Акцентируется внимание на значении социального окружения для адаптации личности к трудным жизненным ситуациям. Рассматриваются социально-психологические теории социального окружения, выделяются субъективное, групповое и сетевое направления исследования. Раскрываются теоретические предпосылки и методологические особенности каждого из направлений. Описывается модель социального окружения и её компоненты. Дается характеристика интерактивного и рефлексивного компонент, показываются возможности их применения для изучения социальных отношений поднадзорных лиц, формулируется предположение о возможности выявления риска делинквентного поведения через изучение характеристик взаимодействия с окружающими. Гипотеза проверяется эмпирически.

В исследовании сопоставляются представления о социальном окружении в группах поднадзорных (89 человек, средний возраст – 37 лет, SD = 7,4 года, 91,1 % – мужчины) и правопослушных лиц (91 человек, средний возраст 35 лет, SD = 5,5 года, 96,7 % мужчины). Сбор данных осуществлялся методом стандартизированного самоотчета, а также двух анкет, изучающих параметры социального окружения и частоту нарушений административного надзора. Сопоставление проводилось U-крит. Манна-Уитни.

Результаты подтвердили гипотезу, показав различия в интерактивных и рефлексивных характеристиках социального окружения. Установлено, что риск делинквентного поведения поднадзорных лиц может быть определен по характеристикам объема, гетерогенности и референтности социального окружения в сочетании с оценкой поддержки социального окружения и способности оказывать на него влияние. Делается вывод о необходимости учёта данных характеристик при организации мероприятий по социальной адаптации осуждённых и профилактике риска нарушения ограничений административного надзора.

Ключевые слова: административный надзор, поднадзорное лицо, профилактика нарушений, психология правонарушений, социальное окружение преступника

Для цитирования: Злоказов К. В. Влияние характеристик социального окружения на делинквентное поведение лиц, находящихся под административным надзором // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 1 (93). – С. 225–233; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-225-233.

Kirill V. Zlokazov

Cand. Sci. (Psy.), Docent

<https://orcid.org/0000-0002-0664-8444>, zkirvit@yandex.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Influence of social network characteristics on delinquent behavior of probationers

Abstract: The article considers problem of prevention of return to crime by persons under police probation. It is shown that the social environment plays a significant role in the adaptation of probationers. The work focuses the attention on the importance of social network for adaptation of person to difficult life situations. The author considered socio-psychological theories of social network, distinguished subjective, group and network directions of research and described the model of social network and its components. In the course of research, the author characterized the interactive and reflexive components, have shown the possibilities of their application for studying social relations of the probationers and made assumption about the possibility of revealing the risk of delinquent behavior through studying the characteristics of interaction with the environment. The hypothesis has been tested empirically. The study compares perceptions of the social environment in groups of probationers (89 persons, mean age 37 years, SD=7.4 years, 91.1% male) and law-abiding individuals (91 persons, mean age 35 years, SD=5.5 years, 96.7% male). Data was collected by standardized self-report, as well as with the help of two questionnaires, describing the social network characteristics and a rate of probation offences. The author compared data using Mann-Whitney U test. The results confirmed hypothesis showing differences in interactive and reflexive characteristics of social network. It was found that the risk of delinquent behavior of probationers can be determined by the characteristics of size, heterogeneity and referentiality of social network combined with the assessment of the social network support and a level of social influence. The author concludes that these characteristics should be considered in the process of establishing the measures of social adaptation of inmates and prevention of the risk of violating the restrictions of probation.

Keywords: probation, probationers, prevention of violations, psychology of offenses, social network

For citation: Zlokazov K. V. Influence of social network characteristics on delinquent behavior of probationers // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 1 (93). – P. 225–233; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-225-233.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью совершенствования мер предупреждения и профилактики преступлений. Анализ показателей преступности в Российской Федерации показывает, что наряду со снижением количества преступлений сохраняются высокие показатели вторичной и рецидивной преступности. Так, в 2020 году из 530 тысяч лиц, осуждённых за совершение преступлений, 212 тысяч имели неснятые и непогашенные судимости¹. При этом по сравнению с 2019 годом доля таких преступлений выросла на 1,5 %. Данные сведения обуславливают развитие системы превентивных и профилактических мер, применяемых в целях снижения повторных и рецидивных преступлений, в том числе в рамках института административного надзора. Данный институт выступает основной формой постпенитенциарного контроля, выполняя функции принуждения к определённому образу жизни, соблюдения правил и норм поведения, адаптации после отбытия наказания [5].

При рассмотрении проблемы профилактики вторичной преступности в контексте отношений преступника с социальным окружением становится возможным выявить социально-психологические причины нарушения адаптации и совершения поднадзорным лицом новых правонарушений и преступлений. Разработка проблемы открывает новые возможности противодействия преступности, в том числе на этапе превенции преступлений и профилактической работы по пресечению повторных преступлений и рецидивов.

¹ Сведения о лицах, совершивших преступления: январь – декабрь 2020 г., январь – декабрь 2021 г. [Электронный ресурс] // ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России». – URL: 10.5.0.16/csi/modules.php?name=Books&go=check&id=492 (дата обращения: 25.02.2022).

В отечественных научно-психологических исследованиях данная проблематика не получила достаточно полного освещения. В фокусе внимания находятся психологические особенности лиц, отбывающих наказание. Рассмотрению подвергаются их личностные особенности, убеждения и установки, представления относительно будущей жизни вне стен исправительного учреждения. Проблематика социального взаимодействия анализируется с позиции взаимоотношений с конкретными социальными группами – семьей, близкими родственниками. В зарубежных исследованиях проблематика вторичной преступности также рассматривается в контексте микрогрупповых и субкультурных исследований. Показано влияние социального окружения на отказ от преступного образа жизни и ресоциализацию, каким образом семья, родственники и близкие друзья способствуют данному процессу. Наряду с имеющимися сведениями слабо изученной является область межличностных отношений преступника с социальным окружением. Поскольку она характеризует ресурсные, потребности-цельные и ценностные характеристики жизнедеятельности поднадзорного лица, её состояние определяет готовность к правопослушному поведению, соблюдению ограничений административного надзора или ограничений, установленных судом в соответствии с федеральным законом².

В рамках представленного в статье исследования проводится изучение параметров социального окружения и рассматривается влияние отношений поднадзорных лиц с окружающими людьми на нарушение требований административного надзора.

Целью исследования выступает изучение социально-психологических аспектов взаимодействия с социальным окружением лиц, находящихся под ад-

министративным надзором, и их влияние на нарушение ограничений административного надзора, в том числе совершения преступлений и правонарушений.

Исследование основано на гипотезе о значении социального окружения в социальной поддержке и адаптации лиц, освободившихся из мест лишения свободы и находящихся под административным надзором. Предполагается, что характеристики социального окружения влияют на социально-психологическую адаптацию и препятствуют делинквентному поведению поднадзорных лиц.

Выводы исследования раскрывают параметрические характеристики и особенности отношений поднадзорных лиц с социальным окружением, показывают, что слабая система социальных связей и низкая референтность окружения, недостаточные возможности социальной поддержки и бесконтрольность окружающих обуславливают риск делинквентного поведения поднадзорных лиц.

Структура статьи соответствует заявленной цели, разделена на теоретическую часть, раскрывающую предпосылки исследования, и эмпирическую, в которой описаны методы, процедура и основные результаты.

Теоретические представления о социальном окружении

Социальное окружение личности – это совокупность людей, объединённых взаимоотношениями с конкретным человеком. Социальное окружение является системным образованием. Его центром выступает личность, поскольку все существующие отношения сконцентрированы на человеке или являются производными от него. Состав социального окружения является разнородным и изменчивым. Его трансформации отражают этапы развития человека, происходящие события и жизненный путь. Участники социального окружения вовлечены в него посредством разных видов межличностных, интерактивных, социально-структурных связей. В зависимости от состава участников и характера связей между ними социальное окружение личности условно может быть разделено на несколько категорий. В частности, выделяется категория близкого окружения, участниками которой считают членов семьи и родственников, друзей и коллег. Как правило, между ними существуют уровень доверия, позволяющий обсуждать интимную информацию и удовлетворять непубличные потребности. Существует категория совместной деятельности, согласно которой к социальному окружению относят участников групп, в которые вовлечён человек. На этом основании выделяется учебное, профессиональное, спортивное, досуговое и другие составляющие социального окружения. Третьей массовой категорией социального окружения личности выступают отношения, образованные в сообществах, объединённых совместным существованием. Предполагается, что городской образ жизни – проживание в многоквартирных домах, покупки в магазинах, проезд в общественном транспорте – определяет социальное окружение человека. Его участники – соседи по дому, дворники, продавцы, водители городского транспорта и др. – выходят за пределы формально-ролевых моделей поведения. Обмениваясь информацией и обсуждая волнующие их события, участники упрощают собственное существование, получая советы, эмоциональную поддержку и реальную помощь от окружающих. Соот-

ветственно, социальное окружение включает в себя «освоенную» часть городского сообщества, готовую к совместной деятельности и настроенную на оказание взаимопомощи.

Можно заключить, что в основе образования социального окружения лежат межличностные отношения, совместное взаимодействие и социально-структурные характеристики групп и сообществ, к которым относится субъект. Перечисленные основания являются типичными, в наиболее общем виде позволяющими описать состав его участников и основания его формирования.

При этом динамика социального окружения – включение и исключение участников – является одним из сложных вопросов, лежащим на пересечении психологических, педагогических, социологических и культурологических направлений исследования.

Следует отметить, что специфика социального окружения лиц, находящихся под административным надзором, традиционно рассматривалась в криминологических исследованиях и не подвергалась систематическому изучению с социально-психологической точки зрения. Объяснение этому видится в отсутствии целостной концепции социального окружения, позволяющей представить личность поднадзорного лица в единстве отношений с людьми, включёнными в повседневное взаимодействие. Криминологические исследования рассматривали личность преступника, а затем осуждённого, либо отдельно от социального окружения, либо в полной зависимости от него, то есть предполагали её следствием, продуктом воздействия криминальной среды на человека.

В рамках проводимого исследования социальное окружение рассматривается как часть социального бытия преступника. С такой точки зрения социальное окружение неразрывно связано с поднадзорными взаимодействующими отношениями. Иначе говоря, окружение формирует личность преступника, осуждённого, а затем поднадзорного и вместе с тем является продуктом его собственных поступков и решений. Социальное окружение выступает отчасти заданной, обусловленной социальными условиями частью социального пространства, а с другой стороны, конструируется самим субъектом – посредством выбора определённого круга общения, установления или разрыва определённых отношений, стремления к определённым целям, поддержкой определённых ценностей, убеждений и пр.

В связи с изложенным изучение социального окружения нуждается в применении социально-психологической методологии, позволяющей раскрыть субъективные представления, лежащие в основе его организации, а также зафиксировать объективные характеристики взаимодействия с людьми и группами, включёнными в социальное окружение. Для описания данной методологии рассмотрим существующие направления исследования социального окружения.

Направления изучения социального окружения

К настоящему времени в социальной психологии представлено несколько **направлений** изучения социального окружения личности. Каждое из них обладает собственной концептуализацией, методологией и методами исследования. Рассмотрим их более подробно.

Субъектное направление нацелено на изучение восприятия социального окружения личностью, в том числе формирование субъективной стороны межличностных отношений. Социальное окружение

² Об административном надзоре за лицами, освобождёнными из мест лишения свободы : Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

в этих исследованиях рассматривается в качестве фрагмента межличностных взаимодействий человека со значимыми для него людьми.

Описывается восприятие других людей и установление различных видов отношений с ними (доверительных, дружеских, помогающих). Рассматривается отношение к поддержке и помощи со стороны окружающих [8], раскрывается значение других людей как ресурса [1].

При изучении лиц, осуждённых за совершение преступлений, рассматриваются искажённые и нарушенные взаимоотношения с социальным окружением. Подчёркиваются проблемы социального взаимодействия, сказывающиеся на восприятии и оценке поведения других людей. Отмечается преобладающее недоверие к людям, входящим в круг близкого окружения, в том числе родственникам и друзьям. Данная проблематика рассматривается в числе препятствий для адаптации к отбытию наказания и ресоциализации в последующем.

Групповое направление рассматривает социальное окружение применительно к группам, в которые вовлечён человек. Как правило, исследование проводится в контексте изучения семьи, учебных, профессиональных и служебных коллективов. В этих исследованиях рассматриваются вопросы влияния социального окружения на личность, среди них развитие личностных структур – групповой идентичности и самоидентификации участника группы, координации совместной деятельности, а также помощи, оказываемой участникам групп друг другу. В исследованиях показано, что социальное окружение группы оказывает существенное влияние на формирование установок, убеждений, ценностей и интересов личности.

В криминологических исследованиях демонстрируется существенная роль социального окружения личности в побуждении к совершению преступления, а также отказу от него. В пенитенциарных работах раскрывается значение семьи и близких родственников в преодолении стрессов, в том числе вызванных психотравмирующими факторами, возникающими на этапе отбытия наказания [9].

Сетевое направление. Концепция «социальной сети» предполагает, что социальное окружение может быть смоделировано путём изучения связей личности с конкретными людьми [15]. Исследованию подвергаются различные виды связей – коммуникативные, интерактивные, эмоциональные, помогающие и пр. Результатом измерения становятся модели взаимодействия и характеристики их участников. Поскольку сетевое направление за время своего развития претерпело множественные изменения к настоящему времени разработано несколько методик исследования социальных связей. Различаясь по видам параметров и процедуре измерения, они вместе с тем позволяют выявлять людей, входящих в круг общения и совместной деятельности личности.

Типовая методика сетевого анализа предполагает выявление перечня лиц, с которыми взаимодействует субъект, а также различных характеристик данного взаимодействия (интенсивности, плотности, разнородности, стабильности и пр.) [14]. Наряду с подобными методиками, существуют и более сложные, нацеленные на описание отношений между членами семьи и родственниками [16], визуализацию взаимоотношений [10], психическое здоровье и благополучие личности [4].

Наиболее распространенными параметрами сетевых моделей выступают: объём (количество участников) социальной сети, **субъекты взаимодействия** (группы, к которым принадлежат участники социально-

го окружения), **формы взаимодействия** (контактные, интернет-, телефонные и пр. виды взаимодействия), **организация взаимодействия** (группировки участников и занимаемые в них позиции). Помимо данных параметров разрабатываются и вторичные параметры социального взаимодействия, позволяющие сопоставлять персональные социальные сети разных людей, оценивать потенциал социальных сообществ [17].

Модель взаимодействия с социальным окружением

Разрабатываемая нами модель социального окружения основывается на предположении о ведущем значении взаимодействия для формирования социального окружения. Считая, что социальное окружение формируется образом жизни и актуальными видами деятельности, полагаем целесообразным оценивать его через призму интерактивных (социально-структурных) и рефлексивных (образных) характеристик.

Так, к интерактивным характеристикам относятся функции, роли и позиции в структурах взаимодействия, предписанных человеку и инициированных им самим. Показателями могут выступать: объём взаимодействия, существующие барьеры взаимодействия, статус субъекта в социальном пространстве, стратегии взаимодействия, характеристики взаимодействующих субъектов и пр.

Рефлексивные характеристики раскрывают отношение окружающих людей к человеку, степень их соучастия в деятельности, оказываемой поддержке и помощи. Показателями могут выступать воспринимаемая человеком поддержка окружающих, самооценка действий во взаимодействии с окружающими, способность организовывать взаимодействие с окружающими, вмешиваться и влиять на его процесс и результаты.

В совокупности рассмотренных характеристик социальное окружение может быть описано с позиции субъекта путём выявления системы актуальных социальных связей, их объёма, характеристик вовлечённых в них лиц, а также оценок субъектом влияния социального окружения на его жизнедеятельность (уровень поддержки и помощи, самооценку во взаимодействии, влияние на окружающих). Таким образом, социальное окружение рассматривается как составляющая часть жизнедеятельности личности, активно участвующей в удовлетворении бытийных и социальных потребностей.

Цель исследования: изучение взаимодействия лица, находящегося под административным надзором, с социальным окружением.

Гипотеза исследования: субъективные характеристики представления о взаимодействии с социальным окружением указывают на *риск делинквентного поведения лиц*, находящихся под административным надзором.

Методы исследования. Использовались две группы методов – сбора информации о параметрах социального окружения и интерпретации информации.

Сбор информации осуществлялся при помощи специально разработанных методик. Применённый инструментальный подход позволял оценивать интерактивные и рефлексивные характеристики социального окружения.

1. Анкета измерения интерактивных характеристик социального окружения. Анкета разработана на основе сетевого подхода к изучению социального окружения личности. Анкета состоит из 5 пунктов (утверждений), представленных в шкале Лайкерта. Для каждого пункта использовался собственный

набор индикаторов, при этом конструкция шкалы являлась одномерной, где минимальное значение характеризовало отсутствие либо малое выражение явления, а максимальное значение – его полное наличие. Показателями выступили: (а) объём социального окружения (количество людей, с которыми взаимодействует респондент), (б) границы (барьеры) взаимодействия, (в) статус во взаимодействии (лидерство либо подчинение), (г) стабильность взаимодействия (сохранение взаимодействующих лиц), (д) референтность (значимость окружающих лиц).

2. Методика измерения рефлексивных характеристик социального окружения – представлений о взаимодействии с социальным окружением (подробные сведения о теоретических основаниях, процедуре разработки и валидации представлены в соответствующем издании [3]). Методика относится к субъективному направлению исследования социального окружения. Она измеряет три субъективные характеристики взаимодействия – (а) поддержку со стороны социального окружения, (б) самооценку субъектом себя во взаимодействии с другими людьми, (в) возможность влиять на взаимодействия с окружающими людьми. Данные показатели представляют собой шкалы, состоящие из пяти утверждений. Регистрация ответов проводится с помощью шкалы Лайкерта. Оценка согласованности пунктов проводилась с помощью коэффициента α -Кронбаха, составила 0,79 для шкалы «Социальной поддержки», 0,77 для шкалы «Социальной самооценки», 0,75 для шкалы «Влияния на социальное окружение». Межпунктовая корреляция в шкалах составила в среднем 0,43 (по Пирсону). Выпадающих пунктов не выявлено. На основании рассчитанных характеристик методика демонстрирует достаточный уровень согласованности, может использоваться для изучения представлений о социальном окружении.

3. Анкета оценки соблюдения ограничений, установленных в рамках административного надзора, в том числе административных ограничений или ограничений, установленных судом в соответствии с федеральным законом, а также фактов преступлений и административных правонарушений, совершённых поднадзорным лицом.

Обработка информации осуществлялась посредством расчета U-критерия Манна-Уитни. Критерий применялся из-за невозможности использования t-критерия Стьюдента, а также иных параметрических методов сравнения групп из-за несответствия распределения показателей нормальному закону. Сила эффекта контролировалась расчётом показателя статистической мощности различий (Z).

Выборка исследования состояла из двух категорий лиц:

1. Лица, отбывшие наказание в местах лишения свободы (89 человек, средний возраст – 37 лет, SD = 7,4 года, 91,1% – мужчины), находящиеся под административным надзором в Свердловской области.

2. Правопослушные граждане, не привлекавшиеся к уголовной ответственности (91 человек, средний возраст 35 лет, SD = 5,5 года, 96,7 % мужчины).

Процедура обработки: сопоставлялись характеристики социального окружения лиц, находящихся под административным надзором, и лиц с правопослушным поведением (ранее не судимых).

Результаты исследования

Результаты исследования рассматриваются последовательно. В таблице 1 представлены характеристики социального окружения лиц, находящихся под административным надзором. Сведения о влиянии характеристик социального окружения на соблюдение ограничений, установленных в рамках административного надзора, представлены в таблице 2.

Полученные результаты указывают на наличие статистически значимых различий между группой лиц, находящихся под административным надзором, и лиц с правопослушным поведением. Различия наблюдаются по объёму контактов с социальным окружением, ограниченностью стратегий взаимодействия поднадзорных с людьми, включёнными в их социальное окружение, и низкой референтностью данной категории лиц. Показатели гомогенности, статуса и стабильности социального окружения не продемонстрировали значимых различий.

Таблица 1

Различия параметров социального окружения лиц, находящихся под административным надзором, и правопослушных

Показатель	Лица, находящиеся под административным надзором (n=89)			Лица с правопослушным поведением (n=91)			Статистические различия (U-крит.)	
	Ср.знач.	SD	Медиана	Ср.знач.	SD	Медиана	Знач.	Эфф.
Интерактивные характеристики социального окружения								
Объем	3,1	1,4	3	4,2	2,1	5	P < 0,05	0,03
Границы	4,3	1,1	4	3,1	1,3	2	P < 0,01	0,05
Гомогенность	3,5	1,1	3	2,5	2,1	3	–	–
Статус	2,3	1,2	2	2,4	1,3	2	–	–
Стабильность	4,2	0,3	4	4,6	0,6	4	–	–
Референтность	2,1	1,1	2	4,4	1,4	4	P < 0,01	0,04
Перцептивные характеристики социального окружения								
Социальная поддержка	3,2	1,2	2	4,1	1,2	4	P < 0,05	0,04
Самооценка взаимодействия	4,1	1,3	3	4,3	1,4	3	–	–
Влияние на окружающих	3,2	1,2	2	4,2	1,9	4	P < 0,05	0,04

Примечание: Здесь и в следующей таблице: «ср. знач» – среднее значение, «SD» – стандартное отклонение, «медиана» – медианное значение показателя, «знач.» – уровень статистической значимости, «эфф.» – показатель мощности различий. Статистики эффекта для теста Манна-Уитни рассчитывались по формуле Z/\sqrt{N} [13].

Влияние характеристик социального окружения лиц, находящихся под административным надзором, на соблюдение административных ограничений

Показатель	Лица, находящиеся под административным надзором						Статистические различия (U-крит.)	
	Соблюдавшие административные ограничения (n=51)			Нарушившие административные ограничения, в т.ч. совершившие преступления, правонарушения (n=39)				
	Mean	SD	Median	Mean	SD	Median	Знач.	Эфф.
Интерактивные характеристики социального окружения	20,5	1,2	21	17,3	1,3	17	P < 0,05	0,04
Рефлексивные характеристики социального окружения	12,7	1,2	12	8,3	1,2	10	P < 0,01	0,04

Примечание: сведения об интерактивных и рефлексивных характеристиках социального окружения получены путём суммирования показателей методик, использовавшихся для сбора соответствующей информации.

Рефлексивные характеристики социального окружения статистически различаются в группах лиц, подвергающихся административному надзору, и лиц с правопослушным поведением. В частности, поднадзорные лица приписывают окружающим меньшую готовность оказывать помощь и считают себя менее способными влиять на поведение других людей.

2. Влияние характеристик социального окружения на соблюдение административных ограничений или ограничений, установленных судом в соответствии с федеральным законом, а также фактов преступлений и административных правонарушений, совершенных поднадзорным лицом (таблица 2). В таблице представлены сведения о лицах, соблюдавших требования административных ограничений (n = 51) и нарушивших их (n = 39) в период проведения исследования.

Расчёт показателей проводился путём суммирования показателей, раскрывающих интерактивные и рефлексивные характеристики социального окружения.

Результаты свидетельствуют о различиях в параметрах социального окружения лиц, нарушивших требования административного надзора. Для группы лиц, соблюдающих требования и ограничения, характерен больший объём социального окружения, гетерогенность и референтность окружения по сравнению с группой лиц, нарушивших данные требования. С позиции рефлексивных характеристик у обследованных, соблюдавших административные ограничения, выявлена большая социальная поддержка окружающих и более высокие оценки по показателю влияния на социальное окружение. Различия по другим характеристикам социального окружения не установлены.

Обсуждение результатов

В эмпирическом исследовании были выявлены особенности взаимодействия с социальным окружением лиц, находящихся под административным надзором. В целом значение результатов свидетельствует о психологических проблемах реинтеграции бывших осуждённых в общество, недостаточных возможностях социального окружения по осуществлению адаптации и оказанию социальной помощи.

Так, существенные различия выявлены по параметру объёма взаимодействия с социальным окружением – у поднадзорных лиц он в целом меньше, чем у правопослушных и составляет 1–2 малые группы общим объёмом контактов до 15 человек. Эта особенность может быть обусловлена наличием субъективных границ, в первую очередь барьеров коммуникации. Обследованные нами поднадзорные лица указывают на наличие более двух малых групп, с которыми они бы не стали общаться ни при каких условиях. В сравнении с ними участники из группы лиц с правопослушным поведением либо отрицают наличие каких-либо барьеров, либо указывают не более пяти человек, общения с которыми они бы избегали. Таким образом, социальное взаимодействие бывших осуждённых ограничивается субъективными представлениями относительно готовности устанавливать и поддерживать отношения с другими людьми.

Ещё одной специфической чертой, присущей лицам, находящимся под административным надзором, выступает низкая референтность социального окружения. Обследуемые считают значимыми не более 3–5 лиц, входящих в их социальное окружение, тогда как в группе правопослушных значимыми выступают более 7 человек. Низкая референтность указывает на обесценивание социального окружения бывшими осуждёнными, что выражается не только в непризнании мнения, но и в эмоциональном отторжении.

Можно заключить, что такое состояние социального окружения поднадзорных не обладает возможностями по оказанию достаточной помощи поднадзорным. Подобная проблема может являться одной из причин трудностей с адаптацией после отбытия наказания в местах лишения свободы. Её следует связывать не только с материальными проблемами, трудностями трудоустройства и обеспечения жильём, но и с удовлетворением социальной потребности быть включённым в социальные группы, принадлежать к определённому сообществу. Фрустрация данной потребности формирует у поднадзорного чувство личной невостребованности окружающими, усиливают переживание обесценивания. Сложность восстановления социальных отношений, как свидетельствует J. Turner, предопределяют объединение

бывших осуждённых в группы, которые они образуют не только по месту проживания, но и на работе, в интернет-сервисах [18].

Исследования влияния социального окружения на поднадзорных лиц показывают меньшую социальную помощь и поддержку со стороны окружающих их людей. Полученные результаты демонстрируют, что у поднадзорных лиц существует потребность в социальной поддержке, однако их социальное окружение не способно им её оказать в полной мере. Учитывая обстоятельства жизнедеятельности, данная поддержка выступает крайне необходимой для получения жилья и трудоустройства, а также удовлетворения социальных потребностей. Как показывают Т. Л. Крюкова и О. А. Архипова, социальное окружение предоставляет средства противодействия стрессу, оказывая реальную помощь, передавая полезную информацию или помогая совладать с негативными эмоциями [6]. Этот вывод позволяет сформулировать предположение о необходимости дополнительного изучения данной потребности. В случае если она не связана с объективной неспособностью социального окружения оказывать подобную помощь, целесообразно интенсивно прорабатывать данную проблематику в ходе программы сопровождения лиц, завершающих отбывание наказания в местах лишения свободы.

Неожиданным, на наш взгляд, является отсутствие различий между поднадзорными и правопослушными гражданами в части социальной самооценки. Фактически опрошенные лица не испытывают сложностей в сфере социального взаимодействия, считая, что их решения и поступки являются эффективными и компетентными. Однако их социальный статус свидетельствует об обратном. Можно предположить, что поднадзорные неадекватно воспринимают себя в ситуации взаимодействия с окружающими людьми, завышая эффективность собственных действий. Сравнивая этот вывод с результатами других исследователей, можно говорить о частичной его поддержке. Так, в работах Г. К. Валицкас и Ю. Б. Гипенрейтер показано, что преступники неадекватно завышают свою самооценку [2]. Впрочем, существуют и противоположные высказывания, демонстрирующие, что этой категории лиц свойственна самокритичность и негативное самоотношение, но они не выражаются открыто [7].

На наш взгляд, существование диаметрально противоположных точек зрения объяснимо поляризацией социальных взаимоотношений поднадзорных лиц. Одна часть социальных групп, с которыми они взаимодействуют, придерживается социальных ценностей, а другая – криминальных и асоциальных. Следствием двух систем взаимодействия выступает и «дискретная» самооценка, согласно которой поднадзорные имеют низкий социальный статус в системе общесоциальных ценностей и высокий в околокриминальной среде. Следует согласиться с D. Bodzushek в том, что существование подобной системы ценностей приводит к внутриличностному конфликту идентичностей, что находит выражение в неустойчивом образе жизни – сопряжении криминального и правопослушного поведения [11]. Следует подчеркнуть, что высказанное предположение является спекулятивным, поскольку основывается на интерпретации выводов, а не на фактах, и нуждается в эмпирической проверке. Его подтверждение может расширить возможности психологического сопровождения лиц, находящихся в местах лишения свободы и нуждающихся в социальной адаптации вследствие завершения срока отбывания уголовного наказания.

Установлены статистические различия в восприятии способности оказывать влияние на окружающих. Поднадзорные лица демонстрируют меньшую уверенность в способности влиять на социальное окружение, чем правопослушные граждане. Как следствие, окружающие люди воспринимаются ими как бесконтрольные и неуправляемые, а их решения и поступки – произвольные. По-видимому, такое представление обусловлено опытом совместной деятельности. Окружающие не поддерживают их предположения либо нарушают договорённости, что и формирует представление о низком влиянии на других людей. Кроме того, полученные результаты могут быть объяснены концепцией социального стигматизации, показывающей, что общество исключает из своего социального пространства преступников [12]. Зная, что человек был подвергнут уголовному наказанию, люди ограничивают взаимодействие или вовсе прекращают его. Очевидным следствием стигматизации выступает сегментация социального окружения на тех, кто поддерживает взаимодействие с осуждёнными, и тех, кто их сторонится. Как следствие подобного отношения, бывшие осуждённые чаще сталкиваются с отказом окружающих их людей от совместной деятельности. Убеждение о неспособности оказывать влияние на окружающих может сказываться на поведении поднадзорных лиц. Например, формировать установку на недоверие к окружающим, подозрительность и замкнутость по отношению к социальному окружению. Следствием этого могут стать отчуждённый образ жизни, трудности с удовлетворением потребностей, фрустрация и конфликты по этому поводу.

Важным результатом исследования стало установление влияния характера взаимодействия с социальным окружением на соблюдение административных ограничений или ограничений, установленных судом в соответствии с федеральным законом, а также фактов преступлений и административных правонарушений, совершённых поднадзорным лицом.

Установлено, что к числу характеристик, способствующих правопослушному поведению поднадзорных лиц, относятся объём социального взаимодействия, гетерогенность лиц, составляющих социальное окружение, и их высокая референтность. Психологическое значение данных характеристик заключается в наличии у поднадзорного лица устойчивой сети социальных контактов. Людям, включённым в социальное окружение, присущи различные ценностные ориентации и направленность, при этом отношении к ним со стороны поднадзорного характеризуется признанием их высокого статуса и ценности. Противоположная ситуация складывается в случае слабого социального взаимодействия и малого круга общения поднадзорного лица, ограниченности ценностных ориентаций других людей и их низкой авторитетностью. Такая конфигурация параметров социального окружения присуща лицам, совершающим правонарушения и преступления в период нахождения под административным надзором.

Заключение

В исследовании рассматривались отношения между лицами, подвергнутыми административному надзору, и их социальным окружением в качестве предиктора делинквентного поведения. Посредством эмпирического исследования была протестирована и нашла поддержку гипотеза о влиянии интерактивных и рефлексивных характеристик восприятия социального окружения на риск нарушения требований административного надзора.

Полученные результаты свидетельствуют о низком качестве отношений между бывшими осуждёнными

и их социальным окружением, влияющим, как нам представляется, на возникновение асоциального и противоправного поведения. В представлении поднадзорных лиц окружающие люди обеспечивают меньшую поддержку и не представляют им необходимой помощи. Кроме того, поднадзорным лицам свойственно сомневаться в своей способности влиять на окружающих людей и управлять уже сложившимися отношениями. Также было установлено, что данная категория лиц неадекватно, по сравнению с правопослушными, оценивают собственные действия с социальным окружением, а также недооценивает свою способность влиять на окружающих.

Думается, что данное искажённое представление лежит в основе мировоззрения опре-

делённой части поднадзорных лиц, а также лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях ФСИН России, и объясняет их склонность к самоутверждению и повышенную демонстративность, манипулирование окружающими и жестокость в их отношении. Как следствие, все описанные характеристики определяют риск делинквентного поведения лиц, находящихся под административным надзором.

Полученные результаты и сделанные выводы шире, чем первоначально сформулированные предположения, что показывает, с одной стороны, эвристичность выполненного исследования, а с другой – перспективы его продолжения.

Список литературы

1. Александрова Л. А., Лебедева А. А., Бобожей В. В. Психологические ресурсы личности и социально-психологическая адаптация студентов с ОВЗ в условиях профессионального образования // Психологическая наука и образование. – 2014. – Том 19. – № 1. – С. 50–62.
2. Валицкас Г. К., Гиппенрейтер Ю. Б. Самооценка у несовершеннолетних правонарушителей // Вопросы психологии. – 1989. – № 1. – С. 45–54.
3. Злоказов К. В. Социальное пространство в представлении преступника : монография. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. – 264 с.
4. Казьмина О. Ю. Социальные сети и развитие социального поведения // Руководство по оценке развития социального поведения старшеклассника. – Москва: Вектор, 1993. – 80 с.
5. Катаева О. В., Шапошников В. Л. Деятельность территориальных органов МВД России по осуществлению административного надзора за лицами, освобождёнными из мест лишения свободы: современные проблемы // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2019. – № 2. – С. 37–39.
6. Крюкова Т. Л., Арипова А. О. Восприятие значимости эмоциональной поддержки при стрессе и характеристики социальной сети личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. – 2019. – Т. 16. – № 2. – С. 181–195. doi: 10.22363/2313-1683-2019-16-2-181-195
7. Ощепков А. А. Особенности ценностной структуры микрогрупп подростков с девиантной ориентацией // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2010. – № 4. – С. 181–186.
8. Свило Я. В. Методы диагностики социально-психологических ресурсов личности детей // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2020. – Т. 9. – № 3А. – С. 123–129.
9. Чирков А. М. Полиmodalная психотерапия ассоциации стрессовых и психических личностных расстройств у осуждённых // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2017. – № 1. – С. 67–71.
10. Antonucci T. C. Social support networks: Hierarchical mapping technique. // Generations. – 1986. – № 10 (4). – P. 10–12.
11. Boduszek D., Hyland P. The Theoretical Model of Criminal Social Identity: Psycho-social Perspective // International journal of criminology and sociological theory. – 2011. – № 4. – P. 604–614.
12. Deakin J., Fox C., Matos R. Labelled as 'risky' in an era of control: How young people experience and respond to the stigma of criminalized identities // European Journal of Criminology. – 2020. – URL: <https://doi.org/10.1177/1477370820916728>
13. Fritz C. O., Morris P. E., Richler J. J. Effect size estimates: Current use, calculations, and interpretation // Journal of Experimental Psychology: General. – 2012. – 141(1). – P. 2–18. doi:10.1037/a0024338
14. Lifintsev D. V., Lifintseva A. A., Serykh A. B. Standardized Methods of Assessment of Individual's Social Network in Social Work and Psychological Practice // Clinical Psychology and Special Education. – 2015. – Vol. 4. – № 4. – Pp. 1–11. doi: 10.17759/psycljn.2015040401. (In Russ., abstr. in Engl.)
15. McCarty C., Bernard H. R., Killworth P. D., Johnsen E., Shelley G. Eliciting rep-resentative samples of personal networks // Social Networks. – 1997. – 19 (4). – P. 303–23.
16. McGoldrick M., Gerson R., Shellenberger S. Genograms: Assessment and inter-vention. – New York: Norton, 1999.
17. Robins G., Pattison P., Elliott P. Network models for social influence processes // Psychometrika. – 2001. – № 66 (2). – 161–189. <https://doi.org/10.1007/BF02294834>.
18. Turner J. Re-‘homing’ the ex-offender: constructing a ‘prisoner dyspora’ // Area. – 2013. – № 45. – P. 485–492.

References

1. Aleksandrova L. A., Lebedeva A. A., Bobozhej V. V. Psihologicheskie resursy lichnosti i social'no-psihologicheskaya adaptaciya studentov s OVZ v usloviyah professional'nogo obrazovaniya // Psihologicheskaya nauka i obrazovanie. – 2014. – Tom 19. – № 1. – S. 50–62.
2. Valickas G. K., Gippenrejtter Yu. B. Samoocenka u nesovershennoletnih pravonarushitelej // Voprosy psihologii. – 1989. – № 1. – S. 45–54.
3. Zlokazov K. V. Social'noe prostranstvo v predstavlenii prestupnika : monografiya. Sankt-Peterburg: SPbU MVD Rossii, 2021. – 264 s.

4. *Kaz'mina O. Yu.* Social'nye seti i razvitie social'nogo povedeniya // Rukovodstvo po ocenke razvitiya social'nogo povedeniya starsheklassnika – Moskva: Vektor, 1993. – 80 s.
5. *Kataeva O. V., SHaposhnikov V. L.* Deyatel'nost' territorial'nyh organov MVD Rossii po osushchestvleniyu administrativnogo nadzora za licami, osvobozhdennymi iz mest lisheniya svobody: sovremennye problemy // Problemy pravoohranitel'noj deyatel'nosti. – 2019. – № 2. – S. 38.
6. *Kryukova T. L., Aripova A. O.* Vospriyatie znachimosti emocional'noj podderzhki pri stresse i harakteristiki social'noj seti lichnosti // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Psihologiya i pedagogika. – 2019. – T. 16. – № 2. – S. 181–195. doi: 10.22363/2313-1683-2019-16-2-181-195
7. *Oshchepkov A. A.* Osobennosti cennostnoj struktury mikrogrupp podrostkov s deviantnoj orientaciej // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. – 2010. – № 4. – S. 181–186.
8. *Svilo Ya. V.* Metody diagnostiki social'no-psihologicheskikh resursov lichnosti detej // Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya. – 2020. – T. 9. – № 3A. – S. 123–129.
9. *Chirkov A. M.* Polimodal'naya psihoterapiya asociacii stressovyh i psihicheskikh lichnostnyh rasstrojstv u osuzhdennyh // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. – 2017. – №1. – S. 67–71.
10. *Antonucci T. C.* Social support networks: Hierarchical mapping technique. // Generations. – 1986. – № 10 (4). – P. 10–12.
11. *Boduszek D., Hyland P.* The Theoretical Model of Criminal Social Identity: Psycho-social Perspective // International journal of criminology and sociological theory. – 2011. – № 4. – P. 604–614.
12. *Deakin J., Fox C., Matos R.* Labelled as 'risky' in an era of control: How young people experience and respond to the stigma of criminalized identities // European Journal of Criminology. – 2020. – URL: <https://doi.org/10.1177/1477370820916728>.
13. *Fritz C. O., Morris P. E., Richler J. J.* Effect size estimates: Current use, calculations, and interpretation // Journal of Experimental Psychology: General. – 2012. – 141(1). – P. 2–18. doi:10.1037/a0024338
14. *Lifintsev D. V., Lifintseva A. A., Serykh A. B.* Standardized Methods of Assessment of Individual's Social Network in Social Work and Psychological Practice // Clinical Psychology and Special Education. – 2015. – Vol. 4. – № 4. – Pp. 1–11. doi: 10.17759/psycljn.2015040401. (In Russ., abstr. in Engl.)
15. *McCarty C., Bernard H. R., Killworth P. D., Johnsen E., Shelley G.* Eliciting rep-resentative samples of personal networks // Social Networks. – 1997. – 19 (4). – P. 303–23.
16. *McGoldrick M., Gerson R., Shellenberger S.* Genograms: Assessment and inter-vention. New York: Norton, 1999.
17. *Robins G., Pattison P., Elliott P.* Network models for social influence processes // Psychometrika. – 2001. – 66(2). – 161–189. <https://doi.org/10.1007/BF02294834>.
18. *Turner J.* Re-'homing' the ex-offender: constructing a 'prisoner dyspora' // Area. – 2013. – № 45. – P. 485–492.

Статья поступила в редакцию 30.12.2021; одобрена после рецензирования 23.02.2022; принята к публикации 14.03.2022.

The article was submitted December 30, 2021; approved after reviewing Februar 23, 2022; accepted for publication March 14, 2022.

Научная статья
УДК 159.9
doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-234-240

Татьяна Вячеславна Мальцева
кандидат психологических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0002-0629-7293>, Mtv-psy@mail.ru

*Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125993, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8*

Апробация семантического дифференциала «Оценка собственной жизненной энергии» для руководителей органов внутренних дел

Аннотация: Особенности профессиональной деятельности руководителей органов внутренних дел Российской Федерации (далее – руководителей ОВД) вызывают повышенную нагрузку на процессы функционирования личности, на её продуктивность и эффективность как субъекта труда. Когда руководитель не справляется с текущей профессиональной ситуацией, это приводит к определённому дисбалансу в жизни и деятельности, возникают неразумное для личности и неадекватное в социальном аспекте поведение, поступки и действия, негативное нервно-психическое и соматическое состояние. Следовательно, руководителю ОВД необходим высокий уровень субъективной витальности как внутреннего ресурса личностного и профессионального благополучия. Настоящее исследование было проведено в целях апробации разработанного семантического дифференциала для руководителей ОВД, оценивающего субъективное представление человека о своей жизненной энергии. В разработке семантического дифференциала были задействованы 385 респондентов, из них 41 психолог МВД России, 5 лингвистов, 339 руководителей ОВД. После проведения расчётов психометрической надёжности и факторной структуры данный семантический дифференциал претерпел изменения. Предлагаемые восемь шкал были сокращены до пяти: Действенность, Потенциал, Сбалансированность, Vt-s, Vt-d. С помощью описательной статистики была разработана нормированность показателей.

Ключевые слова: руководитель, витальность, субъективная витальность, семантический дифференциал, психометрическая надёжность, факторная структура

Для цитирования: Мальцева Т. В. Апробация семантического дифференциала «Оценка собственной жизненной энергии» для руководителей органов внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 1 (93). – С. 234–240; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-234-240.

Tatyana V. Maltseva
Cand. Sci. (Psy.), Docent
<https://orcid.org/0000-0002-0629-7293>, Mtv-psy@mail.ru

*Academy of Management of the MIA of Russia
8, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh str., Moscow, 125993, Russian Federation*

Approbation of the semantic differential «Assessment of one's own vital energy» for the heads of internal affairs agencies

Abstract: The features of the professional activity of the heads of the internal affairs agencies of the Russian Federation (hereinafter – heads of police) impose an increased burden on the processes of the functioning of the individuals, their productivity and efficiency as performers of labor. When a leader does not cope with the current professional situation, this leads to a certain imbalance in life, to the unreasonable and inadequate behavior, actions and deeds, to a negative neuropsychic and somatic state. Consequently, the head of police needs a high level of subjective vitality as an internal resource for personal and professional well-being. This study has been carried out in order to test the developed semantic differential for the heads of police, that evaluates a person's subjective idea of their vital energy. 385 respondents took part in the

development of the semantic differential, among them 41 were psychologists of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 5 linguists, 339 heads of police. After the calculations of the psychometric reliability and factor structure, the proposed semantic differential has undergone changes. The proposed eight scales have been reduced to five: Effectiveness, Potential, Balance, Vt-s, Vt-d. With the help of descriptive statistics, the author has developed normalization of indicators

Keywords: leader, vitality, subjective vitality, semantic differential, psychometric reliability, factor structure

For citation: Maltseva T. V. Approbation of the semantic differential «Assessment of one's own vital energy» for the heads of internal affairs agencies // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 1 (93). – P. 234–240; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-234-240.

Введение

Необходимость разработки и апробации психологической методики, диагностирующей уровень жизненной энергии у руководителей ОВД, связана с разработкой психологической концепции их субъективной витальности, в которой субъективная витальность понимается как интегральное образование личности, выражающее её отношение к генезису внутренней энергии и выбору психических ресурсов при затруднениях проявления субъектности в различных сферах жизнедеятельности и во взаимодействии с окружающими ее системами.

Впервые научное обоснование концепции субъективной витальности получила в работе Р. Райана и К. Фредерик в 1997 году [1], впоследствии переведённой и апробированной во многих странах мира. В ней же авторы предложили методику исследования данного феномена. В научных исследованиях [2–10] посредством использования психодиагностического инструментария, предложенного Р. Райаном и К. Фредерик, доказывается положительная взаимосвязь уровня субъективной витальности с соматическим здоровьем, психологическим благополучием и эффективностью профессиональной деятельности. Существует русскоязычный вариант данной методики в верификации Л. А. Александровой [11]. Других методик исследования субъективной витальности в российской психологии не разработано, что и определило необходимость конструирования семантического дифференциала «Оценка собственной жизненной энергии».

Описание исследования. Всего в разработке семантического дифференциала были задействованы 385 респондентов, из них 41 психолог МВД России, 5 лингвистов, 339 руководителей ОВД.

Разработка предлагаемого семантического дифференциала прошла следующие необходимые шаги:

1. На основе психологических запросов руководителей ОВД (26 человек) к психологам МВД России по поводу ощущения снижения жизненной энергии, её нехватки, а также анализа определений энергии из психологической, философской, религиозной и естественнонаучной литературы был выделен первый набор дескрипторов. Второй набор был получен в результате свободного ассоциативного эксперимента с помощью экспертов-психологов (41 человек).

2. В результате анализа полученных дескрипторов был сформирован их первичный набор из наиболее частотных (48 слов и словосочетаний). Данный набор был обработан (классифицирован, подобраны синонимы и пр.) экспертами-лингвистами (5 человек), дополнен необходимыми антонимами и структурирован в первичный вариант семантического дифференциала «Оценка собственной жизненной энергии», включающий 24 дескриптора в паре с антонимом, распределённых по восьми шкалам.

3. Распределение дескрипторов проводилось в соответствии со шкалами, положительные и отрицательные полюса которых распределялись равномерно, чтобы не создавалась ориентация при ответах на один край шкал.

4. Построение матрицы оценки результатов и апробация методики проводились на 313 руководителях ОВД.

Бланк предлагаемой методики представлен в таблице 1.

В предлагаемой методике экспертами-лингвистами после процедуры классификации были предложены шесть шкал: объём, сила, качество, динамика, пространство и взаимодействие. Кроме того, нами были дополнительно объединены в две шкалы все 24 дескриптора по аналогии с методикой Р. Райана и К. Фредерик: vt-s – ситуационная субъективная витальность и vt-d – диспозиционная субъективная витальность.

Результаты и обсуждения

В целях верификации новой методики необходимо было изучить измерительную надёжность выделяемых в методике шкал. Применялся критерий «Альфа» Кронбаха, пригодный для оценки единомоментной надёжности шкал с многоальтернативным форматом ответа на пункт. Результаты приведены в таблице 2, включая значения дисперсий показателей и входящих в них пунктов, используемые при расчёте коэффициента Альфа.

Результаты показывают, что надёжность шкал «объём» и «сила» достигает приемлемого уровня 0,7, согласно Российскому стандарту тестирования персонала [12]. Надёжность шкал «качество», «динамика», «пространство» и «взаимодействие» достигает уровня 0,6, приемлемого для применения шкал только в исследовательских целях. Высокий уровень надёжности (свыше 0,8) достигается только у интегральных

показателей «ситуационная субъективная витальность» и «диспозиционная субъективная витальность», а также у общей суммы баллов по всем пунктам опросника.

Далее предстояло проверить соответствие эмпирической факторной структуры опросника выделяемым в нём шкалам. Факторная структура изучалась методом главных компонент с вращением факторных осей методом varimax normalized. Выяснилось, что выделяется не более 3 факторов, объясняющих суммарно 67 % дисперсии ответов.

Полученные факторные нагрузки пунктов представлены в таблице 3.

Факторная структура при выделении ортогональных (независимых, без применения процедуры вращения) факторов не поддаётся содержательно внятной интерпретации. Высокие факторные нагрузки половины пунктов прихо-

дятся на первый фактор; эти пункты изначально отнесены к различным шкалам методики. В то же время, например, п. 1 и 7 получили наибольшие нагрузки в разных факторах (соответственно 1 и 2), будучи отнесены к одной шкале «Объём».

Фактически методика показывает себя как двухфакторная, т. к. в третьем факторе переменные имеют малую нагрузку, у него в целом мала объяснительная сила, ни одна переменная не имеет в нём существенно большей нагрузки, чем в других факторах, а содержательно его трудно ясно интерпретировать.

Дальнейшее применение вращения факторных осей позволило внести некоторые уточнения в описание факторной структуры методики (таблица 4). В последнем случае факторы имеют ненулевые корреляции между собой, т. е. не являются ортогональными. Корреляции между ними представлены в таблице 5.

Таблица 1

Бланк семантического дифференциала «Оценка собственной жизненной энергии»

А	Я ясно понял(а) инструкцию	3	2	1	0	1	2	3	Я не понял(а) инструкцию
Б	Я готов(а) отвечать на каждый вопрос так искренне, как только возможно	3	2	1	0	1	2	3	Я не готов(а) отвечать на каждый вопрос так искренне, как только возможно
Видимо, моя жизненная энергия...									
1	маленькая	3	2	1	0	1	2	3	огромная
2	сильная	3	2	1	0	1	2	3	слабая
3	порушенная	3	2	1	0	1	2	3	сохранная
4	расходуется	3	2	1	0	1	2	3	накапливается
5	опускается на нижний уровень	3	2	1	0	1	2	3	поднимается на верхний уровень
6	сейчас переполняет меня	3	2	1	0	1	2	3	сейчас недостаточна для меня
7	безграничная	3	2	1	0	1	2	3	ограниченная
8	богатырская	3	2	1	0	1	2	3	ничтожная
9	пассивная	3	2	1	0	1	2	3	активная
10	разрушается	3	2	1	0	1	2	3	восстанавливается
11	сейчас соединена со мною	3	2	1	0	1	2	3	сейчас разделена со мною
12	сейчас мне помогает	3	2	1	0	1	2	3	сейчас мне препятствует
13	часто опустошённая	3	2	1	0	1	2	3	всегда полная
14	часто немощная	3	2	1	0	1	2	3	обычно мощная
15	все время автономная	3	2	1	0	1	2	3	всегда зависимая
16	развивается	3	2	1	0	1	2	3	постоянная
17	обычно другими не замечаемая	3	2	1	0	1	2	3	всегда заметна другим
18	всегда в гармонии со мною	3	2	1	0	1	2	3	всегда дисгармонична мне
19	невосполнимая	3	2	1	0	1	2	3	неиссякаемая
20	всегда ослабленная	3	2	1	0	1	2	3	всегда усиленная
21	всегда целостная	3	2	1	0	1	2	3	обычно раздробленная
22	равномерная	3	2	1	0	1	2	3	импульсивная
23	всегда ровно распределена	3	2	1	0	1	2	3	постоянно перераспределяется
24	всегда стихийная	3	2	1	0	1	2	3	всегда мною управляемая

Расчёт критерия «Альфа» Кронбаха

Показатели	Дисперсии сумм	Суммы дисперсий	Альфа
объём	25,60	11,42	0,739
сила	17,35	7,84	0,731
качество	16,72	8,95	0,619
динамика	18,33	10,04	0,604
пространство	17,71	9,73	0,601
взаимодействие	13,17	6,91	0,634
vt-s	146,81	27,69	0,885
vt-d	140,18	27,19	0,879
Общая сумма	539,34	54,88	0,937

Таблица 3

Метод главных компонент (без вращения)

Вопрос	Factor1	Factor2	Factor3
1. Маленькая / Огромная	0,74	-0,29	-0,02
2. Сильная / Слабая	0,44	0,42	-0,07
3. Порухенная / Сохранная	0,83	-0,34	-0,01
4. Расходуется / Накапливается	0,77	-0,20	-0,02
5. Опускается на нижний уровень / Поднимается на верхний уровень	0,85	-0,23	-0,12
6. Сейчас переполняет меня / Сейчас недостаточна для меня	0,34	0,63	-0,32
7. Безграничная / Ограниченная	0,28	0,64	-0,44
8. Богатырская / Ничтожная	0,48	0,62	-0,21
9. Пассивная / Активная	0,84	-0,29	-0,07
10. Разрушается / Восстанавливается	0,87	-0,25	-0,10
11. Сейчас соединена со мною / Сейчас разделена со мною	0,48	0,55	-0,05
12. Сейчас мне помогает / Сейчас мне препятствует	0,54	0,53	0,01
13. Часто опустошенная / Всегда полная	0,89	-0,24	0,04
14. Часто немощная / Обычно мощная	0,89	-0,27	0,05
15. Все время автономная / Всегда зависимая	0,25	0,54	-0,19
16. Развивается / Постоянная	0,30	0,51	-0,24
17. Обычно другими не замечаемая / Всегда заметна другим	0,77	-0,32	-0,07
18. Всегда в гармонии со мною / Всегда дисгармонична мне	0,55	0,57	0,21
19. Невосполнимая / Неиссякаемая	0,85	-0,30	0,02
20. Всегда ослабленная / Всегда усиленная	0,87	-0,27	0,09
21. Всегда целостная / Обычно раздробленная	0,55	0,59	0,32
22. Равномерная / Импульсивная	0,27	0,65	0,47
23. Всегда ровно распределена / Постоянно перераспределяется	0,29	0,63	0,41
24. Всегда стихийная / Всегда мною управляемая	0,83	-0,27	0,15
Exp1.Var (объяснительная сила фактора)	10,39	4,89	1,04
Prp.Tot1 (Процент объясняемой вариации признаков)	0,43	0,20	0,04

Примечание: выделены значимые показатели.

Метод главных компонент (вращение осей методом varimax normalized)

Вопрос	Factor1	Factor2	Factor3
1. Маленькая / Огромная	0,80	0,06	0,03
2. Сильная / Слабая	0,21	0,50	0,27
3. Порухенная / Сохранная	0,90	0,05	0,04
4. Расходуется / Накапливается	0,78	0,13	0,08
5. Опускается на нижний уровень / Поднимается на верхний уровень	0,87	0,20	-0,01
6. Сейчас переполняет меня / Сейчас недостаточна для меня	0,04	0,77	0,15
7. Безграничная / Ограниченная	-0,02	0,85	0,04
8. Богатырская / Ничтожная	0,16	0,75	0,26
9. Пассивная / Активная	0,88	0,12	0,01
10. Разрушается / Восстанавливается	0,89	0,18	0,02
11. Сейчас соединена со мною / Сейчас разделена со мною	0,20	0,61	0,36
12. Сейчас мне помогает / Сейчас мне препятствует	0,26	0,58	0,42
13. Часто опустошенная / Всегда полная	0,90	0,11	0,13
14. Часто немощная / Обычно мощная	0,91	0,09	0,13
15. Все время автономная / Всегда зависимая	-0,004	0,59	0,18
16. Развивается / Постоянная	0,05	0,62	0,13
17. Обычно другими не замечаемая / Всегда заметна другим	0,84	0,07	-0,03
18. Всегда в гармонии со мною / Всегда дисгармонична мне	0,24	0,50	0,60
19. Невосполнимая / Неиссякаемая	0,89	0,07	0,08
20. Всегда ослабленная / Всегда усиленная	0,90	0,06	0,14
21. Всегда целостная / Обычно раздробленная	0,23	0,45	0,70
22. Равномерная / Импульсивная	-0,05	0,31	0,79
23. Всегда ровно распределена / Постоянно перераспределяется	-0,02	0,34	0,73
24. Всегда стихийная / Всегда мною управляемая	0,86	0,01	0,20
Expl. Var (объяснительная сила фактора)	9,35	4,34	2,64
Prp. Totl (Процент объясняемой вариации признаков)	0,39	0,18	0,11

Примечание: выделены значимые показатели.

Таблица 5

Взаимосвязь факторов

Факторы в виде шкал	Дисперсии сумм	Суммы дисперсий	Альфа
Шкала 1 «Действенность»	342,10	37,24	0,97
Шкала 2 «Потенциал»	46,62	11,87	0,87
Шкала 3 «Сбалансированность»	15,29	5,77	0,78

Результат свидетельствует о том, что исходное выделение шкал не соответствует эмпирической факторной структуре методики. В полученных факторах получают высокие нагрузки как близкие, так и несколько различающиеся по содержанию пункты.

Фактор 1 фактически объединяет по смыслу традиционные для семантического дифференциала «Силу» и «Активность», является интегральной динамической характеристикой оцениваемого объекта / явления.

Фактор 2 включает как характеристики «Объёма», так и «Близости», а также полезности, функциональности.

Фактор 3 после проведения процедуры вращения осей содержательно определен более чётко как равномерность, некая сбалансированность проявления жизненной силы.

На основе факторного анализа возможно выделение новых шкал, которым присваиваются наименования, отражающие (хотя и не исчерпывающим образом) преобладающую направленность входящих в них пунктов.

Шкала 1 (на основе Фактора 1) «Действенность» (насколько жизненная энергия реально «работает», влияет на жизнедеятельность индивида). Включает 12 пунктов:

1. Маленькая / Огромная
3. Порухенная / Сохранная
4. Расходуется / Накапливается
5. Опускается на нижний уровень / Поднимается на верхний уровень
9. Пассивная / Активная

10. Разрушается / Восстанавливается
 13. Часто опустошенная / Всегда полная
 14. Часто немощная / Обычно мощная
 17. Обычно другими не замечаемая / Всегда заметна другим
 19. Невосполнимая / Неиссякаемая
 20. Всегда ослабленная / Всегда усиленная
 24. Всегда стихийная / Всегда мною управляемая

Шкала 2 (на основе Фактора 2) «Потенциал» (отражает масштабы, отчасти – мощность жизненной энергии). Включает 8 пунктов:

2. Сильная / Слабая
 6. Сейчас переполняет меня / Сейчас недостаточно для меня
 7. Безграничная / Ограниченная
 8. Богатырская / Ничтожная
 11. Сейчас соединена со мною / Сейчас разделена со мною
 12. Сейчас мне помогает / Сейчас мне препятствует
 15. Все время автономная / Всегда зависимая
 16. Развивается / Постоянная

Шкала 3 (на основе Фактора 3) «Сбалансированность» (отражает гармонию, сбалансированность проявлений жизненной энергии). Включает 4 пункта:

18. Всегда в гармонии со мною / Всегда дисгармонична мне
 21. Всегда целостная / Обычно раздробленная
 22. Равномерная / Импульсивная
 23. Всегда ровно распределена / Постоянно перераспределяется

Далее была оценена единомоментная надёжность вновь полученных шкал аналогично описанному выше. Результаты представлены в таблице 6.

Таблица 6

Расчёт критерия «Альфа» Кронбаха

	1	2	3
1	1	0,284	0,246
2	0,284	1	0,755
3	0,246	0,755	1

Таким образом, вновь образованные шкалы обладают высокой измерительной надёжностью, а Шкала 1 – даже избыточной (близкой к 1), что показывает наличие в ней пунктов, распределение ответов на которые является слишком похожим, т. е. часть пунктов можно изъять из шкалы без ущерба для её информативности в отношении измерительного описания изучаемого явления.

Группировка шкал по показателям «Ситуационная субъективная витальность» (vt-s) и «Диспозиционная субъективная витальность» (vt-d) выглядит следующим образом:

- «Ситуационная субъективная витальность»: 1) маленькая / огромная, 2) сильная / сла-

бая, 3) порушенная / сохранный, 4) расходуется / накапливается, 5) опускается на нижний уровень / поднимается на верхний уровень, 6) сейчас переполняет меня / сейчас недостаточно для меня, 7) безграничная / ограниченная, 8) богатырская / ничтожная, 9) пассивная / активная, 10) разрушается / восстанавливается 11) сейчас соединена со мною / сейчас разделена со мною, 12) сейчас мне помогает / сейчас мне препятствует;

– «Диспозиционная субъективная витальность»: 13) часто опустошенная / всегда полная, 14) часто немощная / обычно мощная, 15) всё время автономная / всегда зависимая, 16) развивается / постоянная, 17) обычно другими не замечаемая / всегда заметна другим, 18) всегда в гармонии со мною / всегда дисгармонична мне, 19) невозполнимая / неиссякаемая, 20) всегда ослабленная / всегда усиленная, 21) всегда целостная / обычно раздробленная, 22) равномерная / импульсивная, 23) всегда ровно распределена / постоянно перераспределяется, 24) всегда стихийная / всегда мною управляемая.

Вывод

Предлагаемый семантический дифференциал прошёл процедуру апробации и верификации, однако предлагаемые шкалы после факторного анализа претерпели изменения. Вместо предполагавшихся восьми мы выделили пять шкал: «Действенность», «Потенциал», «Сбалансированность», «Ситуационная субъективная витальность», «Диспозиционная субъективная витальность». Конструктивная валидность предложенного бланка детерминирована соблюдением структуры семантической оценки. С помощью описательной статистики была разработана нормированность показателей.

В дальнейшем возможно внесение небольших изменений в итоговый бланк семантического дифференциала «Оценка собственной жизненной энергии», например, сокращение дескрипторов по шкале «Действенность».

Разработанный семантический дифференциал направлен не только на оценку уровня витальной энергии руководителя ОВД, но и на оценку качественных составляющих этого феномена. Это позволит не только диагностировать проблемную зону снижения витальности, но и определить мишень психологического воздействия при оказании психологической помощи в случае нехватки жизненных сил и подобрать необходимый коррекционный инструментарий, способствующий накоплению витальной энергии руководителем ОВД, её восстановлению, гармонизации, либо обучению целенаправленности в расходовании или сосредоточении на определённых целях, либо коррективки восприятия возникающих в профессиональной деятельности ситуаций, либо в проработке личностных конструктов.

Список литературы

1. Ryan R. M., Frederick C. On Energy, Personality, and Health : Subjective Vitality as a Dynamic Reflection of Well-Being // Journal of Personality. – 1997. – V. 65. – № 3. – P. 530. doi:10.1111/j. 1467-6494.1997.tb00326.x.

2. *Александрова Л. А.* Субъективная витальность как личностный ресурс // Психологические исследования : электронный научный журнал. – 2011. – № 3. – URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2011n3-17/492-aleksandrova17> (дата обращения: 20.02.2022).
3. *Ананьев В. А.* Основы психологии здоровья. Кн. 1: Концептуальные основы психологии здоровья. – Санкт-Петербург: Речь, 2006. – 384 с.
4. *Бонивелл И.* Ключи к благополучию: Что может позитивная психология. – Москва: Время, 2009. – 188 с.
5. *Денисова Н. А.* О природе жизненной энергии : монография. – Москва: Мир науки, 2016. – 64 с.
6. *Станковская Е. Б., Обидина О. Е.* Субъективная витальность как ресурс профессиональной деятельности психологов-консультантов: сравнительное исследование представителей различных психотерапевтических школ // Мир психологии. – 2016. – № 4 (88). – С. 236–246.
7. *Bolger N., DeLongis A., Kessler R. C., Schilling E. A.* Effects of daily stress on negative mood // Journal of Personality and Social Psychology. – 1989. – V. 57. – P. 808–818.
8. *DeLongis A., Folkman S., Lazarus R.* The impact of daily stress on health and mood: Psychological and social resources as mediators // Journal of Personality and Social Psychology. – 1988. – V. 54. – P. 486–495.
9. *Emmons R.* Personal strivings, daily life events, and psychological and physical well-being // Journal of Personality. – 1991. – V. 59. – P. 453–472.
10. *Watson D.* Intraindividual and interindividual analyses of positive and negative affect: Their relation to health complaints, perceived stress, and daily activities // Journal of Personality and Social Psychology. – 1988. – V. 54. – P. 1020–1030.
11. *Александрова Л. А.* Субъективная витальность как предмет исследования // Психология : журнал Высшей школы экономики. – 2014. – Т. 11. – № 1. – С. 133–163.
12. *Батурич Н. А., Вучетич Е. В., Костромина С. Н., Кукаркин Б. А., Куприянов Е. А., Лурье Е. В., Митина О. В., Наumenko А. С., Орел Е. А., Поletaева Ю. С., Попов А. Ю., Потapкин А. А., Симоненко С. И., Синицына Ю. Д., Шмелев А. Г.* Российский стандарт тестирования персонала (временная версия, созданная для широкого обсуждения в 2015 году) // Организационная психология. – 2015. – Т. 5. – № 2. – С. 67–137.

References

1. *Ryan R. M., Frederick C.* On Energy, Personality, and Health : Subjective Vitality as a Dynamic Reflection of Well-Being // Journal of Personality. – 1997. – V. 65. – № 3. – P. 530. doi:10.1111/j.1467-6494.1997.tb00326.x.2.
2. *Aleksandrova L. A.* Sub»yektivnaya vital'nost' kak lichnostnyy resurs // Psikhologicheskiye issledovaniya: elektron. nauch. zhurn. – 2011. – № 3. – URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2011n3-17/492-aleksandrova17> (data obrashcheniya: 20.02.2022).
3. *Anan'yev V. A.* Osnovy psikhologii zdorov'ya. Kn. 1: Kontseptual'nyye osnovy psikhologii zdorov'ya. – Sankt-Peterburg: Rech', 2006. – 384 s.
4. *Bonivell I.* Klyuchi k blagopoluchiyu: Chto mozhet pozitivnaya psikhologiya. – Moskva: Vremya, 2009. – 188 s.
5. *Denisova N. A.* O prirode zhiznennoy energii: monografiya. – Moskva: Mir nauki, 2016. – 64 s.
6. *Stankovskaya Ye. B., Obidina O. Ye.* Sub»yektivnaya vital'nost' kak resurs professional'noy deyatel'nosti psikhologov-konsul'tantov: sravnitel'noye issledovaniye predstaviteley razlichnykh psikhoterapevticheskikh shkol // Mir psikhologii. – 2016. – № 4 (88). – S. 236–246.
7. *Bolger N., DeLongis A., Kessler R. C., Schilling E. A.* Effects of daily stress on negative mood // Journal of Personality and Social Psychology. – 1989. – V. 57. – P. 808–818.
8. *DeLongis A., Folkman S., Lazarus R.* The impact of daily stress on health and mood: Psychological and social resources as mediators // Journal of Personality and Social Psychology. – 1988. – V. 54. – P. 486–495.
9. *Emmons R.* Personal strivings, daily life events, and psychological and physical well-being // Journal of Personality. – 1991. – V. 59. – P. 453–472.
10. *Watson D.* Intraindividual and interindividual analyses of positive and negative affect: Their relation to health complaints, perceived stress, and daily activities // Journal of Personality and Social Psychology. – 1988. – V. 54. – P. 1020–1030.
11. *Aleksandrova L. A.* Sub»yektivnaya vital'nost' kak predmet issledovaniya // Psikhologiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki. – 2014. – Т. 11. – № 1. – S. 133–163.
12. *Baturin N. A., Vuchetich Ye. V., Kostromina S. N., Kukarkin B. A., Kupriyanov Ye. A., Lur'ye Ye. V., Mitina O. V., Naumenko A. S., Orel Ye. A., Poletayeva Yu. S., Popov A. Yu., Potapkin A. A., Simonenko S. I., Sinitsyna Yu. D., Shmelev A. G.* Rossiyskiy standart testirovaniya personala (vremennaya versiya, sozdannaya dlya shirokogo obsuzhdeniya v 2015 godu) // Organizatsionnaya psikhologiya. – 2015. – Т. 5. – № 2. – S. 67–137.

Статья поступила в редакцию 29.12.2021; одобрена после рецензирования 01.03.2021; принята к публикации 11.03.2022.

The article was submitted December 29, 2021; approved after reviewing March 01, 2022; accepted for publication March 11, 2022.